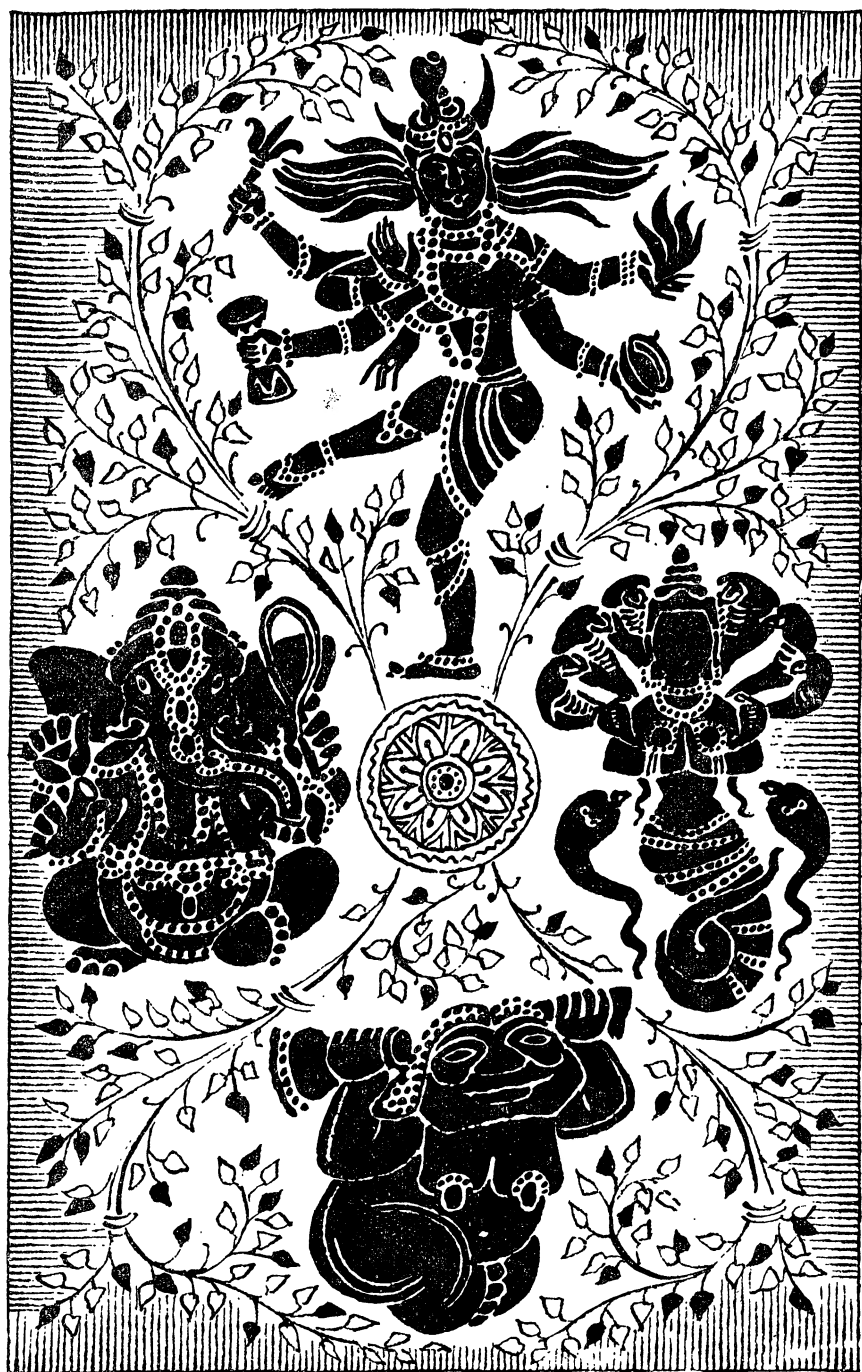

Солмадеван
ОКЕАН ОКАЗАНИИ

...большое и несравненное
сказание о рождении,
жизни,
подвигах и торжестве
славною царевича
НАРАВАХАНАДАТЪ
сына
благотворительного царя Удайна

В О Т .
сочиненный многомудрым Симаевоу

ОКЕАН СКАЗАНИЙ

в волнах которого скрыто
вещное и многообразие забавных
и поучительных рассказов о БОГАХ
и КРАСАВИЦАХ, о хитроумных
плотниках и отважных морепла-
вателях, АЛХИМИКАХ
и ВОЛШЕБНИКАХ, о воздушных кораблях
и всеограждающем оружии
о великой битве между асурами,
стоящими ЗА ПРАВДУ,
и богами, неправедно с ними бывшими,
о суде ПРАВОМ и НЕПРАВОМ,
о уроках и путешествниках,
о колдунах и ведьмах, о разбойнике,
обманувшем самого БОГА СМЕРТИ,
О ЛЮБВИ
не знающей высоты и низкости,
а также немало других
волнующих душу и занимающих ум

ПОВЕЕСТВОВАНИЙ
и особенно важное, объединяющее
все прочее ВЕЛИКОЕ и НЕСРАВНИ-
МОЕ СКАЗАНИЕ о рождении
жизни, подвигах и торжестве
славного царевича НАРАВАХАДАТЫ
сына

БЛИСТАТЕЛЬНОГО
ЦАРЯ УДАЯНЫ

Соматова Океан Сказаний

Избранные повести
и рассказы

Издательство • НАУКА
Главная редакция
Восточной литературы
Москва
1982

И (Инд)

С 61

*Перевод с санскрита,
послесловие, примечания и глоссарий*

И. Д. СЕРЕБРЯКОВА

Ответственный редактор

В. Г. ЭРМАН

Художник

А. Т. ЯКОВЛЕВ

ЧИТАТЕЛЮ — ПЕРЕВОДЧИК

Синеватая чернь, усеянная серебряными блестками спокойно горящих звезд, и мороз ниже девяноста градусов Цельсия наполняют пространство за овалом иллюминатора. Мы летим в Индию на могучей машине, мощь которой измеряется десятками тысяч лошадиных сил. Пройдет два-три часа, и мы ступим на землю страны, овеянной очарованием сказок и легенд, знакомых с детских лет и живущих в нашем сознании и сейчас. А пока за иллюминатором сквозь черноту пространства чуть заметно прорисовывается громадная дуга. Она становится все ярче и ярче, пока не взбухает на вершине огненной горошиной, разливающей свое сияние по всей дуге. Наконец горошина отрывается и обращается в лучезарное солнце, а чернь — в синеву невероятной глубины, изумрудно-голубой простор океана, испещренный белыми гребешками, пересеченный желто-песчаной каймой побережья, за которой расстилается расчерченная на квадратики полей громадная равнина, пропитая серебристыми нитями рек и усеянная сверкающими зеркальцами озер.

Для наших современников, мчащихся в космическом корабле, весь Южноазиатский субконтинент открывается целиком, омываемый водами Аравийского моря и Бенгальского залива, от мыса Коморин до снежно-белых и льдисто-зеленоватых Гималаев. Днем он предстает перед ними в голубой дымке, окутывающей и поля, и горы, и долины, а ночью над ним вспыхивают зарницы и светятся золотые улья городов.

Таким видим этот грандиозный субконтинент мы, люди конца XX столетия.

В далеком прошлом народов этой части планеты были мудрецы, пытавшиеся не только составить общую картину мироздания, но и вписать в нее свой родной край и увидеть ее хотя бы в воображении. Великий индийский поэт Калидаса посмотрел на родную страну с высоты, на которой извечно плывут в положенное время облака, возвещающие приход благодатных дождей. Миновало шесть веков, и его собрат, другой великий индийский поэт, Сомадева, нарисовал грандиозный портрет своей страны во всем богатстве ее природы и величии ее народов, во всей беспощадности стихий и яростных столкновений страстей, в потоке повседневности и в дни потрясений, в мирной жизни и в превратностях войн, в интригах богов и в столкновениях царей, в ослеплении веры и в торжестве разума. Портрет этот — умная и занимательная книга «Океан сказаний», запечатлевшая черты народа, создавшего неуязвимое чудо великой цивилизации, над которой бессильно время, так же как бессильно оно перед нержавеющей железной колонной в Дели, полторы тысячи лет возвещающей миру могущество союза мысли, труда и искусства.

Вчитайся, друг-читатель, пристальней в повести и рассказы из «Океана сказаний», и они откроют тебе многое в облике и культуре народов субконтинента, которым принадлежит важная роль и в прошлом, и в настоящем, и в будущем нашей голубой планеты.

КНИГА О РОЖДЕНИИ «ВЕЛИКОГО СКАЗА»

ВОЛНА ПЕРВАЯ

Да принесет вам счастье темно-синяя шея Шамбху! Когда льнет к груди своего супруга Парвати, то обвивает она его шею любящими взглядами, словно петлей!

Да хранит вас Сокрушитель препятствий! Когда на рассвете он в упоении пляшет и сметает хоботом звезды с небесной тверди, кажется, будто от брызг, вылетающих из его рта при ликующих криках, рождаются новые звезды.

Почтив богиню речи, озаряющую, словно светильником, все сущее, я приступаю к сочинению, в котором будет подробно изложено самое главное в «Великом сказе».

Вот сейчас я пишу «Книгу о рождении „Великого сказа“», затем пойдет «Начало рассказа», а потом будет «Книга о случившемся в Лаванаке», последует за ней «Рождение Нараваханадаты», после которой — «Книга о четырех девушках», шестой будет «Книга о Маданаманчуке», седьмой — «Книга о Ратнапрабхе»,

восьмой — «Книга о Сурьяпрабхе». За нею последует «Книга об Аланкаравати», далее — «Книга о Шактияше», и наступит время для «Книги о Веле», вслед «Книге о Шашанкавати» и «Книге о Мадиравати» будет написана «Книга о великом помазании». Пятнадцатой станет «Книга о пяти девушках», шестнадцатой — «Книга о Суратаманджари», семнадцатой — «Книга о Падмавати», а восемнадцатой и последней — «Книга о Вишамашиле».

Все, что содержится в «Великом сказе», сохранил я в своем сочинении, и нет в нем даже малейших отступлений — только слишком пространные рассказы сделал короче, да к тому же и написал я на другом языке: средоточие добродетелей Гунадхья писал на пайшачи, а мое сказание написано на санскрите. По мере сил следовал я правилу уместности и стремился так строить повествование, чтобы не нарушить прелести «Великого сказа». Не в погоне за славой ученого, но лишь ради того, чтобы легче было постичь хитросплетения различных рассказов и повестей, взялся я написать эту книгу.

Рассказ о гневе Парвати

Издавна прославлен царь гор Хималай, повелитель могучих горных хребтов, на склонах которых обитают киннары, гандхарвы и видьядхары. Так безгранично его величие, что даже Парвати, прародительница трех миров, за честь почла стать его дочерью.

На севере Хималая стоит прославленная гора Кайласа, распростершаяся на многие тысячи йоджан. Гордится она своей белизной перед Мандарой, словно насмехаясь над ней, не обретшей белизны амриты, хотя и плескалась в Молочном океане. Живет на Кайласе повелитель всего живого и неживого, окруженный сонмом ганов, сиддхов и видьядхаров, могучий властелин Махешвара, великий бог Шива со своей супругой Парвати.

В его хитросплетенных, высоко уложенных, отливающих золотом волосах, озаряя вершину горы Восхода, медно-красную в вечерних сумерках, поднимается юный месяц. Когда Шива вонзил свой трезубец в сердце лишь одного асуры Андхаки — странное дело! — в тот самый миг из сердца каждого обитателя трех миров* было вырвано жало страха. В бриллиантах, украшающих головы богов и асуров, отражается блеск ногтей на ногах Шивы, и кажется от этого, что он награждает их всех своим собственным полумесяцем.

Однажды его супруга Бхавани, милая ему, как сама жизнь, приблизилась к мужу, когда сидел он в одиночестве, и, приласкавшись, осыпала его восхвалениями.

Обрадованный словами супруги, Увенчаный полумесяцем посадил ее к себе на колени и спросил: «Скажи, любимая, чем мне

* Здесь и далее см. Примечания перед Глоссарием.

тебя порадовать?» И ответила дочь Хималая: «Если ты доволен мною, повелитель, то Расскажи, супруг мой, какую-нибудь интересную, но только совсем новую историю». — «Да разве есть во всем мире, в прошлом, настоящем или будущем что-нибудь, чего бы ты не знала?!» — промолвил Шарва. Но она снова и снова просила рассказать ей что-нибудь интересное — ведь у ревнивых женщин душа всегда радуется супружеской ласке. И, видя, как хочется ей послушать рассказ, он поведал небольшую историю о ней самой:

«Было так, что Брахма и Нараяна, захотев меня повидать, прошли всю землю и пришли наконец к подножию Хималая. Увидев лингам, превеликий, огненный, уходящий в небо, захотели они добраться до его вершины, становясь друг другу на плечи. Не смогли они выполнить то, что задумали, но своим подвижничеством обрадовали меня. Тогда, явившись перед их очами, сказал я: „Просите награды“. Первым заговорил Брахма: „Будь мне сыном, повелитель!“ Проявив такую заносчивость, добился он лишь того, что никто не приносит ему жертв, никто не почитает его. После этого попросил награды Нараяна: „О повелитель, сделай так, чтобы я всегда мог тебе служить!“ Вот тогда-то он родился в твоём облике и стал в нём половиной меня самого. Могуч я, а в тебе моя сила, моя мощь, в тебе сам Нараяна. К тому же ты — моя супруга в первом рождении*».

Рассказал все это Шанкара, и тогда Парвати снова попросила его: «Поведай мне, как я была твоей женой в первом рождении».

Ответил ей Бхарга: «Во времена давние, жена, создал Праджapati Дакша тебя и многих других дев. Тебя он отдал мне, а других роздал Дхарме и другим богам. Однажды собрался он устроить жертвоприношение и созвал на церемонию всех зятёв, а меня звать не стал. Тогда ты его спросила: „Скажи, отец, почему не позвал ты моего супруга?“ А Дакша ответил на это: „Можно ли пригласить твоего мужа? С гирляндой черепов на шее, нечист он“. Словно яд влили его слова в твои уши. „О, горе мне! — воскликнула ты. — Зачем мне жить?“ Тогда покинула ты, любимая, свою земную оболочку. И, потрясённый твоей смертью, погубил я жертвоприношение Дакши, ты же возродилась в семье Хималая, подобная луне, рожденной океаном.

Отправился я в одетые льдом горы совершать отшельнические подвиги. Вспомни, что отец твой повелел тебе прислуживать мне, как гостю. Между тем небожители подослали ко мне Каму, бога любви, ибо хотелось им, чтобы зачал я сына, способного сразить демона Тараку. Усилием воли обратил я Каму в пепел. Но ты, упорная, покорила меня своими тяжкими подвигами, и, дабы не остались они бесплодными, подчинился я твоему желанию, любимая. Вот так-то и оказалась ты в этом рождении моей супругой».

Умолк Шамбху, а рассерженная жена так сказала ему:

«Обманщик! Не хочешь ты рассказать мне ничего интересного.

Ты думаешь, будто не знаю я, что ты то с Гангой носишься, то Сандхье угоджаешь?»

Услышав такое, поспешил Хара согласиться, и тогда позабыла она свой гнев, сама распорядилась: «Чтобы никто сюда не входил!», а Хара, повелев быку Нандину стоять на страже, начал рассказ.

«Всегда счастливо живут боги, люди же всегда несчастны. Из-за тягот и нужды людская жизнь не может быть интересной, а потому расскажу я тебе о жизни видьядхаров, в которых слилась и человеческая и божественная природа». Едва Хара начал свое повествование, пришел к покоям его любимец Пушпаданта, лучший из ганов. И сколько ни останавливал его бык Нандин, он, стораю от любопытства, почему бы это ему, любимому, нельзя было войти, все равно желал узнать, что происходит в покоях Шивы. Став благодаря своей волшебной силе незримым, он проник туда и услышал все, что Хара рассказывал супруге о необычайной жизни семи видьядхаров. И вот эту-то историю он подробно пересказал своей жене Джае. Та же, когда на заре проснулась дочь Хималая, пошла к ней и, переполненная всем, что услышала от мужа, рассказала ей о похождениях семи видьядхаров. С чего бы женщине сдерживать свой язык!

Разъярилась Парвати: «Рассказал ты мне старую историю! Ее даже Джая знает!» Задумался Шива и после долгих размышлений догадался, кто виновник, ибо ничто в мире не скрыто от повелителя жизни. «Это Пушпаданта благодаря волшебной силе сумел пробраться в наш покой и все подслушал! Разве мог рассказать Джае кто-нибудь другой, кроме него?» — воскликнул он.

И тогда гневная богиня вскричала: «Будешь, Пушпаданта, жить среди смертных!» Вступился за него гана Мальяван, но и его она обрекла на жизнь среди людей. Распростершись перед Парвати, ганы вместе с Джаей умоляли простить их, и тогда супруга Шарвы сказала им: «В горах Виндхья, покрытых лесом, живет якша Супратика, обреченный проклятием пребывать в образе пишачи, зовут его Канабути. Лишь тогда, когда ты, Пушпаданта, встретишься с Канабути и расскажешь ему подслушанную историю, кончится сила проклятия. Когда же ты, Мальяван, услышишь от Канабути всю эту повесть, то проклятие спадет с вас обоих». Сказав это, умолкла дочь владыки гор, и оба ганы исчезли с быстротой молнии, словно бы их и не было.

Но потом раскаялась Гаури и спросила у Шанкары: «Скажи мне, супруг мой, где те двое несчастных, мною проклятых, снова родятся?» И ответил ей Украшенный серпом полумесяца: «Есть, прекрасная, великий город Каушамби, и в нем Пушпаданта родится под именем Вараручи, а гана Мальяван будет рожден в городе Супратиштхите и назовут его Гунадхья. Вот что с ними будет». Так в беседке из лиан на склоне Кайласы утешал Вибху Парвати, рассерженную слугами, что не проявили должного послушания.

Рассказывают, что Пушпадантa обрел тело смертного человека в облике Вараручи, которого звали также Катьяяной. Достигнув высшего предела в науках, стал он министром царя Нанды. Однажды, впав в уныние, отправился он поклониться богине, живущей в горах Виндхья. Умилостивленная его подвигами, богиня явилась ему во сне, и пошел он по ее совету в Виндхийский лес разыскивать Канабхути. Блуждая в глухих дебрях, полных тигров и обезьян, безводных, изобилующих иссохшими деревьями, нашел он там высокий и раскидистый баньян. Неподалеку от баньяна сидел пишача, могучий, словно дерево сала, окруженный множеством других пишачей. Это и был Канабхути.

Канабхути же, увидев Катьяяну, склонился пред ним и взял прах от его стоп. Катьяяна спросил его: «О Канабхути, как случилось, что ты, всегда столь добродетельный, попал в такое бедственное состояние?» Услышав это, Канабхути так ответил ему, проявившему участие: «Сам я того не знаю, почтенный, но выслушай, что довелось мне узнать из уст живущих в городе Удджайини, на месте сожжения трупов.

Почему Шива любит кладбища и черепа?

Слушай же! Спросила однажды Парвати у Шивы: „Скажи, повелитель, откуда у тебя такое пристрастие к кладбищам и черепам?“ Отвечал ей Шива: „В давние времена случилось так, что всю землю покрыла вода и не было ничего живого. Тогда разрезал я себе бедро, и капля крови моей упала в мировой океан. Попав в воду, та капля сделалась яйцом, и, когда оно лопнуло, вышел наружу некий муж, и, как только он появился, создал я для него Праkritи, а от них потом пошли Праджапати и начался людской род. Оттого во всем мире зовут этого мужа Питамахой — Великим Отцом. Когда сотворил он живых и неживых, одолела Питамаху гордыня: „Вот, мол, сколь великое дело я совершил!“ За это и отсекаю я ему голову.

Горько раскаивался я в совершенном и принял великий обет носить гирлянду из черепов и жить на кладбище — вот откуда моя привязанность к ним. Есть, о богиня, еще и другая причина: когда беру я череп в руку, будто весь мир в ней держу! Яйцо, о котором я тебе рассказал, и череп, который у меня в руке, зовутся землею и небом“.

Умолк Шамбху, а богиня подумала: „Пусть он еще мне что-нибудь расскажет. Ведь интересно!“ — и спросила: „Когда же вернется к нам Пушпадантa?“ Выслушав вопрос, рассказал ей великий бог такую историю: „Жил некогда якша, слуга Вайшраваны, и подружился он с ракшасом Стхулаширасом. Узнав об их дружбе, разгневался Властитель богатств и обрек своего слугу на ски-

тания в Виндхийском лесу в образе пишачи. Тогда Диргхаджангха, брат якши, распростершись перед Куберой, стал упрашивать его отменить проклятие, но Повелитель сокровищ ответил: „Когда твой брат услышит Великий сказ из уст Пушпаданты, обреченного родиться человеком, и перескажет его Мальявану, то они оба избавятся от проклятий“. Так Властитель богатств положил предел действию проклятия. Это же касается и Пушпаданты. Запомни это, любимая!“

Услышав сказанное Шамбху, радостный, поспешил я сюда. Как только встречаюсь я с Пушпадантой, проклятию моему конец». Умолк Канабхути, и тотчас же вспомнил бывшее Вараручи и промолвил, словно очнувшись ото сна: «Я и есть тот самый Пушпаданта! Слушай же Великий сказ».

Тогда Катьяяна пересказал Великий сказ, в каждой из семи частей которого было по сто тысяч шлок, и после этого попросил его Канабхути: «Ты, почтенный, не иначе как воплощение самого Рудры, ибо кому, кроме него, знать столь великую историю? По милости твоей почти избавлен я от проклятия, а теперь, достойный, чтобы завершить мое очищение, поведай мне о себе, начиная с самого рождения». После того как Канабхути почтительно попросил об этом, Катьяяна подробно рассказал ему о своей жизни, начав с того дня, когда появился на свет.

Рассказ Катьяяны о себе

«Жил в городе Каушамби брахман, жрец бога огня Агни по имени Сомадатта, жену же его звали Васудатта. Была она в прежнем рождении дочерью мудреца, из-за проклятия обреченной жить среди людей. Вот у них-то я и родился. Я был еще ребенком, когда умер отец мой, и матери стоило больших трудов прокормить меня и обучить.

Однажды два брахмана, утомленные дальним странствием, остановились у нашего дома и попросились переночевать. Случилось так, что, когда они у нас гостили, послышалась издали дробь мриданга, и мать моя, вспомнив мужа, голосом, прерывающимся от слез, проговорила: „Это, сын, друг твоего отца, танцор Нанда пляшет“. Тогда я сказал ей: „Пойду посмотрю, как он танцует, а когда вернусь, все тебе покажу и расскажу“. Услышав мои слова, удивились те два брахмана. Заметила мать их удивление: „Не сомневайтесь! Этот мальчик, что хоть раз услышит, сразу запомнит“. Чтобы проверить меня, прочли они мне пратишакхью, толкование вед, а я тотчас им все прочитанное повторил. Тогда они оба пошли со мной смотреть представление Нанды. Вернувшись потом домой, я все это изобразил матери, точь-в-точь как сам видел. Изумившись тому, как успел я все запомнить за один раз, тот из них, которого звали Бьяди, с поклоном обратился к моей матери:

„Жили в городе Ветасе два брата, матушка, Девасвами и Карамбхака, и была у них друг к другу большая любовь. Сына одного из них — вот он перед тобой — называли Индрадаттой, а меня зовут Вьяди. Когда я родился, умер мой отец. Безмерное горе причинила его смерть отцу Индрадатты, и он поспешил вслед за своим братом тем же великим путем. Их вдовы тоже умерли — не вынесли их сердца такого несчастья.

Осиротели мы и в поисках знаний и богатства отправились на поклонение Кумаре. Когда же стали мы совершать аскетические подвиги, явился нам во сне Восседающий на павлине и сказал: „Есть в царстве царя Нанды город под названием Паталипутра. Там живет брахман Варша, у которого вы можете обучиться всем наукам. Ступайте туда“. Пошли мы в город и, когда добрались до Паталики, стали расспрашивать, как того брахмана найти. Сказали нам люди: „Живет тут полоумный по имени Варша“.

Повергли нас в смятение такие слова, но все же разыскали мы ветхий, полуразрушившийся дом Варши. Жилье это со стенами в громадных щелях, испещренными мышиными норами, с трухлявой крышей, казалось, давно было брошено людьми, и только несчастья могли еще гнездиться здесь. Заглянули мы в дом и увидели Варшу, погруженного в размышления. Его жена, в изодранных и грязных одеждах, с иссохшим и почерневшим телом, воплощение злосчастья, предложила нам, как гостям, угощение. Мы же сначала поклонились ей, а потом сказали, что по всему городу идет слава о ее муже, будто он глупец. Выслушав это, обратилась она к нам со словами: „Вы оба в сыновья мне годитесь. Что же мне вас стыдиться!“ — и рассказала нам вот о чем:

История Варши и Упаварши

„Жил некогда в Паталипутре добродетельнейший брахман Шанкарасвамин, и было у него двое сыновей. Одного из них звали Варша, другого — Упаварша. Старший, мой муж Варша, был глуп и беден, а младший — хитер и богат. Велел он своей жене прибираться в доме и готовить еду. А у женщин, когда приходят дожди, есть в обычае приготавливать из муки и патоки пирожок непристойного и безобразного вида и дарить какому-нибудь глупому брахману под предлогом, что такое печиво утоляет усталость от омовений и в жаркое время года и в холодное. Но когда такой подарок подносится, то брахманы его не принимают — уж очень обычай оскорбителен. Так вот, жена-то моего деверя это такое угощение и поднесла Варше. Не следует умному такие подношения принимать, но Варша его принял. Когда же принес он подарочек домой, то я его как следует отругала. Стала тогда терзать мужа досада на собственную глупость, и поэтому пошел он поклониться Картикее. Умилостивив бога покаянием, получил он от него в награду за самоотверженность знание всех наук. „Только разыщи

ты такого брахмана,— приказал Картикея,— который, раз услышав, все тотчас запоминает!“ И с этим наказом поспешил радостный Варша домой. Вернувшись, рассказал он мне все, что с ним было. С той поры он и день и ночь размышляет и читает молитвы. Поискали бы вы такого юношу, который с одного раза все бы запоминал. От этого и ваше сердечное желание исполнится“.

Выслушав эту историю от жены Варши, дали мы ей для избавления от бедности сто золотых и в тот же час покинули город Паталипутру. Долго скитались мы, разыскивая такого юношу, и, утомленные поисками, пришли сегодня к тебе в дом, и только здесь нашли юношу, способного все запоминать с одного раза,— это твой сын. Отпусти сына с нами, и пойдем мы с ним за знанием и за богатством“.

Выслушала моя почтенная мать, что Вьяди ей рассказал, и так ответила: „Все сходится. Верю я сказанному вами. И вот почему: еще до рождения сына, когда я его только зачала, было мне пророчество с неба, словно бы снизошла лишенная телесной оболочки Сарасвати:

„Родится этот мальчик памятьливым, от Варши-наставника переймет все науки и подарит людям грамматику. Имя ему наречется Вараручи, и, что только понравится, все ему будет дано“. Вот какое слово услышала я тогда с небес. Теперь, когда вырос мой сын, день и ночь меня мучила мысль о том, где живет наставник Варша. Очень обрадовалась я вашему рассказу. Возьмите его с собой, как брата. Худого от этого не случится“.

С великой радостью выслушали мою мать Вьяди и Индрадатта, и ночь прошла для них как одно мгновение. Утром дал Вьяди моей матери денег, чтобы случай такой отпраздновать, и совершил надо мной обряд посвящения — упанаяну, чтобы мог я изучать веды. Наставляла меня мать, еле сдерживая слезы, но при виде моего рвения уменьшилось ее горе. Посочувствовав матери, ибо больно ей было расставаться с таким сыном, Вьяди и Индрадатта, взяв меня с собой, покинули город. Прошло какое-то время, и добрались мы до дома мудреца Варши, и они представили меня ему, подлинному воплощению Сканды. На следующий день наставник посадил нас на чистую землю перед собой и божественным голосом произнес: „Ом!“ Тотчас явились перед нами веды со всеми ангами, и начал он нас обучать. Что говорил он один раз, то я сразу запоминал, что повторял дважды, то Вьяди схватывал, а что трижды им говорилось, то и Индрадатта усваивал. Слыша всякий раз, как при начале занятий раздавался божественный голос Варши, к его дому отовсюду стекались толпы брахманов, воздавали ему хвалу и оказывали всяческие почести. При виде этого не очень-то радовался Упаварша, младший брат нашего наставника. Зато все жители Паталипутры устроили великое торжество, а царь Нанда, узрев чудесное проявление мощи Сына повелителя гор, изъявил свою радость и наполнил дом Варши одеждами, драгоценностями и всем необходимым“.

Так рассказывал в лесу Вараручи, а Канабхути все это внимательно слушал, боясь пропустить хотя бы слово. Вараручи же продолжал свой рассказ:

«По прошествии некоторого времени, однажды, когда мы закончили свой урок, а солнце выполнило свой, спросили мы наставника: „Расскажи нам, учитель, как случилось, что этот город стал обителью двух богинь — Лакшми и Сарасвати?“ — „Слушайте меня! — сказал он. — Сейчас я об этом поведаю.

История о Патали и Путраке и о том, как возник славный город Паталипутра

Есть в Гангадваре место святых омовений, называющееся Канакхала. Как раз здесь божественный слон Канчанапата, обрушив в реку вершину горы Ушинары, переправился через Гангу.

В том месте совершал аскетические подвиги брахман с женой, пришедший туда из южных краев. Шло время, и родила она ему трех сыновей. Когда брахман умер, жена последовала за ним, а их сыновья отправились учиться в город Раджагриху.

Когда же трое осиротевших юношей овладели всеми науками, устремились они в южные края поклониться повелителю Кумаре. Пришли они в город Чинчини, стоявший на берегу океана, и поселились у брахмана Бходжики. Тот выдал за них трех своих дочерей, отдал все, что у него было, а сам после этого отправился на берег Ганги и стал подвижником, ибо, кроме дочерей, не было у него больше никого. Жили юноши в доме тестя спокойно, но вот из-за того, что не пришли вовремя дожди, случилась в этих местах страшная засуха. Удрученные голодом, трое юных брахманов покинули своих жен, верных супружескому обету, и побрели неведома куда. Ведь в сердцах жестоких мужчин не живет чувство родства!

Пришлось женам искать убежища в доме друга их отца Яджнядаты. А нужно сказать, что средняя из них в ту пору понесла. Трудно им жилось, но всегда они помнили о своих мужьях. Даже в несчастье добродетельные женщины не нарушают супружеского долга! Настало время, и средняя родила сына. В заботе о нем сестры старались превзойти друг друга. Однажды проносился в небесной вышине Шива, державший на коленях Мать Сканды. Она заметила этого ребенка и, преисполненная сострадания, сказала: „Взгляни, супруг мой божественный, эти три женщины холят мальчика и надеются, что станет он для них троих опорой. Поэтому сделай, повелитель, так, чтобы действительно стал он опорой их старости“. На это ответил супруге бог, исполнитель желаний: „Согласен я. В прежнем рождении он со своей женой отменно меня порадовал и потому теперь родился на земле, чтобы

безмятежно наслаждаться жизнью. А его жена Патали ныне родилась дочерью царя Махендравармана, и она снова станет ему женой". Так сказав супруге, явился Шива трем добродетельным сестрам во сне и промолвил: „Пусть ваш сын зовется Путракой. Всякий раз, просыпаясь, будет он находить под изголовьем сто тысяч золотых и станет впоследствии царем“.

На следующий же день, когда мальчик проснулся, под его изголовьем оказалось золото. Возрадовались этому сестры, ставшие истинными дочерьми Яджнядатте,— их верность супружескому долгу принесла плоды. Росло их богатство день ото дня, и стал наконец Путрака царем. Воистину благодаря подвижничеству возвращаются богатства! Однажды Яджнядатта посоветовал ему: „О царь, твой отец из-за голода теперь где-то скитается. Поэтому всегда щедро одаряй брахманов, которые будут к тебе приходить. Послушай, я поведаю тебе историю о Брахмадатте.

О царе Брахмадатте и золотых гусях

В давние времена правил в Варанаси царь Брахмадатта. Однажды ночью заметил он пролетающую высоко в небе чету красных гусей, окруженных сотней других. Взмахи их золотистых крыльев казались вспышками молний, прорывавшихся из белого облака. И так захотелось царю снова увидеть чудесных гусей, что почувствовал он отвращение к радостям царской власти. Посоветовавшись с министрами, приказал он выкопать красивый пруд и повелел, чтобы никто в его царстве не причинял вреда живым существам. Через некоторое время прилетели на этот пруд те гуси, и царь, обретший их доверие, спросил, почему у них золотые перья. Звонкими голосами ответили ему гуси: „Были мы в прошлом рождении, о царь, простыми воронами. Но однажды мы подрались между собой из-за остатков жертвоприношений в пустом храме Шивы, упали в пруд и утонули. Вот почему родились мы золотыми гусями“. Выслушал царь этот рассказ и, глядя на них, умилился.

Так и ты возвысишься, подобно этим гусям, если будешь щедр к своим родичам-брахманам“.

Как Яджнядатта сказал, так Путрака и стал делать. Прослышав о его щедрости, пришли к нему родичи-брахманы и были счастливы, обрета бесценные сокровища, и вернулись затем к своим женам.

Удивительно все же, как неразумные, даже видя порожденные их глупостью несчастья и понимая, что идут к гибели, не могут отказаться от неразумных поступков. Пожелав завладеть царством Путраки, брахманы вознамерились убить его. Чтобы осуществить свой замысел, уговорили его пойти с ними поклониться богине, живущей в Виндхийских лесах. Наняв убийц, спрятали они их в засаде внутри храма и сказали ему: „Ступай ты сначала

один, поклонись богине!“ Доверчивый, вступил он в храм и увидел, что грозит ему гибель. Спросил Путрака разбойников: „Почему вы хотите убить меня?“ А те ему сказали: „Родичи твои наняли нас и золота дали“. Тогда Путрака, наученный богиней, сказал тем безумцам: „Отдам я вам все свои бесценные украшения. Отпустите меня. Никому не открою я вашей тайны и далеко уйду отсюда“.— „Пусть так и будет!“ — сказали они и, обобрав его, вышли из храма. „Убит Путрака!“ — солгали они брахманам. Узнав, что их замысел осуществился, поспешили те обратно в надежде захватить царство. Министры же, распознав в них предателей, велели их казнить.

О глупых сыновьях асуры Мая и об оставленном им наследстве

Тем временем, разочарованный в своих родичах, Путрака все дальше и дальше углублялся в дикий Виндхийский лес. До тех пор блуждал он, пока не наткнулся на двух драчунов. „Кто вы такие?“ — спросил он. Они ответили: „Мы сыновья асуры Мая. Умер он и оставил нам эти плоску, палочку да сандалии. Из-за них мы и деремся. Кто сильнее, тот всем и завладеет!“ Выслушав такие слова, засмеялся Путрака: „Ну и богатство!“ Тогда драчуны в один голос заговорили: „Да кто эти сандалии наденет, тот по небу сумеет летать; что палочкой напишешь, то и сбудется; о какой еде подумаешь, та в плоске и окажется“. Услышав такое, посоветовал им Путрака: „Чем драться, побегите лучше наперегонки. Кто первым прибежит, тому все и достанется“.

„Пусть так и будет“, — согласились два глупца и кинулись бежать, а Путрака взял палочку, чашу, надел сандалии и взвился в небо. В один миг проделал он путь многих дней и, увидев красивый город, звавшийся Акаршика, опустил в пределах этого города. „Где же мне поселиться? — думал он. — Гетеры ловки в обманах, брахманы не лучше моих родичей, купцы жадны до денег“. Так рассуждая, нашел царь заброшенный дом, вошел в него и увидел там дряхлую старуху. Прежде всего он порадовал ее, дав денег. Тогда она угостила его, и стал он жить у нее, скрываясь от людей. Прошло какое-то время, и однажды довольная им старуха обратилась к нему со словами: „Послушай-ка, сынок! Нет у тебя супруги, украшенной разными достоинствами. У здешнего царя есть дочь, зовут ее Патали. Держат девушку в верхних покоях дворца и берегут, как драгоценную жемчужину“. Выслушал Путрака старуху, и вместе с ее словами вошла в его сердце любовь. „Сегодня же я должен увидеть мою возлюбленную“, — решил он и, когда опустилась ночь, надел сандалии и взвился в небесную высь. Влетев в окно высокого дворца, подобного горному пику, увидел он во внутренних покоях спавшую в одиночестве Патали. В сиянии лунных лучей казалось, будто спит это супруга Бога любви, по-

корителя мира. „Как бы мне разбудить ее?“ — спросил он себя, и тут словно нарочно проснулся страж, стоящий снаружи. Прочел страж такой стих:

Вот спит она,
Раскинувшись в истоме,
Глаза ее полузакрыты,
Она позевывает сладко,
А ты задумался,
Как пробудить ее?
Чудак! Да просто обними!

Услышал он эти стихи и, трепеща всем телом от страсти, обнял красавицу, и она тотчас же проснулась. При виде царя наполнились ее очи стыдом и удивлением: стыдом — оттого, что был перед ней незнакомец, удивлением — от его появления в ночное время. Но началась меж ними исполненная неги беседа, и свершился брак по обряду гандхарвов *, и все больше разгоралась любовь, и ночь была коротка влюбленным. Уже готовилась блеснуть заря, когда, простившись с горюющей супругой, тем же путем вернулся Путрака в дом старухи. Так проникал он каждую ночь к любимой, и они проводили время в забавах страсти, а затем уходил восвояси. Но заметили однажды стражники на теле Патали следы зубов от нежных покусываний, царапины от ногтей, полученные при страстных объятиях, и прочие следы любовных ласк и доложили об этом ее отцу. Тот повелел некоей женщине спрятаться в покоях Патали и подсмотреть, что делается там по ночам. Женщина же, чтобы выследить любовника, пометила краской одежду спавшего Путраки.

Когда поутру отец Патали пробудился ото сна и ему обо всем было доложено, тотчас послал он по всему городу соглядатаев, которые и обнаружили Путраку в жилище старухи. Но как только привели они его пред очи разгневанного царя, он снова надел сандалии, взвился в небо и проник в покои Патали. „О нас все узнали, — крикнул он своей милой, — вставай скорее. Мы спасемся с помощью волшебных сандалий!“ Подхватил он любимую на руки и помчался небесной дорогой. Потом спустились они из поднебесья на берег Ганги, и Путрака угостил утомленную Патали разнообразными кушаньями, которые дала им волшебная чаша. Восхищенная его могуществом, спросила Патали, что он еще может делать. Тогда начертил он у своих ног город и войско в нем для защиты от недругов, состоящее из пеших бойцов, всадников, колесниц и слонов. Тотчас же нарисованный город превратился в настоящий, а Путрака стал в нем царем, достиг большого могущества и правил честно, а когда одолел тестя, то завладел всей землей до самого океана. Город же со всеми горожанами, возникший по волшебству, стал обителью красоты и богатства, и потому его называли Паталипутра, и в нем пребывают постоянно Лакшми, богиня счастья, и Сарасвати, покровительница наук и красноречия“.

Так выслушали мы, Канабхути, из уст паставника Варши этот необычный и весьма интересный рассказ, и много мы ему удивлялись и радовались», — заключил Вараручи.

ВОЛНА ЧЕТВЕРТАЯ

О любви Вараручи и Упакоши

Такую историю поведал Вараручи в чаще Виндхийского леса и снова обратился к прерванному рассказу. «Сколько-то прожил я с Вьяди и Индрадаттой в Паталипутре и со временем стал умудрен во всех науках. Пошли мы однажды полюбоваться праздником Индры и увидели девушку, подобную цветочному луку, оружию бога любви, только что не было на этом луке стрелы. Спросил я тогда Индрадату: „Кто эта красавица?“ И ответил он мне, что зовут ее Упакоша и приходится она Упаварше дочерью. С помощью ее подруг познакомился я с нею, а она, похитив выполненными страстью взорами мое сердце, ушла к себе домой. Лицо ее было прекрасно, как луна в полнолуние, глаза спорили красотой с синим лотосом, прелестные нежные руки были гибки, как стебли этого цветка, а полные груди рождали страстное желание любовных объятий. Шея девушки походила на изящную витую раковину, сочные губы ее состязались в яркости с красным кораллом, и вся она, чудилось, была полновластной хозяйкой в храме красоты, которому покровительствует бог любви. Непрестанный поток стрел Камы искрошил мое сердце, так что я не мог в ту ночь уснуть, томясь неукротимым желанием отведать вкус губ красавицы, подобных плодам бимбы. Так и не уснув, на исходе ночи увидел я божественную женщину, облаченную в белые одежды. Она обратилась ко мне с такими словами: „В прежнем рождении была Упакоша твоей женой, и никого другого, кроме тебя, не хочет она видеть своим мужем. Поэтому не томи себя, юноша, напрасными тревогами. Я — Сарасвати, вселившаяся в твое тело, и не могу видеть, как ты удручен!“ После этого она исчезла. Очнувшись я и утром пошел к дому возлюбленной моей и сел под манговым деревом. Приблизилась ко мне ее подруга и поведала, что Упакоша истерзалась от любви. Тогда еще горше стали мои мучения. Сказал я ей: „Как взять Упакошу в жены без согласия ее родителей? По мне смерть лучше осуждения! Узнай, не согласятся ли старшие в роду выдать ее за меня? Сделай это, о прекрасная! Ты и меня, и свою подругу к жизни вернешь“. Выслушав меня, она вошла в дом и все передала матери подруги, а мать передала эту весть Упаварше. Упаварша поделился ею со старшим братом своим Варшей, и тот тоже согласился. Когда был назначен день свадьбы, велел наставник, чтобы Вьяди привез из Каушамби мою мать. И тогда отдал мне Упакошу ее отец в жены. Мать моя хозяйничала в доме, и женился я счастливо.

Со временем умножилось число учеников у Варши, и был среди них один отменный глупец, которого звали Панини. Жена Варши прогнала его, в услужении неловкого, и пошел он, удрученный этим, в Гималаи на подвижничество, исполненный жажды обрести знания. Самоотверженностью своей умилил он Украшенного полумесяцем, и тот пожаловал ему знание новой грамматики, главнейшей из наук.

Возвратясь оттуда, вызвал меня Панини на диспут. Семь дней прошло в споре, и никто не добился успеха, а на восьмой раздался с небес ужасающий голос Шивы, желавшего победы Панини. И тогда исчезла с земли изучавшаяся нами грамматика Индры, и мы, посрамленные соперником, остались ни с чем. Одолеваемый невежеством, поручил я все деньги, что были в доме, купцу Хираньягупте, сказав Упакоше: „Я уйду в Гималаи поклониться Шанкаре, умиловать его жестокими подвигами и постом“ *. Достоянная супруга после моего ухода каждый день совершала священное омовение в Ганге и прилежно возносила молитвы в храме.

Исхудала она в разлуке со мной, побледнела, но, подобная угасающей луне, не утратила привлекательности для мужских глаз. Однажды весной пошла она, как обычно, купаться на реку, и углядели ее царский жрец, начальник городской стражи и наставник царевича. Тотчас же все трое оказались мишенью для стрел бога любви. В тот день долго пробыла моя жена на берегу Ганги, а когда вечером спешила домой, то попытался наставник царевича силой овладеть ею. Но красавица так сказала ему: „Любезный, мне хочется того же, чего и ты хочешь, но родилась я в благородной семье, и супруг мой на чужой стороне. Вдруг кто-нибудь увидит нас? Ни мне, ни тебе добра не будет! Поэтому потерпи пока, а как наступит день праздника весны, ты, когда стемнеет и все горожане, утомленные весельем, уснут, приходи ко мне в первую стражу ночи“ *. С помощью такого обещания она избавилась от любезника и продолжала свой путь. Не успела она далеко уйти, как привязался к ней царский жрец. Упакоша и ему пообещала встретиться, только прийти велела во вторую стражу. Поспешила она дальше, но тут остановил ее обаятельный страстью военачальник. И этому, возмечтавшему о ее ласках, пообещала Упакоша то же самое, только свидание назначила в третью стражу.

Сумев по воле судьбы освободиться от всех троих, взволнованная, вернулась она домой и, позвав служанок, сказала им: „Если муж отправляется на чужбину, то достойной женщине лучше умереть, чем поднимать глаза на тех, кто покушается на ее красоту“. В думах обо мне всю ночь промучилась она без сна, без пищи, а наутро послала за деньгами к купцу Хираньягупте, чтобы приготовить брахманам угощение. Но тот денег не дал, сам к ней пожаловал и, оставшись наедине, предложил: „Ты отдайся мне, тогда я верну тебе деньги, доверенные мне твоим мужем“. Улыбалась такие слова Упакоша и опекалась, так как не было у нее

свидетеля, что муж отдал деньги Хираньягупте на хранение. Виду, однако, не подала, а велела купцу прийти к ней в ту же ночь, что и прочим, только в четвертую стражу. Обрадовался купец и ушел. Послала Упакоша служанок купить масла, камфары, других благовоний и смолы, а затем смешала все это и еще велела приготовить четыре куска ткани, чтобы растирать при омовении тело, и большой сундук с наружным запором.

И вот наступил праздник весны, и вечером пожаловал к Упакоше разряженный наставник царевича. Ему, тайком пробравшемуся, она сказала: „Пока не вымоешься, я к тебе даже не притронусь. Пойди и сделай это“. Тот, простак, согласился и, сопровождаемый ее служанками, вошел в темный чулан. Забрали они все его наряды и украшения и стали растирать его тело сажей да смолой. Ничего не ведая об этом, оказался он вымазанным с ног до головы. А пока он таким-то образом омывался, наступила вторая стража, а с ней и черед царского жреца. „Ох! — с притворным испугом воскликнули девушки. — Это царский жрец, друг Вараручи, пришел!“ — и в тот же миг спровадили наставника царевича в сундук и крепко-накрепко заперли снаружи.

Точно так же они и со жрецом поступили, забрав у него все одежды и измазав его сажей и смолой. Вслед за жрецом извоили пожаловать сам начальник городских стражников. Тогда девушки, словно бы страшно испуганные, и жреца в сундук спровадили и снаружи заперли. Такое же омовение устроили они и доблестному воителю, перемазав его всего, и точно так же, когда в последнюю стражу ночи постучался купец, они, изобразив жуткий испуг, упрятали и его в сундук. Все трое в этом сундуке, будто в мрачайшем аду, возились, пытаясь как-то приладиться, и рта не могли раскрыть от страха друг перед другом.

Упакоша же зажгла светильник и, когда вошел наконец купец Хираньягупта, сказала: „Давай деньги, что муж на хранение отдал!“ Плут-купец, видя, что в доме никого нет, ответил: „Ведь сказал же я, что отдам деньги, которые муж твой мне на сохранение отдал“. Упакоша же, обращаясь к сундуку, воскликнула: „О боги, слышите ли вы слова Хираньягупты?“ После этого задула она светильник, и под предлогом омовения девушки и купца сажей и смолой вымазали. Тем временем ночь была на исходе, и они со словами: „Вот и ночь уже прошла“ — вытолкали его из дома, хотя уходить он не хотел. Прикрытый какими-то лохмотьями, весь в смоле и саже, искушенный собаками, сгорающий от стыда и позора, кое-как добрался купец до своего дома, и, пока слуги отмывали с его тела всю эту мерзость, он, злосчастный, не смел даже взглянуть им в лицо. Воистину зло порождает зло!

Упакоша же в сопровождении служанок без согласия старших в роде отправилась во дворец царя Нанды и, обратившись к нему, сказала:

„Купец Хираньягупта хочет утаить деньги, оставленные ему на хранение моим мужем“. Пожелал царь узнать все точно и по-

слал за купцом, а тот, когда его привели, стал отнекиваться: „Нет у меня, повелитель, ничего“. Упакоша же на это возразила: „Есть у меня, о царь, свидетели. Держит мой супруг в сундуке запертыми божеств — хранителей дома *. Перед ними купец сам признал, что у него деньги. Прикажи принести сундук, и спросим их“. Улыбнулся царь, выслушав ее речь, и послал за сундуком. Тотчас был сундук доставлен царскими слугами. И тогда Упакоша сказала: „Отвечайте по правде — говорил ли купец, что деньги моего мужа у него дома? Скажете — домой отправлю, нет — прямо здесь крышку открою и всему собранию вас покажу“. Такое услышав, перетрусили запертые в сундуке и заговорили: „Правда, правда, свидетели мы: купец перед нами признался, что присвоил деньги“. Нечего было купцу сказать, и повинился он во всем.

Сгорая от нетерпения узнать, что же такое в сундуке, царь попросил Упакошу открыть его. Отперла она сундук прямо в собрании, и трое, скрывавшиеся в нем, подобные силам тьмы, вылезли наружу. С трудом признали их царь и министры и со смехом спросили, как они там оказались. Тогда добродетельная Упакоша рассказала, как это случилось, и все, кто был в собрании, восхвалили ее поведение: „Немыслимо трудно живется порядочным женщинам, твердым в добродетели!“ Царь же, видя, что произошло, лишил имущества и изгнал из страны этих трех охотников до чужих жен. „Будь мне сестрой“, — сказал он Упакоше и, наградив ее большими деньгами, отпустил. Возрадовались Варша и Упаварша ее твердости в соблюдении супружеского долга, и все горожане разделили их радость, прослышав об этой истории.

Тем временем умилиствовал я Великого бога, исполнителя желаний, достойного супруга Парвати, труднейшими подвигами, и просветил он меня знанием грамматики Панини, а я согласно его воле дополнил ее. Так, утолив жажду знаний по милости Увенчанного серпом луны, пустился я в обратный путь и в дороге не знал усталости. Вернувшись домой и поклонившись матери и наставникам, узнал я от них занимательную историю, случившуюся с Упакошей. Не было предела моей радости, и ничто на земле не казалось более удивительным: от этого моя прежняя любовь к жене выросла во много раз.

О воцарении лже-Нанды и о верном министре Шакатале

Захотелось вслед за тем наставнику Варше услышать из моих уст новую грамматику, но повелитель Кумара сам его в ней просветил. Потом спросили Вьяди и Индрадатта у своего учителя, сколько нужно заплатить ему, и наставник Варша ответил: „Следует дать мне десять миллионов золотых“. Согласились они и сказали мне: „Нужно пойти, друг, к царю Нанде и у него попросить

денег. Иначе откуда нам столько золотых взять? У царя Нанды есть сейчас девять сотен и девяносто миллионов золотых. Он ведь сделал Упакошу своей названной сестрой, а ты, значит, приходишься ему шурином. Поэтому ты можешь к нему обратиться за такой помощью". Порешив так, мы втроем пошли к Нанде, пребывавшему тогда в Айодхье. Когда же достигли мы Айодхьи, сказали нам, что царь Нанда умер. Горе наше было безмерно, а в стране началась смута.

Тогда Индрадатта обратился к нам со словами: „Знаю я ухищрения магии и вселюсь в тело умершего царя. Ты, Вараручи, придешь ко мне как проситель, и я дам тебе золото. Ты же, Вьяди, постереги мое тело, пока я в него не вернусь". Так решив, вселился Индрадатта в тело Нанды, и, когда ожил царь, вся страна возрадовалась. Вьяди остался в заброшенном храме сторожить тело Индрадатты, а я отправился к царю.

Вошел я во дворец, приветствовал царя, как положено, и в награду нашему учителю попросил у лже-Нанды десять миллионов золотых. Тогда позвал он Шакаталу, министра истинного Нанды, и приказал: „Уплати этому человеку десять миллионов золотых!"

Увидев чудом ожившего царя и тотчас явившегося к нему просителя, догадался министр, что дело неладно. Воистину, чего только не поймет умный человек! Сказал он: „Велю дать, божественный", а сам подумал: „Сын Нанды еще мальчик, у государства врагов много. Пока придется побереечь этого мнимого царя". Приняв такое решение, он распорядился немедленно сжечь всех покойников в царстве. Побежали соглядатаи по всей стране, стали выискивать трупы и сжигать их. Заглянули они и в храм, где таился Вьяди, охраняя тело, покинутое Индрадаттой, и, приняв это тело за труп, вырвали его из рук друга и сожгли.

Хитрый же Шакатала, когда царь стал торопить его с выдачей денег, так ему отвечал: „Все слуги твои заняты приготовлением к празднику. Пусть брахман немного подождет — выдам я ему деньги". А в это время вошел к царю с рыданиями Вьяди: „Недостойное дело свершилось, царь. Ты воскрес, а слуги твои сожгли тело живого брахмана, предавшегося созерцанию". Узнав это, задумался мнимый Нанда: „Что же теперь со мной будет?", а многомудрый Шакатала, поняв, что тело сожжено и мнимому Нанде некуда деться, вышел со словами:

„Ну, теперь-то я отдам деньги".

Тогда, оставшись наедине с Вьяди, обратился мнимый Нанда к нему в полном отчаянии: „Я, брахман, стал теперь шудрой*. Что за радость мне в царских утехах?" Вьяди же, утешая царя подходящими к случаю словами, повел такую речь: „Стала твоя тайна известна Шакатале, вот о чем теперь надо подумать. Ведь он-то великий министр и может тебя погубить и возвести на трон Чандрагупту, сына прежнего Нанды. Ты сделай так — поставь Вараручи главным над всеми министрами, а он благодаря остроуму и обширному разуму сумеет упрочить твое царствование".

После этого ушел Вьяди за деньгами, положенными учителю, а мнимый Нанда вызвал меня и назначил министром.

Тогда я ему посоветовал: „О царь, погибло твое брахманское достоинство, и не будет в твоём царстве покоя, пока Шакатала вершит делами. Нужно найти способ погубить его“. И вот по моему настоянию велел царь бросить Шакаталу в подземелье по обвинению, что тот сжег живого брахмана, и вместе с ним туда же велел заключить сто его сыновей. Каждый день спускали мы в колодезь плошку с поджаренной мукой и плошку с водой. Тогда сказал Шакатала сыновьям: „Дети, этого и на одного не хватит, а нас здесь много. Пусть же вся пища достанется только тому, кто способен свергнуть мнимого Нанду!“ — „Только ты, отец, можешь это свершить, — ответили сыновья, — пусть тебе и достается пища“. Воистину для решительных людей отмщение врагу дороже жизни! На том и порешили. Стал Шакатала один съедать всю муку и выпивать всю воду. Уж так повелось, что, кто хочет одолеть врага, ожесточается душой.

„Если человек желает себе блага, не следует ему ничего предпринимать, не поняв души своего повелителя и не завоевав его доверия“, — рассуждал Шакатала, видя мучения сыновей, друг за другом умиравших от голода. Все сто сыновей умерли на его глазах, и остался Шакатала один, окруженный их трупами.

Пока все это происходило в колодезе, мнимый Нанда укрепился на троне, а Вьяди, отдавший наставнику положенное, возвратился в Айодхью. Возвратившись, обратился он к царю со словами: „Да будет твое царствование долгим и счастливым! Что мог, то тебе посоветовал, а теперь ухожу я свершать аскетические подвиги“. От горя перехватило у царя горло. Только и сказал он Вьяди: „Останься в моем царстве, наслаждайся мирским счастьем. Не покидай меня!“ На это ответил ему друг: „Какой же разумный, скажи, станет тонуть в мимолетных наслаждениях? Ведь и мудрости грозят призрачные радости, порождаемые богиней счастья!“ И немедленно отправился Вьяди заниматься подвижничеством.

После этого, о Канабхути, мнимый Нанда, чтобы насладиться царской властью, вернулся со мной и со всем войском из Айодхьи в свою столицу Паталипутру. Там продолжал я исполнять долг министра, а Упакоша окружала меня заботами, и вместе со мной жили, не зная невзгод, и моя мать, и старшие в роду. Река, стремящаяся с небес, была довольна моими деяниями в Паталипутре и каждый день приносила мне золото, а вселившаяся в мое тело Сарасвати не оставляла меня своими советами».

ВОЛНА ПЯТАЯ

Окончив этот рассказ, Вараручи перешел к истории о том, как мнимый Нанда со временем стал жертвой любви, гнева и всех прочих страстей.

Об избавлении Шакаталы из заточения

«Подобно обезумевшему слону, не разбирал Нанда, куда мчит-ся. Кому не вскружит голову неожиданно-негаданно доставшееся счастье! И тогда я подумал: „Царь нынче делами государства не занимается, и мне, вынужденному нести все заботы, приходится худо. Почему бы не взять мне в помощники Шакаталу? Если и попытается он сделать что-либо против царя, что может ему удасться, пока я во главе дела?“

Испросив у царя разрешения, вызволил я Шакаталу из темного и глубокого колодца — ведь брахманы по натуре отходчивы. А Шакатала так размыслил: „Не одолеть мне мнимого Нанду, пока Вараручи здесь, и потому в ожидании подходящего времени следует вести себя подобно тростнику, который при любой буре гнется, но не ломается“. С моего согласия Шакатала был снова назначен министром и стал вершить дела царя.

Однажды мнимый Нанда выехал из города на берег Ганги и видит: посреди потока высунулась из воды рука с пятью пальцами, крепко сжатыми вместе. „Что бы это могло значить?“ — тотчас спросил царь. Посмотрел я на реку и увидел только два пальца, а затем рука исчезла. Еще больше удивился царь и снова задал мне тот же вопрос. Тогда я ему ответил: „Если пятеро действуют согласно, нет в этом мире для них ничего недостижимого. А если двое заодно, то и для них на земле все доступно“.

Обрадовался царь тому, что разъяснил я скрытый смысл знамения, а Шакатала помрачнел, убедившись в проницательности моего ума, и понял, что превзойти меня трудно.

Однажды случилось мнимому Нанде увидеть, как его жена, высунувшись из окна, засмотрелась на брахмана-странника. И только поэтому разъяренный царь приказал того несчастного казнить. Гнев с рассудком не в ладу!

Почему расхохоталась мертвая рыба?

Вот ведут его через базар к месту казни, и тут вдруг какая-то мертвая рыба расхохоталась. Доложили об этом царю, и велел он остановить казнь и спросил меня, почему рыба смеялась. Попросил я у него времени, чтобы подумать, а когда уединился, то вселившаяся в меня Сарасвати посоветовала: „Ночью проберись к дереву тала и спрячься под ним, чтобы тебя не заметили. Тогда узнаешь, почему рыба смеялась“. В точности исполнил я совет богини, ночью укрылся под деревом тала и увидел, как прилетела туда страшная ракшаси со своими детьми. Они просили есть, а она им на это сказала: „Погодите, утром дам я вам отведать мяса брахмана. Пока еще его не убили“. — „А почему его еще не убили?“ — полюбопытствовали дети. „Да при виде его даже мертвая рыба засмеялась“. — „А почему она смеялась?“ — не отставали

дети. И тогда ракшаси ответила: „Да ведь царя этого все его жены обманывают. В его гареме живут несколько мужчин, наряженных женщинами. Потому и смеялась рыба, что они целехоньки, а на казнь повели невинного“. Услышал я это и бросился бежать, а утром поведал царю, из-за чего рыба смеялась. И действительно, поймали в гареме нескольких мужчин, наряженных женщинами. Еще больше стал меня уважать царь. Брахмана же он простил и избавил от казни.

Очень удручали меня такие поступки царя. Но как-то пришел к нему юный художник. Написал он портрет лже-Нанды и его супруги, и настолько хороша была картина, что казались они живыми, только вот даром речи не обладали. Царь был весьма доволен и щедро одарил художника, картину же повесил на стену в спальном покое. Случилось мне однажды войти в этот покой, и посмотрел я на царицу, изображенную на картине и наделенную признаками, свойственными красавицам. Но заметил я, что не хватает у нее на талии родинки, подобной зернышку кунжута. Взял я и пририсовал маленькое пятнышко, и образ царицы заблестал тогда совершенством прелестей. И только кончил я рисовать, как вошел в спальный покой сам царь, и взгляд его тут же был привлечен вновь появившейся родинкой.

„Кто ее нарисовал?“ — закричал он на стражников, а те ему ответили, что сделал это Вараручи, то есть я. Задумался царь: „Никто, кроме меня, той родинки, находящейся на сокровенном месте, не видел. Как же мог Вараручи про нее узнать? Вот, видно, кто тайный нарушитель покоя моего гарема. Вот почему смог он узнать тайну мужчин, переодетых женщинами“. От таких мыслей вспылал мнимый Нанда гневом. Воистину, что глупцу не скажется, все истинной кажется! Позвал он немедленно Шакаталу и объявил ему: „Ты должен убить Вараручи. Он соблазнил царицу“.

„Как повелишь, владыка“, — отвечал ему Шакатала и вышел. Задумался министр: „Не под силу мне убить Вараручи. Необычайной мощью ума обладает он. К тому же, разве не он извлек меня из колодца? Да он еще и брахман! Лучше я его скрою, а царю скажу, будто убил“. Так порешив, пришел ко мне Шакатала, рассказал о беспричинном гневе Нанды и предложил: „Я велю казнить кого-нибудь другого, а ты живи тайно в моем доме, постараюсь уберечь тебя от царской ярости“. Как он сказал, так и сделал: я стал жить в его доме, а он под покровом ночи казнил кого-то другого, распустив слух, что казнил меня.

После того как Шакатала все это устроил, молвил я ему однажды: „Ты поистине несравненный министр, потому что не решился меня убить. Да это и невозможно, ибо есть у меня друг — могучий ракшас. Стоит мне только в мыслях позвать его, как он тотчас же является и, коли я пожелаю, готов сокрушить весь мир. Но царь — мой друг Индрадатта, к тому же он брахман, и убивать его нельзя“. Тогда Шакатала сказал, что хотел бы повидать этого ракшаса. Позвал я его мысленно, и тотчас явился ракшас перед

Шакаталой. При виде его изумился министр и ужаснулся, а когда тот исчез, спросил меня: „Как зародилась твоя дружба с ним?“

Вот какую историю я ему рассказал: „Случилось однажды так, что каждую ночь стали бесследно исчезать воины, охранявшие город. Узнав об этом, мнимый Нанда поставил меня начальником над всеми городскими стражниками, и как-то раз, обходя ночью безлюдные улицы, увидел я, что бродит по ним некий ракшас. Обратился он ко мне: „Скажи, кто в этом городе самая красивая женщина?“ Со смехом ответил я: „Эх, глупец, кому какая нравится, та тому и красавица!“ Тогда сказал он: «Ты единственный, кто правильно ответил на мой вопрос». Поэтому-то он меня не убил и продолжил так: „Обрадовал ты меня. Теперь ты мой друг. Как только подумаешь обо мне, тут же явлюсь“. С этими словами он исчез, а я пошел своей дорогой. С той поры у меня с этим ракшасом дружба“.

Когда закончил я свой рассказ, очень стал просить меня Шакатала, чтобы я снова показал ему силу ума моего, и вызвал я усилием мысли воплощение богини Ганги. Поклонился я ей, и она, обрадованная этим, исчезла. Шакатала же стал еще больше мне предан. Заметил он как-то раз, что томлюсь я от вынужденного заточения, и произнес такие слова: „Зачем терзаешься ты, обладатель могучего знания? Разве не ведомо мудрому, что разум царей непостоянен? Скоро и к тебе придет избавление. Послушай-ка одну историю.

О многоумном министре Шивавармане

Жил в стародавние времена царь Адитьяварман, а главным министром у него был многоумный Шиваварман. Случилось так, что жена властителя понесла и, узнав об этом, царь спросил стражей, охранявших женский покой: „Вот уже два года минуло, как я в женский покой не входил. Отвечайте, как случилось, что царица забеременела?“ И они ответили: „Никакому мужчине сюда проникнуть невозможно. Но вот твой министр Шиваварман постоянно сюда наведывается“. Услышав такое, подумал царь: „Вот кто, оказывается, мой недруг! Но если я его убью, меня же осудят“. Поразмыслив, послал он тогда министра к своему вассалу и другу Бхогаварману. А вслед Шиваварману отправил царь письмо с тайным гонцом и в том письме велел Бхогаварману убить министра. Но не прошло и семи дней после отъезда Шивавармана, как вдруг забеременевшая царица попыталась бежать. Стража, однако, схватила ее, а вместе с ней мужчину, наряженного в женские одежды. Узнав об этом, Адитьяварман в раскаянии воскликнул: „Зачем без всякой вины велел я убить такого хорошего министра?!“

А пока все это происходило, прибыл министр в царство Бхогавармана, а гонец с письмом туда еще не поспел. Когда же оно пришло, то призвал Бхогаварман к себе министра и с глазу на

глаз прочел ему то место, где говорилось о казни. Тогда лучший из министров Шиваварман обратился к нему с такой речью: „Ты, как велено, убей меня. А не исполнишь царский приказ, я сам себя убью“. Удивившись, спросил Бхогаварман министра: „Что это значит, почтенный? Скажи мне, не то прокляну тебя!“ Ответил Шиваварман: „Той стране, где меня убьют, целых двенадцать лет бог не даст дождей“.

Узнав об этом, стал Бхогаварман совещаться со своими министрами: „Каков злодей царь Адитьяварман! Он хочет погубить наше царство. Будто у него самого не нашлось тайного палача совершить казнь! Нужно стеречь его министра, чтобы рук на себя не наложил. Ни в коем случае нельзя его убивать!“ Посовещавшись, отрядили стражей и под охраной тотчас же выпроводили Шивавармана из их страны. Вот как благодаря разуму остался министр в живых и доказал свою невиновность.

Так и твое очищение от вины свершится, и царь раскается, а ты, Катьяяна, пока оставайся в моем доме!“

И остался я по совету Шакаталы под его кровом, ожидая удобного случая и считая томительные дни.

О том, как сын лже-Нанды предал друга

Тем временем, о Канабхути, сын мнимого Нанды, которого звали Хираньягупта, поехал однажды на охоту. Занес его конь в дремучий лес. И вот ему, заблудившемуся, пришлось искать место для ночлега, ибо кончился день. Забрался он, чтобы провести ночь, на дерево. Через некоторое время на то же дерево влез, спасаясь от льва, медведь. Увидев, что царевич дрожит от страха, сказал ему медведь: „Не бойся меня, я тебе друг“. Успокоенный такими словами, заснул Хираньягупта, а медведь бодрствовал и охранял его. Лев, бродивший под деревом, так ему говорил: „Ты, медведь, сбрось человека с дерева, я и уйду“. С гневом отвечал ему медведь: „Нет, злодей, не предам я друга“. Вскоре медведь заснул, а царевич проснулся, и тогда лев обратился к нему: „О юноша, сбрось мне медведя с дерева!“ И царевич, в страхе за свою жизнь и ради того, чтобы умиловить льва, принял медведя сталкивать. Но тот по воле случая проснулся и проклял царевича: „Предавший друга, стань безумным!“ Вот такая история приключилась с царевичем Хираньягуптой. Вернулся он рано утром домой совсем утратившим разум, а мнимый Нанда, видя его в таком несчастье, в отчаянии сказал: „О, если бы Вараручи был жив! Если б знал я, что так случится, все бы ему простил. Горе мне!“ Шакатала же подумал при этих горестных словах: „Вот и повод привести Вараручи! Он гордый человек и не останется здесь, а царь будет мне доверять“. Так рассудив, сообщил он без страха царю, что жив Вараручи и находится в пределах его царства. Мнимый Нанда тотчас повелел: „Сию минуту его привести!“

И вот без промедления Шакатала привел меня пред царские очи, и увидел я утратившего разум сына царя. Сразу же сказала я: „Он предал друга“, и по милости Сарасвати рассказал я мнимому Нанде о том, что произошло накануне в лесу. Тотчас спало проклятие с царского сына, и он горячо возблагодарил меня. „Как ты узнал об этом?“ — спросил меня царь. И я ответил ему: „О царь, по признакам, по отражению, по размышлению все рассудительному ясно. Узнал я об этом так же, как и про ту родинку“. Стыдно стало царю от моих слов. Желая очищения от вины больше, чем угощений и даров, поспешил я домой. Добродетель — вот богатство наделенных разумом!

Когда же вернулся я домой, то все родичи, собравшись, стали оглашать округу рыданиями, а тесть мой Упаварша в беспредельном горе приблизился ко мне и сказал: „Проведав о том, что ты казнен по повелению царя, Упакоша предала свое тело огню. Достойная же твоя мать умерла, ибо разорвалось ее сердце от злой вести“. Выслушал я все это и от тяжести обрушившейся на меня новой беды, словно дерево, вырванное бурей, упал на землю без памяти, а очнувшись, стал болтать несуразное, подобно безумцу. Кто, утратив возлюбленную, не сгорит в беспощадном пламени горя! Наставник мой Варша увещевал меня: „Что ты так сокрушаешься? Ты же знаешь, что в этом непостоянном мире постоянно только непостоянство“. Так, утешаемый им, пришел я в себя, но, удрученный душой, разорвал все мирские узы и пошел искать дремучий и безлюдный лес, чтобы предаться покаянию.

О том, как брахман Чанакья извел лже-Нанду

Проходил день за днем. Однажды в мою обитель пришел некий брахман, и я попросил его рассказать, что делается в царстве мнимого Нанды. Вот что он мне поведал: „Слушай, когда покинул ты страну, представился Шакатале долгожданный случай. Размышляя о том, как убить мнимого Нанду, увидел он однажды брахмана Чанакью, рывшего землю. „Зачем ты это делаешь?“ — спросил он брахмана, а тот ему ответил: „Хочу вырыть отсюда траву дарбху, ибо поранила она мне ноги“. Тогда возникло у Шакаталы порожденное местью намерение использовать этого брахмана для убийства мнимого Нанды.

Спросил он его имя и так обратился к нему: „Поручаю тебе, брахман, совершить тринадцатидневную шраддху во дворце царя Нанды. Будет тебе щедрая награда — сто тысяч золотых, а за трапезой сядешь ты выше всех. Пока же будь моим гостем“. Взял Шакатала Чанакью к себе домой, а в день жертвоприношения отвел его во дворец, и было припелелу поручено ее свершить. После того как жертвоприношение закончилось, началась трапеза, и Чанакья захотел сесть выше всех. Но того же пожелал другой

брахман, которого звали Субандху. Доложил Шакатала царю, из-за чего поднялась ссора, и Нанда решил: „Пусть Субандху сидит всех выше, ибо нет никого достойнее, чем он“. Тогда с притворным страхом подошел Шакатала к Чанакье, передал ему решение царя и добавил: „Нет в этом моей вины“.

Чанакья воспылал гневом и, распустив прядь волос на своей голове, произнес такую клятву: „Непременно через семь дней я убью Нанду! Только после этого я снова завяжу прядь!“

Услышав эти слова, мнимый Нанда разъярился и прогнал его. Шакатала же скрыл Чанакью у себя в доме. Дал он ему все необходимое, и начал Чанакья готовить магическое средство, чтобы известить Нанду. На седьмой же день оно довело мнимого Нанду до смерти от мучительной лихорадки, а Шакатала велел убить Хираньягупту и поставил на царство Чандрагупту, сына настоящего Нанды. После этого упросил он Чанакью, равного умом Брихаспати, стать при Чандрагупте министром, а сам, удрученный гибелью всех своих сыновей, но отомстивший за них, удалился в дремучий лес“.

И когда, о Канабхути, выслушал я из уст того брахмана, что случилось, впал я в великое горе, ибо увидел непостоянство всего сущего. Потому и пришел я сюда, чтобы поклониться богине, живущей в здешних горах, и по ее милости встретил здесь тебя и вспомнил все, что было со мной в прежнем рождении.

Когда же вернулось ко мне божественное знание, рассказал я тебе „Великий сказ“ и теперь, освобожденный от проклятия, исполнен решимости избавиться от смертной оболочки. Ты же, Канабхути, оставайся здесь, пока не придет сюда со своими учениками брахман Гунадхья, забывший три языка *. Он, лучший из ганов, так же как и я, был проклят разгневанной богиней и обречен, подобно мне, на жизнь среди смертных. Подлинное имя его — Малььяван, и тебе надлежит пересказать ему великое сказание, поведенное некогда Шивой, и тогда и ты и он освободитесь от проклятия».

Так закончил Вараручи свой рассказ и пошел в священную обитель Бадарику, чтобы освободиться от бренного тела. По дороге туда встретил он на берегу Ганги брахмана, поедающего корни травы куша, и заметил, что тот порезал руку ее листом. Тогда силой мысли обратил он лившуюся кровь в сок растения с целью испытать, не заносчив ли этот брахман. Увидев такое превращение, воскликнул аскет в непомерной гордости: «Сиддхом я стал!»

Тогда Вараручи, рассмеявшись, сказал ему: «Это я, чтобы испытать тебя, обратил твою кровь в сок куши. Пока еще, мудрец, ты не освободился от заносчивости. А она — трудное препятствие на пути к истинному знанию, без которого и сотни обетов не принесут спасения. Не найти тем, у кого истощилась добродетель, пути на небо. Освобождения не достичь тому, кто просто его желает. Так что прежде всего попытайся избавиться от заносчи-

вости!» Покорно согласился мудрец и поблагодарил и восхвалил Вараручи, а тот устремился дальше, в обитель Бадарику, и наконец достиг ее мирных пределов. Там он, желая освободиться от бытия, присущего смертным, глубокой преданностью снискал покровительство богини.

И она, явившись ему, сказала, что добиться этого он сможет, испепелив свое смертное тело огнем упорного размышления. Послушался он ее и сделал так, как она велела, и стал снова ганом. Канабхути же все ожидал желанной встречи с Гунадхьей.

ВОЛНА ШЕСТАЯ

А тем временем Мальяван в облике смертного скитался в лесах. Под именем Гунадхьи служил он царю Сатавахане. Отринув, как обещал, знание санскрита и двух других языков, удрученный душой, пошел он поклониться богине, живущей в лесах Виндхьи. По ее соизволению встретился Мальяван с Канабхути и тотчас же вспомнил обо всем, что с ним прежде случилось. И тогда, чтобы не пользоваться ни одним из остальных языков и не нарушить обещания, обратился он к Канабхути на языке пайшачи, назвал себя и так ему сказал:

«Поведай мне услышанное от Пушпаданты божественное сказание, и тогда кончится срок действия проклятия, тяготеющего над тобой и надо мной».

Поклонившись, отвечал ему обрадованный Канабхути: «Я поведаю тебе, почтенный, великое сказание. Но прежде интересно мне узнать о том, что было с тобой от рождения и до этого часа». И тогда Гунадхья начал рассказывать.

О том, как был рожден Гунадхья

«Есть в Пратиштхане город, известный под именем Супратиштхита. Жил там некий Сомашарман, украшение брахманского сословия. Было у него, друг, двое сыновей, Ватса и Гулма, и дочь Шрутартха. Со временем Сомашарман и его жена умерли и обратились в прах, а о сестре стали заботиться братья. Заметили однажды Ватса и Гулма, что их сестра понесла под сердцем, и, поскольку не было там никакого третьего мужчины, стали подозревать один другого. Шрутартха же, догадавшись о взаимных подозрениях братьев, призналась: „Не подозревайте друг друга, послушайте, что я вам скажу».

Есть у брата царя нагов Васуки сын, и зовут его Киртисена. Однажды увидел он меня, когда я ходила купаться. Поразил его Мадана страстью ко мне, и Киртисена, назвав свое имя и племя, сделал меня своей женой по обряду гандхарвов. Мой муж — брахман. От него я и беременна». Выслушали сестру братья и засомне-

вались: „Какая-то тайна здесь скрыта!“ Она же, когда спустилась ночь, призвала царевича-нага, а он, явившись, обратился к Ватсе и Гулме с такими словами: „Да, я сделал своей женой эту лучшую из небесных дев, над которой тяготеет проклятие, из-за чего она и родилась на земле в облике вашей сестры. И вы оба обрели облик смертных из-за того же проклятия. Когда же родит она сына, то, несомненно, с нее и с вас проклятие спадет“.

Так сказав, юноша исчез. Через некоторое время у Шрутартхи родился сын. Знай же, что я и есть ее сын. При рождении моем раздался с неба божественный голос, возвестивший: „Вот родился брахман по имени Гунадхья, в котором воплощен гана!“

Освободившись от проклятия, мать моя и оба дяди через некоторое время избавились от земной жизни, и остался я сиротой. Погоревав, пошел я в южные края учиться, поскольку никакой опоры, кроме самого себя, у меня в жизни не было. Шло время, прославился я совершенным знанием всех наук и, пожелав проявить свои способности, отправился в родные края.

Рассказ купца Мушаки о том, как он разбогател

Дошел я после долгого пути до города Супратиштхита, вступил с учениками в его пределы и увидел, как он прекрасен: в одном месте поют гимны Самаведы в точном соответствии с правилами; в другом — брахманы ведут ученый спор о толковании вед; там — всякому, кто искушен в азартных играх, достается несметное богатство, а тут — сидят, беседуя друг с другом, купцы, обсуждают свое ремесло и достаток. Один из них так, например, говорил:

„Что удивляться тому, кто, себе во всем отказывая, скапливает богатства! Я вот сокровища свои добыл, ничего вначале не имея. Когда еще был я в утробе матери, скончался мой отец, а жадные родичи расхитили все, что он оставил. Тогда моя мать, от них и себя и меня, еще не родившегося, спасая, поселилась в доме Кумарадатты, друга отца. Там и родился я, единственная надежда матери, верной памяти мужа. Она добывала мне пропитание, не гнушаясь никаким тяжелым трудом. Подрос я, и она попросила какого-то наставника поучить меня, и одолел я и счет и грамоту, а когда выучился, она мне так сказала: „Ты — сын купца! Поэтому и тебе нужно начать торговать. Живет здесь богатый купец Вишакхила. Говорят, дает он беднякам из порядочных семей товар для торговли. Ступай, попроси его, чтобы и тебе дал“.

Пошел я к нему и попал как раз в то время, когда Вишакхила сердито выговаривал какому-то купеческому сыну: „Видишь, лежит на полу дохлая крыса. Если купец настоящий, то он и на ней деньги наживет. Я же тебе, ни на что не годному, сколько золотых дал?! А ты не то что прибыль получить, даже скверчание их не смог!“ Слыша все это, обратился я к Вишакхиле: „Разрешите мне

взять эту крысу для того, чтобы торговлю начать“. Забрал я дохлую крысу, оставил у купца расписку и пошел своей дорогой. Долго смеялся надо мной Вишакхила, а я тем временем продал крысу другому купцу на прокорм его кошки за две пригоршни гороха. Изжарил я горох, взял кувшин с водой, отправился за город, сел в тени дерева у перекрестка и почтительно стал предлагать усталым дровосекам, шедшим с вязанками дров, гороха пожевать да холодной воды испить. В уплату же каждый из них мне с благодарностью отдал одно-два поленца из своей ноши. Те дрова я отнес на базар, продал и на часть вырученных денег еще гороху купил. На следующий день дровосеки отдали мне в уплату за горох да за воду целую ношу дров. Каждый раз я торговал таким образом и, подсобрав денег, скупил у дровосеков все дрова, что они нарубili за три дня.

Случилось так, что из-за проливных дождей нельзя было дров из леса в город доставить, и тогда продал я свои дрова за большие деньги. На те деньги поставил я лавку, упрочился мой достаток, и благодаря торговле день ото дня становился я и богаче и удачливее. Велел я тогда изготовить крысу из золота и отдал купцу Вишакхиле свой долг, а он отдал мне в жены свою дочь. Вот почему зовут меня люди Мушака. Так-то я хоть и вовсе ничего не имел, а стал богат“. Слушавшие эту историю купцы очень дивились. Да и кто не удивится, увидев, что художник картину рисует без холста или без стены!

О том, как брахман учился мирской хитрости

В другом же месте стоял брахман, знаток Самаведы, которому невесть откуда досталось восемь машей золота. Какой-то сводник ему говорил: „Раз ты брахман, так не надо тебе заботиться о пище насущной. Ты бы пошел да за свои восемь машей поучился бы мирской хитрости“. Глупец отвечал ему на это: „Да кто меня научит?“ А сводник так сказал: „Есть здесь гетера, которую зовут Чатурика. Ты приходи к ней домой!“ — „Да что я там делать буду?“ — удивился этот недоумок, а сводник ему отвечает: „Дай ей золота и постарайся благородным поведением добиться ее благосклонности“. Выслушав это, устремился знаток Самаведы в дом к Чатурике. Вошел он к ней и был встречен как полагается. Просит глупый: „Поучи ты меня мирской хитрости!“ — и при этом отдает все свое золото. Тут люди, бывшие у гетеры, расхохотались. Удивился брахман: „Чего это им смешно?“ — и развел руками, словно корова ушами. Затем запел он, средоточие глупости, гимны Самаведы пронзительным голосом. Собрались вокруг него тогда все сводники, желавшие потешиться, и, глядя на то, что он выделял, стали говорить друг другу: „Откуда этот шакал сюда явился? Не худо бы наградить его полумесяцем по шее * да побыстрее

спроводить". А глупец подумал, что они говорят о стреле с серповидным наконечником, и в страхе, как бы ему не отсекли голову, бросился наутек с воплем: „Научился я мирской хитрости!" Прибежал он к тому своднику, который послал его в дом гетеры, и рассказал все, что случилось. Тот же ему на это ответил: „Говорил же я тебе — веди себя благородно. Ну где же предел глупости дурней, твердящих веды? Разве там место веды распевать?" Посмеявшись над ним, пошел сводник к гетере и сказал ей: „Отдай ты этому двуногому скоту его золотую травку!" Рассмеялась она и вернула золото, а брахман отправился к себе домой, словно вновь родился.

Проходя по городским улицам, на каждом шагу сталкивался я с такими любопытными сценами и наконец добрался до царского дворца, подобного жилищу великого Индры. Когда ученики возвестили о моем прибытии, вошел я во дворец и увидел царя Сатавахану, восседавшего на троне, подобно Васаве, окруженного министрами во главе с Шарваварманом. Когда я благословил их и меня пригласили сесть, царь оказал мне особый почет, ибо все министры, начиная с Шарвавармана, так ему говорили: „Это, о божественный, прославленный по всей земле, одаренный знанием всех наук ученый брахман Гунадхья! По заслугам он носит это имя, ибо воистину он средоточие добродетелей".

Выслушав хвалу, возданную министрами, царь и мне пожаловал сан министра. И с тех пор стал я жить у него, заботясь о государственных делах, обучая учеников и достигнув семейного счастья.

Пошел однажды я на берег реки Годавари и увидел сад, который назывался „Творение богини", и был он прекрасен, словно божественный сад Нандана, перенесенный на землю. Спросил я садовника, как возник этот сад. И он мне сказал: „Старые люди говорят, почтенный, что когда-то в стародавние времена пришел сюда брахман, давший обеты молчания и поста. Он-то и заложил этот божественный сад вместе с храмом. Собрались тогда здесь брахманы, и в ответ на их расспросы рассказал он им свою историю. Вот она: „Есть на берегу Нармады земля, имя которой Бхарукачча. Там я и родился. Никто мне, нищему и ленивому, милостыни не подавал. В отчаянии покинул я дом и, преисполненный отвращения к жизни, скитался по священным местам, пока не пришел поклониться богине, живущей в горах Виндхья. Почтив ее, я подумал: „Люди радуют ее, животных приносят ей, Исполнительнице желаний, в жертву. Я же принесу в жертву самого себя, ибо дурень подобен скоту". Так порешив, был я готов схватить нож и отсечь себе голову. Но в этот миг раздался голос самой богини, обрадованной моей преданностью: „Сын мой, ты ведь сиддха, не убивай себя! Живи здесь, при мне!" Так обретя жизнь благодаря милости богини, достиг я блаженства, и с тех пор ни жажда, ни голод меня не мучили. Однажды повелела мне богиня: „Ступай, сын мой, в Пратиштхану и разведи там красивый сад". Затем

дала она мне божественное семя, и, придя сюда по ее воле, заложил я этот сад. Храните его!“ Закончив же свой рассказ, он исчез. Вот так по воле богини и возник наш сад, господин“. Выслушав от садовника историю о саде и подивившись ей, пошел я домой».

Когда Гунадхья поведал об этом, Канабхути задал ему еще вопрос: «А почему царя зовут Сатаваханой?»

О царе Сатавахане

Сказал ему тогда Гунадхья: «Слушай, ответу на твой вопрос.

Славился когда-то мужеством царь Дипакарни, и была у него супруга, которую звали Шактимати. Дорожке жизни ценил ее царь. Однажды, когда спала она, утомленная страстью, в саду, укусила ее змея, и умерла Шактимати. Бесконечно любивший ее царь, хотя остался бездетным, принял обет безбрачия. Как-то раз ему, удрученному отсутствием наследника, явился во сне Увенчанный полумесяцем и так сказал: „Ты встретишь в лесу мальчика, оседлавшего льва. Возьми его в свой дом, и будет он твоим наследником“. Пробудившись, вспомнил царь, что ему приснилось, и возрадовался. Вот довелось однажды ему поехать на охоту в глухую чащу, и увидел он среди бела дня на берегу пруда, заросшего лотосом, восседавшего на льве младенца, подобного солнцу. Тотчас припомнилось царю виденное во сне, и поразил он льва, пившего воду, стрелой в бедро. Едва коснулось ее острие шкуры льва, как обратился тот в человека, и когда царь в изумлении спросил его: „Что значит это?“, то услышал: „Владыка земли, я — якша, друг Куберы, подателя богатств, и зовут меня Сата. Довелось мне однажды увидеть купавшуюся дочь риши, одолела меня страсть, и, словно бы сам Манматха был нашим сводником, сочетался я с ней браком по обряду гандхарвов, и стала она мне женой. Но, узнав об этом, ее родичи разгневались и проклинали нас обоих: „Быть вам, грешникам, львами и скитаться, не зная пристанища“. Ей святые отшельники положили быть в облике львицы до той поры, пока не родится у нее сын, а мне — пока не коснется меня стрела. Так-то и обратились мы в пару львов. Со временем она понесла и, родив сына, умерла. Я же взрастил сына молоком других львиц. Сегодня от удара твоей стрелы, царь, спало с меня проклятие. Возьми же в свой дом моего добродетельного сына. Должен я отдать его тебе, ибо и это было предсказано мудрецами, наложившими проклятие“.

Так сказал якша Сата и исчез, а Дипакарни, взяв мальчика, вернулся к себе. И поскольку тот ездил верхом на Сате, царь называл его Сатаваханой. Со временем Дипакарни передал ему царство, а сам ушел в лес предаться покаянию. Сатавахана же стал править всем подлунным миром».

Так по просьбе Канабхути поведал Гунадхья, почему царю было дано имя Сатавахана, а затем снова обратился к своему рассказу.

О том, как важно знать грамматику и сколько времени нужно, чтобы ей обучиться

«Наступил праздник весны. Царь Сатавахана поехал в сад, возвращенный в Пратиштхане по воле богини, и долго там оставался, подобный великому Индре, гуляющему в дивном саду Нандана.

Развлекался царь со своими царицами, и купался под сенью деревьев вместе с ними в пруду, и, ударяя ладонями по воде, осыпал их брызгами, и они отвечали ему тем же, словно слониhi в реке, окатывающие из хоботов слона. Сатавахана наслаждался, глядя на их лица с глазами, подкрашенными цветочной пылью, на их тела, облепленные намокшими одеждами. Будто ветер, играющий с лианами в лесу, играл царь с ними. Ветер, врываясь в лес, срывает с лиан листья и цветы, покрывающие их, точно наряды, — так и царь смывал с цариц брызгами, сыпавшимися, подобно ливню, их тилаки, похожие на листья, и срывал с них одежды, подобные цветам. Наконец одна из цариц, стан которой был похож на нежный цветок пириши и отягощен полными грудями, утомилась от забав. Отбиваясь от брызгавшего на нее водой Сатаваханы, она сказала ему: „Оставь, не брызгай на меня водой“. Услышав это, царь тотчас велел принести побольше сластей, зовущихся модаками. Засмеялась царица и попрекнула его: „Да что мне делать в воде со сластями? Ведь я тебе сказала — не брызгай водой! А ты и не понял, что здесь соединены два слова: „ма“ и „удаккайе“. Как же ты, глупец, не знаешь этого правила?!“ Так говорила ему царица, знающая грамматику, и все вокруг смеялись над ним, и одолел царя великий стыд. Бросил он развлекаться и удалился, обиженный и побледневший от досады, в свой дворец. Недобрые думы заполнили его ум, отказался он от пищи и от воды, ни на какие вопросы не отвечал — прямо не живой, а будто бы нарисованный. И терзался он, не зная ни сна, ни отдыха. „То ли в учении мне спасения искать, то ли в смерти?“ Видя царя в таком отчаянии, все его приближенные спрашивали друг друга: „Что это с ним?“ — и сами пришли в смятение. Наконец узнали о состоянии царя я и Шарваварман. Подумали мы что, должно быть, он нездоров. Позвали мы слугу царя Раджахансу и спросили его о здоровье повелителя. Вот что он нам ответил: „Никогда прежде не приходилось мне видеть царя в такой печали. Царицы говорят, что это дочь царя Вишнушакти, чванящаяся своей ложной учностью, повинна в его горе“.

Услышав от Раджахансы такое известие, испытали мы оба замешательство: „Если бы телесная боль одолела царя, то нужно было бы звать врачей. Если же что другое, то трудно найти причину — ведь у его царства нет недругов, все враги уничтожены. Народ любит царя, ничто его державе не угрожает. С чего бы властителю так кручиниться?“ Но тут вдруг молвил слово мудрый Шарваварман: „Знаю я, мучается царь от неведения. „Глуп я“ —

так говорит он и жаждет вкусить учености. Дошло до меня также, что недавно одна из цариц жестоко над ним посмеялась“.

В подобных раздумьях скоротали мы ночь, а на заре отправились в покои владыки земли, и хотя было велено никого не пускать к государю, вошел к нему я, а за мной и Шарваварман. Приблизился я к царю и почтительно спросил: „Божественный, что же ты беспричинно терзаешься?“, но хоть и слышал Сатавахана мои слова, но по-прежнему сидел ко всему безучастный. Тогда обратился к нему Шарваварман и повел такую речь: „Послушал бы ты меня, царь! Ведь прежде ты со мной разговаривал. Этой ночью мне было видение: видел я, что с неба упал лотос, некий божественный юноша его раскрыл, и из цветка явилась небожительница-дева, одетая в белое, и она, царь, тотчас вошла в твои уста. Проснулся я внезапно, и подумалось мне: нет сомнений, это Сарасвати проникла в уста божественного“. После того как Шарваварман рассказал о вещем сне, Сатавахана прервал молчание и спросил меня озабоченно: „Скажи, сколько нужно времени усердному ученику, чтобы достичь учености? Не улыбнется мне богиня счастья Лакшми, если не одолею я науки. Царская пышность пристала глупцу так же, как драгоценное украшение бревну“. Тогда заговорил я: „Обычно, царь, люди полагают, что нужно двенадцать лет, чтобы познать грамматику, царицу всех наук. Но я берусь обучить тебя лишь за шесть лет“. С гневом возразил Шарваварман на эти слова: „Как можно так долго обременять тех, чей удел — счастье?! Я берусь обучить тебя, божественный, всего за шесть месяцев“.

Услышав такое бахвальство, я рассердился: „Коли ты царя за шесть месяцев обучишь, то навсегда забуду я санскрит, пракрит и бхаша, язык, которым пользуются местные жители“. А Шарваварман подтвердил: „Непременно я это сделаю, а если не сделаю — двенадцать лет буду покрывать голову твоими сандалиями!“ — и удалился. Пошел и я к себе домой. А царь, убедившись из этих слов, что его желание осуществимо, успокоился.

Вскоре понял Шарваварман, какое трудное дело он затеял, и, впад в сомнения, рассказал обо всем жене. Огорчилась она и молвила: „Не вижу я здесь никакого другого пути, супруг мой, кроме как поклониться владыке Кумаре и просить у него помощи“. Согласился с ней Шарваварман и на исходе ночи, не поев, не попив, отправился в храм Кумары. Узнал я от согладата, куда пошел Шарваварман, и сообщил царю, а тот сказал: „Посмотрим, что из этого будет!“

Тут обратился к Сатавахане один раджпут, по имени Синхагупта: „Божественный, очень был я удручен, видя одолевшую тебя немочь. Решил я тогда отсечь себе голову в жертву богине Чандике, чей храм стоит за городом. Пошел я туда, и как раз в то мгновение, когда я уже собирался свершить такую жертву, раздался голос с неба: „Не делай так! Непременнo желание царя исполнится!“ Думаю я, что будет тебе, царь, успех в твоём деле“.

Поговорив с царем, отрядил Синхагупта за Шарваварманом двух соглядатаев. А тот тем временем, одним воздухом питаюсь, молчаливый и исполненный решимости, дошел до храма Кумары. Там Картикея возрадовался суровому подвижничеству Шарвавармана, готового даже телом своим пожертвовать, и наградил его желанным даром.

Посланные же Синхагуптой соглядатаи все это видели и, раньше его вернувшись, рассказали царю об удаче, которая выпала на долю Шарвавармана. При этой вести стало царю радостно, а мне горько, подобно тому как при виде тучи птица чатака веселится, а гусей одолевает печаль. А Шарваварман, щедро одаренный Кумарой, вернулся и стал обучать царя всем наукам, и Сатавахана прилежно их изучал. Чего не свершится по милости бога!

Вся страна возрадовалась, прослышав об успехах царя, повсюду начался праздник, и над домами по этому случаю весело взвились флаги. Государь почтил Шарвавармана, как полагается почитать учителя, осыпал его жемчугами, достойными царей, и поставил его правителем над страной Марукаччха, раскинувшейся по красивым берегам Нармады. Подобной же награды удостоил он и Синхагупту, сообщившего ему с помощью соглядатаев об успехе подвижничества Шарвавармана. Что же касается дочери Вишнушакти, которая была причиною обретения ее супругом знаний, то из благодарности к ней поставил он ее выше всех других царей и стала она для него любимой женой.

ВОЛНА СЕДЬМАЯ

Успешно выполнил Шарваварман свое обещание, а я был обречен на молчание. Пришел я как-то к царю, а там некий брахман читал стих, им сочиненный. Царь сам перевел этот стих на чистый санскрит, и, выслушав, как он произнес его, все присутствовавшие выказали большую радость. Тогда царь с почтением попросил Шарвавармана рассказать, как Картикея помог ему исполнить обещание, и с соизволения царя Шарваварман поведал о случившемся:

„Ушел я отсюда, наложив печать на уста свои и постясь, и, когда уже немного осталось пройти, от трудного подвига исхудав и ослабев, свалился я на землю без памяти. И почудилось мне, будто некий муж, державший в руке копье, подошел и сказал: „Встань, сын мой, во всем ты преуспеешь!“ И от этих слов я, словно орошенный амритой, встал, и покинули меня и жажда, и голод, и иные мучения, и вернулась ко мне бодрость.

Тогда, исполненный преданности и благодарности, дошел я до храма, совершил омовение и вступил с трепетом под его своды. Тут явился предо мной повелитель Сканды, и по его воле вошла в мои уста сама Сарасвати. Затем бог с шестью ликами, подобными лотосам, изрек шестью ртами сутру. Услышав ее, я по свойст-

вешнему людям легкомыслию придумал и произнес другую сутру. Тогда бог сказал мне: „Если бы ты не произнес ее, то пожалованное мною учение сделало бы излишней грамматику Панини. Теперь по причине своей краткости оно будет называться „Катантра“ или же „Калапака“ в честь хвоста павлина, на котором я езжу“. Открыв мне в награду новую и легкую науку о слове, вот что еще сказал мне бог: „Был твой царь в прежнем рождении Кришной, учеником мудрого аскета Бхарадваджи, и прославился жестокими подвигами. Но из-за того, что, увидев однажды дочь мудреца, он, пораженный стрелами бога любви, вспылал к ней страстью, проклинали его отшельники. Поэтому родился он пыне на земле, и она, тоже обреченная на земное существование, стала его первой женой. Он-то и есть царь Сатавахана.

Когда теперь он встретится с тобой, то согласно твоему желанию одолеет все науки, ибо усилия счастливых людей, подобных ему, венчаются успехом благодаря высоким достоинствам, свойственным им в прежних рождениях“. После этих слов бог исчез, а я вышел из храма, и жрецы поднесли мне риса. Отправился я, о царь, обратно, но вот чудо какое: каждый день ел я подаренный рис, однако оставалось его всегда столько же, сколько мне дали“. Умолк, поведав свою историю, Шарваварман, а Сатавахана, радостный, отправился совершать омовение.

О жизни Гунадхьи в лесу

Из-за взятого на себя обета молчания оказался я в стороне от государственных дел, и, хотя не хотел отпускать меня царь, выпросил я знаками — ведь говорить-то я не мог — освобождения от милостей божественного.

Сопровождаемый двумя учениками, я покинул город и, решившись на жизнь, полную религиозных подвигов, пошел поклониться Виндхийской богине. Явилась она мне во сне и велела идти в этот страшный Виндхийский лес, чтобы повидать тебя. Спрашивая о дороге встречавшихся мне людей, пришел я сюда и нашел великое множество пайшачей. Прислушиваясь к их болтовне между собой, усвоил я их речь и по этой причине избавился от немоты, так как их язык не санскрит, не пракрит и не бхаша. Узнал я из их разговоров, что отправился ты в Уджайини, и стал ждать, пока вернешься оттуда. А как увидел тебя, приветствовал на пайшачи и вспомнил сразу былое свое рождение. Вот и вся моя история».

Кончил Гунадхья, и тогда сказал ему Канабхути: «Слушай же, как узнал я о твоём приходе сюда.

Есть у меня друг, ракшас Бхутиварман, обладающий даром провидения. Пошел я в Уджайинский лес повидаться с ним и спросил его, когда кончится лежащее на мне проклятие. А он так ответил: „Нет у нас, ракшасов, днем никакой силы. Вот подожди

до ночи, и я тебе скажу". Прошел день, и, когда настала ночь, я его спросил: „Почему духи радуются наступлению тьмы?“ — „Слушай, — отвечал мне Бхутиварман, — расскажу я тебе о том, что сказал Шанкара Брахме. „Нет у них силы днем, потому что изнуряют их солнечные лучи, оттого и радуются якши, ракшасы и पिшачи, когда наступает ночь. Не приносят они жертв богам и не чтят брахманов, не ведают в еде никаких правил, едят где и как придется, в спутники не берут тех, кто не ест мяса, да и сами не ходят туда, где живут добродетельные, не питающиеся мясом, и никогда не нападают на чистых, мужественных и разумных“. Заключил же Бхутиварман так: „Ступай к себе, пришел Гунадхья, который избавит тебя от проклятия“.

Поспешил я сюда и увидел тебя. Расскажу я теперь тебе повесть, которую сообщил мне Пушпадапта. Но сначала утоли мое любопытство, объясни, по какой причине прозвали его Пушпадаптой, а тебя Мальяваном?»

История Пушпаданты

Так ответил ему на это Гунадхья:

«Стоит на Ганге пожалованная брахманам деревня Бахусуварнака, и там, рассказывают, жил когда-то брахман Говиндадатта, а его жену, для которой муж был истинным божеством, звали Агнидаттой. Она со временем родила ему пятерых сыновей. Выросли они красивыми, но глупыми и заносчивыми.

Случилось однажды, что пришел в гости к Говиндадатте другой брахман, по имени Вайшванара, который и вправду казался воплощением бога огня. Говиндадатта куда-то отлучился, и гость, войдя в дом, поприветствовал его сыновей. Но они только засмеялись ему в ответ. Тогда, разгневавшись, брахман собрался было уходить, да тут как раз возвратился Говиндадатта и спросил, что случилось. На это пылавший яростью брахман сказал ему: „Глупы твои сыновья, да и ты, наверное, не лучше. Никакого угощения я у тебя не приму, не то придется мне совершать обряд очищения“. Став уверять его Говиндадатта, что ничего у него нет общего с такими дурными сыновьями и не будет. И жена вслед за ним, желая гостю угодить, сказала то же самое. Только тогда после долгих колебаний согласился Вайшванара вкусить предложенной ему пищи.

Видя, что дело оборачивается худо, один из сыновей, по имени Девадатта, стал раскаиваться. Поняв, что отвергнут он отцом и матерью, преисполнился он отвращения к жизни и отправился совершить покаяние в обитель Бадарику. Там он жил, сначала питаясь листьями, а потом одним дымом, и возрадовал своим долгим и суровым подвижничеством супруга Умы. Явился к нему Шамбху и оказал милость, воскликнув: „Познаешь ты все науки, насладишься земным счастьем и исполнятся твои желания!“ По-

шел тогда алчущий знаний Девадатта в город Паталипутру и стал учиться у наставника Ведакумбхи и, как следовало по правилам, служить ему. Однако жена Ведакумбхи воспылала к нему страстью и попыталась заставить юношу сойтись с ней. Какая только блажь не придет в голову женщине!

Из-за этого покинул Девадатта Паталипутру и поспешил уйти в город Пратиштхану, где стал учиться у дряхлого наставника по имени Мантрасвамин, имевшего столь же дряхлую жену. У него и овладел он всеми науками. Но случилось однажды Девадатте увидеть дочь царя Сушармана по имени Шри, и поистине она, словно богиня Шри, была земным воплощением красоты и счастья. Увидел он ее, когда царевна стояла у окна, и показалась она ему богиней луны, летящей по воздуху на волшебной повозке. Страстные взгляды, эти цепи, выкованные богом любви, так привязали их друг к другу, что никак не могли они разойтись. Тогда дочь царя поманила его пальцем, и было это движение словно веление Смары. Когда же он приблизился, она надкусила цветок и бросила ему, но не понял юноша знака царской дочери и, озадаченный и недоумевающий, пошел к наставнику.

Вернулся он домой, палимый пламенем страсти, и стал метаться на полу в корчах и ничего не мог вымолвить. Понял многомудрый, что томится он любовью, и хитростью выведал у него, что случилось. Затем проникательный наставник объяснил ему умысел царевны: „Бросив надкушенный цветок, подала она тебе знак прийти в храм Пушпаданты, усыпанный цветами, и ждать ее. Поспешь туда“.

Понял тогда юноша смысл поданного знака, отправился в храм и стал дожидаться встречи. Пожаловала туда и царская дочь, словно затем, чтобы в восьмой день светлой половины месяца богу поклониться, и вошла в храм. А юноша, нетерпеливо поджидавший за дверью, тут же схватил ее в объятия, а ее руки сплелись вокруг его шеи. Тогда так говорит ему царская дочь: „Интересно, как это ты понял мой знак?“

„Да это не я,— отвечает юноша.— Это мой наставник понял“. Разгневалась она: „Поди прочь от меня, глупец!“ — и, опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил ее, покинула храм. Девадатта же, оставшись один, стал мучиться мыслями о только что обретенной и вновь утраченной возлюбленной, и до того терзал его огонь горькой разлуки, что юноша чуть было не лишился жизни.

Однако Шамбху, которого он умиловил подвижничеством, видя его мучения, послал к Девадатте своего слугу — гану Панчашикху, чтобы тот помог юноше достичь желаемого. Лучший из ганов, утешив Девадатту, одел его в женские одежды, а сам нарядился старым брахманом. Потом пошли они к повелителю земли Сушарману, отцу красавицы, и так сказал ему превосходнейший среди ганов: „Куда-то, царь, пропал мой сын. Пойду я его искать, а тебя прошу взять сноху мою под защиту“.

Выслушав его и боясь разгневать брахмана, принял Сушарман

эту мнимую девицу и поместил ее в покои своей дочери. Затем Панчашикха удалился, а Девадатта, паряженный женщиной, остался со своей возлюбленной и сделался ее самой близкой подругой.

Однажды ночью он открылся ей, и царская дочь тайно сочелась с ним браком по обычаю гандхарвов. Когда же она понесла в чреве своем, Девадатта призвал гану Панчашикху, и тот незаметно вывел его из дворца. Скинул после этого юноша женские одежды, а поутру Панчашикха, приняв, как и раньше, облик дряхлого брахмана, явился вместе с Девадаттой к Сушарману и обратился с просьбой: „Нашел я, царь, своего сына. Верни мою сноху“.

А царь, которому еще ночью стало известно, что та куда-то исчезла, в страхе перед брахманским проклятием призвал министров и сказал им: „Это, верно, не брахман, а бог, явившийся испытать меня. Так ведь часто случается, много об этом рассказывают.“

Рассказ о царе Шиби, накормившем сокола своим мясом

Жил, например, некогда царь Шиби. Был он и щедрым, и мужественным, и самоотверженным, и благочестивым, и покровительствовал всем живым существам.

Однажды, чтобы испытать его, принял Индра облик сокола, а Дхарма обратился в голубя. В страхе перед соколом кинулся голубь на колени к Шиби, и тогда сокол заговорил по-человечески, обращаясь к царю:

„Должен я, царь, его съесть. Отпусти его, ибо голоден я и могу умереть. Разве останешься ты добродетельным, если отвергнешь мою просьбу?“ Возразил ему на это Шиби: „Он прилетел ко мне, ища спасения, и не могу я поэтому отдать голубя. А я дам тебе ровно столько же другого мяса“. Тогда сказал ему сокол: „Раз так, то дай мне мяса от своего тела“. — „Пусть будет так“, — согласился обрадованный царь, но сколько кусков мяса он ни отсекал от себя, голубь все равно весил больше. Тогда Шиби сам стал на весы, и только он это сделал, как с небес раздалось: „Превосходно!“ Индра и Дхарма тотчас же сбросили с себя обличье сокола и голубя и сделали так, что тело Шиби оказалось невредимым, как и прежде. Наградили они его исполнением всех желаний и затем исчезли. Вот и сейчас, наверное, какое-нибудь разгневанное божество, приняв облик брахмана, явилось меня испытать“.

Так сказал своим министрам трепещущий от страха царь и обратился затем к лучшему из ганов, принявшему облик брахмана: „Смилуйся, повелитель, как ни берегли мы твою сноху, да вот этой самой ночью она исчезла“. Тогда брахман, словно почувствовав сострадание к царю, сделал над собой усилие и прогово-

рил: „Коли так случилось, царь, то отдай моему сыну в жены свою дочь“.

Полный страха, как бы брахман его не проклял, отдал Сушарман свою дочь в жены Девадатте, и ушел тогда Панчашикха. А Девадатта, женившись на возлюбленной, стал жить, наслаждаясь сокровищами свекра, ибо не было у Сушармана, кроме этой дочери, никакого потомства. Прошло какое-то время, и Сушарман, возведя на царство внука своего Махидхару, сына Девадатты, исполнив свой жизненный долг, удалился в лес. А затем и Девадатта с женой ушли в лесную обитель, убедившись в том, что их сын утвердился на царстве. И подвижничество их было таково, что смилостивился Шамбху и, прекратив их земное существование, присоединил к сонму ганов. Поскольку не мог понять Девадатта, на что намекала возлюбленная, надкусив цветок, то стал он известен среди ганов под именем Пушпаданты, что значит Цветок в зубах, а жена его сделалась главной хранительницей дверей у богини Парвати, и ее стали звать Джая.

Вот откуда имя Пушпаданты. Теперь же слушай о том, как мне досталось мое прозвище.

У того самого Говиндадатты, который приходился Девадатте отцом, был другой сын, и звали его Сомадаттой. Это и был я. По той же причине, что и Девадатта, ушел я из дома в Гималайские горы. Там усердным покаянием и приношением множества цветов, сплетенных в венки, ублажал я Шанкару, и он мне явился, и тогда я попросил у него, Увенчанного лунным серпом, взять меня в число своих слуг, ибо избавился я от жажды земных радостей. Довольный мною, так сказал мне Шива: „Раз ты порадовал меня гирляндами цветов, которые сам собирал в дремучем лесу, то пусть среди моих ганов и зовут тебя Мальяван, то есть Мастерящий венки. Так супруг Парвати изъявил мне свою волю, и, расставшись с обличьем смертного, достиг я блаженного состояния ганы и обрел по милости Шамбху имя Мальяван.“

Но из-за проклятия Дочери гор я снова был обречен на земное существование, и вот сегодня, о Канабхути, ты видишь меня здесь. Так поведай же теперь мне сочиненное Харой сказание, и тогда мы оба будем избавлены от проклятия».

ВОЛНА ВОСЬМАЯ

По просьбе Гунадхы Канабхути пересказал ему божественное сказание, состоящее из семи частей, на своем пайшачи. И тогда Гунадхья на том же языке пайшачи стал его записывать. Семь лет писал великий поэт и написал семьсот тысяч шлок, а чтоб не похитили это сочинение видьядхары, записал он его своей кровью *, ибо в лесу чернил не было. Сиддхи, видьядхары и другие существа собрались послушать прекраснейшее из сочинений и заполнили собою все воздушное пространство, словно прикрыли

поэта балдахин. Когда же увидел Канабхути, что великое сказание полностью записано Гунадхьей, то спало с него проклятие и вернулся он на небо, став снова видьядхаром; даже пишачи, толпившиеся вокруг Канабхути, попали на небо, так как прослушали они целиком божественное сказание.

**О том, как Гунадхья записал «Великий сказ»,
содержащий историю жизни
и похождения Нараваханадатты**

И подумал несравненный поэт Гунадхья: «„Да распространится этот великий сказ по кругу земному!“ — так велела богиня, определяя конец проклятию, обрушенному на меня. Но как это выполнить? Кому дальше передать мое творение?»

Тогда сопутствовавшие ему два ученика, Гунадева и Нандидева, с почтением молвили наставнику: «Единственно, кому следует передать сказание, это царю Сатавахане. Он — великий знаток поэзии и сумеет распространить сказание по земле, подобно тому как ветер разносит аромат цветов». — «Так тому и быть!» — согласился Гунадхья и послал верных учеников, отдав им книгу, к царю Сатавахане, а сам, пойдя вслед за ними, в город не вошел, но стал их поджидать в созданном по велению богини саду.

Ученики же, явившись к Сатавахане, показали царю великую поэму и сказали: «Это — творение Гунадхьи!» Но царь, высокомерный и заносчивый от своих знаний, услышав язык пайшачи и видя, что ученики Гунадхьи похожи на пишачей, презрительно сказал: «Бессмысленна речь пишачей *, хотя бы и в семистах тысячах шлок, написанных кровью. Тьфу на эту тарабарщину!» Как пришли Гунадева и Нандидева, так и ушли, забрав книгу, и про все, что случилось, поведали наставнику.

Выслушав их, преисполнился Гунадхья печали. Да и чье сердце не огорчится от незаслуженного поношения со стороны мудрого ценителя! Вместе с учениками взошел поэт на ближайший холм, выбрал полянку, выкопал для костра углубление и возжег огонь. Заливаясь слезами, смотрели ученики, как Гунадхья лист за листом, читая их лишь птицам и зверям лесным, кидал «Великий сказ» в пламя. Умолили его ученики сохранить только сто тысяч шлок, содержащих историю о жизни Нараваханадатты.

Так сидел Гунадхья, читал и жег свое творение, и слушали его со слезами на глазах все животные — газели, кабаны, буйволы и прочие, собравшиеся вокруг него, и стояли не шелохнувшись, позабыв щипать траву.

Тем временем занемог царь Сатавахана, и врачи решили, что болен он из-за употребления в пищу сухого мяса. За это стали бранить поваров, а те отвечали: «Мы-то в чем виноваты? Какое мясо охотники приносят, такое мы и готовим». Спросили охотников, а те говорят: «Есть здесь неподалеку холм, а на нем брахман

какой-то читает стихи и, прочитав, бросает их лист за листом в огонь. Собрались к нему все звери, слушают, ничего не едят. Вот потому-то, верно, и стало их мясо сухим».

Услышав про такое, одолеваемый любопытством, царь повелел охотникам провести его к Гунадхье. Увидел он поэта, окутанного отросшими за время лесного житья волосами, словно были это дымные струи затухающего огня проклятия, наложенного на него богиней Парвати.

Заметив, что Гунадхья окружен плачущими зверями, царь, поклонившись ему, спросил, что случилось. И тогда Гунадхья рассказал царю все, что с ним произошло, начиная с проклятия Пушпаданты, и, мудрый, поведал ему, как узнал он сказание на языке пишачей.

Поняв, что Гунадхья не кто иной, как воплощение ганы, поклонился ему в ноги царь и попросил пересказать ему все божественное сказание, родившееся из уст Хары. Ответил Сатавахана на это поэт: «О царь, сжег я уже шесть рассказов, и было в каждом из них по сто тысяч строф. Лишь один уцелел, и в нем тоже сто тысяч строф, возьми его. Мои ученики растолкуют его тебе». Так молвил он и, попрощавшись с царем, освободился, сосредоточив свой разум в молитве, от человеческого тела и возвратился в небесные просторы, ибо спало с него проклятие.

Сатавахана же, взяв это сочинение, известное под именем «Великого сказа» и содержащее историю жизни и походов Нараваханадатты, вернулся в свою столицу. Гунадеву и Нандидеву, учеников поэта, сочинившего «Великий сказ», наградил он землей, деньгами, одеждой, паланкинами и домами. Уяснив с их помощью историю жизни и походов Нараваханадатты, Сатавахана составил вступление к сказу, чтобы поведать, как возникло оно на языке пайшачи. И постепенно «Великий сказ», исполненный разнообразной прелести, своей увлекательностью заставляющий забывать древние сказания о богах, стал известен в столице, а потом пределом его известности стали три мира, на которые делится вселенная.

Волны девятая — двадцать третья охватывают три книги — «Начало рассказа», «О том, что случилось в Лаванаке» и «Рождение Нараваханадатты» — и содержат историю любви Удаяны, царя страны ватсов, к Васавадатте, дочери царя Чандамахасены, правившего в Удждайини. Первая из них повествует о том, как царь Чандамахасена хотел выдать свою дочь замуж за Удаяну. Воспользовавшись страстью Удаяны к охоте на слонов, Чандамахасена велел соорудить большого слона, в которого могло поместиться много воинов и который был бы похож на Надагири, любимого слона самого Чандамахасены. Удайна в одиночку погнался за этим слонем, и когда углубился в лес, то из засады выскочили воины, схватили Удаяну и привели его к Чандамахасене, который поручил пленнику Удайне обучить свою дочь музыке и пению. Стал он ее обучать этим искусствам, и любовь к Васавадатте настолько заполнила его сердце, что вытеснила из него горе и досаду.

По наущению министра Яугандхараяны Удайна бежит вместе с Васавадаттой в Каушамби, столицу царства ватсов. На полпути он встречается со своим войском под предводительством полководца Руманвата и оста-

ется в лагере, ожидая вестей из Удджайини. Ему становится известно, что Чандамахасена доволен случившимся и рад, что Удайна станет его зятем. Вскоре прибывает один из министров Чандамахасены и передает Удайне согласие отца Васавадатты на ее брак с ним. В Каушамби устраивается пышная свадьба. Однако Удайна встречается и со служанкой Вирачитой, и с пленной царевной Бандхумати, прислуживавшей Васавадатте.

Такой образ жизни Удайны тревожит его министра Яугандхараяну и полководца Руманвата, ибо государь, увлеченный женщинами, вином и охотой, забыл о главнейшем своем долге — покорении всей земли. Для достижения подобной цели они считают необходимым сделать женой своего повелителя дочь Прадботы, царя Магадхи, рассудив, что раз он породнится с Удайнай, то превратится из врага в союзника, и вот тогда-то для Удайны станет возможным завоевание всего мира. Они знают, однако, что правитель Магадхи, наслышанный о великой любви Удайны к Васавадатте, не отдаст свою дочь замуж за их царя. Тогда министры решаются пойти на обман и, воспользовавшись пристрастием Удайны к охоте, увлекают его в страну Лаванаку, и, пока он охотится, Яугандхараяна с Васавадаттой отправляется в Магадху, а Руманват устраивает поджог дворца и распускает слух, что царица сгорела.

Переодетые Яугандхараяна и Васавадатта в сопровождении царского наперсника Васантаки прибывают в Магадху. Васавадатта, принявшая имя Авантики, становится служанкой Падмавати, дочери царя Прадботы. В результате хитроумных действий Яугандхараяны Удайна соглашается на свадьбу с Падмавати, а затем приезжает в Каушамби, где обман раскрывается. Яугандхараяна объясняет, ради чего он прибег к такому обману, а Падмавати и Васавадатта проявляют взаимное великодушие, и Удайна наслаждается всеми радостями жизни. Яугандхараяну же по-прежнему тревожит мысль о невыполнении царем его священного долга, и он торопит своего повелителя, но Удайна решает прежде всего совершить подвижничество во славу могучего Шивы и предпринимает пост. Через три дня и три ночи поста царю во сне является Шива и, сказав, что путь Удайны к победе будет свободен от препятствий, предрекает, что у него родится сын, которому суждено стать верховным повелителем видьядхаров.

Собрав союзников, Удайна начинает поход и обращает всех прочих царей в своих вассалов. Теперь он обременен уже заботой о том, как бы покоренные правители ему не изменили. Яугандхараяна успокаивает его, советуя, что, если кто-либо из них ответит злом на добро, оказанное им, — а Удайна оставил их на троне, обратив в своих вассалов, — того следует убить. После возвращения в Каушамби Удайна снова возлагает бремя забот по управлению страной на Яугандхараяну, а ее защиту — на Руманвата, а сам проводит все время в обществе Васавадатты и Падмавати, любимой многострунной вины, наперсника Васантаки, лишь иногда оставляя их, чтобы потешиться охотой.

Однажды к царю пришел божественный мудрец Нарада и увещал его не увлекаться чрезмерно охотой, таящей в себе непредвиденные опасности, и тоже предрек рождение у Удайны и Васавадатты сына, истинного воплощения бога любви Камы, и этот сын по воле судьбы, как сказал Нарада, на целую кальпу станет верховным повелителем видьядхаров.

В положенное время царица понесла под сердцем, и стало ее занимать все, что касалось видьядхаров, и приходили к ней сны, будто бы слетались они к ней и брали с собой в полет, а когда просыпалась, то и наяву хотелось ей того же. А тем временем жена министра Яугандхараяны родила сына, которого нарекли Марубхути. Родила сына и жена полководца Руманвата, и этого мальчика называли Харишикхой. Обрадовала сыном и жена Васантаки, и младенцу дали имя Тапантаки, и жена начальника стражи Нитьодиты, прозванного Игьякой, тоже родила сына, парченочного Гомукхой. После того как они родились, небесный голос возгласил, что всем им предстоит стать советниками сына повелителя. Сама же царица решила, что семейными жрецами ее будущего сына станут близнецы Шантисома

и Вайшванара, сыновья нищей брахманки Пингалики, которой Васавадатта оказала покровительство.

Настал наконец день, когда царица Васавадатта разрешилась от бремени и родила сына, и весть об этом разнеслась по стране, прежде всего достигнув блистательного Удаяны, и он сам поспешил взглянуть на сына, свою давнюю мечту. Ликовал отец, ликовали министры и все подданные, и раздался с небес божественный голос, возгласивший: «Родился у тебя, Удаяна, сын, истинное воплощение бога Камы, и нареки его Нараваханадаттой, и со временем станет он верховным повелителем видьядхаров».

Много дней длилось великое торжество по случаю рождения царевича, и время шло, и отец уже с любовью наблюдал, как малыш делает первые шаги, и наслаждался тем, как лепетал он первые слова и как стали сыну друзьями Марубхути, Харишикха, Гомукха, Тапантака, а также племянники жреца Шантикары, сыновья нищей брахманки Шантисома и Вайшванара, и были они сердечно привязаны к нему и неразлучны с ним, словно его собственные добродетели.

КНИГА О ЧЕТЫРЕХ ДЕВУШКАХ

ВОЛНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Да защитит вас от несчастий Слополийкий, сокрушающий беды своим сиянием, окрашивающий всю землю в шафранный цвет краской, осыпающейся с его хобота!

Так жили повелитель ватсов с супругой, взращивая своего единственного сына Нараваханадатту. Однажды, заметив, что царь тревожится, как бы ему уберечь сына, министр Яугандхараяна сказал ему с глазу на глаз: «Не следует тебе тревожиться о царевиче. Родился он в твоём доме по воле Шивы, и предназначено ему стать повелителем видьядхаров. Узнав с помощью волшебного знания о таком провозвестии, нынешний повелитель видьядхаров пришел в ярость, и стала ведома его ярость Несущему полумесяц на челе, и назначил бог предводителя ганов Стамбхаку защищать Нараваханадатту. Незримо присутствует здесь Стамбхака, охраняя твоего сына. Так сообщил мне мудрец Нарада».

Пока министр рассказывал об этом царю, с небесной тверди сошел дивный муж с мечом в руке, излучавший сияние и увенчанный диадемой. Он склонился в приветствии, и повелитель ватсов, оказав ему гостеприимство, спросил с любопытством: «Кто ты? Какое дело привело тебя сюда?»

«Был я когда-то смертным, а ныне я властвую над видьядхарами, и зовут меня Шактивега. Силой мысли своей узнал я, что твой сын станет в будущем нашим повелителем, и потому пришел я сюда, чтобы взглянуть на него». Тогда царь спросил Шактивегу: «Расскажи нам, друг, как и почему становятся видьядхарами?» И Шактивега отвечал ему так: «На тех, о царь, кто в этом или прошлом рождении радовал Шанкару, простирает он свою милость и обращает в видьядхаров. Разными путями можно этого добиться: овладев знанием, ловко действуя мечом или искусно сплетая гирлянды для жертвоприношений. Расскажу тебе, как я стал видьядхарой. Слушай же!» И рассказал Шактивега Удайне и Васададате такую историю:

О царевне Канакарекхе, не желавшей идти замуж

«В давнюю пору был украшением земного лика город, называвшийся Вардхаманапура, и правил в нем мужественный царь Паропакарин. У него, преуспевающего, была супруга Канакапрабха, подобная, как о том и говорило ее имя, молнии, супруге облака. Со временем родилась у них дочь, столь прекрасная, что казалось, будто Творец вознамерился, создав ее, затмить красоту Лакшми. Стала она у людей на глазах расти, словно луна, это око мира, и дал отец ей имя Канакарекха, напоминавшее имя матери.

Когда же вступила царевна в пору девичества, то сказал ее отец царице Канакапрабхе: „Растет наша дочь, и вместе с ней растет тревога в моей душе о ее свадьбе. Как недопетая песня раздражает уши слушающего, так и девушка, не выданная замуж, огорчает окружающих. Если же отдадут ее за недостойного, то, подобно знанию, по неведению переданному глупцу, такое замужество ни славы, ни радости не принесет. Кому из царей отдадим мы дочь в жены? Кто будет достоин ее? Вот такая дума беспощадно терзает меня“. Выслушала его Канакапрабха и рассмеялась: „Да ведь не хочет девушка замуж идти. Вот сегодня сидит она и в куклы играет. Спросила я ее: „Когда, детка, увижу твою свадьбу?“ А она на эти слова мне с упреком говорит: „Не надо, не надо меня замуж выдавать. Никогда я замуж не пойду. Не могу я даже и подумать о разлуке с тобой. Мне и в девушках хорошо. А не то умру я, найду какое-нибудь для этого средство“. Когда она такое сказала, огорчилась я и пошла, царь, к тебе. Уж как тут о свадьбе думать, когда девушка об этом и слышать не хочет!“

Встревожился царь, услышав такое из уст супруги, вошел к дочери в покой и сказал ей: „Дочери богов и асуров и те ищут женихов, иной раз даже тяжкие подвиги ради этого совершают. Что же ты, доченька, отказываешься замуж выходить?“ На это Канакарекха, потупив очи, ответила: „Не хочу я, отец, пока выходить замуж. Что тебе об этом тревожиться?“ Возразил ей лучший среди мудрых царь Паропакарин: „Нет греха большего, чем не выдать дочь замуж. Да и дочери живут не сами по себе, а зависят от отца с матерью или от родичей. Еще только-только рождаюсь дочь, а ее уже начинают беречь для другого. Когда же минует детство, то что за жизнь ей в отцовском доме без мужа? Если же в отцовском доме достигает девушка зрелости и начинают у ней крови, то отворачиваются от нее родные и родичи, ибо нечистой становится она и избранный будет зваться мужем нечистой“.

Так убеждал ее царь, и тогда открыла Канакарекха отцу свое сокровенное желание: „Если встретится тебе, отец, какой-нибудь брахман или кшатрий, которому удалось побывать в городе Канакапури, отдай меня ему в жены, и пусть он станет моим супругом. Ни за кого другого не пойду замуж“. Кончила дочь говорить, и подумал царь про себя: „Хорошо, хоть замуж-то пойти согласилась. Но, должно быть, родилась в моем доме какая-то богиня. Иначе откуда Канакарекхе знать о таком городе, ведь она еще ребенок“. А вслух сказал: „Ладно. Быть по сему!“, пошел к себе и стал заниматься каждодневными делами. На другой же день собрал он приближенных и спросил: „Не видал ли кто из вас город, называющийся Канакапури? Если кто видел, так я тому, брахман он или кшатрий, отдам дочь мою, Канакарекху, в жены и сделаю своим наследником“.

Отвечают ему, переглядываясь, приближенные: „Не слышали мы о таком городе, царь, и видать его не видали“. Тогда позвал царь пратихару и так ему повелел: „Ступай и объяви повсюду, на каждой улице и в каждом закоулке, под гром барабанов: „Не видал ли кто город Канакапури?“ Повиновался тот и вышел, сказав: „Да исполнится воля царя!“, и тотчас же разослал царских слуг во все стороны.

Ходят они по городу из улицы в улицу, подданные царя на гром барабана сбегаются, а они объявляют:

Будь то брахман, будь то кшатрий,
Коль видал Канакапури,
Пусть объявится! Он станет
Царской дочери супругом
И наследником престола.

Но сколько ни ходил глашатай по городу, всюду речь его вызвала только удивление. „Да что это за Канакапури, о котором глашатай говорит? Ни мы, ни старики наши там не бывали и про город такой не слыхали“ — так говорили между собой горожане,

слушая глашатая, и никого среди них не было, кто бы мог сказать: „Видел я такой город“.

Между тем услышал крик глашатая брахман Шактидева, сын Баладевы, а он увлекался игрой в кости, и разорили они его дотла. Подумал он: „Проигрался я в пух и в прах, и теперь не пускают меня ни в отцовский дом, ни в дом гетеры. Некуда мне деваться, горемычному. Ну-ка, скажу я глашатаю, будто бывал в этом городе. Кто меня проверит, ежели никто его не видел? А я, глядишь, стану царевне мужем“. Решив так, пошел он к царским слугам и соврал, будто видел тот город. Они же велели ему идти тотчас к пратихаре. Он и ему ту же небылицу повторяет, и тот, обрадовавшись, ведет его к царю. То же говорит Шактидева и царю — на что только не пустится проигравшийся игрок! А царь, чтобы проверить его, посылает пратихару за дочерью, и она пришла и спрашивает брахмана: „Ты что, действительно видел Канакапури?“ — „Видел я тот город, — отвечает. — Когда учился, много странствовал я по земле“. Она же опять у него допытывается: „Каким путем ты в него попал и как он выглядит?“ А он ей на это и говорит: „Пошел я отсюда в город Харапуру, а потом в Варанаси, а оттуда после многих дней пути достиг я города Паундравардханы, а уже оттуда добрался до города, прославившегося под именем Канакапури. Счастлива та земля для добродетельных и подобна столице Шакры, красотой которой наслаждаются обладатели немигающих век. Изучив там все науки, через некоторое время я возвратился сюда. Вот как я туда добрался, и вот каков этот город“. Когда же плут Шактидева кончил свою историю, молвила ему Канакарекха: „Да, почтенный брахман, воистину видел ты тот город. Ну-ка, повтори еще раз, какой дорогой ты туда добирался?“ И снова он ей все повторил. Тогда велела она служанкам проводить его и, когда его увели, подошла к отцу. Спрашивает ее царь: „Ну что, правду брахман сказал?“ На это ответила царевна родителю: „Хоть ты и царь, а неразумно поступаешь. Разве не ведомо тебе, как мошенники добрых людей обманывают? Этот брахман хотел меня провести. Ведь он, лжец, не видел Канакапури. На какие только обманы не пускаются плуты! Послушай-ка рассказ о Шиве и Мадхаве“. И царевна поведала такую историю.

О плутах Шиве и Мадхаве, обманувших жреца

„Есть город Ратнапура, по достоинству названный так, ибо изобилует он самоцветами, лучший из всех городов, и жили там два плута, Шива и Мадхава. Долго эти мошенники в сообществе с им подобными, с помощью разных обманов и воровских средств похищали сокровища, скопленные купцами. Задумали однажды они такую проделку: „Подчистую мы этот город ограбили. Пойдем-ка теперь в Удджайини. Рассказывают, что живет там песьлы-

ханно богатый царский жрец Шанкарасвамин. Избавив его от денег, отдаваем ласк красавиц Малавы, знающих многие способы любви. Этот скряга, на лице которого брови взлетели вверх от высокомерия, половину платы за жертвоприношения забирает себе, и славится эта обезьяна под прозвищем Семикубышечник. Есть, говорят, у него дочь, пастоящая жемчужина. Мы и ее заполучим так же, как и прочие сокровища". На том и порешили Шива и Мадхава, условились, кому что делать, и, времени не теряя, распрощавшись с Ратнапурой, отправились в путь.

А когда добрались они до Удджайини, то сопровождаемый помощниками Мадхава нарядился царевичем и остановился в деревне неподалеку от города. Шива же, хитроумный в своих замыслах, вошел в город, приняв облик аскета, и стал жить там, устроив себе матх на берегу Сипры, заведя для видимости все, что аскету положено, — глину, священную траву куша, чашу для подаяния, шкуру антилопы — все, что надлежит иметь подвижнику. На заре обмазывался он липкой глиной так густо, что казалось, будто только что явился из смрадного ада Авичи, полного зловонной слизи. Во время омовения в струях Сипры подолгу держал он голову под водой, словно заранее пожинал мучительные плоды своей недостойной жизни, а затем подолгу стоял, вытянувшись струной и обратив лицо к солнцу, как бы показывая тем самым, что достоин быть посаженным на кол. Затем приближался он к изваянию божества с пучком священной травы куша, бормоча молитвы, и садился в позу, называемой „лотос“, словно изображая собой четырехликого Брахму. Хитро прикидываясь, лицемер творил жертвоприношения Врагу Пуры цветами, чистыми, как сердца подвижников. Совершив же ложную жертву, словно бы погружался в чтение молитв, будто отдаваясь размышлению над грозящим ему воздаянием за дурные дела.

В другой раз, прикрывшись шкурой черной антилопы, уходил он в город собирать милостыню и бродил, высматривая все глазами, полными обмана. Молча ходил он с посохом в руках и, принимая подаяние, имевшее три цели, трижды нарушал истину: одну часть добытой лицемерием милостыни отдавал воронам, другую — прохожему, а третьей наполнял свою утробу. Затем снова бормотал молитвы и перебирал четки, как бы подсчитывая свои грехи, а ночь он проводил в одиночестве в своем матхе, словно размышляя о бедствиях людей.

Так вот каждый день Шива для отвода глаз предавался суровым подвигам и привлек тем самым сердца горожан. Повсюду только и слышалось: „О, это великий подвижник, достигший подлинной умиротворенности“, и люди стекались со всех сторон выказать ему почтение и преданность.

Тем временем другой плут, его приятель Мадхава, разузнав обо всем через согладатаев, проник в город. Поселившись в отдаленном храме, пошел он, одетый, подобно царевичу, на берег Сипры совершить омовение. Покончив с омовением, узрел он вместе

со всеми, кто его сопровождал, Шиву, бормочущего перед изваянием божества молитвы, и как бы в великом почтении пал ему в ноги. И произнес он при этом перед людьми: „Другого такого великого подвижника не видел я, хоть и странствовал по многим святым местам!“ Шива же, узнавший его, в своем притворстве и знака не подал и сидел, как сидел, не шелохнувшись, а Мадхава отправился к себе.

Когда же спустилась ночь, они встретились и вместе попили, поели и все обсудили, что и как следует делать. Когда же наступила последняя стража ночи, ушел Шива снова в свой матх, а Мадхава, как только забрезжило утро, велел одному из сопровождавших его плутов: „Возьми эту одежду, отправляйся к жрецу Шанкарасвамины и так ему скажи: „Царевич Мадхава из-за преследования родичей был вынужден бежать из Дакшинапатхи. Он явился сюда вместе с несколькими другими благородными юношами, его родственниками, захватив с собой многое из отцовских богатств, и хочет служить вашему царю. Царевич Мадхава, о сокровище славы, просит позволения поклониться тебе“. Вот что нужно тебе почтительно сообщить царскому жрецу“.

Отправился плут, как велел ему Мадхава, с подношением в покои жреца и, выбрав удобный момент, сказал ему с глазу на глаз, что было велено, и отдал ему подарок. Жрец, жадный до подношений, схватил принесенное и, мечтая о дальнейших дарах, во все поверил. Нет лучшего средства разжечь алчность, чем подношение!

После того как посыльный сделал все, что было ему велено, сам Мадхава, избрав удобное время, на другой день отправился к царскому жрецу. Послав вперед человека, чтобы уведомить о своем прибытии, явился к нему самозванный царевич, окруженный приспешниками. И сам он, и все, кто был с ним, изображали паломников с посохами в руках. Жрец вышел ему навстречу и ласково приветствовал Мадхаву. Посидев с ним да потолковав о всякой всячине, с его позволения удалился Мадхава к себе. На следующий день снова плут послал одежду в подарок, а затем пришел сам и обратился к жрецу с такой речью:

„Хотим мы начать служить для украшения рода нашего. Поэтому и прибегаем к твоей помощи. Нет у нас никакой корысти“. Жрец же, понадеявшись на дальнейшие подношения, согласился на просьбу Мадхавы и передал ее царю. А царь из уважения к жрецу ответил: „Да будет так!“ На другой день взял жрец с собой Мадхаву и его приятелей и представил их с должным почтением царю. Тот же, увидав Мадхаву, прикинувшегося царевичем, выказал ему милость, принял на службу и положил жалованье.

Днем Мадхава на царской службе, а по ночам ходит к Шиве да советуется с ним. Жрец же тем временем, жадный до приношений и даров, предложил Мадхаве: „Поселись в моем доме“, и тот стал у него жить вместе со всеми своими людьми. Не ведал

жрец, что поместил у себя причину своей гибели, — так и дереву неизвестно, что его корни подтачивает мышь, поселившаяся под ним.

Однажды плут взял да поставил в сокровищницу жреца кувшин, полный искусно подделанных драгоценностей, и, как бы случайно приоткрыв его, разжег блеском камней алчность жреца, подобно тому как скотину манят пучком травы. Когда же в полное доверие к жрецу вошел Мадхава, то прикинулся он больным и будто вкус к еде утратил и словно бы исхудал. Проходит несколько дней, и говорит слабым голосом Мадхава, повелитель плутов, жрецу, подошедшему к его ложу: „Тело мое, о лучший из брахманов, пришло в бедственное состояние. Приведи ты ко мне какого-либо достойного брахмана. Отдам я ему все достояние свое. Какой добродетельный станет тревожиться о деньгах, если жизнь в нем еще теплится!“

Жрец, алчный до подношений, сказал: „Сделаю я, как ты просишь“, и благодарный Мадхава упал ему в ноги. Привел жрец брахмана, но не понравился он Мадхаве по какой-то причине. Видя это, один из бывших рядом плутов сказал: „Не годится для такого случая обычный брахман. Живет на берегу Сипры великий подвижник Шива. Может быть, он окажется подходящим“. И тогда с мольбой обратился Мадхава к жрецу: „Сделай милость, почтенный, приведи его. Видно, он и есть тот, кто нужен“. Пошел жрец и разыскал Шиву, увидел, что сидит тот недвижим, будто бы пребывающий в размышлениях. Как полагалось, слева направо обошел его царский жрец и почтительно присел перед ним. Тогда тот лицемер медленно-медленно стал открывать глаза. Жрец же, поклонившись ему, сказал так: „Коли не прогневаешься, повелитель, то разреши мне кое о чем тебе поведать“. Еще пошевелив губами, мошенник высказал согласие, и жрец продолжал: „Есть здесь богатый царевич из южной страны. Зовут его Мадхава. Он тяжело занемог и хочет отдать все свое достояние. Коли ты согласишься его принять, то откажет он тебе сокровище, сверкающее цены не имеющими драгоценными камнями“. Ответил ему Шива, нарушив обет молчания: „Зачем мне, целомудренному, живущему подаянием, это богатство, брахман?“

Возразил ему жрец: „Не говори так, о величайший из брахманов! Или не знаешь ты порядка ступеней жизни*? Разве не известно тебе, что высшая из них — хозяин дома, обретший жену, устроивший хозяйство, исполняющий долг по отношению к богам, предкам и гостям? С помощью богатств достигает он трех целей жизни**.“

„Откуда же взять мне жену? — отвечал ему на это Шива. — Не могу же я взять в жены девушку низкого рода?“ Жрец, однако, решив, что подвижник и жениться не прочь, и от богатства не откажется, захотел воспользоваться этим обстоятельством: „Есть у меня дочь Винаясвамини, истинное совершенство покорности, блистающая красотой, и я готов отдать ее тебе в жены. Те

же сокровища, которые ты получишь от Мадхавы, буду оберегать я, а ты вкушай себе радости семейной жизни“.

Тут Шива, поняв, что задуманное им и Мадхавой осуществляется, ответил ему на это: „Сделаю я, брахман, как ты предлагаешь. Но я — отшельник и ничего не понимаю ни в золоте, ни в жемчугах. Я буду действовать, как ты скажешь. Поступай как знаешь!“

Обрадовался жрец этим словам и сказал: „Так тому и быть!“ А затем повел глупец мнимого подвижника к себе домой. И, введя к себе опасного гостя, хотя имя его и вещало благополучие, рассказал жрец Мадхаве все, как было, и тот обрадовался. Затем отдал он Шиве в жены свою дочь, словно достояние, трудами взращенное и по глупости утраченное.

На третий день после свадьбы повел жрец Шиву к мнимому больному. Мадхава приветствовал гостя: „Слава тебе, чьи подвиги превзошли воображение!“ — и слова эти не были ложью, — пал ему в ноги и затем отдал Шиве кувшин, принесенный из сокровищницы, который был полон фальшивых украшений, усыпанных поддельными рубинами. Принял Шива подношение и тотчас же передал его жрецу, говоря при этом: „Не знаю я, что с этим делать, тебе же все ведомо“. Жрец с жадностью тотчас схватил кувшин и пробормотал: „Я же раньше еще согласился. Чего тебе тревожиться!“

Благословив Шиву, который отправился в покои жены, царский жрец отнес кувшин в свою сокровищницу. Мадхава же на следующий день излечился от мнимой болезни, будто бы из-за щедрого даяния пришло к нему исцеление. И когда снова явился к нему жрец, возблагодарил его Мадхава: „Благодаря твоей благочестивой помощи избавился я от недуга“. А затем повсюду стал говорить он, что от чудодейственной силы Шивы исцелилась его плоть, и открыто вел с ним дружбу.

Минуло несколько дней, и Шива предложил жрецу: „До каких пор буду жить я в твоём доме, наслаждаясь и не зная забот? Почему бы не выкупить тебе у меня эти украшения, дав за них приличную цену? Сколько можешь, дай мне за них“. Выслушав такое предложение и посчитав сокровища бесценными, говорит ему жрец: „По рукам!“ — и все свое достояние отдал Шиве. А чтобы скрепить сделку, написал расписку, будучи уверен, что полученное им сокровище превосходит ценой его собственное имущество. Взяв друг у друга расписки, жрец и Шива стали жить с тех пор отдельно.

Весело зажили Шива и Мадхава, пользуясь богатствами жреца. Прошло некоторое время, и жрец, алчущий денег, выбрал из украшений один браслет и пошел на рынок его продать. Осмотрели тот браслет внимательно купцы, знающие толк в драгоценных камнях, и сказали: „Чья же это работа? Ловко подделано, ничего не скажешь! Хоть и сверкает браслет различными цветами, но нет в нём ничего, кроме разноцветных кусочков стекла,

так искусно оправленных, что кажутся они драгоценными камнями“.

Встревожился жрец, принес из дома все украшения и показал их купцам. Посмотрели они внимательно и, увидев, что это подделки, так и сказали царскому жрецу, а его словно громом поразило. Кинулся он, глупец, к Шиве и взмолился: „Забери свои драгоценности, верни мне мои деньги!“ — „Откуда же возьму я тебе деньги? — возразил ему Шива. — Все, что было, истрачено. Времени ведь прошло немало“.

Тогда они оба, пререкаясь, пошли к царю, сопровождаемые Мадхавой. Стал жрец царю жаловаться: „Божественный, этот Шива у меня, ничего не подозревавшего, все богатство расхилил, а взамен отдал груды фальшивых украшений, усыпанных кусочками стекла да мелкими камушками, словно настоящими драгоценными камнями!“

Шива так на это ответил: „О царь, с самого детства жил я как подвижник, а он навязал мне свое подношение. Я говорил ему, что ничего не смыслю в драгоценных камнях и во всяких прочих украшениях, и приводил ему разные доводы. Он же сказал, что сам все знает и мне нечего беспокоиться. Тогда согласился я и, приняв дар, все, что у меня было, вручил ему. Он, владыка, за полученное сам цену назначил. На то и купчая есть, скрепленная его и моей рукой. Нынче же, господин, прибегает он к твоей высокой помощи“. Только кончил Шива говорить, как заговорил Мадхава: „Не поминай моего имени, жрец! Я здесь и вовсе ни при чем. Ничего я не взял ни у тебя, ни у Шивы. Долго хранил я предками собранные богатства и отдал их только высокодостоинному брахману, которого ты привел ко мне. А если в украшениях и действительно нет ни жемчугов, ни золота, а только кусочки стекла да мелкие камушки, в оправу вставленные, так и то мой дар пользу принес, ибо сделан был от чистого сердца: все знают, как исцелился я от тяжкого недуга“. Ничто в лице Мадхавы не дрогнуло, пока говорил он эти слова, и, когда он кончил, засмеялся царь, а за ним и министры, и был государь доволен, а присутствовавшие в собрании говорили со смехом и улыбками: „Все, что Шива и Мадхава делали, — все по закону“. Жрец же, утративший богатство, с позором ушел отсюда. Разве не корыстолюбие, ослепившее разум, причина всех его несчастий?!

А Шива и Мадхава, эти отъявленные пройдохи, долго жили, обласканные царем и наслаждаясь его милостями. Так плетут обманщики сети из сотен нитей, сбегających с языка, как с челнока, и, словно рыбаки рыбу, оплетают ими простаков.

Так-то, отец, и этот брахман, навравший, что, мол, видел он Канакапури, хочет заполучить меня в жены, обманув тебя. Не спеши поэтому с моим замужеством. Пусть побуду я еще в девичестве, посмотрим, что мне на долю выпадет“. Когда же закончила рассказ царевна Канакарекха, возразил ей царь Паропакарип: „Не следует, дочка, чрезмерно долго пребывать в девичестве,

ибо дурные люди находят радость в том, чтобы очернить добродетель, и, чем достойнее человек, тем чернее возводимая на него ложь. Послушай, расскажу я тебе, что случилось с Харасвамином.

Об оклеветанном подвижнике Харасвamine

В том городе, что стоит на берегу Ганги и зовется Кусумапура, появился подвижник Харасвамин, скитавшийся по святым местам. Питался он подаянием, кров находил в хижине из листьев, построенной им самим около реки, и столь истово предавался подвижничеству, что достиг среди людей высокого уважения.

Случилось однажды, что когда он вышел за подаянием, то, увидав его издалека, сказал людям один проходимец, завидовавший его добродетели: „Знаете ли вы, что этот подвижник — злодей? Ведь он здесь всех детей пожирает!“ Услышав это, и другой заговорил о том же: „Истинно, истинно, и я такое слышал!“ Тут и третий подхватил: „Так все и было!“ Вот и покати́лась злая молва, оплетающая добрых людей, и слышится и там и здесь, и вот уже весь город полон ею. Горожане не выпускали детей из дому, говоря, что Харасвамин уводит их и всех пожирает. Собрались городские брахманы, напуганные гибелью детей, и, посоветовавшись, решили изгнать Харасвамина из города. „Чего доброго, разгневаешься он да сожрет нас!“ — подумали они, однако, в страхе и постановили передать ему свой приказ через особых вестников.

Пошли послы и кричат издалека: „Уходи из нашего города! Так мы, дваждырожденные, рассудили. Таково наше повеление тебе!“ — „За что?“ — спрашивает их изумленный Харасвамин. „Да как же! — снова они ему кричат. — Ты младенцев пожираешь!“ Когда такое дошло до его ушей, решил Харасвамин подойти к ним, а они, видя, что он к ним приближается, разбежались в страхе. Воистину, кто сплетням верит, у того нет разума. Стояли они наверху, а хижина Харасвамина была внизу, у самой воды, и вот он стал по имени окликать каждого брахмана, что к нему пришли, а потом спросил их: „Что за наваждение нашло на вас, брахманы? Сколько, чьих детей и где я съел? Осмотритесь-ка кругом!“

Услышали это брахманы, осмотрелись кругом, и действительно: у всех у них дети живы, играют; за ними и остальные горожане убедились в этом; тогда брахманы, и купцы, и весь народ заговорили: „Ох, глупые мы, по невежеству посчитали злодеем добродетельного человека! Ведь живы дети-то! Да и кому нужно их поедать?“ Так толковали во всем городе, а Харасвамин, с чьей головы спала вина, решил все-таки его покинуть. Какому же добродетельному человеку захочется жить в такой стране, где без разумения принимают на веру распущенный злодеями слух?! Тогда повалились ему в ноги брахманы и купцы и стали упрашивать

его остаться, и скрепя сердце согласился Харасвамип на их просьбу.

Так-то вот злодеи часто возводят наветы на людей, славящихся доброй жизнью. Если злодеям дать хотя бы малый повод, они возгораются, словно масло, попавшее в пылающий костер. По-моему, доченька, не должно тебе долго пребывать в девичестве — оно для злых наветов легкая добыча, и если не будешь ты упорствовать, то облегчишь мое сердце“.

Но Канакарекха была тверда в своем решении и, не внемля отцу, ответила ему так: „Вот слово мое — вели разыскать брахмана или кшатрия, кто действительно видел Канакапури, и тогда отдашь меня ему в жены“.

Царь, поняв, что дочь не уступит, и не зная никакого иного средства найти ей мужа, приказал, чтобы со следующего дня всех вновь прибывающих в страну спрашивали и по всему царству под гром барабанов объявляли:

Будь то брахман, будь то кшатрий,
Коль видал Канакапури,
Пусть объявится! Он станет
Царской дочери супругом
И наследником престола.

И стали об этом каждый день повсюду объявлять, но никого не находилось, кто повидал бы город Канакапури.

ВОЛНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Как брахманский сын Шактидева искал таинственный город Канакапури

Между тем брахманский сын Шактидева, злосчастный, царевной униженный, подумал про себя: „Налгал я, что видел Канакапури, и не досталась мне желанная, и выпали мне на долю стыд и позор. Пойду же разыскивать Канакапури, чтобы досталась мне Канакарекха. Пусть лишусь я жизни, но этот город отыщу и, когда вернусь, женюсь на ней. А без царевны на что мне жизнь?“

Решив так, вышел Шактидева из Вардхаманатуры и отправился на юг. Шел он, шел и дошел до густого леса, раскинувшегося по горам Виндхья, и вступил в этот лес, обширный и беспредельный, как дело, которое он затеял. Манили его нежные листочки лиан, колышущиеся от ветра, но жестоко палили тело лучи солнца. Днем и ночью слышались там вопли газелей, раздираемых яростными львами и другими кровожадными зверями, словно стоны жертв ночных грабителей.

Беспрепятственно разлились по этому безлюдью палящие лучи солнца, словно хотело оно одолеть все живое своим нестерпимым блеском. Измученный жаждой и долгой дорогой, где на каждом шагу подстерегали опасности, уже немало дней пробирался пут-

ник сквозь лес и наконец увидел уединенное озеро, полное прохладной и сладкой воды. Покрытое зонтиками раскрывшихся цветков розового лотоса, овеваемое крыльями птиц, оно воистину было царем среди озер. Окунулся в него Шактидева, омылся, утолил жажду и, осмотревшись, увидел на берегу обитель отшельников, осененную тенистыми и полными плодов деревьями. Там у корней дерева ашваттха сидел предавшийся подвижничеству престарелый мудрец по имени Сурьятапаса. По вискам его сбегали серебристые пряди, каждый завиток которых означал один из годов его жизни, а их было более ста.

Шактидева, почтительно поклонившись мудрецу, приблизился к нему, а тот, оказав гостю должный прием, ответил добрым словом и предложил отведать лесных плодов. Затем он спросил: „Скажи, откуда пришел ты и куда идешь?“ — „Пришел я из города Вардхаманапуры, почтенный, а иду искать город Канакапури, но не знаю, в какую сторону идти, чтобы до него добраться. Может быть, почтенный скажет“, — ответил Шактидева. И сказал ему мудрец: „Сынок, уже сто восемь лет прошло, как я сижу здесь, и за все эти годы ни разу не довелось мне слышать об этом городе“. Промолвил тогда огорошенный Шактидева: „Видно, кончатся мои странствования по земле смертью!“ — и поведал мудрецу всю свою историю. Тот ему посоветовал: „Коли ты твердо решился найти город, то сделай так, как я тебе скажу. За триста йоджан отсюда раскинулась земля Кампилья, там высится гора Уттаря, и есть на ней обитель отшельников. Живет в той обители мой старший брат Диргхатапас. Ступай к нему, может, он знает, где Канакапури“. Выслушал Шактидева это наставление, ответил: „Так и сделаю“ — и, проведя ночь у мудреца, поспешил утром, куда ему было сказано.

Много дней миновало, пока он, преодолев сотни препятствий и испытав немало мучений, взмошел наконец на гору Уттаря в стране Кампилья. Разыскал он там подвижника Диргхатапаса, поклонился ему и, встреченный им дружелюбно, поведал о царевне Канакарекхе и городе Канакапури. „Вот и пошел я искать этот город, — сказал Шактидева, — но не знаю, достопочтенный, где он находится. А нужно мне туда дойти, ибо только тогда достигну я желаемого. Послал же меня к тебе мудрец Сурьятапаса“. На это ответил Диргхатапас Шактидеве: „Много лет мне уже исполнилось, и много людей приходило ко мне из разных стран, но ни от кого не слыхивал я о таком городе и сам я его не видел. Но знаю я, сынок, что далеко отсюда есть один остров — скажу тебе, как до него добраться. Стоит он посреди океана и зовется Утстхала. Живет там владетель несметных сокровищ, повелитель нишадов Сатьяврата. На тот остров приезжают люди из разных стран, может, кому и довелось слышать о твоём городе. Отправляйся же сначала в город Витанкапуру, стоящий на берегу океана, а уж оттуда поезжай с каким-нибудь купцом, упросив его взять с собой на корабль, к острову нишадов, и да сопутствует тебе удача в

достижении желаемого". Ответил на это Шактидева: „Так и сделаю" — и с позволения мудреца тотчас же оставил обитель и пустился в дорогу.

Шло время, пересек он многие страны, оставил за собой множество йоджан и наконец добрался до города Витанкапуры, подлинного украшения морского берега. Разузнав, что собирается тамошний купец Самудрадатта плыть на остров Утстхала, свел с ним дружбу Шактидева и, после того как тот согласился взять его с собой, отправился с ним вместе по водным просторам. Но не успели они далеко отплыть, как налетела черная туча, ревущая, подобно ракшасу, и сверкнула молния, тонкая и длинная, как лиана, поднялся яростный ветер, делавший все тяжелое легче пуха, а легкому придававший тяжесть свинца, заходили по морю волны невиданной высоты, метавшие брызги, так что казалось, будто горы, сохранившие крылья, пустились в неистовый пляс, и корабль то возносило чуть ли не до небес, то ввергало в бездну, как купца в океане прибылей и убытков. И в мгновение ока разломилось судно, словно на него навалилась какая-то тяжесть.

Когда волны разбили судно, хозяин его уцепился за доску и после долгих странствий по бурному морю был подобран на другой корабль, а Шактидеву после падения в воду проглотила, словно малую пылинку, гигантская рыба. Рыба эта, по своей прихоти скитаясь в беспредельном океане, оказалась волей судьбы неподалеку от острова Утстхала, а там ее удалось поймать в сети рыбакам, подданным царя нишадов Сатьявраты. Притащили они ее, громадину, к своему повелителю. Взглянул на нее Сатьяврата, стало ему интересно, что у рыбы внутри, и повелел вспороть ей брюхо. И когда это было исполнено, то вышел из ее чрева Шактидева, немало удивленный тем, что пришлось ему путешествовать в рыбьем брюхе.

С изумлением посмотрел царь на Шактидеву, который почтительно его приветствовал, и начал расспрашивать юношу: „Кто ты? Как и почему оказался в чреве рыбы? Поведай нам о твоих приключениях!" Ответал на это Шактидева царю рыбаков: „Брахман я, зовусь Шактидева, а родом из Вардхаманапуры. Нужно мне обязательно разыскать город Канакапури. Не знаю я, где он стоит, и уже долгое время скитаюсь в его поисках по земле. Подсказал мне мудрый Диргхатапас, что, может, знает про тот город царь рыбаков Сатьяврата, живущий на острове Утстхала. Поехал я к этому царю, да по пути разбило наш корабль, и потонуть бы мне в океанской бездне, если бы не проглотила меня эта рыба. Поэтому я и стою теперь перед тобой".

Кончил Шактидева, и сказал ему царь нишадов: „Я — Сатьяврата, а это — тот самый остров, на который ты стремился попасть, но никого не встречал я, кто бы знал о городе, который ты ищешь, да и сам я его не видел, хотя и странствовал по многим островам. Однако доводилось мне слышать, будто есть такой город

на самом краю земли“. Заметив, что опечалился Шактидева при этом известии, ласково обратился к нему Сатьяврата: „Не горюй, брахман. Проведи здесь ночь, а утром что-нибудь придумаем, чтобы достиг ты желанной цели“. Так утешил рыбак добрым словом Шактидеву, и пошел юноша в матх для брахманов, где охотно и дружелюбно принимали гостей. Там жил брахман, которого звали Вишнудатта, занимавшийся приготовлением пищи. С ним Шактидева завел разговор, поведал ему и про страну свою, и про семью и рассказал приключившуюся с ним историю. Кончил он, и тогда Вишнудатта, по щекам которого текли слезы радости, сказал ему: „Вот ведь счастье какое! Ты сын моего дяди и мой земляк. Давным-давно, еще ребенком, попал я в эту страну. Оставайся пока здесь, и, думаю, преуспеешь ты в деле своем, узнаешь, что тебе пужно, из рассказов купцов, приезжающих сюда из других стран“. Так посоветовал Шактидеве Вишнудатта и, сообщив о своей семье, старался быть ему полезным, чем только можно. Шактидева же благодаря этому позабыл о несчастьях, которые довелось ему испытать. Найти родню на чужбине все равно что в безводной пустыне найти кувшин, наполненный амритой!

Теперь Шактидеве казалось, что приближается миг осуществления задуманного и все предрекает ему удачу. Ночью не шел к нему сон, ибо весь он был в мыслях о том, как достичь своей цели. Вишнудатта же, лежавший рядом, поведал ему развлечения ради такую историю.

**Повесть об Ашокадатте, брахманском сыне,
и о его брате Виджаядатте,
ставшем повелителем ракшасов Капаласпхотой**

„Было это давным-давно, и жил в ту отдаленную пору на берегу Калинди в деревне, пожалованной ему царем, прославленный брахман Говиндасвамин. Со временем родилось у него два сына, которых нарекли Ашокадаттой и Виджаядаттой, и были они похожи друг на друга и равно наделены всяческими достоинствами. Поразил жителей этой деревни жестокий голод, и молвил тогда Говиндасвамин своей супруге: „Гибнет деревня наша от засухи. Не могу я смотреть, как друзья и родичи мучаются. Давай раздадим, что у нас есть,— и имущество и еду, а сами уйдем отсюда. Отправимся всей семьей в Варанаси и поселимся там“. Согласилась с ним жена, и, после того как раздала она все припасы, Говиндасвамин с ней, сыновьями и слугами покинул деревню. Не могут добродетельные видеть, как мучаются их близкие!

Повстречали они по дороге косматого, желтого от пепла, украшенного гирляндой из черепов аскета-капалику, подобного самому Шиве, чело которого украшено полумесяцем. Подошел к нему Говиндасвамин и спросил аскета, которому все ведомо о добром и недобром, что предстоит его сыновьям. Отвечал ему подвижник:

„Ждет их обоих благополучие, но, брахман, с младшим, Виджаядаттой, ожидает тебя разлука, однако благодаря другому твоему сыну, Ашокадатте, снова вы встретитесь“. Вот что узнал Говиндасвами у аскета-провидца и, поклонившись ему, пошел дальше, одолеваемый мыслями о счастье и о горе. Добрались они до Варанаси и провели день в храме богини Чандики, с усердием принося ей жертвы и совершая прочие обряды.

С наступлением вечера Говиндасвами и вся его семья расположились под баньяном, возле которого собралось много паломников, пришедших сюда из других стран. Когда же настала ночь, улеглись путники, устроив себе лежа из листьев и травы, и, утомленные дальней дорогой, заснули глубоким сном.

Среди ночи вдруг проснулся младший сын Говиндасвами, Виджаядатта. То тряс его жестокий озноб, то мучил невыносимый жар. словно бы в страхе перед грядущей разлукой с родными, метался он в лихорадке, и все волоски на его теле поднялись. Сотрясаясь от озноба, разбудил он отца и сказал ему: „То жар меня палит, батюшка, то озноб бьет. Достань дров и разведи огонь, чтобы мне согреться. Если не согреюсь, не заснуть мне всю ночь“. Встревоженный его болезнью, сказал Говиндасвами сыну: „Откуда же достать мне сейчас огня?“ — „А разве не пылает большой огонь вон там, неподалеку? Надо туда пойти, иначе не согреюсь мне. Возьми меня за руку, отведи туда!“ Возразил ему отец: „Что ты! Ведь это пылает огонь на кладбище, где сжигают мертвецов. Как тебе, мальчику, идти туда, где полно пищаей и всякой нечисти?“ Но сын рассмеялся, услыша исполненную любви отцовскую речь, и решительно возразил смелый Виджаядатта на его слова: „Да что мне все эти ничтожные пищачи могут сделать? Или отваги мне недостает? Не бойся, веди меня!“

По неразумию говорил так мальчик, но пришлось отцу повести его на кладбище. Чтобы согреться, подошли они совсем близко к костру, метавшему языки пламени и струи дыма и воистину подобному верховной богине ракшасов, пожирающей человеческое мясо. Некоторое время спустя спрашивает Виджаядатта отца: „А что это там в огне круглое лежит?“ — „Это, сынок, горит в костре человеческий череп“, — объяснил ему Говиндасвами. Тогда схватил мальчик пылающую головню и с такой силой ударил по черепу, что он лопнул. Полетели во все стороны брызги мозга, и один кусочек попал в рот Виджаядатте, словно посвятив его погребальный костер в клан ночных чудовищ. И только отведал мальчик человеческого мозга, как тотчас обратился он в ракшаса со всклоченными волосами, зубы его стали отвратительно торчащими клыками, а в руке у него оказался меч с зазубренным лезвием.

Схватил он череп, выпил все его содержимое и вылизал изнутри, как пламя погребального костра заботливо облизывает языками огня кости трупa. Отшвырнув череп, кинулся он с мечом на отца своего, на Говиндасвами, собираясь убить его, как вдруг

раздался над кладбищем крик: „Разрушитель черепа, Капаласпхота, не убивай отца! Ступай отсюда!“ Получив, таким образом, имя Капаласпхоты, разрушителя черепов, он оставил отца и исчез, как и подобает ракшасу. Тогда зарыдал Говиндасвамин, причитая: „Ах, сынок! О добродетельный! Увы, увy, Виджаядатта!“ а затем вернулся к храму Чандики. Утром же он все подробно рассказал жене и старшему сыну, Ашокадатте. Вместе с ними горевал он, пораженный огнем несчастья, словно ударом молнии с безоблачного неба. И все жители Варанаси, приходившие помолиться богине, выражали ему свое сочувствие.

Однажды пришел к тому храму на поклонение богине богатый купец и увидел Говиндасвамина, пораженного горем, а звали того купца Самудрадаттой. Приблизился он к брахману, утешил и поселил вместе с семьей у себя дома, где заботливо предлагал все, что нужно для совершения омовений, приготовления пищи и тому подобного. Ведь для великодушных естественно сострадание к попавшим в беду! Говиндасвамина же с женой поддерживала вера в то, что по предсказанию капалики они снова встретятся с сыном.

С этих пор поселились они в Варанаси и по просьбе купца остались жить в его доме. Второй сын брахмана, Ашокадатта, из мальчика стал юношей, одолел науки и изучил искусство кулачного боя. Шло время, и он стал таким мастером в этом искусстве, что не было ему равного на земле. Однажды на состязание богатырей, устроенное по случаю религиозного праздника, явился прославленный боец из южной страны и одолел на глазах Пратапамукуты, царя Варанаси, всех, кто участвовал в состязании.

Тогда царь, наслышанный о мастерстве Ашокадатты, послал за ним, чтобы вышел он на схватку с этим бойцом. Вот южанин, ударив Ашокадату кулаком в предплечье, начал бой, но таким же ударом ответил Ашокадатта и свалил противника. Когда же тот упал, то звук его падения на землю показался приветственным возгласом самой арены: „Отлично!“ Царь на радостях осыпал Ашокадату, проявившего мужество в бою, драгоценными камнями и приблизил к себе. С тех пор стал Ашокадатта мил царю, и день ото дня возрастало его богатство, ибо повелитель Варанаси, ценя его заслуги, открыл для него свою сокровищницу.

Как-то в четырнадцатый день светлой половины месяца поехал царь далеко за город поклониться Шиве. Закончил он поклонение и ночью, возвращаясь во дворец, оказался вблизи кладбища и услышал доносившийся оттуда голос: „О повелитель! Уже третий день, как судья из ненависти ко мне ложно осудил меня на смерть. Уже третий день я мучаюсь на колу, но никак не оставляет жизнь меня, злосчастного, и жажда мучает. Дай воды мне, божественный!“

Смиловался царь и сказал Ашокадатте, своему приближенному: „Вели, почтенный, чтобы кто-нибудь дал ему воды“.— „Кто же пойдет туда сейчас, во мгле ночной? Я сам схожу“. С этими

словами взял Ашокадатта воды и пошел на голос. Царь тем временем продолжил путь к себе во дворец, а мужественный Ашокадатта в крошечной тьме ступил на кладбище. И было оно подобно царству черной ночи: лишь кое-где мерцали огоньки догорающих погребальных костров, повсюду валялись расхищенные шакалами куски мяса, похожие на остатки жертвоприношений, и раздавались хлопки ладоней вета, мчавшихся в ужасной пляске. Громко крикнул Ашокадатта: „Кто просил у повелителя воды?“ И откуда-то донесся до него ответ: „Это я просил“.

Пошел он на голос к ближайшему костру и увидел там какого-то человека, посаженного на кол, а у подножия кола — женщину необычайной красоты, оплакивающую несчастного, совершенную телом и украшенную драгоценностями, подобную последней почти темной половины месяца, готовой взойти на погребальный костер, ибо лунный серп, ее повелитель, исчез с небес. „Кто ты, женщина, и почему льешь здесь слезы?“ — обратился к ней Ашокадатта, и она отвечала ему: „Я — жена этого несчастного, посаженного на кол, и сижу здесь для того, чтобы взойти вслед за ним на погребальный костер. Вот уже третий день, как я жду здесь, когда мой супруг расстанется с жизнью. Все время просит он воды, и принесла я ему, но не могу, друг, достать до его лица!“ Сказал ей на это мужественный Ашокадатта: „Послал царь меня за водой, и вот принес я ее. Обопришь ногой на мою спину и поднеси воду к его рту. Ведь прикосновение к чужому мужчине не осквернит женщину, если она в беде“.

Согласилась она, взяла воду и, после того как Ашокадатта согнулся у основания кола, стала обеими ногами ему на спину. Вдруг почувствовал Ашокадатта, как на его спину и на землю падают капли крови, и когда он поднял глаза, то увидел, что женщина отрезает ножом у несчастного, посаженного на кол, куски мяса и пожирает их. Поняв, что это не женщина, а оборотень, в гневе свалил он ее на землю и, пытаясь поймать, схватил за ногу, украшенную звенящими браслетами. Она же с силой выдернула ногу и с помощью волшебной силы мгновенно взвилась в небо и исчезла, как будто ее и не было. А у Ашокадатты в руках остался усыпанный драгоценными камнями браслет, сорванный с ее ноги. Смотрел Ашокадатта на него и вспоминал, какой прекрасной казалась эта женщина сначала и какой отвратительной — в конце. Таково и общение с дурными людьми! Охватили Ашокадатту и изумление, и сожаление, и радость избавления. Затем пошел он с кладбища домой и унес с собой тот браслет, а поутру, совершив омовение, явился в покои царя.

„Дал ли ты воды посаженному на кол?“ — спросил его царь. Ашокадатта ответил, что дал, и показал царю браслет. „Откуда он у тебя?“ — воскликнул с удивлением царь, и тогда рассказал ему герой о своем ночном приключении, ужасном и необычайном. Убедившись в его несравненном мужестве, которого лишены другие люди, возрадовался царь, хотя и без того знал о высоких доб-

родетелях Ашокадатты. Взял царь браслет, пошел к царице, отдал ей браслет и рассказал, радостный, историю о том, как была добыта эта драгоценность. Осмотрев браслет со всех сторон и оценив его по достоинству, обрадовалась царица и похвалила Ашокадату.

Сказал тогда царь царице: „По происхождению и знаниям, по правдивости и красоте нет Ашокадатте равного, и думаю я, что было бы хорошо, если бы он стал мужем нашей дочери Маданалекхи. Должно ведь жениха ценить по достоинствам, а не по богатству, которое быстро исчезает. Вот и хочу я отдать ему дочь нашу в жены“. Почтительно выслушала слова супруга царица и сказала так: „Воистину подходит нашей дочери в мужья этот юноша. Да и когда она увидела его как-то в саду, он сам похитил ее сердце, и теперь наша дочь проводит дни в одиночестве и не слушает никого и ничего не видит. Узнала я об этом от ее подруги. К тому же на исходе ночи во сне явилась ко мне некая божественная дева и сказала: „Милая, никому не отдавай Маданалекху в жены, кроме как Ашокадатте, ибо была она его женой в прежнем рождении“. Проснувшись я утром и пошла утешить этой вестью дочь. А теперь ты и сам мне то же сказал. Пусть же они будут отныне неразлучны, как лиана и дерево“. Обрадовался Пратапамукута словам царицы, все приготовил для свадьбы, призвал Ашокадату и отдал ему дочь в жены. Союз царевны и сына брахмана был счастлив и, подобно союзу богатства и добродетели, божателен для обоих.

А потом случилось так, что сказала супруга царя, показывая ему браслет, принесенный Ашокадаттой. „Одного такого браслета мне недостаточно, вели, благородный, изготовить ему пару“. Царь призвал золотых дел мастеров, гранильщиков и прочих и велел: „Изготовить второй такой же!“

Те осмотрели со всех сторон браслет и говорят: „Невозможно, божественный, второй такой изготовить. Это дело не рук человеческих, а божественного мастера. Да и камней таких на земле не встречается. Откуда один браслет взят, оттуда и второй достать нужно“.

Огорчился царь, и супруга его огорчилась, и, заметив это, Ашокадатта, бывший рядом, тотчас с готовностью сказал: „Добуду я тебе к этому браслету пару“. Пытался удержать его царь, считая это безрассудством, но Ашокадатта остался непоколебим в своем решении, взял браслет и отправился опять на кладбище. Снова в четырнадцатую ночь темной половины месяца пришел он на место, где сжигают усопших, словно проник в рощу, полную ракшасов, где деревья, оплетенные струями дыма погребальных костров, были увиты людьми, подвешенными на веревках, кто за горло, кто за плечи. Не нашел он ту женщину, у которой сорвал браслет, и, чтобы привлечь ее, придумал такое средство: вынул из петли покойника и стал ходить с ним, словно продавец мяса, выкрикивая: „Вот хорошее мясо продается. Кому мяса?“ —

„Иди-ка сюда, почтенный, дай-ка мне мяса!“ — тотчас закричала ему издалека какая-то женщина. „Иду-иду“, — крикнул он в ответ и пошел на голос. Приблизившись, увидел он божественно красивую женщину, сверкавшую необычайной красоты украшениями, и увидеть ее на кладбище было столь же неожиданно, как найти цветущий лотос в безводной пустыне. Подозвала она его, и подошел он к ней со словами: „Вот продаю человеческое мясо, покупайте“. — „За сколько отдашь, почтенный?“ — спросила его эта божественная красавица. Тогда показал ей Ашокадатта браслет, который он держал в руках, и сказал: „Отдам я мясо тому, от кого такой же получу“. На это она ответила: „Есть у меня такой же браслет. Ведь и этот-то у меня ты взял. Я и есть та самая женщина, что сидела около посаженного на кол, но только изменила я свой облик, и ты не узнал меня теперь. Коли сделаешь так, как я скажу, то в уплату за мясо отдам я тебе браслет, равный этому“. И сказал ей на это герой: „Все немедленно исполню, что скажешь“. Тогда поведала она ему о своем заветном желании: „Есть, добрый человек, высоко в Гималаях город, называемый Тригханта, и жил там мужественный князь ракшасов Ламбаджихва. Я — его супруга, и имя мое Видьютшикха, могу я по своей воле менять облик. После того как родилась у меня дочь, мой супруг был сражен в бою на глазах у нашего могучего властителя Капаласпхоты. Восхищенный доблестью его, Капаласпхота отдал в дар мне свой город, и живу с тех пор я, счастливая, со своей дочерью в нем. Но достигла нынче дочь моя зрелости, и полна душа моя заботой найти ей достойного мужа.

Случилось мне оказаться здесь в четырнадцатую ночь темной половины прошлого месяца, увидела я, как ты проезжал мимо по дороге вместе с царем, и подумала: „Вот этот юноша мог бы стать мужем моей дочери. Почему бы не найти способа заполучить его?“ Замыслив это, взмолилась я голосом посаженного на кол о воде и так обманом заманила тебя на кладбище, но ни красота моя, созданная волшебством, ни сладкие речи не смогли увлечь достойного. Но чтобы все-таки тебя заполучить, оставила я в твоих руках браслет, подобный ловушке, и вот благодаря ему ты передо мной. И раз уж так вышло, то, господин, пойдем теперь в наш дом. Там ты насладишься моей дочерью и получишь второй браслет“.

Кончила говорить жительница ночи, дал ей герой свое согласие и силой ее волшебства взлетел вместе с ней в небесные просторы.

На одной из гималайских вершин увидал он сверкающий золотом город, словно бы диск солнца опустился на нее передохнуть, утомившись от странствий по небесному кругу. Там досталась ему в жены дочь повелителя ракшасов Видьютпрабха, словно воплотившая в себе успешное завершение его усилий. Счастливо жил Ашокадатта с любимой, окруженный попечениями ее матери. А потом как-то сказал теще: „Отдай мне браслет! Должен я

возвратиться в Варапаси. Ведь сам я пообещал царю принести другой такой же“.

Отдала она ему второй браслет, а впридачу дала золотой лотос. Герой взял браслет и лотос и, пообещав снова вернуться, собрался в путь. Снова теща с помощью волшебства пронесла его по небу и, когда достигли они кладбища и оказались у подножия дерева, сказала: „Я всегда прихожу сюда в четырнадцатый день темной половины месяца, и когда бы ты ночью сюда ни явился, то найдешь меня у подножия бапьяна“.

„Ладно“, — ответил Ашокадатта на эти слова, поблагодарил ее и вернулся в родительский дом. Удрученные разлукой с младшим сыном, родители из-за долгого отсутствия старшего боялись, что и с ним придется им расстаться. Когда же он неожиданно явился перед ними, обрадовались они безмерно. Как только весть о его прибытии достигла царя, пришел и он. Горячо радуясь, обнимал царь Ашокадату, и на всем его теле от удовольствия поднялись волоски. Прибыл Ашокадатта вместе с царем во дворец и вступил туда, словно воплощение радости, и отдал государю божественно совершенную пару браслетов, точно прославлявших своим нежным звоном мужество добывшего их. Отдал он и золотой лотос, который был как бы похищен из руки богини Лакшми, охраняющей сокровища ракшасов.

С любопытством расспрашивали Ашокадату царь и царица, получившая второй браслет, о его удивительных приключениях, и он им поведал истинную правду, а они, восхищенные зятем, восклицали: „Не в силах изумленный разум поверить описанию столь необычайных походов! Истинно, добрая слава не дается даром!“ И весь царский дворец словно гудел от праздничной музыки и песен, восхвалявших высокие добродетели Ашокадаты.

На другой день царь в построенной им молельне поставил золотой лотос в красивую серебряную чашу, и они украшали друг друга так же, как слава и мужество, воплощенные в царя и Ашокадате. Заметив это, царь, с глазами, полными умиления, в порыве преданности Шиве проговорил: „О, как подходит чаша к этому лотосу! Слово на белой от золы голове Шивы уложено высокой раковиной его красновато-желтые волосы! Хотел бы я поставить здесь второй такой же лотос в такой же чаше“. На эти слова царя тотчас отозвался Ашокадатта: „Добуду я тебе, божественный, второй такой лотос!“ — „Хватит подвергать себя опасности! Не надо мне другого лотоса!“ — возразил герою царь. Но очень хотелось Ашокадате добыть второй золотой лотос.

Спустя несколько дней снова наступила четырнадцатая ночь темной половины месяца. Слово в страхе перед желанием героя в один миг спрятало солнце за гору Заката золотой лотос своего лика, до того безмятежно плывший по глади небесного озера. И когда светило исчезло, тотчас же понеслись повсюду дымно-черные демоны тьмы, как бы спешившие пожрать багровую плоть окрашенных закатом облаков; ночь окутала землю, и мерцавшие

местами огоньки казались зубами в отвратительной пасти повелительницы ракшасов — ночи.

В этот час Ашокадатта покинул спальню царевны, снова отправился на кладбище и пришел к тому же баньяну. Между свисающих корней баньяна встретил он тещу свою — ракшаси, радостно приветствовавшую его. Снова герой полетел в ее жилище на гималайской вершине, где ждала его жена, в нетерпении глядя на дорогу. Пробыв некоторое время с женой, попросил он тещу: „Достань мне откуда-нибудь второй золотой лотос!“ Отказала она ему: „Откуда же достану я тебе второй лотос? Растут они в пруду у повелителя нашего Капаласпхоты. Только там рождаются такие золотые лотосы. А тот, что я тебе отдала, подарил Капаласпхота из любви к моему мужу“. На это ответил ей Ашокадатта: „Ты отведи меня на озеро, я сам сорву золотой лотос“. — „Немыслимо это! Свирепые ракшасы стерегут то озеро“, — отговаривала она героя, но он упорствовал. Наконец удалось ему упросить ее. Повела она его и издала показала лежащее в горной долине озеро. Раскрытые золотые лотосы на длинных стеблях покрывали водную гладь, словно были они отражением лучей солнца. Бросился Ашокадатта в воду и только начал рвать лотосы, как накинулись на него со всех сторон ракшасы, ночные чудовища, но, схватив меч, одних он убил на месте, других обратил в бегство. Уцелевшие же примчались к Капаласпхоте и доложили ему о случившемся. Повелитель ракшасов разгневался, сам поспешил к озеру и увидел Ашокадату с похищенными лотосами.

„Да это брат мой, Ашокадатта, каким-то образом попал сюда!“ — тотчас воскликнул он с удивлением и, отбросив оружие, со слезами на глазах подбежал к Ашокадатте, пал ему в ноги и проговорил: „Я твой младший брат, Виджаядатта, оба мы дети достойнейшего из брахманов — Говиндасвами. Уже давно я по воле рока стал ракшасом, а оттого, что череп расколол, прозвали меня Капаласпхотой. Только лишь тебя я увидел, как вспомнил о своем брахманском достоинстве, и исчез облик ракшаса, исчез обман, окутывавший мою душу“. Услышав эти слова, крепко прижал брата своего Ашокадатта к груди и словно омыл слезами его тело, оскверненное пребыванием в облике ракшаса.

В тот самый миг спустился с неба наставник видьядхаров Праджняптикаушика и так сказал обоим братьям: „Оба вы — видьядхары и были в этом жалком состоянии из-за проклятия. Ныне срок его кончился. Обретите же снова присущие видьядхарам волшебные знания и ступайте домой — обнимитесь с родными“. Так сказал он и, вернув им знания, тотчас вознесся на небо. Они же оба, снова став видьядхарами, наделенными мудростью, взяли золотые лотосы и полетели небесной дорогой на вершину Гималаев. Пошел Ашокадатта к своей жене — дочери князя ракшасов, и она тоже стала видьядхари, так как избавилась от проклятия, довлевшего над ней. Забрали ее с собой братья и тотчас же по небу перенеслись в Варанаси. А там их появление было

для родителей, измученных огнем разлуки, подобно потоку амриты, мгновенно их исцелившей. И не только для родителей, но и для всех жителей города их возвращение целыми и невредимыми показалось новым и чудесным их рождением и стало истинным праздником.

Отец долго и горячо обнимал Виджаядатту, словно был тот воплощением утоленного желания отца вновь свидеться с сыном. Узнав о случившемся, сам царь Пратапамукута, тесть Ашокадаты, в радости поспешил туда. Обласканный царем, Ашокадатта, которого с нетерпением ждала жена, поспешил во дворец и вступил в него с большим торжеством. Много золотых лотосов отдал он царю, и очень радовался этому Пратапамукута, ибо получил много больше того, что ожидал.

В присутствии всех собравшихся спросил тогда Говиндасвамин с удивлением и любопытством у Виджаядатты: „Рассказал бы ты, сын мой, что с тобой случилось после того, как обратился ты в ракшаса“. Начал рассказывать Виджаядатта: „Когда я из озорства и по воле рока расколол горящий череп, в рот мне попал кусочек мозга, отчего превратился я в ракшаса и ум мой был омрачен заблуждением. Прозвали меня ракшасы Капаласпхотой, взяли с собой, и стал я одним из них. Привели они меня к своему повелителю, я ему понравился, и сделал он меня со временем начальником своего войска. Опыненный гневом, однажды напал он на гандхарвов и в сражении был убит. Тогда его подданные согласились на то, чтобы я стал их правителем, и начал я вершить дела царства ракшасов, поселившись в их столице. Там и случилось так, что благодаря встрече с благородным Ашокадаттой, искавшим золотые лотосы, перестал я быть ракшасом. О том же, как благодаря освобождению от проклятия возвратились к нам прежние волшебные знания, пусть поведаст старший брат!“ Так кончил рассказывать Виджаядатта, и взял слово Ашокадатта, чтобы узнали все начало истории:

„Прежде, когда мы были видьядхарами, увидели мы однажды с небес, как в обители мудрого Галавы плещутся в Ганге его дочери. Случилось так, что и мы и девушки вспыхнули друг к другу страстью, но, когда мы тайно встретились с ними, их родственники с помощью божественного провидения узнали об этом и в ярости проклинали нас обоих. „Вы, грешники, родитесь теперь в мире смертных, и предстоит вам разлука, полная необыкновенных приключений. Но если в недостигаемом для людей отдаленном крае один из вас узнает другого, то обретете вы вновь от учителя волшебные знания и, освобожденные от проклятия, опять станете видьядхарами и встретитесь с родными“. Так все и получилось. Родились мы оба на земле, как было предсказано, а о том, как разлучились, вам все известно. Теперь же, когда благодаря могуществу тещи достиг я озера, покрытого золотыми лотосами, и попал в столицу повелителя ракшасов, то встретил там младшего брата. Там же вновь обрели мы наши знания от Праджняп-

тикаушики, наставника видьядхаров, и, снова став видьядхарами, поспешили сюда". Так Апокадатта, избавившийся от неведения благодаря тому, что кончилось действие проклятия, закончил повесть об изумительных приключениях, рассказанную им отцу, матери и жене своей, дочери царя. И они, приобщившись к его мудрости, стали такими же видьядхарами, как и он сам. Попрощавшись с царем, Апокадатта с родителями, обеими женами и братом устремился небесным путем во дворец своего повелителя. Когда же он повидал его, то, испросив дозволения, стал вновь зваться Апокавегой, а брат его — Виджаявегой. После этого юноши-видьядхары, сопутствуемые родными и близкими, удалились в свое жилище на прекрасной горе Говиндакута.

Правитель же Варанаси, изумленный всем случившимся, поместил в своем храме во второй чаше золотой лотос, принесенный ему Апокадаттой. Другими же золотыми лотосами он украсил храм Шивы, выразив тем самым великую преданность Трехглазому. Большой честью почитал Пратапамукута для себя то, что, выдав дочь за Апокадатту, породнился с братьями-видьядхарами.

Вот так по каким-то причинам случается, что божественные существа обречены на рождение среди людей, но благодаря присущим им добродетелям и мужеству они даже в труднейшем деле достигают успеха. Потому, думаю я, о океан добродетели, что сокрыто в тебе нечто божественное, и оно поможет достичь тебе желанной цели. Благородные, проявляя энергию в свершении труднейших подвигов, открывают этим лишь сущность своей природы. Любимая тобой царевна Канакарекха, наверное, тоже божественная дева. Иначе с чего бы ей так хотелось супруга, повидавшего Канакапури?"

Так в одиночестве ночи Вишнудатта увлекательной повестью утешал Шактидеву, а тот, всем сердцем жаждавший увидеть Канакапури, укротил свое желание и терпеливо стал дожидаться утра.

ВОЛНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О том, как Шактидева наконец добрался до таинственного города Канакапури и о последовавших за этим его приключениях и странствиях

И вот на заре приходит к Шактидеве, попавшему на остров Утстхала, властитель рыбаков Сатьяврата. В согласии с обещанием, данным накануне, так он сказал: „Придумал я средство, брахман, как достичь тебе желанной цели. Стоит посреди океана прекрасный остров, и называют его Ратнакута. Есть на нем храм, обитель владыки Хари. Туда всякий раз, как наступит двенадцатый день светлой половины месяца ашадха*, со всех островов, преодолевая многие препятствия, собираются люди, чтобы при-

нести жертву богу. Может, встретится среди них и такой, кто побывал в Канакапури. Собирайся, поедem туда, ибо близок уже этот день". Вот какой совет дал ему Сатьяврата, и Шактидева согласился, стал собираться и взял с собой то, что заботливо приготовил ему в дорогу Вишнудатта.

Взойдя на корабль, оснащенный Сатьявратой, отправился вместе с ним Шактидева по океанским просторам. Устремились они вперед по волнам океана — сокровищницы всего необычного, изобилующего рыбами, похожими на целые острова, и спросил Шактидева Сатьяврату, стоявшего у кормила: „Что это виднеется вдали: словно бы гора, покрытая птицами, возвышается среди океанских вод?" Отвечал ему Сатьяврата: „Это, почтенный, дерево вата, а под ним, рассказывают, страшный водоворот, все пожирающий, подобно огню пралаи, последнего дня мира, и следует нам миновать то место, ибо никто из попадающих туда не возвращается". Пока он так говорил, их корабль подхватило течением, и помчалось судно, все убыстряя ход, как раз в сторону того дерева. Заметив это, закричал тогда Сатьяврата Шактидеве: „Пришел, брахман, наш смертный час. Смотри, несет наше судно неудержимо к дереву, и ничем не могу я остановить его бег. Мчимся мы прямо в неистовый водоворот, словно в пасть смерти, и непреклонно влечет нас туда сила течения, будто всесильная судьба. Не страшна смерть! Разве тело вечно? Жаль только, что не удалось мне помочь тебе достичь желанного. Могу лишь я сдерживать немного бег корабля, а ты тем временем попытайся уцепиться за ветви дерева. Если сумеешь спастись, значит, твое счастье. А, да разве может кто-нибудь предсказать повороты судьбы или прихоть волн?" При этом великодушный Сатьяврата правил корабль так, чтобы прошел он поближе к дереву. Стремительно прыгнул Шактидева и уцепился за могучую ветвь океанского дерева. Сатьяврата же, самоотверженно помогший другу, уже входил на своем корабле в уста водоворота.

Уцепился Шактидева за ветвь дерева, словно за надежду исполнить свое желание, и, примостившись на ней, размышлял в отчаянии: „Не увидел я города Канакапури и к тому же напрасно погубил царя рыбаков. Всех попирает стопа судьбы, и никто не может отратить предназначенное". Пока он предавался таким мыслям, день прошел, опустился вечер, и отовсюду слетелось к дереву множество громадных птиц. И дерево загудело от их клекота, а от ветра, поднятого их крыльями, заходил океан высокими волнами, словно всплескивал от радости руками; казалось ему, что птицы слетелись сюда, чтобы с ним повидаться и высказать свою любовь. Расселись птицы по ветвям, и услышал Шактидева, укрытый листьями, как они человеческим языком между собой разговаривают. Рассказывали они друг другу, кто что увидел за день: одна птица — о новом острове, другая — о новом городе, а третья — о стране, прежде невиданной. И сказала старейшая из птиц: „Слетала я сегодня за добычей в Канакапури. Завтра на заре сно-

ва полечу туда — удачлива там охота. Зачем мне, старой, уставать, летая в дальние страны?“ Слова ее были для Шактидевы подобны неожиданно хлынувшему потоку живительной амриты, и он, успокоившись, подумал: „Вот и узнал я благодаря судьбе о городе Канакапури, а чтобы добраться туда, воспользуюсь этой птицей — она перенесет меня на своем громадном теле“. Рассудив так, он, пока птица спала, забрался к ней на спину и примостился между крыльями. Когда же наступило утро, разлетелись все птицы, и та птица тоже взлетела, словно была причастна воле судьбы. Не замеченный ею, летел на ее спине Шактидева, и быстро она домчала его до Канакапури, где принялась искать добычу.

В одном из городских садов слез с ее спины Шактидева и пошел в глубь этого сада. Вскоре он заметил двух дев, собиравших цветы. Тотчас приблизился к ним юноша и спросил их, удивленных его появлением: „Что это за страна и кто вы такие, милые?“

„Это город Канакапури, и живут в нем видьядхары, — отвечали девушки, — а сад принадлежит видьядхари Чандрапрабхе, мы в нем садовницы и собираем для нее цветы“. Тогда он попросил красавиц: „А не могли бы вы так сделать, чтобы повидать мне вашу госпожу?“ — „Так и быть“, — ответили они на его просьбу и провели юношу к царскому дворцу. Вступил он в него и увидел там колонны из рубинов и стены из золота, словно был этот дворец средоточием богатства. Заметив его, служанки Чандрапрабхи поспешили сообщить госпоже о неслыханном событии — пришел во дворец смертный! Она же повелела привратнику немедленно гостя привести к ней. Когда его ввели и взглянул он на нее, показала она ему истинным праздником для очей, верхом совершенства чудесного искусства Творца. Царевна же поднялась с ложа, украшенного прекрасными жемчугами, для того чтобы приветствовать его и оказать ему почтение. После того как он сел, спросила его с любопытством Чандрапрабха, кто он такой и как попал в эту страну, недоступную для людей, и Шактидева рассказал ей, откуда он родом, из какой семьи, назвал ей свое имя и поведал про то, что пришел сюда повидать город Канакапури и этим добиться руки царевны Канакарекхи.

Узнав про все, подумала немного Чандрапрабха и, глубоко вздохнув, сказала ему с глазу на глаз: „Слушай-ка, что я тебе скажу, счастливцев. Правил этой страной повелитель видьядхаров Шашикханда. Родились у него четыре дочери. Старшая — это я, Чандрапрабха; другую зовут Чандрарекха, третью — Шаширекха, а самую младшую — Шашипрабха. Со временем достигли мы в отцовском доме поры девичества. Однажды пошли младшие сестры купаться на берег Мандакини. В девичьей игривости градом брызг осыпали они аскета Агриятапаса, и хоть просил он их остановиться, но ничто не могло сдержать их озорства. Тогда пришел он в ярость и проклял: „Родитесь в мире смертных, негодные!“ Услыхал про это наш отец, прибежал и стал уговаривать

мудреца смилостивиться; наконец добился он того, что Агрьята-пас объявил каждой из сестер, когда кончится проклятие, и сохранил в их смертном облике память о прошлом рождении вместе с волшебным знанием. Затем они, оставив свои божественные тела, оказались в мире смертных, а отец, отдав мне этот город, удалился в лесную обитель.

Однажды явилась мне во сне богиня Амбика и предрекла: „Человек, дочь моя, станет твоим мужем!“ После этого я многих женихов-видьядхаров отвергала и до сих пор вопреки отцовской воле не замужем. Нынче же чудесным образом появился ты, и мне понравился твой прекрасный облик. Согласна я взять тебя в мужья. Поэтому, как только наступит четырнадцатый день месяца, пойду я на великую гору Ришабха попросить у отца позволения. Туда в этот день каждый год собираются со всех стран света лучшие из видьядхаров, чтобы поклониться Шарве. Вот схожу я туда, получу от него позволение и быстро вернусь. Тогда ты и сделаешь меня своей женой, а пока меня здесь поджидай!“ — так сказала ему Чандрапрабха и стала ублажать Шактидеву всеми наслаждениями, принятыми у видьядхаров, и, предаваясь им, он испытывал такое счастье, какое испытал бы человек, опаленный лесным пожаром и вдруг погружившийся в озеро, полное амриты.

Тем временем наступил четырнадцатый день месяца, и Чандрапрабха обратилась к Шактидеве с такими словами: „Ухожу я сегодня повидаться с отцом, и вся моя свита со мной уйдет. Ты же, оставшись в одиночестве, постарайся не скучать эти два дня. Но, смотри, ни в коем случае не ходи на верхнюю террасу дворца!“ Так сказала она юноше, он пообещал ей, что так и сделает, и с этим отправилась Чандрапрабха в путь.

Остался Шактидева наедине с собой, стал бродить ради забавы из одного роскошного покоя в другой, и разобрало его любопытство: „Почему это дочь видьядхары запретила мне подниматься наверх?“ И вот пошел он на террасу, венчавшую дворец, ибо сердце людское всегда тянется к запретному. Поднявшись туда, увидел Шактидева три усыпанных жемчугами шатра, предназначенные для женщин, и, откинув полог, вошел в первый. Увидел он там, что на ложе, сверкающем драгоценными камнями, кто-то лежит. Приподнял Шактидева покрывало и узрел прекрасную дочь царя Паропакарина. „Что за чудо? — подумал он. — То ли она это спит непробудным сном, то ли я во власти волшебства? Ради нее совершил я такое путешествие, и вот она здесь бездыханная! Но нет, не тронуло тление ее красоты. Быть может, это Творец всего сущего раскинул для меня сети обмана?“

С такими мыслями покинул он первый шатер и вошел поочередно в два других. В каждом из них увидел он по юной деве, лежавшей на ложе, как и в первом шатре. Удивленный всем этим, присел Шактидева на краю крыши, заметил внизу великолепного коня, под седлом, усыпанным жемчугами, стоявшего возле колодца. Захотелось ему посмотреть на коня поближе, спустился он и

подошел к нему. Увидев же, что у коня нет хозяина, захотел он сесть в седло, но только вступил в стремя, как тот ударил его копытами и сбросил в колодец.

Пролетел сквозь колодец Шактидева и оказался вдруг среди пруда в саду города Вардхаманапуры. Обнаружив, что он в родном городе и стоит, словно лотос посреди воды, и зная, что нет с ним Чандрапрабхи, стал он себя спрашивать: „Где Вардхаманапура и где город видьядхаров? Что это за чудо со мной приключилось? Или волшебство обволокло меня своим маревом? О горе! Кто же тешится надо мной, несчастным? И что еще ждет меня впереди?“ Предаваясь таким грустным мыслям, изумленный Шактидева выбрался из пруда, вернулся в отчий дом и остался там, обласканный отцом и всеми своими родичами, никому не рассказав, как пришлось ему скитаться из-за барабана глашатая.

На другой день случилось ему выйти из дома, и снова донесся до него крик глашатая, объявлявшего под удары барабана:

Будь то брахман, будь то кшатрий,
Коль видал Канакапури,
Пусть объявится! Он станет
Царской дочери супругом
И наследником престола.

Пошел к глашатаям Шактидева и снова заявил: „Видел я этот город Канакапури!“ Немедля его к царю привели, а тот его сразу же признал и подумал, что он, как и прежде, будет лгать. Но Шактидева так ему сказал: „Коли я неверное слово скажу, коли не видел я того города, то накажи меня смертью! Пусть царевна сама меня спросит о Канакапури“. Тотчас же царь послал слуг за дочерью. Явилась царевна, увидела Шактидеву и сказала отцу: „Отец, да он снова какую-нибудь небылицу сочинит“. Возразил ей Шактидева: „Правду ли, ложь ли скажу я, но рассей ты, царская дочь, мое недоумение: не тебя ли видел я бездыханной, лежащей под шатром в Канакапури, и как же это теперь я вижу тебя здесь живой и невредимой?“ По его словам Канакарекха поняла, что он действительно побывал в Канакапури, и сказала отцу: „Воистину видел этот юноша Канакапури, и, раз он сумел там побывать, суждено ему быть моим мужем. И возьмет он в жены трех других моих сестер и будет царствовать в том городе над видьядхарами. Нынче же хочу я вернуть себе прежний свой облик и вернуться в Канакапури. Лишь из-за проклятия мудреца родилась я в твоей семье, почтенный. „Как только увидит в Канакапури тело твое смертный человек, тогда и кончится твоя жизнь среди смертных, а тот, с кем это произойдет, станет тебе мужем“ — так назначил аскет срок проклятию, наложенному им на меня. И хотя я жила в человеческом облике, но помню свое прежнее рождение и обладаю волшебным знанием. Поэтому теперь я ухожу отсюда, чтобы снова вернуться к видьядхарам“. После этих слов царевна покинула человеческое тело и отправилась в мир видьядхаров. Тут возникло великое смятение, и цар-

ский дворец наполнился рыданиями Шактидевы — немало пришлось ему потрудиться, но не достались ему ни Чандрапрабха, ни Канакарекха.

Удрученный тем, что не исполнились его заветные желания, горько осуждал себя Шактидева, уходя из дворца, а потом вдруг подумал: „Ведь Канакарекха сказала, что надежды мои исполнятся. Отчего мне отчаиваться? Ведь успех зависит от настойчивости! Отправлюсь-ка я в Канакапури той же дорогой, что прежде ходил. Может, снова поможет мне судьба“. Подумав так, тотчас же ушел Шактидева из города. Ведь люди, твердые в своих решениях, не оставят усилий, пока не добьются успеха.

Долго он шел, пока наконец не добрался опять до города Витанкапуры, стоящего на берегу океана. Увиделся там Шактидева с тем же купцом, с кем он пустился в плавание и чей корабль разбился. „Да ведь это тот самый Самудрадатта, который упал в море,— подумал Шактидева,— как же он спасся? Не чудо ли? Да ведь и я сам тоже пример чуда!“

Подошел к нему Шактидева, и купец узнал брахмана, обнял его с великой радостью, повел к себе домой, угостил, как гости полагается угощать, спросил: „Когда корабль разбился, как тебе удалось спастись?“ Шактидева рассказал ему подробно обо всем, что с ним произошло, объяснил, как, проглоченный рыбой, попал он на остров Утстхала, и, в свою очередь, спросил купца, что с ним было: „Поведай мне, как ты перебрался через океан?“

Отвечал ему на это купец: „Упав в морскую пучину, уцепился я за какую-то доску, и три дня и три ночи меня носило по волнам. Но, по счастью, проходил мимо корабль, плившие на нем заметили меня, взывавшего о помощи, и подняли на борт. Вступив на палубу, увидел я там своего отца, который после долгого странствия по дальним островам возвращался домой. Он меня сразу же узнал, крепко обнял и стал расспрашивать, а я с рыданиями рассказал ему повесть о своих злоключениях: „Долго не возвращался ты, отец, и решил я, памятуя, что моя дхарма — торговля, сам начать дело. Поплыл я на другой остров, и случилось так, что разбился мой корабль. До сегодняшнего дня носили меня океанские волны, но, к счастью, вы меня подобрали“. Кончил я рассказ, а отец мне сказал: „Чего ради подвергал ты себя опасности? Ведь вдоволь у меня богатств, сын мой. Смотри, привел я корабль, полный золота“. Так утешил меня отец, и быстро приплыли мы к себе домой в Витанкапуру. Вот и живу я здесь после всего этого“.

Выслушал Шактидева историю купца, отдохнул и, проведя у него ночь, на следующий день сказал ему так: „Нужно мне, купец, снова попасть на остров Утстхала. Расскажи мне, как туда добраться!“ Купец отвечал: „Сам я нынче на месте сижу, а вот слуги мои туда собираются. Ты садись с ними на корабль и поезжай, почтенный“. Как посоветовал купец, так Шактидева и поступил и поплыл с его слугами на остров Утстхала. Когда же

они приплыли, то пришло Шактидеве на ум: „Если мой родственник, благородный Вишпудатта, все еще здесь живет, непременно у него в монастыре останюсь“. Стал ходить брахман по базару, и повстречались ему сыновья повелителя рыбаков Сатьявраты, узнали они его и спросили: „Ты, брахман, в прошлый раз на Ратнакуту с нашим отцом плавал, а нынче-то как сюда попал?“ Стал им Шактидева рассказывать, как закрутило в волнах корабль, как исчез он в водовороте и как их отец в воду упал. Выслушали его сыновья Сатьявраты, рассердились и велели слугам: „Вяжите этого злодея, он нашего отца убил. Как это может быть, что двое на корабле плыли, корабль в водоворот попал, один в водовороте погиб, а другой здесь стоит! Завтра же на заре припесем мы этого пса, убившего нашего отца, в жертву Чандике вместо животного“. Сыновья повелителя рыбаков и их слуги связали Шактидеву, повели его под барабанный бой к храму Чандики, беспрестанно пожиравшему живые существа, подобно пасти смерти, очерившейся торчащими наружу клыками.

Заперли там связанного Шактидеву, и, когда ночь наступила, в страхе за свою жизнь взмолился он к Чандике:

О благодная Чандика!
О дайтев сокрушившая!
Вселенной ты защитница!
Как солнце восходящее
Сверкаешь, негасимая!
Искавшего любимую
В краях, никем не хоженных,
И без вины попавшего
Безумцам в руки злобные,
Спаси меня, злосчастного!
О благодная Чандика!
О дайтев сокрушившая!
Даруй мне избавление!

Такую мольбу вознес он Чандике, а затем кое-как заснул, и приснилось ему, будто бы из глубины храма вышла дева божественного облика и, словно утешая, обратилась к нему: „Не страшись! Ничего не случится с тобой! Есть у сыновей царя рыбаков сестра Биндумати. Когда утром придет сюда эта девушка, то попросит братьев отдать тебя ей в мужа. Ты должен согласиться, ибо только в этом твое спасение. К тому же она и не простая рыбацка, а небесная дева, на которой лежит проклятие“.

Едва поутру он проснулся, как вошла в храм девушка-рыбачка, и была она отрадой для его глаз. Приблизилась к нему девушка и, назвав себя, сказала: „Освобожу я тебя отсюда, по ты должен выполнить мое желание. Когда увидела я тебя, то разгорелась во мне любовь. Хоть и не согласны со мной братья, но возьми меня в жены“. Так сказала ему Биндумати, и Шактидева, тотчас же вспомнив сон, обрадовался и согласился. Освободила

она его, и отпраздновали они свадьбу, ибо, как и предрекла Амбика во сне, братья согласились исполнить просьбу сестры.

Вот стал он там жить с божественной красавицей Биндумати, подобной воплощению успеха, достигнутого единственно благодаря добродетели. Однажды сидели они вдвоем на крыше дома, и увидал Шактидева чандалу, несшего на голове ношу говяжьего мяса, и спросил у супруги: „Скажи мне, стройная, как может злодей есть мясо коров, которых должно чтить во всех трех мирах?“

Ответила на это Биндумати: „Что говорить, благородный! Это — немыслимый грех. Я вот тоже из-за небольшого прегрешения перед коровой родилась в семье рыбака, и когда освободилась из подобного состояния, неизвестно“. Такие ее слова удивили Шактидеву, и он спросил у нее: „Расскажи, милая, кто ты и почему родилась в семье рыбака!“ Долго он ее упрасивал, и наконец сказала она ему: „Я расскажу тебе об этом, но обещаю тебе, что сделаешь то, о чем я попрошу тебя“. — „Сделаю!“ — поклялся он, и тогда Биндумати сначала сообщила ему свое желание: „На этом острове появится у почтенного вторая жена, и она, благородный, вскоре забеременеет от тебя. Когда же она будет на восьмом месяце, ты должен рассечь ей чрево, и пусть это не вызовет у тебя отвращения“. Изумился Шактидева, услыша от нее такие речи, и стал уже выражать страх и недовольство, как дочь повелителя рыбаков остановила его и заговорила опять:

„По какой причине тебе надлежит это сделать и почему я родилась среди рыбаков — слушай, я тебе расскажу. Некогда была я видьядхари, но проклятие обрекло меня на рождение в мире смертных. Дело в том, что, еще будучи видьядхари, случалось мне, когда рвались струны вины, соединять их, прикусывая зубами, а так как струны сделаны из воловьих жил, то и пала я низко, ибо взяла в рот частицу коровьей плоти. Потому и родилась я среди рыбаков“.

Пока она это Шактидеве рассказывала, подошел к нему один из ее братьев и сказал: „Вставай, сюда примчался вепрь, убивший уже многих людей“. Лишь только услышал это Шактидева, мигом прыгнул с крыши, схватил оружие, вскочил на коня, кинулся за вепрем и напал на него. А тот, подраненный, спасаясь, кинулся в свою пещеру. Погнался за ним Шактидева и проник в нее. В тот же миг увидел он внутри дворец и вокруг него тенистый сад, а в саду девушку необычайной красоты, подобную лесному божеству, которая в смятении вышла навстречу ему со словами приветия.

И спросил он ее: „Кто ты, счастливица? И что тебя беспокоит?“ А она, прекрасноликая, так отвечала: „Живет на свете царь Чандавикрама, повелитель Южной страны, а я его любимая дочь и зовусь Биндурекха. Какой-то злобный дайтъя, демон с пылающими глазами, похитил меня из отцовского дома и при-

тащил в это подземелье. Принимая облик вепря, выходит он на поиски мяса. А сегодня случилось, что какой-то герой тяжело его ранил своим копьем, он по воле судьбы сюда приполз и испустил дух. Не нарушил он моего девичества, спасена я и вот ухожу отсюда“.

„Чего же ты дрожишь? — спросил ее Шактидева. — Это я сразил вепря копьем, царевна“. — „А кто ты?“ — спросила она тогда. „Я брахман, и зовут меня Шактидева“. — „Так ведь это ты мне в мужья наречен“, — отвечает она, и тогда сказал он ей: „Так тому и быть!“ — и вышли оба из пещеры вместе. Вернувшись же во дворец, все рассказали они Биндумати, и с ее согласия взял Шактидева Биндурекху в жены.

Зажил Шактидева с двумя женами; наступило время, и Биндурекха забеременела. Не минуло и восьми месяцев после этого, как подошла Биндумати к Шактидеве и напомнила ему: „Вспомни, муж, что обещал ты мне. Твоя вторая жена уже на восьмом месяце. Ступай к ней и разреши ее чрево. Не следует тебе уклоняться от исполнения обещанного“. Кончила она, а Шактидева, одолеваемый и любовью и жалостью, но связанный словом, молчал. В смятении оставил он Биндумати и пошел к Биндурекхе, а та, заметив, что супруг сверх меры огорчен, сказала ему: „Знаю я, благородный, что тебя удручает. Велела тебе Биндумати рассечь мое чрево — это и следует сделать. Нет здесь никакой жестокости, и пусть тебя ничто не останавливает!“

Вот послушай, супруг мой, историю о брахмане Девадатте и дочери повелителя якшей.

Некогда был в городе Камбуке брахман по имени Харидатта. Жил он в достатке, и родился у него сын Девадатта, который еще ребенком познал все науки, а в юности стал страстным игроком в кости. Однажды, все до последней одежки проиграв, побоялся он вернуться в отцовский дом и вошел в заброшенный пустой храм. Увидел он там молившегося в одиночестве великого подвижника Джалападу. Тотчас же, поклонившись почтительно, приблизился Девадатта к подвижнику, а тот, прервав молчание, приветствовал его ласковыми словами. Затем Джалапада спросил Девадату о причине его горести, и поведал Девадатта о своей беде, о том, что все свое достояние он проиграл. Сказал тогда великий подвижник: „Нет, сынок, на земле таких денег, чтобы всем неудачникам помочь. Если хочешь избавиться от горестей, то поступи так, как я тебе говорю. Все то, что делаю я, чтобы стать наравне с видьядхарами, делай и ты. Следуй моим наставлениям и тогда покончишь со своими невзгодами.“

Согласился Девадатта, ответил: „Так тому и быть!“ — и остался с ним.

Когда же прошел следующий день, отправился подвижник на кладбище и под деревом вата принес ночью жертву из риса и кислого молока, а затем, разбросав ее на юг и на север, на за-

пад и на восток, сказал бывшему с ним Девадатте: „Вот так, Девадатта, нужно приносить тебе каждый день жертву, и всякий раз, как закончишь ее, произноси: „Прими, Видьютпрабха, эту жертву“. Уверен я, что оба мы достигнем успеха“. После этих слов ушел он с Девадаттой в свое жилище.

С тех пор постоянно приходил Девадатта к подножию дерева и совершал жертвоприношение, соблюдая все предписания. Однажды, уже заканчивая жертву, заметил он, как раздвинулся ствол дерева и явилась перед ним божественная дева. Она сказала ему: „Иди сюда! Зовет тебя наша повелительница“. Прошел он за ней следом в глубь дерева и увидел прекрасный дворец, украшенный камнями, а в нем — возлежащую на ложе женщину необычайной красоты.

Только успел подумать Девадатта: „Эта красавица — воистину воплощение нашего успеха!“ — как она, для того чтобы принять гостя, поднялась со своего ложа, и браслеты, которыми были украшены ее руки и ноги, зазвенели, словно слова привет. Приблизившись к нему она молвила: „Достойный, я — Видьютпрабха, дочь повелителя якшей Ратнаварши. Очень обрадовал меня своим поклонением великий подвижник Джалапада. Преуспеешь ты в задуманном. Ты же стань господином жизни моей, ибо, как только я увидела тебя, воспылала к тебе любовью. Возьми мою руку“. Сказал Девадатта: „Пусть так и будет!“ — и сыграли они свадьбу.

Продержала она какое-то время его у себя, но когда сделалась беременна, пошел он навестить подвижника и рассказал ему в испуге про все, что случилось. И тогда сказал ему подвижник, жаждущий успеха своих собственных замыслов: „Все ты, дорогой, сделал правильно. Но теперь поспеши к этой якшине, рассеки ей чрево и быстро принеси мне плод“. Так сказал подвижник да напомнил еще, что его надо слушаться. Снова отправился Девадатта к своей возлюбленной. Вот пришел он к ней и стоит молча, удрученный мыслью о том, что ему сделать надо. Тогда якшине сама с ним заговорила: „Вижу я, благородный, что опечален ты. Знаю я причину — велел тебе Джалапада рассекь мое чрево и принести ему плод. Сделай же, как велено, не то я сама это сделаю. Здесь кое-что таится“. Хоть и сказала она ему так, не смог Девадатта замахнуться, и тогда она сама рассекла свое чрево и, вынув плод, протянула его Девадатте со словами: „Возьми, это нужно съесть, чтобы стать видьядхарой. Я сама — видьядхари, но проклятием была обращена в якшину. В этом плоде — конец моему проклятию, ибо вспомнила я прежнее свое рождение. Теперь улетаю я к себе домой, но мы непременно снова встретимся“. Только произнесла Видьютпрабха эти слова, как куда-то исчезла, а Девадатта, вконец удрученный, пошел к подвижнику Джалападе и отдал ему плод, сулящий достижение успеха. Ведь добродетельные даже в беде заботятся не только о себе.

Изжарив мясо плода, великий подвижник послал Девадатту в лес принести часть этого мяса в жертву Шиве. Выполнил брахман поручение, возвращается и видит, что, пока он ходил, подвижник съел все остальное мясо без остатка. Но едва Девадатта стал упрекать Джалападу: „Что же ты все мясо один съел!“, тот, хитрец, обратился в видьядхару и взвился в небо, только сверкнул в вышине синей полоской, словно меч. Подумал Девадатта: „Вот горе-то! Обманул меня злодей. Воистину, с каким нерешительным такого не случается! Как мне теперь ему за это отплатить? Вот бы добыть средство, чтобы тоже обратиться в видьядхару! Да нет никакого другого средства, кроме как умиловить ветау“.

Так порешив, пошел он в тот же вечер в обитель предков, на кладбище, и там у подножия дерева принес жертву из человеческого мяса, вызывая ветау, вселяющегося в трупы. Но, видя, что тот не появляется, наверное недовольный жертвой, Девадатта, чтобы его умиловить, решил отрезать кусок мяса от собственного тела. Тотчас явился ветау и сказал ему, доблестному: „Порадовал ты меня своей смелостью, остановись, не надо больше ничего делать! Выполню я все, что пожелаешь“. И тогда попросил его герой: „Отнеси меня туда, где находится теперь Джалапада, обманувший мое доверие“. — „Ладно“, — молвил ветау и, посадив его к себе на плечи, тотчас взвился в небо и примчался в страну видьядхаров.

Увидел там Девадатта Джалападу, живущего во дворце, восседающего на троне, усыпанном драгоценностями, опьяненного властью над видьядхарами и пытающегося сделать Видьютпрабху своей женой вопреки ее воле. Радостны были глаза Видьютпрабхи, прекрасные, как глаза чакоры, упивающейся лунным светом, когда Девадатта вместе с ветау ринулись на обманщика Джалападу. А тот, увидев невесту откуда явившегося Девадатту, перепугался, выронил меч и свалился с трона. Схватил Девадатта меч, но не стал убивать Джалападу. Ведь благородные всегда милостивы к поверженным врагам! Он и ветау остановил, готового умертвить Джалападу: „Что с того, что убьем мы этого лицемера мечом? Спусти ты его снова на землю, верни в обитель, пусть, как и прежде, исполняет обеты капалики, увешанного черепами“. Только сказал это Девадатта, как с неба сошла супруга Шарвы и обратилась ласково к брахману: „Великую радость доставил ты мне своим мужеством, необычайным и нигде прежде не выдавшим. Отныне правь царством видьядхаров, дарю его тебе!“ Сказала она так, наделила Девадатту мудростью видьядхаров и исчезла.

Ветау же спровадил Джалападу на землю, и с чем тот был, с тем и остался. Воистину недолог век богатства, несправедно добытого. Девадатта же с Видьютпрабхой получили царство видьядхаров и жили счастливо“.

Как Шактидева женился на Канакарекхе и ее сестрах

Такую историю поведала супругу своему Шактидеве сладкоречивая Биндурекха и добавила: „Вот какие дела случаются. Так будет и со мной. Как велела Биндумати, по ее слову и сделай, рассеки мое чрево, извлеки плод, устраняющий горе“. Но хоть настаивала на этом Биндурекха, Шактидева все же опасался, как бы не совершить греха. И тогда раздался голос с неба: „О Шактидева, бесстрашно рассеки ей чрево, возьми плод за шею, и он обратится в твоей руке в меч!“ Услышав божественный голос, тотчас рассек он чрево Биндурекхи, схватил плод за горло, вытащил его и почувствовал, что это вовсе не младенец, а меч в его руке. Свершив это, почувствовал Шактидева, как растет его знание, и ощутил себя видьядхарой. Биндурекха же стала незримой. Тогда Шактидева пошел к жене своей, дочери рыбака, и рассказал ей все, что случилось.

Она сказала: „Мы, супруг мой, дочери повелителя видьядхаров, но все трое изгнаны проклятием из Канакапури. Одна из нас, Канакарекха, родилась в Вардхаманапуре. Как кончилось для нее действие проклятия, ты сам видел. Она уже вернулась в родной город. Я — третья сестра. Наступил срок, когда и с меня спадет проклятие. Сегодня я вернусь в свой любимый город, где хранятся наши тела — тела видьядхари. Моя старшая сестра, Чандрапрабха, уже там. Поспеши же туда с помощью своего волшебного меча. Там мы, все четыре сестры, станем твоими женами, а отец наш, скитающийся по лесу, отдаст тебе свой престол, и будешь ты править в городе“.

После того как Биндумати рассказала ему о себе, ответил ей Шактидева: „Так тому и быть“ — и умчался с ней по небесной дороге в славный город Канакапури. Женские тела, которые видел он прежде в трех шатрах дворца бездыханными, теперь ожили, ибо души их возвратились к ним — и к Канакарекхе и к другим, и нашел он трех своих возлюбленных живыми. А затем встретил и четвертую, старшую сестру, взгляд которой, соскучившейся в долгой разлуке, предвещал счастье.

В то время как служанки, обрадованные его прибытием, занялись своими делами, Чандрапрабха удалилась с Шактидевой в спальню покой и сказала: „Та царевна Канакарекха, которую ты, счастливец, видел в Вардхаманапуре, моя сестра, и зовут ее Чандрарекха. Дочь повелителя рыбаков Биндумати, с которой ты прежде на острове Утсхала свадьбу справил, сестра моя Шаширекха, а царевна Биндурекха, что стала твоей женой, после того как ее похитил данава, моя младшая сестра, Шашипрабха. Теперь пойдем к нашему отцу, и он соединит всех нас с тобой“.

И по слову мудрой Чандрапрабхи, точно по велению бога с цветочными стрелами, немедля отправился Шактидева со всеми четырьмя сестрами к их отцу. А тот, услышав от склонив-

шихся перед ним дочерей обо всем случившемся, по велению голоса с небес отдал их в жены Шактидеве, а самого его поставил царем в Канакапури, передал ему все свои богатства и знания и дал имя, которым стали называть его видьядхары,— Шактивега. „Никто тебя не победит, ибо будешь ты обладать несокрушимой силой. Но ты должен будешь преклониться перед Нараваханадаттой, сыном повелителя ватсов, нашим будущим верховным правителем“. Дав такое наставление, могучий властитель видьядхаров Шашикханда удалился в отшельническую обитель, покинув столицу и свою землю. Я же, став царем, вступил со своими женами в город Канакапури — зная всего царства видьядхаров.

С тех пор счастливо зажил я с четырьмя своими супругами, кокетливо бросающими на меня взоры, в Канакапури, славном своими храмами, блистающими золотой отделкой, проводя время в радующих сердце садах, где спуски к водоемам украшены ступенями, усыпанными жемчугами и другими драгоценными камнями».

Рассказав о своей занимательной жизни, Шактивега обратился к повелителю ватсов с такими словами: «О властитель ватсов, украшение Лунной династии! Знай, что хотелось мне посмотреть на твоего сына, будущего нашего повелителя! Был человеком я, но по милости Шивы, сокрушителя городов, стал видьядхарой. Нынче ухожу я, о царь, домой, повидав своего будущего господина. Да сопутствует ему всегда и во всем счастье!»

Произнеся это, сложил Шактивега почтительно руки и, после того как получил разрешение удалиться, силой волшебного знания улетел, пожелав повелителю ватсов с царицами, наследником и министрами счастливой жизни.

КНИГА О МАДАНАМАНЧУКЕ

ВОЛНА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Да охранит вас Слоноликий, то вверх, то вниз качающий головой, словно отгоняя сонмы злых духов!

Слава Каме, непрерывный поток стрел которого заставляет волосы на теле Шивы, слившегося в объятиях с Умой, трепетать от наслаждения!

После того как Нараваханадатта покорил видьядхаров и установил над ними свою власть, где-то по какому-то случаю великие мудрецы и их жены спросили, как он этого достиг. И тогда он поведал о жизни своего отца, царя Удаяны, и о всей своей божественной жизни.

Слушай же теперь этот рассказ!

Заботливо возвращаемый своим отцом, повелителем ватсов, перешагнул Нараваханадатта предел восьмого года. Вместе со

своими сверстниками, сыновьями мипистров царя Удаяны, царевич одолевал разнообразные науки, наделявшие его необычайной мудростью, и резвился в садах, упражняя тело. Божественная Васавадатта и царица Падмавати с равной любовью по-матерински заботились о нем и днем и ночью.

Славен был великий род, в котором родился Нараваханадатта, и уже с самого младенчества славился царевич добрыми качествами благородной души, а телом гибким подобен был упругому луку. Пока его отец, блистательный царь Удаяна, повелевавший народом ватсов, проводит время в сулящих быстрое достижение заветной цели мечтах о свадьбе сына и обо всем, что с этим связано, послушаем-ка мы рассказ о купце Витастадатте, почитавшем Будду, и о его сыне Ратнадатте, презиравшем за это отца.

А дело было в том, что сыну этого купца из Такшашилы не по душе была вера Сугаты, которой следовал отец. Но раджа Калингадатта устроил такое испытание юноше, что стал тот бояться за жизнь, а потом и показал ему, как нужно сосредоточиваться на высшем, чтобы постичь сущность вещей. Так раджа наставлял своих подданных.

Была у него жена Тарадатта, которой раджа гордился так же, как хороший поэт своим красноречием. Однажды рассказывала она мужу сон, свидетельствующий о силе кармы, заставляющей даже небожителей рождаться на земле, и в подтверждение царица поведала историю своих родителей — царя Дхармадатты и его супруги Нагашири, бывших в прежних рождениях простыми тружениками, но благодаря благочестию и искренней вере достигших царского достоинства.

Согласился с ней высокоблагочестивый Калингадатта и указал, что иной раз и небольшая вера приносит большие плоды. Что это именно так, он подтвердил рассказом о семи брахманах, сожравших корову и совершивших тем самым тяжкий грех, но по правде рассказавших об этом наставнику; за свою правдивость они обрели спасение и в новых рождениях сохранили память о прежних.

Но вот если что-либо делают с печистыми помыслами, то и плод от этого будет худой. Так случилось с брахманом, который, предаваясь посту на берегу Ганги, позавидовал рыбакам и из-за этого сам родился рыбаком. А вот чандала, презревший рыбаков, родился в царской семье. Коли корень дерева веры здоров и помыслы чисты, то и плод будет здоровым. Сколько души вкладывается, таков и плод будет.

Чтобы подтвердить это, поведал Калингадатта супруге интересный рассказ о двух споривших брахманах, попавшихся на глаза царю Викрамасинхе во время его выезда на охоту. Велел он их схватить да допросил, а они рассказали, как полюбили своих жен, их полюбивших по своей воле, и как бежали, спасая свою жизнь и любимых, и что спорили насчет того, где и чем жить. И Викрамасинха милостиво разрешил им жить в его городе и пожаловал столько, сколько требовалось на жизнь. «Таким-то образом цари бывают щедрой даже к тем хитроумным, чьи поступки не согласуются с добродетелью и чье единственное достоинство — дерзость. Как бы ни назывался мир, божественным или небожественным, но всегда и всякий в нем вкушает плоды своей кармы, порожденной этим или прежними рождениями, доброй или недоброй».

День ото дня становилось тяжелее бремя царицы Тарадатты и, когда приблизилось время ей разрешиться, побледневшая, с тревожными глазами, подобна она была восточной стороне неба, на которой вот-вот должен взойти тонкий серп юного месяца. Родила она дочь такой бесподобной красоты, словно творец собрал для ее создания все, что есть прекрасного в трех мирах. Все светильники в покоях Тарадатты потрескивали, как бы говоря: «Ах, почему бы не родить ей сына такой же красоты!»

Калингадатта же, увидев такую дочь-красавицу, погубившую его надежды на сына, хотя и понимал, что это дитя божественного происхождения, все-таки затосковал о сыне. Ведь дочь — корень горестей, а сын — воплощение радостей! Удрученный, в поисках утешения оставил раджа дворец и пошел в вихару, где находилось множество изваяний Будды. Там сидел нищенствующий монах, окруженный людьми, и проповедовал, и Калингадатта присоединился к слушавшим святое слово.

«Говорят, что в жизни мирской величайший подвиг — раздать богатство, ибо того, кто отдает богатство, называют отдающим жизнь — ведь она зависит от богатства. Будда же, чье сердце было преисполнено жалости к другим людям, ради них отдал свою душу, словно был это всего лишь стебелек травы. Что в сравнении с этим богатство? Благодаря такой стойкости и решимости избавился Будда от мирских желаний и, достигнув познания сущности мира, стал истинным Буддой. Поэтому надлежит всякому, желающему блага, избавиться от любых соблазнов и стремиться к достижению просветленности.

Поведал он о семи дочерях некоего раджи, жаждавших расстаться с жизнью, ибо бесполезен мир и бесполезно тело, подверженное страданиям, и единственный смысл ее лишь в том, чтобы приносить благо другим существам. Поэтому девушки поселились на кладбище, где могли их телами питаться пожирающие плоть, а когда их спросили, как они на это решились, то рассказали, как некий царевич вырвал себе глаз, чтобы устоять против велений плоти, а также о подвижнике, одолевшем гнев и явившем чудо кротости.

Слушал царь подобные наставления монаха целый день, но по-прежнему кручинился, ибо родилась у него дочь, и тогда некий брахман, стараясь убедить его, что и рождение дочери благо, рассказал о радже Сусене, который смог вознестись на небо только благодаря добродетелям его дочери, а там, став наравне с богами, счастливо жил с апсарой Рамбхой, наслаждаясь небесным блаженством.

Случается, что в семьях, таких, как твоя, получают рождение небесные девы из-за какого-нибудь проклятия. Вот и родившаяся у тебя дочь — тоже не иначе как божественная дева, над которой тяготеем чей-то гнев. Поэтому не горюй, владыка, из-за того, что родилась в твоей семье дочь!» Утешили раджу Калингадату слова старого брахмана, и дал он дочери, подобной юной луне и доставляющей усладу глазам, имя Калингасена. И стала царевна

расти в отцовском доме, резвясь со своими сверстницами по дворцам да по палатам, по садам да по лесам, словно игровая волна океана младенчества.

Пролетала однажды над дворцом Сомабрахма, дочь асуры Мая, и увидела игравшую на крыше Калингасену. Восхищенная ее красотой, способной сокрушить сердца мудрецов, Сомабрахма почувствовала дружеское расположение к девочке и подумала: «Кто бы это был? Уж не Луна ли? Но почему тогда не померкла в сиянии дня ее красота? Если это Рати, то где Кама? Нет, это, верно, какая-нибудь небесная дева, чьим-то проклятием обреченная родиться на земле, в семье раджи. Кажется мне, что дружила я с ней в прежнем рождении, и потому подсказывает мое сердце, преисполнившееся привязанности к ней, что снова должна я избрать ее себе в подруги».

Так рассуждала Сомабрахма и, чтобы не испугалась Калингасена, незаметно спустилась с небес и, приняв облик земной девушки, осторожно приблизилась к ней. А Калингасена, видя ее, удивилась: «Кто такая эта необыкновенная красавица? Верно, царская дочь пришла ко мне. Будет она мне подругой» — и, почтительно приветствовав, обняла Сомабрахму, усадила с собой и спросила, как ее имя и какого она рода. «Подожди,— отвечала ей Сомабрахма,— все тебе расскажу». И завязалась у них беседа, и, чем больше они говорили, тем больше росла их дружба и крепче были объятия.

Но Сомабрахма опасалась того, что ненадежна дружба царских детей и из-за малости могут они разгневаться сверх всякой меры. И, желая избавить себя от подобного огорчения, рассказала она Калингасене, как купеческий сын дружил с царевичем и, пытаясь предостеречь его от дурных знамений, навлек на себя его гнев, да, к счастью, образумился царевич и понял, что истинно предан ему купеческий сын.

«Царевичи, не понимая своего блага, могут в безрассудстве погубить друг друга,— говорила Сомабрахма,— подобно тому как обезумевший слон способен растоптать своего корняка. Разве можно дружить с веталями, беззаботно уничтожающими жизнь! Поэтому, царевна, никогда не оскорбляй мной к тебе дружеской любви». А после этого рассказала Калингасена Сомабрахме историю про то, как дочь брахмана обманула пишачу и исцелила отца от болезней, но от этого забавного и интересного рассказа обе они зарделись стыдливым румянцем, ибо было в нем и непристойное.

Так говорили они, а Повелитель дня уже вступил на вершину горы Заката, и Сомабрахма поспешила к себе домой. Взвилась она в воздух и улыбнулась на прощание подруге, уже ждавшей нового свидания. Калингасена же, вернувшись к себе, стала раздумывать, кем бы могла быть ее подруга: «Не знаю, то ли из сиддхов моя подруга, то ли апсара, дева небесная? А может быть, она из племени видьядхаров, обитающих в воздушном пространстве? Раз способна она двигаться в небесной вышине, значит, она божественного происхождения. Но разве возможна дружба небесных дев с земными? Однако разве не дружила дочь царя Притху с божественной Арундхати? И разве не благодаря этой

дружбе сумел Притху свести Сурабхи, корову, исполняющую желания, с небес на землю? И разве не смог Притху, пивший молоко Сурабхи, снова попасть на небо? И разве не от Сурабхи повелись коровы на земле? Счастливица я! Видно, ради какого-то благодатного свершения в будущем стала эта божественная дева моей подругой. Вот как придет она утром, хорошенько порасспрошу я ее о роде и об имени». В таких мыслях провела всю ночь царица Калингасена, а Сомабрахма в своих покоях скоротала ночь в мечтах о завтрашней встрече с ней.

ВОЛНА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Настало утро, и Сомабрахма снова прилетела к Калингасене, взяв с собой, чтобы развлечь подругу, бамбуковую корзинку, полную всевозможных кукол, которые могли двигаться. Калингасена же, увидев, что подруга снова пришла, от радости расплакалась и, обняв и усадив ее, сказала: «Ах, подружка, не видя твоего лица, подобного полной луне, подумала я, что ночь не из трех, а из ста страж состоит. Не знаешь ли ты, встречались ли мы в прежних рождениях и не потому ли теперь мы подружались, что прежде встречались? Скажи, коли знаешь!» Так ответила Сомабрахма: «Нет у меня такого знания, и не помню я прежних своих рождений. Уж если не знают такие мудрые провидцы, как я знать могу? Ведь если кто знает о своих рождениях, то открыта ему тайна прежних рождений и других людей».

Тогда спросила с любопытством Калингасена отвечавшую ей с любовью, искренностью и нежностью Сомабрахму: «Скажи мне, подружка моя, от какого отца родилась ты и какой божественный род, как жемчужина раковину, украсил он собой? И каким именем, наполняющим мир сладостным звучанием, о счастливица, наречена ты? И зачем принесла ты с собой эту бамбуковую корзинку и что в ней?» И, выслушав почтительную просьбу Калингасены, стала Сомабрахма рассказывать ей все по порядку.

Об искусном и славном асуре Мае

«Во всех трех мирах славится имя асуры Мая, который, презрев обычай асуров, искал покровительства Вишну. Пожаловал ему Вишну дар бесстрашия, и построил Май для Индры, несущего ваджру, дворец. Разъярились дайти и асуры, узнав, что принял он сторону богов. Опасаясь их, построил он в Виндхйских горах недосыгаемый для асуров волшебный замок, полный диковин, и удивительных и непостижимых.

Есть у Мая две дочери. Старшая, давшая обет безбрачия, зовется Сваямбрахой. Она хозяйничает в доме. А младшая, нареченная Сомабрахой, — я, твоя подруга. Отдали меня в жены На-

лакубаре, сыну Куберы, подателя богатств. Научилась я от отца разному и, чтобы доставить тебе радость, принесла эту корзинку, полную забавных двигающихся кукол». И с этими словами открыла Сомабрахма корзинку и показала подруге множество деревянных человечков. Подчиняясь малейшему движению ее руки, одни из них возносились в небо и тотчас возвращались, держа в руках цветочные гирлянды, другие носили воду, третьи плясали, четвертые рассказывали занятные истории, и чего еще только куклы не делали! Так поразвлекала она ими Калингасену, а потом снова бережно уложила их в корзину. Затем, попрощавшись с подругой, умчалась она небесной дорогой к себе домой служить мужу своему, а царевна так восхищалась всем виденным, что целый день ничего не могла есть от великой радости. Заметила ее мать, что ничего-то она не ест, и встревожилась — не заболела ли дочка. Призвала она лекаря Ананду. Осмотрел он царевну, как следовало, и сказал: «Она от радости голодает, не от болезни. Об этом мне поведали ее веселые глаза и смеющееся лицо». Выслушав Ананду, спросила мать дочку, что, мол, случилось, и та ей обо всем рассказала. Поздравила мать Калингасену с такой достойной подругой и велела приготовить хорошее угощение.

На другой день снова прилетела Сомабрахма и, узнав постепенно обо всем, сказала Калингасене: «Рассказала я о тебе моему мужу, наделенному даром всеведения, и позволил он мне бывать у тебя. Попросись у отца с матерью погулять со мной, и тогда мы беззаботно повеселимся». Взялись они тогда за руки и пошли к отцу и матери Калингасены. Рассказав сначала о роде-племени подруги, показала Калингасена Сомабрахму радже Калингадатте и матушке своей Тарадатте. Они же, видя, что Сомабрахма такова, как о ней рассказала им дочь, возрадовались, и, выказав ей свою приязнь, угостили как дорогую гостью, и, движимые любовью к Калингасене, сказали так красавице из рода великого асуры: «Милая, поручаем тебе Калингасену. Теперь ступайте, девочки, и играйте, как вам хочется». И обе, получив разрешение, ушли. Сомабрахма взяла бамбуковую корзину с куклами, и стали подружки бродить по дворцу, пока не попали в вихару, построенную царем.

Вынула из корзины Сомабрахма деревянного якшу и своим волшебным искусством заставила его принести все нужное для поклонения Будде. Тотчас же якша помчался по небу и, проделав далекий и трудный путь, принес лотосы из золота, усыпанные драгоценными камнями и жемчугом. Совершив всем этим жертву, усыпала Сомабрахма фигуру Будды цветами. Узнали о таком раджа и его супруга, пришли к девушкам и очень удивились, и стал раджа Калингадатта расспрашивать о движущихся куклах. Начала Сомабрахма ему объяснять: «Все эти и многие другие волшебные устройства сделаны моим отцом. Есть среди них такие чудесные, которые представляют весь мир, созданный

из пяти элементов. Слушайте, расскажу я вам о каждом из этих устройств. Первое называется „Земля“, и если дверь или окно в нем закрывались, то никто, кроме отца, открыть его не мог. Другое называется „Вода“, и кажется, словно это настоящая вода плещется. Есть и третье, называющееся „Свет“, испускает оно яркое сияние. Четвертому имя — „Воздух“, и если оно действует, то все начинает двигаться, а пятое — „Небо“, и, когда оно работает, кажется, будто кто-то говорит в небесном пространстве. Я научилась от отца управлять всеми этими устройствами. Но вот устройством „Защитник амриты“ только отец может управлять, и никто другой этого секрета не знает».

А пока слушали раджа и его супруга рассказ Сомабрахмы об этих волшебных устройствах, воздух наполнился звуками раковин, возвещающих наступление полдня. Когда же пригласил раджа Сомабрахму отведать угощения, сказала она, что пища ей нужна иная, и, испросив у него позволение, взяла Калингасену и на воздушном корабле с хитроумным устройством отправилась небесной дорогой в родительский дом, стоявший в Виндхйских горах. Вскоре прилетели они к старшей сестре Сомабрахмы — Сваямпрабхе.

Увидела Калингасена Сваямпрабху, давшую обет безбрачия, с распущенными волосами, с хрустальными бусами на шее, одетую в белое одеяние, смеющуюся, словно Парвати, предпринявшая ради торжества любви жестокий подвиг, убивающий любовь. Сваямпрабха приветливо приняла склонившуюся перед ней царевну, о которой рассказывала Сомабрахма, и угостила плодами. «Отведай, подружка, этих плодов, и никогда не коснется тебя старость, убивающая красоту, как холодный дождь лотосы, — посоветовала царевна Сомабрахма. — Для того я из любви к тебе и просила принести их». Попробовала их Калингасена и почувствовала, словно бы по всему телу ее разлилась живительная амрита.

Пошла царевна смотреть город и увидела в нем сад, где был пруд, полный золотых лотосов, где росли деревья, приносявшие плоды, слаще которых и не бывало, и где распевали всяческие птицы. Так хитроумно устроил асура Май этот сад, подобный новому волшебному миру, что благодаря искусству его создателя множество украшенных драгоценностями колонн, казалось, стояло там, где ничего не было, чудились стены там, где они никогда не высились, сверкала, переливаясь, вода там, где была лишь одна твердая земля. Долго блуждали некогда в этом саду обезьяны в поисках Ситы и только благодаря милости Сваямпрабхи сумели выйти из него.

Потом, когда Калингасена, отведавшая плодов, уберегающих от старости, надивилась всем диковинам в этом городе, Сомабрахма попросила у сестры позволения уйти и, взяв с собой Калингасену, умчала ее на хитроумно устроенном воздушном корабле в город Такшашилу. Калингасена все подробно рассказала отцу и матери, и они были очень довольны ее рассказом.

Так проходил у подруг день за днем, и обратилась однажды Сомабрахма к Калингасене: «Дружить мы будем с тобой, пока не выдадут тебя замуж, ибо как смогу я приходить к тебе в дом твоего мужа? Не следует видиться с мужем подруги, и ему на это соглашаться не следует. А еще знать тебе надлежит, что свекрови невесток своих поедом едят, как волки овец.

И Сомабрахма поведала ей правдивую повесть о купеческой дочери Киртисене и ее злобной свекрови, о том, какие муки и приключения довело пережить добродетельной и верной супругу Киртисене, прежде чем встретила она с супругом и зажила счастливо, избавившись от злой свекрови.

Претерпевая жестокие удары судьбы и сохраняя в вихре несчастий свою честь, оберегаемые великой силой добродетели верные жены приносят счастье и мужу и себе. Горько, царевна, приходится многим женам из-за свекровей да золовок, и потому хочется мне, чтобы досталась ты такому мужу, в доме которого не знала бы ни сварливой свекрови, ни злой золовки».

Очень понравилась царевне Калингасене замечательная история, рассказанная ей Сомабрахмой, дочерью асуры Мая. Солнце же, словно заметив, что пришел к концу интересный рассказ, собралось уже уходить с небосвода. Тут и Сомабрахма, обняв на прощание Калингасену, которой жаль было расставаться с подругой, поспешила домой.

ВОЛНА ТРИДЦАТАЯ

Случилось однажды, что носившийся в небесной выси юный вождь видьядхаров Маданавега заметил издали на крыше дворца, находившегося как раз на его пути, Калингасену, вышедшую, чтобы посмотреть вслед Сомабрахме, летевшей к себе домой. И когда увидел он несравненную красоту Калингасены, потрясающую все три мира, затрепетал, словно попавший в сети Камы павлин: «Если так прекрасна простая смертная, что мне краса жен видьядхаров, что прелести апсар! Коли не станет она моей женой, к чему мне жизнь! Но могу ли я с ней сочетаться? Ведь я видьядхара, а она простая смертная!» Так размышлял он, и сказал ему сочувственно видья Праджняпти: «Да нет, не смертная это, а та самая апсара, которая силой проклятия, о счастливцев, обречена была родиться на земле в облике дочери царя Калингадатты». Порадовался Маданавега этим словам и отвратился ото всего — только любовь была у него на уме. «Не годится мне взять ее силой, — рассуждал видьядхара. — Это для меня хуже смерти и навлечет на мою голову проклятие. Поклонюсь-ка я Шамбху могучему, доставлю ему радость подвижничеством. Нет другого пути, кроме этого, ибо только через подвижничество можно прийти к счастью».

Рассудив таким образом, пошел Маданавега на гору Ришабху.

и стал записываться подвижничеством — стоял на одной ноге и не принимал никакой пищи. Возрадовался тогда Шива, супруг Амбики, видя столь трудное подвижничество, явился Маданавеге и дал ему наставление: «Калингасена прославилась красотой по всей земле, и муж ее должен быть равен ей красотой своей. Только повелитель ватсов ее достоин и стремится к ней, но, опасаясь гнева царицы Васавадатты, не смеет открыто выказать свое чувство. Царевна же Калингасена услышит от Сомапратхы о его красоте и, стремясь к прекрасному, захочет сама избрать его себе в мужья. А пока не может состояться их свадьба, поспеши принять облик повелителя ватсов и сделай ее своей женой по обычаю гандхарвов. Так красавица эта тебе достанется». Получив такой совет от Шарвы и поклонившись ему, ушел Маданавег в свой дом на склоне горы Калакуты. А пока все это происходило, Сомапратха прилетала на своем самодвижущемся воздушном корабле по утрам в Такпашилу играть с Калингасеной и каждый вечер улетала той же небесной дорогой к себе. Сказала ей однажды Калингасена: «Никому не рассказывай, подружка, то, о чем я тебе поведаю. Довелось мне узнать, что настало время моей свадьбы. Многие цари засылали послов сюда сватать меня, но всех их отец отсылал. Только одного посла он приветил — того, который приехал от раджи Прасенаджита, царствующего в Шравастии. И матушка уговаривает, чтобы я выбрала этого царя. Понравился он моим родителям тем, что происходит он из того самого рода, из которого произошли Амба и Амбалика и прочие прародительницы кауравов и пандавов. Вот и просватал меня, подружка, отец за раджу Прасенаджита в город Шравастии».

Узнав такую новость от Калингасены, зарыдала Сомапратха, и слезы ее сыпались, как жемчужины из разорванного ожерелья. Когда же спросила ее подруга о причине таких горьких слез, отвечала ей дочь асуры Мая, видящая все, что на белом свете делается: «Юность, красота, добродетель, богатство — вот что ищут в избраннике, а род и прочее идут уже после этих качеств. Видела я раджу Прасенаджита. Дряхл он и немощен и подобен увядшему цветку мальвы. Что из того, что он родовит?! Его старость, седовласая и холодная, как зимняя непогода, одряхлит и тебя, подобную лотосу, и плачевна будет жизнь твоя, как лотоса, сложенного холодом. Поэтому-то и горько мне! А порадовалась бы я, коли мужем твоим, счастливица, стал бы царь ватсов Удайна. Никто на всей земле не сравнится с ним ни красотой, ни родом, ни обхождением, ни геройством, ни величием. Был бы он тебе достойным мужем, стройнотелая! Будто сам творец создал его, воплощение обходительности, для тебя!» Так Сомапратха убеждала ее словами, умно построенными, и обратила тогда Калингасена сердце свое к повелителю ватсов. Спросила царевна у дочери асуры: «Рассказала бы ты мне, какого рода тот, кого ты называешь повелителем ватсов, и почему зовут его Удайнай?» Отвечала ей на это Сомапратха: «Слушай же, подружка, я расскажу тебе

О том, почему отцу Нараваханадатты было дано имя Удаяны

Далеко идет слава о стране ватсов, земли украшения, и стоит в ней город Каушамби, подобный Амаравати, городу Индры. Правит в нем повелитель ватсов. Теперь, счастливица, слушай, расскажу я тебе о его славном роде. Был у одного из пандавов, Арджуны, сын Абхиманью, сокрушивший строй войска кауравов. От Абхиманью родился Парикшит, великий вождь рода бхаратов, у которого был сын Джанамеджая, истребитель змей. Сын Джанамеджайи, Шатаника, сделал своей столицей Каушамби и в битве богов с асурами истребил многих из них и сам погиб. Ему наследовал раджа Сахасраника, восхваляемый всеми мирами, переносившийся с земли на небо и с неба на землю в колеснице, посланной ему Шакрой. У Мригавати, супруги Сахасраники, и родился Удаяна, украшение Лунного рода, радовавший взоры всех людей.

Теперь послушай, почему его зовут Удаяной. Когда царица Мригавати забеременела, то захотелось ей искупаться в крови. Ужаснулся ее супруг такому греховному желанию и велел закрасить воду в пруду красным соком разных растений. Орел из рода Таркшьи принял царицу, когда она купалась в этом пруду, за кусок мяса, схватил ее и по воле судьбы занес на гору Восхода, которая называется Удая. Живший на той горе мудрец Джамадагни утешил ее, горюющую в разлуке с мужем, сказал, что встретится она с ним, и поселил ее в своей обители. Разлука же Мригавати с супругом была порождена проклятием Тилоттамы, оскорбленной невниманием раджи Сахасраники. Прошло много дней, и родила Мригавати в обители на горе Удая сына, и словно взошел на небо новый месяц. Тогда боги с небес возгласили: „Родился на горе Удая великий царь, властитель всей земли, и будет его сын повелевателем видьядхаров“. И потому, что родился он на горе Удая, стали звать его Удаяна.

Раджа Сахасраника жил все это время в разлуке с Мригавати, надеясь, что кончится срок проклятия, — так советовал ему Матали, возница Индры. Когда же оно истощилось, то по воле судьбы спустился с горы Удая некий шабар и принес радже браслет, подаренный им Мригавати. Услышав о вести, возглашенной с небес, взял он этого шабару в проводники и отправился с ним на гору Удая. Исполнилась его мечта, и обнял он жену Мригавати и обрадовался без меры сыну Удаяне. Когда он с ними вернулся в Каушамби, то объявил Удаяну своим наследником, ибо был доволен его достоинствами и добродетелями, и назначил ему в министры Яугандхараяну и других сыновей министров. Передав сыну бремя власти, вместе с супругой долго наслаждался Сахасраника жизнью. Со временем, совсем состарившись, помазал он сына на царство, а сам с супругой и своими министрами отправился в великое странствие, из которого нет возврата. Удаяна, приняв цар-

ство от отца, завоевал потом всю землю и правил ею с помощью своего друга Яугандхараяны».

Так коротко и по секрету рассказав подруге об Удайне, Сомпрабха обратилась к ней с такими словами: «Правит он в стране ватсов и потому считается их царем, но потомок он славных пандавов и потому происходит из Лунной династии. Богом дано ему имя Удайна, ибо родился он на горе Удай. Никто в мире, ни смертные, ни боги, не может сравниться с ним красотой, и даже сам бог Кандарпа не дерзнет спорить с ним. Только Удайна может быть твоим мужем, красивейшая во всех трех мирах, и скоро он будет к тебе свататься. Но есть у него старшая жена — Васавадатта, дева необыкновенной прелести, посрамившая красотой Ушу, Шакунталу и других прославленных дев, дочь царя Махасены, которая по своей воле, презрев настояния родни, избрала супругом Удайну. Родился у Васавадатты сын, которого нарекли Нараваханадаттой и которому — так решили боги — предстоит стать повелителем видьядхаров. Удайна опасается жены и потому еще не посватался к тебе. Но я видела ее — никогда не сравниться ей с тобой!»

Калингасена, которой все больше и больше хотелось увидеть Удайну, спросила Сомпрабху, рассказавшую это: «Но как могу я нарушить родительскую волю? Только ты, всезнающая и всемогущая, единственное мое спасение».

«Все это зависит от судьбы», — сказала ей Сомпрабха.

И Сомпрабха рассказала забавную историю про то, как царевна Теджасвати назначила случайно приглянувшемуся молодцу свидание, а он, перетрусив, не пришел в условленное место, да случайно оказался там другой, и вот этот-то был царевичем, и все у них по воле судьбы наладилось. Отец ее был изумлен тем, что нежеланное не случилось, а желанное исполнилось, но, как объяснил его министр, судьба следит, чтобы добрые дела приносили добрый плод, как добрые слуги следят за благополучием беззаботного хозяина, и в подтверждение этого рассказал он историю о неудачливом Харишармане. Этот брахман, видно, за прегрешения в прежних рождениях был обременен множеством детей и жил тем, что подадут. С отчаяния устроил Харишарман так, будто кто-то похитил коня у его хозяина, а сам он этого коня как бы нашел, и из-за этого прославился находчивый брахман как великий провидец. Помог он как-то раз царю найти сокровища, украденные из дворца, — и на этот раз улыбнулась судьба, — и хотел царь наградить его, да при царе всегда завистников много, и один из них захотел погубить Харишармана. Посоветовал он царю испытать брахмана и, положив под горшок лягушку, предложил ему узнать, что там. Пришел в отчаяние бедняга Харишарман и, вспомнив, как мать его во младенчестве называла, произнес: «Вот, лягушонок, не ждал ты, не гадал, что в горшок попадешь». И тогда все заговорили: «Воистину вот великий мудрец — узнал, что в горшке лягушка сидит!» Щедро наградил его царь, и в один миг стал Харишарман равен вассальному князю. Так-то вот судьба сама помогает тем, кто вершит добрые дела». Пока рассказывала Сомпрабха эти истории царевне, солнце, единственный светильник, озаряющий все три мира, успело зайти, и рассталась она с Калингасеной.

Когда же пришло утро следующего дня и Сомабрахма снова прилетела, Калингасена стала ее упрашивать: «Непременно отец выдаст меня за Прасенаджита — это мне матушка сказала. Но ты же сама видела, какой он старый. Повела ты мне про владыку ватсов и его необычайную красоту, и случилось так, что вошел он в мои уши и похитил сердце мое. Покажи мне сначала, каков Прасенаджит, а потом отвези к повелителю ватсов. Что мне тогда мать, что мне отец!»

Так ответила ей, нетерпеливой, на эти речи Сомабрахма: «Если уж отправляться в путь, то на корабле, плывущем в небесном просторе. Но заberi с собой все свои одежды и украшения — раз увидишь повелителя ватсов, не сможешь оттуда уйти и родителей больше не увидишь. Даже не вспомнишь о них! И про меня забудешь, как только станешь его женой. Да и я, подружка, не смогу прийти к тебе, в дом твоего мужа».

Расплакалась царевна и так ей сказала: «Тогда приведи властителя ватсов сюда, ко мне. Не останусь я там. Ни мгновения я без тебя быть не могу. Разве Читралекха не привела Анируддху к Уше?»

И она поведала о том, как подруга Уши, дочери асуры Баны, Читралекха помогла Уше встретиться с ее возлюбленным Анируддхой, внуком Вишну, недруга асуров.

Возразила ей Сомабрахма: «Как мне это сделать? Ведь Читралекха из божественного рода и потому могла перенести человека. А мне нельзя прикасаться к чужому мужчине. Поэтому придется мне отвести тебя, дорогая, туда, где живет повелитель ватсов. Но сначала покажу я тебе, как ты просила, Прасенаджита». Согласилась Калингасена со всем, что сказала ей Сомабрахма, и тотчас же отправилась вместе с подругой на воздушном корабле, движимом волшебной силой, со всем, что взяла с собой, да со слугами — и ни мать, ни отец ее ничего об этом не знали.

Летит она в поднебесье и не видит ни высоких гор, ни мрачных ущелий. Воистину, когда любовь одолевает женщину, то мчится она очертя голову, как конь, подстрекаемый всадником! Примчались они сначала в город Шравати, и Калингасена увидела там царя Прасенаджита, выезжавшего на охоту, — уж настолько он был стар, что от дряхлости даже посерел. Его дрожь словно бы говорила: «Уходи от меня, немощного!», и весь он тряся, подобно султану из перьев, своими покачиваниями как бы подтверждавшему это.

«Вот, — засмеялась Сомабрахма, — любуйся раджей Прасенаджитом, которому обещал отдать тебя отец».

«Старость выбрала его себе в мужья — разве изберет такого женщина? Ох, милая, уведи ты меня поскорей к властителю ватсов», — ответила ей Калингасена, и они отправились в город Кау-

шамби. А там Сомабрахма показала подруге повелителя ватсов, вышедшего в сад, и Калингасена впиалась в него глазами, подобно чакоре, неспособной отвести взгляда от луны, источающей амриту. Смотрит она на него во все глаза и словно сердце свое протянула ему на ладони, как бы говоря: «Ворвался ты в душу мою через очи мои!» Обратилась она к Сомабрахме с такими словами: «Должна я сегодня же встретиться с ним, с повелителем ватсов. Увидав его, ни минуточки не могу я ждать!»

Ответила ей Сомабрахма: «Сегодня нельзя этого сделать, видны мне недобрые приметы. Ты уж проводи день здесь, в саду, но не выдавай себя. Прилечу я завтра утром и устрою так, что вы встретитесь, а сейчас хочу я вернуться. Ты же, обитающая в моей душе, оставайся пока в доме того, кого желаешь в супруги». После этого оставила ее Сомабрахма, а раджа ватсов ушел из сада во дворец.

Калингасена же, оставшаяся там, послала старшего из ее слуг словно живое письмо к повелителю ватсов, хотя ничего не велела ей делать Сомабрахма, знающая приметы. Все знают, как своевольно и непостоянно девичье сердце! Пошел старший из ее слуг и велел стражу у ворот возвестить о своем приходе и, когда ввели его к повелителю ватсов, так ему сказал: «О раджа, Калингасена, дочь раджи Калингадатты, царствующего в Такшашиле, наслышалась о твоей красоте и, покинув родных и близких, прибыла для того, чтобы самой избрать тебя в мужья. А принесла ее сюда по небесной дороге на волшебном, хитроумно устроенном воздушном корабле ее подруга, многие тайны знающая Сомабрахма, дочь асуры Мая и супруга Налакубары. Послала меня Калингасена уведомить тебя о ее прибытии, прими ее, и да будет ваш союз так же нерушим и прекрасен, как союз луны и лунного света!»

Услышав такую весть от старшего из слуг Калингасены, обрадованный раджа согласился ее принять, а вестника одарил золотом, одеждами и многим прочим. Призвал повелитель ватсов Яугандхараяну, старшего над министрами, и сказал ему: «По всей земле разнеслась слава о красоте дочери царя Калингадатты, а зовут ее Калингасена, и нынче она сама прилетела избрать меня в мужья. Скажи немедленно, когда можно устроить свадебный обряд с неотразимой?»

И когда выслушал Яугандхараяна эти слова раджи, тотчас же подумал о его будущем благополучии: «Воистину во всех трех мирах успела Калингасена прославиться красотой, и нет другой, подобной ей, и даже боги о ней мечтают. Если достанется она повелителю ватсов, то позабудет он обо всем на свете, царица Васавадатта расстанется с жизнью, и погибнет тогда царевич Нараваханадатта, утратив мать. Из-за любви к ним обоим станет жизнь не мила и для Падмавати, младшей царицы. Отец Васавадатты, Чандамахасена, и отец Падмавати, Прадьюта, либо умрут, либо возненавидят Удаяну, и произойдет всеобщее потрясение. Но и препятствовать этому браку не следует. Ведь любые препоны за-

ставят Удаю еще больше стремиться к Калингасене. Поэтому мне следует оттянуть время свершения этого брака».

Вот так рассудив, обратился Яугандхараяна к повелителю ватсов с такой речью: «Счастлив ты, божественный, что Калингасена сама пришла к тебе. Ведь теперь ее отец становится твоим вассалом. Она — дочь великого царя, и надлежит тебе, раджа, спросив совета у звездочетов, назначить для свадьбы благоприятный день. А пока надобно отвести ей достойное жилище и назначить слуг и служанок и одарить ее нарядами и украшениями».

«Пусть так и будет!» — согласился со старшим над министрами раджа ватсов и, объятый восторгом, все сделал так, как посоветовал ему Яугандхараяна. Калингасена же вошла в отведенные ей покои и радовалась, считая свершившимся свое заветное желание. Мудрый Яугандхараяна тотчас покинул дворец и поспешил домой, продолжая размышлять: «Отсрочка — часто хорошее средство предотвратить дурное дело. Ведь когда Индра, убив своего врага Вритру, бежал в страхе, ибо убил он брахмана, Нахуша, занявший его трон, захотел овладеть и Шачи, его женой. Но та нашла убежище у наставника богов Брихаспати, который посоветовал ей оттягивать срок, говоря Нахуше всякий день: „Ты приходи завтра!“ Так она и говорила, а тем временем Нахуша за его презрение к брахманам был проклят ими и погиб. Снова обрел Индра и власть над богами, и жену. Вот и мне следует оттягивать свадьбу моего повелителя с Калингасеной». Решив так, собрал он всех звездочетов и тайно уговорился с ними, что назовут они такой день, до которого немало времени пройдет, прежде чем он наступит.

А весть о появлении Калингасены во дворце дошла и до царицы Васавадатты. Велела она послать за Яугандхараяной, чтобы явился тот в ее покои. Когда же министр пришел и поклонился ей, с рыданиями стала она укорять его: «Что же, почтенный, обещал ты, что, пока я здесь царица, не будет у Удаяны, кроме Падмавати, никакой другой жены? А теперь Калингасена появилась и, смотри-ка, готовится к свадьбе! Красавица она, и Удаяна уже души в ней не чает. Солгал ты, Яугандхараяна. Видно, придется мне теперь руки на себя наложить».

Возразил ей на это Яугандхараяна: «Сдержи чувства свои, царица! Как такое может случиться, пока я жив?! И тебе ничего не следует делать, чтобы помешать радже. Напротив, нужно набраться мужества и выразить одобрение. Ведь если врач говорит что-нибудь, не соответствующее воле больного, больной непокорен, но если выскажет согласие с ним, то недужный успокоится и поддастся лечению. Не преуспеет тот, кто пытается открыто противодействовать, но, кто следует ходу событий и не жалеет усилий, тот непременно одержит победу! Кто плывет против течения, не выберется из реки, но, если отдастся ему, спасется! Поэтому, когда придет к тебе раджа, не показывай неудовольствия, а прими его заботливо и ласково, затем же вырази почтительно согласие на то, чтобы Калингасена стала его женой, и скажи, что с

помощью ее отца держава укрепится и расширится. Коли ты так сделаешь, раджа, увидев твое не имеющее пределов великодушие, еще больше привяжется к тебе и, будучи уверен, что Калингасена уже ему досталась, не станет спешить. Ведь известно: чем больше препятствий, тем сильнее страсть! И тебе, царица, нужно научить Падмавати, чтобы она так же действовала, и тогда раджа не будет раздражен отсрочкой. А что будет далее, покажет сила моего ума. Мудрость проверяется испытанием, геройство — полем битвы. Не огорчайся, божественная!» Так уговаривал Васавадатту Яугандхараяна и, получив наконец ее согласие, удалился. Но ни днем, ни ночью не пришел раджа ни к одной из цариц, ибо сердце повелителя ватсов было уже полно мыслей о первых объятиях Калингасены, избравшей его в мужья. Каждый провел эту ночь у себя: Васавадатта — в глубокой тревоге, Удайна — в жажде трудно достигаемого наслаждения, Калингасена — в радости, а Яугандхараяна — в раздумьях.

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

На следующее утро пошел лукавый Яугандхараяна к ожидавшему его повелителю ватсов и спросил: «Почему бы нам не определить сегодня благоприятный день для сочетания божественного с приносящей счастье Калингасеной?» Отвечал ему раджа: «Я тоже об этом думаю. Ведь без нее мне и полчаса не вытерпеть!» — и с этими словами послал тотчас же пратихару, смотрителя дворца, привести звездочетов к нему в покои, и тот немедленно исполнил повеление раджи. Спросил Удайна их о дне свадьбы, а они, заранее подговоренные главным министром, дружно сказали, что-де такой день настанет только через шесть месяцев. Только услышал такие речи Яугандхараяна, как притворно разгневался: «Тьфу на неучей! Не пришел, раджа, тот звездочет, которого ты больше всего считаешь и считаешь мудрым. Соболаговоли послать за ним». По совету министра велел раджа, сердце которого наполнилось сомнением, послать за тем звездочетом. Но и того звездочета успел Яугандхараяна подговорить, и потому и он сказал радже, что такой день наступит только через шесть месяцев.

Тогда молвил радже будто опечаленный Яугандхараяна: «Соболаговоли, божественный, повелеть, что теперь делать». Досадно было радже, но все-таки хотелось ему, чтобы свадьба состоялась в день, отмеченный добрыми звездами. Подумал он и решил: «Нужно спросить Калингасену. Посмотрим, что она скажет». Согласился с ним Яугандхараяна и, взяв с собой двух звездочетов, поспешил к Калингасене. Она почтительно встретила его, и при виде красоты ее снова подумал министр: «Как женится на ней раджа, одолеет его страсть и забросит он все государственные дела», а вслух сказал: «Пришел я со звездочетами, чтобы определить день, наиболее благоприятный для твоего сочетания с нашим государем.

Соизволь сообщить им, в какой день и под какой звездой ты родилась». Сказали ее слуги, под какой звездой она родилась, и звездочеты, притворившись, будто углубились в размышления и подсчеты, как было раньше условлено с ними Яугандхараяной, снова сказали, что день этот наступит через шесть месяцев и что до него никакой другой день не подойдет.

Узнав, что придется долго ждать, сказал Калингасене, удрученной этим известием, старший над ее слугами: «Прежде всего нужен благоприятный день для свадьбы. Ведь от этого зависит супружеское счастье. Что уж горевать — долго ли, коротко ли, а ждать придется». И тотчас же все заговорили: «А ведь верно это сказано». А Яугандхараяна заметил: «Если совершится свадьба в неблагоприятный день, то Калингадатта, дружественный нам правитель, будет огорчен». И Калингасена, изнемогая от ожидания, проговорила: «Как почтенные считают нужным, пусть так и будет». Тогда, заручившись таким образом ее согласием и испросив разрешение удалиться, поспешил Яугандхараяна со звездочетами к радже.

Обо всем министр сообщил повелителю ватсов и, получив от него согласие на отсрочку, утешил его и отправился домой. Вот так, оттянув свадьбу, выиграл Яугандхараяна время для прочих действий и, вернувшись к себе, подумал о друге своем, брахмане среди ракшасов, по имени Йогешвара. И только лишь подумал министр о своем приятеле, как тот, послушный велению, тотчас же предстал перед ним. Склонился ракшас перед Яугандхараяной и спросил: «Зачем ты позвал меня?» Тогда поведал ему министр про увлечение раджи Калингасеной и сказал другу: «Время я выиграл, а теперь, друг, ты незримо последи за ней. Видьядхары и прочие несомненно желают ее, ибо нет во всех трех мирах красавицы, которая могла бы с нею сравниться. Поэтому, если заметишь, что видится она с каким-нибудь сиддхой или видьядхарой, тотчас же доложи — это-то мне и надо. Конечно, божественные поклонники могут принять любое обличье, но когда они спят, то всегда обретают присущий им вид. Так мы сможем обнаружить с твоей помощью ее греховность, и раджа отвернется от нее, и успешно осуществится задуманное мною».

«Почему бы не убить ее или не уничтожить каким-либо способом?» — спросил брахмаракшас. Но немедля возразил ему великий министр Яугандхараяна: «Ни в коем случае нельзя так делать, ибо было бы это незаконно. Если человек свершает свой путь, не нарушая закона, ему сопутствует удача в достижении желаемого. Поэтому ты, друг, только следи за тем, какую оплошность она сама совершит. Твоей дружеской помощью, благородный, будет обеспечен успех нашего государя». С таким наказом ушел брахмаракшас от министра и тайно проник в покои Калингасены.

А тем временем снова навестила Калингасену ее подруга Сомапрабха, дочь асуры Мая. Расспросила она обо всем, что случилось за ночь и, не подозревая, что слушает их разговор ракшас,

сказала царевне так: «Сегодня утром пришла я было к тебе, да увидала у тебя Яугандхараяну, и, оставаясь незримой, слышала я весь ваш разговор и поняла, что произошло. Зачем ты начала дело, которое я тебе не советовала? Если, не подумав, начинают что-нибудь делать, то это приводит к ненужным последствиям.

Стала Сомабрахма рассказывать ей, что из этого получается. Вот, например, отправился брахманский сын Вишнудатта в город Валабхи учиться, и с ним увязалось еще семеро брахманских сыновей, но все они были глупы и вопреки советам Вишнудатты настояли на том, чтобы отправиться в путь, несмотря на дурные приметы. А приметы оказались верными, и попали все восьмеро странников в руки шабаров, и те бы их убили, когда бы не спокойствие и рассудительность Вишнудатты.

А еще Сомабрахма предупреждала подругу о том, что следует остерегаться жен-соперниц. Случилось так, что раджа Дридахаварман упросил мудрого Манканакку отдать ему в жены дочь его Кадалигарбху, и тот согласился, и стал раджа проводить с ней все время, позабыв о других цариках. И тогда старшая царица с помощью подвижницы, польстившейся на богатую награду, да ее приятеля, цирюльника, ославив Кадалигарбху как ведьму, и отвернулся от нее царь. Ушла горемычная в обитель к своему отцу, а тот благодаря силе провидения понял, что произошло, и отвел ее во дворец и объяснил радже все это. Тут и цирюльник рассказал про все, что было задумано и сделано, и будто бы это он отослал Кадалигарбху, чтобы спасти от заклинаний, против нее направленных. Убедился Дридахаварман в справедливости слов ее отца, наградил цирюльника и стал счастливо жить с Кадалигарбхой, отстранив старшую царицу.

Горести и интриги приходится претерпевать женам от соперниц. Калингасена, красавица моя! Ты еще девушка, и, раз свадьба твоя отложена, многие боги, трудно даже подумать, сколько их, желают тебя. Раз ты вручила свою судьбу единственному украшению мира — повелителю ватсов, то теперь сама себя должна охранять. Я же не смогу больше приходить к тебе — отныне ты в доме супруга. Не ходят добродетельные женщины в дома к замужним подругам, и мой муж сегодня уже запретил мне к тебе ходить. Несмотря на всю мою любовь, не могу я даже тайно тебя навещать, ибо обладает мой муж даром божественного всеведения. Сегодня же пришла я только с его особого позволения. Не могу я больше оставаться с тобой, подружка моя милая, и уйду домой, а если удастся упросить мужа, то приду снова, и стыд мне не помеха».

День уже угасал, когда Сомабрахма, дочь повелителя асуров, в слезах попрощавшись с Калингасеной, дочерью земного царя, лицо которой тоже было залито слезами, улетела небесной дорогой к себе домой.

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

И вот царевна Калингасена, покинувшая родную страну, родных и близких, не надеющаяся на скорую свадьбу с повелителем ватсов, тоскуя по оставившей ее Сомабрахме, металась в Каушамби, словно газель, выскочившая из родного леса на голое поле.

Властитель ватсов хмурился на звездочетов, нагадавших ему отсрочку женитьбы на Калингасене. С сердцем, отягощенным томительным ожиданием, пошел в тот день раджа облегчить душу в покои царицы Васавадатты. Она же, подученная министром, не выказала супругу никакого неудовольствия и встретила его заботой и ласками. Захотелось ему узнать, не разгневалась ли на него Васавадатта, узнав о Калингасене. «Ты знаешь,— спросил он царицу,— сюда прибыла Калингасена, чтобы избрать меня в мужья?» Она же, и глазом не моргнув, ответила ему: «Ведомо мне это, и очень я рада, словно сама богиня Лакшми осчастливила нас своим посещением. Ведь приход Калингасены означает, что Калингадатта, ее отец, становится твоим вассалом и власть твоя распространится благодаря этому на всю землю. А что до меня, то счастлива я твоему величию и счастье твое — мое счастье. И почему мне не радоваться тому, что царевны предпочитают тебя всем другим раджам и князьям?»

Все точно, как научил ее Яугандхараяна, сказала царица Васавадатта повелителю ватсов, и он обрадовался сказанному, и отведаль с ней разных яств, и принял из ее рук бетель, и остался на ночь в ее покоях. Но, проснувшись среди ночи, задумался Удайна: «Почему так благородно согласилась царица на то, чтобы Калингасена стала мне женой наравне с ней? Как может она сносить ее присутствие, когда из-за свадьбы моей с Падмавати чуть не лишила себя жизни? Если это противоречит ее желаниям, то все погибнет — от этого зависит судьба сына моего, тестя и тещи, зятеев и золовок, и Падмавати, и самого царства. Что тут скажешь? И как мне тогда жениться на Калингасене?»

В таких раздумьях повелитель ватсов на исходе ночи покинул покои Васавадатты, а на другой день вошел к царице Падмавати. Она же, подученная Васавадаттой, встретила его заботами и ласками и приятной беседой, и услышал он от нее такое же согласие, как и от Васавадатты. Убедившись в том, что обе царицы и думают и говорят одинаково, растроганный царь рассказал об их единодушии Яугандхараяне, а тот, заметив, что раджа впал в нерешительность, и посчитав это удобным случаем для свершения задуманного, сказал: «Думаю я, что это не так. Скрыта за их словами цель ужасная — обе они хотят лишить себя жизни. Ведь благородные женщины, если умирает их супруг или увлечен другой, готовы умереть, и никаких иных желаний у них нет.

Знаешь ли, что произошло с царем Шрутасеной? Он страстно любил свою супругу Видьютдоту, но решила дочь богатого купца Матридатта избрать Шрутасену в мужья. Не мог царь нарушить обычай и женился на ней. Загоревала от этого Видьютдота так, что сердце ее разорвалось, и от горя царь сам расстался с жизнью, а Матридатта взошла на костер. Так что и раджа погиб, и царство пришло в разорение.

Поэтому, раджа, страшно препятствовать сильной страсти, особенно когда дело касается таких людей, как высокоблагородная царица Васавадатта. Если ты женишься на Калингасене, Васавадатта

датта, несомненно, лишит себя жизни. Царица Падмавати глубоко к ней привязана и поступит так же. А что будет с сыном твоим Нараваханадаттой? Не знаю, сможет ли вынести подобные беды сердце божественного, но, без сомнения, если так пойдет, все сразу рухнет. Скрытый смысл сказанного обеими царицами достаточно ясен — твердо решили они расстаться с жизнью.

О том, что нужно заботиться о своей выгоде, знают даже звери. Поэтому не приходится, божественный, и говорить, что подобные тебе, наделенные мудростью, сумеют уберечь себя от беды.

Внимательно выслушал властитель ватсов Яугандхараяну и, подумав, согласился с ним: «Без сомнения, если так случится, погибнет все, что мне дорого. Думаю я поэтому: что за смысл жениться на Калингасене? К тому же звездочеты назначили ждать такой долгий срок! И разве будет против обычая, если я не возьму в жены девушку, пришедшую избрать меня в мужья?» Обрадовался Яугандхараяна, услышав такие речи от своего повелителя, и подумал: «Дело наше движется к успеху, как мы того желаем. А почему бы и не принести плодов лиане тонкой политики, если в нужное время и в нужном месте полить ее благотворной водой умения?» С такими мыслями поклонился он почтительно радже и ушел к себе домой.

Удаяна же направился к царице Васавадатте, встретившей его угощением, подобающим гостю, и шепнул, утешая: «Знаешь ли ты, газелеокая, что я тебе скажу? Что для лотоса вода, то для меня твоя любовь! Ведь я даже и слышать не могу имени другой женщины! Калингасена-то ведь силой ворвалась в мой дом! Известно же, что, когда Арджуна, совершая святое подвижничество, отверг апсару Рамбху, пытавшуюся навязать ему свою любовь, то она обрекла его своим проклятием на жизнь евнуха. Из-за этого-то целый год провел он, наряженный в женское платье, во дворце Вираты. Вот и не стал я возражать Калингасене. Сам же я без твоего желания не смею и слова сказать». Так утешив царицу и словно бы вложив свое полное любви сердце в уста ее и смягчив жестокую истину, провел раджа с ней ночь. И гордился он и радовался проникновенному уму своего главного министра.

В это же время друг министра брахмаракшас Йогешвара, назначенный Яугандхараяной следить за Калингасеной и при свете дня и во мраке ночи, пришел и рассказал лучшему из министров: «Неотлучно нахожусь я в покоях Калингасены и смотрю за всем, что делается и внутри и снаружи, однако не видел, чтобы проник к ней кто-нибудь из небожителей. Но сегодня, когда ночь открыла свое лицо, услышал я, укрывшись наверху, не очень ясный голос, словно раздававшийся с неба. Хотел я узнать, откуда он доносится, но так и не понял. Показалось мне, будто голос этот принадлежит кому-нибудь из тех, кто наделен божественной силой и скитается в небесах в жажде насладиться красотой и прелестями Калингасены. Сообразительности моей недостаточно было, чтобы узнать это, но мудрому и провидительному не так уж

трудно понять истину. Как соизволил сказать лучший из министров, божественные мужи желают Калингасену. О том же, слышал я, говорила Калингасене и ее подруга Сомапребха. Вот и пришел я к тебе, чтобы сообщить о слышанном мною. Прошу тебя — повели, что надлежит делать. Слышал я, спрятавшись, как ты говорил радже, что и звери себя защищают. Наверное, есть тому пример. Не расскажешь ли?»

«А разве ты не слышал рассказа о сове, мангусте, кошке и мыши, живших на раскидистом баньяне недалеко от города Видиши? Мышь для трех других могла быть пищей, но когда кошка попала в сеть, то хоть мышь и порадовалась этому, но пришлось ей помочь кошке освободиться, чтобы спастись от двух других врагов. Уж если мышь сумела спастись от беды, то что говорить о людях!

Всюду и всегда самый лучший друг человеку — его ум! Только благодаря острому уму смог раджа Прасенаджит разыскать похищенные сокровища одного скупого брахмана и тем избавить его от смерти.

С умом нужно браться за дела, особенно такие, как у нас с тобой, и потому, Йогешвара, следует тебе исхитриться, чтобы стала очевидной греховность Калингасены. Известно ведь, что жаждут ее и боги и асуры. Вот и слышал ты ночью чей-то голос с небес. Если станет ведомо, что согрешила она, то ей будет плохо, а не нам, и если не захочет тогда раджа жениться на ней, то никто и ничего недостойного в этом не усмотрит». Обрадовался брахмаракшас Йогешвара, слыша слова многомудрого Яугандхараяны, и сказал: «Кто превзойдет тебя в политике, кроме божественного Брихаспати? Твоя рассудительность подобна дождю амриты, оросившему древо державы. И умом и хитростью буду я стараться постоянно узнавать все о поступках Калингасены». И с этими словами расстался Йогешвара с Яугандхараяной.

А тем временем Калингасена томила — то металась по саду, то выбегала на крышу дворца, высматривая, не идет ли к ней повелитель ватсов. С сердцем, ему отданным, страстью палимая, она, руки которой оплетены браслетами, похожими на стебли лотосов, нигде не могла найти успокоения, и даже растирание сандаловым маслом не приносило ей покоя. А по Калингасене, с тех пор как впервые ее увидел, томился Маданавега, повелитель видьядхаров, тяжко раненный стрелой Камы, бестелесного бога любви. И хотя подвигами своими заслужил Маданавега благоволение Шанкары, но нелегко ему было достичь счастья — любви Калингасены, страстно полюбившей не его, а другого и покинувшей ради возлюбленного свою родину. Повелитель видьядхаров, стремясь овладеть ею, по ночам витал в небе над ее дворцом. Но вот однажды под покровом ночного мрака, помня совет, данный ему Шивой, довольным его подвижничеством, силой волшебства принял Маданавега облик повелителя ватсов, словно бы втайне пренебрегшего отсрочкой, которую ему посоветовали министры, и, почтительно встреченный привратником, вошел в ее покои. Увидав его, вздрогнула Калингасена и устремилась к нему, и от ее

порыва зазвенели украшения, как бы предупреждая: «Не тот это, которого ты ждешь!» А Маданавега, принявший облик повелителя ватсов, сделал ее своей супругой по обычаю гандхарвов.

Йогешвара же, незримо проникший во дворец Калингасены, был обманут обликом, принятым Маданавегой, и, решив, что это сам Удайна, поспешил сообщить ту весть, как велено было, Яугандхараяне. Тот же благодаря своей проницательности, зная, что Удайна в это время был у Васанадатты, велел Йогешваре снова вернуться в покои Калингасены. И, довольный удачей, брахмаракшас поспешил туда, чтобы, как сказал ему лучший из министров, рассмотреть повнимательнее тайного возлюбленного Калингасены. И тут узрел он подле спящей царевны охваченного глубоким сном Маданавегу — на этот раз уже в его подлинном виде; ведь пока он, с не оскверненными пылью лотосоподобными стопами, на которых были изображены царский зонтик и родовой стяг, спал, сила, с помощью коей он мог принимать иной облик, переставала действовать.

Обрадовался Йогешвара и поспешил об этом сообщить Яугандхараяне: «Ничего-то такой неуч, как я, не знает, но тот, кто наделен очами политика, способен, рассуждая правильно, совершить несвершимое. Разве может существовать небо без солнца? Или озеро без воды? Держава без управления? Речь без правды?» Был доволен известием Яугандхараяна и отпустил Йогешвару, а сам чуть свет отправился к повелителю ватсов и рассказал ему все, как было, и спросил под конец, что же делать с Калингасеной: «Своевольна она, и не следует тебе, раджа, касаться ее. Захотелось ей — и отправилась к Прасенаджиту. Убедившись же, что стар он и безобразен, и желая красивого супруга, решила отправиться к тебе, а нынче по своей воле сошлась с другим мужчиной». — «Как это может быть? — возразил Удайна. — Ведь она девушка из благородной семьи! И как мог проникнуть на женскую половину дворца кто-то чужой?»

Сказал ему на это многомудрый Яугандхараяна: «Сегодня ночью, божественный, увидишь ты все своими глазами и сам убедишься. Желают ее и боги и сиддхи — что уж говорить о простых смертных! А кто может, раджа, воспрепятствовать небожителям приходить туда, куда им хочется? Приходи и все увидишь воочию». Согласился властитель пойти с ним вместе, когда стемнеет, в покои Калингасены. Яугандхараяна же отправился к Васанадатте и сказал: «Ведь твердо обещал я тебе, царица, что ни на ком больше Удайна не женится, кроме Падмавати», а затем поведал ей обо всем, что случилось с Калингасеной. Царица же поклонилась ему и промолвила: «Это плод твоих наставлений мне».

Когда же опустилась ночь и сон овладел всеми людьми, повелитель ватсов и Яугандхараяна тайно проникли в покои Калингасены и увидели находившегося рядом с ней, охваченной глубоким сном, Маданавегу в его настоящем облике. Взъярился Удайна и хотел тотчас же убить похитителя девичьей чести, но, словно

охраняемый своей мудростью, видьядхара проснулся и тотчас же взлетел в воздух. Тогда и Калингасена очнулась от сна и вскочила и при виде опустевшего ложа воскликнула: «Что это? Повелитель ватсов проснулся раньше и, оставив меня спящей, удалился?»

Услышав ее слова, Яугандхараяна воскликнул: «Слушай, слушай! Обманута она кем-то принявшим твой облик. Я-то узнал об этом с помощью моей волшебной силы и вот теперь показал все тебе. Но не можешь ты убить осквернителя, ибо он божественного происхождения». Подошел министр с раджей к Калингасене, почтительно приветствовавшей их. «Ты уходил куда-то, раджа? А теперь пришел с министром?» — проговорила она. И сказал тогда Яугандхараяна: «Кто-то другой, принявший облик повелителя ватсов, стал, Калингасена, твоим супругом. Обманул он тебя, и не станет мой господин тебе мужем». Словно стрелы вонзились в сердце Калингасены эти слова, и, заливаясь слезами, обратилась она к властителю ватсов: «Разве не помнишь ты, раджа, как сделал меня супругой по обычаю гандхарвов? Забыл ты меня, как Душьянта Шакунталу!» И, опустив голову, сказал ей на это Удаяна: «Истинно, не брал я тебя в жены. Сегодня первый раз вошел сюда». Тогда Яугандхараяна, говоря: «Идем, идем отсюда!», поспешил увести его во дворец.

Когда же они ушли, Калингасена, одна на чужбине, бросившая родных, подобная газели, отбившейся от стада, лотосу, растоптанному слоном, залилась слезами, и пряди волос закрыли ее лицо, словно пчелы, облепившие цветок лотоса. Она, чья девичья честь была погублена, подняла глаза свои к небу и взмолилась: «Где тот, кто, приняв облик владыки ватсов, сделал меня своей женой? Пусть он явится, мой настоящий супруг!» И как только она вымолила это, сошел с небес в своем божественном облике, сверкающий ожерельями и браслетами повелитель видьядхаров. «Кто ты, господин?» — спросила она, и ответил он ей: «Зовут меня Маданавага, и я повелитель видьядхаров. Давно увидел я тебя, когда еще жила ты в родительском доме. Совершил я жестокие подвиги, чтобы добыть тебя, и Шива, довольный мною, дал мне свое соизволение, но ты, увлеченная красотой повелителя ватсов, влюбилась в него, и я, не будучи в силах предотвратить вашу свадьбу, принял его облик и сделал тебя своей женой». Дошли до слуха Калингасены эти слова, словно исполненные сладостной амритой, и проникли в ее сердце, раскрылась и расцвела ее душа, подобно лотосу. Так утешил Маданавага супругу, одарил ее множеством золотых украшений и, когда услышал, что она его простила и в ее душе укрепилась любовь к нему, удалился на небо, чтобы вернуться затем снова. «Не могу я, смертная, идти в дом моего божественного мужа, а отцовский дом я покинула, движимая любовью», — так подумала Калингасена и твердо решила ждать там, где была, обещанного прихода Маданаваги.

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Однажды ночью, вспомнив несравненную красоту Калингасены, повелитель ватсов воспылал страстью к ней и, поднявшись с ложа и готовый встретить соперника, взяв в руки меч, вошел в ее покои, а она поклонилась ему с почтением, подобающим при встрече гостя. Стал он просить ее быть его женой, но она отказалась: «Теперь я другому жена!» — «Досталась ты уже третьему мужчине и потому стала гетерой. Нет на мне греха соращения чужой жены!» Но на это Калингасена возразила ему: «Я пришла, раджа, сюда, чтобы стать тебе супругой, но видьядхара Маданавега, принявший твой облик, взял меня в жены. Теперь он мой единственный муж. В чем же я нарушила долг? Если такие несчастья случаются с женами, по своей воле покидающими родных, то что же говорить о девушках? Подруга моя, знающая приметы, предупредила о беде, но презрела я ее советы и послала к тебе вестника. И вот какова мне теперь за это награда! Если же попытаешься ты, повелитель, взять меня силой, я наложу на себя руки — разве нарушит добродетельная женщина супружеский долг?!

И Калингасена папомнила о добродетельной купеческой жене из страши чедиев, которая, когда попытался раджа Индрадатта овладеть ею против воли, от страха, что честь ее будет нарушена, умерла — разорвалось у нее сердце. Но и раджа умер — замучило его раскаяние.

Не совершай греха, вынуждая меня лишиться жизни. Прибегла я к твоему покровительству, и позволь мне жить здесь, а если нельзя, то уйду я отсюда». Выслушал ее раджа и, исполненный отвращения к беззаконию, ответил так: «Живи, царица, здесь со своим супругом. Ни о чем я тебя просить не буду. Тебе не надо меня бояться!» — и удалился к себе во дворец, а Маданавега, слышавший все это, опустил с небес. «Ты хорошо поступила, милая, — сказал он ей. — Если б иначе сделала, не вынес бы я этого». И он утешил ее, и приласкал, и провел с ней ночь. Каждую ночь стал приходить к ней видьядхара, и она, оставаясь с ним, хоть и была смертной, вкушала небесное блаженство. Повелитель ватсов больше не помышлял о ней и, помня слова своего министра, вновь обрел радость в объятиях супруги, государственных делах и заботах о сыне, а царица Васавадатта и министр Яугандхараяна пожинали плоды с взращенной ими лианы политики.

Шли дни, и вот Калингасена побледнела, и осунулась, и стала капризной, ибо понесла она под сердцем. Набухли темные соски ее, а высокие груди уподобились чашам, хранящим сокровища бога любви, запечатанным восковыми печатями. Когда все это стало явным, пришел к ней Маданавега и сказал: «Наступил нынче срок, Калингасена, когда мне и всем божествам, после того как зачала от нас смертная женщина, надлежит уйти. Разве не оставила Менака свою дочь Шакунталу в обители отшельника Канвы? Хотя и была ты в прежнем рождении апсарой, но из-за непослуша-

ния проклял тебя Шакра, и родилась ты смертной женщиной. Но как только ты вспомнишь обо мне, тотчас же я явлюсь». При этих словах мужа глаза Калингасены наполнились слезами. Одарил ее князь видьядхаров множеством драгоценностей, и хотя был привязан к ней всей душой, но время настало, и он ушел. Калингасена же, оставленная мужем, в ожидании рождения младенца, словно в ожидании подруги, осталась жить под покровительством повелителя ватсов.

Как раз в ту пору супруг Амбики сказал Рати, жене Бестелесного, совершавшей жестокие подвиги ради того, чтобы ее возлюбленный, испепеленный Шивой за его дерзость, снова обрел телесный облик: «Родился твой супруг во дворце повелителя ватсов, а имя ему Нараваханадатта. Нарушил Кама мою волю и родился поэтому у смертной женщины. И ты по моему велению родишься, хотя ты и божество, среди смертных и так соединишься со своим мужем». И, пообещав это Рати, Шива повелел Праджапати, чтобы у Калингасены от семени видьядхары родился сын. «Затем тебе надлежит похитить его тайно и вместо него подложить ей Рати в облике смертного младенца». Возложил творец приказ Шивы-повелителя на голову и ушел исполнять его, а Калингасена как раз и родила сына. Похитил его Брахма и, обратив Рати своим могуществом в человеческое дитя, подложил ее Калингасене, и все это случилось незаметно. Кто бы там ни был, каждый видел, что родилась девочка, престелью подобная только что народившейся луне, и никто ни в чем не усомнился. Сиянием красоты заполнила она все вокруг, и вереницы усыпанных самоцветами светильников, до этого ярко горевшие, словно устыдившись, померкли. Калингасена же при виде рожденной ею необычайно прекрасной дочери обрадовалась больше, чем обрадовалась бы рождению сына.

Узнав о рождении девочки, наделенной божественной красотой, повелитель ватсов с супругами и министрами поспешил навестить Калингасену и, увидав ее дочь, обратился, словно подучил его сам Ишвара, при Яугандхараяне к Васавадатте с такой речью: «Наверное, Калингасена — женщина из рода небожителей, обреченная проклятием влачить жизнь на земле среди смертных. Посмотри, как божественно прекрасна рожденная ею девочка! Равна она красотой моему сыну и достойна стать его невестой».

Молвил Удаяна такие слова, а Васавадатта возразила ему: «Что это ты, махараджа, говоришь сегодня непонятное! Разве можно сравнить высокий род твоего сына с родом этой, рожденной от потаскухи? Где твой сын и где она?» Тут царь, думая: «Словно это не я говорю, а кто-то в меня проникший», сказал: «Давно уже предназначена она в жены Нараваханадатте». «А я, — подумал опять царь, — точно прислушиваюсь к этому божественному голосу. Воистину Калингасена из благородного рода, и сказать недоброе о ней можно только потому, что совершила она какой-то проступок в прежнем рождении».

Вступил тогда в разговор Яугандхараяна: «Говорят, божественный, после того как Шива обратил Манматху в пепел, стала Рати, его возлюбленная, совершать жестокие подвиги и, страстно жаждавшая встречи с мужем, молила Шиву вернуть его к жизни: „Пусть встречу я с любимым моим, рожденным среди людей, и пусть сама я обрету ради этого облик смертной!“ Доволен был Шива подвигами и самоотверженностью Рати и пообещал, что желание ее исполнится. Помнишь, раджа, раньше, когда родился твой сын, голос с небес назвал его воплощением Камы. Нынче же по воле Шивы в облике этой девочки родилась сама Рати, супруга бога любви. Мне сегодня под секретом вот что рассказала повитуха: „Не успела я принять младенца, как изменился он, словно подменили его. При виде такого чуда поспешила я к тебе сообщить об этом“. Вот о чем поведала она мне, и подумал я, что так оно и есть. Знать, боги своей силой подложили Рати, обращенную ими в младенца, не из чрева рожденного, а младенца, рожденного Калингасеной, похитили. Это, раджа, родилась супруга для твоего сына, подлинного воплощения Камадевы, бога любви».

И тогда Яугандхараяна, желая показать, как это случается, рассказал, как пучеглазый якша Вирупакша, слуга повелителя богатств Куберы, наблюдавший за сохранностью потаенных кладов, убил брахмана, дерзнувшего покуситься на один из них, и что из этого вышло. За убийство брахмана прогневался на Вирупакшу Кубера и обрек его проклятием жить на земле среди смертных. Умолила Куберу жена Вирупакши позволить ей последовать за мужем. И он родился сыном брахмана, а она — дочерью рабыни того же брахмана. Случилось так, что брахман догадался, что не рождена она из женского чрева, и со временем выдал ее замуж за своего сына, и они долго и счастливо жили. Когда же умер ее супруг, она взойшла на костер, и с них обоих спало проклятие, и они снова стали приближенными владыки богатств.

«Так вот рождаются по воле судьбы на земле божественные существа, и рождаются они необычно, не из чрева матери,— сказал Яугандхараяна.— И что тебе, раджа, в ее роде? Самими богами назначено, чтобы дочь Калингасены стала супругой твоему сыну». Эти слова главного над министрами запали в сердце и повелителю ватсов, и царице Васавадатте. И когда покинул их Яугандхараяна, прошел тот день для раджи и царицы счастливо, в играх, яствах, хмельном питье.

Шли дни, и росла дочь Калингасены, ничего не зная о прежнем своем рождении, росла и становилась все краше и краше. Мать назвала ее Маданаманчукой, так как родилась она от видьядхары Маданавеги. Превзошла она красотой всех лучших красавиц земли. Иначе с чего бы все они казались в сравнении с ней безобразными? Слух об этом дошел до царицы Васавадаты, и велела она привести девочку к себе.

Привела девочку кормилица, и тогда властитель ватсов и Яугандхараяна и все прочие увидели лицо ее, подобное трепетному пламени, и стройный стан, сладостный для очей, и воскликнули: «Не иначе сама Рати спустилась на землю!» Затем Васава-

датта повелела привести туда же сына ее и Удаяны, царевича Нараваханадатту, лицезреть которого — подлинная радость для очей всех живущих в мире. Встретил нареченную Нараваханадату, словно озеро встречает на заре лучи солнца, а Маданаманчука, как чакора, которая не может утолить жажду, упиваясь лучами месяца, подателя амриты, не смела оторвать от царевича, сладостного для очей, своего взора. И с той поры не могли дети больше жить друг без друга, будто взоры, которыми они обменялись, оплели их путами. Заметив, что день ото дня крепнет между ними взаимная любовь, задумал повелитель ватсов устроить свадьбу, предопределенную богами. Калингасена узнала об этом и стала с любовью относиться к Нараваханадатте, как к будущему зятю.

Тогда властитель ватсов посоветовался со своими министрами и отдал Нараваханадатте половину своего дворца, а потом раджа, знающий, что и когда надлежит делать, сделал царевича, это созвездие похвальных, всем видимых качеств, наследником престола. Сначала на голову царевича упали слезы отцовской радости и только вслед за ними святая вода, принесенная с мест прославленных омовений, над которой были прочтены великие заклęcia из вед. И что удивительно: стоило этой воде омыть его подобное цветку лотоса лицо, засияли чистым небом все страны света. И только матери Нараваханадаты надели на него цветочные гирлянды, предвещающие счастье, как тотчас же с небес пролился дождь из цветов и, словно соревнуясь с радостными звуками музыкальных инструментов и откликаясь на них эхом с небесной тверди, загремели божественные литавры. И кто только не отдал юному наследнику поклона? Еще больше стала благодаря этому его слава, хотя еще не было у него власти.

Затем повелел властитель ватсов призвать юношей, отцами которых были его министры, друживших с царевичем, и возвел их в достоинство министров при своем сыне: Марубхутику, сына Яугандхараяны, сделал главным над ними; Харишикху, сына полководца Руманвата, поставил над войсками; Тапантаку, сына Васантаки, — главным над развлечениями и увеселениями; Гомукху, сына Итьяки, — главным дворецким; обоим же сыновей Пингалики, Вайшванару и Шантисому, племянников царского жреца, поставил пурохитами. Когда же раджа кончил эту церемонию, с небес вновь посыпался дождь из цветов и божественный голос провозгласил: «Все эти министры будут истинными радетелями юного царя, а Гомукха станет самым близким его другом». Услышав небесную весть, повелитель ватсов весьма возрадовался и наделил каждого из молодых министров богатыми одеждами и драгоценными украшениями, так что слово «бедность» утратило для них всякий смысл, ибо любой из них оказался наделен несметным богатством.

Ветер колыхал ткань бесчисленных знамен, и казалось, будто это мелькают в танце ноги плясунов и танцовщиц, приглашенных в город. Пришла на праздник, устроенный ее зятем, и Калин-

гасена, как воплощенная богиня счастья племени видьядхаров. В великой радости закружилась она в танце вместе с Васавадаттой и Падмавати, словно воплощали они собой три царские доблести — величие, мудрость и силу. Повсюду плясали от ветра лианы, и чудилось даже, будто деревья в саду и те мчатся в вихре пляски. Когда же кончился праздник, царевич Нараваханадатта воссел на боевого слона и выехал в город, а там горожанки закидали его взорами своих карих, серых и синих глаз, забросали голубыми лотосами и жареным зерном, приветствовали бесчисленными анджали. Поклонившись божеству, покровительствующему городу, восхваляемый певцами и сказителями, он вместе со своими министрами въехал в свой дворец. А там уже Калингасена угостила его всякими божественного вкуса яствами и сладостными напитками и, чтобы показать любовь к зятю, одарила и юного наследника престола, и его министров, друзей и слуг отменными одеждами и прекрасными украшениями, достойными небожителей.

Так прошел этот день, прекрасный и радостный для повелителя ватсов и всех других, а когда наступила ночь, Калингасена, размышлявшая о свадьбе дочери, вспомнила о дорогой подруге своей Сомапратхе. И только она вспомнила о ней, как всеведущий Налакубара, супруг дочери асуры Мая, сказал жене: «Дорогая, с тоской вспомнила о тебе сегодня Калингасена, ступай к ней, устрой для ее дочери красивый сад». Рассказав о том, что было и будет с Калингасеной и что с ней уже случилось, отпустил Налакубара Сомапратху к Калингасене. Прилетела Сомапратха к подруге, и обняла ее, истосковавшуюся, и спросила у нее о здоровье, и сказала ей: «С тех пор как мы расстались, стала ты женой могущественного видьядхары и по милости Шивы в образе твоей дочери снизошла на землю сама Рати, богиня любовной страсти. Сын же повелителя ватсов Нараваханадатта не кто иной, как воплощение самого Камы, и дочь твоя, бывшая его супругой в прежнем рождении, снова предназначена ему в жены. Нараваханадатта будет править видьядхарами целую божественную кальпу — четыреста тридцать два миллиона лет, а твоя дочь станет самой почитаемой среди его жен. Ты же — апсара, проклятием Шакры обреченная жить на земле, и по исполнении еще некоторых дел избавишься от проклятия. Это мне, подружка, рассказал мой всезнающий муж. Не тревожься — все уладится счастливо! Он же велел мне вырастить для твоей дочери такой сад, равного которому нет ни на земле, ни на небе, ни в Патале, подземном царстве». И после этих слов Сомапратха силой волшебства насадила дивный сад, а после, испросив позволение у Калингасены, улетела. Миновала ночь, и на заре мир увидел сад, прекрасней которого и вообразить невозможно, словно бы на землю с небес спустился божественный сад Нандана. Когда же дошла весть об этом до повелителя ватсов, он с женами и с министрами, сопровождаемый Нараваханадаттой, поспешил прийти туда, и увидели все они тот сад, деревья в котором стояли, отягощенные цветами и плодами, а колонны, беседки,

пруды и канавки были украшены разными драгоценными камнями, и был он полон златоперых птиц, и веял в нем ветерок, напоенный божественными ароматами, и казалось, будто само царство Индры спустилось с небес на землю.

Дивясь всем увиденным чудесам, повелитель ватсов спросил у Калингасены, встретившей его заботливо и гостеприимно: «Что это?» Она ответила царю так, что все остальные слышали: «Есть великий асура Май, живое воплощение Вишвакармана, построивший по велению Индры прекрасный город для Юдхистхиры. У Мая есть дочь Сомапракха, моя любимая подруга. Она пришла ночью и из любви ко мне создала этот бесподобный сад для моей дочери». Поведала она радже и о том, что рассказала ей Сомапракха о прошлом и будущем, и все тогда ликовали. Правитель же ватсов с супругой, сыном и царедворцами провел этот день, наслаждаясь щедрым гостеприимством Калингасены и прелестью сада.

На другой день, отправившись в храм поклониться богу, увидел раджа возле него множество женщин, наряженных в тонкие одежды и драгоценные украшения, и спросил их: «Кто вы?» И они ответили на это: «Мы — искусства, науки и царские доблести и явились сюда, чтобы послужить твоему сыну». С этими словами вошли они в храм и исчезли, и изумленный раджа тоже вступил в храм и обо всем поведал царице Васавадатте и министрам, а те, посчитав это за особую милость божества, возрадовались и вознесли тому благодарность.

Затем по желанию раджи взяла Васавадатта многострунную вину и стала играть, но вошел в тот миг Нараваханадатта и почтительно обратился к матери со словами: «Нарушен строй твоей вины!» Тогда сказал ему отец: «Возьми вину ты и сыграй на ней!» И стал царевич играть на вине так, что даже гандхарвы, искусные в музыке, заулыбались от удовольствия. Во всех доблестях, искусствах и науках испытал отец сына и убедился, что царевич их одолел. Видя, что сын владеет всеми науками и искусствами, стал властитель ватсов обучать танцам Маданаманчуку, дочь Калингасены. Она, стройная станом, подобным серпу луны, исполнилась волнения и, словно луна — океан, взволновала Нараваханадатту, и он глядел на нее, танцующую и поющую, словно исполняющую движениями и жестами повеления Камы, бога любви. Когда же случалось ей хоть на миг потерять из виду будущего супруга своего, сладостного, как амрита, слезы появлялись у нее на глазах, словно капли росы на лепестках лотоса ранним утром; если же милое лицо возлюбленной ускользало от очей Нараваханадатты, он начинал метаться по саду в поисках Маданаманчуки. Гомукха же, хорошо понимавший сердце повелителя, желая дольше задержать их в саду, рассказывал Калингасене историю за историей. Радовался тому царевич, ибо нет большей услуги, которую мог бы оказать министр господину, и нет большей службы господину, чем следовать движениям его сердца.

Нараваханадатта раскрывал Маданапанчуге тайны танца и всех прочих искусств в зале для представлений, стоявшем в саду, и сам отбивал такт для танца любимой, повергая в стыд самых лучших музыкантов. Он одержал верх над собравшимися со всех сторон и из всех стран мудрецами, искушенными в знании слов, коней, колесниц, оружия и боевых машин, картин, книг и всего прочего, ибо еще в детстве по своей воле проводил дни в занятиях науками, избравшими его в мужья.

Однажды отправился Нараваханадатта с милой подругой своей и с министрами в Нагван. Влюбилась там в Гомукху некая купеческая жена, а он ее прогнал, после чего захотела она, отвергнутая, убить Гомукху, предложив ему отравленное питье. Узнал об этом злом умысле Гомукха от ее же подруги и, не взяв пагубный напиток, гневно осудил женщин: «Удивительно, что вслед за насилием творец создал женщин! Известно, что нет такого дела, которого не могли бы они свершить! Воистину создана женщина из сладостной амриты и смертельного яда! За прелестным лицом скрывается преступление, и дурная женщина подобна пруду, покрытому распустившимися лотосами, под которыми прячется крокодил. Добродетельная женщина, выполняющая желания мужа, подобна льющемуся с неба сиянию солнца, грешницы же липнут к другим мужчинам, а своих мужей убивают, как змеи.

О распутной жене

Вот жил когда-то в пездешней деревне пекто по имени Шатругхна, и была у этого человека распутная жена. Случилось ему однажды в сумерках увидеть, что сошлась она с любовником, и в своем доме убил он его, поразив мечом, а потом сел в дверях сторожить жену. Как раз в это время проходил в поисках ночлега какой-то путник. Дал ему Шатругхна приют и, когда все окутала тьма, вместе с ним взял труп убитого любовника и понес в лес. А там, когда бросил он труп в колодец, жена, кравшаяся за ним по пятам, столкнула туда же и его самого. Воистину как только назвать черные дела, свершаемые женщинами!» Так юный Гомукха осуждал поведение женщин.

Совершив в Нагване поклонение великим змеям, Нараваханадатта со всей свитой вернулся к себе во дворец. На другой же день захотелось ему получше узнать своих советников, и спросил он у них, в чем суть государственной политики. «Все ты, царевич, знаешь сам, но, коли спрашиваешь нас, мы расскажем». И после этих слов, посоветовавшись друг с другом, сказали так: «Нужно, царевич, радже, после того как взойдет он на трон, обуздать чувства, подобные ретивым коням; одолев страсть любовную, гнев и прочих внутренних врагов, одолев прежде всего самого себя, справится он и с другими врагами. Если не справишься с собой, как справиться с другим?

После этого надлежит пазначить министров, обладающих умением обращаться с народом, исповедными общинами и так далее и наделенных другими достойными качествами, а пурохитой поставить жреца, самоотверженного, знающего магические заклятия и проницательного. Когда же все они будут испытаны в отношении жадности, страха, закона и любви, их нужно определить на должности, соответствующие способностям каждого. В ловко построенных беседах следует выяснить, чем их слова вызваны — ненавистью, любовью или своекорыстием. Правде следует радоваться, ложь — наказывать. Чтобы знать о делах каждого из них, нужно приставить к ним соглядатаев. Вот так, неусыпно следя за делами, истребляя врагов, обогащая сокровищницу и упрочивая власть, надо укреплять основу царства.

Затем, достигнув трех царских доблестей — величия, силы и мудрости, следует, оценив свои силы и силы противников, проникнуться желанием завоевать другие страны. Советы же надлежит спрашивать у надежных и мудрых, знающих веды и прочие святыне книги, министров и, всесторонне обсудив с ними вопрос, решать его своим умом. Надобно использовать переговоры, подкуп и прочие средства, ведущие к успеху, а также шесть сопутствующих им способов давления на противника: союз, разъединение, поход, остановку, поиски защиты и двуличие. Вот так неусыпно следя за своей и чужой страной, раджа всегда побеждает, сам оставаясь непобежденным.

Слуги и советники, указывающие ложные пути, приводят к западне невежественного раджу, ослепленного похотью и алчностью, и разворовывают его достояние. И никто не хочет идти на службу к такому радже, попавшему в плен к плутам. Такого правителя они подчиняют себе во всех его тайных делах, а Шри, богиня счастья, в горе бежит от невежды. Поэтому раджа должен владеть своими чувствами, умело пользоваться наказаниями, знать особенности человеческого характера, любить свой народ, и тогда богиня счастья изберет его своим обиталищем.

Вот жил некогда славный правитель Шурасена, во всем полагавшийся на министров. Они, однако, были в сговоре и подчинили его себе. Если хотел раджа наградить какого-нибудь слугу, не позволяли ему министры дать этому человеку хотя бы самую малую малость, но если кто-нибудь из слуг был им угоден, то они и сами ему давали, и царя заставляли награждать его. Видя это, понял царь, что окружает его шайка мошенников, и разными способами восстановил их друг против друга. Когда же клеветники и сплетники были погублены, стал раджа счастливо править царством, ибо никто другой его уже не обманывал.

А другой правитель, Харисинха, и сам понимал существо политики, и к тому же были у него и преданные и разумные министры, и надежная крепость, и немалое богатство, и народ, любивший его и послушный его воле, и поэтому не мог сломить его даже император.

В чем же еще может быть суть управления, если не в здравых рассуждениях и целесообразных действиях?»

Так Гомукха и другие министры высказывали свое мнение. С уважением выслушал Нараваханадатта их, хотя и знал: предвидеть, что человек способен сделать, возможно, но нельзя предугадать волю богов. А затем, сопровождаемый свитой, пошел Нараваханадатта повидаться со своей возлюбленной Маданаманчукой, которая уже давно ждала его. Когда дошли они до ее дворца, устремился к ней Нараваханадатта. Тем временем Калингасена, возлежав на ложе, поведала с удивлением Гомукхе: «Пока царевич Нараваханадатта гулял в саду, а Маданаманчука избежала на крышу передней части дворца, чтобы посмотреть, куда он пошел, и я последовала за ней, тогда, о Гомукха, спустился с небес некий божественный муж, увенчанный тигрой, с мечом в руке, и обратился ко мне с такими словами: „Я — раджа Манасавега, повелитель видьядхаров, а ты — небесная дева Сурабхидатта, обреченная из-за проклятия жить на земле. Мне известно, что дочь твоя — тоже небесная дева. Отдай мне в жены твою дочь, и не будет в этом ничего недостойного“. Рассмеялась я ему в ответ и сказала так: „Богами предназначен ей в мужья царевич Нараваханадатта, который станет над всеми вами, видьядхарами, верховным повелителем“. Тогда пришедший со сватовством к моей дочери видьядхара взвился в небо, блеснув, словно молния, подобная огненной лиане».

Выслушал ее Гомукха и рассказал ей вот что: «Еще когда повелитель наш только родился и по предвестию с небес стало известно, что он станет повелителем видьядхаров, задумали они злое. Какому своевольному захочется быть под властью могучего владыки? И тогда Шива повелел ганам не спускать с него глаз и оберегать его. Об этом поведал моему отцу мудрец Нарада, а уж от отца стало известно и мне. Нынче все ведь видьядхары стали нашими врагами».

С тревогой слушала Калингасена Гомукху, рассказала ему о том, что с ней самой случилось, и спросила: «Чтобы не случилось с Маданаманчукой так же, как со мной, чтобы не обманули ее, почему бы не устроить поскорее ее свадьбу с царевичем?» Гомукха и все прочие сказали ей на это: «Для этого надобно тебе уговорить повелителя ватсов». Царевич же Нараваханадатта провел тот день в саду, где встретил Маданаманчуку, лицо которой напоминало расцветший лотос, глаза — прелестные лилии, раскрывающие бутоны навстречу лунным лучам, алые губы — пунцовый цветок бандхуки или гроздя кораллов, и вся она, стройная и нежная, как цветок шириши, была подобна сплетенной из лиан и цветов стреле всеильного бога любви, поражающей мир.

На следующий день Калингасена сама пошла к повелителю ватсов и объяснила, почему хочется ей ускорить свадьбу дочери, а тот, отпустив ее, созвал министров и в присутствии царицы Васададтты сказал: «Торопит нас Калингасена со свадьбой дочери.

Но как сделать это? Ведь народ считает Калингасену распутницей. А мнения его нужно остерегаться. Разве не из-за людской молвы покинул добродетельный Рама свою супругу Джанаки, хотя она была непорочной? А Бхишма?! Разве не бросил он по той же причине Амбу, похищенную им для брата и избравшую себе другого мужа?! Калингасена же, по своей воле избравшая в мужья меня, была взята в жены видьядхарой Маданавегой. Поэтому-то и осуждают ее люди! Следует Нараваханадатте сойтись с ее дочерью по обычаю гандхарвов, так же как это было и с самой Калингасеной».

Когда кончил говорить повелитель ватсов, обратился к нему Яугандхараяна: «Разве может Калингасена желать недостойного? И она сама, и ее дочь не смертные женщины, а небесные девы. Об этом мне рассказал мой друг, всеведущий брахмаракшас». И пока они так спорили между собой, раздался голос самого Шивы, наполнивший все поднебесное пространство: «Испепеленный пламенем из моего глаза Кама, бог чувства, живущего в душе, воплотился в облике Нараваханадатты, а в образе Маданаманчуки я воплотил супругу Камы, богиню Рати, довольный ее подвижничеством. По моей милости будет Нараваханадатта править видьядхарами целую божественную кальпу, длящуюся четырехста тридцать два миллиона лет, и одолеет всех врагов, а Маданаманчука будет самой главной и любимой из его жен». И, произнеся это, умолк божественный голос.

Услыхав пророчество с небес, повелитель ватсов со всей своей свитой низко поклонился и, радостный, велел готовиться к свадьбе. Повелел Удайна главному над министрами, обладающему великими знаниями, позвать звездочетов и спросить у них о благоприятном для свадьбы времени, и была для них устроена жертва, и сказали они, что сменится несколько ночей и настанет счастливый день. И еще сказали звездочеты: «О властитель ватсов, вскоре после свадьбы придется сыну твоему провести некоторое время в разлуке с супругой — прочли мы об этом в наших мудрых шастрах». Тогда велел царь начать готовиться к свадебному обряду так, чтобы все приличествовало его достоинству, и приготовления начались не только в городе, но и по всей стране.

Наступил день свадьбы, и Калингасена нарядила дочь в дивные одежды и украшения, посланные Маданавегой, отцом Маданаманчуки, а Сомапрабха, пришедшая на праздник по велению Налакубары, смотрела, чтобы все было по обычаю.

Празднично наряженная и украшенная Маданаманчука была прекрасна, как осенняя луна, вступившая в созвездие Карттики. По велению Шивы небесные девы, чья красота была посрамлена женскими достоинствами невесты, стройно пели на счастье ей благовестное моление:

Тебя восхваляем, о Парвати,
О дочь Химавата великого,
Исполнена милости к преданным,

Ты — Рати жестокому подвигу,
Во имя любви совершенному,
Успех своей мощью добывшая,
Всегда побеждай, о могучая!

Так восхваляли они Гаури, и их гимны сливались с музыкой гандхарвов.

Вот Нараваханадатта, пышно наряженный, как и подобает жениху, под разноголосые звуки труб вошел в свадебный чертог, в котором уже находилась Маданаманчука. Жених и невеста стали у алтаря, и высокоумные брахманы, готовые совершить свадебный обряд, окружили алтарь, на котором ярко пылал жертвенный огонь. Казалось все это царским венцом, украшенным жемчужинами и рубинами.

И была совершена жертва огню, и во время нее жених и невеста были похожи на солнце и луну, обходящие гору Канака. Как только свадебные трубы и барабаны на небесах огласили своими звуками пространство, невеста принесла жертву могущественному Агни маслом и зернами пшеницы, и дым жертвы вознесся к небу, и оттуда боги обильным дождем просыпали цветы. Благородная и великодушная Калингасена щедро наделила зятя золотом и драгоценными камнями, так что люди принимали его за Куберу, повелителя богатств! Что были в сравнении с ним все прочие жалкие цари! Жених и невеста, так давно мечтавшие о свершении свадебного обряда, вошли во внутренние покои дворца, в которых толпились любопытные.

Город шумел от множества находившихся в нем войск, был полон царей, повсюду прославившихся геройством, побежденных и покорившихся, изобиловал драгоценными камнями и жемчугами, раздававшимися щедрой рукой повелителя ватсов по случаю счастливого бракосочетания. И так щедро наделял раджа золотом своих приближенных, что остались во всем царстве обделенными только не родившиеся еще дети.

Собрались в город наилучшие танцовщицы и актеры из разных стран, и все гудело от песен и плясок, музыки и представлений и хвалебных гимнов. И ветер развеивал нарядные одежды горожанок, и казалось, что сам славный город Каушамби пустился в пляс. И день ото дня праздник ширился, и все и всюду были сверх меры напоены радостью — и друзья, и родичи, и прочие горожане, словно исполнились у каждого его заветные желания. Стали Нараваханадатта и Маданаманчука жить вместе, наслаждаясь земным счастьем, к которому они давно стремились, и ожидая, когда станет царевич повелителем видьядхаров.

КНИГА О РАТНАПРАБХЕ

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Да ниспошлет вам счастье чело Шивы, украшенное множеством лунных серпов, подобных следам ногтей Гаури, оставляемых ею во время любовных забав, когда играет она его кудрями!

Да охранит вас слоноликий Ганapati, податель мудрости, вперед простирающий хобот, полный сладостной влаги!

Вот так, совершив желанный свадебный обряд с Маданаманчукой, которая была ему дорожке жизни, сын повелителя ватсов, Нараваханадатта, счастливо стал жить в Каушамби с Гомукхой и прочими советниками.

Когда наступил праздник весны и послышалось мелодичное любовное кукование кукушки, а среди лиан зашелестел ароматный ветерок с гор Малая и загудели неутомонные пчелы, пошел однажды царевич со своими советниками погулять в саду. Побро-

дили они там, а спустя некоторое время приблизился вдруг к царевичу его ровесник Тапантака и, с глазами, полными восторга, сказал ему: «Царевич, видел я, неподалеку снизошла с небес дева и села под дерево ашока. Поманила она меня, и, когда приблизился я к ней, озаряющей красотой все страны света,— а ее сопровождала подруга — велела она позвать тебя». Услышав его, Нараваханадатта тотчас же захотел ее увидеть. Поспешил он к тому дереву и увидел красавицу: губы ее были алы, глаза подобны черным пчелам, а груди — набухшим бутонам, тело словно покрыто сандаловой пудрой, и даже тени ее красоты, мнилось, достаточно, чтобы изгнать любые страдания. Казалось, будто явилась сама богиня — покровительница этого сада. Восхищенный красотой небесной девы, царевич приблизился к ней и, поклонившись, обратился со словами приветия, а его советник Гомукха спросил ее: «Кто ты, красавица, и ради чего пришла сюда?» В ответ же она, будто по велению Манматхи отбросив стыд и бросая кокетливые, словно проливающие нектар любви взгляды на лотосоподобное лицо Нараваханадатты, начала рассказывать.

Рассказ Ратнапрабхи о себе

«Во всех трех мирах славится повелитель гор Химават, а среди многих его вершин есть одна, Гора Супруга Гаури, сверкающая и слепящая холодным блеском льда так, будто устлана она драгоценными камнями. Чуть ли не все небо закрывает она собой, а самый верх ее — сокровищница лекарств и снадобий, избавляющих от дряхлости и смерти и достижимых лишь по милости Хары. Своими пиками, золотящимися так, словно собрались там видьядхары в окрашенных шафраном одеждах, унизила она красоту горы Индрашринги. А среди этих пиков точно отлитая из золота стоит златоверхая крепость Канчанаашринга, сверкающая так, что кажется, будто в ней обитает само солнце. В этом раскинувшемся на многие йоджаны городе правит повелитель видьядхаров Хемапрабха, верный Шиве, супругу Умы. Любимейшей из многих жен его была Аланкарапрабха, а любил он ее так же, как изо всех своих жен более других любит Месяц, ниспослатель прохлады, прелестную Рохини. Каждый день на заре Хемапрабха вместе с Аланкарапрабхой совершал омовение и творил жертвоприношения великому богу Шиве и его супруге Гаури, а затем шел к людям и жаловал брахманам и беднякам по сто тысяч золотых, а потом, исполнив, подобно подвижнику, свой обет, занимался делами государственными и совершал трапезы. Так проходил день за днем, и лишь одно тревожило повелителя — то, что не было у него сына. Заметила любимая, что мрачен он, и спросила, по какой причине государь так озабочен. И отвечал ей Хемапрабха: „Всякого богатства у меня довольно, но гнетет мою душу то, милая, что нет у меня наследника. Слышал я однажды рассказ про

добродетельного человека, у которого не было сына. Вспомнилась мне сегодня его история, и в ней причина моей грусти“.

„Что же это за история?“ — спросила его царица, и тогда он коротко рассказал ей.

**О Саттвашиле, не имевшем сына,
но находившем клад**

„В городе, который называется Читракута, жил великий царь, считавший своим долгом почитать брахманов и по заслугам прозванный Брахманавара, то есть „тот, для которого никого нет лучше брахманов“. Служил у него доблестный воин, которого звали Саттвашила, твердый в добродетели, и жаловал ему царь каждый месяц по сотне золотых. Но денег этих воину не хватало — у него не было сына, и все золото он раздавал брахманам. „Нет у меня сына, — говорил он, — и единственная радость для меня — милостыня. Не наградил меня творец сыном, источником радости, а наградил даром щедрости, да не дал богатства.

Лучше родиться старым и сухим деревом, чем бедняку быть щедрым“.

И было так или не было, а однажды, размышляя подобным образом, бродил он в саду и по воле судьбы нашел клад. С помощью слуг вырыл он сокровище, слепящее блеском золота и переливами драгоценных камней, и принес домой. После этого он, добродетельный, одарил брахманов и стал пока жить счастливо, окруженный друзьями и слугами. А его родичи, проведав про то, какое досталось ему богатство, поспешили во дворец и рассказали обо всем царю.

Тотчас же царь послал за ним гонца, и Саттвашила поспешил в царский дворец и скромно стал в углу двора, а пока стоял, ковырнул копьём землю и нашел еще один клад — медный кувшин, полный разных драгоценностей. И, словно бы судьба подсказала, мелькнула у него мысль: „Отдам я это сокровище тебе, раджа!“ — и снова присыпал он найденное землей. А вскоре ввел слуга его к царю. Поклонился он повелителю, и тот обратился к нему со словами: „Стало мне ведомо, что ты клад нашел. Отдай его мне!“

„Соблаговоли, повелитель, молвить — который отдать? Тот, что сегодня нашел, или тот, что раньше?“ — спросил его Саттвашила. „Тот, что нынче нашел!“ Сходил тогда Саттвашила туда, где недавно стоял, выкопал клад и отдал царю. „А тем, что ты раньше нашел, сам пользуйся!“ — напутствовал Саттвашилу царь, довольный, что ему клад достался. Отправился воин домой и, чтобы как-то избавиться от горя бездетности, по-прежнему стал раздавать подарки брахманам.

Вот эту самую историю о Саттвашиле я давно когда-то слышал, а нынче вспомнил, и еще горше мне стало оттого, что нет у меня наследника“. Так закончил свой рассказ повелитель видь-

ядхаров Хемапрабха, и тогда сказала ему Аланкарапрабха: „Правду говорят, что судьба помогает добродетельным. Ведь никому иному, кроме высокодобродетельного Саттвашилы, потому что был он в горе, не достался клад, чтобы герой мог быть щедрым. Так вот и ты благодаря своей добродетели достигнешь многого. Послушай-ка!

О царе Викраматунге, решительном в добродетели

Есть город, подлинная жемчужина земного круга, зовущийся Паталипутрой и украшенный всевозможными, собранными из разных стран многоцветными камнями. А правил в нем в давние времена добродетельный царь Викраматунга, с которым никто не мог сравниться ни в битве с врагами, ни в милостыне нуждающимся.

Однажды отправился Викраматунга на охоту и, захватив далеко в лес, увидел брахмана, совершавшего жертвоприношение плодами бильва — он бросал их в огонь. Хотел было раджа подойти к нему и спросить, зачем он это делает, да передумал и умчался со своей свитой охотиться — и разил своей рукой и летящую и бегущую дичь, и долго веселился, швыряя газелей и львов, словно мячи. Когда же отправился он обратно, то, проезжая снова мимо места, где брахман продолжал жертвоприношение, подошел к нему, поклонился и спросил, для чего тот совершает такую жертву. Благословил его брахман и обратился к нему с такими словами: „Я — брахман, и зовут меня Нагашарман, и вот ради чего я приношу эту жертву. Если бог Агни будет доволен моей жертвой, то из очага сначала появятся золотые бильвы, а после этого и сам Агни явится перед очами. Давно уже я жгу здесь плоды, но, видно, недостоин я, и он, Очищающий, еще не возрадовался этим дарам“. Тогда царь, исполненный добродетели, предложил ему: „Дай-ка мне, брахман, одну бильву, принесу я ее в жертву и, может быть, умилостивлю Агни“. Возразил брахман: „Как же ты, недостойный, нечистый, сможешь умилостивить Агни, если я, обеты исполняющий, в святости живущий, не могу этого сделать?“ — „Не тревожься, лучше дай мне бильву и смотри!“ — ответил ему раджа, и тот, любопытствуя, что будет дальше, дал ему плод. А царь, сердце которого было исполнено добродетели, бросил бильву в огонь со словами: „Если ты, Агни, этому плоду не возрадуешься, то голову свою в жертву тебе принесу!“ И только бросил он бильву в огонь, как тотчас взвился из жертвенного очага Семиязыкий и сам принес радже золотую бильву, словно плод от дерева добродетели. И, представ перед царем, сказал Агни: „Обрадовал ты меня своей добродетелью. Скажи мне, какой желаешь награды“.

Склонился перед ним добродетельный царь и молвил: „Ничего мне не надо, а исполни то, чего этому брахману хочется“. Очень

обрадовался Агни словам раджи и решил: „Станет, раджа, этот брахман богатым купцом, а ты по моей воле будешь наслаждаться счастьем и неистощимой казной“. Заговорил тогда брахман, обращаясь к Агни, щедро вознаградившему их: „Как же это, господи? Наградил ты раджу своевольного, а не меня, усердно исполняющего обеты?“ Ответил ему Агни, Исполнитель желаний, так: „Если б не явился я, этот раджа, решительный в добродетели, принес бы в жертву свою голову. Тем, кто подобен ему, быстро достается удача, а тем, кто, как ты, брахман, медлителен, долго приходится ее ждать“. С этими словами исчез Агни, и Нагапхарман испросил позволение у раджи удалиться и со временем стал богатым купцом, а раджа Викраматунга, восхваляемый всеми его приближенными за решительность в добродетели, отправился к себе в Паталипутру.

Вот живет он там, и однажды явился к нему неожиданно пратихара Шатрунджая и по секрету сообщил: „Пришел некий человек, стал у дверей, назвался Даттапхармой и говорит, что о чем-то надо ему сказать тебе с глазу на глаз“. И когда раджа повелел выпустить его, ввел слуга пришельца, и тот повел такую речь: „Могу я, божественный, с помощью порошка превратить медь в чистейшее золото. Сообщил мне о его составе мой учитель, и не раз я видел, как с помощью этого порошка делал он золото“. Выслушал его царь и велел принести меди, и, когда ее расплавили, бросил парень в нее щепотку порошка. Но словно какое-то незримое божество похитило порошок, и медь не обратилась в золото. Так проделал пришелец три раза, но все усилия его оказались тщетными. А царь благодаря милости Агни увидал, что кроме них в зале находился еще и якша. Трижды ничего не получилось, и тогда взял царь у этого человека, огорченного неудачей, немного порошка и сам бросил в сверкающую и бурлящую медь. Не смог якша похитить порошок и, ухмыльнувшись, исчез, а медь, соединившись с порошком, обратилась в золото. Тогда раджа рассказал смущенному неудачей юноше, что мешал ему якша. Выучившись у него составлять порошок, раджа в благодарность дал ему жену, а золотом, добытым с помощью порошка, наполнил свою сокровищницу и был щедр к обедневшим брахманам. Так-то вот боги помогают достичь успеха решительным, а не вялым да робким.

Разве есть кто-нибудь добродетельнее и щедрее тебя, божественный? Ты верен Шиве и не сомневайся — дарует он тебе сына!“ Выслушал Хемапрабха историю, рассказанную царицей Аланкарапрабхой, обрадовался ее словам, уверовал в их правоту и укрепился в мысли, что если совершит он поклонение супругу Гаури, то непременно родится у него сын.

Вот на следующий день совершил Хемапрабха вместе с супругой омовение, поклонился Шиве, раздал брахманам девяносто миллионов золотых и решил так: „Начну я подвиги великие ради Шивы, чтобы даровал он мне сына, пичего есть не буду и либо

жизни лишусь, либо его умилюсь". И взмолился он тогда супругу Гаури, Исполнителю желаний, так:

Будь славен, Шива, страждущих защитник!
Будь славен, Шамбху, одаривший Упаманью
Молочным океаном беспредельным!
Будь славен, Хара, мироздания зиждитель,
Ты сбережешь его, и ты ж его разрушишь!
Будь славен, Шарва, о достойнейший супруг
Богини, дочери седого Хималая!
Будь славен, Бхава, Гаури супруг,
Ты — восьмичленная опора мироздания!
Будь славен, Бхайрава, у каждого в душе
На ложе, сделанном из куши, возлежишь!
Будь славен, Махадева, свет божественный!
О нерушимо девственный, наполовину
Слившийся с супругой, о светоч чистоты!
Будь славен, Шива, ты — кристальная вода!
Будь славен, ты, своею волей сотворивший мир!

Вот так молился Шиве раджа, и постился он три дня, а когда они миновали, явился ему во сне бог и повелел: „Проснись, раджа! Будет у тебя сын — герой и продолжатель рода, а по милости Гаури родится и дочь-красавица, и станет она в будущем женой Нараваханадатты, вашего будущего повелителя“. И когда, сказав это, исчез Шива, пробудился на исходе ночи обрадованный повелитель видьядхаров Хемапрабха и доставил счастье Аланкарапрабхе, поведав ей о виденном во сне, а она ему рассказала, что ей во сне явилась Гаури и пообещала то же самое. После этого совершили они омовение, и раджа щедро раздавал милостыню, и одаривал брахманов, и устроил на радостях праздник.

Сколько-то дней прошло после того, и понесла Аланкарапрабха под сердцем своим. Радовался раджа, видя ее подобное лотосу, побледневшее, но сладостное лицо, ее глаза, полные ожидания, и, когда миновало положенное время, обещанное свершилось, и она родила сына, подобно тому как заря рождает солнце; оно озаряет своими розовыми лучами небосвод, а новорожденный осветил сиянием покоя, где родила его мать. И по велению небесного голоса отец нарек младенца, ужас для всего вражеского племени, Ваджрапрабхой. Стал младенец, питаясь соками своего могучего рода, расти не по дням, а по часам — так с каждым днем прибывает новорожденный месяц, встающий из океанских вод. А после этого не прошло много времени, как снова понесла царица Аланкарапрабха. Озаряло ее какое-то особое сияние, когда лежала она в своих покоях, — истинно драгоценный камень в золотой оправе. И чтобы удовлетворить ее желание, порожденное ожиданием младенца — а она ждала дочь, — с помощью знания своего создал раджа воздушный корабль в форме лотоса, и летала она на нем в поднебесье. Когда же настал положенный срок, родила царица девочку, именно такую, какую обещала милостью своей Гаури. И когда родилась она, раздался с небес божественный голос: „Вот будущая жена Нараваханадатты!“, как и говорил о том Шива.

Роскошный праздник устроил раджа Хемапрабха по случаю рождения дочери и нарек ее Ратнапрабхой. Стала она расти, и отец учил ее всему, что сам знал, и сиянием своим озаряла она все страны света.

Спустя какое-то время раджа, заметив, что сын его Ваджрапрабха преуспел в воинском искусстве, женил его и сделал своим наследником. Передав сыну государственные дела, избавился раджа Хемапрабха от забот. Но одна забота все-таки осталась у него — выдать дочь замуж. Видя, что она уже вошла в пору, сказал раджа сидевшей подле него Аланкарапрабхе: „Посмотри-ка, царица, дочь-то наша воистину украшение рода и красавица такая, что во всех трех мирах не сыщешь. Но недаром говорят мудрые: „Дочери — большая беда!“ И красива, и послушна, и умна наша Ратнапрабха, но горько мне, что нет ей достойного жениха“. Ответила ему на это супруга: „Нарекли ее боги женой Нараваханадатты. Почему же не выдать ее за него, будущего повелителя мира?“ Возразил ей раджа: „Воистину счастлива она, и жених этот достойный, истинное воплощение бога любви, но не достиг он еще божественного положения. Видно, придется подождать, пока он овладеет всей мудростью, необходимой для повелителя видьядхаров, хранителей знания“.

А от отцовских слов, подобных любовным закланиям самого Кандарпы, бога любви, несущего на знамени свою рыбу, дошедших до ушей Ратнапрабхи, заскучала она, затревожилась и, мечтая о нареченном, сразу похудела так, что стала будто нарисованной. Через силу поклонилась она отцу с матерью и побрела в свой покой, и там к ней, смущенной сердцем, долго не шел сон, и, когда она все-таки заснула, привиделась ей Гаури, с состраданием к ней обратившаяся: „Увидишь ты, доченька, завтра рано утром, отправившись в город Каушамби, сына повелителя ватсов, твоего нареченного, а потом вас приведет отец в свой город и устроит счастливую свадьбу“. Проснувшись царевна рано-рано, и рассказала о том сну матери, и с ее позволения, узнав с помощью волшебных знаний, в каком саду гуляет суженый, отправилась из своего города туда.

Знай, благородный юноша, что зовут меня Ратнапрабха. Наконец-то нашла я тебя, желанный!“

Услышав ее слова, наполненные сладостным смирением, и любясь ее ласкающим взор станом, укорил про себя творца Нараваханадатты: „Почему не обратит меня бог всего в глаза и уши!“ Вслух же промолвил: „Счастливец я! Сегодня благодаря тебе, стройная, жизнь моя стала исполненной смысла, ибо ты сама пришла ко мне, движимая любовью“. Так беседовали они, буруеваемые вспыхнувшей страстью, как вдруг заметили в поднебесье множество видьядхаров. „Вот,— сказала Ратнапрабха,— летит отец мой“. И тогда спустился с небес раджа Хемапрабха вместе с сыном Ваджрапрабхой и приблизился к Нараваханадатте. Приветствовали они его и обменивались с ним учтивостями, покуда туда

не пожаловал, узнав об их прибытии, сам властитель ватсов всеми министрами.

Когда же Удайна устроил гостям угощение, Хемапрабха рассказал ему историю Ратнапрабхи, а потом сказал: „С помощью волшебства узнал я, что дочь моя ушла именно к тебе, и поспешил сюда сам, а обо всем, что здесь произошло, я уже знаю. Будет принадлежать Нараваханадатте колесница повелителя мира. Возьму я у тебя сына. Согласись на это. Но ты не тревожься, скоро увидишь его — он вернется с Ратнапрабхой, которая станет ему женой“. Обратившись с этими словами к царю ватсов и получив его согласие, Хемапрабха вместе с сыном с помощью своих волшебных знаний построил воздушный корабль. Взойдя на него со стыдливо потупившейся Ратнапрабхой и Нараваханадаттой, сопровождаемым Гомукхой и прочими, а также Яугандхараяной, которому отец Нараваханадатты поручил сына, Хемапрабха направил корабль прямой дорогой в свой город Канчанапрынгу. И увидел Нараваханадатта столицу, в которой правил его будущий тесть. Весь город словно был выстроен из золота, и потому от него исходили лучи, будто тянулись бесчисленные руки, стремившиеся обнять царевича и тем самым выразить свою любовь к будущему зятю правителя столицы. В том чудном городе раджа Хемапрабха, устроив свадьбу по всем правилам, отдал царевичу в жены Ратнапрабху — так некогда Океан отдал Шри в супруги блистательному Вишну. И дал Хемапрабха дочери в приданое столько драгоценных и самоцветных камней, что хватило бы их сверкания на множество свадеб, и так осыпал он праздничный город богатствами, что от раздаренных им одежд казалось, будто каждый дом украсился флагами. А после свадьбы зажили Нараваханадатта и Ратнапрабха, наслаждаясь божественной радостью. Взывая же благодаря чудесному умению Ратнапрабхи в поднебесье, веселились они, глядя сверху на прекрасные сады, пруды и храмы.

Прожив так какое-то время в столице Хемапрабхи, решил Нараваханадатта, сын повелителя ватсов, по совету Яугандхараяны отправиться с женой на родину. Теща совершила для него напутственный обряд, благословил его и тесть. И тогда Нараваханадатта с супругой и своими друзьями, а с ними и Хемапрабха с Ваджрапрабхой взобрались на воздушный корабль и как стрела полетели в город своего отца, повелителя ватсов, празднично украшенный, полный радости и сладостного блеска женских очей. Повелитель ватсов Удайна с супругой своей Васавадаттой благословили и сына, и его жену, склонившихся перед ними, а своего нового родича Хемапрабху и сына его почтили и одарили, как они того заслуживали. Потом Хемапрабха и его сын простились с повелителем ватсов и, взвившись в небо, улетели к себе. Нараваханадатта же с Ратнапрабхой и Маданаманчукой провели день, окруженные друзьями и близкими.

На следующий день рано утром отправились повидать Нараваханадатту, которому досталась в жены Ратнапрабха из рода видьяхаров, его советники во главе с Гомукхой и остановились около входа в опочивальню — задержал их стражник, а сам пошел доложить Нараваханадатте о том, что они пожаловали. Позвал к себе друзей Нараваханадатта и обласкал, а Ратнапрабха так сказала бдительному стражу: „Не следует их у дверей задерживать — пусть сразу входят! Ведь друзья благородного — часть нас самих. А так охранять наши покои, как это ты делаешь, по-моему, не следует“. Так наказав стражу, у дверей поставленному, обратилась она к мужу: „Расскажу я тебе, благородный, одну историю, а ты послушай. Только с помощью разума можно женщину уберечь. Ни гнев, ни ревность в этом не помогут. Одна лишь добродетель спасет благородную женщину, а уж если страсть разгорится, то и сам творец ничего сделать не сумеет. Ведь никто и никогда не может остановить ни бурную реку, ни охваченную бурей страсти женщину! Вот послушай.

И тут она поведала удивительную повесть о радже Ратнадхипати и восьмидесяти тысячах его жен, и особенно про то, что когда пал бездыханным его любимый слон Шветарашми и понадобилось прикосновение руки добродетельной женщины, чтобы оживить слона, то такой не нашлось ни среди его жен, ни даже среди всех женщин его столицы. Лишь только Шилавати, служанка купца, приехавшего из Тамралипти, сумела делу помочь — никого, кроме мужа, у нее в помыслах не было. С тех пор ни с кем из жен Ратнадхипати не виделся, а, выспросив у Шилавати, нет ли в ее роду девушки на выданье, взял да и женился на ее сестре Ратнадатте прежде того дня, что звездочеты ему присоветовали. А чтобы для молодой жены соблазна никакого не было, взял да поместил ее на острове посреди океана, а сам каждый день летал к ней на слоне. Да уж судьба распорядилась так, что выбросило на тот остров купца из Матхуры и случилось непоправимое.

Застал раджа Ратнадхипати их в объятиях и, покаявшись, что не послушался звездочетов, отпустил незадачливого любовника, вернулся к себе в столицу, да и решил уйти в лес на подвижничество. Велел он привести Шветарашми, и, как только привели слона, обратился тот в мужа небывалой красоты, который, оказалось, был радже братом в прежнем рождении, а все, что с ними в нынешнем рождении случилось, было действием проклятия сиддха.

Так-то вот, — молвила Ратнапрабха, — нигде и никто в мире не удержит под присмотром женщину, и ничто ее не защитит больше, чем собственная чистота и совесть. Ревность — грех, приносящий одни беды. Из-за нее мужчины ненавидят друг друга, но жен этим не сохраняют, а лишь подстрекают их на распутство“.

Так говорила Ратнапрабха Нараваханадатте, и он, выслушав этот рассказ вместе со своими советниками, был им очень доволен.

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

И когда закончила Ратнапрабха свой рассказ, обратился Гомукха к Нараваханадатте: „Воистину добродетельные женщины редко встречаются, чаще всего женщины не заслуживают доверия.

Послушай теперь, божественный, мой рассказ.

О похождениях купеческого сына Нишчаядатты

По всему миру славится город Удджайини. Давным-давно жил в нем купеческий сын Нишчаядатта, и был он азартный игрок и постоянно выигрывал. Каждый день совершал он, хитроумный, омовение в реке Сипре, поклонялся Махакале, одаривал брахманов, нищих и бездомных, устраивал им угощение и бетель им давал, и сандаловые притирания. Сам он каждый раз после омовения, поклонения Махакале и всем другим шел на кладбище, расположенное рядом с храмом Махакалы, и там натирался сандалом и прочими снадобьями. Стоял там каменный столб, и, когда юноша приходил туда, он намазывал на столб притирания, а потом терся о него спиной. Стал столб от этого гладким и красивым, и как-то раз увидели его забредшие на кладбище художник и ваятель. Художник изобразил на нем Гаури, а ваятель, словно играючи, взял да и высек из камня ее фигуру. Когда же они ушли, пришла туда девушка из племени видьядхаров совершить жертву Махакале, увидела высеченную на столбе фигуру Гаури и, после того как закончила жертвоприношение, проникла в столб, чтобы отдохнуть там. Тем временем пришел туда, как обычно, Нишчаядатта, купеческий сын, и с удивлением заметил фигуру, высеченную на столбе. Тогда, умастив тело сандаловым маслом, стал он тереться о его другую сторону. Заметила юношу быстроглазая девушка из племени видьядхаров — понравился он ей, и подумала она: „Никого-то у него нет, кто бы ему спину натер. Дай-ка я это сделаю!“ И, так подумав, высунула из столба руку и стала нежно поглаживать ему спину. В тот же миг, почувствовав ласковое прикосновение и услышав легкое позвякивание браслетов, юноша поймал ее за руку. Вскрикнула видьядхари, укрывшаяся в столбе: „Чем я против тебя согрешила, почтенный? Отпусти мою руку!“ А Нишчаядатта в ответ: „Покажись и расскажи, кто ты, — тогда отпущу!“ Обещала она, что покажется и расскажет о себе, и он отпустил ее. Тогда вышла из столба красавица видьядхари, села и, глядя ему прямо в глаза, заговорила: „Стоит у Гималайских гор город Пушкаравати, и правит там царь видьядхаров Виндхьяпара, а я — Анурагапара, его дочь. Здесь я отдыхала после жертвоприношения Махакале, а тут явился ты, подобный оружию бога любви Мары, и стал натирать себе спину. Сначала я слегка

коснулась тебя, а потом уже и спину стала тебе натирать. Сказала я все, а теперь пусти меня домой к отцу — пора мне идти“. Отвечал ей купеческий сын: „Как же это ты хочешь уйти, моя Чанди, похитив мое сердце и не вернув его?“ Она же ему так ответила, почувствовав трепет любви: „Встретимся мы с тобой, если ты придешь в наш город. Но только трудно, почтенный, добратся до нашего города, и не дойти тебе до него. Впрочем, для настоящего нет ничего недостижимого“. И с этими словами взвилась в небо Анурагапара и улетела, а Нишчаядатта отправился к себе домой.

Все вспоминал он, как из столба протянулась ладонь, словно цветок из дерева, и ругал себя: „Как же это я, глупец, не сообразил задержать ее да жениться на ней?! Отправлюсь-ка я к ней в город Пушкаравати. Либо жизни лишусь, либо судьба мне поможет!“ В таких мыслях провел он целый день, а поутру отправился на север. Повстречались ему трое попутчиков, купеческих сыновей — они тоже шли в ту сторону. С ними вместе проходили купеческий сын через города, переправлялся через реки, миновал деревни, пробирался через леса. Добрались они со временем до северной страны, населенной главным образом млеччхами. Поймали их там таджики и продали по сходной цене одному своему соплеменнику, а тот, получив четырех рабов, решил сделать подношение турку *, которого звали Муравара. Привел таджик Нишчаядатту вместе с другими тремя к Мураваре, а тот, оказывается, умер. Тогда обратился таджик к его сыну: „Вот от друга отцу твоему подарок прислан. Раз он помер, следует их завтра утром на заре бросить к нему в могилу“. И сын турка оставил их на ночь, крепко сковав всех четверых цепями. Видит Нишчаядатта, что три его попутчика дрожат от страха перед грозящей им смертью. „Что вы приуныли? Смелее! Несчастья бегут от стойких людей! Давайте помолимся богине Дурге, единственной избавительнице от несчастий!“ И, подкрепив дух своих товарищей, начал он славить великую богиню:

Хвала тебе, великая! Хвала тебе, могучая!
Ты даровала Шанкаре господство над вселенною!
Хвала тебе, сразившая Махишу круторогого!
Ты, кровью злобных асуров стопы свои омывая,
Даруй нам покровительство, о ласковая к преданным!
Три мира защищаешь ты, тобой одною движутся!
Спаси нас, благодатная, избавь нас от погибели!
Хвала тебе, великая! Хвала тебе, могучая!

Так вот он славил вместе со своими спутниками Дургу и, утомившись, заснул глубоким сном. А во сне явилась ему и другим трем богиня и каждому сказала: «Проснись, сынок, разорваны твои оковы». Проснулись они тогда среди ночи и увидели, что свободны от оков. И, рассказав друг другу о том, что видели во сне, поспешили уйти оттуда. Когда же за ночь ушли они далеко от того места, купеческие сыновья, видно напуганные приключив-

шимся с ними, сказали Нишчаядатте: «Уж больно много в этом краю варваров! Лучше мы, друг, пойдем на юг, в Дакшинапатху, а ты делай как знаешь». — «Раз так, ступайте куда хотите!» — ответил он им, а сам продолжал идти на север, куда звала его надежда, и ум его был занят лишь страстью к Анурагапаре. Шел он, шел и повстречал по пути четырех подвижников-капаликов, украшенных ожерельями из черепов. Добравшись с ними Нишчаядатта до реки Витасты и переправился через нее. После этого они поели, а когда солнце поцеловало гору Заката, вошли в лес, и тут повстречался им какой-то дровенос и сказал Нишчаядатте: «Куда идете вы на ночь глядя? Впереди ведь нет никакой деревни, а есть среди леса только заброшенный храм Шивы, и всякого, кто там остановится, в храме ли, снаружи ли, того якшини по имени Шринготпадини, рога выращающая, сначала заморочит, в скота обратит и рогами наделит, а потом сожрет». Стали уговаривать Нишчаядattu четыре подвижника, его попутчики: «Ну, что нам сделает жалкая якшини? Идем туда! Не раз мы с ними на кладбищах ночевали». Отправились они дальше, добрались до заброшенного храма Шивы и зашли туда переночевать. Сделали они большой круг из пепла, набрали поленьев и разожгли костер, а потом стали Нишчаядатта и четверо великих подвижников бормотать мантру для защиты от всякого зла. А когда сгустилась ночь, явилась туда сама якшини Шринготпадини, наигрывая на вине, сделанной из скелета, и стала вне круга плясать, выпучивая глаза поочередно на каждого из четырех подвижников и бормоча мантру. А от той мантры у подвижника, который ее слышал, выросли рога, и начал он плясать, а затем упал в огонь. И как только он упал и наполовину зажарился, вытащила якшини его из огня и, радостная, сожрала. Потом на другого глазищи свои выпучила и мантру, от которой рога вырастают, пробормотала, и заплясал он и упал в огонь, и она на глазах оставшихся сожрала и его. Так по очереди она околдовала всех четырех подвижников и оделила рогами и сожрала в ту ночь. Когда же четвертого дожрала она, захмелевшая от крови да человечины, то случайно вину свою костлявую уронила наземь. Вскочил смелый Нишчаядатта, схватил вину и стал плясать, прыгать и смеяться и повторять мантру, от которой рога вырастают, выученную им, и смотрел прямо ей в глаза. Испугавшись действия мантры, глядя в лицо смерти неминучей и чувствуя, что растут уже у нее рога, взмолилась якшини: «Не убивай, высокодобродетельный, меня, женщину бедную! Защити ты меня от действия мантры, даруй мне спасение! Знаю я все, чего тебе хочется, и помогу достичь желанного — проведу туда, где живет Анурагапара». — «Ладно! Будь по-твоему!» — ответил ей смельчак, остановился, перестал твердить мантру и, усевшись на плечи якшини, полетел к любимой. На исходе ночи, когда уже светало, добрались они до какого-то горного леса, и обратилась к Нишчаядатте эта гухьяка: «Скоро солнце взойдет, и не будет у меня силы

лететь дальше. Проведи, повелитель, день в этом красивом лесу, отведай плодов сочных, испей воды ключевой, а я пока улечу к себе домой. Когда же снова настанет ночь, вернусь я и отнесу тебя к твоей любезной Анурагапаре в славный город Пушкаравати, красой равный снежным вершинам Гималаев». Согласился Нишчаядатта, слез с ее плеч и, после того как взял с нее клятву, что вернется она за ним, отпустил ее. Поспешила якшини к себе, а Нишчаядатта пошел по лесу и увидел озеро, бездонное, полное свежей и чистой воды, но взошедшее солнце простерло руки лучей, словно бы предостерегая смельчака: «Озеро это подобно женскому сердцу и таит в себе яд». И Нишчаядатта, хотя и мучила его жажда, брел дальше по чудесной горе, уйдя от этого озера, будто бы кем-то отравленного.

Бродил он, бродил по склонам горы и вдруг увидел, как словно два рубина сверкнули ему из земли. Стал он в том месте копать землю, а когда разгреб ее, то увидел голову живой обезьяны и понял, что это ее глаза сверкали, точно рубины. И пока он дивился такому чуду, обезьяна заговорила человеческим голосом: «Человек я, был брахманом, а стал обезьяной! Вызволи меня, добрый путник, все тебе расскажу, что со мной приключилось». Удивился Нишчаядатта, услышав эти слова, раскопал землю и освободил обезьяну. А когда выбралась она из ямы, упала ему в ноги: «Вытащил ты меня с великим трудом и жизнь мою спас. Отдохни здесь, отведай плодов и попей воды. Благодаря твоему великодушию избавился я от гибели». С этими словами привела обезьяна Нишчаядатту к реке, сбегавшей по горному склону, и усадила под тенистым деревом, на котором росли сладкие плоды. Искушавшись и утолив голод плодами, а жажду — водой из реки, спросил Нишчаядатта: «Как же это ты из человека обратился в обезьяну?»

Как Сомасвамин был обращен в обезьяну

«Слушай, расскажу тебе об этом все с самого начала. Живет в городе Варанаси лучший из брахманов по имени Чандрасвамин, а я, друг, сын ему от верной его жены. Нарек меня отец Сомасвамином. Рос я, подобно слону дикому, анка не слушающемуся, страстью одолеваемому. Однажды заметила меня, выглянув из окна, Бандхудатта, юная дочь купца Шригарбхи, жена Варахадатты, старшины купеческого из города Матхуры, приехавшая к отцу погостить. И почувствовала она, увидев меня, зов бога любви и послала верную подругу, чтобы та условилась со мной о свидании, а подруга, поняв, что ту одолела страсть, рассказала мне о ее желании и привела к себе домой. Устроив меня там, привела она затем туда же Бандхудатту, распаленную страстью сверх всякой меры, и не успела красавица войти, как кинулась ко мне с объятиями. Воистину, когда женщину любовь одолеет, ей только бы

мужчину! Вот и стала Бандхудатта прибегать из отцовского дома в дом к подруге, и там что ни день миловался я с ней.

Случилось так, что из Матхуры приехал за ней муж, главный среди купцов того города. Отец велел Бандхудатте собираться, и муж ее торопил, и сказала она тогда подруге своей, знавшей ее тайну: «Должна я уезжать, подруженька милая, с мужем в Матхуру-город. Да не будет мне жизни в разлуке с Сомасвамином! Не знаешь ли средства какого беде моей помочь?» А подругу ее звали Сукхашай, и была она колдуньей. И она сказала Бандхудатте: «Есть у меня два заклятия — одно произнесешь, человек обратится в обезьяну, другое скажешь — снова человеком станет, от этого знаний его не убудет. Если хочешь, могу я твоего любезного Сомасвамины тотчас же превратить в обезьяну. Возьми ее с собой словно для забавы и поезжай в Матхуру, а я научу тебя, милая, обоим этим заклятиям, и благодаря им всегда любимый твой в облике обезьяны будет при тебе. Когда же вы уединитесь, то, обратив его в человека, ты снова сможешь наслаждаться с ним». Согласилась Бандхудатта и, позвав меня, стала ласково уговаривать. Ну, и согласился я, и тогда повязала мне Сукхашая на шею ладанку с сутрой и заклятие прочла, и от этого обратился я в обезьяну. Потом же принесла меня Бандхудатта к мужу своему: «Вот подружка подарила для забавы». Посмеялся он, видя, как я на груди ее играю, а я, хоть и стал обезьяной, все понимал, как человек. «На что только не пускаются женщины! — смеялся я про себя. — На какие только штуки не толкает их любовь!»

На следующий день Бандхудатта, выучившись от колдуньи заклятию, покинула отцовский дом и двинулась в Матхуру. Взял и меня ее супруг — на радость жене — и посадил на плечо одному из слуг. Шли мы, шли и, когда минуло то ли два, то ли три дня, достигли леса, полного обезьян. Увидев меня, обезьяны, бегавшие стаями, стали подходить все ближе и ближе, словно войска, предпринявшие осаду, перекликаясь друг с другом и визжа, и начинали, летучие, заигрывать со мной. А тот несносный слуга, у которого я сидел на плече, взял да с перепугу и сбросил меня наземь. Подхватили меня тогда обезьяны, хоть я и пытался убежать. Из любви ко мне Бандхудатта вместе с мужем и со всеми слугами пытались камнями и дубинами отогнать обезьян, да не смогли. И стали тогда обезьяны у меня, злосчастного, ногтями выдирать волосы на теле, на руках и ногах. Благодаря ладанке, что висела у меня на шее, да милости Шивы вырвался я от них, только тем и спасся. Скрылся я с их глаз и попал в дремучий лес, а из него в другой и стал скитаться, пока сюда не попал. Из-за распутной Бандхудатты, за то, что с чужой женой сошелся, обречен я теперь оставаться обезьяной! Но, видно, и этого мало мне было, несчастному, от горя ослепшему. Началось время дождей, и судьба, мной разозленная, новую беду послала. Появилась вдруг откуда ни возьмись злая слониха, схватила меня хоботом и швырнула в муравейник, размытый ливнями, словно некая боги-

ня, исполнительница уготованного мне роком. И так я там завяз, что, как ни старался, не мог выбраться из грязи. Только благодаря тому, что все время, помышляя о Шиве, твердил: „Не помер я, не помер я“, остался я жив до тех пор, пока ты, друг, не вытащил меня и не очистил от засохшей грязи. Не чувствовал я ни голода, ни жажды, но не знаю пока еще, как мне избавиться от обезьяньего обличья. Если бы какая-нибудь йогини могла раскрыть ладанку да прочесть заклятие, снова бы стал я человеком. Вот и весь мой рассказ. Теперь расскажи мне, приятель, как ты попал в этот дремучий лес и зачем?» И когда обращенный в обезьяну брахман Сомасвамин спросил так Нишчаядатту, тот поведал ему, как из-за Анурагапары покинул Удджайини и как якшини, которую он сумел перехитрить, перенесла его сюда по воздуху. Выслушав его удивительный рассказ, задумался Сомасвамин и так сказал Нишчаядатте: «И ты, подобно мне, немало горя из-за женщин испытал — ни женщина, ни удача не бывают постоянными. Подобно тому как в сумерках прозвучит неожиданно песня, так и к женщинам приходит страсть — меняют они настроение, как реки — русла, нельзя им верить, как змеям, и своевольны они, словно молнии. Да и эта видьядхари Анурагапара хоть и привязалась на какое-то время к тебе, но есть у нее, наверное, возлюбленный из ее племени, так что отвергнет она тебя, смертного. Не стоит тебе тратить силы ради женщины — это все равно что пробовать плод дурного дерева, нет в этом ни смысла, ни вкуса. Не ходи ты в Пушкаравати к видьядхарам, а лучше ступай, забравшись снова на спину якшини, к себе в Удджайини. Послушайся меня, друг, и сделай так, как советую. Сам я не послушался дружеского слова и теперь вот мучаюсь из-за той распутницы. А ведь, когда увлекся я Бандхудаттой, говаривал мне мой дорогой друг, брахман Бхавашарман: «Не поддавайся женщине. Трудно понять женскую душу.

О двух брахманках, бывших колдуньями

Жила здесь, в Бенаресе, молодая, красивая и веселая брахманка Самада, но никто не знал, что она была йогини, колдуньей. По воле случая сошлись мы с нею, и, чем чаще встречались, тем больше росла моя любовь к ней. Однажды приревновал я ее и поколотил, а она разозлилась на это, но виду не показала. На другой день, притворившись, будто ласкается, повязала она мне на шею ладанку с заклятием, и тотчас обратился я в быка. Потом продала меня злодейка за сходную цену какому-то человеку, торговавшему верблюдами. Увидев, как я мучаюсь под грузом, на меня навьюченным, йогини Бандхамочаника, разрешительница заклятий, движимая жалостью, — а она знала о проделке Самады — сняла с моей шеи ладанку с заклятием, когда хозяин не ви-

дел, и спова я стал человеком. Хозяин же, посчитав, что бык у него сбежал, начал повсюду его разыскивать.

Прогуливался я с Бандхамочаникой, случилось так, что изда- лека заметила меня с нею Самада. Вот она, гневом распаленная, заорала на избавительницу мою: «Как смела ты этого негодника избавить от скотского обличья? Не миновать тебе смерти завтра утром, да и ему не уйти от расплаты за злые дела!» Когда же скрылась она из виду, мудрая йогини сказала мне, стремясь предотвратить задуманное Самадой зло: «Чтобы меня убить, обратится она завтра утром в вороную кобылицу, а я обращаюсь в гнедую, и начнется между нами драка, а ты в это время стой в стороне с мечом в руке и внимательно смотри, а как случится удобный момент, ударь Самаду мечом. Вот так мы с ней и покончим. Утром же приходи ко мне домой» — и показала свое жилье. Побродил я еще некоторое время и ушел к себе, передумав столько, что, казалось, за одну жизнь пережил несколько. Когда же на следующее утро пришел я с мечом в руке в ее дом, примчалась Самада в облике вороной кобылицы, а Бандхамочаника тотчас же приняла облик гнедой, и началась между ними драка, в которой пускали они в ход и зубы и копыта. Улучил я удобный момент и поразил мечом колдунью — так с помощью Бандхамочаники избавился я от Самады. Освободился я от скотского состояния и от страха и решил никогда более не связываться с дурными женщинами. Разврат, жестокость, колдовские чары — вот эти три качества женщины грозят миру гибелью».

«Зачем же ты бегаешь за этой демоницей Бандхудаттой? С чего она будет тебя любить, коли своего мужа не любит?» — так говорил мне друг мой Бхавашарман, но не послушал я его и вот попал в такое положение. Поэтому советую тебе не мучиться из-за Анурагапары — найдет она кого-нибудь из своего видьядхарского племени, а тебя бросит. Как пчела летает с цветка на цветок, так и женщина ищет все новых и новых мужчин. Не желаю я тебе такой муки, какую мне довелось перенести», — так говорил обращенный в обезьяну Сомасвамин, но его слова не вошли в душу Нишчаядатты, охваченного страстью. Сказал он обезьяне: «Не совершит она против меня никакого проступка, ибо родилась в благородном роду повелителя видьядхаров».

Пока они так беседовали, солнце, словно желая сделать приятное Нишчаядатте, окрасилось пурпуром сумерек, и коснулось горы Заката, и словно послало вперед ночь, словно вестницу, а за нею вслед явилась якшини Шринготпадини. Забрался тогда ей на плечи Нишчаядатта, собравшись лететь к своей любезной, и крикнула ему вслед обезьяна: «Помпи обо мне!» И не достигла еще ночь своей середины, как оказался он в городе Пушкаравати, стоящем в окружении гималайских вершин, столице отца Анурагапары, повелителя видьядхаров. Вышла, узнав благодаря своему чудесному знанию о его прибытии, навстречу ему милая, и тогда со словами: «Вот идет в ночи твоя возлюбленная, истинное на-

слаждение для глаз, подобная молодой луне, а мне пора!» — поклонилась якшини и улетела.

А видьядхари Анурагапара, истомившаяся от долгой разлуки, стала обниматься да миловаться с возлюбленным, и он отвечал ей тем же, обрадованный встречей, ради которой столько претерпел, и так горячи были их объятия, что казалось, каждый потерял свое тело в теле другого. А потом стала она ему женой по закону гандхарвов и, воспользовавшись чудесным своим знанием, мгновенно построила город и стала жить с возлюбленным в этом городе, и было таково ее знание, что с его помощью сумела она оставить родителей в неведении и избежать их укоризненных взглядов.

Когда же спросила Анурагапара его, рассказал ей возлюбленный, с какими трудностями пришлось ему добираться до Пушкаравати, и от этого она еще больше ласкала его и доставляла ему всяческие радости. Поведал он ей и необыкновенную историю о Сомасвამине, обращенном в обезьяну, и сказал: «Вот если бы ты этого моего друга, любимая, силой своего знания избавила от обезьяньего облика, то было бы хорошо». Она же возразила ему: «Это дело той проклятой йогини, а не наше. Но попробую я уговорить мою приятельницу, мудрую йогини Бхадрарупу, чтобы она твоего друга вызволила». Порадовался таким ее словам купеческий сын и попросил милую: «Посмотрела бы ты на него. Давай к нему слетаем!»

«Ладно!» — согласилась она и на другой день, обняв крепко Нишчаядатту, полетела с ним в тот лес. Увидев друга в облике обезьяны, подошел к нему Нишчаядатта, поклонился и почтительно спросил о здоровье. «Вижу я, что ты пришел с Анурагапарой, и сегодня чувствую себя хорошо», — ответил ему Сомасвамин и благословил его возлюбленную. Сели они все вместе на гладком камне, и начались у них разговоры, а потом с позволения обезьяны Нишчаядатта снова улетел в объятиях своей возлюбленной в ее дворец. На следующий день он снова сказал Анурагапаре: «Давай слетаем ненадолго к Сомасвамину». А она ему в ответ: «Ступай сегодня к нему сам. Научу я тебя, как взлетать и как опускаться». Послушал он ее и, овладев этим несравненным искусством, полетел к своему другу-обезьяне. И началась у них долгая беседа, а пока она шла, Анурагапара отправилась прогуляться в сад. Случилось так, что, пока она там была, увидел ее пролетававший в небе юный видьядхара, и завладел Кама, бог любви, его сердцем. Спустился к ней видьядхара и понял благодаря своему всеведению, что супруг ее — простой смертный. Увидела его красавица, от смущения голову опустила и спросила из любопытства: «Кто ты и как сюда попал?» — «Знай, прелестная, — ответил он ей, — что я видьядхара и зовусь Раджабханджаной. Как только увидел я тебя, газелеокая, так вспыхнула в моей душе любовь и привела меня к тебе, как жертву на алтарь Кандарпы. Оставь, божественная, смертного, ползающего по земле, и, пока еще не уз-

нал об этом отец, полюби меня, тебе равного!» Слушая его, бросала она на него кокетливые взгляды и думала, непостоянная сердцем: «Вот истинно мой суженый!» А затем сделал ее видьядхара своей женой, и разве что только Кама заметил в их уединении, как слились их души.

Что еще нужно для тайной любви, кроме взаимного согласия двух? Когда видьядхара улетел, вернулся после встречи с Сомасвамином Нишчаядатта, но эта изменница не вышла к нему, как обычно, с ласками да поцелуями, отговорившись, что у нее голова болит. Нишчаядатта же, искренне поверив этому, решил, очарованный любовью, что она больна, и провел день в горестном одиночестве. Когда же наступило утро, он, пользуясь полученными знаниями, снова полетел к другу своему обезьяне, и только стоило ему улететь, как явился к Анурагапаре тот видьядхара, лишившийся из-за нее сна. Обнял он ее, истомленную ночной разлукой, и, когда изнемогли они оба от любовных забав, она силой своих знаний сделала спящего в ее объятиях возлюбленного незримым, да и сама уснула — ведь ночь она тоже провела без сна. А Нишчаядатту, когда прилетел он к своему другу, тот приветствовал и спросил: «Вижу я, что-то гнетет сегодня твое сердце. Расскажи мне». И тогда сказал Нишчаядатта обезьяне: «Захворала тяжело Анурагапара. Это и тревожит меня, друг мой, ибо она мне дороже жизни!» Тогда посоветовала ему мудрая обезьяна: «Ступай сейчас же туда и, пользуясь силой полученного тобой знания, возьми ее на руки и принеси ко мне — покажу я тебе сегодня великое чудо». Послушал его Нишчаядатта, взвился в поднебесье, прилетел к своей возлюбленной, легко поднял ее, сонную, но из-за ее мудрого волшебства не заметил, что прильнул к ней нагой видьядхара, и снова понесся небесной дорогой и скоро прилетел к Сомасвамину. А тот поведал обманутому мужу о божественном зрении, с помощью которого увидел видьядхару, обнявшего возлюбленную Нишчаядатты. Когда же Нишчаядатта узрел соперника, вскрикнул он: «Что за мерзость?» Обезьяна же, понимающая суть вещей, объяснила, как все это случилось.

Разгневался Нишчаядатта, а видьядхара тем временем пробудился и, взлетев в небо, исчез. Пробудилась и Анурагапара и, поняв, что тайное стало явным, стояла, опустив от стыда голову. Со слезами на глазах обратился к ней Нишчаядатта: «Верил я тебе. Как же ты, негодная, меня обманула? Даже ртуть, вечно подвижную, можно связать, но никто не знает средства, как связать женское сердце!» Так говорил он, заливаясь слезами, а она, бессловесная, молчала, потом поднялась ввысь и улетела к себе домой.

Тогда сказал Нишчаядатте его приятель-обезьяна: «Так вот и я гнался за моей возлюбленной — до сих пор палит нещадный огонь. Кто может верить постоянству богатства или распутной женщины? Но хватит тебе сокрушаться, успокойся! Что судьба предназначит, того даже сам Брахма не может исправить!»

Выслушал Нишчаядатта своего друга, перестал печалиться и гневаться и решил, отвратившись ото всего мирского, искать милости великого Шивы.

Долго скитались по лесу Нишчаядатта и Сомасвамин, но вот по воле судьбы оказалась там подвижница Мокшада, подательница избавления. Увидев их и поклонившись, спросила она: «Интересно, как это ты — человек, а друг твой — обезьяна?» Поведал тогда ей Нишчаядатта свою историю и рассказал о том, что случилось с его спутником: «Если бы знала ты, почтенная, мантру подходящую, избавила бы моего друга от заклятья». А она в ответ на это взяла и отвязала с шеи обезьяны ладанку с мантрой, и тотчас же сбросил Сомасвамин обезьянье обличье и стал, как прежде, человеком. Мокшада же исчезла подобно молнии, а Нишчаядатта и Сомасвамин со временем достигли наилучшего пути, ведущего к освобождению. Жизнь распутниц вызывает крайнее презрение и приводит людей к подвижничеству и отвращению от всего мирского, тогда как добродетельная женщина украшает свой род так же, как юная луна — темно-синий свод неба.

Нараваханадатта, Ратнапрабха и все прочие очень были довольны увлекательным рассказом советника Гомукхи.

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Тогда, видя, что Наравоханадатта доволен рассказом Гомукхи, заговорил Марубхути, возражая тому: «Совсем не обязательно, чтобы женщины в большинстве своем были распутны. Ведь даже среди гетер встречаются высокодобродетельные. Позволь мне, божественный, слово молвить.

И вот он начал повую и не менее интересную историю о том, как царь Викрамадитья, уверенный в мощи своих друзей и в своей собственной, поклялся сокрушить единственного враждебного ему могущественного государя Нарасимху, да так, чтобы тот наравне с шутами и пленниками, как слуга, испрашивал у чего позволение войти. Да получилось иначе, и бежал Викрамадитья к себе в Паталипутраку. Но не пал он духом и решил: „Не одолел я врага оружием, так одолею хитростью и клятву выполняю!“

Тайно покинув свой дворец, Викрамадитья проник в стольный град Нарасимхи и стал любовником знаменитой гетеры Маданамалы. Все она отдавала смельчаку и отваживала от себя царя Нарасимху. Топко строил Викрамадитья свою интригу в жажде заставить Нарасимху склониться перед ним.

Но вот что удивительно — хоть и не нравятся Каме гетеры, лишенные жадности, Маданамала все тратила на Викрамадитью. И захотелось доблестному царю ее отблагодарить. Сопутствовавший Викрамадитье его министр Буддхивара посоветовал передать ей одну из драгоценностей, доставшихся царю от коварного бхикшу Прапанчабуддхи, который пытался использовать помощь царя, чтобы себя ради завладеть волшебными способностями. Но с помощью некоего ветапы сокрушил государь негодяя и заслужил награду от самого Куберы. Вспомнил тогда царь о Маданамале и решил испросить у владыки богатств пять больших зодотых пुरुшей,

от которых сколько ни отрубай, а они все целы остаются. Их-то царь и оставил Маданамале, а сам вернулся в Паталипутраку.

Невыносимо тяжка была для Маданамалы разлука, и единственным утешением ей была милостыня, и весть об этом дошла и до Паталипутраки, и узнал царь еще и о том, что поклялась она: „Коли через шесть месяцев не встречу я возлюбленного, то взойду на костер и расстанусь с жизнью, злосчастливая!“

Вернулся к ней Викрамадитья и открылся ей — все о себе рассказал: и то, как он пришел сюда, замыслив одолеть царя Нарасимху хитростью, и была она счастлива помочь ему. А тем временем вести о ее необычайной щедрости и о неистребимых золотых пурушах дошли до Нарасимхи, и он решил пойти к пей, не ведая, кто в ее доме находится. Потому-то и пришлось ему произнести те самые слова, которые поклялся услышать от него Викрамадитья. Встретились они, и предложил Нарасимха сопернику свою дружбу, и тот согласился.

Благодаря уму и хитрости смог выполнить Викрамадитья свою трудноисполнимую клятву и решил возвратиться к себе домой, а вместе с ним захотела отправиться и Маданамала, ибо не могла она далее сносить разлуку.

Так что, Нараваханадатта, и гетеры бывают великодушны и верны в любви — что же говорить о царицах и других благородных и почтенных женщинах!»

На этом Марубхути закончил свой рассказ, благосклонно и с удовольствием выслушанный Нараваханадаттой и супругой его Ратнапрабхой, рожденной в почтенном роду видьядхарой.

ВОЛНА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда Марубхути закончил свой рассказ, Харишикха, военачальник Нараваханадатты, сказал: «Истинно для добрых женщин нет другого прибежища кроме супруга. Вот весьма занимательная и достойная внимания история.

О Шрингабхудже и его девяносто девяти злых братьях

В городе, который по всей земле известен как Вардхаманапура, правил царь Вирабхуджа, лучший из служителей дхармы, и имел он множество жен, но больше всех была ему дорога царица Гунавара. Но хоть и имел он сто жен, а случилось так, что ни одна из них не одарила его сыном. Позвал тогда Вирабхуджа лекаря Шрутавардхану и спросил: „Нет ли такого снадобья, от которого бы сыновья рождались?“ А тот ему на это: „Приготовлю я такое снадобье, только вели, царь, привести мне из лесу дикого козла“. Тотчас же царь, услышав, что нужное снадобье можно изготовить, кликнул стража, стоявшего у дверей, и велел добыть в лесу дикого козла. Когда это было сделано, отдал лекарь козла царским поварам, и те раздали его и из мяса приготовили для цариц вкусный суп. Затем велел он созвать всех цариц в одно ме-

сто как будто для того, чтобы богу поклониться. Все царицы пришли, и не было там одной только Гунавары, которая в это самое время вместе с царем приносила жертву богам. И всем собравшимся царицам дал лекарь супа из козлятины, в который подмешал какой-то порошок. Закончив жертвоприношение, пришел туда и царь с любимой женой. Увидел он, что суп до донюшка разлит, и с укором сказал лекарю: „Как же ты ничего не оставил для Гунавары? Ведь это для нее прежде всего было сделано, а ты позабыл“. Устыдился лекарь, а царь у главного повара спрашивает, не осталось ли от этого козла хоть немного мяса. „Два рога осталось“, — ответили повара, и лекарь сказал тогда, что, верно, внутри рогов самое вкусное мясо — из него хороший суп получится. Велел тогда лекарь сварить суп из этого мяса и, подмешав в него какое-то снадобье, дал съесть Гунаваре.

Когда же настало время, забеременели девяносто девять цариц и в положенный срок родили сыновей. Царица же Гунавара родила позднее других, но был сын ее отмечен всеми признаками превосходства, и так как родился он от мяса из рогов, то нарекли его Шрингабхуджей, Рогоедом, и было устроено царем в его честь великое торжество. Рос Шрингабхуджа вместе со своими братьями, и хоть был он самым младшим, но по достоинствам превзошел всех. Был царевич красив, словно Кама, в стрельбе из лука равен Арджуне, а по силе — славному Бхимасене. Видя, как счастливы Вирабхуджа, и младшему сыну его и царице Гунаваре другие жены стали завидовать. А была среди них царица Аяшалека, истинное обиталище злобы, — и она-то, со всеми прочими посоветовавшись, замыслила дурное, и когда однажды царь, придя в покои цариц и увидев их притворно огорченные лица, спросил, что случилось, то она поспешно ему ответила: «Как можешь ты, благородный, сносить позор твоего рода? Защищая других от зла, почему себя не охранишь от него? Ведь юный страж Суракшита влюбился в твою Гунавару! Эти стражи, охраняя женскую половину от чужих, пользуются своим положением — вот и сошелся он с ней. Это всем известно». Опечалился царь и задумался. Стал он своих жен, одну за другой, спрашивать, и эти клеветницы говорили ему одно и то же.

Однако мудрый царь подавил свой гнев. «Не может быть правдиво это известие, и не следует это дело считать решенным, пока не будет какого-нибудь доказательства. Все же, раз идет такой разговор, надобно удержать их от встреч». Так решив, на другой день призвал царь Суракшиту, начальника стражи женской половины, и с притворным гневом проговорил: «Стало мне известно, грешник, что ты убил брахмана, и не могу я больше держать тебя здесь, пока не совершишь ты паломничества в места священных купаний». А тот с удивлением и тревогой спросил: «Когда же, божественный, я брахмана убил?» Царь, однако, его оборвал: «Не смей оправдываться! Отправляйся в Кашмир — там отпускаются все грехи. Есть в тех краях святые места Виджаякшетра и Нан-

дикшетра, а также Варахакшетра, благословенные самим Вишну, держащим в руке чакру, метательный диск, и течет там священная река Витаста, и есть еще святое место Уттараманаса, и, пока не посетишь ты все эти места, не хочу я тебя видеть». С тем и отпустил он Суракшиту — отправил его в далекое и долгое странствие.

Пошел потом царь Вирахуджа к царице Гунаваре, и на лице его любовь сменилась гневом, а гнев — грустью. А она, видя, что он расстроен, встревожилась и спросила: «Почему, благородный, дурное настроение овладело тобой сегодня?» В ответ рассказал ей земли повелитель такую небылицу: «Явилась мне сегодня мудрая богиня и сказала: «Царь, заключи царицу Гунавару на некоторое время в подземную темницу, а сам ведай жизнь целомудренную и не приближайся к женщинам. Если так не сделаешь, то и царство твое погибнет и царица умрет». Сказав это, исчезла она, и от этих слов ее я и печален».

Выслушала царя Гунавара, несравненная в добродетели и верная супругу, и, охваченная страхом и нежной любовью, молвила: «Не знаю я, благородный, за что ввергаешь ты меня в подземелье, но буду счастлива, если ценой моей жизни будет твое благо. Даже если придется мне умереть, пусть не коснется тебя невзгода. И здесь, на земле, и на том свете для жен один закон — воля мужа». Заплакал царь, слушая такие слова, и подумал: «Не было между ней и Суракшитой никакого греха — ведь глядел он мне в лицо прямо и открыто. Вот беда-то! Надо что-то делать с этим наветом!» Обратился царь, горем удрученный, к царице и сказал: «Вот мое решение, божественная: придется тебе идти в подземелье». Она согласилась: «Пусть так и будет!» И повелел тогда царь сделать там же, на женской половине, подземную темницу и поместил царицу Гунавару в это узилище.

Спросил огорченный царевич у матери, за что выпал ей такой удел. Она же успокоила его, передав все, что говорил царь. И еще сказала она Шрингабхудже, что темницу подземную считает раем небесным, ибо от этого зависит счастье мужа, ведь для добродетельных женщин их счастье не счастье, а вот мужа счастье — настоящее счастье.

Когда же все это произошло, то Аяшалека, вместилище блага, так наказывала сыну своему Нирвасабхудже, уединившись с ним: «Царь нынче расстроен, а злодейка Гунавара в подземелье. Вот если бы мы еще сыночка ее из страны выдворили, было бы нам от этого благо. Поразмысли-ка вместе с братьями, милый, как бы Шрингабхуджу отсюда спровадить!» Передал материнский совет Нирвасабхуджа всем другим братьям, таким же завистникам, как и он сам, и стали они придумывать, каким способом злодейство осуществить. Как-то раз царевичи все вместе упражнялись во владении разным оружием и вдруг увидали на крыше дворца огромного ворона.

Заметив, как все они уставились на эту противную птицу, ска-

зал им мудрый монах, которому случилось там проходить: «Это, царевичи, не ворон! Это ракшас Агнишикха, погубитель городов! Поразите его острой стрелой, пока не улетел!» Услыхали такие слова девяносто девять старших царевичей и начали стрелять в ворона, но сколько ни стреляли, а ничья стрела в того ворона не попала. Посоветовал тогда им мудрый монах: «Может, ворона сразит ваш младший брат? Он — хороший стрелок». При этих словах сразу вспомнил Нирвасабхуджа наставления своей матери и подумал: «Вот случай подходящий спровадить Шрингабхуджу. Дам-ка я ему золотую стрелу из отцовского колчана. Коли она попадет в ворона, он улетит, и придется Шрингабхудже вслед за ним бежать, чтобы стрела не пропала. Коли не сыщет он ракшаса, станет кидаться и туда и сюда, а без стрелы вернуться не посмеет». Так рассудив, дал злодей Шрингабхудже стрелу из отцовского колчана и отцовский лук.

Взял младший царевич отцовский лук, наложил стрелу золотую с хвостом, украшенным самоцветами, натянул тетиву, и поразил той стрелой ракшаса могучий Шрингабхуджа. Но только ранен был ракшас и со стрелой, в теле его застрявшей, истекая кровью, улетел, взмахнув крыльями. Стал подлый Нирвасабхуджа вместе со всеми другими братьями корить героя: «Ты стрелу золотую верни, она ведь из отцовского колчана взята, а не то мы тут все умрем. Если не вернешь, то отец нас всех из царства выгонит. Другой такой стрелы не достанешь и не сделаешь». Мужественный Шрингабхуджа так отвечал этим лицемерам: «Не трусьте вы, потерпите! Бросьте ваши хитрости. Пойду я, убью подлого ракшаса и принесу стрелу обратно». Забрал он лук и стрелы и отправился в ту сторону, куда улетел ворон. А тот ронял на лету кровь, и по кровавым пятнам шел Шрингабхуджа дальше и дальше. Братья же, радостные, что его спровадили, побежали к своим матерям.

Шел он, шел и попал в дремучий лес, а когда выбрался из него, увидел обширный город, подобный плоду дерева добродетели, созревшему ради того, чтобы кто-нибудь его отведал. Присел он, усталый, под деревом в каком-то саду отдохнуть и увидел, что приближается к нему дева небывалой красоты, при разлуке жизнь похищающая, а при встрече возвращающая ее, — ведь творец создает прелестниц из смеси яда и амриты! Когда же приблизилась она, бросив на него взор, исполненный любовного желания, спросил царевич, сердце которого устремилось к ней: «Как называется этот город, газелеокая, и кто в нем правит? Скажи мне, кто ты и как здесь очутилась?» Метнула она в него кокетливый взгляд, а потом очи опустила долу и ответила ему, белозубая, сладостным голосом: «Город этот, сокровищница всяческих богатств, называется Дхумапур, а живет в нем величайший из ракшасов Агнишикха, перед тобой же дочь его Рупашикха, с сердцем, похищенным твоей несравненной красотой, о припелец! Ответь мне, кто ты и что тебя сюда привело?» Когда кончила она говорить, тотчас ответил ей Шрингабхуджа и как зовут его, и какого царя он

сын, и как из-за стрелы он попал в Дхумапур, а она, узнав про все с ним случившееся, промолвила: «Нет в трех мирах лучника более меткого, чем ты! Ведь это твоею стрелой был ранен мой отец в образе ворона, а ту золотую стрелу забавы ради я себе взяла, а отца моего вылечил от раны министр Махаданштра, великий знаток всяческих снадобий, исцеляющих недуги. Поспешу к отцу, расскажу ему обо всем и быстро приведу сюда. Ты, благородный, покори меня». Выговорила это Рупашикха, оставила Шрингабхуджу и поспешила к отцу своему. «Батюшка,— промолвила она,— пожаловал сюда царевич по имени Шрингабхуджа, с которым никто-никто не сравнится ни в красоте, ни в роде, ни в добродетелях. Верно, это божество какое-нибудь, снизошедшее на землю, а не смертный человек. Если он мне мужем не станет, тотчас же я расстанусь с жизнью». Отвечал ей на это отец ее, ракшас Агнишикха: «Люди, доченька, для нас пищей служат. Но уж коли тебе он понравился, быть по-твоему. Приведи его сюда и покажи мне». Немедля кинулась Рупашикха к Шрингабхудже, рассказала, как все устроилось, и привела царевича к отцу. Тогда Агнишикха и говорит ему, послушно склонившемуся перед ним: «Отдам я за тебя, царевич, дочь мою Рупашикху, если только ты никогда против моего слова не пойдешь». Согласился на это Шрингабхуджа и сказал, что никогда ни слова его, ни воли не нарушит. Обрадовала Агнишикху столь разумная речь царевича: «Встань, ступай соверши омовение и возвращайся сюда». И, так повелев царевичу, дочери своей Рупашикхе он сказал иначе: «А ты ступай собери всех сестер, да поспеши». Получили они оба каждый свой приказ и тотчас же ушли, сказав: «Да будет так!»

Когда же удалились они от Агнишикхи, обратилась к Шрингабхудже с такими словами хитроумная Рупашикха: «У меня, благородный, сто сестер-царевен. Все мы одна на другую похожи и обликом, и одеждой, и украшениями, и у всех на шее одинаковые жемчужные ожерелья. Хочет он запутать тебя, любимый, собрав нас всех вместе, а когда соберет, скажет: «Найди среди них твою желанную!» Я про это знаю и скажу, как такую задачу решить. С чего бы ему нас собирать, коли не для этого? Когда же все мы перед тобой станем, закину я ожерелье на голову себе, а ты, узнав меня по этой примете, надень мне на шею гирлянду из лесных цветов. Не очень-то догадлив да и неблагороден мой батюшка, иначе зачем ему так со мной поступать? Поэтому ты все, что бы он ни сказал тебе, мне передавай, а уж что там надо будет сделать, я сама соображу». Так она наказала возлюбленному и побежала за сестрами, а он молвил: «Пусть так и будет!» — и отправился совершать омовение.

Вот приходит Рупашикха со всеми сестрами к отцу, и приходит туда тотчас же после омовения и Шрингабхуджа. Дает тут Агнишикха Шрингабхудже венок из лесных цветов и говорит: «Выбери из них суженую свою». И царевич взял венок и, заметив, какая из девушек закинула ожерелье на голову, надел венок

на нее — и то была Рупашикха. Тогда и объявил Агнишикха им обоим: «Завтра поутру справим свадьбу по закону!» — и отпустил и их, и всех прочих. А потом позвал к себе Шрингабхуджу да и велит ему: «Вот тебе упряжка волов, возьми их и ступай за город. Насыпано там на поле в кучу шесть тысяч четыреста двадцать серов кунжутных зерен, и ты все их посади!»

«Ладно!» — ответил на это Шрингабхуджа и, оставив его, пошел к Рупашикхе и рассказал про новую задачу. «Не горюй, благородный, разве это задача? Ты иди, а я все сама с помощью колдовства устрою». Послушался царевич и пошел туда, и только начал он из той кучи сеять, как увидел, что благодаря волшебству его возлюбленной уже и поле вспахано, и весь-весь кунжут посеян. Отправился обрадованный царевич к Агнишикхе и сообщил, что выполнил работу, а хитрый ракшас ему и говорит. «Да не велел я тебе сеять! Иди и собери все в кучу!» Опять пошел царевич к Рупашикхе и обо всем поведал. Она же, как и раньше, велела ему идти на поле, а сама послала туда бесчисленное множество муравьев, которые все зернышки собрали, так что куча кунжута словно сама собой выросла заново. Опять Шрингабхуджа идет к Агнишикхе и опять говорит ему, что все зернышки кунжутные до одного в кучу собраны. А Агнишикха, глупый хитрец, опять ему велит: «Ты иди отсюда на юг на две йоджаны. Там, любезный, в лесу найдешь заброшенный храм, посвященный Шиве, а в нем живет мой дорогой брат Дхумашикха. Тотчас же туда отправляйся, а как придешь, стань перед жертвенником и возгласи: «О Дхумашикха, стоит здесь посланец Агнишикхи, брата твоего, с приглашением тебе со свитой, и следует вам поспешить, ибо завтра утром будет свадьба дочери его Рупашикхи». Когда же ты все это скажешь, поторопись вернуться обратно, и на заре возьмешь ты в жены дочь мою Рупашикху». Вот что наказывал царевичу этот грешник, а царевич в ответ: «Так тому и быть!» — и снова пошел к Рупашикхе и передал ей все, что было сказано. Она, добродетельная, дала ему глины, воды, колючек, огня и быстрого коня и так наказала: «Ты садись верхом и скачи к тому храму, а когда передашь Дхумашикхе отцовское приглашение, тотчас же мчись обратно, и когда будешь возвращаться, то посматривай назад. Если заметишь, что гонится за тобой Дхумашикха, то брось себе за спину на дорогу глины. Если же не перестанет Дхумашикха за тобой гнаться, то плесни назад воду. Если и тогда не перестанет, кинь за спину колючек, а не поможет и это, то метни огонь. Сделаешь все так, как я велела, никто тебе не помешает и вернешься благополучно. Увидишь ты сегодня силу моего знания».

Сказала она ему, что и как делать, и снарядился Шрингабхуджа в путь, взяв с собой глину и все прочее, и со словами: «Так тому и быть!» — вскочил на коня. Вот добрался он через лес до храма и увидел там Шиву, повелителя всего сущего, слева от которого стояла Гаури, а справа — Винайка, повелитель ганов, по-

клонился им и сделал все, как Агнишикха велел. Выкрикнул он приглашение Дхумашикхе и немедленно погнал коня в обратный путь. Через некоторое время обернулся он и видит, что гонится Дхумашикха за ним. Быстро кинул Шрингабхуджа пригоршню глины себе за спину, а где бросил, тотчас выросла там огромная гора. Еще какое-то время прошло, и снова оглянулся царевич — видит, что перевалил ракшас через гору и снова его догоняет. Плелся Шрингабхуджа на дорогу воды, и разлилась река широкая, и волны заходили по ней. Но и ее одолел ракшас, в ночи бродящий, и опять царевич, обернувшись назад, увидел, что тот за ним гонится. Тогда швырнул он за спину колючек, а из тех колючек вырос дремучий лес. Но и через лес продрался ракшас и снова погнался за царевичем. Метнул тогда царевич ракшасу навстречу огонь, и от огня и трава на дороге и лес запылали. Перепугался Дхумашикха при виде бушующего огня, да и утомился, и пошел восвояси, по земле пошел, так как, околдованный Рупашикхой, позабыл он небесную дорогу. Царевич же, изумленный великим волшебством своей избранницы, примчался в Дхумапур и, вернув коня Рупашикхе, поведал ей обо всем случившемся и как он все выполнил. Затем уже отправился он к Агнишикхе. «Был я там и пригласил брата твоего Дхумашикху», — так молвил ему Шрингабхуджа. Забеспокоился ракшас и спросил: «Если там был, так расскажи, что видел». И ответил ему царевич: «Вот что я видел: стоит там храм Шивы и изваяние Шивы в середине, а по левую руку от Шивы — Парвати, а по правую — Винаяка. Ухмыльнулся ракшас в ответ и призадумался: «Как же это не смог брат сожрать этого молодца?! Видно, не человеческий он сын и божественного рода, и что судьбой решено, так тому и быть. Пусть будет он достойным мужем моей дочери». Так рассудив, послал ракшас царевича, достигшего цели, к дочери, не зная, что он-то и был тем, кто его ранил! А Шрингабхуджа, спеша сделать возлюбленную женой, пошел к ней, и попил, и поел, и в нетерпении провел ночь. На заре Агнишикха, как подобало, все устроил и отдал перед жертвенным огнем царевичу в жены свою дочь. И веселье на свадьбе было такое, как в старые дни, и уж где там был царевич и где дочь ракшаса и что они оба делали, про то никому не ведомо. Как лебедь добирается до пригланувшегося ему нежного лотоса, расцветшего посреди трясины, так и царевич добился возлюбленной, дочери ракшаса, и был рад тому. И стали молодые там жить, не ссорясь и вкушая всяческие удовольствия, создававшиеся волшебством ракшаса.

Один за другим пролетали дни, и молвил однажды царевич Рупашикхе: «Отправимся, милая, в Вардхаманапур, в родной мой город. Не по душе мне житье здесь — ведь душа-то у меня человеческая! Ни с родиной не могу я быть в разлуке, ни с тобой расстаться. Скажи отцу о моем решении и заведи у него золотую стрелу!» На это ответила Шрингабхудже Рупашикха: «Как повелишь, благородный, так я и поступлю. Что моя родина? Что

мне родня? И родина и родня мне — супруг мой. Нет добродетельным женам иной дороги, кроме послушания мужу! Только батюшке говорить не надо — не пустит он нас. Когда уйдем мы, он, гневный, узнает об этом от слуг и помчится за нами, но я его, неразумного, обману». Обрадовался царевич ее словам и на другой день, взяв золотую стрелу, вскочил на коня Шаравегу, стремительного как стрела, посадил возлюбленную, принесшую ему половину царства ракшаса и захватившую с собой корзину с драгоценными камнями и, обманув слуг — мол, поехали по садам покататься, — помчался с ней в Вардхаманапур.

Когда дошло это до Агнишикхи, разгневался ракшас, взвился в небо и помчался за ними вслед. Издалека услыхала свист его полета Рупашикха да и говорит Шрингабхудже: «Милый, батюшка за нами летит, вернуть нас хочет. Ты не бойся, обману я его — не заметит он нас. Укрою я и тебя и коня от его глаз своим колдовством». После этого прыгнула она с коня и приняла облик мужчины. «Ну вот и приближается великий ракшас. Ты теперь помалкивай, — сказала она, улыбаясь, царевичу, — прикинься дровосеком, пришедшим в лес дров нарубить». Стали они тут деревья валить. Домчался до них ракшас, спустился с небес на землю да и спрашивает, дурень: «Эй, ты! Не видел ли на этой дороге мужчину и женщину?», а Рупашикха в ответ, притворяясь усталой, проговорила: «Никого мы не видели, пот глаза нам застилает. Готовим мы дрова для погребального костра повелителя ракшасов Агнишикхи. Много дров-то надо нарубить». Услышав это, подумал неразумный ракшас: «Коли помер я, так ничего с дочерью-то мне не сделать. Пойду-ка домой, со слугами посоветуюсь» — и тотчас же умчался, а дочь и ее муж весело посмеялись и снова в дорогу отправились. Вернулся ракшас к себе домой, стал родню да слуг спрашивать, не помер ли он, а они со смехом уверяли, что жив, и очень уж он этому обрадовался.

А когда сообразил, что обманут, разъярился и снова кинулся в погоню. Издалека Рупашикха услыхала ужасный вой его полета, укрыла с помощью колдовства супруга, а сама приняла облик вестника, спешащего куда-то с письмом. Задаёт ей ракшас вопрос: «Не попалась ли тебе, вестник, мужчина, сопровождаемый женщиной?» А дочь ему и отвечает: «Быстро мчусь я и ничего такого не видел. Сражен сегодня врагом в бою Агнишикха, и, раз нет у него сына, послал он меня, вестника, к брату своему Дхумашикке с письмом, в котором зовет того к себе в город, чтобы царство передать». Услышав такие слова, испугался ракшас: «Неужто я убит?» — и поспешил домой. И в голову ему не пришло подумать: «Да какой же я убитый? Вот он я, здоровешенек!» Уж так устроил творец — раз кто глуп, так ему и яркий день кажется темной ночью.

Вернулся он домой и, как стали все над ним смеяться, понял, что и это неправда. Да устал он и не стал больше гнаться за дочерью. А Рупашикха, обманув отца, отправилась вместе с мужем

дальше — не знают добродетельные женщины иного пути, кроме блага супруга. Снова сел Шрингабхуджа на волшебного коня, и Рупашикха вместе с ним, и мигом домчались они до Вардхаманapura. А там его отец Вирабхуджа, узнав о том, что прибыл Шрингабхуджа с женой, поспешил ему навстречу и увидел сына, украшенного супругой, точно Кришну, сопровождаемого Бхамой, и подумал, что держава его укрепилась и расцвела. Когда же Шрингабхуджа спрыгнул с коня и почтительно коснулся ног отца, поднял его царь с глазами, полными слез, обнял и насмотреться не мог, а затем отправился вместе с сыном, словно бы со вновь обретенным счастьем, во дворец.

Спросил он царевича: «Где ты был и что с тобою случилось?» И Шрингабхуджа рассказал ему о своих приключениях с самого начала и, позвав Нирвасабхуджу и прочих братьев, отдал им золотую стрелу. Когда же царь Вирабхуджа узнал про проделки братьев, разгневался он и сказал, что отныне только Шрингабхуджу будет считать своим сыном. И подумал мудрый раджа: «Видать, подобно тому как из ненависти эти братья-враги, грешники, брата своего спровадили, точно так же их матери любимую мной безгрешную Гунавару злобно оболгали. Нужно мне во всем разобраться да и решить немедленно». Рассудив таким образом, он, когда угас день и настала ночь, желая все достовернейше разузнать, пошел к царице Аяшалеке и напоил ее, обрадованную его приходом, допьяна, а когда она, уже под утро, стала бормотать во сне, проснулся Вирабхуджа и услышал: «Коли не оговорила бы я Гунавару, разве пришел бы сегодня ко мне раджа?» Такие злодейские слова слыша, поднялся в гнев царь, и созрело решение у него. Ушел он от Аяшалеки и, вернувшись в свои покои, созвал старейших советников и приказал: «Тотчас же Гунавару из подземелья выпустить и сюда привести! Коли сказано, не медлить!» И они выслушали и, сказав: «Быть по сему!», поспешили за Гунаварой, велели вымыть ее и нарядить и привели к царю. Тут супруги, словно бы переправившись через море разлуки, обнялись крепко и провели вместе то время, что осталось от ночи. Рассказал тут царь царице на радостях, что с их сыном Шрингабхуджей приключилось. Аяшалека же проснулась и, поняв, что проговорилась во сне и царь, видно, все слышал и потому ушел, впала в отчаяние.

Рано утром привел царь к Гунаваре Шрингабхуджу и Рупашикху, а они, приблизившись и увидав мать, обрадовались, что выпущена она из темницы, и поклонились обоим родителям в ноги. Обняла мать сына, одолевшего дальний и трудный путь, и сноху обретенную, и от одной радости рождалась другая. По велению отца поведал Шрингабхуджа матери все-все, что с ним приключилось и что Рупашикха сделала, и Гунавару обрадовалась и молвила: «И чего только не сделала Рупашикха ради тебя, сынок? Вручила она тебе жизнь свою, родных и родину оставила — все это отдала ради жизни радостной! Видно, волей судьбы какая-то

богиня отметила ее тем же знаком, что и всех добродетельных жен». Сказала так царица, и супруг согласился с ней, а Рупашикха от смущения потупила очи.

А тут как раз вернулся после скитаний по святым местам Суракшита, начальник стражи, оговоренный Аяшалеekhой, и, когда глашатай возвестил о его приходе и он, радостный, пал к стопам раджи, Вирахуджа щедро его наградил. Велел раджа Суракшите привести Аяшалеekhу, это вместилище греха, и всех других цариц и, когда так было сделано, приказал: «Бросить этих злодеек в подземную темницу!» При таких его словах, видя, что все они обречены на заключение в подземной темнице, Гунавару коснулась его ног и попросила: «Божественный, лучше ты меня навсегда осуди на жизнь в темнице подземной! Смилуйся над ними, не могу я видеть их объатыми страхом». Вот так попросив царя, освободила она их от оков. Благородные сострадательны даже к врагам! После этого они, прогнанные царем, предпочитают жизни смерть, разбежались, пристыженные, по своим покоем. Еще больше стал уважать раджа благородную царицу Гунавару, а она считала его совершенством в добродетели.

Потом велел Вирахуджа привести всех сыновей и сказал притворно: «Дошло до меня, что вы, грешники, убили странствующего купца. Отправляйтесь по всем святым местам, а здесь оставаться не смейте!» Не посмели перечить царю сыновья — коли царь порешил, кто его переубедит? Увидел Шрингабхуджа, что братья его собрались уходить, и стало ему их жалко, и с глазами, полными слез, попросил он отца: «Прости им, батюшка, этот единственный грех, сделай милость!» — и припал к его стопам. Тут подумал царь, что сын его уже способен нести бремя дел государственных и что в нем и слава и сострадание живут, а сам он — истинное воплощение юного Кришны, сына Яшоды, поднявшего гору Говардхана, и уважил его речь оберегающий от врагов, и братья стали почитать Шрингабхуджу, как спасителя их жизней. При виде такого высокого благородства царевича все жители отдали ему свою любовь, и на следующий же день Вирахуджа, считая его старшим над прочими братьями, хотя и был он младшим, — ведь нет старшинства больше добродетели — сделал его своим последником. После этого Шрингабхуджа, испросив у отца позволение, взял войска всех родов, и отправился покорять мир, и показал беспримерную доблесть, и всю землю от края до края привел под свое правление, и вернулся, разнеся по всем отдаленным уголкам земли славу, а затем стал делить бремя государственных дел вместе с послушными ему братьями, и родители его наслаждались беззаботным счастьем, и щедрые дары давал он брахманам, в радостях жил с прекрасной Рупашикхой, в которой словно воплотился его успех. Так-то вот своим мужьям в каждом деле помогая, добродетельные жены счастливо живут, подобно Гунаваре-свекрови и Рупашикхе-невестке».

Кончили слушать рассказ Харимукхи царевич Нараваханадат-

та и Ратнапрабха, и были очень довольны, и говорили: «Славно, славно!»

Поднявшись, Нараваханадатта завершил то, что было назначено на день, и вместе с женой пошел к отцу своему, повелителю ватсов. Поели они и попили вместе и остаток дня наслаждались песнями с музыкой, а ночь царевич провел на женской половине дворца со своей возлюбленной.

ВОЛНА СОРОКОВАЯ

Когда же настало утро, к нему, находившемуся в покоях Ратнапрабхи, пришли все прочие во главе с Гомукхой. Марубхути же, напившийся хмельного и от этого бывший не совсем в себе, с растрепанным венком, чем-то измазанный, пришел позднее всех.

Видя, как он спотыкается, и слыша, как он всякого задирает, сказал ему терпеливый Гомукха: «Что же это? Ты сын Яугандхараяны, а порядка не знаешь — с утра напиваешься и в таком виде приходишь к повелителю?» Разозлился Марубхути и ответил: «Кто это мне говорит — повелитель или наставник? Ты кто таков, что меня учишь? Ну-ка, отвечай, ты, сын дварапалы!» Рассмеялся Гомукха: «Что же ты почтенных людей без вины бранишь?» И все, кто около него стоял, согласились с его словами: «Истинно я сын дварапалы, а ты хоть и лучший из министров, а ведешь себя, как бычок. Это глупость, тебя одолевшая, говорит, а не ты». Огрызнулся Марубхути: «Ты сам из бычьей породы! Недаром и имя у тебя Гомукха! И хоть не украшен ты рогами, а порода твоя видна!» Среди общего хохота возразил ему Гомукха: «Этот Марубхути — подлинный алмаз! Кто же просверлит его и проденет нить добродетели? Правда, жил некогда такой же человек-алмаз, которого никакими усилиями нельзя было ни в чем убедить. Послушайте-ка историю.

Вслед этим словам поведал он о невежественном брахмане Таподатте, который, ничему не учась, ничего не читая, не слушая, решил с помощью подвижничества да обетов достичь знания. После Гомукхи Харишикха рассказал о том, как уродливый и нищий брахман Вирупашарман решил с помощью таких же средств обрести достаток и красоту, да убедился, что никто не может преступить своей судьбы. Разумный даже с малого намека понимает, а неразумному и великой силой ничего не втолкуешь!

Потом Тапантака всех увлек повестью о хитроумном лекаре Таруначандре, решившем известить царя Винаяшилу, жаждавшего избавиться от старости. Поместил он под предлогом лечения Винаяшилу в подземелье, сам подыскал подходящего, на царя похожего молодца, да и подменил им царя, убив Винаяшилу. Но только молодец этот оказался хитрее лекаря и объяснил ему, что коли стал он царем, так только благодаря своей карме, а что до лекаря, то тот был ему в прежнем рождении другом.

Вот так, божественный, и идет все и у всех в этом мире — и счастье и несчастье. Все определяется тем, что совершила душа в прежнем своем рождении, — молвил Тапантака, закончив

рассказ.— Думаю я, государь, что и в прежнем рождении был ты нашим повелителем. А иначе с чего бы мы теперь были так счастливы!?»

После этого необычайно увлекательного и интересного повествования Тапантаки поднялся Нараваханадатта и пошел совершать омовение, а потом отправился навестить отца своего, повелителя ватсов, и был он для очей родительских словно пролившийся внезапно дождь амриты. И там его, сопровождаемого министрами, ждала трапеза, и отведали они всяких яств и питья. Так провел Нараваханадатта день этот и ночь.

ВОЛНА СОРОК ПЕРВАЯ

Случилось в какой-то день так, что когда беседовали Нараваханадатта с Ратнапрабхой и со своими министрами, вдруг снаружи, из двора храма, послышался чей-то плач. «Что бы это было?» — спросил царевич, и тотчас же служанки кинулись разузнавать, а потом говорят: «Это плачет Дхармагири, привратник. Какой-то неразумный приятель его пришел сюда нынче и сообщил: „Твой брат отправился странствовать по святым местам и где-то умер“, а привратник при этих словах воскликнул: „А я-то в царском дворце стою!“ и от горя память потерял. Люди повели его, рыдающего, домой». Услышал это царевич и посочувствовал горю Дхармагири, а супруга его Ратнапрабха опечалилась и промолвила: «Нестерпимо горе разлуки с дорогим другом. И почему только не создал творец человека нестареющим и бессмертным?» Возразил Ратнапрабхе Марубхути: «Как же это можно смертным, божественная? Послушай, что я расскажу.

О том, как мудрый Нагарджуна пытался избавить людей от смерти

В городе Чираюсе, где люди живут подолгу, правил царь, звавшийся Чираю, то есть Долгоживущий. Всего-то было полно в доме у Чираю, и был у него мудрый-премудрый, щедрый и сострадательный министр Нагарджуна, рожденный от семени Бодхисаттвы. И поскольку знал он всяческие сочетания лекарств и был умудрен в химии, то и себя и раджу сделал он долгоживущими и нестареющими. Однажды случилось так, что умер самый любимый из сыновей министра Нагарджуны. Загоревал Нагарджуна без меры и, убитый горем, стал составлять амриту, способный избавить смертных от смерти напитков из разных снадобий, добывавшихся им с помощью подвижничества. Оставалось ему добавить лишь одну, последнюю часть, называющуюся калайюга, то есть «связующая время», и, пока он ее искал, узнал о его намерении сам повелитель Индра, а обсудив это с богами, призвал обоих Ашвинов и наказал им: «Сступайте на землю и передайте

Нагарджуне такое мое слово: «Ты за что это принял, министр, что затеял? Уж не собрался ли ты превзойти Праджапати, творца всего сущего? Ведь он всех людей сотворил обреченными на смерть, а ты амриту готовишь, чтобы стали они бессмертными? И чем же тогда будут отличаться боги от людей? И если не будет различия между тем, кто приносит жертву, и тем, кто ее принимает, нарушится миропорядок. Поэтому велю я тебе — вылей приготовленное тобой, иначе разгневаются боги и проклянут тебя немедленно! А сын твой, по которому ты горюешь, уже на небе».

Так Индра повелел Ашвинам и послал обоих к Нагарджуне, и те поспешили повиноваться. Пришли они к министру, обрадовавшемуся их приходу, и передали, как велел царь богов, что сын его на небесах наравне с небожителями. Подумал тогда удрученный Нагарджуна: «Коли не выполню веления Индры, проклянут меня боги, да и эти близнецы разве не могут проклясть меня здесь же? Не могу я выполнить желание свое и приготовить амриту, а участь сына моего оплакивать не надо, ибо благодаря своим делам в прежних рождениях он достиг счастья». И с этими мыслями сказал Нагарджуна Ашвинам: «Понял я веление Индры и амриту готовить не буду. Коли бы вы не пришли, то и пяти дней не миновало бы, как вся земля стала юной и никто бы не ведал ни смерти, ни дряхлости». С этими словами выплеснул Нагарджуна готовившуюся амриту на землю перед ними. Распрощались с мудрым Ашвины, улетели на небо и обрадовали доброй вестью повелителя богов.

Тем временем раджа Чираю, повелитель Нагарджуны, сделал своим наследником сына, которого звали Дживахара, то есть Жизнь Уносящий, и юноша поспешил, радостный, к царице Дханапаре за благословением. Но она сказала сыну так: «Напрасно радуешься ты этому, сынок! Никто к царству не знает пути, на котором не было бы страданий. Уже не одного сына назначал твой отец наследником, и никому из них не досталось царство, а доставались одни унижения. Изготовил Нагарджуна для царя такое зелье, от которого тот проживет восемьсот лет. Кто знает, скольких еще сыновей, которым отпущен долгий срок жизни, будет царь Чираю делать своими наследниками». Выслушав слова матери, огорчился Дживахара, и она, заметив это, посоветовала: «Если хочешь тебе получить царство, воспользуйся таким способом. Министр Нагарджуна каждый день, завершив все положенное, во время трапезы провозглашает: «Кто что пожелает, тому то и дам!» Ты ступай к нему и скажи: «Отдай мне свою голову!» Он, данному слову верный, отдаст голову, а раз она будет отсечена, то царь от горя либо умрет, либо уйдет в лес и станет отшельником. Только таким способом добудешь ты себе царство — иного пути нет». Обрадовался сын материнскому наставлению и решил, что он именно так и сделает. Жажда власти, увы, преодолагает родственные чувства!

Вот пошел на другой день царский сын Дживахара, похити-

тель жизни, в дом к Нагарджуне ко времени трапезы и, когда было провозглашено: «Кто чего просит» и прочее, выступил вперед и потребовал его голову. «Дивлюсь я, сынок, что ты делать будешь с моей головой? На что тебе это собрание костей, мяса и волос? Но если будет в ней толк, отруби и возьми ее». С этими словами склонил Нагарджуна перед царевичем голову. Долго сек мечом царевич шею мипистра, но из-за длительного употребления разных снадобий шея стала такой твердой, что меч искрошился. А тем временем узнал обо всем царь Чираю и поспешил сюда, чтобы предотвратить подобную жертву, но Нагарджуна его остановил: «Знаю я, государь, о том, что было со мной в прошлых рождениях, и ведомо мне, что девяносто и еще девять раз отдавал я голову свою в жертву, а теперь в сотый раз ее отдаю. Не отговаривай меня, повелитель, не следует отказывать просящему. Нынче отдаю я голову твоему сыну и только ждал тебя, чтобы еще раз увидеть твое лицо». При этих словах обнял он царя, а потом достал из сумки порошок и натер им меч царевича, а тот размахнулся и ударил — слетела голова Нагарджуны с плеч, словно лотос со стебля.

Поднялся тогда кругом стон и плач, и царь готов был на себя руки наложить, как вдруг раздался в небесах голос: «Не совершай того, что совершать не следует! Нынче, царь, друг твой избавлен от земной тщеты. Не будет знать он новых рождений, стал он равным Будде». Услышал это царь Чираю и не стал убивать себя, но в горе раздал все свои богатства, оставил царство и удалился в лес, где через какое-то время и скончался от тягот подвижничества. Сын же его Дживахара сел на царство. Но недолго довелось ему поцарствовать — не забыли сыновья Нагарджуны убийства отца и подняли мятеж. Убили они Дживахару, а когда весть об этом дошла до его матери, не выдержало ее сердце и разорвалось. Да и то сказать, с чего бы пошедший недобрым путем обрел благо? А на царство министры посадили сына Чираю от другой царицы, которого звали Шатаю.

Так-то вот хотел Нагарджуна избавить смертных от смерти, да боги этого не потерпели, сам Нагарджуна был убит. Уж так творцом устроен мир — полон он несчастий и мучений, и никакими усилиями, будь их бесконечное множество, нельзя совершить того, чего „творец не хочет“.

Умолк Марубхути, закончив рассказ. Поднялся тогда Нараваханадатта, а министры последовали его примеру, и занялись все очередными делами.

ВОЛНА СОРОК ВТОРАЯ

А потом так случилось, что в какой-то из дней, уверив свою дорогую Ратнапрабху словами: «Я скоро вернусь!», поехал Нараваханадатта на охоту вместе с отцом и со сверстниками и в пылу охоты в сопровождении одного лишь Гомукхи заехал в неизвестный лес. Встретилась им какая-то

подвижница, и, когда, развлекаясь, случайно попал царевич в нее мячом, она только улыbnулась да сказала: «Досталась бы тебе в жены Карпурика, посмотрела бы я на тебя!» Спросил ее Нараваханадатта, кто такая Карпурика, и мудрая подвижница поведала ему об этой ненавидящей мужчин царевне, дочери раджи Карпураки, правящего на острове Карпурасамбхава, что стоит посреди океана, и посоветовала царевичу взять ее в жены.

Загорелся царевич страстью и, несмотря на все уговоры Гомукхи, верного долгу, пустился в далекий и трудный путь. Потеряли они коней — их задрал лев, — и пришлось им идти на своих на двоих, и, чтобы развлечь Нараваханадатту, Гомукха рассказал поучительную историю о царе Паритьягасене и его доблестных сыновьях, о том, как завистница их матери хотела обоих юношей извести и сочинила ради этого подложный указ, и как они сумели спастись, и как в своих скитаниях одолели ракшаса и в конце концов встретились с отцом и матерью.

А история эта была длинная, и день уже почти кончился, когда Гомукха завершил ее словами: «Так и могущественным приходится пострадать, а уж потом достичь успеха». Затем, совершив все положенное на вечер, помолившись супругу дочери Хималая, утолив голод ароматными и сладкими плодами, царевич и его друг провели ночь на берегу лесного озера.

ВОЛНА СОРОК ТРЕТЬЯ

Когда же они проснулись, то Нараваханадатта рассказал Гомукхе о том, что явилась ему во сне одетая во все белое дева божественной красоты и возвестила, что дойдет он до удивительного и обширного города, стоящего на берегу океана, отдохнет в нем, а потом попадет и на остров Карпурасамбхава и обретет царевну Карпурику.

Ответил царевичу обрадованный Гомукха: «Ты, божественный, любезен богам. Разве есть что-нибудь для тебя недостижимое? Непременно без усилий и быстро достигнешь ты желанной цели».

Об искусных плотниках Пранадхаре и Раджьядхаре

И отправились они вместе с Гомукхой, так говорившим, в путь и, когда прошло некоторое время, добрались до города, расположенного на самом берегу океана и полного башен, вздымающихся, словно гималайские вершины, над городскими воротами, открывающими дорогу на широкие улицы, сверкающие дворцами, блистающими золотыми кровлями, словно сама сделанная из золота гора Меру, и настолько он был обширен, что, казалось, это была новая планета. Вступил царевич в город и пошел по базару и увидел, что все люди там — купцы, гетеры, горожане — двигаются, словно куклы, сделанные из дерева. И удивительно было, что все они делали как живые люди, но только живыми-то называть их было нельзя, так как они не обладали даром речи. Добравшись он мало-помалу вместе с Гомукхой до царского дворца

и увидел таких же слонов и коней и вошел, изумленный, со своим советником во дворец, возвышавшийся над золотым городом, подобно голове. Там они увидели дивного мужа, восседавшего на троне, украшенном жемчугами, и этот муж, окруженный бесчувственными механическими придворными и красавицами, направлял их движения, словно душа, повелевающая чувствами. Заметив прекрасного Нараваханадатту, тот муж приветствовал его, усадил рядом с собой, а потом спросил вежливо, кто, мол, он, что за человек, и как сюда попал, и кто его сопровождает. Все без утайки рассказал ему Нараваханадатта, а когда кончил, деликатно спросил его: «Не соблаговолит ли любезный сказать, кто он сам и что это за дивный город?» В ответ хозяин дворца стал рассказывать:

«Стоит город Канчи, средоточие всяческих добродетелей, подобный искусно украшенному опояску на женских бедрах, а правит в том городе великий государь Бахубала, сумевший заточить непостоянную Лакшми в своей сокровищнице, которая поэтому всегда была полна драгоценностями. Жили в его царстве два брата, и были они искусными плотниками, весьма изощренными в изготовлении из дерева и прочих материалов дивных механизмов, придуманных данавой Маем. Старший из них — Пранадхара, и одолевала его страсть к гетерам, а я — его младший брат, очень к нему привязанный, и имя мое, почтенный, Раджьядхара. Что отец ему оставил, что он сам получал и что я ему из любви давал — все он растрачивал. Вот Пранадхара, одолеваемый страстью, желая добыть денег, чтобы ублажить гетер, смастерил из дерева пару гусей, хитроумно двигавшихся на веревочке.

Стал он по ночам, веревочкой этих гусей двигая, запускать их с крыши в слуховое окно сокровищницы царя Бахубалы, а они, ухватывая клювами украшения, возвращались в дом моего брата. Он эти украшения продавал и веселился с гетерами. Вот так-то он днем ли, ночью ли грабил цареву сокровищницу и, хоть отговаривал я его, меня не слушал и продолжал свое дело. Если кто увлекся гетерами, тот дороги не разбирает — хорошая ли, дурная, ему все одно.

Смотритель сокровищницы, по ночам крепко замкнутой, никогда мышей не ведавшей, а все же что ни день обкрадываемой, перетревожился и как-то раз, страхом без меры измученный, пошел к царю и доложил о такой напасти. А царь, чтобы все подлинно разведать, поставил у сокровищницы кроме него еще и других сторожей бодрствовать в ночи. Когда спустилась тьма, заметили они, как сделанные моим братом гуси через слуховое окно забрались в сокровищницу и потом оттуда выбрались, неся в клювах украшения. Схватили их сторожа, веревочку оборвали и понесли царю показать. А когда это случилось, сказал мне брат в тревоге: «Поймали, брат, моих гусей сторожа у сокровищницы, потому что ослабла веревочка и механизм испортился, и нужно нам обоим бежать отсюда! Поутру царь, узнав обо всем, велит

нас схватить как воров. Ведь только мы оба известны здесь как искусные механики. Есть у меня воздушный корабль, который от одного поворота рукоятки летит целых восемьсот йоджан. Давай полетим с тобой на чужбину горькую! И что это я, злоумный, тебя не послушался! Разве будет счастье тому, кто дурные дела вершит и добрым советом пренебрегает?! Вот и созрел плод зла, от которого и тебе безвинно вкусить приходится». Сказал так мой брат Пранадхара и взошел на воздушный корабль со всем семейством своим. А я на тот корабль не взошел — уж очень много людей на нем и разве улетел бы он далеко? Когда же унесся ввысь Пранадхара, по заслугам так прозванный, ибо воистину во все мог он жизнь вдохнуть, я на заре, опасаясь царского гнева, взошел на другой корабль, мной самим изготовленный и движимый ветром, и тотчас же унесся на двести йоджан, а еще повернул я рукоять, и еще двести йоджан промчался корабль, пожирающий небесное пространство. Затем, опасаясь близости моря, оставил я воздушный корабль и пошел пешком и вот дошел до этого заброшенного города. Из любопытства, божественный, вступил я в царский дворец, полный богатых одежд, украшений и всего прочего, царям приличествующего, а когда настал вечер, отправился в сад, и омылся в пруду, и поел плодов, и улегся на царское ложе, и стал ночью в одиночестве размышлять: «Что буду я делать здесь в безлюдье? Куда мне утром идти? Хорошо хоть царя Бахубали опасаться не нужно». С такими мыслями я заснул, а когда ночь была уже на исходе, явился мне божественного облика муж, восседающий на павлине, и так сказал: «Тебе, любезный, следует здесь остаться и никуда больше не ходить. Когда же наступит час трапезы, надлежит тебе находиться в главном покое». Так этот муж сказал и исчез, а я проснулся и подумал: «Видно, сам Кумара воздвиг этот прекрасный и хорошо устроенный город! Верно, благодаря добрым моим делам в прошлом рождении оказал он мне милость и явился во сне, и потому останусь я здесь — будет мне удача!» Укрепившись в этих мыслях, встал я и занялся дневными делами, а когда наступило время трапезы, поднялся в трапезную, а там на подносах да на блюдах, заранее приготовленных, откуда ни возьмись появились и кислое молоко, и рис, и прочие кушанья. Подумал я, подумал и решил, что для меня, видно, все это приготовлено, и, поев, почувствовал себя, божественный, очень счастливым. Вот так, повелитель, стал я каждый день проводить в этом дворце, подобно царю, всем наслаждаясь. Только вот не было у меня ни жены, ни свиты, и потому создал я этих искусственных людей. Хоть и плотник я, а, сюда попав, действую как единовластный раджа — недаром мне судьба определила имя Раджьядхара, Опора Царства, — и вкушаю истинно царские радости. В этом богом созданном городе отдохни, почтенный, сколько надобно, а я всем, чем могу, тебе услужу».

Так сказал им Раджьядхара и проводил Нараваханадатту с

Гомукхой в сад при дворце, и они омылись водой из пруда и принесли лотосами жертву Шиве, а потом он проводил их в трапезную, и отведали они там таких необычайных яств, какие только придумать можно. А после еды пожевали они бетеля и хмельного испили изрядно, а затем Раджьядхара уложил царевича, подобного драгоценности, изумленного великолепием города, спать на лучшее ложе. Но не шел сон к Нараваханадатте, вновь возмечтавшему о Карпурике, и сказал ему Раджьядхара, продолжавший оставаться у ложа: «Почему не спишь ты, счастливец? Достанется тебе твоя возлюбленная. Ведь, подобно Лакшми, женщина избирает благородного».

Чтобы подтвердить свою правоту, Раджьядхара рассказал Нараваханадатте о том, что сам видел. Среди придворных царя Бахубалы был необычайно жадный до денег купец Артхалобха, и была у него жена, красавица Манапара, которой он поручал торговые дела. И до такой степени был алчен этот Артхалобха, что заставил жену ради своей корысти отдать купцу Сукхадхане, рассчитывая получить пятьсот коней да пять тысяч одежд. Получить-то он их получил, да жена к нему не вернулась, и что бы он ни делал, не мог вернуть Манапару, и даже царь не мог в этом помочь — уж больно было бы это несправедливо. Предложил тогда Сукхадхана решить спор в честном бою, и тогда в присутствии царя и Манапары вскочили соперники на коней, и начался у них поединок, в ходе которого пять раз валил Сукхадхана коня под Артхалобхой, пока в конце концов не пришлось вынести жадного купца бездыханным, забитым копытами его собственного коня. Сукхадхана же стал счастливо жить с любящей женой Манапарой, и дела его шли хорошо — деньги и жены бегут от тех, кто расстался с добродетелью.

А на следующее утро Гомукха попросил Раджьядхару выстроить воздушный корабль, с помощью которого царевич мог бы попасть в столицу острова Карпурасамбхава, и плотник сделал, как его просили, и подарил Нараваханадатте воздушный корабль с машиной, и царевич отправился через океан и приземлился около какого-то города. Сошли царевич с Гомукхой с корабля и узнали от людей, что это и есть тот самый город Карпурасамбхава. Подыскали они себе пристанище у одной старушки и стали расспрашивать, что за раджа тут правит и есть ли у него дети, а она им рассказала и о царе, и о его дочери Карпурике, и о том, почему она замуж не желает идти, хотя отец очень этого хочет. Однажды спросила ее подруга: «Почему ты замуж идти не хочешь? Ведь венец рождения дочери — свадьба», а Карпурика рассказала, как в одном из давних рождений была она лебедушкой и как с супругом свила гнездо и высидела ребят-лебедят, да океанской волной унесло их в море. «Вот, когда это случилось», — говорила Карпурика, — подошел ко мне лебедь мой и сказал: „Не кручинься! Пока мы живы, еще будут у нас ребята-лебедята“. От таких слов будто стрелой пронзило мне сердце, и я подумала: „Будь прокляты эти мужчины! Нет у них ни любви, ни жалости к собственным детям. Только у женщины может быть подлинная любовь! Что за толк мне в таком муже?“ Все еще помню я мужскую жестокость, а раз помню, никто моей душеньке не правится, и замуж я не хочу идти, а что потом будет, то от судьбы зависит».

Выслушав до конца все, что сообщила им старушка, на следующее утро обсудил царевич с Гомукхой, что да как делать, а потом оделся подвижником и стал ходить около царского дворца, поминутно восклицая: «Ах, лебедушка! Ах, лебедушка!» Велела царевна привести его к себе и спросила, что это он кричит, а он все твердит свое: «Ах, лебедушка! Ах, лебедушка!» И тогда Гомукха стал ей рассказывать про все, что будто бы с супругом ее, лебедем, случилось, после того как она с собой покончила,

и что родился он теперь царевичем, которому предсказала подвижница, что станет его супругой царица Карпурика.

Удивилась царица чудесному совпадению с ее собственной историей, приняла за правду, и вспыхнула в ней любовь, и пошла она к отцу и сказала, что хочет выйти замуж. Когда же увидел царь Карпурика царицу, наделенного всеми признаками будущего повелителя видьядхаров, посчитал для себя великой честью отдать ему в жены Карпурику и сыграл, как по закону полагалось, пышную свадьбу и дал за дочерью богатое приданое.

Сказал однажды Нараваханадатта Карпурике: «Давай съездим в Каушамби!», и она согласилась, и оказалось, что на этом острове живет плотник Пранадхара, великий мастер строить воздушные корабли, и что он брат Раджьядхары. Позвала царица Пранадхару, и он сообщил, что есть у него большой корабль, который с легкостью может нести хоть тысячу человек.

А затем, испросив позволение у тестя, отправился Нараваханадатта с супругой и Гомукхой в Каушамби на воздушном корабле, полет которого направлял Пранадхара, и сначала опустились они у города Хемапуры, где радостно встретились после долгой разлуки братья. Потом направились они все вместе в Каушамби, и когда Удайна увидел, что сын его прилетел на воздушном корабле, то решил, что это предвещает давно уже богом предначинанное — быть Нараваханадатте повелителем всех существ, движущихся в поднебесье. Велики были восторг и радость в Каушамби, когда народ увидел царевича с новой супругой, а когда Гомукха поведал о пережитом ими, то все дивились не чудесам, а тому, сколь велика преданность Гомукхи своему господину.

На другой день с позволения раджи Карпурики Пранадхара со всем семейством, навестив Раджьядхару, отправился к Нараваханадатте, а когда он прибыл, исполнив поручение, назначил царевич ему жить неподалеку от своего дворца, и положил на прожитие жалованье, и стал со своими царицами носиться в поднебесье на воздушных кораблях, которые тот строил, и развлекался с ними, как подобает будущему повелителю видьядхаров. Позабыв о своих приятелях и родичах, стал сын повелителя ватсов дни проводить в счастье с Ратнапрабхой и Маданаманчукой и с новообретенной третьей женой — Карпурикой.

КНИГА О ЕУРЬЯПРАБХЕ

ТЕ, КТО БЕЗ ПРОМЕДЛЕНИЯ
Вкусят сладость ОКЕАНА,
сказавши, что возник из утробы
созданного стращать к дочери
великого Повелителя Юр, — а сладость
эта боистину подобна животворной
ауристе, извлеченной богами и асурами,
из глубин молочного ОКЕАНА, — те
беспрерывно обретут богатства
и еще на земле, по милости
БХАВЫ
Достигнут сана богов

ВОЛНА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Слава Слоноликому, взметающему похлопыванием ушей пыльцу камфары, от которой, словно от преждевременно опустившихся сумерек, розовеют небеса!

Нараваханадатта, сын повелителя ватсов, счастливо жил со своими женами в городе Каушамби, во дворце отца. И вот однажды, когда сидел он в зале совета, довелось ему увидеть, как спустился туда некий муж божественного облика. Тотчас же отец и он сам спросили приветствовавшего их гостя: «Кто ты и как сюда попал?» И тогда тот ответил: «Здесь, на этой земле, на самом гребне Гималаев, стоит город, зовущийся Ваджракута, сверкающий красотой дворцов и потому заслуживающий такого названия. В том городе правлю я, князь видьядхаров Ваджрапрабха, что значит Блеск Алмаза. Зовусь я так потому, что тело мое было словно из алмазов. Однажды, когда, совершая поклонение Шиве,

обрадовал я его своими подвигами, так велел мне бог: «Если будешь ты вечно верен повелителю видьядхаров, мной поставленному, то по моей милости никакой недруг тебя не одолеет». Немедля поспешил я сюда, чтобы поклониться повелителю. Сын владыки ватсов, Нараваханадатта, земное воплощение Камы, сотворенный богом, на челе которого сверкает месяц, будет нашим повелителем целую божественную калгу. Хотя и смертен он, но будет властвовать и над севером и над югом — вот о чем узнал я ныне силой своей мудрости. Прежде по милости Шивы смертный повелитель Сурьяпрабха властвовал над югом, а севером повелевал Шруташарман. Теперь же, божественный, над югом и севером, над всеми, в небесном просторе живущими, целую калгу будет властвовать один-единственный повелитель, исполненный добродетелей».

И тогда Нараваханадатта, побуждаемый любопытством, в присутствии отца спросил говорившего так видьядхару: «Не соблаговолишь ли рассказать нам, как это Сурьяпрабха, хотя и был человеком, сумел достичь господства над видьядхарами?» И тогда, окруженный царицами и министрами, начал раджа Ваджрапрабха рассказывать.

Сказание о Сурьяпрабхе

«Был в стародавние времена в стране мадров город Шакала, и сидел там на престоле царь по имени Чандрапрабха, что означает Свет Луны, сын раджи Ангарапрабхи. Воистину заслужил он такое имя, ибо для всех своих подданных был подобен прохладным лучам месяца, для врагов же — подлинно испепеляющим пламенем. Родила ему супруга, божественная Киртимати, сына, наделенного всяческими счастливыми признаками, предвещавшими великое будущее. «Вот родился царь Сурьяпрабха, которому самим Шивой предназначено стать верховным повелителем видьядхаров!» — так было при его рождении возвещено с неба, и была эта весть для ушей Чандрапрабхи словно сладостная амрита. Стал тогда расти в отцовском доме, переполненном по милости Шивы радостью, царевич Сурьяпрабха.

Прилежно учился у мудрых учителей острый умом мальчик всяким наукам, искусствам и ремеслам, а когда исполнилось ему шестнадцать лет, объявил Чандрапрабха сына, привлечшего любовь народа своими добродетелями, наследником и отдал ему на службу многих сыновей своих министров: Бхасу, Прабхасу, Сиддхарту, Прахасту и других. Стал Сурьяпрабха вместе с ними делать все, что положено наследнику.

Но вот пришел туда однажды великий асура, которого звали Май, и угостил его Чандрапрабха, как следует угощать гостя, и сказал Май царю при царевиче так: „Твоему сыну Сурьяпрабхе, о царь, велением Носящего трезубец предназначено стать повелителем князей видьядхаров. Почему бы не овладеть ему сокро-

венными знаниями, открывающими к этому путь? Ради того я и послан сюда могущественным Шивой.

Повели отдать сына мне — должен он научиться всему тому, что способствует достижению власти над видьядхарами. Есть у Сурьяпрабхи соперник, теперешний повелитель видьядхаров Шруташарман. Его возвел на этот престол царь богов Индра. Овладев же знаниями, с нашей помощью одолеет Сурьяпрабха Шруташармана и достигнет положения властителя видьядхаров“.

Когда же Май кончил свою речь, так промолвил царь Чандрапрабха: „Счастлив я! Бери его, добродетельного, и веда, куда считаешь нужным!“ И тогда Май, поклонившись царю и спросив у него позволения, увел Сурьяпрабху и всех его министров в Паталу, а там царевич и его министры благодаря усердию и терпению быстро усвоили науки, которым обучал их сам асура Май.

Май научил царевича и искусству создавать воздушные корабли — так обрел тот воздушный корабль, называвшийся „Бхутасана“, то есть Волшебный трон. А потом, когда овладели Сурьяпрабха и министры всеми науками, взошел Май вместе с ними на этот корабль и привел его в столицу Чандрапрабхи. Доставив сына к отцу и матери, сказал Май Сурьяпрабхе: „Теперь ухожу я, а ты наслаждайся земными радостями, пока я снова не приду“. После этого распрощался Чандрапрабха с Маем как положено, и ушел тот, а царь стал радоваться успеху сына в науках.

Сурьяпрабха же вместе с министрами забавы ради стал летать на воздушном корабле по разным страпам. Куда бы ни прилетал он, повсюду царевны, только увидя его, влюблялись и хотели, чтобы каждой из них он стал супругом. И вот царевна Маданасена, дочь правившего в Тамралипти царя Виравхаты, красавица, равной которой не найти во всем мире, и царевна Чандрикавати, дочь конканского царя Субхаты, добродетелями одаренная, и Варунасена, царевна, дочь царя Кумбхиры, правившего в Канчипураме, безупречно прекрасная телом, и наделенная волшебным взором царевна Сулочана, дочь царя Пауравы, властителя Лаванаки, и Видьютмала, тело которой сверкало, словно золотое, дочь царя Сурохи, правителя страны Чин, и своей прелестью превозшедшая небесных дев Кантимати, дочь царя Кантисены, повелевавшего страной Шрикантха, и сладкоречивая Парапушта, дочь царя Джанамеджаи из Каушамби, были увезены им без ведома их родителей, и хотя потом те и узнали, как это случилось, но, поскольку Сурьяпрабха обладал необычайной мудростью, они склонились перед ним, как тростник под ударами ветра. А царевич, научивший и царевен волшебству, принимая благодаря своим магическим способностям разный телесный облик, развлекался одновременно с каждой из них и наслаждался странствиями в небесном пространстве, беседами, пением и пирушками вместе с Прахастой и другими своими министрами. Обладая чудесным искусством живописца, он рисовал жеп видьядхаров, и сердил своих возлюбленных озорными намеками, и веселился, глядя, как гнев-

но хмурились их брови и от ярости краснели глаза, а в словах, слетающих с дрожащих от обиды губ, звуки путали свои места.

Отправился царевич, парящий в небесах, со своими женами в Тамралипти и стал развлекаться в тамошних садах с Маданасеной. Оставив в этом городе всех их, отправился он на воздушном корабле, называвшемся „Бхутасана“, в сопровождении одного лишь Прахасты в город Ваджрасару и увидел там дочь царя Рамбхи по имени Таравали, палимую огнем любовной страсти, и похитил ее. Вернувшись же в Тамралипти, увлек он там царевну по имени Виласини, другую дочь Вирахаты. Когда же ее брат Сахасраюдха разгневался из-за этого, Сурьяпрабха своей магической силой обратил его в столб, а дяде его со стороны матери и всем тем, кто с ними пришел, желая отобрать Виласини, он отбил головы. Не убил Сурьяпрабха, хоть и был он разъярен, ни Сахасраюдху, ни его дядю, а, осмеяв и унизив, отпустил их, ибо были они родственниками супруги. По зову отца вернулся Сурьяпрабха, сопровождаемый девятью женами, на воздушном корабле в свой город Шакалу.

А потом случилось вот что. Послал из Тамралипти царь Вирахата посла к отцу Сурьяпрабхи, повелителю земли Чандрапрабхе, и передал через него: „Сыном твоим похищены у меня дочери, и стал после этого он, достойный и волшебством обладающий, им обоим мужем. Пусть это так и будет! Но если ты питаешь к нам уважение, сообрази сюда пожаловать, чтобы устроили мы как положено свадьбу и чтобы от этого укрепилась наша дружба“.

Выслушал послание Чандрапрабха, угостил вестника и тотчас решил: „Хорошо, мы туда поедem“. Но, посчитав, что и ехать далеко, и возвращаться не близко, решил сначала послать в Тамралипти, чтобы удостовериться в истинности намерений Вирахаты, министра Прахасту.

Немедля отправился туда министр и встретился с Вирахатой — и принял его царь хорошо и с почетом. Сообщив ему, что Чандрапрабха с семьей и свитой собираются пожаловать, тотчас же Прахаста на воздушном корабле вернулся в Шакалу и, воздав хвалу царю, рассказал, что истинно Вирахата хочет того, о чем передавал через посла. Был царь доволен министром сына и похвалил его. Чандрапрабха-повелитель с царицей Киртимати и Сурьяпрабха с царевнами Виласини и Мадапасеной взяли с собой свиту и министров-советников, взошли на воздушный корабль „Бхутасана“ и рано поутру отправились в путь и в тот же день по истечении одной стражи долетели до Тамралипти. Изумленно глядя на спускающийся с неба корабль, приветствовали гостей горожане. Их, сошедших с небес, встретил сам раджа Вирахата, и вместе с ним вошли они в город. Прекрасные улицы были опрысканы благовонным сандалом, и на каждом шагу сверкало столько кокетливых глаз горожанок, что улицы казались усыпанными голубыми лотосами. Устроил Вирахата вместе с

зятю и сватом по случаю выдачи дочерей замуж надлежащее жертвоприношение. Дал он в приданое тысячу вьюков чистого золота, да сто верблюдов, навьюченных драгоценными камнями, жемчугами и украшениями, да еще пятьсот верблюдов, нагруженных разными нарядами и одеждами, да семь тысяч коней и пять тысяч слонов, да тысячу лучших служанок, сверкавших и красотою и украшениями. Вот какое приданое дал царь дочерям!

Зятю Сурьяпрабхе и отцу его преподнес Вирахата в дар много камней драгоценных и разных вещей, Прахасте и прочим министрам воздал почести, а всем жителям города устроил радостный праздник. Сурьяпрабха был на том празднике с отцом, с матерью, с возлюбленными своими, и отведал яств разных, и испробовал вин, и наслушался песен, и чем-чем только он еще не наслаждался!

Тем временем прибыл туда из Ваджрараты посол от царя Рамбхи и передал такое слово своего повелителя: „Недостойно поступил опьяненный силой своего волшебства царевич Сурьяпрабха, похитивший нашу дочь. Но нынче стало нам ведомо, что с царем Вирахатой, которому такое же оскорбление нанесено, он замирится. Если хочет он замирился также и с нами, то пусть поспешит сюда, а если нет — только смертью можно смыть это бесчестье“.

Выслушал его царь Чандрапрабха, наградил и сказал министру Прахасте: „Ты собирайся в путь и передай царю Рамбхе от меня такое послание: „Что ты мучаешься, Рамбха, из-за этого дела? Ведь Сурьяпрабхе Шива, властитель горных воинств, предназначил стать верховным повелителем видьядхаров, а то, что твоя дочь, как и другие царевны, стала его супругой, определено мудрыми сиддхами. Пусть похищена она, зато попала на достойное место, а если не спросили тебя, так известно, что ты человек упрямый. Порадуйся! Ты нам друг, и мы к тебе прибудем“.

Выслушал от царя такие слова Прахаста и помчался по небу и всего лишь за одну стражу добрался до Ваджраратры. Там передал он царское слово Рамбхе, и тот хорошо принял посланца и сказал: „Так тому и быть!“ Быстро проделав обратный путь, Прахаста доложил об этом царю Чандрапрабхе. Тогда царь послал из Шакалы другого министра — Прабхасу, чтобы проводил он Таравали, дочь Рамбхи, к ее отцу, а потом и сам вместе с Сурьяпрабхой, провожаемый и напутствуемый царем Вирахатой и всеми прочими, полетел туда на воздушном корабле. Когда же достигли они Ваджраратры, улицы которой были запружены народом, ожидавшим их прибытия, сам царь Рамбха вышел навстречу и ввел их в столицу.

Устроил тут Рамбха славную свадьбу, и жертвоприношение, и праздник. А в приданое дал он дочери бессчетно золота и жемчуга, слонов и коней, да и зятя своего Сурьяпрабху так одарил, что тот и думать забыл о своих собственных богатствах. А пока

они в гостях у царя Рамбхи предавались веселью, прибыл туда посол из царства Канчи.

Выслушав его, царь Рамбха обратился к царю Чандрапрабхе: „Царь Кумбхира, правитель Канчи,— мой старший брат, и его посол, прибывший ко мне, сказал, чтобы передать тебе вот что: „У меня Сурьяпрабха похитил дочь, так же как и у тебя, и узнал я, что ты с ним дружбу свел. Пусть и со мной он подружится. Пусть отец его и сам он ко мне домой придут, чтобы я дочь мою, Варунасенику, своей рукой отдал бы в жены Сурьяпрабхе“. Как просит он, так и следует сделать“,— сказал Рамбха Чандрапрабхе, а тот на это согласился и тотчас же отправил министра Прахасту отвезти Варунасенику из Шакалы к ее отцу Кумбхире.

На другой же день на воздушном корабле Сурьяпрабха с отцом своим, Рамбхой и царем Вирахатой и со всеми им сопровождающими прибыл в город Канчи. Встретил их сам Кумбхира, и вступили они в сверкающий золотом город, украшенный разнообразными драгоценными камнями и преисполненный бесчисленными добродетелями. По закону отдал царь Кумбхира свою дочь в жены Сурьяпрабхе и щедро одарил молодых. Шел свадебный пир, и сказал Прахаста Чандрапрабхе, наевшемуся и в высшей степени довольному: „Когда пересекал я пределы Шрикантхи, встретился там с царем Кантисеной, и вот что он мне сказал: „Силой похитил Сурьяпрабха дочь мою Кантимати, нужно вернуть ее домой, чтобы мог я устроить свадьбу, как положено. Если же нет, то так я дочь люблю, что руки на себя наложу!“ Вот что сказал он мне, и точно я все передал“. Кончил Прахаста свою речь, и повелел ему Чандрапрабха: „Ступай и тотчас отведи к нему Кантимати! Потом и мы туда отправимся“. Не успел царь договорить, как помчался Прахаста небесной дорогой и сделал, как было велено. Поутру же все с Чандрапрабхой и прочими, а также царем Кумбхирой на воздушном корабле отправились по небесной дороге в царство Шрикантха.

И там тоже царь Кантисена вышел им навстречу, и пригласил во дворец, и, устроив счастливый свадебный обряд, отдал Кантимати в жены Сурьяпрабхе, и такие сокровища им подарил, что даже цари и те удивились. А пока они веселились и всякими яствами услаждались, явился туда посол из Каушамби и провозгласил: „Повелитель Джанамеджая говорит: „Да станет ведомо, что не так давно дочь моя Парапушта кем-то похищена! Ныне проведаль я, что это дело рук Сурьяпрабхи. Так пусть же с нею вместе без страха явится он в наш дом — совершим свадебный обряд, как положено, и отправлю его вместе с супругой домой. Если же не сделаешь так, будешь ты моим врагом, а я твоим“. Умолк посол, передав слово своего повелителя. Тогда властитель земли Чандрапрабха сказал при всех: „Как это мы пойдем во дворец к тому, кто такие запосивые речи произносит?“ Но возразил его министр Сиддхартха: „Без сомнения, божественный, следует сделать так,

как он того желает. Царь этот щедр, верен слову, мудрый, из хорошего рода, герой, совершил ашвамедху, и никто никогда его не побеждал. Разве не верно то, что он сказал? А что грозит он враждой, так то по воле Индры. Следует пойти к нему! Соболаговоли послать кого-нибудь, дабы узнать, что у него на сердце". И все согласились со словами Сиддхартхи. Захотелось Чандрапрабхе узнать о Джанамеджае, и послал он к нему послом Прахасту, а посла Джанамеджай вознаградил. Тотчас же поспешил Прахаста в Каушамби и договорился с тамошним повелителем и получил от него письмо, которое обрадовало Чандрапрабху. Затем царь отправил Прахасту в Шакалу, чтобы оттуда к царю Джанамеджае доставить его дочь Парашушту, а потом уже и со своими приближенными, и с Сурьяпрабхой, и с Кантисеной на воздушном корабле прибыл в Каушамби. А там вышел к ним навстречу царь Джанамеджая, и поклонился им, и отдал свою дочь, как положено по обычаю, и дал за ней в приданое пять тысяч слонов и сто тысяч отборных коней и еще пять тысяч верблюдов, навьюченных драгоценными камнями да золотыми украшениями, отменными одеждами, камфарой и алоэ, и устроил народу великий праздник с музыкой и плясками, и почтил лучших из брахманов и всех пожаловавших к нему царей.

А тем временем небо побагровело, словно предвещая, что скоро оно станет красным от крови, и вдруг все страны света — юг и север, запад и восток — наполнились шумом смятения, как бы от испуга при виде враждебной армии, движущейся в небесах, и тотчас же разбушевался, будто поднимаая жителей земли на битву с небожителями, синий от ярости ветер. В тот же миг показались в небесном пространстве несметные полчища видьядхаров, озаоряющие своим блеском весь круг земной, шумные и рвущиеся в битву.

С удивлением Сурьяпрабха и все прочие увидели среди этих полчищ видьядхару небывалой красоты. „Вот царевич Дамодара, сын царя Ашадхи! Слава ему! Ты, пресмыкающееся смертное ничтожество, гнусный Сурьяпрабха! Пади к его стопам! Поклонись и ты, Джанамеджая! Кому ты отдал дочь свою? Покорись Дамодаре, иначе не будет тебе прощения!“ — так возвестил громким голосом с небес, стоя впереди Дамодары, вестник войска видьядхаров.

Выслушал его речь Сурьяпрабха, окинул взором это воинство, схватил меч и щит и благодаря волшебной силе знания взвился в небо, а за ним и все министры, вооружившиеся к битве, — Прахаста, Прабхаса, Бхаса, Сиддхартха, Праджнядхья, Сарвадамана, Витахити и Шубхашанкара, — и началась у них великая битва с видьядхарами.

То Сурьяпрабха наступал, то Дамодара, и разили они мечами врагов и удары вражеского оружия отражали щитами. Людей было немного, а небожителей сотни тысяч, но обе стороны были достойны друг друга: и взвивались и падали клинки мечей, багро-

вые от крови, на тела врагов, словно кроваво-красные взоры бога смерти. Сраженные видьядхары падали на землю к ногам Чандрапрабхи, как бы умоляя о защите, а Сурьяпрабха блистательно сражался и очам людским казался неотвратимым роком небожителей. И небо окрасилось кровью, словно там просыпали киноварь.

Вот схватился Сурьяпрабха, действуя щитом и мечом, с самим Дамодарой, и, сделав ловкий выпад, разбил меч противника, и рассек его щит. Поверг он врага на землю и уже готов был отсечь ему голову, как раздался с небес гневный окрик Вишну. Услыхал его Сурьяпрабха, и узрел самого бога, и из почтения к нему извавил Дамодару от неминуемой гибели. Того, кто поклонился ему, забывленного от гибели, взял Вишну с собой и куда-то исчез — ведь бог покровительствует верному и на этом и на том свете. Исчезли вслед за побежденным Дамодарой и все его соратники, а Сурьяпрабха вернулся к отцу, и Чандрапрабха, окруженный советниками, видя сына невредимым и будучи свидетелем выказанного им мужества, возрадовался, и все разделили с ним его радость.

Пока все предавались радости и обсуждали случившееся, явился еще один посланец — от царя Субхаты — и вручил Чандрапрабхе грамоту, и министр Сиддхартха ее распечатал и прочел: „Повелителю земли Чандрапрабхе, драгоценной жемчужине высокого рода, с почтением сообщает раджа Субхата, владетель Конкана: кем-то уведена в плен моя дочь. Но стало нам известно, что досталась она твоему сыну, и мы этому рады. И когда бы соизволил ты вместе с названным здесь сыном твоим Сурьяпрабхой — не ищи каких-либо возражений! — пожаловать к нам во дворец, чтобы мы снова могли лицезреть нашу дочь, словно бы вернувшуюся с того света, тогда бы мы рассудили, как устроить свадьбу ее“. На этом закончил читать Сиддхартха послание, а раджа Чандрапрабха ответил согласием: „Так тому и быть!“ — обрадовался и наградил посланца. Тотчас же повелел он Прахасте отправиться к западным пределам и проводить Чандрикавати, дочь правителя Конкана, к ее отцу. Когда же поднялось солнце, то все они с Сурьяпрабхой на воздушном корабле отправились на запад, сопровождаемые Джанамеджайей. Там раджа Субхата, исполненный радости оттого, что вновь обрел дочь, устроил большой праздник по случаю выдачи ее замуж. И дал он за ней жемчугов и прочих драгоценностей столько, что Вирахата и все другие цари устыдились своих даров. Пока пребывал Сурьяпрабха в доме тестя, прибыл туда из Лаванаки вестник царя Пауравы и передал Чандрапрабхе такое послание от своего господина: „Похитил достойный Сурьяпрабха мою Сулочану, но это меня не огорчает. Но почему бы не привести ее в родной дом, чтобы мы, как полагается, сыграли свадьбу?“ Выслушал Чандрапрабха посла, наградил его и велел Прахасте доставить Сулочану к ее отцу. После этого Сурьяпрабха, сопровождаемый всеми, и Субхатой в том числе, на

воздушном, быстром как мысль корабле примчался к Лаванаку, а там щедрый царь Паурава устроил свадьбу Сурьяпрабхи с Сулочаной и осыпал их драгоценными камнями. А пока все радовались и веселились, пожаловал к Чандрапрабхе вестник от Сурохи, повелителя страны Чин. И этот царь в своем послании просил, чтобы ему вернули дочь и чтобы все пожаловали к нему в дом — совершить свадебный обряд как положено. Обрадовался тому Чандрапрабха и велел Прахасте отправить ее домой. А на другой день Чандрапрабха с Сурьяпрабхой и всеми прочими отправился в страну Чин.

Прибыли они туда, и навстречу им вышел раджа. Ввел он их в свой дворец, и устроил свадебный обряд — выдал свою дочь Видьютмалу за Сурьяпрабху, и дал в приданое бесчисленно золота да камней драгоценных, могучих слонов да разных коней, одежд, шелка китайского и всего прочего.

После того как отпраздновали свадьбу, Чандрапрабха и все прочие по просьбе Сурохи провели в его стране много дней в радостях и удовольствиях, а сколько тех дней было, про то никто не знает. Сурьяпрабха вместе с Видьютмалой, сверкавшей красотой, подобной грозовому небу, обрамленному венцом из молний, наслаждался юностью и богатством и всеми возможными радостями в доме тестя вместе со своими родичами и любимыми супругами. Потом, посоветовавшись с Сиддхартхой и другими министрами, отпустил Сурьяпрабха одного за другим Виразхату и прочих царей с их конными дружинами по домам. Распрощался и Сурьяпрабха с царем Сурохой, а затем вместе с Сулочаной, со своими родителями и всей свитой и челядью взошел на воздушный корабль „Бхутасана“ и отправился небесной дорогой прямо в Шакалу. Здесь же по случаю его возвращения радость была великая — где плясали, а где пели, где кутили, где наряжались, а где в кружок собирались, чтобы послушать певцов о том, как были добыты царевичем его желанные. Народ дивился красоте Сулочаны и других жен Сурьяпрабхи и тому, что за ними дано было родителями в приданое: бесконечному множеству слонов, коней и верблюдов, пригибающихся к земле под тяжестью выюков, полных самых разных драгоценностей. И все это было достигнуто царевичем, озаренным блеском грядущей победы над миром. И засверкала Шакала, украшенная многоудачливым Сурьяпрабхой, подобно небесному городу Индры, и городу повелителя богатств Куберы, и городу правителя мира подземного. Стал жить там Сурьяпрабха с Маданасеной, радуясь всем радостям, которых только мог пожелать, наслаждаясь богатствами Шакалы, вместе с отцом да матерью, да советниками, да всеми супругами своими в ожидании обещанного прихода асуры Мая.

Однажды Чандрапрабха и сын его Сурьяпрабха и все их министры сидели в зале совета. Случайно вспомнил министр Сиддхартха о Мае, и тогда внезапно разверзлась земля посреди зала, и рев раздался из недр земных, и повеял благоуханный ветер, а вслед за этим явился великий асура Май. Был он словно горная вершина во мраке ночи, а волосы на черной голове его казались целебными растениями, покрывающими склоны той вершины; алые же одежды асуры были подобны потокам киновари. Как должно поклонился ему Чандрапрабха, и, усевшись на трон, украшенный драгоценностями, заговорил повелитель данавов: «Поистине изведали вы все земные радости, и теперь пришло время, когда следует подумывать об иных подвигах. Надобно отправить послов ко всем царям, с которыми мы в родстве или в союзе. Столкнемся с повелителем видьядхаров Сумеру, а уж тогда одолеем Шруташармана и достигнем власти над всеми царствами населяющих небесное пространство. Сумеру склонен породниться с нами, ибо так повелел ему бог, вооруженный луком. „Должен ты защищать Сурьяпрабху и отдать ему в жены дочь свою!“ — так сказал он».

Как велено было Маем, послал Чандрапрабха ко всем правителям земли Прахасту и прочих министров, и помчались они небесными дорогами выполнять волю своего господина. Сурьяпрабха же своим женам и тем министрам, которые оставались при нем, передал по совету великого асуры те волшебные знания, которых у них еще не было. А пока они всем этим занимались, с небес сошел мудрец Нарада, сияние которого освещало все страны мира. Принял он угощение, вступил во дворец и обратился к Чандрапрабхе: «Послан я сюда Индрой, и вот что велел он тебе передать: „Ведомо стало мне, что ты, погрязший в невежестве, по наущению Шивы и с помощью асуры Мая собираешься смертному Сурьяпрабхе добыть великий титул верховного повелителя видьядхаров. Это дело недостойное, ибо он пожалован мною Шруташарману, истинному светлomu месяцу, восходящему из молочного океана благородного рода видьядхаров, да и принадлежит ему по наследству. И если ты, нарушив закон, пойдешь против меня, то, несомненно, поможешь своей гибели. Еще когда совершал ты жертву Шиве, велел я тебе прежде совершить ашвамедху, но ты этим пренебрег. Не будет тебе блага, если ты, пренебрегая другими богами, свои надежды возлагаешь только на буйного Шиву“».

Передал Нарада послание могучего Индры, а Май ему с насмешкой возразил: „Нехорошо, мудрец великий, сказал повелитель богов. Ведь то, что говорит он о смертной природе Сурьяпрабхи, бессмысленно. Разве не ведомо ему о битве Сурьяпрабхи с Дамодарой? Смертные, вооруженные добродетелями, способны всего достигнуть. Разве Нахуша и другие не достигали некогда положения Индры? Да и не Индрой этот титул дается. А он что утверждает: „Мною власть над видьядхарами отдана Шруташар-

ману“. А уж что она будто бы по наследству ему принадлежит, так это и вовсе глупо! Там, где Шива жалуется, как Индру-то это касается? Его-то самого трон должен был Хираньякше достаться, не так ли?

А уж то, что он говорит, будто мы ему противодействуем, так и вовсе ложь — он сам из-за упрямства да из-за своей корысти противодействует нам. Что в этом незаконного, если мы одолеем недруга?! Ведь не жену у мудреца сводим, не брахманов истребляем*. А что мы будто бы богов оскорбили, ашвамедху не совершив, то какая жертва может быть важнее, чем жертва Рудре, и кто из богов оказывается неуважен, когда жертва приносится Шиве: ведь только в пем все они сливаются воедино! И как это он заявляет, что нехорошо поклоняться одному Шиве? Когда сам Шива собирается в поход, где все прочие боги? Когда солнце восходит, какие еще светила светят? Вот теперь все, что сказано здесь, ты, мудрец, передай повелителю богов. Что нам назначено, то мы и выполним, а уж он пусть поступает как знает.

Вот так ответил асура Май, и сказал на это мудрец Нарада: «Ладно!» — и отправился с его ответом к Индре.

Ушел Нарада, и Май обратился к Чандрапрабхе, смущенному посланием царя богов: «Ни Индру, ни Шруташармана несколько не следует бояться. Если, несправедливой ненавистью к нам ослепленные, поднимут они толпы богов, то сам царь Прахлада станет на твою сторону во главе сонма дайтьев и данавов. И если милостивый к нам Шива, трех городов разрушитель, будет с нами, то какая сила в трех мирах устоит против его мощи? Поэтому, мужи, выполним то, что задумано!» Кончил Май говорить, и все с радостью сказали: «Так тому и быть!» И тут по слову, переданному через послов, один за другим Виравхата и другие цари, союзные и родственные, стали собираться в Шакалу с дружинами и войском, и там их радостно встречали.

Снова Май обратился к Чандрапрабхе: «Соверши сегодня ночью, повелитель, великую жертву Рудре, а потом сделай все так, как я тебе скажу». Выслушал раджа Чандрапрабха асуру Мая и тотчас же повелел все приготовить для жертвоприношения. Лишь опустилась ночь, Чандрапрабха, чтобы доказать верность свою Шиве, пошел в лес и сам начал вершить жертву, как и посоветовал ему Май. Когда же царь стал поливать масло в огонь, внезапно предстал перед ним Нандин, повелитель бхутов и ганов, и, умиловленный, как положено, царем, промолвил, радостный: «То, что я передам тебе, слово самого Шивы: „Милость моя с тобой, и тебе не надо бояться даже ста Индр. Сурьяпрабха же твой, мчащийся в поднебесье, будет верховным повелителем видьядхаров“». Передав это слово бога и насладившись жертвой, повелитель Нандин со всеми ганами и бхутами тотчас же исчез, а раджа Чандрапрабха, уверившись в будущем сына и закончив жертву, вернулся с Маем в свой город.

Потру, когда у Чандрапрабхи в зале совета собрались все

цари, царицы и Сурьяпрабха, обратился к властителю Шакалы асура Май: «Слушай, Чандрапрабха, раскрою я тебе тайну, давно хранимую. Ты — мой сын, могучий данава Сунитха, а Сурьяпрабха — твой младший брат Сумундика. Вы оба были убиты в битве с богами и снова родились, как отец и сын. Твое, данава, тело бережно я сохранил, умастив его бальзамом из целебных божественных трав. Через уединенную пещеру спустившись в Паталу, с помощью заклатья, которое я тебе скажу, вернись в свое тело, а как войдешь ты в него, то снова обретешь сияние, мужество и силу безмерную и в битве будешь сражать видьядхаров. А Сурьяпрабха, воплощение Сумундики, станет их верховным повелителем».

И на слова Мая радостно ответил Чандрапрабха: «Так тому и быть!» Сиддхартха же спросил: «Просвети нас, лучший из данавов, как можно в другое тело войти, коли это-то распалось на пять изначальных элементов? И узнает ли Сунитха нас — ведь он словно бы ушел в другой мир — что он и что мы?»

Ответил на это асура Май: «Войдет он в тело благодаря заклатью и по своей воле. Ступайте туда сами и все своими глазами увидите. Мы же о вас не забудем. А не случится этого вот почему. Тот, кто умирает против своей воли или из чрева рождается, не помнит ничего, ибо чувства его притуплены мучениями, смертью и прочим. Тот же, кто волей своею покидает тело и входит с помощью заклатья в другое, проникает и во внутренние органы, и во все чувства, и дух его и ум остаются прежними, как будто он просто перешел из одного дома в другой, и помнит он все, подобно мудрому повелителю йогов. Поэтому не следует вам тревожиться — великий царь обретет божественное тело, не подверженное старости и болезням. И вы все — тоже данавы и, вступив в мир подземный и отведав сладостной амриты, обретете божественные тела, не подверженные болезням». На речь асуры Мая все ответили: «Так тому и быть!» — и избавились от сомнений и согласились с ним. Как сказал Май, на следующий день Чандрапрабха со всеми собравшимися царями отправился туда, где сливаются Чандрабхага и Иравати. Оставив там царей и с ними всех жен Сурьяпрабхи, проник Чандрапрабха вместе с сыном, царицей и всеми министрами во главе с Сиддхартхой в пещеру под водой, указанную Маем, и, вступив туда, после долгого пути увидел прекрасный храм и вошел в него со всеми спутниками.

А в это время на царей, оставшихся у входа в пещеру, напали с небес князья видьядхаров со своим воинством и, силой волшебной всех зачаровав, похитили жен Сурьяпрабхи. Но в тот же миг зазвучал в поднебесье голос: «О Шруташарман-злодей! Коли посмеешь ты тронуть жен повелителя, гибель постигнет тебя и все твоё воинство. Береги их, как мать берегут, защищай. Тогда не убью я тебя сейчас, хотя решено это мною, и не освобождаю их немедленно. Есть тому причина. Пусть они побудут в каком-нибудь

другом месте». Прозвучало божественное слово, и внезапно все небожители исчезли. Когда же Вирахата и прочие цари увидели, что жены Сурьяпрабхи похищены, то в отчаянии от случившегося готовы были кинуться друг на друга и погибнуть в схватке. Но их остановил голос с неба: «Ничего дурного не приключится с вашими дочерьми, не спешите истреблять друг друга, и будет вам благо!» И остались они на том же месте, где были, ожидая, что же случится дальше.

Пока все это происходило на земле, в мире подземном асура Май обратился к Чандрапрабхе, окруженному его близкими, с такими словами: «Слушай, царь, внимательно! Сообщу я тебе теперь великое заветное, с помощью которого войдешь ты в другое тело». После таких слов раскрыл он Чандрапрабхе тайны санкхьи и йоги и благодаря этому смог рассказать о способе, с помощью которого можно войти в другое тело, и затем мудрейший из йогов молвил: «Вот что такое сиддхи, высшее благо, свободное знание и власть над материей и всеми ее восемью свойствами. Потому-то достигшие божественного сана и всем этим владеющие не желают мокши, освобождения от жизни, ради чего люди читают молитвы, совершают аскетические подвиги, подвергаются страданиям. Великие духом и мыслью не стремятся к небесному блаженству. Послушай, что расскажу я тебе.

О брахмане Кала, одолевшем Время

Жил некогда в иной кальпе во времена давным-давно забытые великий подвижник, которого звали Кала. День и ночь читал он молитвы на берегу озера Пушкар, а пока он их читал, минуло ни мало ни много две сотни божественных лет, и каждый год равен был четыремстам тридцати двум тысячам лет человеческих. Стало тут от его головы исходить яростное сияние, словно от тьмы солнц, и это сияние остановило полет и движение сиддхов и видьядхаров и угрожало спалить все три мира.

«Возьми, брахман, все, что пожелаешь! Остановись! Ведь уже пылают от твоего сияния три мира», — умоляли его Брахма, Индра и другие боги. «Ничего мне не надо, — отвечал тот. — Единственная моя страсть — молитвы». Стали боги уговаривать его остановиться, но ушел он на северные склоны Гималайских гор и продолжал читать свои гимны. Когда нестерпимый жар его молений дал себя почувствовать и там, решил Индра послать к нему апсар, дев небесных, чтобы своими чарами они нарушили его подвижничество. Но упорный брахман обратил на них не больше внимания, чем на былинку, и тогда небожители послали к нему самого бога Смертного Часа.

Пришел Смертный Час к брахману и потребовал: «Послушай, брахман! Ведь смертные так долго не живут. Отдавай душу свою, не нарушай порядка природы». Возразил ему Кала: «Если срок

моей жизни истек, то чего же ты меня не забираешь? Чего ждешь? Знай, ты, у кого вместо руки смертная удавка, что сам я со своей душой не расстанусь — ведь если по собственной воле расстанусь с душой, значит, я самоубийца». Не сумел убедить его Смертный Час, не смог увести брахмана из-за его упрямства и ушел с тем, с чем пришел. Тогда Индра, раздосадованный упорством брахмана Калы, одолевшего Время, схватил его и утащил в жилище богов. Но и там никакие наслаждения соблазнить его не могли, и он все продолжал безостановочно бормотать молитвы, и боги решили отпустить его, и Кала снова ушел на Гималаи. И там продолжали Индра и другие боги его уговаривать.

Так ли, не так ли, а однажды шел той дорогой царь Икшваку. Узнал он, что да как, и говорит подвижнику: „Коли ты от богов никакого дара не принимаешь, то возьми от меня!“ Усмехнулся в ответ на это подвижник и сказал царю: „От тридцати трех богов не принял я даров, какой дар ты можешь мне дать?“

Сказал Икшваку брахману: „Раз уж я не могу тебе дать ничего, то хоть ты дай мне что-нибудь в дар!“ Ответил ему на это подвижник: „Выбирай что хочешь, пожалуй тебе дар“. Задумался царь: „Обычай-то ведь такой — я даю, а брахман принимает, а если я возьму то, что он мне пожалует, так это будет против обычая!“ А пока он так размышлял, случилось там проходить двум спорящим брахманам, и попросили они царя решить их спор по справедливости. Один из них сказал ему: «Дал мне этот брахман с уплатой за жертву еще и корову, а от меня ее в уплату почему-то не берет». А другой возразил: «Нет у меня привычки брать обратно то, что раньше отдано мною в дар. Ведь он дар принял, а я отдавать не просил. Зачем он навязывает мне эту корову силой?»

Выслушав обоих, сказал царь: «Не прав жалобщик! Если он принял корову в дар, зачем дарителю ее навязывает?» А пока Икшваку произносил это, Индра, улучив момент, подсказал ему: «Коли ты, царь, сумел справедливо разобраться в их деле, почему бы тебе самому не испросить у подвижника дар и не воспользоваться им?»

Тогда раджа, ничего на это не ответивший, обратился к подвижнику: „Пожалуй мне в дар, почтенный, половину плода твоих молитв!“ — „Изволь, — отвечал ему Кала, — возьми половину плода моих молитв“. Такой дар пожаловал подвижник царю, и благодаря этому Икшваку смог двигаться по всем трем мирам, а сам праведник Кала попал в мир богов Сашива. Провел он в том мире много калып, а потом вернулся на землю, достигнув благодаря йоге совершенного знания и бессмертия. Так-то вот мудрые, стремящиеся к совершенному знанию, пренебрегают и раем, и всеми прочими дарами. Ты нынче достиг совершенного знания и потому, о царь, вернись в свое тело“.

Очень обрадовался Чандрапрабха с супругой и сыном и министрами тому, что Май передал ему заклание. Повел их тогда Май

еще глубже, и вошел царь в другой прекрасный дворец. И все они увидели там на богато украшенном ложе богатыря, словно бы спящего, умащенного травами волшебными, и лик его был ужасно искажен, как будто от боли, и окружали его дочери дайтев, лотосоподобные лица которых были исполнены печали. „Вот лежит твое прежнее тело, и окружают его твои прежние жены. Войди же в него“, — сказал Май Чандрапрабхе.

Тогда произнес Чандрапрабха сообщенное Маем заклятие и, оставив человеческое тело, вошел в свое собственное. И вот потянулся богатырь, приоткрыл глаза, словно проснувшись, и поднялся с ложа. Радостно вскрикнули жены асуры: „О счастье, очнулся супруг наш, божественный Сунитха!“ Сурьяпрабха же и все, кто был с ними, опечалились при виде бездыханного тела Чандрапрабхи. А Сунитха-Чандрапрабха, словно очнувшийся от сладкого сна, взглянув на Мая, поклонился отцу в ноги. Обнял его нежно отец и спросил: „Помнишь ли ты, сын, оба свои рождения?“ А тот в ответ ему: „Помню я“. И рассказал обо всем, что случилось с ним и в бытность Сунитхой, и в бытность Чандрапрабхой. Затем стал он утешать каждого, по имени называть жен своих из последнего рождения, и Сурьяпрабху с министрами, и прежних жен из рода данавов. Прежнее тело, связанное с двумя царствами — земным и подземным, велел он сохранить: „Может пригодиться“. А Сурьяпрабха и прочие, уверившись в том, что Сунитха и есть Чандрапрабха, поклонились ему.

Был асура Май доволен и повел всех из этого города в другой, украшенный золотом, и, когда они туда вошли, увидели чудесный пруд, полный сладостной амриты, и присели на его берегу. Отведали они сладостного питья из украшенных драгоценными камнями чаш, которые принесли жены Сунитхи. От такого питья все они уснули, а проснувшись, почувствовали себя и смелыми, и необычайно могучими, как будто обрели божественное тело.

Молвил асура Май Чандрапрабхе-Сунитхе: „Идем, сынок, теперь встретишься после долгой разлуки с матерью“. И тогда, сказав: „Так тому и быть!“, пошел Сунитха за отцом, а за ним Сурьяпрабха и все бывшие с ним. Спустились они в четвертый подземный мир и, проходя, видели множество городов, выстроенных из различных металлов, и множество прочих красивых мест. Наконец предстал перед ними древний город, в котором все было сделано из золота. Там на возвышении, украшенном драгоценными камнями и являвшем собой совершенное воплощение великого богатства, увидели они супругу асуры Мая и мать Сунитхи, которую звали Лилавати. Она была так прекрасна, что красотой своей унизила всех небожителей. Вокруг нее стояли девушки из рода асуров, сверкая дивными украшениями.

Взволновалась Лилавати, глядя на сына, поднялась, а Сунитха, приветствуя ее, пал ей в ноги. Обнимала мать сына, давно не виданного и не раз оплаканного, и благодарила супруга за то, что вернул он ей его. И сказал тогда Май: „Жена, а здесь ведь и Су-

мундика, другой твой сын, в ином рождении родившийся сыном твоего сына, и зовут его Сурьяпрабха. Предназначил ему Шива, сокрушитель городов, быть верховным властелином всех видьядхаров, и будет он им в том теле, какое у него сейчас есть“. При этих словах Сурьяпрабха, видя, с какой нежностью она на него смотрит, пал к ее стопам, и все его министры низко склонились перед ней. „Не нужно, тебе, сынок, тела Сумундики, ты и в этом облике прекрасен“, — произнесла Лилавати, благословляя его. Радостно было родителям обрести вновь обоих сыновей, и тут вспомнил Май о дочери своей Мандодари и о муже ее Вибхишане, и стояло ему только подумать о них, как предстали они перед его очами.

Вибхишана принял праздничное угощение и обратился к свекру своему, асуре Маю: „Коли уважишь ты слово мое, повелитель данавов, то вот оно. Единственный ты среди данавов, кто живет по правде и чести, и не следует тебе поддаваться беспричинной ненависти к богам. От вражды с ними ничего ты не достигнешь, кроме гибели. Ведь множество асуров убито богами, а асурам с ними не совладать“. Отвечал на это Май: „Не мы ведь войной грозим, а Индра из упрямства к войне толкает. Скажи, разве можно это стерпеть? А что до асуров, сраженных богами, так те асуры были безумны, а тех, кто были разумны, как Бали и прочие, разве могли убить боги?“ После такого ответа Мая повелитель раکشасов Вибхишана вместе с Мандодари вернулся к себе во дворец на Ланку.

И тогда повел Май Сурьяпрабху, и Сунитху, и всех прочих в третий подземный мир повидаться с Бали. В этом мире, еще более прекрасном, чем небесный, увидели они могучего царя, увенчанного короной, усыпанной жемчугами, окруженного дайтьями и данавами. И один за другим склонились перед ним Сунитха и все другие, и он приветствовал их как положено. Обрадованный тем, что поведал ему Май, царь Бали велел тотчас призвать Прахладу и других данавов. Когда же пришли они, Сунитха и прочие поклонились им в ноги, а данавы порадовались их скромности.

Заговорил тогда Бали: „Вот Сунитха, бывший на земле Чандрапрабхой, обретший свое тело и оживший для нас, и вот воплощение Сумундики — Сурьяпрабха, которому Шивой назначено стать повелителем видьядхаров. Благодаря жертвоприношению Чандрапрабхи узы, на которые обрекли меня боги, ослабли, и теперь, когда вернулись Сунитха и Сумундика, мы снова возвысимся“. Выслушав такую речь Бали, промолвил Шукра, его наставник: „Только добродетельная жизнь, а не что-нибудь иное может помочь возвыситься. Потому мой совет тебе — живи по правде“. Внимали этому данавы, там собравшиеся, согласились и за правило положили жить так.

Тут Бали устроил для собравшихся у него из всех семи подземных миров богатый пир по случаю возвращения Сунитхи. И когда они пировали, снова явился мудрец Нарада, принял пред-

ложенное ему угощение и обратился к данавам с такими словами: „Послан я сюда самим Индрой, и вот что велел он вам передать: „Бесконечно рад я, что Сунитха снова обрел жизнь. Так пусть теперь не будет между нами беспричинной вражды, и не следует вам действовать против Шруташармана, которому я покровительствую“. Ответил Нараде, передавшему слова Индры, Прахлада: „Что нам в этой радости Индры по случаю возвращения Сунитхи к жизни? Ведь не мы питаем беспричинную вражду. Как раз сегодня мы все по совету нашего наставника обязались жить по правде. А что до его рассуждений о покровительстве Шруташарману и угрозе нам насильем, что тут говорить? На стороне Сурьяпрабхи сам грозный Шива, бог над всеми богами, давно уже предназначенный ему быть повелителем видьядхаров. Раз так решено им, что мы сделать можем? А то, что Индра говорит о беспричинной вражде, просто бессмысленно“. Закончил свою речь один из царей данавов, Прахлада, а мудрый Нарада осудил Индру за такое поручение и исчез.

После его ухода обратился Ушанас к царям данавов: „Видно, крепко зол на нас Индра. Но на нашей стороне сам могучий Шива, великий бог! Разве можно сравнивать, что может сделать Шива и что — Вишну?“ Согласились данавы с этими словами и, расставшись с Прахладой и Бали, ушли восвояси. Потом, когда Прахлада удалился к себе в четвертый подземный мир, ушел к себе и царь Бали, а Май, Сунитха и все прочие с Сурьяпрабхой во главе, поклонившись Бали, тоже ушли к себе домой. Вместе они попили и поели, и сказала Сунитхе его родительница: „Знаешь ли ты, сынок, что среди всех твоих жен, дочерей могучих царей, самые прекрасные — Теджасвати, дочь повелителя богатств, Мангалавати, дочь царя гандхарвов Тумбуру, и Киртимати, дочь Прабхавы Васу? Ты был на них женат, когда был Чандрапрабхой. К ним троим должен ты, сынок, относиться по-равному“. И с этими словами поручила она ему трех его главных жен.

В ту же ночь Сунитха вошел в опочивальню со старшей женой, Теджасвати, и там они предались любовным утехам после долгой разлуки, и изведенные прежде радости казались им новыми. Сурьяпрабха же со своими министрами был в других покоях. И не было с ним ни одной из его супруг. Раскинувшись он на ложе, но не шел сон к нему, словно думая: „Зачем идти к тому, кто оставил возлюбленную за дверями опочивальни?“ Разгневанный сон не шел и к Прахасте, для которого ничего не было дороже раздумий о делах. Кроме этих двоих, все остальные сладко спали.

Но вдруг увидали Сурьяпрабха и Прахаста — или только померещилось им? — как вошла в покои небывалой красоты девушка с подругой. Пока Сурьяпрабха раздумывал: „Кто бы это мог быть? Не иначе сама судьба низвергла ее в Паталу, царство подземное, чтобы не могла она своей прелестью затмевать небесных дев“, красавица подходила ко всем его друзьям, объатым глубоким

сном, всматривалась в каждого и, не найдя ни у кого из них нужных ей знаков, отходила. Наконец заметила она лежавшего посредине Сурьяпрабху и, видимо обнаружив у него те знаки, приблизилась к нему. „Вот он, подруженька! Коснись его стоп пальцами своими, прохладными, словно вода, и разбуди его“, — велела она подруге.

Подруга ее так и сделала, и Сурьяпрабха, прикидывавшийся спящим, притворился, будто только что проснулся, и при виде девушки спросил: „Зачем вы сюда пришли, юные, и кто вы?“ На это подруга красавицы ответила так: „Слушай, божественный, есть во втором подземном мире могучий и всепобеждающий царь, повелитель дайтев, сын Хираньякши, по имени Амила. А эта девушка — его дочь, любимая им больше жизни. Случилось так, что возвратился сегодня ее отец от царя Бали и рассказал: „Видел я Сунитху, вернувшегося к жизни, и Сумундику, воплотившегося в Сурьяпрабху, которому Шива предназначил стать верховным повелителем видьядхаров. Хочется мне доставить Сунитхе радость и воздать ему почести, и поэтому решил я выдать Калавати за Сурьяпрабху. Не могу я выдать ее за Сунитху — ведь он принадлежит к той же готре, что и мы, а Сурьяпрабха, его сын, родился на земле, когда Сунитха был раджей Чандрапрабхой, не асурой. Поэтому, если сыну его я честь воздам, и отцу в этом будет честь“. Выслушав такой рассказ отца, восхищенная твоими добродетелями, желая взглянуть на тебя, пришла сюда Калавати со мною, ее подругой“.

А пока говорила все это подруга Калавати, Сурьяпрабха, чтобы убедиться, что и правда таково желание самой дочери Амилы, опять притворился уснувшим. Калавати подошла затем к притворно дремавшему Прахасте, и подруга ее и ему точно так же все рассказала. После этого они обе ушли. Поднялся Прахаста и, приблизившись к Сурьяпрабхе, спросил его: „Ты спишь, божественный, или нет?“ А тот, приоткрыв глаза, ответил: „Не сплю я, друг. Сон почему-то бежит от меня сегодня. Но слушай, какую тайну я тебе расскажу — не должно ее от тебя скрывать. Вот только что видел я здесь девушку, равной которой во всех трех мирах не найти. Явилась она сюда на одно мгновение, похитила мое сердце и исчезла. Поищи ее — где-то здесь поблизости она должна быть!“ Выслушав просьбу Сурьяпрабхи, вышел Прахаста из покоев искать ее, и нашел неподалеку вместе с подругой, и так ей сказал: „Я, чтобы тебе послужить, разбудил своего господина, а теперь ты сослужи мне службу: пойди еще раз взглянуть на него. Взгляни снова на его красоту, радующую твои глаза, и дай ему, очарованному тобой с первого взгляда, полюбоваться своею красотой. Когда он проснулся, то — подлинно это я говорю — сказал, что если не видеть ему тебя, то и не жить. После этого и разыскал я тебя. Покажись ему!“ Так говорил ей Прахаста, и, когда она с сердцем, трепещущим от надежды, засмущавшись, не могла войти в опочивальню, он взял ее за руку и ввел к Сурьяпрабхе. Увидев

Калавати, подошедшую к нему, Сурьяпрабха сказал: „Жестокая, что же ты пришла сюда ко мне тайно, как вор, и похитила, пока я спал, мое сердце? Теперь не отпущу я тебя, похитительница, безнаказанной!“ При таких словах ее догадливая подруга сказала: „Знать, ведал ее отец об этом прежде, что послал эту похитительницу к тебе для наказания. Кто тебе помешает?“ Когда же хотел Сурьяпрабха обнять Калавати, она, застыдившись, вскрикнула: „Нет, нет, благородный, не надо. Ведь я девушка!“

Тогда стал Прахаста ее увещевать: „Не тревожься, красавица! Ведь из всех видов свадьбы самый лучший обычай у гандхарвов“. И с теми словами вышел он прочь, и тогда Сурьяпрабха сделал Калавати своей женой, и с нею, красавицей из подземного мира, недостижимой для смертных, он вкусил необычайное, немислимое счастье, и они сходились снова и снова, пока не настал конец ночи, и Калавати вернулась к себе домой, а Сурьяпрабха пошел к Сунитхе и к Маю.

Встретились они и отправились к Прахладе, а тот их как должно приветствовал, попотчевал, и, когда сели они в зале совета, обратились Сурьяпрабха и Прахлада к Маю с такими словами: „Снова Сунитха с нами, и это для нас праздник, и следует нам сделать что-либо приятное — давайте сегодня все вместе попируем“. — „И то, нет в этом ничего худого“, — ответствовал ему Май, и тогда Прахлада разослал гонцов, чтобы пригласить повелителей асуров.

Один за другим собрались повелители всех царств подземных, и первым был царь Бали, сопровождаемый сонмом могучих асуров, а вслед за ними пришли Амила и доблестный Дурароха, Сумая и Тантукаччха, и Викатакша, и Пракампана, и Дхумакету, и Махамайя, и еще многие повелители асуров, и каждого из них сопровождали тысячи вассалов. Они заполнили весь пандал, и обменивались приветствиями друг с другом, и расселись по чину, и Прахлада всех их чествовал. Когда же наступил час трапезы, все они вместе с Маем и прочими, совершив омовение в Ганге, сошли в просторный пандал, чтобы отведать угощения, а тот пандал занимал в длину сто йоджан, а пол его выложен был золотом и жемчугом, и стояли в нем колонны, усыпанные драгоценными камнями, и уставлен он был необычайно красивой посудой, украшенной жемчугами и самоцветами.

Тогда асуры с Прахладой, Сунитхой и Маем, с Сурьяпрабхой и его министрами стали наслаждаться самой разнообразной пищей — всем, что можно было грызть, откусывать, лизать, — приготовленной на шесть вкусов, и запивали это отличным вином. А когда они поели и попили, то перешли в другой пандал, убранный драгоценностями, и наслаждались превосходными танцами дочерей дайтьев и данавов.

Во время представления заметил Сурьяпрабха среди танцующих дочь Прахлады — Махаллику. Красотой своей девушка озярала все страны света и услаждала все взоры — она подобна была

луне, из любопытства проникшей в подземный мир. Танцуя, она была амритой для его глаз. На лбу ее блистал тилак, на ногах звенели браслеты, на лице сверкала улыбка, и, казалось, творец так и создал ее для танца. Развевались ее кудри, теснили друг друга округлые перси, и танцевала она так, словно творила новый танец. Только предстала она перед Сурьяпрабхой, как овладела безраздельно его сердцем, не желая допускать туда других женщин. Да и сама она, как только заметила его среди других повелителей асуров, подобного новому богу любви, созданному творцом вместо испепеленного Шивой, устремилась к нему сердцем и остановилась, словно искусство танца, разгневанное такой нескромностью, решило ее покинуть. Все, кто смотрел представление, заметили, какие чувства владели этими двумя, и решили остановить зрелище, говоря: „Царевна устала“.

Не в силах отвести очей от Сурьяпрабхи, попросила Махаллика отца отпустить ее и, поклонившись повелителям данавов, ушла к себе. Разошлись по домам и все зрители, а Сурьяпрабха на исходе дня удалился в свои покои. Когда же спустился вечер, снова Калавати пришла к нему, и остались они вместе, а все его спутники спали снаружи.

В это время Махаллика, сгорающая от желания увидеть его, явилась туда с двумя верными подругами. Но когда хотела она войти к Сурьяпрабхе, заметил ее Праджнядхья, один из его министров, ибо сон к нему не шел. „Подожди, красавица, минутку, пока я войду, и, пока не выйду, ты не входи“, — сказал он ей. Встревожилась она: „Почему ты нас останавливаешь и почему вы спите снаружи?“ И возразил Праджнядхья: „Что это вдруг ты к нему, спящему, хочешь войти? Спит сегодня наш повелитель один — он дал такой обет“. — „Так войди же!“ — сказала встревоженная дочь дайтьи Прахлады. Вошел Праджнядхья в опочивальню, и, увидев охваченную сном Калавати, разбудил Сурьяпрабху, и сказал ему, что по своей воле явилась сюда Махаллика. Очнулся Сурьяпрабха, вышел из покоя, увидел царевну с двумя спутницами и сказал: „Честь нам оказана приходом вашим. Соболаговолите присесть на этом ложе“. Села Махаллика со своими спутницами, и сел и Сурьяпрабха, и подле него сел Праджнядхья, а когда сели они все, заговорил царевич: „Стройная, хоть ты и не замечала меня, глядя на всех прочих, но, быстроглазая, глаза мои были счастливы видеть и твою красоту, и твою пляску“. Ответила на это дочь Прахлады: „Не моя, благородный, вина в том, что я запнулась, а того, кто меня здесь стыдит и кто заставил меня, осрамившуюся, сбежать с представления“.

Засмеялся Сурьяпрабха: „Одолела ты меня, одолела!“ — и взял в свою руку ее руку, которая задрожала и покрылась испариной как бы от испуга. „Пусти меня, достойный, — упрашивала его Махаллика, — ведь я в отцовской воле“. Обратился к ней тогда Праджнядхья: „Разве не участвуют девушки в свадьбах по обычаю гандхарвов? И если случится такое, никому иному отец тебя не

отдаст, а только вот этому царевичу окажет честь. Полно упрямиться! Не будет напрасной твоя встреча с царевичем!”

Пока шел у Махаллики и Праджнядхьи такой разговор, проснулась в опочивальне Калавати и, увидев, что Сурьяпрабхи нет на ложе, подождала немного, а затем, встревоженная и обеспокоенная, вышла наружу, а там увидела своего милого с Махалликой, и разгневалась она, и застыдилась, и испугалась. Махаллика, ее увидев, тоже заробела и устыдилась, да и Сурьяпрабха застыл неподвижно, как на стене нарисованный. „Все я теперь видела! Бежать бы! Стыдиться или сердиться?“ — думала Калавати и подошла к Махаллике.

„Здравствуй, подруженька! С чего это ты сюда ночью являешься?“ — так она выговаривала Махаллике, а та ей: „Это-то мой дом, а вот ты сюда из другого царства подземного явилась, так что ты у меня нынче в гостях“. Расхохоталась при этих словах Калавати: „И то правда! Видно, ты всякому гостю, что ни пожелает сюда, доброе угощение устраиваешь“.

„Я же тебе с любовью говорю, чего же ты так яришься? Что ты, бесстыжая, болтаешь? Разве я похожа на тебя? — набросилась на нее Махаллика. — Разве это я, не выданная родителями, издалека явившаяся, на ложе у незнакомца сплю? Я же только пришла с двумя подругами посмотреть, хорошо ли отцову гостю. Когда министр, нас задержав, поспешил сюда, сразу я догадалась, в чем дело, а тут и ты выскочила, и все подтвердилось“. После того, что Махаллика наговорила, кинулась прочь Калавати, метнув гневный взгляд на своего любезного, а за ней и Махаллика заторопилась, поспешила, сердито бросив Сурьяпрабхе: „Что же, и я пойду теперь, многих красавиц обожатель!“ С тем и ушла!

Сурьяпрабха же остался без сердца, так как оно, всегда привязанное к тем, кого он полюбил, унеслось с ними. Тотчас же он разбудил министра своего Прабхасу, велел разыскать, куда исчезла после ссоры Калавати, а о Махаллике разузнать велел Прахасте, сам же вместе с Праджнядхьей остался ожидать их возвращения. Вернулся Прабхаса, разузнав все о Калавати, и с нетерпением стал Сурьяпрабха расспрашивать его и вот что услышал: „Пошел я отсюда во второй мир подземный и, став благодаря нашим волшебным знаниям незримым, проник в покой Калавати и подслушал, о чем болтали две служанки у ее дверей. Одна и говорит: „Что это, подружка, пригорюнилась Калавати?“, а другая ей в ответ: „Послушай, в чем причина. Живет нынче в четвертом царстве подземном воплощение Сумундики царевич Сурьяпрабха, красотой своей превзошедший Манматху, бога любви. Пошла она к нему и отдалась. И сегодня ночью отправилась на свидание, а туда возьми да приди дочь Прахлады Махаллика. Вот опа, Калавати-то, крепко с той поругалась, да так, что и руки хотела на себя наложить. Хорошо, что сестра ее Сукхавати увидела да помешала это сделать. Потом, домой-то когда пришла, упала на ложе и до сих пор не встает. Там с ней сестра, которая, выпросив у Калавати,

что произошло, очень огорчилась“. Все это от служанок услышав, вошел я туда, в опочивальню, и увидел Калавати и Сукхавати, так похожих друг на друга, что и различить невозможно“.

А пока Прабхаса рассказывал об этом Сурьяпрабхе с глазу на глаз, вернулся Прахаста и вот о чем сообщил: „Поспешил я отсюда во дворец Махаллики и видел, как она туда вошла с обеими подружками и была в дурном настроении. И я благодаря волшебству проник незаметно внутрь и нашел там двенадцать точь-в-точь на нее похожих девушек. Села она на ложе, наилучшими самоцветами украшенное, и все девушки окружили ее. Обратилась к Махаллике одна из них: „Подружка милая, по какой-то причине или вовсе беспричинно ты сегодня кажешься мне опечаленной. Скоро свадьба твоя будет, а ты пригорюнилась“. На это с горечью возразила царевна, дочь Прахлады: „Уж какая там свадьба! За кого меня выдадут? Кто тебе это сказал?“ И тогда все разом заговорили: „Рано поутру отдадут тебя, подружка, в жены Сурьяпрабхе. А об этом нам рассказала родительница твоя, царица, когда тебя здесь не было, и велела нам все приготовить для свадебного обряда. Счастливица! Мужем твоим будет сам Сурьяпрабха, от красоты которого все женщины сон потеряли. А для нас-то горе какое! Где теперь будешь ты и где мы? В замужестве-то о нас и не вспомнишь! Ты хоть и мужняя жена, да подруг-то не забывай!“ Слушала их, слушала Махаллика, да и сказала: „Да видели ли вы его? Пришелся он вам по сердцу, что ли?“ Сказали они ей на это: „Видели мы его с крыши дворца. Да у какой женщины он не похитил сердце?“— „Коли так,— ответила Махаллика,— скажу я батюшке, чтобы он вас всех за него выдал. И разлучаться нам не надо, и будем жить вместе“.

Обеспокоились девушки из-за таких слов Махаллики и заговорили: „Не делай этого, подружка, ведь стыдно нам будет“. А она, дочь асуры, возразила: „А что, разве недостойно выйти вам за него замуж? Разве только мне одной с ним жить? Все дайте и данавы отдадут ему своих дочерей, и еще немало других царевен он на земле нашел, на многих девушках из рода видьядхаров женился. Что мне за беда, если он и на вас женится? Будем вместе жить счастливо и дружно, как подруги. Что за толк жить с соперницами, с которыми и слова-то не вымолвишь? И что вас всех стыд обуял, не пойму?“

А пока они все, привязанные сердцами к тебе, продолжали такой разговор, удалился я и поспешил сюда“. Выслушал Прахасту Сурьяпрабха, и до конца ночи не шел к нему сон.

Когда же наступило утро, он вместе с Сунитхой, Маем и министрами отправился повидаться с повелителем асуров Прахладой в его зал совета, а там Прахлада их ласково принял и сказал Сунитхе: „Отдаю я дочь свою Махаллику в жены Сурьяпрабхе. Любезен ты мне, а это знак моего гостеприимства“. Обрадовали Сунитху такие слова Прахлады. А после этого возвел Прахлада Сурьяпрабху на алтарь, украшенный колоннами, усыпанными

самоцветами, посередине которого пылал огонь, бесчисленно множившийся в каждом из камней, и отдал ему в жены Махаллику торжественно и пышно, как и подобает достоинству и чести царства асуров.

И дал он за ней в приданое подобные вершине горы Меру груды ценнейших лалов, жемчугов и прочие сокровища, которые захватил, одержав победу над богами. И тогда сказала ему Махаллика: „Отдай мне моих двенадцать подруг“. Ответил он ей на это: „Не я им, доченька, хозяин, а мой брат, он их в плен брал, так что не годится мне их отдавать“.

Когда же окончился день, а с ним свадебные торжества, вошли Сурьяпрабха с Махалликой в опочивальню, и начался праздник страстной любви, полный всяческих ласк и восторгов, и в этом прошла у них вся ночь.

Блеснуло утро, и в зале совета у Прахлады в присутствии всей его свиты и гостей Амила, верховный повелитель данавов, молвил: „Извольте пожаловать нынче вы и все, кто с вами, в гости ко мне. Буду чествовать я Сурьяпрабху, как гостя дорогого, и отдам ему в жены дочь мою Калавати, коли будет на это ваше доброе согласие“.

И все ответили согласием и в тот же час отправились во второй подземный мир, а впереди шли Сурьяпрабха и Май. Отдал Амила свою дочь в жены царевичу, успевшую саму себя отдать, и, совершив свадебный обряд, отведали дорогие гости всяческих угощений, и провел этот день Сурьяпрабха в радостях да усядах.

Наступил новый день, и царь асуров Дурароха также пригласил всех к себе в гости в пятое подземное царство и выдал за Сурьяпрабху свою дочь, звавшуюся Кумудавати, и в знак гостеприимства, подобно другим, богато одарил Сурьяпрабху, а затем царевич вместе со всеми провел день в пиру да в радостях, а когда ночь сошла на землю, то удалился он с Кумудавати в спальный покой и до утра наслаждался с ней, красавицей, которой нет подобной в трех мирах, ласковой и нежной.

Снова засверкало утро, и тогда Тантукаччха пригласил всех, кто был у Прахлады, пожаловать к нему во дворец, а стоял тот дворец в седьмом подземном мире. Там повелитель асуров выдал за Сурьяпрабху Мановати, дочь свою, отменно наряженную и украшенную всяческими драгоценностями, сверкавшими словно червопное золото. И провел там царевич день, преисполненный наслаждений, а ночь отдал Мановати, и была эта ночь полна счастья от ее юных ласк.

Наступил новый день, и тогда позвал всех к себе в гости в шестой подземный мир Сумая, властитель асуров, и, когда пришли они к нему, отдал он за Сурьяпрабху свою дочь Субхадру, тело которой было черным, как лиана дурба, и казалась она женским воплощением бога любви. С ней, смуглянкой, полной любовной страсти, луноликой, провел Сурьяпрабха тот день.

А когда он миновал и пришел ему на смену повый, царь Бали

позвал всех к себе в третий подземный мир и там отдал замуж за царевича Сурьяпрабху свою дочь Сундари, подобную молодому побегу или цветущей мадхави, и с ней, жемчужиной среди женщин, провел Сурьяпрабха день радостный, украшенный божественными наслаждениями.

И загорелось новое утро, и тогда сам Май привел царевича в четвертое подземное царство, где стоял его дворец, украшенный разноцветными камнями, выстроенный с помощью его волшебного мастерства, и, так как все в нем переливалось и блестело, мнилось, что дворец изменчив, как богиня счастья Лакшми, — каждый миг он казался новым. Там отдал Май в жены Сурьяпрабхе свою дочь, имя которой было Сумая — красота ее была чудом мира и словно воплощением волшебной силы ее отца. Хотя Сурьяпрабха родился среди людей, Май посчитал, что может выдать ее за царевича, и Сурьяпрабха был с нею радостен и счастлив. После этого с помощью волшебного знания обрел он множество обликов и стал жить со всеми дочерьми асуров, отданными ему в жены, а подлинно оставался только с самой любимой, с Махалликой, дочерью асуры Прахлады.

Однажды ночью, беседуя с ней, благородной, спросил у нее Сурьяпрабха: «Помнишь, милая, тогда ночью с тобой пришли две подружки. Где они теперь? Почему никогда не вижу я их?» — «Хорошо ты сделал, что напомнил о них. Таких подруг у меня не две, а двенадцать. Их похитил с небес мой дядя. Одну из них зовут Амритапрабхой, а другую Кешини, и обе они, украшенные счастливыми приметами, дочери мудреца Парваты. Третью зовут Калинди, четвертую — Бхадрака, а пятой имя Дарпакамала, и все они, прекрасноокие, дочери великого мудреца Девалы. Шестую называли Саудамини, а седьмой было дано имя Уджвала, они обе дочери гандхарвы Хахи. Восьмая из них Нивара, дочь гандхарвы Хуху, а девятой имя Анджаника, и она дочь могучего Калы, десятая же — Кешаравали, дочь ганы Пингалы, имя одиннадцатой, приходящейся дочерью Камбале, Малини, а двенадцатой — Мандаграмала, она дочь Васу. Родились все они от апсар, небесных дев, и все потом были приведены в первое подземное царство. Когда же меня выдавали замуж, то просила я, чтобы и их за тебя отдали замуж, чтобы никогда мне с ними не расставаться. Обещала я им это, так как люблю их, но отец сказал мне, что не может распорядиться их судьбой, ибо принадлежат они брату его, моему дяде».

Выслушав ее, несколько смущенный Сурьяпрабха проговорил: «Ты очень великодушна, милая. Разве могу я на такое пойти? Да и как это сделать?» И только произнес свои слова Сурьяпрабха, как, гневная, возразила ему Махаллика: «С другими царевнами ты даже при мне милуешься, а мои подружки тебе неуютны? Не могу я без них быть счастлива даже и одно мгновение». Так она его упрекнула, но Сурьяпрабха обрадовался и согласился сделать, как ей хотелось. Не медля ни минуты, повела она супру-

га в первый подземный мир и отдала царевичу в жены двенадцать своих подруг. Сурьяпрабха по очереди женился на всех них, начиная с Амритапрабхи, и счастливо провел с ними ночь. Когда же засверкало утро, то с позволения Махаллики велел он Прабхасе увести их в четвертый подземный мир и спрятать, и сам ходил туда, незримый, вместе с Махалликой.

Однажды пришел он к Прахладе в зал совета, и тогда повелитель асуров ему, Сунитхе и Маю сказал: «Следовало бы нам всем повидаться с царицами Дити и Дану». Все согласились и немедленно отправились из подземного царства на землю — впереди шли Май, Сунитха и Сурьяпрабха, а за ними по чину прочие асуры. Взошли они на воздушный корабль «Бхутасана», представлявший перед ними, как только о нем помыслили, и полетели в обители Капьяны, раскинувшуюся по отрогам горы Меру.

Об их прибытии сообщили Дити и Дану достойные мудрецы, жившие в обители, и тогда по очереди стали асуры подходить к великим матерям и низко кланялись им в ноги, и те смотрели на них благосклонно, целовали со слезами в головы и благословляли.

А Маю так сказали Дити и Дану: «Радостно нашим очам видеть сына твоего, дорогого Сунитху, вернувшимся к жизни. И тебя мы рады видеть, добродетели которого принесли такой плод. И сердцу нашему радостно, что Сумундика воплотился в образе Сурьяпрабхи, обладающего божественной красотой и необычайными способностями, которому суждено великое будущее, о чем говорят и добродетели его, и прочие достоинства. Радость наша столь велика, что не может удержаться в пределах нашего тела. Поднимитесь, сынки, и поспешите показаться благородному Праджапати — будет от этого вам успех во всех ваших делах, и слово его принесет вам благо».

Так повелели асурам царицы, и отправились те к Капьяне, и увидели Май и все прочие великого мудреца, сидящего в божественном ашраме. Словно чистое золото, сиял Капьяпа в блистательной обители богов, рыжие волосы его, уложенные жгутами в высокую пирамиду, нестерпимо сверкали. По очереди подходили асуры и их спутники к Капьяне, и он, благословив всех, довольный посещением, усадил их и сказал: «Очень радостно мне видеть вас, сынки. Ты, Май, средоточие волшебных знаний, не уклоняющийся от верного пути, достоин всяческой хвалы. А ты, Сунитха, — счастливец, ибо вновь обрел утраченную жизнь. Тебе же, добродетельный Сурьяпрабха, предназначено стать повелителем над жителями поднебесья. Всем вам следует идти стезей истины и поступать, как я скажу. Тогда достигнете вы наивысшего блаженства и полного счастья и никакой враг не одолеет вас так, как это случалось прежде. Ведь только свернув с пути веры, оказались вы жертвой метательного диска Вишну, одержавшего победу над Мурай.

Те асуры, Сунитха, которые пали в сражении с богами, стали

героями среди смертных. Вот брат твой Сумундика родился на земле Сурьяпрабхой. И грочие асуры, соратники твои, родились на земле в облике его друзей. Великий асура Шамбара родился в облике Прахасты, министра Сурьяпрабхи, а асура Триширас стал министром Мая Сиддхартхой; данава Витапи воплотился в министра Праджнядхью, данава Улука теперь родился его другом Шубханкарой, а нынешний друг его Витабхити был данавом Калой, врагом богов. Министр Сурьяпрабхи Бхаса был прежде дайтьем Вришапарвой, а Прабхаса — дайтьем Прабалой. Настолько Прабала был великодушен, что тело свое, состоявшее из всяческих драгоценностей, по просьбе богов, бывших его врагами, раздробил на множество частей, и от этого появились повсюду в мире самоцветы да жемчуга, алмазы да лалы. Так была рада этому богины Чандика, что благодаря ее милости обрел он новое тело и нынче воплотился в образе Прабхасы, могучего и непобедимого для его врагов. Храбрые данавы Сунд и Упасунд родились министрами царевича Сарвадашаной и Бхаянкарой, а асуры, звавшиеся Хаягривой и Викатакшей, воплотились в его министрах Стхирабуддхи и Махабуддхи, а другие стали тестями, свойственниками и министрами Сурьяпрабхи, и все они не раз одолевали Индру и прочих богов. Нынче сила ваша снова выросла, и, коли не сойдете вы с тропы справедливости, достигнете великого благополучия».

А к середине дня, пока наставлял асуров Кашьяпа, пришли туда, ожидая жертвоприношения, дочери Дакши во главе с Адити, и все они были женами Кашьяпы. И пока благословляли они Мая и прочих асуров и выполняли то, что поручил им на этот день супруг, прибыл туда повидать мудреца и сам Индра с локапалами, стерегущими восемь стран света. Поклонился Индра мудрецу, поклонился его женам, и приветствовали его Май и прочие асуры. Обратился тогда Индра к Маю, гневно глядя на Сурьяпрабху: «Не это ли и есть тот юнец, который собирается стать верховным повелителем видьядхаров? Что же довольствуется он такой малостью? Почему бы не замахнуться ему и на мой трон?» Возразил на это Май: «Тебе, повелитель богов, великий Шива назначил быть Индрой, а Сурьяпрабхе — управлять теми, кто живет в поднебесье».

Сердито рассмеялся Магхаван на такую речь Мая: «Наделенному столь счастливыми признаками трон повелителя видьядхаров — ничтожная награда». Ответил ему Май: «Конечно, если этого трона достоин Шруташарман, тогда Сурьяпрабхе надлежит стать Индрой». Разозленный речами Мая, вскочил Индра и замахнулся было на него ваджрой, но тут Кашьяпа предостерегающе и сердито хмыкнул. И тогда покраснели лица от гнева у Дити и всех прочих, и овладела ими ярость, и Индра, опасаясь подвергнуться проклятию великого мудреца, снова сел и опустил свое грозное оружие. И сидел, понутив голову, а потом пал царь над богами к стопам мудрого Кашьяпы, отца богов и асуров, окруженного женами, и, молитвенно сложив руки, стал упрашивать

его: «Господин мой, пожаловал я Шруташарману верховную власть над видьядхарами, а нынче Сурьяпрабха хочет у него ее похитить, а Май ему в этом всячески помогает».

Сказал ему тогда Праджапати, с которым сидели Дити и Дану: «Тебе, Магхаван, любезен Шруташарман, а Шиве — Сурьяпрабха. Хотя и не хотел я этого, но Шива еще раньше повелел Маю, что ему надлежит делать. Что же ты жалуешься на Мая? В чем его вина? Идет он дорогой справедливости, мудр и знающ, почтителен к наставникам, а тебя пламя моего гнева могло бы обратить в пепел. Разве не знаешь ты, что не можешь ему противодействовать?»

Так говорил мудрец в присутствии своих жен, а Индра стоял все это время, понурив голову от стыда и страха. И сказала тогда Адити: «Каков же Шруташарман? Следовало бы привести его да показать нам». Тотчас же повелел Индра возникшему своему Матали: «Немедля привести сюда Шруташармана, властителя видьядхаров». Когда же перед глазами жен Кашьяпы предстали с поклонами Шруташарман и Сурьяпрабха, спросили те мудрого супруга, кто кого превосходит красотой да счастливыми признаками. И ответил им Кашьяпа: «Не сравниться Шруташарману даже с Прабхасой, министром Сурьяпрабхи, куда уж ему до самого Сурьяпрабхи! Наделен Сурьяпрабха божественными знаками красоты и счастья, благодаря которым, если бы он захотел, даже трон Индры нетрудно получить». И все согласились с такой речью Кашьяпы. Тогда назначил мудрец награду Маю, и Индра слышал, как сказал он: «Потому, сынок, что, даже когда Индра взмахнул ваджрой, остался ты невозмутим, тело твое не будет подвергнуто ни старости, ни смерти. И будет оно крепко, как ваджра!

Высокодобродетельные Сунитха и Сурьяпрабха, столь похожие на тебя, вечно будут, как и ты, несразимыми для врагов. Мой сын Сувасакумара, как только вспомнишь о нем в несчастье или во мраке, поспешит тебе на помощь, подобный красотой серпу осеннего месяца». Когда же кончил Кашьяпа говорить, его жены, мудрецы и локапалы щедро одарили Мая и всех, кто был с ним. Тогда сказала Адити, обратившись к Индре: «Оставь козни свои, примиришься с Маем. Видел ты сегодня, как вознаграждается достойное поведение». При этих словах Индра взял Мая за руки и восхвалял его, а Шруташарман в присутствии Сурьяпрабхи был подобен бледному месяцу при ярком сиянии дня. Поклонился затем Индра, повелитель над богами, мудрому Кашьяпе и ушел, с чем и пришел, сопровождаемый хранителями мира, а вслед за ним, испросив позволение у лучшего из мудрецов, ушли из обители Кашьяпы Май и все прочие асуры, стремясь к успеху назначенного им дела.

Удалились Май и Сунитха с Сурьяпрабхой из обители Кашьяпы, и добрались они вместе со своими спутниками снова до места слияния Чандрабхаги и Айравати, где ожидали царевича его тести-цари, друзья и свойственники. Когда увидели они Сурьяпрабху, то так горько зарыдали, как будто готовились встретить смерть. Думая, что горе их объясняется тем, что не узрели они Чандрапрабху, Сурьяпрабха поведал им, что и как было, но когда и это не помогло и они продолжали заливаться слезами, спросил он о причине такого горя. И тогда-то рассказали они ему вот что: «Всех твоих жен похитил Шруташарман, и от этого неизмеримо наше горе — готовы мы были распростиаться с нашими телами». И поведали ему о том, что, когда похищение случилось, с небес раздался голос, воспретивший им так поступить.

Твердое решение принял Сурьяпрабха и поклялся: «Даже если сам Брахма и прочие боги станут его защищать, все равно примерно накажу я этого безродного, обманом похищать чужих жен отменного мастера». И собрался он, дав такую клятву, в поход, чтобы одолеть своего врага, и по совету звездочетов назначил выступить на седьмой день. Узнав о его непреклонном решении сокрушить Шруташармана и о том, что все уже для похода готово, сказал ему Май: «Раз уж ты и в самом деле собрался в поход на Шруташармана, то вот что тебе надобно знать: это я волшебным образом похитил твоих жен и скрыл в Патале, чтобы испытать, готов ли ты будешь к битве. Ведь огонь разъяряется, когда дует ветер. Пойдем спустимся в Паталу, и я покажу тебе твоих жен».

При этих словах Мая все возрадовались и снова пошли через ту же пещеру, которой и прежде ходили, и вслед за Маем спустились в четвертый подземный мир. Когда же они добрались туда, вывел Май из какого-то дворца Маданасену и других жен Сурьяпрабхи и передал их мужу, а после этого посоветовал Май царевичу с ними и с дочерьми асуров навестить Прахладу, и царевич пошел к нему.

Узнав от Мая о даре Кашьяпы Сурьяпрабхе, Прахлада, желая узнать, насколько царевич готов к борьбе, притворно разгневался: «Слышал я, что ты, злодей, похитил двенадцать дев, которых мой брат пленил. Убью тебя за это!» Молвил тогда Сурьяпрабха, несколько не изменившись в лице: «Тело мое в твоей власти. Накажи меня за мою неправедность!» Выслушав царевича, улыбнулся Прахлада: «Испытывал я тебя, нет в тебе и капли высокомерия. Порадовал ты меня, и выбери себе награду». Тогда попросил Сурьяпрабха себе в награду преданность и верность наставникам и Шиве. Всем этим обрадованный, отдал Прахлада в жены царевичу свою вторую дочь, звавшуюся Ямини, и отдал в помощь ему двух своих сыновей, и тогда отправился Сурьяпрабха вместе со всеми к Амиле. А тот, узнав о полученной царевичем награде, тоже выдал за него свою вторую дочь, звавшуюся Сукхавати, и

двух своих сыновей отдал в помощники. Все повелители асуров воздавали ему почести и оказывали помощь, и провел Сурьяпрабха со своими женами в Патале, мире подземном, многие дни. Узнал царевич, а вместе с ним Май и прочие, что у жены и три жены Сунитхи понесли под сердцем. И когда спросил он у них, чего им хочется, все сказали одно и то же: хотят они видеть великую битву. Обрадовался этому асура Май: «Говорит их желание о том, что снова воскреснут асуры, сраженные в битве богов и данавов».

Миновало шесть дней, а на седьмой все во главе с Сурьяпрабхой, сопровождаемые женами, покинули подземный мир и по пути преодолевали западни, расставляемые врагами, и в этом помогал асурам Сувасакумара, являвшийся всякий раз, как только о нем вспоминали. А затем после помазания на царство над землей Ратнапрабхи, сына Чандрапрабхи, все взошли на воздушный корабль «Бхутасана» и отправились по совету Мая во владения повелителя видьядхаров Сумеру, в обитель, расположенную на восточном берегу Ганги. Там их, пришедших как друзей, приветствовал Сумеру, и Май рассказал ему обо всем, что до этого было, и напомнил о прежнем повелении Шивы. Пока они там оставались, каждый из них созвал свое войско, и друзей своих, и свойственников. И первыми явились сыновья тестей Сурьяпрабхи. Научились царевичи от Мая всем волшебным знаниям. Всех их с Харибхатой и прочими было шестнадцать, и с каждым из них было по десять тысяч колесниц и по двадцать тысяч пеших воинов. А затем пришли зятья и шурины, свойственники и друзья, данавы Хриштароман, Махамая, Синхаданштра, Пракампана, Тантукаччха, Дурароха, Сумая, Ваджрапанджара, Дхумакету, Праматхана, Викатакша, и пришли даже многие из самого низшего, седьмого царства подземного. У кого было по семьдесят тысяч колесниц, у кого — по восемьдесят тысяч, а у кого — по шестьдесят или тридцать тысяч, а у самого слабого было всего десять тысяч. А пеших воинов у одних было по триста тысяч, у других — двести тысяч, а у кого и по сто тысяч, а у самого слабого — не менее пятидесяти тысяч. И с каждым пришло неисчислимое множество слонов и коней; Май же и Сунитха привели самую большую силу. Собрали свои войска и Сумеру, и другие вожди видьядхаров.

Когда же все собрались, то подумал Май о мудром Сувасакумаре, и он тотчас же явился. И тогда Май, Сурьяпрабха и все прочие спросили у него: «Почитаемый, не обозреть нам разбросанные повсюду войска. Скажи нам, откуда мы могли бы увидеть их все сразу?» А тот, мудрый, ответил на это так: «В одной йоджане отсюда есть место, которое называется Калапаграма, — оттуда сможете видеть их». После его слов все они с Сумеру пошли туда и увидели каждую армию и каждой армии асуров и царей назначили свое место.

Сказал тогда Сумеру: «Велика сила Шруташармана. Под ним сто и один царь, а у каждого царя по тридцать два князя, по кое-

кого из них постараюсь я привлечь на нашу сторону. Завтра утром пойдем мы на место, которое зовется Вальмика, а утро завтрашнего дня будет восьмым утром темной половины месяца пхальгуна и будет нам благоприятствовать, ибо именно тогда проявятся признаки повелителя над видьядхарами и обязательно соберутся здесь все видьядхары». И, следуя словам Сумеру, целый день приводили они в порядок войска, а на заре двинулись все с пехотой и колесницами в Вальмику и там на южном склоне горы Снега увидели собравшихся предводителей видьядхаров с их превеликими и громкошумными силами.

Видьядхары разводили жертвенные костры, приносили жертвы и бормотали заклинания. Затем и Сурьяпрабха разложил громадный костер, чтобы принести жертву богам огня, и благодаря волшебной силе, которой обладал царевич, огонь вспыхнул сам собой. При виде этого разгорелась радость Сумеру, а у видьядхаров распалилась ярость, и один из них сказал ему: «Тьфу на тебя, Сумеру! Унизил ты и пограл видьядхарское достоинство. Как это якшаешься ты со смертным, что зовется Сурьяпрабхой!» Гневную отповедь дал таким словам Сумеру, а Сурьяпрабхе на его вопрос об имени грубиян ответил: «Есть такой видьядхара Бхима, и у его жены, с которой сошелся сам Брахма, родился вот этот наглец. А раз он тайно от Брахмы был рожден, то и зовется он Брахмагуптой, что значит Скрытый от Брахмы. Потому и ведет он такие недостойные речи».

А после того развел Сумеру свой костер, и вместе с ним Сурьяпрабха совершил жертву огню возлиянием масла, и, лишь вспыхнуло масло, разверзлась земля и из ее расселины внезапно показался громадный и преужасный змей. Кинулся заносчивый Брахмагупта, оскорбитель Сумеру, чтобы схватить того змея, да как изрыгнул змей из пасти своей зловоние, так Брахмагупту, будто сухой лист, отбросило на сто локтей. Бросился тогда на змея повелитель видьядхаров Теджапрабха, но и его постигла такая же участь. Душтадамана, видьядхарский царь, укротивший всех своих врагов, попытался справиться со змеем, но и он силой вырывавшегося из пасти змея дыхания был сметен, словно опавший лист. Вызвался змея одолеть повелитель несущихся в поднебесье Вирупашакти, но и его унесло, как былинку. Накинулись было на змея два видьядхарских вождя, Ангарака и Джрибхака, да и их забросило невесть куда. Все по очереди повелители видьядхаров пробовали справиться со змеем, но всех отбрасывало далеко его дыхание, и, когда подымались они, тела их были испараны и поранены. Наконец решил попытать счастья сам чванливый Шруташарман, но и его отшвырнул далеко в сторону,дохнув на него, змей, а когда, поднявшись, снова кинулся он на змея, так отлетел еще дальше. Когда же израненный Шруташарман поднялся с земли, Сумеру послал на змея Сурьяпрабху.

«Смотрите-ка,— хохотали видьядхары,— и этот смертный собирается управиться со змеем! Ох, и глупы же люди! Как обезьяны,

пытаются они подражать тому, кто что-нибудь делает!» Буйно измывались вожди видьядхаров над Сурьяпрабхой, но он, не обращая внимания на их насмешки и крепко сжав губы, пошел и вытащил змея из норы. В тот же миг обратился змей в колчан, полный стрел, на голову Сурьяпрабхи пролился цветочный дождь, а с небес раздался голос, наставлявший царевича: «Возьми, царевич, этот неистощимый колчан — он залог твоего успеха. Владей же им!» Пристыжены были видьядхары, а Сурьяпрабха взял колчан, и от этого возрадовались Май, Сунитха и Сумеру.

Удалился Шруташарман и все его видьядхары с боевыми дружинами, но явился к Сурьяпрабхе посол от него и повел такую речь: «Повелевает тебе великий властитель Шруташарман, чтобы ты, если дорожишь своей жизнью, отдал этот колчан ему!» Отвечал ему Сурьяпрабха: «Ступай, посол, передай, что его собственное тело станет колчаном для моих стрел». Выслушал эти слова и понурил голову посол и отправился к своему повелителю, и все смеялись над заносчивым посланием Шруташармана.

На радостях Сумеру обнял Сурьяпрабху: «Верно, исполняется веление могучего Шамбху. В этом сокровище среди колчанов залог твоей победы, и быть тебе верховным повелителем над видьядхарами. Теперь ступай и добудь себе лучший из луков и ни о чем не тревожься!»

Вняв совету, который дал ему Сумеру, Сурьяпрабха поспешил вслед за ним на гору Снежный Пик, на северном склоне которой лежит озеро Манаса — первая проба творца в создании океана. Колышутся на нем от порывов ветра золотистые лотосы, подобные лицам божественных дев, резвящихся в воде. Пока любовались красотой озера Сурьяпрабха и пришедшие с ним, явился туда и Шруташарман со всей своей челядью. Тогда свершил Сурьяпрабха жертву маслом и лотосами, и в тот же миг поднялась из озера страшная туча, и охватила она все небо и пролила яростный ливень, и из середины тучи ударил в землю черный змей. И тогда Сумеру сказал Сурьяпрабхе слово, и царевич вскочил и решительно схватил змея, и обратился тот змей в его руках в лук. И только это случилось, как еще одип змей ударил в землю, и видьядхары все до одного отпрыгнули, опасаясь яда и огня, изрыгаемого им, а Сурьяпрабха схватил его так же решительно, как и первого, и обратился второй змей в тетиву для лука, и тотчас же облако рассеялось. «Сурьяпрабха, — пророкотал голос с небес, — это лук несравненной силы, Амитабала, залог твоего успеха, и тетива на нем такая, что никто перебить ее не может. Владей ими!» После этих слов на Сурьяпрабху просыпался дождь из цветов, и царевич крепко сжал в руке это сокровище среди луков с тетивой неперебиваемой. Удрученный этим, Шруташарман со своими спутниками удалился в места для подвижничества, а Сурьяпрабха, Май и все прочие обрадовались.

Спросили они у Сумеру, откуда взялся такой лук, и вот что он поведал. «Есть здесь дремучий волшебный бамбуковый лес, и ког-

да срубают в нем стволы бамбука и бросают их в воды озера Манаса, обращаются они в могучие, божественной силы луки. С давних пор владели этими луками до тебя, Сурьяпрабха, боги, асуры, гахдхарвы и видьядхары и достигали успеха. Разные имена даются лукам, но те из них, которые достаются повелителям, зовутся Амитабала. В незапамятные времена боги спрятали их в озеро. Только те, кто совершает добрые дела, пройдя через трудные испытания, могут добыть их, да еще кому самими богами предначертано стать повелителями видьядхаров. Вот сегодня и достался Сурьяпрабхе могучий лук, залог его успеха, и все его соратники добудут себе такие же — раз эти герои сумели постигнуть волшебные знания, то и они достойны подобных луков».

Выслушав рассказ Сумеру, министры Сурьяпрабхи во главе с Прабхасой пошли в тот бамбуковый лес и, одолев охранявшего его раджу Чандаданду, унесли много бамбуковых стволов и бросили их в озеро. Добродетельные, остались они на берегу озера, читали молитвы и приносили жертвы, а на седьмой день получили могучие луки.

Когда же, раздобыв луки, рассказали они обо всем Сурьяпрабхе, пошел царевич в обитель, где жил тогда Сумеру, и тот сказал ему: «Одолели твои друзья повелителя бамбукового леса Чандаданду. Но удивительно это — ведь он же непобедим! А непобедим потому, что владеет волшебным знанием „мохини“, при помощи которого всякого может околдовать. Видно, приберегает он это знание для главного своего врага, потому и не применил его против твоих соратников. Только однажды можно его употребить, а не многократно. Случилось так, что попытался он испытать „мохини“ на своем наставнике, и тогда наложил наставник проклятие на это знание — только раз можно его использовать. Следует поостеречься его, ибо силу знания не преодолеешь. Но об этом следует спросить достойного Мая. Что могу сказать я, когда он здесь присутствует? Что свеча перед солнцем?» Так сказал Сумеру Сурьяпрабхе. И тогда заговорил Май: «Верно молвил Сумеру. Слушай, расскажу я коротко, в чем дело. Из неразвитой материи возникают в этом мире различные энергии и силы. Силой дыхания производится звук и, обращаясь в придыхания сутью знаний, становится высшей сущностью. Владение же ею, достигнутое либо через постижение заклятий, либо подвижничеством по велению сиддха, либо по благоволению сиддхов, ничем не может быть отторгнуто. Ты, сынок, одолел многие науки и приобщился к сонму сиддхов, но в двух науках еще не преуспел — в „мохини“ и „паривартини“. Знает их Яджнявалкья. Ступай и попроси его, чтобы он тебя им обучил».

Отправился Сурьяпрабха к Яджнявалкье, а тот заставил царевича семь дней провести в яме со змеями, а после этого еще три дня в огне, и те семь дней, проведенные со змеями, дали ему науку «мохини», а три дня огненного испытания — науку «паривартини». После того как был царевич наделен знанием этих двух

паук, велел ему мудрец снова войти в огонь, и Сурьяпрабха сказал: «Так тому и быть!» — и сделал как велено. И в тот же миг он оказался обладателем воздушного корабля «Махападма», что значит «Большой лотос», и двигался тот корабль в пространстве небесном, куда хозяин захочет. Было на нем сто и восемь крыльев и столько же покоев, и был он искусно украшен драгоценными камнями разного цвета и формы. И раздался тут голос с неба: «Достался тебе воздушный корабль верховного повелителя видьядхаров. В каждый покой ты помести по жене так, чтобы были они в безопасности от врагов». Так возвестила ему Сарасвати.

Тогда обратился царевич к наставнику Яджнявалкье: «Скажи, мудрый, чем могу я тебя вознаградить?» — «Когда настанет время твоего помазания, — отвечал ему Яджнявалкья, — вспомни обо мне. А сейчас поспеши к своему войску». Поклонился мудрецу царевич, и взшел на корабль, и полетел к своему войску, стоявшему в обители Сумеру, а там поведал обо всем Сунитхе и Сумеру, и Май и прочие поздравили его с тем, что он овладел знаниями и воздушным кораблем. Вспомнил после этого Сумеру о Сувасакумаре, и тот явился и сказал Маю и всем прочим: «Получил Сурьяпрабха мудрость, волшебные знания и воздушный корабль. Что ж теперь стоите вы в нерешительности, не идете на врага, чтобы одолеть его?»

На этот совет почтенного ответил Май: «Но ведь прежде следовало бы направить посла и дать действовать слову и разуму». Молвил в ответ на речь асуры Мая сын мудреца: «Пусть будет так! Какой от этого вред? Почему бы не отправиться послом Прахасте? Он представитель, красноречив, знает всякие пути и средства, время и уместность действия, обладает твердостью и терпением. Словом, присущи ему все качества, необходимые послу». Уважили его слова, и снарядили Прахасту в посольство к Шруташарману, и дали послание для него.

Когда же ушел он, говорит Сурьяпрабха всем свойственникам: «Послушайте, какой дивный и вещий сон мне приснился. Уже ночь была на исходе, как вижу я, что влечет нас всех бурный поток, и он нас уносит, а мы пляшем на нем, но не тонем. Потом противный ветер изменил направление потока, и в этот самый миг некий муж, окруженный ярко сияющим ореолом, схватил нас и бросил в огонь, но остались мы невредимы. Тогда появилась туча, заполнившая все страны света и источавшая кровь, и ночь кончилась, а с нею и мой сон».

Суваса растолковал ему привидевшееся таким образом: «Вещает твой сон, что успеха достигнешь тяжким трудом; бурный поток — сражение, а то, что ты в нем не потонул, а танцевал, — знак твоей доблести; ветер означает, что есть у тебя мощный покровитель, а тот муж в сверкающем ореоле — сам Шанкара. То, что в огне ты не сгорел, значит, выйдешь из битвы невредимым. Туча же, простершаяся на все небо, означает страх, а то, что из тучи выпал кровавый дождь, — того страха исчезновение, а то,

что все страны света окрасились кровью, предвещает тебе великий успех.

Есть разные виды снов, и различаются они по смыслу на сны, которые полны фантазии, правдивые и ложные. Те, что сразу сбываются, зовутся иносказательными, а те, в которых содержится повеление благосклонного божества, зовутся правдивыми, те же, которые происходят от глубоких переживаний и семейных чувств, зовутся ложными. Живое существо с душой, омраченной и отвращенной от внешних дел, видит по тем или иным причинам сновидение. Сбудется сон или не сбудется, зависит от времени. Сны, приходящие в конце ночи, приносят быстрые плоды». Выслушав от сына мудреца это объяснение и потому утешенные, поднялись Сурьяпрабха и прочие и занялись делами дня.

А тем временем Прахаста вернулся от Шруташармана и, когда спросили его Май и другие, рассказал он обо всем, как было. «Отправившись отсюда, быстро достиг я города Трикутапатаки, словно из золота выстроенного, стоящего на вершине Трикуты. Вступив туда, был я представлен глашатаем и увидел Шруташармана, окруженного вождами видьядхаров,— стояли среди них отец его Трикутасена, богатыри Викрамашакти, Дхурандхара, Дамодара и прочие. Приблизившись, сказал я Шруташарману: „Послан я к тебе достойным Сурьяпрабхой, и вот что велел он тебе передать: „По милости Долгокосого обрел я знания волшебные, сокровища несметные, жен красы небывалой и верных союзников. Присоединяйся ко мне со своей дружиной и со всеми вождями над мчащимися в поднебесье. Я — сокрушитель всех противящихся, я — покровитель всех покорных. Стало нам ведомо, что похитил ты дочь Сунитхи, сокровище страсти, Камачудамани. Отпусти ее, ибо недостойное это дело“». И только сказал я это, как закричали в гнев все, кто был там: „Кто он, тот, кто так заносчиво шлет нам повеления? Пусть повелевает себе смертными! Что он среди видьядхаров? Ничтожный человечешко, погубит его заносчивость!“ Наслушался я этого и сказал: „Оставьте крики свои — кто он да что он? Сам Хара предназначил ему быть над вами, видьядхарами, верховным повелителем. Хотя он и смертный, но и смертные достигают божественного состояния. Разве не убедились вы в его доблести? Когда же сам он сюда явится, увидим мы, кому погибель станет уделом“.

И только сказал я это, как закричали в гнев все, кто был там: „Кто он, тот, кто так заносчиво шлет нам повеления? Пусть повелевает себе смертными! Что он среди видьядхаров? Ничтожный человечешко, погубит его заносчивость!“ Наслушался я этого и сказал: „Оставьте крики свои — кто он да что он? Сам Хара предназначил ему быть над вами, видьядхарами, верховным повелителем. Хотя он и смертный, но и смертные достигают божественного состояния. Разве не убедились вы в его доблести? Когда же сам он сюда явится, увидим мы, кому погибель станет уделом“.

Тогда словно взбесились все, а Шруташарман и Дхурандхара бросились на меня, чтобы убить. Я же сказал им обоим: „Это-то и есть ваше геройство“. Но тут поднялся Дамодара и остановил обоих словами: „Остановитесь! Ведь он не только посол, но и брахман, и нельзя его убивать“. Обратился ко мне тогда Викрамашакти с такой речью: „Ступай, о посол, к своему повелителю! Он, как и мы все, создан Ишварой. Пусть приходит сюда, а уж мы посмотрим, сумеем ли гостя принять“. На эти его чванливые слова рассмеялся я да и ответил ему: „Беззаботно гогочут среди

лотосов гуси, пока не заметят, что небо затянули тучи". Сказав же так, поднялся я и, с презрением уйти оттуда, поспешил сюда». Май и все остальные выразили удовлетворение по поводу того, что сообщил Прахаста.

Решив начать приготовления к войне, Сурьяпрабха и прочие согласились поставить начальником над войсками Прабхасу, яростного в битве, а тот день провели в военных упражнениях, наставляемые Сувасакумарой, твердые в принятых решениях.

Когда же настала почь и Сурьяпрабха лежал в опочивальне, не зная сна, увидел он, как проникла к нему в покой девушка необыкновенной красоты. Она подошла к притворившемуся спящим Сурьяпрабхе, лежавшему среди спавших министров, и сказала пришедшей с ней подруге: «Если, подружка, так велика красота его, когда он спит, то какова же она должна быть у него бодрствующего! Но не надо будить его. Удовлетворила я любопытство своих очей. Зачем мне еще больше привязываться к нему сердцем? Предстоит ему битва с Шруташарманом, и кто скажет, кому и что в ней грозит?! На празднике войны в жертву идут жизни героев. Так пусть сопутствует ему удача, а мы об этом узнаем потом. Он, странствующий в поднебесье, видел саму Камачудамани — разве могу я обрадовать его сердце?!» На эти слова ответила ей подруга: «Зачем ты, подружка, так говоришь?! Разве сердце твое не привязано к нему? Разве он, радостный, похитивший сердце Камачудамани, не может похитить сердце другой, будь она даже сама воплощенная Арундхати? И разве не известно тебе, что благодаря своему знанию он победу одержит? А как станет повелителем над видьядхарами, его женами, говорят мудрые, станете ты, Камачудамани и Супрабха, потому что все вы одной готры, одного роду-племени. Так как же может он быть неудачлив в бою? Или речи мудрых лживы? И разве не способна ты завоевать сердце того, чье сердце пленено Супрабхой? Ты превосходишь ее своей безупречной красотой. А коли за свою родню тревожишься, то знай, что для добродетельных женщин муж, а не родичи дороже всего на свете».

На такую речь подруги ответила лучшая из девушек: «Верно ты, благородная, сказала. И что за дело мне до родни и свойственников? Ведомо мне, что ему достанется победа благодаря его знаниям. Обрел он камни драгоценные, но тревожно сердцу моему, ибо нет у любимого мною трав целебных. А все те травы сокрыты в глубокой пещере, что на горе Чандрападе, и достанутся они только верховному повелителю, наделенному добродетелями. Вот если бы пошел он туда и взял бы эти целебные травы, было бы хорошо. Ведь завтра грянет битва великая». И тогда при этих словах отбросил Сурьяпрабха притворный сон, вскочил и с почтением обратился к девушке: «Ты, милоглазая, показала, что на моей стороне стоишь, и готов я туда, на ту гору, пойти. Но откройся мне, кто ты?» Выслушала девушка эти слова и устыдилась при мысли, что все-то он слышал, и тогда заговорила ее подруж-

ка: «Это дочь Сумеру, вождя видьядхаров, и зовут ее Виласини, и очень хотелось ей на тебя посмотреть». А пока подружка так говорила, Виласини твердила ей: «Идем, идем отсюда!» И они ушли.

Сурьяпрабха поспешил разбудить Прабхасу и других и все рассказал своим министрам о целебных травах, про которые услышал от Виласини. Послал он Прахасту сообщить об этом Сунитхе, Сумеру и Маю. И когда пришли они и согласились идти за травами, Сурьяпрабха с ними и с министрами отправился на гору Чандрападу. А пока шли они, то старались увести их с дороги якши, гухьяки и кумбханды, вооруженные всяким оружием, но, кого оружием, кого обманом, а кого колдовством усмирив, добрались Сурьяпрабха и прочие до горы Чандрапады. Когда же приблизились они к входу в пещеру, стали на их пути ганы, слуги Шивы, принимая разные обличья и строя гримасы. И тогда молвил Сувасакумара, обратившись к Сурьяпрабхе и всем, кто был с ним, с такими словами: «Не следует с ними драться и раздражать их. Лучше восхвалим Шиву, подателя благ, тысячью и восемью его именами, и благодаря этому смиростивятся ганы». Все с этим согласились, и сказали: «Так тому и быть!» — и стали славить Хару. И тогда, обрадованные хвалой их повелителю, закричали ганы: «Открыта вам дорога в пещеру, забирайте травы целебные. Но только пусть не Сурьяпрабха войдет в пещеру, а Прабхаса — ему легче будет». Все согласились с советом ганов и сказали: «Так тому и быть!»

И тогда приблизился Прабхаса к пещере и встал у входа, и она, бывшая до того логовом мрака, внезапно озарилась потоком света, и тотчас поднялись четыре отвратительного обличья ракшаса, бывшие там слугами, и склонились в поклоне перед ним, и сказали: «Войди!» Вошел Прабхаса в пещеру и собрал семь божественных целебных трав, а выйдя оттуда, все их отдал Сурьяпрабхе. Тогда разнесся в поднебесье голос: «Великой силой целебной, царевич, обладают травы, доставшиеся тебе сегодня». Обрадовались этим словам и Сурьяпрабха и другие, пришедшие с ним, и поспешили к своему войску, остававшемуся в столице Сумеру. И тогда спросил Сунитха у Сувасакумары: «Скажи, мудрый, почему так случилось, что Сурьяпрабха был остановлен ганами, а войти было дано одному Прабхасе? И почему только Прабхасу почтили слуги?»

И когда выслушал вопрос Сувасакумара и все приготовились услышать его ответ, он так сказал: «Внимайте, поведаю я вам об этом. Хотя Прабхаса для Сурьяпрабхи и наивысший благодетель, но нет между ними разницы, ибо Прабхаса для царевича второе „я“. Никто не сравнится с Прабхасой в геройстве и мужестве: эта пещера досталась ему в награду за добрые дела в прежнем рождении. А каким был он в прежнем рождении, про то я вам все расскажу.

О щедром Намучи

Жил в давние времена превосходнейший из данавов, и имя ему было Намучи, и прославился он тем, что был щедр и храбр и, даже когда злой недруг просил, никогда просящему не отказывал. В течение десяти тысяч лет дышал он только дымом, и Брахма за такой подвиг пожаловал ему в награду неуязвимость от железного, каменного и деревянного оружия. Не раз одолевал Намучи в бою самого Индру и обращал его в бегство, и только по просьбе самого мудреца Кашьяпы замирился он с богами.

Вот пошли однажды боги и асуры, утомившиеся от взаимной вражды и достигшие согласия, к океану, хранящему в глубине своих вод сокровища, и стали взбаламучивать его горой Мандарой. И досталась Вишну лотосоподобная Лакшми, а Намучи — конь Уччайшравас, прочим же богам и асурам — по сокровищу из добытых ими в океане, которые Брахма указал. Когда же в конце пахтанья была извлечена сладостная амрита, то боги похитили ее, и из-за этого снова вспыхнула вражда между ними и асурами.

Разразилась между богами и асурами жестокая битва, и, как только случалось, что асура падал, сраженный, тотчас же мчался к нему Уччайшравас, обнюхивал его, и тот вставал живой и невредимый. Поняли тогда боги, что не одолеть им дайтеев и данавов.

И сказал Брихаспати по секрету предводителю богов Индре, поверженному в отчаяние: „Есть у тебя только один способ помочь этому делу, ты примени его немедленно. Пойди сам к Намучи и попроси его подарить тебе этого лучшего из коней. Хоть и враг он тебе, а не отдать коня не сможет — не может он разрушить славу своей щедрости, присущей ему от самого рождения“. С таким наставлением учителя богов пошел великий Индра вместе со всеми небожителями к Намучи и попросил того отдать коня славного Уччайшраваса. Задумался щедрый Намучи: „Никогда не уходил от меня просящий, не получив желаемого, а нынче сам Индра явился. Не могу я не отдать ему коня — ведь я Намучи! Прославлен я издавна во всех мирах щедростью, и если утаснет эта слава, то что за радость мне в жизни?“

После таких размышлений отдал он Индре коня Уччайшраваса, хотя Шукра и пытался удержать его от этого шага. И тогда Индра, убийца Вритры, получив чудесного коня и зная, что нельзя сразить Намучи никаким оружием, одел свою ваджру пеной Ганги и только так сумел погубить его. Увы! Пагубна жажда наслаждений, даже богов уводящая на путь бесславия и позора! Когда же узнала о гибели сына Дану, мать Намучи, то силой подвижничества смирila она скорбь свою и, чтобы утишить горе, твердо решила: „Пусть возродится в моем чреве могучий Намучи, и пусть будет он неодолим в бою с богами“.

И снова родила она славного асуру, тело которого состояло из

камней драгоценных, и звали его Прабала, то есть Отменно Сильный, ибо был наделен он силой несравненной. И совершал он многие подвиги и радовал просящих, даже если бы просили его жизнь, и сто раз Прабала, вождь данавов, одолевал в бою Индру. Сговорились боги, пошли к нему и попросили: „Дай нам тело твое — нужно нам принести человека в жертву!“ Выслушал Прабала их просьбу и отдал богам свое тело, хотя были они его врагами, — благородные отдают просящим свою жизнь, но не обижают их.

И тогда боги раздробили тело данавы Прабалы, но теперь он родился среди людей в облике Прабхасы. Так же как прежде Намучи и Прабала, Прабхаса благодаря своей добродетели был неуязвим для врагов. Вот эта пещера, полная целебных трав, принадлежала Прабале, и именно поэтому так легко Прабхаса вошел в нее и слуги явили ему покорность. А под этой пещерой в Патале стоит дворец Прабалы, где живут его двенадцать главных жен, и все они в дивных украшениях да в нарядах, и хранятся там жемчуга да алмазы, и множество разнообразного оружия, и камень, исполняющий желания, и сто тысяч бойцов, да столько же боевых коней. И все это нынче Прабхасе принадлежит, потому что было собрано им в бытность Прабалой. Таков Прабхаса. И никто с ним не сравнится!“ Выслушали рассказ Суvasакумары Сурьяпрабха и другие и пошли вместе с Маем и Прабхасой к этой пещере, которая вела в Паталу, ко двору Прабалы, чтобы драгоценные камни и все прочее забрать, и, войдя туда, Прабхаса забрал прежних своих жен, камень, исполняющий желания, и легконогих коней, и воинов-асуров. И все-все, что взял, он подарил Сурьяпрабхе, желая хоть чем-нибудь доставить ему удовольствие.

Затем Сурьяпрабха с Маем и Сунитхой, с Прабхасой и Сумеру и всеми другими, с царями и министрами поспешил вернуться к своему войску. Когда же прибыли они в лагерь, разошлись вожди асуров и людей каждый в свой шатер и Сурьяпрабха растянулся на ложе из травы куша в думах о предстоящем сражении.

ВОЛНА СОРОК СЕДЬМАЯ

Когда наступило утро, Сурьяпрабха со своими дружинами выступил из обители Сумеру, чтобы разбить Шруташармана, и, достигнув горы Трикута, стоявшей неподалеку от лагеря врага, силами своими потеснил его воинство. Пока разбивался на том месте лагерь, к Сурьяпрабхе, совещавшемуся с Сумеру, Маем и другими вождями, прибыл посол от властителя Трикуты. Явившись перед ними, он сказал, обратившись к Сумеру, повелителю мчащихся в поднебесье: «Отец Шруташармана повелел передать тебе: „Далеко вы живете, и не было у нас случая попотчевать вас как следует. Нынче вы пожаловали в наши края со многими другими гостями, так мы теперь устроим достойное вас угощение, окажем гостеприимство“».

Выслушал Сумеру послание врага да и ответил послу: „Отменено сказано! Не получить тебе лучших гостей, чем мы. Не на том свете плод гостеприимства созреет для тебя, а на этой земле! Что ж, вот мы здесь. Так принимайте гостей!“ С теми словами и ушел посол к своему господину.

Вот Сурьяпрабха со всеми прочими взошел на возвышенное место, желая осмотреть дружины свои, поставленные каждая отдельно. И спросил тогда Сунитха отца своего, асуру Мая: „Скажи нам, как стоят наши дружины, какое есть у них оружие и чем они могут биться?“ — „Хорошо, — сказал всезнающий повелитель данавов, — я отвечу“. И стал рассказывать, показывая пальцем: „Вот стоят Субаху, Ниргхата, Муштика и Гохара, а также Праламба, Праматха, Канката, Пингала, Васудатта и прочие, каждому из которых на колеснице нужен помощник. Дальше видны Анкурин, Сувишала, Дандин, Бхушана, Сомила, Унматтака, Девишарман, Питришарман, Кумарака, Харидатта и прочие, которым на колеснице не нужен помощник. Пракампана, Даршита, Кумбхира, Матрипалита, Махабхата, Сограбхата, Вирасвамин, Сурадхара, Бхандира, Синхадатта, Гунаварман, Китака, Бхима, Бхаянкара — всяк из них на колеснице сражается за двоих. Дальше стоят Вирочана, Вирасена, Яджасена, Кхудджара, Индраварман, Шабарака, Крураварман, Нирасака — каждый из них стоит трех бойцов. Вот Сумарман, Бахушали, Вишакха, Кродхана, Прачанда, стоящие каждый четырех бойцов. А вот царевичи Джунджарин, Вираварман, Правиравара, Супратиджня, Марарама, Чандадатта, Дханика и трое братьев — Синхабхата, Вьягхрабхата, Шатрубхата, и каждый из них способен сражаться за пятерых, а царевич Уграварман так и за шестерых. Вишакха, Сутанту, Сугама и Нарендрашарман могут биться за семерых. Вот царевич Сахасраю с мощной боевой колесницей, а вон и царь Шатаника стоит во главе своих бесчисленных могучих и прочных колесниц. Здесь стоят сверстники Сурьяпрабхи — Субхаса, Харша, Махабуддхи и Ачалабуддхи, Приянкара и Шубханкара и предводители сильных отрядов колесниц Яджняручи и Дхармаручи, а также Вишваручи, Бхаса и Сиддхартха — министры Сурьяпрабхи, командующие над многими множествами боевых колесниц: Прахаста и Махартха, Праджнядхья и Стхирабуддхи. Вон данава Сарвадамана и рядом с ним Праматхана, Дхумакету, Правахана, Ваджрапанджара, Калачакра и Марудвега, несравненные мастера боя на колесницах; Пракампана и Синханада — умелые предводители сонмов колесниц; Махамайя, Камбалика, Калакампана и Хриштарома — четыре повелителя воинства асуров, и повелевают они многими военачальниками, у каждого из которых под командой несметное число боевых колесниц. Вот стоят равный Сурьяпрабхе Прабхаса во главе своего войска и сын Сумеру, достойный Кунджаракумарака, и у них обоих под началом множество тех, кто повелевает несметными множествами стремительных боевых колесниц. Вот кто главная наша сила. А с ними стоят и другие герои со своими воинами. Хоть у врагов

наших и больше воинов, не смогут они нас одолеть — на нашей стороне сам Шива, великий бог“.

Пока говорил так Май Сунитхе, прибыл от отца Шруташармана другой посол и возгласил: „Вот что повелитель Трикуты сообщает вам. Битва — так зовется великий праздник героев. Слишком тесно здесь, в долине, для такого торжества. Следуйте в Калапаграму — там, на равнине, есть где разгуляться“. Выслушали это Сунитха и все воины и, сказав: „Пусть так и будет!“, во главе с Сурьяпрабхой отправились к Калапаграме. Устремился туда и Шруташарман со своими военачальниками, алчущими войны, и прибыли они на поле боя, окруженные сонмами видьядхаров. Сурьяпрабха и его соратники увидели в армии Шруташармана слонов и тотчас велели доставить воздушными кораблями целое слоновье войско. Тем временем Дамодара, лучший из видьядхаров, которого Шруташарман поставил командовать своими дружинами, выстроил войско в боевой порядок „большая игла“. Стал на фланге Шруташарман с министрами, а впереди — Дамодара, а в других местах — другие воины. Прабхаса же, предводитель дружин Сурьяпрабхи, все свое войнство поставил в боевой порядок „полумесяц“. Сам он был в центре, а Кунджаракумарака и Прахаста — на остриях „полумесяца“, Сурьяпрабха же с Сунитхой и прочими стали за спиной „полумесяца“, а рядом с ним — Сумеру и Сувасакумарака. И тогда в обоих войсках зарокотали, заревели боевые барабаны и литавры.

А пока на земле происходило все это, на небе собирались боги посмотреть на эту битву. Пришли с Индрой локапалы и апсары. И пожаловал туда наивысший из богов и повелитель вселенной Шива и с ним вместе Парвати, и другие божества, и ганы, и бхуты, и восемь праматерей. Туда же пришел и создатель Брахма в сопровождении Савитри и прочих, с великими мудрецами и с воплощенными в телесную форму ведами и пастрами. Пожаловал туда и сам Вишну, которого сопровождали богини Лакшми, Кирти, Джая и прочие. Был он вооружен метательным диском, и нес его на себе царь птиц Гаруда. Пришли и Кашьяпа с сорока своими женами, двенадцать Адитьев и восемь Васу, повелители якшей, ракшасов и нагов и асуры во главе с Прахладой и прочими. Когда же небо потемнело от множества зрителей, зазвенели мечи, засветили стрелы и началась яростная сеча.

Густела пелена быстролетных стрел, словно тучами одевшая все небо, и, когда сталкивались друг с другом стрелы, молниями сыпались искры, а по земле побежали бурные реки — потоки крови сраженных слонов и коней, — и уносимые ими тела павших героев плыли, подобно крокодилам. И была та битва истинным праздником для демонов и оборотней, визжавших, и вопивших, и плескавшихся в кровавых волнах. Когда же пали в бою бесчисленные воины, и поутихла шумная битва, и можно было уже отличить своих от чужих, стал Сумеру называть Сурьяпрабхе и прочим имена бойцов и рассказывать их родословные.

Но вот начался поединок царя Субаху с вождем видьядхаров по имени Аттахаса. Долго бились — до тех пор, пока не пустил Аттахаса стрелу с серповидным наконечником и она не снесла Субаху голову. Заметив, что Субаху пал, кинулся в бой яростный Муштика, но и его сразил Аттахаса, попав стрелой прямо в сердце. В гневе кинулся царь Праламба отплатить за гибель Муштики и осыпал Аттахасу дождем стрел, но тот, истребив дружину Праламбы, поразил царя в голову, и рухнул герой на свою колесницу. Бросился на смену Праламбе царь Мохана и обрушил на Аттахасу ливень оперенных стрел, но тот сначала рассек стрелой тетиву лука Моханы, затем свалил его колесничего и смертельным ударом покончил с самим царем.

При виде того, как Аттахаса сразил подряд четырех бойцов, войско Шруташармана в предвкушении победы закричало от радости, но тут разъярился Харша, ровесник и друг Сурьяпрабхи, и с дружиной своей кинулся на Аттахасу, и ливень стрел его воинов обратил вспять поток стрел воинов Аттахасы и сразил их самих. Свалил Харша колесничего Аттахасы, разбил лук с двойной тетивой и бунчук, а затем меткими стрелами ссек голову богатыря, и брызнула наземь кровь. Когда пал Аттахаса, сияние воцарилось на поле боя и показалось, будто стало сражающихся вдвое меньше. Поле битвы усеяно было телами слонов и коней, и лишь тела воинов, у которых только что отсекали головы, еще стояли, не успев упасть.

Тогда предводитель видьядхаров Викритаданштра, охваченный гневом при виде гибели Аттахасы, осыпал Харшу стрелами, но Харша, отразив этот поток, свалил знаменосца и колесничего, изрубил коней, и искрошил колесницу, и снес Викритаданштре голову, украшенную серьгами.

Сложил голову Викритаданштра, и тогда кинулся на Харшу исполненный злобы Чакравала, вождь видьядхаров, и раздробил его лук, и сразил утомленного боем Харшу, оставшегося без оружия. Ярость обуяла царя Праматху, и бросился он на Чакравалу, но и его свалил Чакравала, а затем еще четырех старших царей положил на месте одного за другим — Канкату, Вишану, Прачанду и Анкури. При виде этого вскипел яростью царь Ниргхата и помчался в битву, и долго длился поединок Ниргхаты с Чакравалой, и уже искрошены их колесницы, и пришлось обоим спешиться, и в невиданной ярости, вооруженные каждый мечами и метательными дисками, бились они, пока не снесли друг другу головы и не пали наземь. Горе охватило оба войска при гибели этих двух богатырей, и вышел на поле битвы царь видьядхаров Калакампана. Налетело на Калакампану сразу пятеро богатырей — Джалика, Чандадатта, Гопака, Сомила и Питришарман. Одновременно пустили они свои стрелы в него, но всех пятерых Калакампана сначала лишил колесниц, а потом поразил каждого из них стрелой прямо в сердце, и от этого возликовали видьядхары, а людей и асуров охватила печаль. Помчались на Калакам-

пану тогда сразу четыре колесницы, а на них славные Унматха да Прашаста, Виламбака да Дхурандхара, но и их сразил он играючи, так же как и шестерых других доблестных воителей — Теджику, Шику, Вегилу, Шакхилу, Бхадранкару и Дандина — и все их дружины. И еще пятерых витязей убил Калакампана — Бхилу, Бхишану, Кумбхиру, Викату и Вилочану.

Видя побоище, устроенное Калакампаной, ринулся на единоборство с ним царевич Сучана, и схватились они, убили коней друг у друга и колесничих и оба сошли с колесниц. Бились они, пешие, на мечах, пока не удалось Калакампане сразить ловким ударом Сучану, и тот рухнул наземь. И тогда, словно подумав, что не одолеть людям видьядхаров, в горе зашло солнце. И не только поле сражения было красно от пролитой крови, но обагрилось ею и небо на закате. Когда же демоны пустились в радостный пляс со скелетами и трупами, разошлись оба войска, каждое в свой стан. В войске Шруташармана за этот день недосчитались всего лишь троих героев, а в войске Сурьяпрабхи — тридцати трех. Глубоко удручен был Сурьяпрабха гибелью друзей, свойственников, героев и воинов, и не пошел он в эту ночь к своим женам. Провел он ее без сна, обсуждая со своими министрами дела военные и готовясь к новому бою.

Его жены, горюющие по погибшим родственникам, все в ту ночь сошлись в одном месте и стали утешать друг друга, и, хотя владела ими печаль, они рассказывали разные истории и вели разные разговоры — ведь не может быть такого, чтобы женщины отказались от болтовни. И молвила одна из царевен: „Удивительно, как это благородный наш супруг спит сегодня без женщины“. Другая возразила ей: „Удручен он утратой многих своих героев. Как же в горе таком станет он развлекаться с женами?“ Третья вступила: „Вот если бы новую красавицу он мог сейчас заполучить, забыл бы про эту беду“. Тогда вмешалась в разговор четвертая: „Хотя он и великий охотник до женщин, но не стал бы себя так вести при подобном несчастье“.

И вот они спорили, и сказала с удивлением одна из них: „Расскажите, в чем причина того, что наш благородный супруг такой охотник до женщин, и почему, хотя у него уже много жен, он что ни ночь берет новую царевну и наслаждается с нею?“ Ответила на это одна проникательная женщина, имя которой было Мановати: „Слушайте, расскажу я вам, отчего у царей много возлюбленных. Различаются красавицы по добродетелям, по стране, откуда родом, и по красоте, и по манерам, и по знаниям, и по иному, но ни одной красавицы нет, в которой сливались бы все добродетели. Женщины из Карнатака, из Латы, из Саураштры, из Мадхьядеш и всякого другого края чаруют добродетелями и манерами, свойственными родине каждой из них. У одних лица подобны полной осенней луне, у других — груди, словно золотые чаши, высоки и упруги, те прельщают бедрами, которые недаром зовутся ложем бога любви, а те — другими прелестями. У одних — кожа золоти-

сто-желтая, у других — темная, подобная коже плода приянгу, у третьих — красноватая, и все это по-своему чарует взор. Одни радуют красотой расцветшей, другие — нежной юностью; одни — веселостью, другие — когда они в гневе; кто — плавной, как у слонов, походкой, кто — легкой, как у лебедя, поступью. Одна амритой щибета улаживает слух, другая прелестна, когда сдвинет брови. Одна увлекает танцем, другая — сладостным пением, а третья — умением играть на вине и других музыкальных инструментах. Одна показывает страсть внешне, другая таит ее внутри, одна блещет изощренностью в ласках, а другая сияет простотой, понимает сердце мужа и тем достигает счастья. Сколько еще можно было бы говорить! Сколько женщин, столько и добродетелей, и у каждой свои, и нет во всех трех мирах женщины, которая обладает полнотой совершенств. Вот поэтому-то цари в жажде изведать радость от различных прелестей постоянно стремятся к женитьбе на все новых красавицах, но на чужих жен благородный никогда не позарится. Так что нет в этом никакой вины нашего супруга, и нечего ревновать его“. Высказала это Мановати, и все жены Сурьяпрабхи во главе с Маданасеной одна за другой говорили так же. А потом, увлекшись разговором и забыв про приличия, стали они друг другу рассказывать всяческие секреты о делах любовных. Уж когда соберутся женщины в кружок да увлекутся беседой, ничего не останется, чего бы они не выболтали. Но хоть долга была их беседа, но и она подошла к концу, как и ночь, исчезновения которой страстно ожидал Сурьяпрабха, мечтающий одержать победу над вражеским воинством.

Настало утро, и сошлись на поле брани Сурьяпрабха со своими приближенными и Шруташарман со своими и с ними их воинства. Снова собрались, чтобы посмотреть на битву, Индра, Брахма, Вишну и Рудра и с ними другие боги, асуры, якши, наги и гандхарвы.

Поставил Дамодара все войско Шруташармана в боевой порядок „метательный диск“, а Прабхаса выстроил дружины Сурьяпрабхи „боевой палицей“. И тогда вновь разгорелась битва между силами обеих сторон, и до самого края света разносились рев барабанов и яростные боевые крики. „Наверно, расколот мой диск своим оружием герои“, — подумало в страхе солнце и спряталось за плотной пеленой мечущихся в воздухе стрел. Невозможно было пробиться внутрь „метательного диска“, выстроенного Дамодарой, и никому из героев это не удавалось. Наконец по велению Сурьяпрабхи ворвался в него Прабхаса. Сам Дамодара бросился закрыть прорыв, и Прабхаса один, без колесничего, вступил с ним в единоборство. Увидев, что в одиночестве бьется Прабхаса, послал Сурьяпрабха ему на подмогу еще пятнадцать бойцов на колесницах: Пракампану, Дхумакету, Калакампану, Махамайю, Марудвегу, Прахасту, Ваджрапанджару, Калачакру, Праматхану, Синханаду с Камбаликой, Викатакшу, Правахану и Кунджаракумару и лучшего из царей асуров Прахриштаромана. Все они

устремились в прорыв. С великим мужеством отражал Дамодара натиск тех пятнадцати героев.

При виде этого сказал Индра мудрецу Нараде, стоявшему рядом: „Все, кто с Сурьяпрабхой,— воплощения асуров, а Шруташарман — плоть от плоти моей, и все видьядхары — кровная родня богам, так что идет сейчас схватка между богами и асурами. И смотри, мудрый Вишну всегда помогает богам — ведь бьется здесь Дамодара, плоть от плоти его“. Только сказал это Шакра, как кинулись на помощь Дамодаре, предводителю сил видьядхаров, на своих боевых колесницах четырнадцать славных бойцов: Брахмагупта, Ваюбала, Ямаданштра, Сурошана, Рошавароха, Атибала, Теджапрабха с Дхурандхарой, Куберадатта, Варунашарман, да Камбалика с героем Душтадаманой, да Дохана с Ароханой. Вот эти, с Дамодарой пятнадцать, бойцы налетели на витязей, посланных Сурьяпрабхой, ворвавшихся внутрь „метательного диска“, и остановили их. И начались тогда между ними поединки. Скрестили мечи Дамодара с Пракампаной, Брахмагупта бился с Дхумаке-ту, а Махамая — с могучим Атибалой. Схватился с Теджапрабхой данава Калакампана, с Ваюбалой — великий асура Марудвега, с Ямаданштрой единоборствовал Ваджрапанджара, а с Сурошаной — лучший из асуров Калачакра. Бился Праматхана с Куберадаттой, а прелводитель дайтьев Синханада — с Варунашарманом, схватился Правахана с Душтадаманой, данава Прахриштароман — с Рошаварохой, а Викатакша — с Дхурандхарой, асура Камбалика — с видьялхарой Камбаликой, Кунджаракумарака противостоял Арохане, а Прахаста — Дохане, которого звали также Махотпата.

Вот бьются они друг с другом уже не внутри, а вне „метательного диска“, и при виде этого сказал Сунитха Маю: „Увы, увy! Хотя и опыtnы наши бойцы и в использовании колесниц, и в обращении со всяким оружием, но, смотри, не дали им соперники ворваться в свой стан. Только отчаянный Прабхаса сумел пробиться туда, но не знаем мы, что с ним и как он“. Возразил ему на эти слова Сувасакумарака: „Ни среди богов, ни среди асуров, ни среди людей нет равного Прабхасе. Разве сравнятся с ним видьядхары? Тебе же все это ведомо. Откуда тогда у тебя столь неуместное сомнение?“ Пока произносил все это сын мудреца, вышел на бой с Прабхасой видьядхара Калакампана. Крикнул ему Прабхаса: „Иди, иди, Калакампана! Много ты навредил нам. Посмотрим теперь, какова твоя доблесть!“ И с такими словами послал в него Прабхаса вереницу стрел, а Калакампана — в него. Бьются человек и видьядхара, ударом на удар отвечают и изумляют весь мир своим мужеством. Вот Прабхаса меткой стрелой срезает бунчук Калакампаны, а другой стрелой поражает его колесничего. Еще выпускает он четыре стрелы — и нет в колеснице Калакампаны всех четырех коней. Вновь летят оперенные вестники смерти — и вот уже лук видьядхары разбит, отсечены у него сначала кисти рук, а потом и сами руки, и оба уха срезаны, и, наконец, послед-

ней стрелой отсек ему голову. Ловкость необычайную показал врагу Прабхаса, яростный из-за того, что Калакампана сразил столько героев. Так покарал его Прабхаса, и когда увидели люди и асуры поверженным предводителя видьядхаров, то закричали в ликовании, а тех охватила скорбь.

Разгневанный, кинулся на Прабхасу правитель Кананджарагирри, царь Видьютпрабха. В схватке с ним срезал его бунчук Прабхаса, а затем разбил ему лук, и всякий раз, как Видьютпрабха брался за новый, Прабхаса разбивал и его. Тогда, прибегнув к своей волшебной силе, исчез Видьютпрабха в небе и стал оттуда метать в Прабхасу копыя и стрелы, мечи и палицы. Но все было напрасно, ибо Прабхаса отбивал любое оружие, а затем, метнув в небо светоносную палицу, осветил ею незримого недруга, а вслед за нею послал стрелу, полыхающую огнем, и, спаленный ее жаром, пал на землю бездыханный Видьютпрабха.

Обратился тогда Шруташарман к своим воинам: „Видите, сразил он двух славных бойцов, предводителей дружин. Разве можно это стерпеть?! Уничтожьте его!“ И при этих словах восемь бойцов устремились на Прабхасу и окружили его. Одним из них был предводитель множества колесниц, живший на царственной горе Ванкатаке, и звали его Урдхвароман. Другого звали Викрошана, и слыл он искусным в бою на колесницах, вождем над видьядхарами и правил скалой Дхаранидхарой. Третьим был Индрамалин, его замок стоял на горе Лиле, и был он начальником над множеством колесниц и предводителем видьядхаров. Четвертого звали царь Какандака, а царство его было в горах Малая, и немало колесниц было под его началом, и был он лучшим из видьядхаров. Пятого звали Дарпаваха, и властвовал он над горой Никатой, шестого — Дхуртавьяна, и владел он горой Анджаной. Седьмой и восьмой видьядхары были начальниками над множеством колесниц. Седьмой, колесницу которого влекли ослы, был царем с горы Кумуды, и звали его Варахасвамин; подобен ему был и восьмой, Медхавара, что властвовал над горой Дундубхи.

Вот они восьмером пустили в Прабхасу стрелы, но тот все их отразил и сам по врагам ударил, и стрелы, посланные им, у кого коней убили, а у кого свалили колесничего, этому срезали бунчук, а у того лук разбили. Сразу четырьмя стрелами поразил Прабхаса в сердце Медхавару, и рухнул богатырь на грудь земли, ибо похищена у него была жизнь. Затем, сражаясь с другими, снес Прабхаса стрелой „анджали“, острие которой подобно молитвенно сложенным рукам, голову Урдхваромана, украшенную затейливой прической. И свалил Прабхаса шесть других богатырей, сначала лишив их коней и возничих, а вслед за тем сбросив с плеч их головы с помощью стрел, острия которых подобны полумесяцу. И тогда с неба пал на голову Прабхасы дождь из цветов, и воспрянули духом вожди асуров, и еще больше приуныли предводители видьядхаров.

Послал Шруташарман еще четырех героев — искусных лучни-

ков Качараку, владетеля горы Куранды, Диндимали, жителя горы Панчаки, Вибхавасу, царя горы Джаяпуры, Дхавалу, правителя горы Бхумитундики. Выпустили они четверо, лучшие из видьядхаров, повелители многих колесниц и воинов, в Прабхасу каждый сразу по пятьдесят стрел, но он, пренебрегая смертельным этим дождем, с ними со всеми по очереди справился: одной стрелой бунчук сбивает, другой — ломает лук, третьей — валит возничего, четырьмя — по одной па каждого — коней и еще одной — сносит голову самому герою. Истратив по восемь стрел на каждого, со всеми четырьмя расправился Прабхаса, издав торжествующий клич.

Еще четверых бойцов посылает Шруташарман против Прабхасы. Первый в этой четверке — Бхадранкара, рожденный от Будхи в доме Вишнавасу, темно-лиловый, словно лотос; второй — Ниянтрака, зачатый богом войны Бхаумой и рожденный в доме Джамбхаки, блеском своим подобен огню; третий, зачатый Шанайшчаром, родился в роду Дамодары, и был он иссиня-черный, с рыжими волосами, и звали его Калакопа; четвертого, сверкающего, как золото, звали Викрамашакти, и был он зачат Брихаспати, а рожден в роду Чандры. У троих из них под началом была тьма военачальников над сонмами воинов и колесниц, а четвертый слыл доблестным бойцом, превосходящим их всех в мужестве. Напали они вчетвером, вооруженные всяким божественным оружием, на Прабхасу. С помощью „Нараяновой палицы“ отбил Прабхаса стрелы и дротики, один за другим раскрошил на восемь частей их луки, сразил коней и колесничих и лишил этих вождей колесниц.

При виде этого напустил Шруташарман на Прабхасу еще десять богатырей, и каждый из них был вождем среди видьядхаров и начальствовал над тьмой предводителей, командовавших множествами колесниц. Были там друг на друга похожие близнецы, родившиеся в роду царя Кетумалы, Дама и Нияма, и было там восемь друг на друга похожих сыновей Васу из рода Макаранды: Викрама, Санкрама, Паракрама, Акрама, Саммардана, Мардана, Прамардана и Вимардана. Как вышли они на поле, присоединились к ним те четверо, которые остались без колесниц. Но бестрепетно встретил их натиск осыпaeмый вражескими стрелами Прабхаса.

Повелел Сурьяпрабха, и, выйдя из боевого порядка, с оружием в руках взвились Кунджаракумара и Прахаста в поднебесье и помчались в бой, белый и черный, словно возродившиеся Баларама и Кришна. Эти два воина сразили колесничих у Дамы и Ниямы и, разбив луки близнецов, повергли их самих в смятение. С перепугу взлетели в небо Дама и Нияма, но Кунджаракумара и Прахаста бросились их преследовать. Сурьяпрабха, заметив это, послал на помощь своих министров Махабуддхи и Ачалабуддхи, чтобы они послужили Кунджаракумаре и Прахасте колесничими. Хотя и стали Дама и Нияма благодаря их волшебному искусству незримыми, но Прахаста и Кунджаракумара с помощью мази,

приготовленной сиддхами, сумели увидеть их и начали осыпать стрелами, и удрали без оглядки оба видьядхарских сына.

А Прабхаса в это время ведет бой с остальными двенадцатью, и всем им он расщепил луки. Подоспел тут Прахаста и сразил их колесничих, а Кунджаракумара сразил коней. И тогда, оставшись без колесниц, те двенадцать молодцов, в страхе, как бы не быть им убитыми тремя героями, бежали с поля боя. Еще двоих видьядхаров послал удрученный горем, обуянный гневом, охваченный стыдом Шруташарман — и оба они начальники над несметным множеством начальников над колесницами — Чандрагупту, родившегося в роду повелителя горы Чандракулы и красотой подобного Чандре, полному месяцу, и другого, своего министра, блистательного Нарангаму, рожденного в роду повелителя горы Дхурандхары. Стали они стрелять по Прабхасе и прочим, но вмиг противники разбили их колесницы, и оба покинули поле боя.

Возликовали люди и асуры, и тогда вышел на бой сам Шруташарман в сопровождении четырех доблестных богатырей, которых звали Махаугха, Арохана, Утпата и Ветрават, отцами которых были Тваштар, Бхага, Арьяман и Пушан, родившиеся в домах четырех видьядхарских царей, Читрапады и прочих, правивших на горах Малая. Славилась эти герои мужеством. С ними шел сам Шруташарман, слепой от бешеной злобы, и впятером схватились они с Прабхасой и другими, и неба не стало видно от множества стрел, словно богиня боевой удачи натянула полог, чтобы спрятаться от палящего солнца. Те видьядхары, кто был уже лишен колесниц и бежал из боя, снова бросились в схватку.

Увидел Сурьяпрабха, что умножилась сила Шруташармана, и послал на помощь Прабхасе и его бойцам многих воинов, опытных в бою на колесницах, своих друзей во главе с Праджнядхьей и царевичей, среди которых старшими были Вирасена и Шатаника. Помчались они в поднебесье, а Сурьяпрабха отправил им вслед на воздушном корабле „Бхутасана“ еще много колесниц. Мчатся лучники в бой на колесницах, и кинулись тогда все без исключения видьядхарские цари на помощь Шруташарману, схватились с Прабхасой и его богатырями, и началась битва, унесшая многих воинов. Немало искусных бойцов на колесницах и среди людей и асуров, и среди видьядхаров полегло в противоборстве обеих армий. Сразил Вирасена Дхумралочану и его дружину; самого же Вирасену оставил без колесницы Харишарман. Поразил Абхиманью насмерть героя видьядхаров Хираньякшу, Сунетра убил Абхиманью и Харибхату, но покатила голова Сунетры под ударами меча Прабхасы. Сразили в поединке друг друга Джваламали и Махаю. У Кумбхираки и Нирасаки были отсечены руки, но они продолжали драться зубами, и так же поступали Сушарман и Угравикрама. Навсегда уложил спать Шатрубхату, Вягхрабхату и Синхабхату великий вождь видьядхаров Правахана, но и сам погиб под ударами Сурохи и Вирохи, а их обоих прикончил Синхабала, кладбищенский житель. Десятерых божественных бойцов

сразил царевич Шатаника: Синхабалу, которого возили бхуты, Капилаку, Читрапиду, вождя видьядхаров Джагатджвару и еще двух предводителей видьядхарских — Камагхану и Кродхпатти, а также Баладеву и царя Вичитрапиду, героя Кантапати и могучего Суварну.

Видит Шруташарман, какой урон ему нанесен, скольких героев сразил Шатаника, и, кипя злобой, кинулся на него. Схватились они, и до конца дня шла между их дружинами сеча, и много ратников сложило там головы. Поединок между Шруташарманом и Шатаникой вызвал удивление даже у богов. Когда же спустился вечер, то сотни трупов вступили в хоровод вместе с бхутами, празднуя свое воссоединение с ними. День угас, и видьядхары, удрученные гибелью стольких воинов и горюющие по убитым родичам, и их противники, смертные и асуры, силой достигшие победы, остановили бой и разошлись по своим лагерям.

После этого Сумеру объявил Сурьяпрабхе, что пришли два вождя видьядхаров — главные над управлявшими тьмами колесниц. Войдя и склонившись перед Сурьяпрабхой, объявили они, что покинули Шруташармана и желают служить ему, Сурьяпрабхе. „Имена наши Махаяна и Сумая, а третьим с нами был Синхабала. Правя великим кладбищем, достигли мы необычайной силы, и никто из других вождей видьядхаров не может одолеть нас. Однажды, когда мы сидели, наслаждаясь счастьем, в одном из углов кладбища, приблизилась к нам добродетельная йогини Шарабханана, наделенная великой магической силой и благосклонная к нам. С поклоном спросили мы ее: „Где ты была, почтенная, и что ты там видела?“ И вот что рассказала она, божественный.

„Пошла я с другими йогини повидать моего повелителя, бога Махакалу, и как раз когда я у него была, явился туда один из властителей вета-оборотней, встал перед ним и сказал: „О божественный, дочь Агники, предводителя наших полчищ, убитого вождями видьядхаров, несравненную красавицу, похищает некий Теджапрабха. Сиддхи предсказали, о могущественный, что станет она женой будущего верховного повелителя видьядхаров. Сделай милость, вели вызволить девуцу, пока не утащили ее далеко“. Выслушал Махакала речь горестного веты и приказал нам: „Ступайте и освободите!“ И тотчас же помчались мы по воздуху, и, хотя Теджапрабха утверждал: „Уношу я ее, ибо предназначена она в жены истинному повелителю видьядхаров Шруташарману“, обратила я его своим волшебством в столб и, забрав девушку с собой, отдала нашему повелителю. А он вернул ее родным. Вот что необычайное я видела. Проведя там несколько дней и распрощавшись с богом, я поспешила сюда“.

Когда же кончила она рассказ, вот о чем спросили мы Шарабханану: „Ты, конечно, все знаешь. Скажи нам, кто же будет верховным повелителем видьядхаров?“ Отвечает она, что Сурьяпрабха станет им, но возразил ей Синхабала: „Неверно это! Разве не стоят все боги во главе с Индрой на стороне Шруташармана?“

Выслушала его благородная и так нам сказала: „Если не верите, то слушайте! Разгорится вскоре война между Сурьяпрабхой и Шруташарманом, и будет на ваших глазах убит Синхабала человеком. Когда вы это увидите, то поймете, что я сказала правду“. С этими словами покинула нас йогини, и прошло с тех пор несколько дней, и действительно мы увидели, как смертный сразил Синхабалу. Поняли мы из этого, что и вправду станешь ты верховным повелителем над всеми видьядхарами. Вот почему и склоняемся оба к твоим лотосоподобным царственным стопам“. Произнесли они это, и Сурьяпрабха с Маем и прочими приняли их к себе и оказали им почести, и безмерно были рады Махаяна и Сумая.

Крепко встревожился Шруташарман, когда дошла до него весть об этом, но совершитель ста жертв Индра из любви к нему через гандхарву Вишнавасу передал такое послание: „Будь стоек! Утром в начале боя я вместе со всеми богами помогу тебе“. Сурьяпрабха же, испытавший удовлетворение при вести о раздоре в стане противника, ибо предрекала она Шруташарману поражение на поле боя, снова пренебрег супругами и вошел в опочивальню лишь в сопровождении своих министров.

ВОЛНА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Ночью в опочивальне, без жен, всеми мыслями в завтрашней битве, обратился Сурьяпрабха к министру своему Витабхити: „Не спится мне, друг. Чтобы ночь прошла поскорее, расскажи какую-нибудь необычную историю про добродетельного героя“. Выслушал эту просьбу Витабхити и сказал: „Как повелишь!“ —

и начал пространное повествование о честном и добродетельном брахмане Гунашармане, любимом министре царя Махасены, правившего в Удджайини. Безмерно был Гунашарман предан своему государю и служил ему всеми своими знаниями и был истинной опорой во всех делах. Случилось так, что вспылала царица Апокавати к нему безумной страстью, но не мог он преступить верность повелителю и отверг распутницу, сказав: „Лучше прожить миг по справедливости, чем жить несправедливо сотни миллиардов тысячелетий!“

И тогда Апокавати гнусно оболгала его, и пришлось Гунашарману спасти свою жизнь бегством и претерпеть немало тяжких испытаний. Но так уж судьба повернулась, что довелось ему остановиться у брахмана Агнидатты, владевшего богатым поместьем, который отдал ему в жены свою дочь Сундари. Много времени после этого прошло, и стал Гунашарман однажды истово молиться Сканде ради дарования богатства и исполнения желаний, и Шестиликий бог уверил его, что никогда у него не будут переводиться деньги, и что одолеет он Махасену, и что никто из других царей не сможет ему противостоять, и что станет он правителем над всей землей. Все так и получилось.

В заключение же Витабхити произнес:

„Вот так в давние времена слабый разумом царь, неспособный разобратся в людях, навлек на себя несчастья, а его министр, не уклонившийся с пути добродетели, достиг и богатства, и неограниченной власти“.

Выслушал Сурьяпрабха замечательный рассказ своего министра Витабхити, и вдохновило это его, возжелавшего переправиться через бурное море великой битвы, и он спокойно уснул.

ВОЛНА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Наступило утро, и Сурьяпрабха вместе с министрами восстал ото сна и вышел со всеми дружинами данавов и прочим войском на поле боя. Прибыл туда и Шруташарман, окруженный полчищами видьядхаров. Снова собрались посмотреть на битву, как и в прежние дни, боги, асуры и прочие. Когда же выстроились армии в боевом порядке „полумесяц“, разгорелась между ними битва.

С шумом сталкивались друг с другом стремительные пернатые стрелы. Метались выскочившие из ртов-ножен языки-мечи, длинные лезвия которых подобны упившимся кровью языкам бога смерти. В громадном озере поля битвы как лотосы рдели лица воинов, головы которых были снесены метательными дисками, метавшимися, словно дикие птицы. И казалась битва, во время которой взлетали и падали обескровленные головы героев, игрой бога смерти в мяч. Когда же спрыснутая кровью пыль осела, стало видно, как яростно бьются бойцы на колесницах. Схватился Сурьяпрабха с Шруташарманом, а Дамодара с Прабхасой. Махотпата бился с Сиддхартхой, Прахаста — с Брахмагуптой, Витабхити — с Санкрамой, Чандрагупта — с Праджнядхьей, Акрама — с Приянкарой и Атибала с Сарвадаманом. Кунджаракумарака теснил Дхурандхару, и все войско распалось на отдельные пары искусных знатоков боя на колесницах.

Вот Махотпата, отбивая шумный набег Сиддхартхи, расщепляет на лету его стрелы своими, дробит лук, валит и коней и колесничих, и вот враг уже лишен колесницы. Но оказавшийся пешим Сиддхартха кидается на Махотпату и одним ударом железной палицы поражает коней и разбивает колесницу. Схватились врукопашную богатыри, и вот повалил Сиддхартха наземь Махотпату и хотел уже покончить с ним, как бросился Бхата, божественный отец Махотпаты, на выручку сыну, и оба они улетели с поля битвы. А Прахаста и Брахмагупта лишили друг друга колесниц и бьются на мечах. Ловким ударом Прахаста рассек щит Брахмагупты и бросил недруга наземь. Занес Прахаста меч, чтобы отсечь врагу голову, да тут сам Брахма мчится на защиту сына. Осмеяли данавы богов: „Не по-честному пришли вы бой смотреть, а своих сыночков защищать“.

Тем временем Витабхити в бою с Санкрамой разбил его лук, сразил его колесничего, и, метнув оружие Прадьюмну, угодил врагу в самое сердце, и положил на месте. Праджнядхья скрестил меч с Чандрагуптой, и они дрались пешими, так как разбили друг у друга колесницы, и Праджнядхья рассек голову врага надвое. Разъяренный гибелью сына, бросается на Праджнядхью сам бо-

жественный Чандра, но в поединке оба оказались достойными соперниками. Потерявший колесницу Приянкара нападает на Акраму, чья колесница тоже оказалась разбитой, и одним ударом меча рассекает недруга надвое. Был разбит лук у Сарвадаманы, но схватил он анк и, с силой метнув его, пронзил сердце Атибалы.

Ударом на удар отвечал Дхурандхаре Кунджаракумарака. В одно мгновение уничтожил он его колесницу, но тут же Викрамашакти послал тому новую колесницу и стал защищать Дхурандхару в бою, отбивая своим оружием удары Кунджаракумараки. И тогда разъяренный Кунджаракумарака бросает на колесницу Викрамашакти тяжелый камень, разбивает ее, и когда Викрамашакти обратился в бегство, то тем же камнем поражает он насмерть Дхурандхару.

Бьется Сурьяпрабха с Шруташарманом, и, когда доходит до него весть, что пал славный Вирочана, посылает он в отместку одну-единственную стрелу, и та сражает Даму. Взбешенные, кидаются в бой братья Ашвины, божественные близнецы, и мечут стрелы, но Сунитха преграждает им путь, и начинается между ними схватка. Уже положил Стхирабуддхи ударом копья Паракраму, и пришлось ему биться с восемью Васу, разозленными гибелью героя. Заметил Прабхаса, что Бхаса лишился колесницы, и, хотя сам продолжал бой с Дамодарой, нашел время, чтобы пустить смертельную стрелу в Мардану. Убил в поединке Теджапрабху Пракампана, и пришлось данаве встретить натиск самого Агни, обуянного злобной яростью из-за гибели сына. Свалил Дхумакету Ямаданштру, сына Ямы, и на него, пылая гневом, напал сам бог смерти. Каменной глыбой раздавил Синхаданштра Сурошану, и вынужден был он отбиваться от Ниррити, обозленного утратой сына. Чакрой, метательным диском, Калачакра рассек Ваюбалу надвое, и наскочил на него, гневом охваченный, сам Ваю, бог ветров. Данава Махамая покончил с Куберадаттой, прикидывавшимся змеем, горой или деревом, но для этого и самому Махамаяе пришлось обращаться поочередно в коршуна, молнию и огонь. Взъярился Кубера и напал на Махамая, мстя за сына, и другие боги вслед за Куберой ввязались в схватку, взбешенные гибелью своего семени, ибо повсюду люди и асуры одерживали победы над князьями видьядхаров.

Не прекращается бой у Прабхасы с Дамодарой, и яростная схватка разгорается, и все виды оружия пущены в ход. Вот у Дамодары и лук разбит в щепы, и колесничий убит, и схватил боец другой лук и сам правит конями. Когда Брахма, видя этот подвиг, воскликнул одобрительно, спросил его, на лотосе сидящего, Индра: „Ведь терпит он поражение! Чему же ты радуешься, повелитель?“

Ответил ему Брахма: „Как же не радоваться мне, если так долго держится он против Прабхасы? Что мог бы Дамодара сделать, если бы не покровительство и помощь Хари? Да все боги

вместе не смогли бы противостоять Прабхасе в бою! Звали Намучи асуру, истребителя богов, который родился в облике Прабалы,— тело его было создано из камней драгоценных, а теперь родился он Прабхасой, непобедимым сыном Бхасы. А Бхаса и сам в прежнем рождении был великим асурой Каланеми, а тот рождался как Хираньякашипу и Капинджала. Тот же асура, который звался прежде Хираньякша, нынче зовется Сунитхой, а Сумундика родился теперь в облике Сурьяпрабхи. Прахаста же и другие — все они дайтьи и данавы, которых вы когда-то сразили в бою. Теперь они родились асурами, и на их стороне Май и другие сородичи. Смотри, силой жертвы Рудре, принесенной Сурьяпрабхой и его друзьями, мог прийти сюда и сам Бали, разорвавший узы свои, но свято верный данному слову и остающийся в пределах подземных. Ведь когда кончится срок твоего царства, он станет Индрой. Ко всем им милостив Шива, сокрушитель трех городов, и не будет вам нынче победы. Замиритесь! Что толку в упрямстве!“

Пока Брахма, сидящий на лотосе, увещевал такими словами Индру, Прабхаса раскрутил Пашупату, самое могучее оружие, и в страхе за сына запустил царь богов ему навстречу свое ужасное оружие Сударшану, и содрогнулись тогда все три мира вплоть до самых крайних пределов при мысли о столкновении этих неотвратимых провозвестников смерти и неизбежности гибели всего живого.

Обратился тогда Вишну с такими словами к Прабхасе: „Забери свое оружие, а я заберу свое“. И сказал на это Прабхаса: „Коль Пашупата запущена, не может она вернуться неиспользованной. Пусть Дамодара покинет поле, и отзову я мое оружие“. Вишну ему возразил: „Но ты тоже уважь мое оружие, чтобы не получилось так, будто я напрасно его запускал“. Выслушал Прабхаса бога и, знающий, когда и что делать, ответил ему: „Пусть будет так, и разобьет твое оружие мою колесницу“. Согласился на это Вишну, и Дамодара вышел из боя, а Прабхаса отозвал Пашупату, и в его колесницу ударила Сударшана. Вскочив на другую колесницу, умчался Прабхаса к Сурьяпрабхе, а Дамодара на своей — к Шруташарману.

Тогда еще яростнее стала битва между Шруташарманом, чванящимся своим происхождением от Индры, и Сурьяпрабхой. Какое бы оружие ни применял Шруташарман, каждое из них тотчас же отбивал Сурьяпрабха, и что бы ни предпринимал Шруташарман, Сурьяпрабха на все находил ответ. Вот запускает взбешенный Шруташарман Брахмастру, а Сурьяпрабха — свою Пашупату, и разбивает его свирепое оружие Брахмастру, и устрашающий полет Пашупаты уже привел в ужас Шруташармана, и тогда разгневавшиеся Индра и прочие боги и локапалы каждый свое оружие пускают в ход, но что могут они сделать с Пашупатой? А она разгорается все ярче, и грозит от нее Шруташарману неминуемая гибель. Тогда восхвалил Сурьяпрабха свое могучее оружие и повелел ему: „Не убивай Шруташармана, а свяжи его

и передай мне!“ И вот уже готовы были схватиться разъяренные боги, смотревшие на бой, и асуры, желавшие победы Сурьяпрабхе, как явился Вирахадра, один из ганов Шивы, и передал такое повеление своего господина Индре и другим богам: „Вы пришли сюда смотреть на сражение, что же рветесь сами в драку? Коли преступите вы предел, то будет от этого худо“. Закричали боги ему в ответ: „Убиты уже и погибают здесь наши сыновья! Как же нам не сражаться? Невозможно не любить свое семя, и наше желание вступить за них — неизбежный результат этого, и разве преступно противостоять убийцам?!“ Выслушал их крики Вирахадра и ушел, а между богами и асурами началась яростная битва. Дрался Сунитха с обоими Ашвинами, а Праджнядхья с Инду, Схирабуддхи схватился с восемью Васу, а Калачакра с Ваю, Пракампана с Агни, Синхаданштра с Ниррити, Праматхана с Варуной, Дхумахету с Ямой, Махамая с повелителем богатств Куберой. И какое бы оружие ни пускали в ход боги, всякое отражал Хара своим дыханием. Кубера, бог богатства, замахнувшийся палицей, был остановлен Шивой, а остальные боги бежали с поля боя, побросав оружие.

Тогда в бешенстве Индра кинулся на Сурьяпрабху и обрушил на него град стрел и всякого другого оружия, но легко отразил Сурьяпрабха поток смерти и, оттягивая тетиву до уха, одну за другой посылал стрелы в Индру. Еще пуще озлился повелитель богов и замахнулся ваджрой на Сурьяпрабху, но дохнул на него Шива, и разлетелась ваджра на мелкие куски. Не выдержал Индра и бежал из боя, показав спину, и тогда сам Нараяна набросился в ярости на Прабхасу, меч в него стрелы, у каждой из которых было по десять миллионов жал, и бесстрашно бился с ним Прабхаса, ударом отвечая на удар. Убил Вишну у него коней, разбил колесницу, но вскочил Прабхаса в другую и продолжал вести бой на равных с этим врагом дайтьев. Запустил в него озлобленный Вишну огненный диск. Метнул навстречу пылающему диску Прабхаса свой божественный заговоренный меч, дарованный богами. Увидел Шива, что диск одолевает меч, и дохнул на них, и исчезли в тот же миг и диск и меч. Обрадовались асуры, а боги были посрамлены, так как Сурьяпрабха одержал победу и Шруташарман стал его пленником.

Восхвалили тогда боги Шиву, несущего на знамени быка, и стали превозносить его, и, супруг Амбики, довольный их молениями, сказал им: „Просите себе, боги, любую награду, кроме той, что обещана Сурьяпрабхе, ибо кто смеет обещанного не давать?!“ Возразили они на это: „А что же наше обещание Шруташарману? Пусть и оно исполнится. И пусть не будет урона нашему роду“. Ответил им тогда Шива: „Как только воцарится мир, пусть Шруташарман и все, кто с ним, поклонятся Сурьяпрабхе, и, когда случится это, мы скажем то, что будет на благо обоим“. Согласились боги со словами Шивы, сказали: „Так тому и быть!“ — и сделали так, что Шруташарман склонился перед

Сурьяпрабхой. После этого они оба, бросив вражду, обнялись, и боги с асурами покончили с взаимной враждой и замирились, и тогда в присутствии всех асуров и богов сказал повелитель Шива Сурьяпрабхе такие слова: „Ты будешь верховным правителем над южной половиной царства видьядхаров, а северную половину отдай Шруташарману. Недолгое время пройдет, и станешь ты правителем над всеми четырьмя странами царства, населенного киннарами и прочими живущими в небесах. И когда оно достанется тебе, то отдашь ты южную половину царства видьядхаров Кунджаракумараке. А те герои, что полегли с обеих сторон, пусть все поднимутся невредимыми“.

И, промолвив эти слова, Верховный бог исчез, а все павшие в битве герои встали невредимыми, словно пробудились ото сна. Вот Сурьяпрабха, укротитель врагов, помня о наставлении Шивы, отправился в отдаленную сторону земли и пригласил пришедшего в его лагерь Шруташармана сесть вместе с ним на трон, а его соратники во главе с Прабхасой сели с соратниками Шруташармана, возглавляемыми Дамодарой. Пришли туда Май и прочие данавы, и сели по чину вожди видьядхаров. Пожаловали повелители семи царств подземных во главе с Прахладой, и, радостные, собрались дать и данавы. Явился туда и Индра, сопровождаемый локапалами и прочими, а перед ним шел наставник Брихаспати, а потом прибыли все жены Кашьяпы, возглавляемые Дану, и на корабле „Бхутасана“ прилетели жены Сурьяпрабхи.

Когда все расселись и обменялись взаимными приветствиями и выразили приязнь друг другу, повела Сиддха, подруга Дану, такую речь: „О боги и асуры, божественная Дану сказала так: „Разве чувствовали вы когда-нибудь такое счастье от добросердечия, которое мы чувствуем в этом собрании? Пусть меж вами никогда не будет вражды, приносящей только горе! Хираньякша и другие старшие асуры, которые вели борьбу за небесное царство, погибли, и сегодня над всей главенствует Индра. Так из-за чего враждовать? Живите без вражды, счастливо, в дружбе друг с другом, и нам будет радость, и благо будет вселенной“.

Выслушав речь достойной Дану из уст Сиддхи, взглянул Индра в лицо Брихаспати, а тот сказал ей: „Нет у богов злого умысла против асуров, и ничего не замышляют боги во вред асурам“. Когда Брихаспати кончил говорить, заговорил Май, повелитель данавов: „Коли нет злого умысла, то что случилось с Намучи? Ведь это он подарил коня Уччайшраваса, оживляющего мертвых, Индре? И разве не Прабхаса отдал свое тело богам? И разве не был брошен в подземелье Бали, отдавший Вишну все три мира? И не отдал ли Айодеха свое тело Вишвакарману? Говорить ли дальше? Асуры всегда благородны, и если им не наносят вреда, то и они ничего не предпримут в ответ“. Кончил речь свою асура Май, и по слову Сиддхи обняли друг друга боги и асуры.

После того как все это случилось, пришла сюда Джая, служанка Бхавани, посланная своей госпожой, поклонилась всем и

молвила, обратившись к Сумеру: „Прислана я моей повелительницей, и велено вот что передать тебе: „Есть у тебя дочь, и зовут ее Камачудамани. Отдай ее в жены Сурьяпрабхе, ибо предан он мне“. Сумеру выслушал Джая и ответил на ее слова: „Коль повелевает так божественная, в том для меня великая милость! Об этом же говорил сам всемогущий Шива“. Кончил говорить Сумеру, и Джая обратилась к Сурьяпрабхе: „А ты поставь ее над всеми прочими женами, и будет она тебе милее их. Так повелела божественная Гаури, обрадованная тобой“. Поклонился Сурьяпрабха Джае, и она исчезла, а Сумеру тотчас же назначил благоприятное время для свадебного обряда и велел возвести алтарь с колоннами и подножием, выложенным самыми лучшими драгоценными камнями, и пылавший на нем огонь, отражавшийся в них, словно охватывал собою весь алтарь. Обвел Сумеру дочь свою Камачудамани, подлинное украшение на челе бога любви, вокруг алтаря, и все — и боги и асуры — не могли оторвать глаз от ее прелести, возбуждающей страсть. Красота дочери Сумеру была подобна красоте дочери Хималая. Затем возвел отец на алтарь дочь, наряженную и украшенную так, что вызывала она всеобщее восхищение, и отдал ее Сурьяпрабхе, а Сурьяпрабха принял Камачудамани, на лотосоподобную руку которой Дану и прочие жены данавов надели браслеты. Когда же брошена была в огонь свадебного алтаря первая пригоршня жареного зерна, посланная от Бхавани, Джая надела на невесту волшебную гирлянду Анашвари, а Сумеру подарил множество разнообразных и бесценных лалов, жемчугов и самоцветов и могучего божественного слона, ведущего род свой от Айраваты. Брошена была в пламя вторая пригоршня зерна, и Джая передала невесте жемчужное ожерелье, носящей которое ни смерть, ни голод, ни жажда не страшны, а Сумеру подарил еще жемчуга да самоцветов вдвое больше, чем в первый раз, да еще несравненного коня от семени Уччайшриваса. Третий раз бросили пригоршню зерна, и подарила на этот раз Джая нитку жемчуга, такую, что если кто носит ее, то будет вечно юным, а Сумеру — в три раза больше лалов, жемчугов и самоцветов, да еще кольцо, наделенное всеми волшебными силами.

Закончилась свадьба, и обратился Сумеру к богам и асурам, видьядхарам и прародительницам и ко всем, кто там был, с такими словами: „Пожалуйте теперь отведать угощения в доме моем! Сделайте мне такую милость — ради этого вознес я руки, молитвенно сложенные, над головой“. Пока все они упирались да от приглашения Сумеру отнекивались, пришел туда Нанди, бык Шивы, и сказал склонившимся перед ним в поклоне: „Повелел вам Шива идти пировать во дворце Сумеру, ибо он ему любезен. Отведаете вы его угощения и никогда больше не будете знать голода“.

И тогда явились бесчисленные слуги Шивы, во главе которых были Винайка, Махакала и Вирахадра, и они, как полагалось, соорудили очаг, и рассадили по чину богов и видьядхаров, асу-

ров и людей, и разнесли им угощения, приготовленные с помощью волшебных знаний Сумеру, а также и те, что дала ему по велению Шивы исполняющая желания корова Камадхену, и каждому гостю доставляли то, что он хотел, Вирахадра, Махакала, Бхрингин и другие слуги. И повсюду, куда ни ступи, устраивались для удовольствия гостей песни, и хоры, и танцы апсар. Когда же окончилась трапеза, то Нанди и прочие надели каждому божественные гирлянды и одарили одеждами и украшениями. Почтив так гостей, богов и прочих, ушли старшие над ганами и все ганы с ними. Затем удалились оттуда боги и асуры и их матери. Ушли и Шруташарман и все, кто был с ним, к своему стану. Сурьяпрабха же вместе со всеми супругами и соратниками улетел на воздушном корабле в лесную обитель к Сумеру и послал Харшу возвестить царям земли и своему брату Ратнапрабхе о достигнутом успехе. Когда же кончился день, то вошел он вместе с Камачудамани в опочивальню, где стояло хорошо устроенное, наилучшими драгоценностями украшенное ложе, и там в любовных объятиях, ласковых покусываниях и нежных подталкиваниях, преодолев ее стыдливость, изведal он с вновь обретенной женой такую сладостно-томительную страсть, какой никогда не испытывал с другими. И сказал он ей так: „Нынче всем прочим женам место вне сердца, только ты одна в нем“.

Затем от любовных забав и радостей, наслаждения от объятий любимой охватил его сон, но кончилась ночь, и сон кончился, а поутру он, проснувшись, отправился к другим женам и развлекался с ними. А они смеялись и шутили над ним и прохаживались на его счет, и, пока шла эта веселая перепалка, привратник ввел к Сурьяпрабхе видьядхару Сушену, который сказал так: „Божественный, послали меня к тебе вожди видьядхаров — повелитель горы Трикуты и другие. Через три дня на горе Ришабха предстоит твоё помазание, сулящее радость. Посоветовались мы и решили сами устроить это дело“. Выслушал Сурьяпрабха посла и обратился к нему с такими словами: „Ступай и передай мое слово повелителю Трикуты и прочим. Пусть будет так и пусть дело будет начато и все сделано, как вы говорите, и мы также начнем готовиться, а когда будет уместно, известим об этом всех“. И Сушена, выслушав ответное послание, удалился.

Сурьяпрабха же послал Прабхасу и каждого из своих друзей, для того чтобы пригласить на великое торжество его помазания богов, Яджнявалкью и других мудрецов, царей земных, видьядхаров и асуров, а сам без свиты отправился на Кайласу, самую высокую из гор, чтобы пригласить на свое торжество самого Шиву и жену его Амбику. И, взбираясь, увидел он сверкающую белоснежную вершину, словно самого Верховного бога, которому служат другие боги, мудрецы и сиддхи. Когда же прошел Сурьяпрабха больше половины того, что осталось, увидел он, что очень труден дальнейший подъем, и заметил вход, украшенный кораллами. Когда же он обнаружил, что хоть и наделен знаниями, но

войти туда не может, взмолился всем сердцем богу, несущему на челе полумесяц.

И тотчас же раскрылись двери, и муж со слоновьей головой сказал: „Иди и проходи, обрадовал ты меня, Херамбу“. Вошел туда удивленный Сурьяпрабха и увидел сидящим на большом куске джyотпрасы, сверкающей ярче двенадцати солнц, в слоновьем обличье, с одним клыком, с тремя глазами, толстопузого Винаяку, держащего пылающий топор и палицу, окруженного ганами во всяких звериных обличьях, а когда увидел, то поклонился ему в ноги. Тот, устранитель препятствий, обрадованный, спросил, зачем Сурьяпрабха пожаловал, и милостивым голосом сказал: „Взбирайся дальше по этой дороге“. Тогда поднялся Сурьяпрабха еще на пять йоджан, и увидел дверь из пламенных рубинов, и, когда не смог в нее войти, взмолился, и вознес хвалу Шиве, трезубец держащему, и произнес всю тысячу имен Шивы, радостно устремившись к нему мыслью. И тогда сам Вишакха, сын Кумары, раскрыл двери, и пригласил Сурьяпрабху войти, и возгласил его имя, а когда герой прошел, то увидел самого Сканду в ореоле яркого пламени, окруженного пятью сыновьями — Вишакхой, Шакхой и другими, витали вокруг него планеты, большие и малые, и к стопам его склонялись десятки миллионов повелителей ганов.

Спросил Сканда Сурьяпрабху о том, что за причина привела его сюда, и показал ему путь, по которому идти дальше. Так по очереди встретилось ему пять входов, и каждый был из другого драгоценного камня, и по очереди показывали ему дорогу Бхайрава, Махакала, Вирахадра, Нанди, Бхрингин, окруженные спутниками своими, и у всех он спрашивал, как идти дальше, и наконец остановился у восьмой, самой красивой, хрустальной двери. Снова восхвалил он бога богов, и был введен внутрь одним из рудр, и увидел величественный, просторнее неба, дворец Шивы, где весело веет божественно душистый ветерок, а деревья вечно в цвету и усыпаны плодами, где поют гандхарвы, а апсары водят хоровод. И там на хрустальном троне увидел он Трехглазого с трезубцем в руке, прозрачного, словно хрусталь, с рыжими волосами, уложенными пирамидой, сверкающего серпом полумесяца на лбу. Около него стояла дочь гор Парвати. С восторгом взирал Сурьяпрабха на великого бога, а затем приблизился и пал в ноги ему и его супруге. Коснулся Шива рукой его спины и велел встать, и спросил повелитель: „Ради чего ты пришел?“ Отвечал ему Сурьяпрабха: „Близится час помазания, и прошу тебя, великий бог, пожаловать туда“. Сказал ему на это милостивый и благосклонный к нему Шамбху: „Зачем же ты утруждался, сын мой? Разве недостаточно было только подумать обо мне? Но пусть будет так. Приду я на твое помазание“. И, подозвав одного из ганов, повелел: „Ступай с ним на гору Ришабха, ибо это и есть место помазания таких властелинов, как он“. Услышав это, гана подхватил Сурьяпрабху, обошедшего повелителя слева направо, унес

его, и поместил на горе Ришабха, и благодаря своему волшебному знанию тотчас же исчез.

Пришли туда к Сурьяпрабхе его друзья, все его жены во главе с Камачудамани, повелители видьядхаров, боги во главе с Индрой, асуры во главе с Маем, великие мудрецы, Шруташарман, Сумеру и Сувасакумарака, и Сурьяпрабха приветствовал каждого как положено и рассказал им обо всем, что Шива сказал. Затем Прабхаса и другие министры принесли в кувшипах, золотом и жемчугами украшенных, воду, собранную из ручьев и рек, морей и океанов, мест священных купаний.

Пожаловал туда сам Шива в сопровождении своей супруги Гаури, и все боги и асуры, видьядхары и цари, данавы и даитьи склонились пред ним и в восторге кричали: „Счастливы этот день!“ И под крики мудрецы помазали той водою Сурьяпрабху на царствование над всеми, кто движется в поднебесье, и посадили его на троп. Сотканный из мудрости асура Май повязал ему тюрбан, украшенный диадемами, и загремели на земле литавры, и откликнулись им на небе тулумбасы, и апсары поплыли в танце. Вместе с Сурьяпрабхой была помазана мудрецами и Камачудамани, и делали они ее великой царицей, достойной супруга. Когда после завершения церемонии помазания тридцать три бога и асуры удалились, верховный повелитель видьядхаров вместе с родственниками, друзьями и ровесниками продолжал празднество. А когда прошло еще несколько дней, то отдал Сурьяпрабха, как велел Шива, северную часть царства Шруташарману, и, новых жен себе добыв, долго наслаждался он богиней счастья видьядхарского царства и управлял им вместе со своими друзьями. Вот так по милости Шивы в давние времена Сурьяпрабха, хотя и был смертным, сумел достичь верховной власти над всеми видьядхарами».

Рассказав сыну повелителя ватсов Нараваханадатте эту историю и поклонившись ему, вознеся лучший из видьядхаров на небо, а когда он удалился, то стал божественный Нараваханадатта с Маданаманчукой жить во дворце повелителя ватсов, ожидая, когда и он удостоится сана верховного повелителя движущихся в поднебесье.

КНИГА ОБ АЛАНКАРАВАТИ

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Мы склоняемся перед Ганешей, перед которым, когда он пляшет, даже горы склоняются так, словно сама земля покачнулась под тяжестью дайти Нишумбхи!

Нараваханадатта увлекался охотой, да так, что иной раз, разгоряченный погоней, отпускал всех, кто с ним был, и только в сопровождении Гомукхи устремлялся еще дальше в лес. Однажды, когда так случилось, задержалось у царевича правое веко, предвещая счастливую встречу; и действительно, довелось Нараваханадатте встретить видьядхари Аланкаравати, которой при рождении было предречено стать супругой будущего повелителя видьядхаров. И так разгорелась между ними любовь, что, когда ее мать Канчанапрабха посоветовала Нараваханадатте вернуться домой, с тем чтобы на следующее утро царь Аланкарашила, отец этой красавицы, отдал ее в жены царевичу, не описать, как страдали влюбленные — не вмоготу было им перенести разлуку даже на одну ночь. Укорила их Канчанапрабха: «Что это, уж и одной ночи подождать не можете? Стойкие-то люди выдерживают и долгую разлуку, даже тогда, когда и срок ее неизвестен», а в подтверждение сказанному сообщила о том, что случилось с благословенным Рамой и божественной Ситой и не раз было пове-

дано богомудрым Вальмики и многими другими, как Калидаса и прочие, и спросила: «Как же это вы, дети, не можете провести в разлуке одну ночь?» С этими словами забрала она дочь и улетела небесной дорогой в свой дворец, а Нараваханадатта вернулся к себе в Каушамби, но сон не шел к нему, и тогда затейливый выдумщик Гомукха рассказал ему о царе Притхвирупе, небывалом красавце, искавшем себе равную по красоте невесту, и как велел Притхвирупа художнику Кумаридатте изобразить его на ткани и послал этот портрет к царю Рупадхаре, у которого, как сказали Притхвирупе странники, есть дочь, равная ему по красоте, и должен был художник узнать, не отдаст ли Рупадхара свою дочь в жены Притхвирупе, и, сделав ее портрет, доставить своему господину.

Все сделал художник, как велено, и когда после многих приключений вернулся и показал повелителю портрет Рупалаты, то так полюбил ее Притхвирупа, что мучился от разлуки безмерно. И вот отправился он в путь, и преодолел лесные дебри, и отражал нападения свирепых бхиллов, и пересек океанские просторы, а потом достиг острова Муктипуры, и все завершилось после долгой разлуки радостями свадьбы, и жил да радовался царь со своей любезной Рупалатой и изведаль все счастье, какое только может изведать смертный. Слушая подобные истории и беседа с приближенными, провел царевич ту ночь, а когда настало утро, увидал, как с небес спустилась Канчанапрабха с мужем Аланкарашилой и дочерью Аланкаравати и прочими, и тогда, как полагалось по закону, была справлена свадьба, и Нараваханадатта, которому досталась Аланкаравати, наделенная благородными достоинствами и прелестная своей скромностью, радовался ей, как радуется хороший поэт, который нашел стиль, полный высоких чувств, звучных стихов и ярких метафор.

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Веселился Нараваханадатта с Аланкаравати у себя дома, пока не пригласила его теща Канчанапрабха погостить у нее в Гималаях, и там дивился он всяким чудесам, созданным ее волшебством, а потом вернулся в Каушамби, и провожавшая молодых Канчанапрабха наказывала Аланкаравати: «Смотри, дочка, никогда не причиняй горя мужу ни гневом своим, ни ревностью».

На следующее утро, когда были уже завершены все положенные дела и Нараваханадатта совещался с министрами, прибежала некая красавица, моля о защите от вознамерившегося убить ее брахмана, и объяснила, что была она выдана замуж отцом против своей воли за уродливого богача Хатхашармана и бросила его, но, к кому бы ни уходила, всякого Хатхашарман разорял, а сейчас и вовсе озверел — ждет ее с кинжалом за дверьми. Велел царевич привести пред его очи самого Хатхашармана и спросил, по какой причине тот ее преследует, и, пока брахман излагал свои доводы, раздался голос с небес, возвестивший, что красавица эта — видьядхари, из-за отцовского проклятия жившая среди смертных, и только закончилась небесная речь, как она пала замертво, и были все этим потрясены, и зарыдал даже сам Хатхашарман. И среди всеобщего изумления вспомнил он, что было с ним в прежнем рождении, поведал о себе, как не хотел он жениться, и как был за это проклят отцом, и как нареченная решила разделить его судьбу, а завершив свой рассказ, покинул человеческий облик и, обратившись в юного видьядхару, улетел, исполняя предназначенное, небесным путем.

Всех изумило это происшествие, а Гомукха стал рассказывать стародавнюю историю об Анангарати, заносчивой от своей безмерной красоты и решившей отдать себя лишь тому, кто и герой, и красавец, и обладает каким-либо знанием. Сватались к ней четыре молодца — шудра, вайшья, кшатрий и брахман, и хоть показали они невиданную доблесть, но, как высчитал звездочет, никто из них в мужья ей не годился, ибо она была

видьядхари, из-за проклятия родившаяся среди людей, и должна вскоре вновь уйти на небо. И вот через три месяца упала она замертво, и никто из женихов вернуть ее к жизни не смог. Лишь один брахман сумел узнать, что в прошлом рождении звали ее Анангапрабхой и проклинали ее родители из-за нежелания выйти замуж. Благодаря милости богини Амбики этот брахман и женился на Анангапрабхе.

Только не принесла ему эта женитьба радости, так как силой проклятия обречена была Анангапрабха на измену супругу, и увел ее царь Харивара. Брахману же, которого звали Дживадатта, пришлось обойти все святые места, какие только есть на земле, а потом еще долго совершать разнообразные подвиги веры, чтобы умилостивить Амбику. Достиг он своей цели, и просветила она его знанием о том, кем были он и трое других женихов, и о том, как избавиться от проклятия. Только тогда сумел Дживадатта вернуться в сонм ганов.

Анангапрабха же, побыв некоторое время с царем Хариварой, ушла к учителю танцев Лабдхаваре, а от него к игроку Сударшане и так одного за другим продолжала менять своих возлюбленных. От разорившегося Сударшаны перешла она к богатому купцу Хираньягупте, затем досталась вождю племени рыбаков Сагаравире, после него — красавцу кшатрию Виджайаварману и, наконец, стала верной женой царю Сагараварману. Она родила ему сына, которому в положенное время Сагараварман передал царство. После этого пошел Сагараварман со своей милой в Праягу, и стали они у места слияния Ганги с Ямуной совершать всякие аскетические подвиги, и тогда явился Сагараварману во сне Шива и сказал: «Обрадовали вы меня своими подвигами. И ты и твоя жена — видьядхари и на заре возвратитесь в видьядхарское царство».

«Вот так и небесным существам, дурно себя ведущим, приходится из-за проклятия рождаться в мире смертных, и, только вкусив от этого плода, могут они благодаря прежним добродетельным деяниям вернуться на свою стезю», — закончил рассказывать Гомукха.

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

На другой день обратился к Нараваханадатте Марубхути и посоветовал ему помочь карпатике, стоявшему и в жар и в холод у царских ворот, пока слуга еще не помер. Вовремя оказанная помощь дороже, чем богатство не ко времени. Согласился с Марубхути Гомукха, но заметил: «Пока не очистится проситель от греха, стоящего на его пути к благоденствию, до той поры не может господин устранить его бедность» — и в подтверждение рассказал сначала о том, что произошло с царем Лакшадаттой и нищим Лабхадаттой, а потом о славном и самоотверженном царском слуге Вираваре, решившемся ради благоденствия государя на то, чтобы и семью свою в жертву Чандике принести, да и самому себе отсечь голову во славу грозной богини. Но смиловнилась над ним Чандика и в награду и детей его вернула к жизни, и супруге и царю пожаловала благоденствие. «Встречаются, божественный, — продолжал Гомукха, — такие добродетельные слуги у царей, которые ради государя и тело свое, и все, что у них есть, готовы отдать. Таков, наверное, и недавно появившийся у тебя служитель Праламбабаху — он и высокодобродетелен, и силен, и пригож собой».

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

И нетрудно было убедиться в этом — всюду Праламбабаху поспевал за царевичем, да и на охоте оказывался впереди всех. Как-то во время охоты царевич с Гомукхой и поспешавший за ними Праламбабаху заехали в дремучий лес и встретили у озера, в котором плавали золотые лотосы, четырех

мужей дивного облика, и благодаря им царевич смог узреть самого Вишну, возлежащего на змее. Присоединился Нараваханадатта к тем, кто славили великого бога, а Вишну, довольный царевичем, велел Матали привести четырех апсар и отдал их ему в жены. Потом побывал царевич на Кокосовом острове, отдыхал на горах Майнаке, Вришабхе и Балахаке, оспаривавших красоту небес, а после попросил Матали перенести его обратно в Каушамби, но только так, чтобы путь лежал через берег озера, где ожидал его Гомукха. Когда же вернулся царевич в Каушамби, то Удаяпа, повелитель ватсов, устроил по случаю милости, явленной Вишну, большой праздник и радостно смотрел на доставшихся ему по милости самого Хари в невестки небесных дев Деваруцу, Деварати, Девачалу и Деваприю.

Счастливо проводил время Нараваханадатта. Однажды, когда он отдыхал со своими друзьями в покоях Алапкаравати, донесся до его слуха бой барабанов, и спросил он у полководца Харишикхи, что случилось. Разузнал Харишикха и сообщил, что разоренный океаном купец Рудра, еле спасшийся после крушения корабля, на котором погибло его богатство, сегодня по воле судьбы нашел в своем саду великий клад, и повелитель ватсов Удаяпа разрешил ему оставить этот клад себе.

«Дивное это дело,— молвил Нараваханадатта,— то судьба лишает богатства, то вдруг дает его. Она словно играет людьми, то вознося их, то низвергая».

«Уж такова природа судьбы»,— сказал на это Гомукха и поведал предивительную историю о купце Самудрашуре. Каким-то чудом спасшийся от кораблекрушения и утративший все, что имел, находит он на мертвце пояс с завязанным в него ожерельем, и чуть было не казнили его из-за этой драгоценности, но голос с небес запретил казнь, и был отпущен купец царем, да еще и денег получил. Снова пустился Самудрашур в странствия и едва не погиб от разбойников, ограбивших его, но случилось ему в гнезде коршуна найти целую грудку бесценных сокровищ, и снова начал купец торговать и наживать большие деньги. «Все это божественный,— заключил Гомукха,— хитроумные изощрения судьбы. Но добродетельный, испытывающий горе, все же достигает счастья».

На другой день пришел к Нараваханадатте во время совета молодой богатырь Самаратунга и обратился к нему: «Божественный, мой родич Самграмаварша вместе со своими четырьмя сыновьями разорил мои земли. Так я пойду и приведу этих недругов сюда связанными, да будет ведомо о том повелителю». Хотел царевич дать ему из своей дружины подкрепление, но Самаратунга не принял помощи, сам одолел пятерых врагов и привел их на суд к Нараваханадатте. «Подобно тому как он пятерых врагов, вторгшихся в чужое владение, одолел, так и человек, осуществляя свои цели, одолевает пять чувств»,— молвил Нараваханадатта. Гомукха же, чтобы показать, как может многих врагов, опутанных яростью, одолеваемых завистью, безмерно занесшихся в упоении собственным величием, опьяненных уверенностью, что никто с ними не сравнится, победить всего лишь один-единственный человек, поведал историю раджи Чамаравалы, которому пришлось разбить войско пятерых родичей, составивших против него заговор.

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Когда на следующий день собрались все в покоях Алапкаравати, то в присутствии всех министров подошел к Нараваханадатте слуга Марубхути — а был этот слуга родным братом Саувидаллы, стража антахпура, — и вот что сказал: «Я, божественный, служу у Марубхути уже два года, и давал он мне с женой денег на прокорм и одежду, но сговорено было, что каждый год сверх того еще и по пятьдесят динаров платить. Да только не платит он мне, и тех динаров я в глаза не видывал. Просить я его стал, а он меня взашей выгнал. Вот и пришел я спозаранку к тебе. Рассуди нас, повелитель, а коли нет, то вот что сделаю — сложу костер и

предам себя огню, великому Агни, а говорю так потому, что Агни — мой покровитель».

Умолк слуга, и заговорил сам Марубхути. «Истинно задолжал я ему эти динары, да нет их у меня сейчас», — пробормотал он, но все, кто там был, расхохотались, и, пока еще не умолк смех, укорил царевич своего министра: «Что так глупо себя ведешь? Недостойно это твоего ума! Ступай и немедленно отдай слуге долг». Устыдился Марубхути, тотчас же принес деньги и вручил слуге все, что полагалось.

Гомукха же, у которого на любой случай всегда была готова какая-нибудь история, рассказал о радже Чирадатаре, не любившем отдавать долги, а потом поведал еще и пространную и исполненную чудесных событий повесть о царе Канакаварше и красавице Маданасундари. Пришел однажды к этому царю знаменитый и несравненный художник из Видарбхийских краев Роладева и написал портрет Канакаварши, а когда попросили приближенные написать еще и красавицу, его достойную, то ответил он им, что такой здесь не сыскать, а вот, мол, есть на его родине царевна Маданасундари, и показал царю ее портрет, им самим, Роладевой, созданный. И тут разгорелась любовь, и, как должно, завершилась она свадьбой. Стали Канакаварша и Маданасундари счастливо жить, да из-за ревности пришлось им претерпеть немалые мучения в разлуке, и не только с женой был Канакаварша разлучен, но и с сыном, похищенным ракшаси. Много испытал царь злоключений: и спасался от льва, и убегал от бешеного слона, и чуть было не принесли его шабары в жертву, пока по милости Сканды не воссоединился он с женой и сыном.

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Были довольны историей, рассказанной Гомукхой, Нараваханадатта и его любимая, но заметил царевич, что из-за зависти помрачнел Марубхути, и тогда, чтобы отвлечь его от недобрых мыслей, обратился к нему с такими словами: «Не расскажешь ли нам, Марубхути, какую-нибудь историю?» И, обрадовавшись, ответил тот: «Конечно, расскажу» — и стал рассказывать.

О брахмане Чандрасвамине, его сыне Махипале и дочери Чандравати

«В стародавние времена, божественный, в городе Камалапуре, где правил раджа Камалаварман, жил лучший из брахманов, имя которому было Чандрасвамин. Была у него, мудрого, жена по имени Девамати, и была она по смирению своему третьей после Лакшми и Сарасвати. Родила она ему сына, обладавшего приметами, предвещавшими счастье, а когда родился он, то раздался голос с небес: „Нужно, Чандрасвамин, наречь твоего сына Махипалой. Станет он царем и долго будет править всей землей“. Услышав такое, нарек Чандрасвамин сына этим именем и устроил праздник. День ото дня рос Махипала и научился владеть словом и мечом, изучил шастры и веды и познал всякие прочие науки.

Тем временем родила Девамати дочь беспримерной красоты, и нарекли ее Чандравати, и стала она вместе с братом расти в отцовском доме.

Случилось так, что не пришли в ту страну дожди и все посеянное на полях спалили жестокие лучи солнца. Из-за этой беды стал царь, попирая законы и отступив от пути добродетели, грабить подданных, лишая последнего достатка. Видя такую напасть, сказала Девамати Чандрасвами: «Давай пойдем к моему отцу в дом. Покинем этот город, не то суждено нам погибнуть». Ответил жене Чандрасвамин: «Не дело это! Великий грех — бросать свой дом во время голода. Возьму-ка я лучше деток да отведу их к твоему отцу, оставлю у него и быстро вернусь». И с этими словами поручил он ей дом блюсти, и она с ним согласилась, а он взял обоих детей, сына Махипалу и дочку Чандравати, и пошел прочь из города.

Через три ли, четыре ли дня добрались они до большого леса, в котором деревья высохли и все листья с них опали, а под погами — раскаленный солнцем песок. Жажда измучила детей, и Чандрасвамин, усадив их, отправился искать воду. Тут повстречался ему повелитель шабаров Синхаданштра с челядью. Увидел его шабара, спросил, кто да откуда, узнал, что он воду ищет, сделал знак условный слугам, а сам сказал: «Отведите его к воде!» Услыхав приказ, его слуги вдвоем или втроем надеящегося на осуществление желания Чандрасвамина схватили, увели и заперли в хижине. Поняв, что заперли его, дабы принести в жертву, загоревал он по детям своим, оставшимся в лесу: «Ах, сынок Махипала! Ах, доченька Чандравати! Горе-то какое! Покинул я вас на поживу львам да тиграм. Да и сам попал к злодеям в лапы, и нет мне спасения». Вот так рыдая, посмотрел брахман на небо и увидел солнце. И тут его осенило: «Прочь, наваждение! Вот к этому повелителю моему обращаюсь я за защитой». И, решив так, начал он славить светило:

О лучезарный Сурья,
сияющий в небе высоком,
О истребляющий тьму
и в душе человека,
И во всех трех мирах,
о сверкающий, слава тебе!
Охватил, точно Вишну,
все три мира лучами своими,
Словно благостный Шива,
ты источник безмерного счастья,
Будто Праджапати,
ты — зиждитель вселенной!
Зримо сияет луна,
и незримый огонь опалает —
Ты сиянье им дал,
и во мраке ночном ты сверкаешь!
Гонишь ракшасов ты,
силы дасов презренных лишаешь,
И когда, жизнедатель,
после ночи ты снова восходишь,
Добродетельных радость
переходит пределы вселенной!
Так спаси меня, Сурья,

трех миров негасимый светильник!
Дай прибежище мне,
разгони окруживший меня
Горя мрак! Защити,
надо мною ты смилуйся, славный!

Такими и всякими другими молениями Чандрасвамин славил солнце, и отозвалось оно с небес: «Довольно я тобою, Чандрасвамин, и не грозит тебе гибель, и по милости моей встретишься ты с сыном и дочерью». Успокоился от этой небесной речи Чандрасвамин и принял от шабаров воду для омовения и еду. Тем временем Махипала с сестрой бродили по лесу и, из-за того что отец не возвращался, отчаянно ревели. Нашел их шедший той стороной с караваном богатый купец Сартхадхара и спросил у них, что с ними случилось. Утешил он детей, заметил у мальчика добрые приметы и взял его вместе с сестрой в свою страну. И хотя был еще ребенком Махипала, но знал все жертвы Агни и другим богам и совершал их, а купец смотрел на него с любовью.

Однажды по какому-то делу пришлось побывать там министру раджи Тарадхармы, жившего в городе Тарапуре. Этот лучший из брахманов, которого звали Анантасвамин, со всей своей свитой, слонами, конями и пешими воинами остановился у купца Сартхадхары, бывшего ему другом. Отдыхая, увидел он прекрасного обличком Махипалу, читавшего мантры во время жертв Агни и прочих обрядов, и спросил о его истории. Узнав от купца, что этот ребенок сирота и что он из брахманской варны, министр, поскольку сам был бездетен, попросил друга отдать ему мальчика вместе с сестрой. Отдал купец их обоих, и уехал Анантасвамин в Тарапур, а там усыновил мальчика, и Махипала стал жить в его доме, избилующем богатством и мудростью.

С отцом же их случилось вот что. Пришел повелитель бхиллов Синхаданштра в ту хижину, где лежал связанный Чандрасвамин, и сказал ему: «Явилось мне, почтенный, во сне само солнце и велело тебя покормить и не убивать. Вставай и иди куда хочешь!» С этими словами освободил он брахмана, дал ему жемчужину и мускус и назначил провожатых, чтобы помогли выбраться из леса. Пошел Чандрасвамин искать Махипалу и его сестру, но не нашел их, где оставил, и в поисках добрался до стоящего на берегу океана города Джалапуры и вошел как гость в дом некоего брахмана, и, когда поведал он, что с ним случилось, сказал хозяин дома Чандрасвамину: «Проходил здесь некоторое время тому назад купец Канакаварман, и были с ним найденные в лесу двое брахманских детей. Эти двое очень красивых детей уплыли с ним отсюда на Кокосовый остров, а как зовут их, не сказал купец».

Подумал Чандрасвамин: «Должно быть, это были мои дети» — и решил отправиться на те острова. Скоротал он ночь, и разыскал наутро купца Вишнувармана, и сговорился с ним отправиться на Кокосовый остров. Взошел на корабль и поплыл с ним, подгоняемый любовью к детям, Чандрасвамин через океан на тот остров.

Прибыв туда, стал он расспрашивать купцов, и отвечали они: «Верно, был здесь купец Канакаварман и с ним двое красивых брахманских детей, найденных им в лесу, но недавно отплыл он отсюда с ними на Черепаховы острова». Узнав об этом, условился брахман с купцом Данаварманом и поплыл на его ладье на те острова. И там узнал он, что Канакаварман уплыл с тех островов на Камфарные острова. Пришлось ему плыть с купцами сначала на Камфарные острова, а потом на Золотые острова, а после этого на Львиный остров, но нигде не мог он найти Канакавармана. От жителей Львиного острова разузнал он, что тот уплыл к себе на родину в город, называющийся Читракута.

Вместе с купцом Котишварой на его корабле поплыл Чандрасвами́н через океан, и, пересекши бурные просторы, добрался до города Читракуты, и разыскал купца Канакавармана, и, жаждущий встретиться со своими детьми, поведал ему все, что с ним было. Купец, понимая его чувства, показал ему детей, найденных им в лесу. Посмотрел на них Чандрасвами́н и увидел, что вовсе это не его дети, а какие-то другие, и, убитый горем и потерявший надежду, разрыдался: «Столько скитался я и ни сына, ни дочери не нашел. словно дурной хозяин, посулила судьба мне надежду, но не выполнила ее! Напрасно мыкался я, злосчастный, по дальним далям!» Стал утешать его, горемыку, Канакаварман, и, постепенно успокоившись, сказал Чандрасвами́н: «Если не разыщу я детей через год, то пойду на берег Ганги и, занявшись подвижничеством, расстанусь со своим телом». Сказал тогда один мудрый человек, присутствовавший при этом: «Ступай, найдешь ты своих детей по воле Нараяни!» Обрадовался он таким словам, вспомнил, что ему солнце обещало, и, простившись с почтившими его купцами, пошел прочь из того города.

Вот идет он в поисках своих детей через аграхары, деревни и города и как-то раз, когда уже смеркалось, подошел к лесу, в котором росли большие и густые деревья. Решил он провести там ночь, поел плодов лесных, попил воды и, чтобы лев, тигр или какой другой зверь не потревожил, забрался на дерево. А сон не шел к нему, и ночью увидел он, что у этого дерева под началом грозной Нараяни собрались Великие Матери, и каждая из них принесла с собой угощение, и стали ждать они прихода Бхайравы.

«Почему это Бхайрава так долго не идет?» — спросили Матери у Нараяни, а та только рассмеялась и ничего им не ответила. Начали они просить Нараяни, чтобы та рассказала им, в чем дело, и она молвила: «Хоть стыдное это дело, но расскажу я вам, подруги! Есть здесь в городе Сурапуре раджа, которого зовут Сурасена, а у него есть очень красивая дочь, и зовут ее Видьядхари. Хотел отец выдать ее замуж, и довелось ему услышать, что у раджи Вималы есть равный ей по красоте сын, которого нарекли Прабхакарой. А раджа Вимала хотел юношу женить и слышал, что у Сурасены есть дочь, равная его сыну по красоте. Вот и отправил

Вимала к Сурасене посла просить дочь того в жены своему сыну. Согласился Сурасена, и стала Видьядхари женой Прабхакары, и дал за ней царь небывало богатое приданое.

Вот прибыла Видьядхари в город к свекру и вошла в спальный покой к мужу, но провела ту ночь без радости и ласки и увидела, что достался ей в супруги немощный мужчина. „О, горе мне! Убили меня! Достался мне евнух в мужья!“ — причитала она и в таких сетованиях провела почь, а когда рассвело, написала письмо отцу и послала, а было там сказано вот что: „Что же это ты, не разузнав как следует, отдал меня в жены евнуху?“ Прочел ее письмо отец и закричал: „Обманул меня Вимала!“ Распалился он оттого гневом и послал ему собственноручное послание: „Как смел ты сына своего немощного в мужья моей дочери прочить! Берегись, пожнешь плод своего злодейства! Я сам приду и тебя убью!“ Стал Вимала с министрами над этим письмом размышлять, и, зная, что Сурасену им не одолеть, никакого выхода найти они не могли. И сказал тогда Вимале его министр Пингаладатта: „Есть, божественный, одно-единственное средство, и его нужно ради благополучия применить. Знаю я якшу, которого зовут Стхулаширас, и знаю, как вызвать его и какой мантрой от него получить желаемое. С помощью этой мантры нужно тебе его вызвать и ублажить и попросить для сына мужскую силу. Вот и уладится дело!“ Так посоветовал министр, и царь, узнав мантру, вызвал якшу и попросил у него для сына что нужно. Согласился якша и тотчас наделил Прабхакару мужской силой, и стал тот настоящим мужем, а якша стал евнухом.

Убедилась Видьядхари, что стал Прабхакара настоящим мужчиной, и вкусила с ним супружеского счастья и подумала: „Ошиблась я в гневе, поспешила зря. Вовсе не евнух мой муж! Настоящий он мужчина, и нечего тут переделывать!“ Устыдилась она своей ошибки, и, чтобы успокоить отца, написала ему другое письмо и послала его.

Узнал про эту историю Бхайрава и разгневался, велел привести Стхулашираса и проклял его: „Отдал ты свою мужскую силу и навсегда будешь евнухом, а Прабхакара всегда будет мужчиной“. Поэтому якша теперь в горе, а Прабхакара счастлив. Из-за этого-то дела Бхайрава и задержался, но теперь, верно, уже скоро пожелует“. И пока заканчивала Нараяни свой рассказ, тут и сам Бхайрава явился в образе Вишну. Угостили его Матери, отведал он их угощения и стал с ними плясать танец тандава.

Вот что видел Чандрасвамин, сидя на дереве. Смотрел он, смотрел и заметил одну из служанок Нараяни, а та тоже его приметил, и оба они друг другу понравились. Нараяни же провела об их чувствах, и, когда Бхайрава и Матери унеслись, велела она Чандрасвамину, все еще сидевшему на дереве, спуститься. А когда сошел он вниз, спросила она его и свою служанку: «Вы что, действительно друг другу понравились?» — «Истинно, божественная!» — ответили они, и тогда оставила гнев богиня и

сказала Чандрасвами: «Сказали вы правду, и я вами довольна и не прокляну вас. Отдаю я тебе эту служанку, и да будете вы оба счастливы!» Услышав эти слова, ответил ей брахман: «Нестойко сердце мое, но никогда не трону я чужой жены. Хоть нестойкость — природа сердца, но должно избегать телесного греха!» Когда кончил он говорить, молвила богиня стойкому брахману: «Довольна я тобой, и вот тебе награда — скоро найдешь ты и сына и дочь. Возьми неувядающий лотос, исцеляющий от яда и прочих бед». Дала она ему цветок и исчезла вместе со своими служанками. Он же, получив лотос, скоротал ночь, и отправился утром в путь, и после скитаний дошел до города Тарапуры.

А как раз там его сын Махипала и его дочь жили в доме министра брахмана Анантасвами. Когда достиг Чандрасвамин этого города, пошел он еды попросить в дом Анантасвами, сел у порога и, зная, что тот гостеприимен, стал читать нараспев веды. А министр послал слуг разузнать, кто да что, да в дом ввести, и, увидав, что это ученый человек, пригласил его к трапезе, а когда получил Чандрасвамин приглашение, пошел он омыться в пруду, грехи уносящем, имя которому Анантахрада. Когда же, омывшись, вернулся он обратно, то услышал несущиеся по городу крики: «Хай! Хай! Горе!»

Спросил он, что случилось, и так сказали ему какие-то люди: «Живет здесь с сестрой брахманский сын Махипала, найденный в лесу купцом Сартхадхарой, ходящим в дальние страны с караваном: заметил у них добрые приметы министр Анантасвамин, долго просил купца отдать детей и, наконец упросив, привез их сюда. Был он бездетен и детей усыновил, и они полюбили его. И царю Тараварману понравился добродетельный мальчик, да вот сегодня укусила его черная змея, и поэтому-то в городе такой плач и стон». Выслушав это, подумал брахман про себя: «Ведь они о моем сыне говорят» — и тотчас же поспешил в дом министра. Там увидел он окруженного всеми умирающего мальчика, и узнал сына, и обрадовался, взял неувядающий лотос, подаренный богиней, и поднес к носу Махипалы, и от благоухания цветка вышел весь яд и очнулся Махипала, словно бы от сна, и для всех в том городе — от радости до последнего человека — был большой праздник. Посчитав Чандрасвами за воплощение божества, и Анантасвамин и сам царь одарили его всякими сокровищами.

Остался он жить в доме министра и был счастлив, любясь сыном Махипалой и дочкой Чандравати, и они, хоть узнали друг друга все трое, радовались молча — мудрые не предаются без надобности внешним проявлениям чувств. А потом царь Тараварман, очень довольный добродетелями Махипалы, отдал ему в жены дочь свою Бандхумати и половину царства и полностью поручил все дела правления, так как других детей у него не было. Махипала же, получив царство, объявил, что настоящий его отец Чандрасвамин, выдал замуж сестру и зажил счастливо.

Однажды сказал ему Чандрасвамин: „Давай поедem на родину,

привезем твою мать. Верно, думает она, узнав, что ты царем стал: „Как же он меня позабыл?!“ И — чего доброго! — может, истосковавшаяся по сыну, проклясть тебя. А уж кого отец и мать проклянут, тому счастья не видать. Послушай-ка, расскажу я тебе.

О купеческих сыновьях Чакре и Кхадге

В городе Дхавала жил купеческий сын Чакра, и однажды отправился он вопреки желанию отца и матери торговать на Золотой остров. Вот торгует он уже пять лет и денег множество нажил и отправился через океан на корабле, груженном драгоценными камнями, и уже совсем мало оставалось плыть, как вдруг заревел буйный ветер, обрушился ливень и заходили яростные волны, словно бы хотел океан разбить его корабль, думая: „Вот тот, кто пренебрег родительским советом!“ Кого волны унесли, кого морские чудища сожрали, а Чакру еле живого выбросило на берег. Беспомощный и беззащитный, заснул он и увидел во сне некоего мужа ужасного видом, держащего в руке веревку с петлей. Накинул он Чакре на шею веревку и привел во дворец, где на троне сидел некто, и тот повелел человеку с веревкой посадить купеческого сына в клетку, сделанную из железа. Сидя в ней, увидел Чакра другого несчастного, всю ночь мучившегося от раскаленного железного обруча, надетого ему на голову.

Спросил он его: „Кто ты и из-за какого несчастья и как можешь жить в таких муках?“ И отвечал тот: „Имя мое Кхадга, и я купеческий сын. Не сделал я так, как родители мне велели, и, гневные, прокляли они меня: „Словно раскаленным железным обручем жжет наши головы твое непослушание. Так пусть же, злосчастный, и на тебя падет подобная мука!“ После этих слов увидели они, что я заплакал, и сказали: „Не плачь! Только месяц продлится такое наказание“.

Провел я, горемычный, целый день лежа, как убитый, а когда наступила ночь, увидел я, словно бы сквозь сон, что пришел человек страшного обличья, и взял меня, и посадил в железную клетку, и надел пылающий огнем железный обруч мне на голову. Вот что случилось со мной, проклятым родителями. Терзает меня нестерпимая мука, но не приходит ко мне смерть. Вот и кончился сегодня месяц, назначенный проклятием, но не прекратилось это мучение“.

И с состраданием Чакра сказал Кхадге: „И я не послушался родительского слова, и прокляли они меня: „Все погибнет, что ты добудешь!“ — и поэтому все, что нажил я на Золотом острове, поглотил океан. Вот что со мной случилось. Что мне теперь в жизни? Надень на мою голову, Кхадга, обруч, и да кончится проклятие, тяготевшее над тобой!“ Только промолвил это Чакра, как с небес голос раздался: „Свободен ты, Кхадга! Возложи обруч на голову Чакре!“ И Кхадга, избавившись от обруча и возложив его на го-

лову Чакре, какой-то незримой силой был перенесен в отцовский дом и стал там жить, не преступая более родительских наставлений.

Чакра же, приняв обруч на голову, молвил: „Пусть крутится этот обруч на моей голове, пока не истощатся грехи всех грешников на земле!“ Когда сказал это твердый в добродетели Чакра, то боги, на небесах живущие, осыпали его цветами и сказали: „Хорошо, хорошо, добродетельный! Состраданием к другим искуплен твой грех. Ступай теперь, и да не истощится никогда твое богатство!“ Так боги сказали свое слово, и тотчас же слетел с головы Чакры железный обруч, словно его и не было, а потом спустился с небес юный видьядхара и отдал Чакре дарованную обрядованным Индрой грудку камней самоцветных цены несметной, посадил его к себе на колени и доставил прямехонько в город Дхавалу, а сам ушел, как пришел. Чакра, вернувшись к родителям, радостно встретился с ними и другими родичами, и все, что случилось с ним, рассказал и стал там жить, твердый в своей вере“.

Кончил Чандрасвамин рассказывать эту историю, а потом и говорит Махипале: „Таков, сынок, плод послушания родительского совета. Теперь расскажу тебе о том, как послушание помогает исполняться желаниям! Внимай же!

О заносчивом мудреце, о верной жене и о скромном мяснике

Когда-то давно жил мудрец, скитавшийся по лесам и совершивший множество подвигов. Вот сидит он однажды под деревом, а ворона возьми да и облегчись ему на голову. Разъярился он и кинул на нее гневный взгляд, и немедленно обратилась негодная птица в пепел. Возгордился мудрец силой своего взгляда, мощью своего подвижничества. Отправился он в город за милостыней в дом какого-то брахмана, вошел к нему во дворец и попросил хозяйку вынести подаяние. „Подожди, почтенный, пока я хозяину помогу“, — ответила хозяйка, мужу верная жена. Когда же он, рассердившись, глянул на нее гневным взором, рассмеялась она: „Ошибся ты, мудрец. Ведь я тебе не ворона!“ Услыхал это мудрец да и остолбенел от удивления: „Как это ей известно!“ Она же помогла мужу закончить жертву Агни, взяла милостыню и вышла к мудрецу. Принял он подаяние, благодарно руки сложил да и спрашивает: „Каким чудом знаешь ты, что у меня с вороной случилось? Скажи мне, тогда подаяние приму“. Она же ему в ответ: „Нет у меня иного закона и иной веры, чем преданность мужу. Поэтому такова сила моего прозрения. Сходил бы ты к мяснику Дхармавьядхе — живет он продажей мяса, — посмотрел бы на него да скромности поучился“. Получив такой совет от всезнающей женщины, мудрец принял подаяние, поклонился да и побрел к себе.

На другой день разыскал мудрец на базаре мясника и подошел к нему, а Дхармавьядха заметил его да и спрашивает: „Что, брахман, тебя, знать, верная жена ко мне послала?“ Услыхал это мудрец, очень удивился и спросил Дхармавьядху: „Откуда у тебя, мясника, такое знание?“ Ответил на это мясник: „Люблю и почитаю я отца и мать. Они мое единственное прибежище. Сначала их омою, потом сам омоюсь. Сначала они поедят, потом сам поем. Сначала их спать уложу, потом сам ложусь. Вот потому-то я много и знаю. Мясо да потроха газелей да прочей живности продаю, тем и живу. А торговля эта — мое людям служение, а не к деньгам жадность. Ни я, ни та жена, мужу верная, никогда не чванимся, потому что чванство — враг знания. Поэтому-то и наделены мы безграничным знанием. Да и тебе, мудрец, от заносчивости освободиться надо, и тогда, свой долг исполняя, достигнешь ты успеха и будешь светочем среди мудрецов“. Так наставлял его мясник Дхармавьядха. Побывал мудрец у него дома, посмотрел, как мясник живет, и, довольный, пошел к себе в лес. Стал он жить по совету, который дал ему Дхармавьядха, и преуспел в подвижничестве, а мужу верная жена и мясник, выполняя свой долг, преуспели в делах.

Вот какой силы достигают люди, преданные отцу-матери. Ступай поэтому к матери, родительнице своей, что жаждет тебя увидеть“.

Так Чандрасвамин наставлял Махипалу, и согласился тот вернуться на родину, чтобы выполнить желание матери. Рассказал он все Анантасвамину, приемному отцу, и, поручив ему дела, ночью вместе с отцом настоящим отправился к себе в родные края. Долго ли, коротко ли, а дошли они до родной деревни, и обрадовал он приходом Деваматри, так же как приход весны радует коюля. Прожил Махипала какое-то время с матерью и отцом, рассказывавшим про их приключения, и все родичи его сердечно принимали.

А в Тарапуре его жена, царевна Бандхуматри, проснулась тогда на исходе ночи и увидела, что муж ее куда-то исчез, и почувствовала горе и боль разлуки, и не могла больше спать, и бродила по дворцу да по садам, по ее лицу в два ручья лились слезы, подобные жемчужинам, и единственное счастье она видела в смерти и звала ее.

Утешал ее министр Анантасвамин: „Сказал тебе, наверное, Махипала на ухо: „По делу я ухожу и скоро вернусь“, а ты не слышала. Не горюй, доченька!“ И она хоть с трудом, но все-таки, успокоилась. Желая узнать что-либо о супруге своем, всех приходивших из дальних стран брахманов одаривала царевна и спрашивала.

Однажды пришел туда за подаванием бедный брахман по имени Сангамадатта, предрекающий встречу, и она спросила у него о муже, и рассказала все как было, и описала наружность его, и имя назвала, а он ей сказал: „Не приводилось мне встречать тако-

го человека, но тебе, божественная, не следует огорчаться. Бывает, долго тянется время до встречи с желанным. Послушай-ка, какое диво мне довелось видеть!

О коварном подвижнике

Странствовал я по святым местам, и дошел однажды до озера Манаса в горах Гималайских, и увидел там чудный, словно из жемчугов сложенный, дом. Вдруг из того дома появился муж с мечом в руке, сопровождаемый множеством божественных дев, и пошел на берег озера, и стал вместе с ними предаваться веселью и пьянству. А я издали смотрел на все это, незамеченный, с любопытством. Вдруг откуда ни возьмись является другой человек. Встретил я его, и рассказал все, что видел, и показал того мужа с мечом, веселившегося с божественными девами. Посмотрел он на того с любопытством и поведал мне свою историю.

„Правлю я городом Трибхувана, и меня зовут Трибхувана, и долгое время жил при мне один подвижник, поклонявшийся Шиве. Спросил я однажды, чего ради он мне служит, и тогда попросил он у меня помощи, чтобы добыть скрытый в какой-то пещере меч. Пошел я с ним темной ночью в лес, совершили мы разные жертвы, а потом около пещеры тот пашупата и говорит мне: „Войди, герой, в пещеру, возьми меч и обещай, что, когда выйдешь, отдашь его мне“. Обещал я ему сделать так, как он просил. Проник я в пещеру и дошел до дома, сделанного из камней самоцветных и драгоценных. Вышла оттуда дивная дева из рода асуров, с любовью вручила мне меч и промолвила при этом: „Храни его — дает он над всеми победу и дарует способность летать в поднебесье“. И я остался с ней в том доме. Но потом все же вспомнил я, что пообещал пашупате, вышел из пещеры, держа меч в руке, и привел подвижника в дом девы из рода асуров. Там стал я жить с той же девой, а он — с другой. Однажды пашупата, когда я захмелел, силой вырвал из моей руки меч, захватил его и завладел способностью все вершить, а меня взял и вышвырнул из пещеры.

С тех пор уже двенадцать лет, как брожу я по всем пещерам и ищу ту, из которой меня когда-то выкинули. Но вот здесь сегодня увидел я этого злодея, который развлекается с моей девушкой из рода асуров“.

А пока, божественная, раджа Трибхувана мне все это рассказывал, тот пашупата крепко захмелел и заснул глубоким сном. Тогда Трибхувана подошел к нему, схватил висевший у того на боку меч и благодаря этому стал обладать божественной силой. Потом разбудил он пьяного пашупату ударом ноги, обругал его, но не убил, раз тот был беззащитен. Вошел раджа после этого в жилище асуров и обрел наконец свою любимую. А пашупата, утратив силу, загоревал — как бы долго злодеи ни процветали, не-

избежно утратят они благополучие. И я все это видел, а потом после долгих странствий сюда пришел. Так что, божественная, пройдет немалое время, но непременно ты встретишь возлюбленного, как встретил Трибхувана свою милую". Выслушала это Бандхумати и успокоилась, поблагодарила брахмана и щедро одарила деньгами.

На другой день еще один брахман пришел из какой-то очень дальней страны, и ему задала тот же вопрос Бандхумати, описав признаки супруга и сказав, как его зовут, но ответил ей брахман так: „Нет, божественная, нигде не пришлось мне повидать твоего супруга, куда бы я ни ходил. Но скоро ты успокоишься — так мне говорит мое сердце. Как бы долго ни длилась разлука, а встречи не миновать. А как это бывает, послушай!“

О Нале и Дамаянти

Рассказал он тогда историю Налы и Дамаянти, которым пришлось из-за козней богов и духов зла Кали и Двапары претерпеть горькие муки разлуки. Ведь из-за Кали проиграл Нала свое царство своему младшему брату, завистливому Пушкарю, но когда тот предложил поставить на кон жену, не стал Нала этого делать. Пушкар взял да и выгнал Налу и Дамаянти из родной страны. Долго скитались они, и до того охватило Налу отчаяние, что решил он оставить жену и ушел среди ночи тайком куда глаза глядят.

Горько оплакивала Дамаянти исчезновение любимого супруга. Пристала она к какому-то каравану, а потом оказалась в служанках у супруги царя Субаху, где ее отыскал посол ее отца, царя Бхимы, и отвез на родину. Немало испытаний выпало на долю Налы, от укуса змея он обратился в уродливого карлика и в конце концов попал к царю Ритупарне, у которого стал служить поваром, и стал славен не только потому, что искусно готовил всякие яства, но и тем, что на редкость умело правил конями.

Дамаянти мечтала отыскать Налу и, прослышав, что у Ритупарны есть такой замечательный слуга, подумала, что это и может быть ее супруг. Тогда, чтобы залучить его, объявила она, раз супруг ее исчез, сваямвару, состязание женихов, и царь Ритупарна поспешил ко двору ее отца, чтобы принять в нем участие. А пока ехали, научил Нала царя искусству править лошадьми, а тот обучил Налу искусству счета, столь важному при игре в кости.

Когда Ритупарна прибыл ко двору Бхимы и стал дожидаться обещанной сваямвары, уверилась по разным приметам Дамаянти, что возникший Ритупарны и есть ее супруг Нала. А он в том сознался и рассказал, что из-за козней Кали овладела им черная злоба, теперь он от этой напасти избавился. Стало известно об этой встрече и царю Ритупарне, и после всяких церемоний и угощений проводил его царь Бхима к копальицам, которыми он правил. А Нала вернулся к своим нишадям и, использовав знание счета и игральные кости, обыграл Пушкарю, но был к нему милостив, оставил ему часть удела и, радостный оттого, что вновь нашел Дамаянти, счастливо правил царством.

Вот такую историю поведал в городе Тарапуре брахман Суманас царевне Бандхумати, тосковавшей по мужу, и сказал ей еще следующее: „Именно так, божественная, великие одолевают горе и в конце концов наслаждаются счастьем. Вслед за заходом неизбежно наступит восход блистательного Солнца, повелителя дня.

Поэтому и ты обретешь своего супруга, безупречная, и уже немного осталось до того времени, как навсегда расстанешься со своей тоской. Крепись, Бандхумати, отбрось уныние — дождешься ты супруга!“ Щедро отблагодарила она добродетельного брахмана, произносившего столь уместные речи, набралась терпения и стала ждать, а когда немного дней прошло, вернулся ее супруг Махипала со своим отцом, и привезли они с собой из той далекой страны и матушку Махипалы. А когда он, радость для всех глаз, вернулся, то обрадовал этим Бандхумати, так же как восходящий в полнолуние месяц проливает амриту радости на лик Лакшми, рожденной из вод океанских. Стал Махипала жить с Бандхумати в царстве, еще прежде отданном ему ее отцом, нес бремя дел государственных и наслаждался всеми желанными радостями».

Такую увлекательную повесть услышал Нараваханадатта из уст министра Марубхути — была она и интересна и полна любви и страсти. Очень были довольны ею сын повелителя ватсов, божественный Нараваханадатта, и все его жены.

КНИГА О ШАКТИЯШЕ

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Слава хоботу Херамбы, неотразимо разящему врагов, словно кроваво-красный от пылицы шафрана меч, устранивающий все препятствия!

Да защитит вас третий глаз Шивы, посылающий, когда все три глаза открыты, взгляд вперед, словно стрелу, готовую сразить повелителя трех городов!

Пусть сокрушают все ваши трудности взор и когти Нарасимхи, божественного человекольва, еще круче загнувшиеся и pokrившиеся кровью после того, как сразил он ненавистного Хираньякашипу!

Однажды, когда повелитель ватсов сидел в зале совета, пришел к нему купец Ратнадатта и донес, что некий носильщик нашел у ворот дворца браслет, украшенный драгоценными камнями, и что на том браслете начертано царское имя. Велел Удаяна привести того носильщика и купца, которому он продал камень из браслета, и рассудил вместе с Яугандхараяной так, что нет в этом деле ничьей вины и не следует осуждать нищего и

безграмотного носильщика — ведь нищета толкает людей на воровство, а он не украл, а нашел браслет. Кто же отдает найденное? О Ратнадатте же подумал Удайна как о человеке, обманувшем доверие, но все-таки поблагодарил за сообщение.

Васантака, когда все ушли, сказал: «Да, бежит богатство от тех, кто проклят судьбою, даже если оно им достанется. Примерно то же случилось с дровосеком Шубхадаттой, жившим в Паталипутре. Случилось ему встретиться с четырьмя якшами, и в благодарность за усердие подарили они ему волшебный горшок, выполнявший любое желание. Стал Шубхадатта жить да наслаждаться всем, что доставлял волшебный горшок, и бывал сыт до сыта и пьян допьяна. Начал он хвастаться горшком, поставил его на плечо, да пустился в пляс и разбил — и снова Шубхадатта обратился в обездоленного дровосека».

После рассказа Васантаки царевич вместе с отцом совершил и омовение и трапезу, а когда зарделся закат, вернулся со своими друзьями к себе во дворец. Но не шел к нему сон, и тогда Марубхути промолвил: «Не пошел ты, божественный, в антахпур, видно, потому, что хочется тебе взять гетеру, но не позвал ты ее — и не идет к тебе сон. Но почему тебя, всезнающего, по-прежнему влекут гетеры? Ведь незнакомо их сердцам истинное чувство. Не приходилось ли тебе слышать историю о купеческом сыне Ишваравармане?

О купеческом сыне Ишваравармане, жадной красавице и обезьяне, которую звали Ала

Есть на земле большой и богатый город Читракута, и жил в нем когда-то богатый-пребогатый купец по имени Ратнаварман. По милости Ишвары, внявшего его молениям, родился у него сын богоданный, и назвали его Ишвараварман. Видя, что сын его вступил в пору юности и овладел науками, подумал Ратнаварман, главный над купцами, отец единственного сына: „Создал творец прелестный ад, расхищающий жизнь и богатство богатых юношей, опьяненных молодостью, и имя этому аду — гетера. Поручу-ка я сына какой-нибудь сводне, чтобы он от нее узнал о хитростях гетер и благодаря этому не могли бы они его обманывать“. Рассудив так, пошел он с Ишвараварманом в дом к сводне, которую звали Ямаджихва. Там и увидели они ее, с тяжелым подбородком, длинными зубами, кривым носом, наставляющую дочь: „Деньги, доченька, для гетер первое дело: которая же влюбится, так той богатства не дожждаться. Поэтому о любви следует тебе забыть! Любовь для гетеры и закат для сумерек — вестники гибели. Поэтому и должна уметь гетера, словно хорошо обученная танцовщица, проявлять страсть притворную. С ее помощью надобно сначала выпредить из влюбленного кровь, а потом и деньги, и коли он уже выдоен, то следует его бросить, но если сумеет разбогатеть вновь, то опять приблизить. Мудрые гетеры, одинаково относящиеся к мальчишке и старцу, уроду и красавцу, достигают великого богатства“.

К сводне, так наставлявшей свою дочь, обратился Ратнаварман, и она приняла его как гостя и пригласила сесть. Попросил ее старший над купцами: „Вот сын мой, любезная. Сблагослови наставить его, чтобы знал он все уловки распутниц, а на расходы дам я тебе тысячу динаров“. Выслушала она и согласилась и сказала: „Так тому и быть!“ Тогда отсчитал купец тысячу динаров и поручил ей сына, а сам пошел домой.

Вот прожил Ишвараварман в доме Ямаджихвы целый год, изучая хитроумные уловки гетер, а как миновал срок, вернулся в дом отца. Когда же исполнилось ему шестнадцать лет, сказал он отцу: „Дает нам богатство и веру и любовь, дает оно нам и почет и славу!“ При этих словах уверовал Ратнаварман в совершенство знаний сына, согласился с ним и на радостях дал ему товаров на пятьдесят миллионов динаров. Взял эти товары Ишвараварман и в благоприятный день отправился с караваном на Золотой остров.

Шел он, шел и добрался со временем до города Канчанануры и остановился в роще около города. Совершил Ишвараварман омовение, закусил, умастил-нарядился и пошел в город, а придя туда, заглянул в храм посмотреть представление. Увидел он там танцующую красавицу ласковую по имени Сундари, подобную волне океана красоты, поднятой ветром юности. Устремилось к ней сердце купеческого сына, и вся наука, преподанная сводней, словно в гнев его покинула. Когда кончился танец, послал он своего приятеля попросить красавицу о свидании, и она согласилась, сказав: „Счастлива я!“

Поставил Ишвараварман у каравана зорких стражников, а сам пошел в дом той красавицы, а там ее мать, Макаракати острожадая, его, гостя дорогого, всячески ублажала да потчевала, а когда спустилась ночь, ввела в спальные покои, украшенные драгоценными камнями, где было приготовлено ложе. Весело он провел ночь с красавицей, искусной во всех тонкостях танца и страсти. Видя, что обнаружила она глубокую любовь и не отходит от него, он и во второй день не покинул ее покоев. А за эти-то два дня отдал сын купеческий той красавице два с половиной миллиона золотых и много драгоценных камней и прочих сокровищ.

„Много денег мне доставалось, но не было у меня любимого, а коли теперь милый мне достался — на что мне деньги?“ — притворялась она, отказываясь принимать деньги. Возразила на это мать ее Макаракати, у которой Сундари была единственной дочерью: „Нынче что наше, то и его. Что за беда, доченька, коли возьмешь ты его богатство и к нашему присоединишь?“ И после этих слов матери словно нехотя согласилась красавица принять сокровища, а Ишвараварман-то, глупец, подумал, что она и впрямь страстно любит его. Так он был очарован ее красотой, пением и танцами, что пробыл у нее целых два месяца и за то время отдал Сундари двадцать миллионов золотых.

Пришел к нему его приятель Артхадатта и говорит: „Что же,

друг, учился ты, учился у сводни, да, видно, все эти знания не принесли тебе пользы, так же как трусу — владение оружием. Верить в истинность любви шлюхи — все равно что в пустыне пить призрачную воду миража. Вся ее любовь исчезнет, как только кончатся твои деньги. Уйдем отсюда! Ведь не простит тебе этого отец!” Ответил ему Ишвараварман: „Истинно, недостойны гетеры доверия, но эта красавица не такая! Ведь если хоть миг не видит она меня, то уже готова с жизнью расстаться. Но раз считаешь ты, что надобно нам идти, пойди к ней и уговори ее“.

После таких слов Ишваравармана пошел Артхадатта к красавице и сказал ей в присутствии Макаракати: „Истинно необычна твоя любовь к Ишвараварману, но надо ему нынче отправиться торговать на Золотой остров. А добыв богатство, снова вернется к тебе и будет жить с тобой счастливо. Согласись на это, любезная!” Выслушала она это, взглянула очами, полными слез, в лицо Ишвараварману, изобразила великую печаль и ответила Артхадатте: „Вам лучше знать, что делать. Что я могу сказать? Да и кто скажет, не предвидя, чем это кончится? Но что судьба велит, пусть то и будет со мной“. Тут ее мать промолвила: „Нечего горевать, дочка! Сейчас твой милый уедет, а потом вернется с богатством и больше тебя не покинет“. Так, притворяясь, горячо убеждала ее мать, и та, тоже притворяясь, согласилась. А Макаракати тогда велела тайно натянуть сеть на колодце, находящемся на дороге, по которой пужно было идти Ишвараварману.

Закралось тогда в душу Ишвараварману сомнение насчет путешествия, а красавица, словно от горя, почти ничего не пила, почти ничего не ела, и страсть ее не изливалась больше ни в танцах, ни в музыке, ни в песне. Всяческими ласками старался Ишвараварман утешить ее.

В назначенный другой день отправился Ишвараварман из дома красавицы, получив ее благословение, а она вместе с матерью пошла его проводить и все заливалась слезами. Когда же дошли они до колодца, где под водой была натянута сеть, и Ишвараварман, распрощавшись с Сундари, устремился в путь, она бросилась в колодец. Возопила тогда ее мать: „О доченька!“ И слуги заголосили: „Ах, хозяйюшка!“ Тотчас же бросился назад купеческий сын со своим другом и, узнав, что возлюбленная его кинулась в колодец, обмер и упал без чувств. С рыданиями, горюя по дочери, Макаракати тем временем послала верных, заранее подученных слуг с веревками к колодцу — доченьку спасать. Вот они с криками, как велено было: „Жива, жива!“ — вытаскивают красавицу из колодца, и только ее вытащили, прикинулась она мертвой, а лишь как подошел к ней купеческий сын, вмиг оглянулась и что-то ему шепнула. А он-то обрадовался, утешил ее и, сопровождаемый всеми, вместе с ней вернулся в ее дом.

Решив, что завоеванная им любовь красавицы есть плод его жизни, отказался он и думать о путешествии на Золотой остров и остался жить в Канчанапуре. Только говорит однажды его прия-

тель Артхадатта: „Губишь ты себя, друг, этой страстью. То, что кипулась твоя красавица в колодец, любви ее не доказывает, и не из любви она это сделала. Ведь в хитростях и уловках распутниц самому творцу не разобратся! Что скажет тебе отец, когда узнает, как растрчено богатство? Куда ты сам пойдешь? Коль хочешь ты себе добра, так сегодня же падо отсюда уйти“.

Пренебрег купеческий сын советом друга, еще месяц там прожил и истратил еще тридцать миллионов золотых. А как только деньгам пришел конец, сводня Макаракати вытолкала взашей из красавицыных палат Ишваравармана. Поспешил Артхадатта и прочие, кто с ним был, к себе в город и рассказал Ратнаварману все, как случилось, ничего не утаивая.

Очень огорчился от таких вестей Ратнаварман, старший над купцами, пошел к Ямаджихве и попрекнул ее: „Такие деньги большими взяла ты, чтоб сына моего обучить, а вот пройдоха Макаракати запросто отобрала у него все достояние“ — и передал ей то, что ему рассказали о сыне. Ямаджихва, старая сводня, ответила на это: „Да приведи ты его сюда, сыночка-то своего! Я его уж так обучу, что он все богатство у Макаракати отберет“. Когда посулила это Ямаджихва, тотчас же Ратнаварман послал Артхадатту, верного друга, преданного сыну, дал ему и на прокорм, и на подарки, с тем чтобы тот сына обратно привел.

Отправился Артхадатта снова в Канчанапур, и передал Ишвараварману отцово наставление, и сказал при этом: „Не послушал ты меня и убедился сам, какова истинная любовь распутницы. Получил ты по шее, да еще отдал за это пятьдесят миллионов. Как может поверить мудрый, что шлюха может любить? Это то же, что пытаться выжать масло из песка! Да разве такова суть вещей? До той поры мудрый и доблестный муж наслаждается счастьем, пока не падет жертвой женских прелестей да чар. Ступай к отцу, умерь его гнев!“ Сказал все это Артхадатта, и обнадеженный Ишвараварман поспешил к отцу и, придя, во всем повинился. Поскольку у Ратнавармана был только один сын, простил его отец и отвел снова к сводне Ямаджихве. Спросила она обо всем Ишваравармана, а он от смущения слова вымолвить не мог, но Артхадатта рассказал и о том, как красавица в колодец прыгнула, и про то, как деньги были растрчены. Тогда Ямаджихва и говорит: „Да ведь и я виновата — позабыла рассказать ему о такой уловке, к которой и прибегла Макаракати, растянув в колодце сеть. На нее упав, красавица и не убилась, и не расшиблась. Но есть всему противоядие!“ Сказав так, велела Ямаджихва служанкам привести ее обезьяну, которой было дано имя Ала. Выложила Ямаджихва перед обезьяной тысячу динаров и сказала ей: „А ну, проглоти!“ И та, обученная этому, сделала, как ей велели. Затем говорила сводня обезьяне: „Ну-ка, сынок, дай-ка тому двадцать!“, „А тому двадцать пять!“, „Дай тому шестьдесят!“, „Дай нам сто!“ И сколько бы динаров Ямаджихва ни назначала, ровно столько обезьяна выплевывала и отдавала. Показав способности

своей обезьяны, снова заговорила Ямаджихва: „Ты, Ишвараварман, возьми эту обезьянку, снова отправляйся к своей красавице и каждый день вот таким же образом требуй деньги от обезьяны на расходы, и она будет отдавать тебе деньги, которые дашь ей тайно проглотить. Увидев такое, решит красавица, что обезьяна твоя волшебная, подлинная „исполнительница желаний“. Захочет она забрать у тебя одну эту обезьяну в обмен на все ее богатство. Возьми ее деньги, дай обезьяне проглотить столько, чтобы хватило на два дня расходов, и уходи оттуда без промедления!“

Так наставляла Ямаджихва Ишваравармана и отдала ему обезьяну, а отец дал товаров на двадцать миллионов золотых. Взял все это Ишвараварман и снова отправился в Канчанапуру, послав вперед себя гонца, чтобы Сундари уведомить, а там и сам пожаловал. А красавица при виде его, этого истинного совершенства и постоянства в любви и богатстве, радостно приветствовала его и Артхадатту, кинулась Ишвараварману на шею и всяческими ласками старалась показать свою любовь. А он, ответив ей своими заверениями, сказал при ней своему другу: „Пойди, приведи сюда Алу!“

Артхадатта же, молвив: „Так тому и быть“, поспешил за обезьяной и привел ее. Обратился к ней, проглотившей прежде тысячу динаров, Ишвараварман с такими словами: „Сынок, Ала, дай-ка нам триста динаров: сотню — на угощение, на хмельное да на бетель, сотню — матушке Макаракати на пожертвования брахманам, а третью сотню — чтобы красавице подарить!“ И только он это сказал, начала обезьяна один за другим выплевывать динары, что раньше проглотила. Вот таким-то образом Ала целую пакшу — четырнадцать дней — выдавала динары на расходы по велению Ишваравармана.

А Макаракати и красавица все это время думали: „Не иначе само пожелайдеревцо приняло вид обезьяны — что ни день, тысячу динаров выплевывает. Да если бы нам ее отдали, все наши желания были бы выполнены!“ Уговорившись тайком на этот счет со своей матушкой, попросила Сундари Ишваравармана, когда вкусил он высшего блаженства: „Уж если вправду ты добр ко мне, подарил бы ты мне обезьяну свою Алу“. Усмехнувшись, ответил Ишвараварман: „Это ведь батюшкино достояние. Негоже его дарить!“ А красавица снова: „Отдай мне ее, а я тебе пятьдесят миллионов золотых за нее отдам“. Но решительно отвечал Ишвараварман: „И за все твоё богатство, и даже за весь этот город не годится ее отдавать. Что мне в твоих миллионах-то?“ Красавица же ему снова: „Отдам я тебе все мое богатство, а ты обезьяну. Не то разгневается на меня матушка“. При этих словах Сундари упала ему в ноги, и тогда сказали Артхадатта и другие спутники: „Отдай, будь что будет!“ Согласился Ишвараварман отдать красавице обезьяну. Провел он этот день с радостной и счастливой возлюбленной, а когда пришло следующее утро, отдал ей обезьяну, тайно скормив той две тысячи динаров, а красавица в уплату

тотчас же отдала все свое богатство. Поспешил Ишвараварман отправиться в путь и поплыл на Золотой остров вести торговлю.

А обезьяна за два дня отдала радостной красавице те две тысячи золотых — на каждый день по тысяче, а на третий день, когда красавица ласково попросила обезьяну, та ничегошеньки не дала. Поколотила красавица обезьяну своим кулачком, а та разозлилась, пустила в ход зубы и когти и раскровянила лицо и красавице, и ее мамаше. Разъярилась Макаракати — кровь у нее по щекам течет, — схватила палку и заколотила обезьяну до смерти. Убедилась красавица, что обезьяна подохла, поняла, что пропало ее богатство, и от отчаяния и она, и мать ее едва жизни не лишились.

Узнали горожане про эту историю, стали смеяться и говорили: „Сетью уловила денежки у молодца Макаракати, да сама, в сети запутавшись, и ум и деньги потеряла“ или: „Другому сеть расстилала, да сама в нее попала“. С большим трудом удержали родные и красавицу, у которой и богатство пропало, и лицо было покалечено, и ее мать от самоубийства. А что до Ишваравармана, так он вскоре после того нажил на Золотом острове большие деньги и, несметно увеличив свой капитал, вернулся в отцовский дом в городе Читракуте. Отец же его Ратнаварман, видя, что сын вернулся с бесчисленным богатством, щедро наградил сводню Ямаджихву и устроил пребольшой праздник. Ишвараварман же, убедившись в хитростях и кознях шлюх, перестал с ними водиться, женился и зажили счастливо.

Так что, повелитель, нет в сердцах распутниц даже крупницы истины, за которой не крылось бы коварство! Как не следует купцу вступать в пустынный лес, где могут ограбить, так и достойному мужу не следует искать любви у гетер».

Расхохотались Нараваханадатта, Гомукха и все другие, выслушав этот правдивый рассказ о том, как в сети попадают те, кто их расставляет.

ВОЛНА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Закончил Марубхути рассказ о том, что у гетер не может быть истинного чувства любви, и рассказал тогда Гомукха историю о царе Викрама-синхе, красавице Кумудике и ее возлюбленном Шридхаре, Тапантака — о неверной жене, взошедшей на костер мужа, а Харишикха — о злодейке Духшиле, убившей супруга. Потом снова Гомукха повеселил собравшихся историей о том, что случилось со служителем Удаяны Ваджрасарой, утратившим из-за жены мужское достоинство, а Марубхути поведал о происшествии с влюбчивой царией и трусливым любовником. И изо всего, что рассказывалось в этот раз, следовало, что никогда нельзя верить распутным женщинам — замужним ли, гетерам ли — и что трудно понять женское сердце: сходятся с другими, а без мужей им все равно жизнь не в жизнь, что женщинам, у которых, даже если живут они с мужественными, добродетельными и удачливыми мужьями, сердце кидается то туда, то сюда, нельзя доверять и что редки истинно добродетельные женщины. В конце концов уснул сын повелителя ватсов Нараваханадатта и спал эту ночь крепко.

На следующее утро, совершив все, что надлежало, пошел Нараваханадатта вместе со своими министрами в сад погулять и, пока там развлекался, сначала заметил, будто стало исходить из неба какое-то сияние, а потом увидел, как спускается оттуда множество жен видьядхаров, и среди них, сверкающих красой, особенно выделялась одна дева, подобно тому как среди звезд — льющая прохладные лучи, милые для глаз, полная луна. Лицо девы было словно раскрывшийся лотос, над которым трепетали пчелы глаз, и двигалась она плавно, точно лебедь, и исходил от нее аромат голубого лотоса, а талию ее украшала волнистая лиана тривали, и вся она, казалось, была богиней — покровительницей пруда в саду Смари. И при виде ее, престальной, способной разжечь самого бога любви, взволновался Нараваханадатта, словно океан при восходе луны. «Кто она? Это совершенная красота, созданная творцом!» — воскликнули и царевич и министры. Приблизившись к ней, спросил царевич ее, бросающую на него взгляды, полные любви и неги: «Кто ты, счастливица, и зачем ты сюда пришла?»

«Расскажу я об этом, — ответила ему видьядхари. — Слушай же!

Есть в Гималаях, обители льда и снегов, золотой город. Называется он Канчанапуринга, и правит в нем царь видьядхаров Спхатикаяша, благочестивый и милостивый, прибежище беззащитных и обездоленных. По милости Гаури родилась у его жены Хемапрабхи дочь Шактияша — знай, что это я и есть. Очень дорога я отцу, младшее его дитя, — у него еще пятеро сыновей, — и по его совету радовала я молитвами да обетами Парвати. Была богиня довольна мною, и наградила великой мудростью, и так мне сказала: „Сила твоих знаний, доченька, будет в десять раз больше, чем у твоего отца, а мужем твоим станет Нараваханадатта, сын повелителя ватсов и будущий повелитель видьядхаров, летящих в небесных просторах“. Сказала это супруга Шарвы и, оказав великую милость тем, что пожаловала мне такую силу знаний, исчезла, а я со временем достигла поры девичества. Сегодня ночью снова явилась мне во сне богиня и велела: „Завтра утром, доченька, должна ты увидеть своего супруга. Потом тебе следует немедленно вернуться, ибо отец, как он давно уже это решил, через месяц устроит твою свадьбу“. Поэтому-то, благородный, пришла я сюда посмотреть на тебя. Теперь же я удаляюсь». И с этими словами Шактияша вместе со своими подругами взвилась в небо и полетела обратно в родной город.

А Нараваханадатта, жаждущий сделать ее своей женой и удрученный тем, что нужно ждать еще месяц, показавшийся ему теперь равным целой юге, вернулся во дворец. Заметив, что царевич огорчен, сказал Гомукха: «Послушай, божественный, забавную историю о царе Суманасе и о Мукталате, девушке из племени нишадов.

А рассказано было в ней о том, как однажды к царю Суманасу пришла девушка, дочь вождя нишадов Мукталата, и припесла в дар говорящего попугая. И тот показал свою ученость, прочитав стих:

Браги повержены. И вздохи
Их безутешных вдов
Вздывают черный дым
Твоей, властитель, бранной славы.
Но почему ж, скажи,
Из вдовьих глаз исторгнутые горем
Потоки слез все пуще разжигают
Неистовое пламя доблести твоей?

И удивленный Суманас попросил попугая рассказать о себе, и тот поведал об истреблении птиц свирепыми бхилами, и о том, как его отец погиб, самоотверженно защищая сына, и о том, как он сам попал в руки святого мудреца Маричи, принесшего его в обитель, где главным был мудрый Пуластья. Тот, увидев попугая, улыбнулся и поведал своим ученикам о царевиче Сомапрабхе, который, возвращаясь на родину после покорения мира, случайно встретил в лесу некую деву, звавшуюся Манопрабхой. Со вниманием слушал он ее горестную повесть о том, как полюбила она Рашммимана, сына мудреца Дидхитимана, и о том, как пришлось ей ради выполнения дочернего долга расстаться с ним. Он же не выдержал даже краткой разлуки и умер. Хотела Манопрабха взойти с телом возлюбленного на погребальный костер, но удержало ее пророчество с небес, предвещавшее встречу с Рашммиманом.

Поведала она и о своей подруге Макарандике, не желавшей выходить замуж. А когда Макарандике случилось увидеть вместе с ее дорогой подругой Манопрабхой царевича Сомапрабху, тотчас же похитил он ее сердце. Но как раз в это время к нему прибыл гонец от отца, и, подчиняясь сыновнему долгу, Сомапрабха уехал, попросив Манопрабху передать Макарандике обещание скорого возвращения. Но та пришла в отчаяние и доставила этим тяжкую боль сердцам ее родителей. Не внимала она увещаниям отца и матери, и проклинали они ее и обрекли на жизнь среди горемычных нишадов. Последствия такого проклятия обернулись, однако, и против самих родителей, и они долго мучились из-за этого, пока не умерли. Отец ее из-за какого-то не полностью искупленного греха родился попугаем и вот теперь выбалтывает прежде заученное.

Рассказав о затейливых причудах кармы, Пуластья предсказал, что попугай, передав в присутствии царя свою историю, избавится от птичьего облика, Сомапрабха возьмет в жены Макарандику, ставшую нишадкой, а Манопрабха получит в мужа Рашммимана.

Вот так, сказал попугай царю Суманасу, случилось, что вспомнил я о своем прежнем рождении.

Выслушав повесть мудрого и красноречивого попугая, царь Суманас почувствовал, как душа его взволновалась необычайной радостью. И тогда по воле Шивы явился к царю Суманасу Сомапрабха и обрел свою возлюбленную Макарандику в облике девушки-нишадки Мукталаты, а когда туда же прибыла и Манопрабха, Суманас при виде ее вспомнил, что он не кто иной, как Рашммиман, и таким образом произошло соединение возлюбленных, а попугай, избавившись от птичьего облика и обретя собственное тело, вернулся в свой дом, возвращенный ценой тяжелых испытаний. Вот так даже надолго разлученные и по свету разбросанные снова встречаются».

Гомукха продолжал рассказывать и привел в пример того, к чему приводит страсть к женщинам, повесть о двух ворах, Гхате и Карпаре. Полюбила Карпару царская дочь, и разгорелась у них взаимная страсть, да захватили его стражники, и царь велел казнить Карпару. Пока вели его на место казни, сумел он дать понять Гхате, чтобы тот похитил царевну и защитил ее. И что бы царь ни делал, не удалось ему ни дочь вернуть, ни Гхату поймать. Оказался вор умней царя. Из опасения, как бы его не обна-

ружили да не схватили, ушел Гхата с царской дочерью да еще с каким-то странником в другую страну.

Да по дороге убила она Гхату с досады, что тот лишил ее высокого положения, и сошлась со странником. Встретив на пути купца, пошла она с ним дальше, оставив спящего странника, а тот, проснувшись, еще поразился, что она его не убила, и пошел своей дорогой. Купец же поостерегся сразу вести царевну к себе домой и решил прежде разузнать, что у него дома творится, и узнал, что и его жена стала распутницей, и убедился в этом сам. «Уж если все они таковы, то лучше дикий лес!» — подумал он и отправился в глухой и далекий лес. Довелось ему встретить брахмана, возвращавшегося после долгого отсутствия домой, рассказал, что с ним самим случилось, и тот затревожился. Заспешили они в родную деревню брахмана и убедились, что тревога-то была справедлива — жена брахмана влюбилась в пастуха. Вот и отправился брахман вместе с купцом по лесу скитаться, а по дороге повстречался им приятель купца. Он, разувая, что с ними случилось, тоже забеспокоился, тем более что был ревнив, и поспешили они втроем к его дому. А там выяснилось, что его-то жена взяла себе в возлюбленные прокаженного. Убедился он в этом и, сокрушенный, прознес:

«О, будь прокляты прелестницы, стремящиеся к низким! Только издали кажутся женщины прекрасными, но они словно реки, падающие в ущелье,— невозможно из них пить. Коли моя жена, в подвале запертая, сошлась с прокаженным, то лучше уж жить мне в лесу отшельником. Будь проклят мой дом!» В таких сетованиях провел он ночь с купцом и брахманом, подобно ему пострадавшими от жен.

Когда же наступило утро, отправились они все трое в лес и к концу дня дошли до дерева, у подножия которого был пруд. Поели они и попили, а когда наступила ночь, забрались спать на дерево. Тут пришел какой-то путник и улегся под этим деревом. После этого явился из середины пруда другой муж и изрыгнул изо рта своего ложе и на нем красавицу. Утолил он с ней свое желание и уснул на ложе, а красавица бросилась после этого к путнику, что спал под деревом, и соединилась с ним, а когда, завершив дело страсти, они поднялись, спросил ее путник: «Кто вы оба?» Ответила она: «Это — наг, а я его жена — нагини. А ты не бойся — насладились я уже с девяното и еще девятью путниками, а тобой сотня заполнена». Пока же она говорила все это путнику, проснулся по воле случая наг, увидел их и, изрыгнув изо рта пламя, обратил обоих в пепел. Тогда наг исчез в пруду, а те трое проговорили всю ночь. «Уж там, где невозможно сберечь жену, внутри себя храня, где уж сберечь жену в доме! Вот горе-то горькое!» А утром отправились они еще дальше в лесную глушь.

В лесу же стали они размышлять над четырьмя великими истинами*, и не давали ни дружбе, ни каким-либо иным чувствам нарушать их раздумья, и сделались умом рассудительны, а ко всему живущему благосклонны, и полностью испытали наивысшую радость самадхи, и, освободившись от мрака невежества, навсегда избавились от перерождений. Жены же их впали в жалкое состояние, порожденное их собственными грехами, и вскоре погибли эти злодейки, утратив и тот и этот мир.

Кому не приносит горя страсть к женщинам, порожденная заблуждением! Но пренебрегающий ими обретет освобождение от перерождений!

Долго слушал этот увлекательный рассказ министра Гомукхи сын повелителя ватсов, жаждущий встречи с Шактияшей, а потом быстро и крепко заснул.

ВОЛНА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Когда прошел следующий день и спустилась ночь, Гомукха, чтобы развлечь царевича, продолжал рассказывать увлекательные истории, и первой из них была повесть о добродетельном сыне купца, которого жена предала ради безногого калеки, о другом благодетельном человеке и о женщине, льве, птице золотоголовке и змее, которых он вытащил из колодца, о слабоумном шрамане, покусанном собакой и ударившем в колокол, чтобы собрать всех монахов и рассказать им об этом, о скупом купце из страны Такка, прикинувшемуся мертвым, чтобы не кормить гостя, и о том, как простак искили кота, а вместо него притащили мальчишку, как монахи на небо летали, как простак дорогу искал, да вместо того чтобы идти вверх по реке, полез вверх по дереву, как озорной Хираньякша женился на недотроге Мригашкалке. Так рассказывал Гомукха один за другим разные забавные случаи, пока царевич не уснул.

ВОЛНА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Когда же миновал следующий день и снова спустилась ночь, вот какую историю Гомукха поведал ради забавы.

**О страннике и праведнике, о якше и его жене,
о царе Синхакше и о том,
как странник из Кашмира
одолеет в споре мудрецов из Паталипутры**

«Было в давние времена посвященное Шиве место, называвшееся Дхарешвара, и жил в нем, окруженный множеством учеников, великий мудрец. Говаривал он своим ученикам: „Если случится вам что-то дивное увидеть или услышать, так непременно мне расскажите. Вот и говорит ему однажды после такого наставления один из них: „Слыхал я небывалое и расскажу почтенному, а он да соблаговолит выслушать!

Есть в Кашмирских краях святое место, Шиве посвященное и именуемое Виджая, и жил там некий странник, гордившийся своей ученостью. Поклоняясь Шамбху, просил он лишь об одном: „Пусть всегда буду я победителем в спорах!“ Вот отправился он на ученый диспут в город Паталипутру и, по дороге идучи, через леса проходит, через реки переправляется, через горы переваливает. Дошел он так до одной рощи и, утомленный, сел отдохнуть в прохладе под деревом у пруда и тут вдруг заметил, что пришел

туда же покрытый пылью дальних странствий с посохом и с плошкой для подаяний некий праведный человек. И когда тот присел, спросил странник: „Куда и по какой причине ты идешь?“ Ответает праведник ему: „Пришел я из Паталипутры, обители мудрости, а направляюсь в Кашмир, чтобы посрамить в споре тамошних мудрецов“. Услыхав такое от праведного, подумал странник: „А не попробовать ли мне прямо здесь одолеть в споре этого заносчивого жителя Паталипутры? Иначе, добравшись дотуда, как одолею я многих?“ Подумав так, спрашивает странник у него: „Скажи мне, не противоречивы ли слова и дела твои? Раз ты праведник, то должен стремиться к избавлению от страданий мирских, а тебя одолевает страсть к победе в спорах. Уж не хочешь ли ты прийти к избавлению, чванясь своими успехами в спорах? Хочешь загасить ты огонь зноем, холод убить хочешь льдом? Хочешь ты, глупец, пересечь океан в лодке из камня, потушить пламя, раздувая его? Достоинство брахмана — невозмутимость, кшатрия — защита незащитных, стремящихся к избавлению — покой, а сварливость, помнится, достоинство ракшасов. Тем, кто хочет достигнуть избавления, следует быть спокойным и сдержанным, избегать горести споров, остерегаться мирских тревог, а потому подруби дерево страстей топором спокойствия, не поливай это дерево водой гордости от поисков причины“. Выслушал праведник странника, поклонился ему и, обрадованный, молвил: „Ты, почтенный, мне учитель!“ И как пришел, так и ушел.

Стоял странник, улыбаясь, под деревом, как вдруг изнутри дерева послышалось, как якша перешучивался с женой, и тогда, чтобы лучше слышать, приложил странник ухо к стволу. Вот шутиливо хлестнул якша свою жену цветочной гирляндой, а она, озорница, прикинулась, будто умерла, и вся ее родня горько зарыдала. Немного погодя приоткрывает она глаза, будто вернулась к ней жизнь, а муж ее и спрашивает: „Что ты там видела?“ А она, выдумщица, отвечает: „Когда ты меня гирляндой цветочной ударил, обмерла я и увидела, как пришел человек с удавкой в руке, с пылающими глазами, ужасный, с торчащими дыбом волосами, и был он столь черен, что тень его окутывала тьмой все четыре стороны света до самого края земли. Он, злодей, приволок меня, бесчувственную, во дворец Ямы, бога смерти, а тамошние слуги избавили от него твою жену, его же самого вытолкали“. А когда она все это рассказала, засмеялся якша и молвил: „Ни в чем-то женщины обойтись не могут без обмана да выдумок! Кто помирал от удара венком из цветов? Кто возвращался из обители Ямы? Ты, глупая, поступаешь так, как, говорят, поступают женщины из Паталипутры.

Случилось там однажды, что жена тамошнего царя Синхакши вместе с женами главного министра, военачальника, пурохиты и лекаря отправились в тринадцатый день светлой половины месяца на поклонение Сарасвати, покровительнице той страны. Встретились им по дороге трое калек — горбун, слепец и хромой, и стали

калеки у них кланчть: „Нам, убогим, нам, нищим, подайте на лекарство, чтоб избавились мы от хвори! Явите сострадание к страждущим! Мир живых нестоек, как волна в океане, мгновенен, как молний сверкание, мимолетны и радости паломничества. В этом зыбком мире незыблема только милостыня нищенствующему! И где не наслаждается счастьем тот добродетельный, кто щедр к убогому? Что за радость в даении богатому? Что за радость в пище для сытого? Что за радость от лунных лучей зябнущему? Что за счастье зимой от тучи? Избавьте нас, страждущих, от хворей и горестей!“

Заговорили друг с другом царева жена и прочие женщины, услышав такое моление: „Чистую правду убогие сказали, и должны мы вылечить их, хотя бы и стоило это нам всего достояния!“ Так договорились они между собой, помолились богине, и, разобрав этих убогих, кто кому достался, увели к себе во дворцы, и заставили своих мужей лечить высокодобродетельных калек дорогими лекарствами, а сами от них не отходили.

Оттого что все время проводили они с этими новоявленными богами любви, сошлись они с ними, словно в убогих заключался для них весь мир. И что были для них царь и его сановники в сравнении с калекми — их дух, ослепленный страстью, уже ничего не разбирал! Только заметили мужья на телах жен царапины от ногтей да следы зубов, ставшие возможными от невозможных, казалось, для них любовных объятий с убогими. Стали тогда царь, его военачальник, главный министр и прочие высказывать друг другу свои сомнения, и молвил тогда царь: „Вы подождите, а я как-нибудь дознаюсь от жены, в чем дело“. С этими словами отпустил он всех, пошел к себе в покои и спросил у царицы с любовью и опасением: „Кто это тебя укусил в нижнюю губу? Чьи ногти подцарапали тебе грудь? Говори правду, не то не будет тебе ни добра, ни веры!“

Спросил ее раджа так, а она ему в ответ солгала: „Ох, несчастная я! Хоть и не должно бы об этом чуде говорить, да говорить придется. Каждую ночь нарисованный на стене муж, держащий в руках чакру и палицу, сходит с нее, ласкает меня, а утром снова на то же место возвращается. И это при тебе-то, повелитель, телу моему, которого ни солнце ни месяц не видели, такое поношение терпеть приходится!“ Выслушав слова жены, будто бы преисполненные горечи, поверил ей раджа и решил, недоумок, что, верно, это выходка Вишну. Рассказал он все главному министру и прочим, и те, неразумные, тоже решили, что их жен сам всемогущий и несокрушимый ласкает, и промолчали. Вот так озорные распутницы, искушенные в плетении лжи, обманывали своих глупых мужей. Но я-то не такой дурень!“

Смутил якша такими словами свою жену, а странник, прижавшийся к дереву, все это слышал. Сложил он почтительно руки и обратился к якше: „Пришел я, почтенный, в твоё жилище и теперь ищущу у тебя защиты. Прости мне, слышал я все, что ты сказал“.

Такой правдивой речью обрадовал он якшу, и тот молвил: „Я — якша, и зовут меня Сарвастханагата-повсюдупобывавший. Доволен я тобой. Говори, чем тебя наградить“. Ответил странник на это гухьяке: „Нужна мне только одна награда — не гневайся ни на меня, ни на жену свою!“ Снова заговорил якша: „Уж очень ты меня порадовал. Считай, что эту награду я тебе уже дал, а теперь говори, чем еще наградить!“ И тогда сказал странник: „Вот и другой мой выбор — пусть буду я вам обоим с этого дня сыном“. Услыхали это якша и якшини и тотчас же согласились, и якша промолвил: „Хорошо, молодец, будь нам сыном! И по нашей милости да не случится с тобой никогда никакого несчастья, и всегда в споре, в ссоре, в игре будешь ты одерживать верх“. С этими словами якша исчез, а странник поклонился ему, провел под тем деревом ночь и пошел себе в Паталипутру.

Когда же добрался он туда, то велел стражнику возвестить радже Синхакше, что, мол, прибыл из Кашмира мудрец, искушенный в спорах, и когда приглашен был раджей, то вошел во дворец и легко одержал верх над тамошними пандитами. Разбив их всех благодаря великодушному дару якши, задал он им потом в присутствии раджи вопрос неразрешимый: „Что бы такое значило: „Муж, нарисованный на стене, держащий в руках чакру и палицу, каждую ночь сходит с нее, ласкает меня, нижнюю губу кусает, ногтями царапает мне грудь и снова возвращается на стену?“ Вас спрашиваю я! Соболаговолите дать немедленный ответ!“ Но никто из мудрецов на этот вопрос ответа не дал, не зная подлинного смысла сказанного, и только глаза они пучили.

Тогда обратился к нему сам раджа Синхакша: „Разъясни, почтенный, что бы такое значило!“ И разъяснил странник царю свой вопрос, и рассказал о лживой жизни царицы все, что слышал от якши, и посоветовал: „Никогда не следует человеку увлекаться женщинами, ибо единственно, что станет ему известно, — как достичь греха!“ Обрадованный царь пожелал отдать страннику свое царство, но странник не принял дара, ибо любил он только родную страну, и тогда щедро одарил его раджа драгоценными камнями. Взял их странник, и вернулся к себе на родину в Кашмирские края, и зажил безбедно и счастливо благодаря награде, полученной от якши.

И, кончив эту историю, сказал мудрецу ученик: „Слышал я такое небывалое от самого странника!“ И долго еще дивился мудрец вместе с другими учениками затейливой повести.

«Столь причудливы проделки злодеек, деяния творца и жизнь людская!» — заметил Гомукха, окончив новую долю рассказов и в подтверждение этого поведал еще одну историю.

О жене, из-за которой погибло одиннадцать мужей

«Жил где-то в деревне в стране Малаве некий семейный человек, и родилась у него после двух или трех сыновей дочь. Случилось так, что, родив дочь, умерла ее мать, а через некоторое время умер один из сыновей, а немного спустя забодал бык другого сына, и он тоже умер. Вот и назвал тогда отец свою дочку Тримарика, что значит Погубившая Трех.

Со временем достигла она цвета юности, и сын богатого купца из их же деревни попросил отца отдать ее ему в жены. Согласился отец, и как положено устроил он праздник. Сколько-то времени повеселилась она с мужем, только вскоре обратился он в прах. Немного дней прошло, и сластолюбивца другого мужа взяла, да и с ним недолго прожила, как беда стряслась. Берет она, от юности хмельная, третьего мужа, да и с этим у нее горе приключается, и теряет она его. Так одного за другим десять мужей она сменила, и смеха ради стали ее звать Дашамарика, что означает Сгубившая Десятерых. Хотела было она нового мужа себе выбрать, так и отец и люди ее отговорили, и жила она в отцовском доме.

Однажды зашел к ним в дом красивый юный странник и с разрешения отца остался на одну ночь гостем. Увидала его Дашамарика, и потянулось ее сердце к нему, да и он к ней устремился. Тогда, охваченная страстью, бесстыжая Дашамарика сказала отцу: „Я, батюшка, только его мужем выберу! А если и ему суждено умереть, то приму на себя тяжкий обет“. И когда она это сказала, а странник выслушал, то молвил отец: „Не надо, доченька, не стыдно ли тебе?! И так-то десять мужей у тебя умерло. А если этот помрет, и вовсе подымут тебя люди на смех!“ Слыша это, отбросил странник робость и заговорил: „Не помру я. Десять жен померло у меня, так что я Дашамарике ровня. Клянусь стопами Шивы, увенчанного косой!“ Кого только не удивили такие слова странника!

Узнав об этом, собрались старейшины деревни и дали согласие на то, чтобы Дашамарика взяла странника в мужья. Пожила она с ним сколько-то, да скрутила молодца лихорадка, стало его из жары в холод да из холода в жар бросать, и умер он. И стала она Экадашамарика, Одиннадцати Мужей Истребительница, даже для камней посмешищем, и в отчаянии ушла на берег Ганги и обратилась в подвижницу».

Улыбнувшемуся от этой истории сыну властителя ватсов сказал Гомукха: «А теперь послушай еще.

О трусливом бедняке

Жил где-то в какой-то деревне бедняк, обремененный большой семьей, а всего богатства на дворе был один-единственный бык. Был бедняк настолько лишен мужества, что, даже когда и сам, и вся семья голодали, побоялся этого быка продать, а, отправившись на поклонение богине, живущей в горах Виндхья, устроил перед ней ложе из жесткой и острой травы дарбхи и стал предаваться на нем тяжким подвигам ради ниспослания богатства. Вот спит он, и явилась ему во сне богиня и промолвила: „Встань, всегда будет у тебя богатство в виде одного быка. Будешь ты его продавать и жить счастливо“. На заре он проснулся, поднялся, успешно завершив обет, чего-то поел и пошел домой. Вернулся он, но все равно не мог этот трусишка продать быка, думая: „Вот продам его, и ничего у меня не будет, и жить будет не на что!“

Исхудавший от голода, рассказал он о наставлении богини, данном ему во сне, одному умному другу. Тот же произнес: „Всегда у тебя будет один бык, и, продавая его, ты будешь жить, благоденствуя,— вот что сказала богиня, а ты, глупец, не понял. Продай этого быка, накорми семью, и будет у тебя другой бык, а после того — новый, а после того — еще!“ Как посоветовал ему приятель, так деревенщина и сделал и всегда счастливо жил, продавая одного быка за другим.

Всех судьба награждает по заслугам — стремись быть решительным, нерешительного не изберет богиня счастья.

Послушай теперь такую историю.

Про плута, выдававшего себя за министра

Был в каком-то городе в южных краях царь Притхвипати, а в его царстве жил некий плут, промышлявший тем, что выдавал себя за других. Недовольный собой, своими жадными и неумеренными расчетами, подумал он: „Зачем занимаюсь я мелким плутовством, с которого мне только на пропитание и хватает?!“ Так пораскинув мыслями, оделся он богатым купцом, подкупил привратника у царских ворот и был введен к царю. Преподнес он радже подарок и шепнул: „Должен я кое-что сказать тебе по секрету“. А тот, введенный в заблуждение одеждой и соблазненный подарком, ответил: „Ладно!“ — и велел всем уйти, и тогда сказал плут: „Соблаговоли, повелитель, каждый день во время приема у всех на глазах на короткое время уединяться со мной для разговора, а я за это каждый день буду дарить тебе пятьсот динаров. Больше ни о чем не прошу“. Выслушал просьбу раджа и подумал: „Что за грех в этом? Ничего от меня брать он не будет, а каждый день пять сотен динаров — мои. И что за беда поговорить с богатым купцом?“ И согласился раджа на просьбу плута и сказал:

„Так тому и быть!“ Как плут обещал, так и выплачивал радже динары, сколько было уговорено, а люди думали, что стал он главным министром.

Как-то раз плут, беседуя с царем, все время многозначительно поглядывал в сторону одного придворного, а когда выходил, тот, заглядывая ему в лицо, спросил о причине, по которой он на него смотрел, а плут тотчас же придумал такое: „Разгневался царь на тебя: „Вот, мол, кто страну мою грабит!“ Поэтому я в твою сторону и поглядывал. Но я царя успокою“. Сказал так мнимый министр, а придворный явился к нему домой и дал тысячу золотых.

На другой день, переговорив с раджей, отошел плут от него и обратился к этому придворному: „Уместными речами умилишил я раджу. Будь спокоен, все твои грехи я прикрою“. Так он этого человека подчинил себе и избавил от тревог, а тот его ублажал всяческими подарками. Подобным образом одного за другим подчинил себе вассальных князей, царских сыновей, слуг и чиновников хитроумный плут многими способами и получил от них пятьдесят миллионов золотых. И все благодаря тому, что на виду у всех с царем говорил.

Вот однажды с глазу на глаз этот плут и молвит царю: „Давал я тебе, божественный, каждый день по пятьсот динаров и по твоей милости нажил пятьдесят миллионов золотых. Сделай милость, забери у меня эту кучу золота! Что мне в нем!“ И с такими словами выложил он перед царем все золото и объяснил, как оно досталось. Но раджа с трудом согласился взять только половину и назначил его министром. Так-то вот скопил плут богатство на подарках да взятках. Без особого греха нажил ловкач богатство, а достигнув цели, он уподобился тому, кто, выкапывая колодец, испускает свой грех».

Окончив рассказывать про плута, ставшего министром, сказал Гомукха сыну властителя ватсов: «Ждешь ты теперь соединения своего с возлюбленной, но послушай еще рассказ.

И тут он поведал о царевне Хемапрабхе, любившей качаться на качелях и тем тревожившей сердце ее отца Буддхипрабхи, запрещавшего ей это развлечение. Но не слушала своенравная Хемапрабха отца, и, не выдержав, отшлепал он ее. Ушла тогда девушка в лес и стала там заниматься подвижничеством. Случайно обнаружил отец место, где она жила, принялся уговаривать вернуться во дворец, но она отказалась. А потом присоединилась к ней другая девушка, тоже избравшая подвижничество из-за ссоры с отцом.

Однажды привиделся подруге Хемапрабхи вещий сон, а на следующий день прискакал в их обитель царевич Лакшмисена и влюбился в Хемапрабху и рассказал, что он — воплощение видьядхари, а пока она слушала, то вспомнила, что в прежнем рождении была она видьядхари, а Лакшмисена — ее мужем, а его советник — мужем подруги. Тут она, обещав ему, что встретятся они в видьядхарском царстве, унеслась вместе с подругой в небо.

Прискакали затем туда и советник царевича, и раджа Буддхипрабха, соскучившийся по дочери, а Лакшмисена поведал им о случившемся, и тут же он и советник вспомнили о прежнем своем рождении и отправились на

небо, где соединились с женами, а затем, устроив земные дела, стали счастливо жить в столице видьядхарского царства».

Волна шестьдесят седьмая, составляющая «Книгу о Веле, жене купца», открывается рассказом о том, как Нараваханадатте пришлось рассудить Ручирадеву и Потаку, царевичей из города Вайшакха, поспоривших, кто быстрее — слониха Ручирадевы или кони Потаки. В это время явился туда же некий купец, который начал славить Нараваханадатту. Царевич стал его расспрашивать, и тот поведал ему о своих странствиях в далекие края, о своей любви к пригожей дочери купца Шикхары. Но проклятие нищенствующего монаха воздвигло неожиданные препятствия на их пути к счастью, и среди них такие, как крушение кораблей, на которых плыли он сам и его возлюбленная, пока по желанию судьбы не встретились они в обители мудрого Матанги, нарекшего девушку Велой, потому что ее вынесло на берег морской волной, а слово «вела» и означает «волна». Но влюбленные навлекли на себя гнев мудреца Матанги, и тот обрек их на новую разлуку, сказав, что купец соединится с возлюбленной лишь тогда, когда увидит, как будущий повелитель видьядхаров заставит слониху обогнать быстрых, как ветер, коней. Вот это теперь и случилось, и купец встретил Велу и ушел восвояси, а Нараваханадатта с подаренными ему слонихой и конями и с новой женой, Джаендрасеной, выданной за него ее братьями Ручирадевой и Потакой, вернулся в Каушамби.

КНИГА О ШАШАНКАВАТИ

ВОЛНА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Да охранит вас Ганapati, вскидывающий, забавляясь, хобот, подобный триумфальной колонне, воздвигнутой в знак победы над препятствиями, вокруг которого, словно затейливая вязь надписей, свидетельствующих о торжестве Слоноликого, вьются пчелы!

Слава Харе, совершенству страсти, лишенному страстей, искусному художнику, не ведающему красок, творящему все новые и новые дивные картины!

Победа стрелам Смaры — попадая, они лишают силы оружие всех богов и даже саму ваджру в руках Индры!

Итак, сын повелителя ватсов, добыв себе одну за другой множество жен, живет в Каушамби. Но хоть и много жен у Нараванадатты, а из всех была ему милее — и даже жизни самой дороже — Маданаманчука, так же как Мадхаве — Рукмини.

Однажды ночью приснилось царевичу, что слетевшая с небес божественная дева уносит его куда-то. Проснулся он и увидел, что сидит на камне таркшья на вершине высокого холма, поросшего деревьями, покрытыми густой листвой, а рядом с собою увидел царевич ту деву, подобную волшебному снадобью, с помощью которого Смара зачаровывает весь мир, и, казалось, она рассеивала ночную мглу, нависшую над рощей.

«Она-то меня сюда и принесла», — подумал он и, заметив, что стыдливость мешает ей обнаружить свои желания, притворился спящим, но, хитрец, словно бы сквозь сон проговорил: «Где ты, милая Маданаманчука? Подойди сюда и обними меня!» Она же, услышав эти слова, воспользовалась ими и, приняв облик супруги Нараваханадатты, обняла его, отбросив сдерживающий ее стыд. Раскрыв глаза, увидел царевич эту деву в образе Маданаманчуки, улыбнулся и обнял ее, воскликнув: «Какое волшебство!» Тогда она, избавившись от робости, предстала пред ним в истинном своем облике и молвила: «Возьми меня, благородный! Тебя избрала я в супруги!» А он в ответ на эти слова сочетался с ней по обряду гандхарвов и взял ее в жены. Так провел Нараваханадатта ночь, а когда забрезжило утро, то, желая как-нибудь узнать, из какого она рода, сказал: «Послушай, милая, расскажу я тебе одну забавную историю.

О шакалихе, обращенной в слоницу

В некоей обители жил мудрец Брахмасиддхи, обладавший могущественным знанием, а неподалеку от жилья этого волшебника устроила логово в пещере старая шакалиха. Однажды в несчастный день, когда она, отощавшая, вышла на поиски пищи, случилось по воле судьбы так, что кинулся на нее, желая растоптать, обезумевший без утерянной им подруги слон. Увидел это волшебник и, будучи мудрым и сострадательным, по доброте своей обратил шакалиху в слоницу — и было это на благо обоим существам: увидев пару себе, успокоился слон и привязался к ней, а она избавилась от смерти.

Стал слон с ней повсюду бродить и как-то раз забрел в поисках лотосов в пруд, образовавшийся после осенних дождей, и начал тонуть. Что ни делал, а выбраться не мог и остался стоять неподвижно, словно гора, упавшая с небес после того, как ваджра Индры перебила ей крылья. Шакалиха же, обращенная в слоницу, увидев, что он тонет, пристала к другому слону и с ним ушла.

Тем временем случилось так, что пришла туда по воле судьбы прежняя подруга тонувшего слона; она, благородная, разыскивавшая мужа, увидев, что затянула его трясина, и желая погибнуть вместе с супругом, устремилась к нему. Проходил там мудрец Брахмасиддхи со своими учениками, и, узрев, что произошло, преисполнился он сострадания, наделил учеников небывалой силой

и велел им вытащить попавших в беду слонов из болота. Потом ушел мудрец в сопровождении учеников оттуда, а слоны, избавившись и от смерти, и от разлуки, стали развлекаться, как хотели.

Вот так, милая, души благородные даже в несчастье не покидают друга, а, напротив, помогают ему преодолеть беду, а что до низменных, то на них надеяться нельзя и неведомы им ни любовь, ни мужество».

Закончил на этом сын повелителя ватсов, и молвила божественная дева: «Нет в том никакого сомнения. Но мне ведома, благородный, цель твоего рассказа. Послушай теперь, что я тебе поведаю.

О красавце Вамадатте и его жене, злой колдунье Шашипрабхе

Жил некогда в Каньякубдже лучший из брахманов — Шурадатта. Владел он ста деревнями, и очень почитал его великий царь Бахушакти. Была у того брахмана жена, почитавшая мужа, как бога, и звали ее Васумати. Родила она Шурадатте красивого сына, имя которому дали Вамадатта. Стал он любимцем отца, овладел быстро всеми науками и взял себе в жены Шашипрабху.

Миновало какое-то время, и вознесся отец на небо, а за отцом последовала мать, и стал Вамадатта с женой хозяйничать в доме. Но неведомо ему было, что его своенравная жена, то ли по воле судьбы, то ли по какой иной причине, оказалась наделенной способностями злой колдуньи.

Раз, когда Вамадатта нес службу при царском дворе, прибежал к нему из дому кто-то из родичей отца да и говорит по секрету: „Погублена, сынок, честь рода нашего — сам я видел, как твоя жена сошлась с твоим же пастухом“. Выслушав все это и оставив того за себя, устремился Вамадатта, с мечом сам-друг, домой и укрылся в беседке, увитой цветами. А тем временем спустилась ночь, и пришел туда тот самый пастух, буйволов пасущий, а ему навстречу выбежала с разными угощениями жаждающая встречи с любовником Шашипрабха. Затем, когда утолил он голод, улеглась с ним на ложе.

При виде этого выскочил к ним, запеся меч, Вамадатта с криком: „Вот до чего вы, грешники, дошли!“ Но тут поднялась хозяйка и со словами: „Тьфу на тебя, дурень!“ — бросила ему в лицо пригоршню пыли, и тотчас же обратился он из человека в буйвола, но не утратил при этом ни ума, ни памяти. Прогнала она его, подлая, в стадо и велела тому пастуху отколотить его дубиной, а как стал какой-то купец приторговывать себе буйвола, так она, жестокая, и вовсе от мужа избавилась, продав его этому купцу. А тот навьючил на него, обманутого, немалый груз.

Но вот, мучимый своим скотским состоянием, Вамадатта оказался в одной деревне неподалеку от Ганги. Убивался он: „Злоб-

ная жена, вступившая в дом доверчивого, все равно что змея, поселившаяся в доме! Разве будет кому-нибудь от нее польза?“ — и заливался слезами. Увидала однажды его, отощавшего от тяжелой работы и исхудавшего до костей, некая йогини и, узнав благодаря своей мудрости, что с ним случилось, прониклась жалостью и, sprыснув заговоренной водой, избавила Вамадатту от буйволиного обличья, отвела его, снова обретшего человеческую внешность, к себе домой и отдала ему в жены дочь свою Кантимати. Затем насыпала ему горчичных зерен, особым образом заговоренных, и сказала: „Кинь их в злодейку-жену, и она обратится в кобылу“.

Взял Вамадатта зерна и пошел вместе с новой своей женой, Кантимати, к себе домой, убил пастуха, кинул зерна горчичные в Шашипрабху и обратил ее тем самым в кобылу, которую и привязал в стойле. А чтобы исправить ее дурной нрав, положил себе за правило каждый день перед едой наносить ей палкой семь ударов.

Так живет он в своем доме со своей женой Кантимати. Но вот однажды пришел к ним гость. Начали его угощать, и вдруг, трапезы не завершив, выбежал во двор Вамадатта, вспомнив, что не дал сегодня семи ударов палкой злой жене. Когда же выполнил он это — ударил кобылу семь раз, — вернулся успокоенный и продолжал еду.

Гость был удивлен и из любопытства спросил: „Куда это ты, почтенный, в тревоге уходил, оставив трапезу незавершенной?“

Тогда поведал ему Вамадатта свою историю от самого начала, а гость, выслушав его, промолвил: „Трудно все это понять, и что тебе в том, что она в скотину обращена? Лучше бы ты у тещи какой-нибудь волшебной силы попросил!“ Согласился Вамадатта с гостем и поутру проводил его, почтив должным образом. Когда же пришла к нему в дом зачем-то его теща, добрая йогини, то стал он всячески потчевать и ублажать ее и попросил о желанном. И она, искушенная в йоге, пожаловала ему и жене волшебное знание, продлевающее время жизни, наставив их перед этим, что и как делать.

Затем отправился Вамадатта на гору Шрипарвата и применил то знание, и явилось оно пред ним в облике девы, вручившей ему чудесный меч. И как взял Вамадатта его в руки, так и сам он, и жена его Кантимати обратились в блистательных видьядхаров. После этого создал он силой достигнутого им знания на вершине Раджатакуте, украшающей горы Малая, прекрасный город. Со временем родилась у них дочь, и назвали ее Лалиталочаной, а когда появилось дитя на свет, возвестил с небес голос: „Рождена она, чтобы стать супругой верховного правителя видьядхаров!“

Знай, благородный, что я и есть та самая Лалиталочана, и когда полюбила тебя, то силой своего знания перенесла к себе в горы Малая».

Таким образом узнал Нараваханадатта, что она видьядхари, и

еще больше полюбил ее и остался там с нею, а владыка ватсов и другие узнали всю эту историю благодаря прозрению Ратнапрабхи и прочих жен Нараваханадатты.

ВОЛНА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Обретя в Лалиталочане новую жену, Нараваханадатта развлекался с ней на горах страны Малая, в лесах, разбросанных по их склонам, украшенным деревьями, пышно расцветшими с наступлением весны. Как-то раз, забавляясь в одной из рощ, его подруга, собиравшая цветы, вдруг исчезла, и он, разыскивая ее, увидел большое озеро, полное чистой воды, все покрытое цветами, осыпавшимися с росших на берегу деревьев, и уподобившееся из-за этого небу, усеянному звездами. Царевич подумал: «Пока не вернулась моя милая, пока собирает она цветы, купаюсь в этом озере и посижу на берегу». И вот он искупался, помолился боже-ству и сел на камень в благоуханной тени сандалового дерева, любясь стайками красных гусей, походка которых напоминала плавную поступь его любимой, слушая сладостное, как ее шепот, воркование птиц, укрывшихся в манговых деревьях, оплетенных лианами, глядя на газелей, сверкание глаз которых вызывало в его памяти блеск ее очей,— и все это вызывало в его памяти находящуюся далеко отсюда Маданаманчуку. И так были сильны воспоминания, что, опаленный порывом пламенной любви к ней, упал он в беспамятстве.

Как раз в это время пришел на озеро совершить омовение отшельник Пишангаджата, средоточие добродетелей. Увидел он Нараваханадатту в таком состоянии, сбрызнул его сандаловой водой, освежающей, как ласковое прикосновение руки возлюбленной, и, когда тот очнулся и склонился перед мудрым, сказал: «Если хочешь, сынок, достичь желанного, то надо обрести терпение! Именно с его помощью можно достичь всего, а пока пойдем в мой ашрам, и я поведаю тебе сказание о Мриганкадатте, если ты его прежде не слышал». С этими словами мудрец, совершив омовение, отвел Нараваханадатту в свое жилище, и, прочитав дневную молитву, угостил гостя плодами, и, сам их отведав, начал рассказывать обещанную историю.

Повесть о царевиче Мриганкадатте и о его верных друзьях

«Есть город Айодхья, прославленный во всех трех мирах. А правил там в прежние времена великий царь Амарадатта. Любил он единственную свою жену Суратапрабху, свет страсти, и она была привязана к нему, как жертвоприношение к жертвенному огню, и родился у них сын Мриганкадатта, наделенный десятью

миллионами достоинств, подобно луку с тетивой, сплетенной из десяти миллионов жил. Было у Мриганкадатты десять министров: неукротимой силы Прачандашакти, могучерукий Стхулабаху, превосходящий доблестью льва Викрамакесари, обладатель железных кулаков Дридхамушти, тьма силы Мегхабала, повергающий врагов в страх, доблестный Бхимапаракрама, проницательный Вима-лабуддхи, истинное полчище тигров Вьягхрасена, воплощение добродетели Гунакара и сведущий в забавных историях Вичитра-катха. Все десять были из высоких родов, юны, мудры, мужественны и преданны своему повелителю. Весело жил с ними в отцовском доме царевич Мриганкадатта, и только не было у него равной ему жены.

Однажды сказал ему по секрету министр Бхимапаракрама: „Послушай, божественный, что со мною этой ночью было. Лег я спать на крыше дворца и, словно проснувшись среди ночи, увидел, что хочет броситься на меня лев, и когти его ужасны и беспощадны, словно молнии. Вскочил я, схватил кинжал и кинулся на него, а он побежал. Гнался я за ним до той поры, пока он, перепрыгнув через реку, не попытался достать меня языком, а я тот длинный язык отрубил. Когда же я по этому отсеченному языку, словно по мосту, пересек реку, лев обратился в страшного великана. „Кто ты, почтенный?“ — спросил я. А он мне ответил: „Я — Ветала, и доволен я, герой, твоей доблестью“. Тогда спросил я его: „Коли истинно ты мной доволен, то скажи, кто будет женой моему повелителю?“ Выслушал мои слова Ветала да и говорит: „Славится правящий в Удджайини царь Кармасена, и есть у него дочь, посрамившая прелестью самих апсар, истинная сокровищница красоты, созданная творцом, а имя ее Шашанкавати — она и станет супругой твоему повелителю. Когда же он ее добудет, то будет царствовать над всей землей“. И с этими словами Ветала исчез, а я возвратился домой. Вот что, повелитель, случилось со мной этой ночью“.

Все, что поведал Бхимапаракрама, выслушал Мриганкадатта, созвал своих министров и, когда они тоже выслушали это, сказал им: „Послушайте теперь, что я вам расскажу. Приснилось мне, будто все мы, утомленные тяжелой дорогой, оказались в каком-то дремучем лесу. Мучимые жаждой, с трудом отыскивали мы воду. Только собрались напиться, как вдруг откуда ни возьмись явились пятеро мужей с оружием в руках и не дали нам напиться. Убили мы их и хотели было, истерзанные жаждой, попить, но теперь уже ни воды не нашли, ни этих мужей. Когда же совсем стало нам тяжело, увидели мы великого бога Шиву, озаренного сияющим на челе месяцем, приближавшегося к нам верхом на быке. Склонились мы перед ним, а он, исполнившись к нам сострадания, уронил из глаза слезу, которая, упав на землю, обратилась в целое море. Из него добыл я жемчужное ожерелье и надел себе на шею, а само море выпил из черепа, измазанного кровью. Проснулся я, а ночь миновала“.

Когда закончил Мриганкадатта рассказ о чуде, виденном им во сне, обрадовались все его министры, а Вималабуддхи заметил: „Счастлив ты, божественный, что Шива явил тебе милость. Добытое тобой во сне жемчужное ожерелье и выпитое море означают, что, взяв Шашанкавати в жены, станешь править всей землей, но придется тебе претерпеть и немало мучений, ибо на это указывает все прочее, виденное во сне“. Умолк Вималабуддхи, и обратился Мриганкадатта к своим министрам: „Хотя и неизбежно достанется мне то, что сон предвещает,— да и Бхимапаракрама слышал об этом от Веталы,— но придется мне добыть Шашанкавати с помощью силы и мудрости у отца ее Кармасены, гордящегося несокрушимостью своих крепостей и войска, но все же мудрость — главное средство в делах. Вот послушайте, расскажу я вам одну историю.

Как министр Мантрагупта извел слона и тем помог царю Бхадрабаху добыть красавицу Анангалилу

Некогда правил у магадхов царь Бхадрабаху, и был у него министром лучший из мудрецов по имени Мантрагупта. Однажды сказал по секрету раджа министру: „Есть у Дхармагопы, правителя города Варанаси, дочь, названная им Анангалила; красота ее покорила все три мира. Просил я отдать ее мне в жены, но, враждуя со мной, не отдает ее Дхармагопа. Не одолеть мне его, потому что есть у него слон Бхадраданта. Я же не смогу жить без его дочери Анангалилы. Нет ли, друг, какого-нибудь способа, с помощью которого можно это дело спокойно решить?“ И тогда ответил радже министр: „Почему ты думаешь, божественный, что успеха достичь можно только доблестью, а не умом? Не тревожься — улажу я это дело с помощью своего ума“.

Так успокоив царя, на следующий же день, переодевшись подвижником, почитающим Ширу, и взяв с собой пять или семь спутников, представлявших его учениками, отправился он в Варанаси, и когда он там поселился, те мнимые ученики говорили всем, кто приходил почтить его: „Это могущественный волшебник!“ Однажды ночью бродил он с одним из спутников, размышляя, как бы осуществить задуманное, и вдруг увидел, что из дома смотрителя слонов трое или четверо вооруженных мужчин вывели испуганную жену смотрителя и куда-то потащили ее. Тотчас же подумав: „Верно, бежала она из дому. Пойдем-ка посмотрим, куда ее ведут!“, последовал он вместе со своим спутником за ней. Заметив, в какой дом женщина вошла, поспешил он вернуться туда, где сам поселился.

Когда же наступило утро, смотритель слонов стал разыскивать похищенные сокровища и исчезнувшую жену, а министр подослал к нему своих спутников, и те, увидев, что смотритель, не нашед-

ший ни того, ни другого, отравился, как бы из сострадания дали ему противоядие и посоветовали: „Ты ступай к нашему наставнику — мудр он и во всем сведущ“. Затем привели они его к министру, и смотритель слонов, узрев украшенного сиянием принятого обета, поклонился в ноги и спросил, что случилось с его, смотрителя, женой.

Притворился министр, что задумался, хоть и было ему все известно, а потом указал смотрителю слонов место, куда ночью была уведена его жена чужими мужчинами. И тогда поклонился подвижнику смотритель слонов, взял с собой городских стражников, нашел тот дом и, ворвавшись в него, убил грешников и злодеев, похитивших жену, и вернул себе и ее и сокровища.

На следующее утро посетил смотритель слонов мнимого подвижника и пригласил на угощение, а поскольку тот под предлогом, что только по ночам вкушает пищу, отказался, то устроил ему угощение ночью в слоновьих стойлах. Взяв с собой скрытую в колене бамбука зачарованную змею, пришел туда министр со своими спутниками и отведал угощения. А когда смотритель слонов и все прочие уснули, пустил он змею в ухо спящему Бхадрандате, и, изведя таким способом слона, проспал в слоновнике остаток ночи, и ушел к себе в Магадху. Возрадовался Бхадрабаху возвращению лучшего из министров, уничтожившего слона Дхармагопы, словно высокомерие самого раджи, и отправил в Варанаси посла, чтобы попросить Анангалилу в жены. Пришлось гордому Дхармагопе, мощь которого была ослаблена гибелью слона, отдать дочь в жены радже Бхадрабаху; цари, знающие время, когда следует упорствовать, а когда — покориться, склоняются перед силой обстоятельств, как тростник под ударами ветра. Так благодаря мудрости министра Мантрагупты раджа Бхадрабаху добыл себе в жены Анангалилу. Так же с помощью ума должна быть добыта жена и мне!“

И тогда рассказавшему это Мриганкадатте сказал министр Вичитракатха: „Все сбудется, что по милости Шивы видел ты во сне. Чего не свершит милость богов?!

Вот соизвольте послушать, что расскажу я.

О влюбленных, претерпевших превращение в пчел

В городе Такшашиле жил царь по имени Бхадракша. Страстно хотелось ему сына, и он совершал жертвоприношение Лакшми — каждый день приносил ей сто и восемь белых лотосов. Однажды, совершая жертвоприношение и не нарушая молчания, он в уме пересчитал лотосы и, обнаружив, что одного не хватает, тотчас же вырвал лотос своего сердца и отдал его богине, а она, обрадованная этим, оживила царя и пожаловала ему в награду сына, которому суждено было стать повелителем всей земли, и тотчас

же исчезла. После этого родила сына прекрасная жена царя, и царь, подумав, что сын достался ему благодаря лотосу сердца, принесенного им великой богине Лакшми, назвал мальчика, обладавшего добрыми приметами, Пушкаракша, что означает Лотосокий. А когда со временем сын достиг юности, помазал царь его, украшенного добродетелями, на царство, а сам удалился в лес. Пушкаракша же, вступив на трон, каждый день приносил жертвы великому Харе, а однажды попросил его о супруге и тогда услышал голос с небес: „Все, сынок, свершится, как ты пожелаешь“. Очень обрадовался этому Пушкаракша.

Однажды поехал Пушкаракша в лес, полный зверей, поразвлечься охотой. Увидел он там свившихся в соитии змей и верблюда, готового их сожрать, и, преисполнившись сострадания, убил его. Но только верблюд рухнул наземь, как предстал перед Пушкаракшей избавившийся от звериного обличья красавец видьядхара и сказал: „Обязан я тебе за помощь, почитаемый. Слушай, что скажу! Есть царь по имени Ранкумалин, славнейший из видьядхаров. Случилось Таравали, дочери лучшего из видьядхаров, восхитительной и прелестной, увидеть его, и тут же вспыхнула она страстью и избрала его в мужья. За то, что сочетались они по своей воле, прогневался на них ее отец и наложил проклятие, обрекшее супругов на разлуку в течение какого-то срока.

А Таравали и Ранкумалин веселились и жили как муж с женой на землях, им принадлежавших, до тех пор, пока однажды, гуляя в лесу, из-за этого проклятия не потеряли друг друга из виду и оказались разлученными. В поисках супруга дошла Таравали до леса на другом берегу Западного океана, где жил мудрый волшебник. Там увидела красавица цветущее дерево джамбу, которое утешало, словно любовью, сладостным гудением пчел. Когда же приблизилась она к нему и присела отдохнуть в его тени, тотчас и сама обратилась в пчелу и увидела своего супруга также в облике пчелы, пьющей мед из цветка на том же дереве. По воле судьбы увиделись после долгой разлуки супруги, и он от радости изверг в цветок семя, и избавились они от облика пчел и слились друг с другом, как месяц и его сияние, а после вернулись к себе домой.

А в цветке, орошенном им, созрел плод, и внутри его со временем родилась девушка — ведь семя божественных никогда не бывает бесплодным. Пришел как-то раз туда в поисках плодов и кореньев мудрец Виджитасу, и плод этот зрелый упал с дерева джамбу и раскололся, и вышла из него девушка, склонилась в поклоне, почтительная, к стопам мудреца, а он, обладающий божественным провидением, сразу понял, что случилось, и, изумленный этим, привел ее к себе в обитель и дал ей имя Винаявати, что значит Смиренная. Так и росла она в обители этого мудреца.

Однажды пришлось мне, пролетая в поднебесье, увидеть ее. Спустился я и, объятый страстью и упоенный своей красотой, попытался овладеть Винаявати против ее желания. Донеслись ры-

дания девушки до слуха Виджитасу, и явился он, исполненный гнева, и проклял меня: „Будь ты, красотой чванящийся, всеми презиравым верблюдом! Избавишься ты от проклятия, когда сразит тебя царь Пушкаракша — его женой станет Винаявати, а он ей — мужем“. Так и стал я жить на земле в облике верблюда. Но сегодня благодаря тебе избавился я от проклятия. Ты же ступай в лес, стоящий на другом берегу океана и зовущийся Сурабхима-рута, то есть Полный Благоуханий, и возьми в жены Винаявати, божественную красавицу, прелестью своей способную унижить саму Шри, богиню счастья“.

Рассказав все это Пушкаракше, исчез видьядхара в небе, а царь вернулся в свой дворец, поручил царство министрам, вскочил на коня и в ту же ночь уехал, сам себе товарищ. Вот едет он, едет и наконец доезжает до берега Западного океана. Стал царь думать, как переправиться через океан. Увидел он тут пустой храм Чандики, вошел в него, совершил омовение и поклонился богине. Затем взял он кем-то оставленную вино и стал славить прекрасную богиню сочиненными им самим песнями, сам себе подыгрывая. Очень была обрадована Чандика пением и, когда он заснул, велела сопровождающим ее духам перенести его на другой берег океана.

Наступило утро, и проснулся раджа в лесу на океанском берегу — нигде не видно храма Чандики. Удивился он, поднялся и стал бродить по лесу. Вскоре заметил Пушкаракша обитель, которая словно приветствовала его ветвями, согнувшимися под тяжестью плодов, предлагаемых ею в угощение гостю, и благословлявшую его приход разноголосым щебетанием птиц. Вошел он в обитель и, увидев мудреца, окруженного учениками, приблизился и склонился в поклоне к его стопам, а исполненный мудрости старец обласкал гостя и проговорил: „Та, ради которой ты, Пушкаракша, пришел, ненадолго отлучилась — пошла за хворостом и скоро вернется, и ты сегодня же возьмешь ее в жены — она и в прежнем рождении твоей была“.

Когда закончил отшельник свою речь, подумал Пушкаракша: „Верно, это и есть тот самый мудрец Виджитасу, это и есть тот самый лес. Быстро же перенесла меня богиня через океан! Неужели правду сказал мудрец, будто была Винаявати моей супругой в прежнем рождении?“ И спросил обрадованный Пушкаракша: „Соблаговоли, почитаемый, поведать, как случилось, что была Винаявати моей супругой в прежнем рождении“. И тогда молвил мудрец: „Слушай, если тебе интересно!

О купце Дхармасене и его жене Видьютлекхе, обратившихся в гусей

Жил прежде в Тамралипти купец Дхармасена с красавицей женой Видьютлекхой. По воле судьбы ограбили его воры, и в схватке с ними был он тяжело ранен. Желая умереть, готов уже был

купец взойти вместе с женой на костер, да вдруг увидели они летящую в поднебесье красивую пару гусей. Бросились вслед за тем оба в пламя и сгорели, но раз были их помыслы сосредоточены на увиденных гусях, то и в новом рождении оказались они супругами в облике птиц. Однажды ночью, когда бушевали дожди, свалило ветром финиковую пальму, у подножия которой было устроено ими гнездо, и они оказались разлучены. Когда на следующее утро утихла буря, стал гусь искать свою супругу, но нигде не мог найти ее — ни на озерах, ни в небесах.

Полетел он на озеро Манаса, куда в эту пору года собирались все гуси, и уверила его там одна гусыня, что найдет он, любовью одолеваемый, свою подругу. И правда, нашел он ее и провел с ней на озере Манаса время дождей, а потом поселились они вместе на какой-то горной вершине. Но случилось так, что подстрелил гусыню птицелов, и, увидев ее мертвой, от горя и страха улетел тогда ее супруг прочь. Птицелов же, взяв было гусыню, заметил, что идут по дороге во множестве вооруженные люди. Быстро нарезал он ножом травы и, бросив добычу на землю, забросал травой из опасения, что, увидев гусыню, захотят они ее унести. Но люди скрылись из виду, а птицелов захотел взять несчастную, да случилось, что среди трав, под которыми он скрыл птицу, была целебная трава, оживляющая мертвых, и благодаря сочившемуся соку ожила гусыня и прямо перед его носом взлетела в небо.

Тем временем супруг гусыни, улетев на берег какого-то озера, сел среди стаи гусей и, обезумевший от горя, все же стал высматривать свою любимую. В это мгновение один рыбак набросил на них сеть, поймал гусей и собрался было уже поестъ, как прилетела туда та самая гусыня, разыскивавшая мужа, увидела его запутавшимся в сети и стала смотреть вокруг. Заметила она, что некий человек, пришедший на озеро совершить омовение, положил поверх одежды жемчужное ожерелье. Подлетела она к нему и, незаметно схватив, стала медленно перелетать с места на место, показывая ожерелье рыбаку. А тот, увидев в клюве у нее такое сокровище, схватил палку и бросился вдогонку, забыв про сеть. А гусыня скинула ожерелье на вершине холма, отстоявшего далеко от того места, и рыбак в жажде заполучить драгоценность принялся на него карабкаться. Когда увидела это гусыня, поспешила она к плененному супругу, клюнула в глаз обезьяну, спавшую на соседнем дереве, та от удара перепугалась, свалилась и порвала сеть. Благодаря этому и освободились все гуси.

Снова соединились супруги, рассказали друг другу о том, что с ними было, и снова весело зажили вместе. А рыбак тем временем не только радовался, что досталось ему жемчужное ожерелье, но и, побуждаемый жадностью своей, еще и птиц хотел изловить. Но тут его самого поймал хозяин ожерелья, разыскивавший пропавшую драгоценность, вырвал у того, дрожащего от страха, ожерелье, да своим же мечом еще и правую руку ему отрубил. Те же два гуся, взяв с собой вместо зонта лотос, в полдень покинули

озеро и взвились в небо. Когда же пролетали они над берегом какой-то реки, где жил отшельник, усердно совершавший омовение, некий охотник сразил обоих супругов одной стрелой, и рухнули они, бездыханные, на землю, а лотос, служивший им зонтом, упал прямо на лингам Шивы, перед которым молился отшельник. Охотник же разыскал их и, забрав гуся себе, гусыню отдал подвижнику, а тот принес ее в жертву Шиве. Раз лотос упал на лингам Шивы, гусь этот стал в новом рождении тобой, Пушкаракша, царским сыном, а гусыня стала Винайавати, дочерью видьядхары, потому что Шива был весьма доволен ее мясом, принесенным ему в жертву. Вот так была она тебе в прошлом рождении женой“.

Когда окончил рассказ Виджитасу, спросил его царь Пушкаракша: „Скажи, благородный, почему, вступив в огонь, испепеляющий все грехи, обрели мы рождение из птичьей утробы?“ И сказал Пушкаракше на это мудрец: „Душа принимает в следующем рождении телесный облик того, о ком или о чем думала она в миг смерти. Да вот послушай!

О целомудренной Лаваньяманджари, ставшей в другом рождении гетерой

Жила в давние времена в Уджайини девушка из брахманской семьи по имени Лаваньяманджари, твердо хранившая целомудрие. Случилось ей однажды увидеть юного брахмана, которого звали Камалодай, и тотчас же охватил ее огонь страсти. Преисполненная мысли о соединении с ним, но не желающая расставаться со своим обетом, пошла Лаваньяманджари на тиртху у берега Гандхавати и рассталась там с жизнью. Но потому, что была она перед смертью сосредоточена на мысли о плотской радости, родиться ей выпало в облике гетеры Рупавати из города Экалавыя. Поскольку умерла девушка на святой тиртхе, даровано ей было помнить о прежнем своем рождении. Повела она однажды о том, что случилось с ней в предшествующей жизни, в поучение брахману Чодакарне Лопоухому, ничего иного не знавшему, кроме непрерывного бормотания молитв. В конце концов она, очистившая думы, хотя и была гетерой, стала на путь добродетели. Вот так, царь, соответственно думам своим перед смертью и обретает человек облик в следующем рождении“. Окончив свою речь, отпустил мудрец царя для омовения и сам совершил полуденное омовение.

Пошел царь Пушкаракша на берег реки, протекавшей в лесу, и увидел собиравшую цветы Винайавати, сверкавшую красотой тела, подобно солнцу, словно бы из любопытства проникшему в никогда прежде не виданную им лесную глушь. Пока Пушкаракша, охваченный любопытством, раздумывал: „Кто же это?“, она заговорила, обращаясь к сидящей вблизи подруге: „Знаешь, милая, тот самый видьядхара, который когда-то хотел меня похитить,

избавился от проклятия, прилетел утром сюда и сказал, что обрел я сегодня супруга". И, выслушав ее, отвечала подруга дочери мудреца: „Так это и должно быть. Слышала я, как мудрый Виджитасу велел ученику Мунджакеше: „Ступай и поспеши привести сюда Таравали и Ранкумалина. Будет, сынок, сегодня здесь свадьба их дочери Винаявати с царем Пушкаракшей". А на эти слова наставника Мунджакеша ответил: „Так тому и быть!" — и пошел делать, что было велено. Поспешим и мы, подружка,— вернемся в обитель".

Послушалась ее Винаявати, и пошли они в обитель, а Пушкаракша, не замеченный ими, слышал все, что они говорили, и, окунувшись в реку, точно спасаясь от огня палящей его любви, вернулся в ашрам мудрого Виджитасу. Пришедшие туда Таравали и Ранкумалин приветствовали склонившегося перед ними царя, и всех их окружили подвижники. А затем у алтаря, озаренного пылающим огнем и сиянием мудрого Виджитасу, телесного воплощения жертвенного огня, была Винаявати отдана святым подвижником в жены царю Пушкаракше. Подарил Ранкумалин царю колесницу, которая могла мчаться в поднебесье. „Благодаря ей будешь ты править всей землей, окруженной четырьмя океанами!" — предрек великомудрый Виджитасу.

После этого с позволения Виджитасу царь с юной женой взшел на божественную колесницу, взмывающую в поднебесье, и, пересекши океан, прибыл в город свой и предстал перед очами горожан, словно только что взшедший месяц. А затем благодаря чудесной колеснице покорил он всю землю и утвердил свою верховную власть и долго жил с Винаявати, вкушая счастье. Так дело, хотя бы и трудноисполнимое, может быть успешно завершено, если боги будут милостивы. Так и твое дело, божественный, скоро завершится благодаря явленной тебе во сне милости дочери Хималай".

Выслушав такую занимательную историю от министра и в жажде соединиться с Шашанкавати, царевич Мриганкадатта вместе со своими министрами укрепился в решении отправиться в Удджайини.

ВОЛНА СЕМИДЕСЯТАЯ

Итак, Мриганкадатта, преисполненный желания добыть Шашанкавати, дочь царя Кармасены, о которой говорил Бхимапаракраме веталя, посоветовался с министрами и решил, переодевшись отшельником, тайно покинуть город и отправиться в Удджайини. Приказал он Бхимапаракраме приготовить посохи, украшенные черепами, чаши, сделанные из черепов, и прочее, и, пока собирал все это у себя в доме, стало про эти сборы известно от согладатаю главному министру отца Мриганкадатты. И получилось так, что, пока нашептывал согладатай свой донос, Мриганкадатта, прогуливаясь по крыше дворца, жевал бетель, да возьми и сплунь.

И нужно же было жвачке угодить по воле судьбы прямо на голову главному министру, притаившемуся с соглядатаем под стеной! Узнал министр, кто на него плюнул, обмылся, но в душе заатаил злобу на царевича.

А тут на следующий день по воле судьбы схватила царя Амаратту, отца Мриганкадатты, холера, и министр, решив, что пришел его час, сказал царю, корчившемуся от боли, прежде выпросив у того обещание не гневаться на него, верного слугу: „Твой Мриганкадатта, государь, затеял в доме Бхимапаракрамы колдовство — вот от чего ты мучишься. А услышал я об этом от соглядата, да и своими глазами видел. Потому изгони сына из страны, как болезнь изгоняют из тела“.

Услышав такую весть, встревожился Амаратта и послал в дом Бхимапаракрамы своего военачальника, а тот, забрав там накладные волосы, чаши из черепов и прочее, тотчас все доставил своему господину.

„Алчет власти мой сын — стал он мне врагом, и потому следует изгнать его из города вместе с советниками, а сделать это нужно сегодня же без промедления!“ — повелел разъяренный раджа военачальнику. Слепо доверяя своим министрам, разве может царь догадаться об их злодействе? Военачальник тотчас отправился и передал Мриганкадатте и его министрам царскую волю и изгнал их всех из города.

Обрадовался Мриганкадатта изгнанию — он ведь все равно хотел уйти. Поклонился он Винаяке, устранителю несчастий, мысленно простился с родителями и покинул родной город. Когда же Айодхья осталась далеко позади, обратился Мриганкадатта к своим десяти министрам, главным среди которых был Прачандашакти, с такими словами: „Есть великий царь, властвующий над киратами, которого зовут Шактиракшита. Он тверд в целомудрии, искушен в науках — с детства мы с ним друзья. Когда-то был взят его отец в плен, и, чтобы освободиться, отдал он сына в заложники, а когда скончался, то родичи собрались было силой захватить его царство, но мой отец по моей просьбе посадил Шактиракшиту править царством. Так пойдемте, друзья, пока к нему, а потом и в Удждайини отправимся за Шапанкавати“.

Согласились с Мриганкадаттой его советники и двинулись в путь. А когда уже начало смеркаться, дошли они до страшной пустыни, и не было там ни деревца, ни воды. С большим трудом дошли они до озера, на берегу которого стоял иссохший ствол, совершили то, что ввечеру надлежит совершать, попили воды и уснули, усталые, под тем деревом.

Проснулся ночью Мриганкадатта и при лунном свете увидел, что сухое дерево пустило зеленые побеги, затем распустились на нем цветы, после покрылось оно плодами. А как заметил, что созревшие плоды начали падать, тотчас же разбудил министров и показал им совершившееся чудо. Изумились они, а поскольку были голодны, то стали есть сочные и вкусные плоды с того де-

рева. Вот едят они эти плоды, и вдруг у них на глазах сухое дерево обращается в молодого брахмана. Бросился пораженный Мриганкадатта расспрашивать его, и тот сказал: „Слушай же.

История брахмана Шрутадхи, рассказанная им самим

Жил в Айодхье лучший из брахманов — Дамадхи, а я его сын, и имя мое Шрутадхи. Однажды во время голода скитался он вместе со мной, и, полумертвые, добрались мы до этих краев. Где-то здесь раздобыл он пять плодов, и вот, истощенный от голода, отдав мне три из них, а себе оставив два, пошел совершить омовение в озере. А пока ходил он, съел я все пять плодов и притворился спящим. Вот возвратился он, совершив омовение, и, увидев меня, лежащего как бесчувственное бревно, понял обман и так проклял: „Расти здесь на берегу этого озера сухим деревом. Лишь ночью при лунном свете будешь ты покрываться цветами и плодами. Когда же случится тебе насытить пришедших сюда измученных голодом странников своими плодами, избавишься от проклятия“. Так-то силой отцовского проклятия стал я сухим деревом. Но теперь, после того как насытились вы моими плодами, избавился я от него“.

Так поведал свою историю Шрутадхи, а после и Мриганкадатта рассказал о том, что случилось с ним. Затем Шрутадхи, который был один в целом свете, испросил у Мриганкадатты разрешение служить ему. Провели они ночь, и, когда настало утро, отправился в путь Мриганкадатта со своими десятью министрами, и Шрутадхи пошел вместе с ними.

Шли они, шли и дошли до леса, называвшегося Каримандита, и увидел там Мриганкадатта пятерых мужей, страшных обликом, заросших волосами. Те же почтительно приблизились к царевичу, исполненному удивления, и молвили: „Родились мы в городе Каши брахманами, а пропитание себе добывали, разводя коров. Да случилась в нашей стране засуха, и вся трава посохла. Покинув родину, пришли мы со своими коровами в этот лес, изобилующий травой, и поселились у озера. А вода в нем волшебная — падают в озеро с деревьев, растущих по берегам, плоды трех видов, и уже пятьсот лет прошло, как живем мы здесь, в этом безлюдном лесу, питаюсь молоком и утоляя жажду этой водой. Вот что было с нами, божественный, а сегодня судьба наградила нас гостями. Так соблаговоли войти в обитель“.

И Мриганкадатта по их просьбе вступил в обитель вместе со своими спутниками, отведал и молока, и прочей снеди и провел там день. Когда же блеснуло следующее утро, снова двинулись все в путь и, прежде чем дошли до страны киратов, увидели по дороге много всяких чудес. Послал Мриганкадатта к своему другу, повелителю киратов Шактиракшите, брахмана Шрутадхи, что-

бы известить о приходе, и тот, узнав о его приближении, сам вышел к нему навстречу и почтительно проводил Мриганкадату с друзьями в свою крепость. Остался Мриганкадату у друга на несколько дней, и тот всячески ублажал гостя. Поведал царевич повелителю киратов о цели своего странствия и условился с ним, что поможет ему Шактиракшита, когда наступит благоприятный день.

Но вот уже снова все двенадцать странников во главе с царевичем, сердце которого было похищено красавицей Шашанкавати, продолжили свой путь в Удджайини. Дошли они до какого-то пустынного места и увидели под деревом совершенно нагого подвижника. Тело его было посыпано пеплом, на плечи наброшена оленья шкура, волосы заплетены в косу. Приблизился к нему царевич вместе со своими спутниками и спросил: „Зачем ты здесь в этом безлюдном месте, где и укрыться негде, живешь в одиночестве?“ Ответил на это подвижник: „Я — ученик великого наставника незапятнанной славы, имя которому Шуддхакирти, и знаю различные заклятия. Однажды попался мне мальчишка-кшатрий, обладавший нужными приметами, и, когда удалось мне добиться, чтобы вселился в него вещий дух, стал я разными способами выпрашивать у этого духа, где растут волшебные целебные травы и скрыты клады, и тот сказал так: „Стоит здесь, на севере Виндхийского леса, одинокое дерево шиншапа, а под ним — вход в роскошный дворец повелителя нагов, змеиною племени. Пруды в его садах скрыты под водяной пылью, но их можно увидеть в полдень, когда резвятся на них супружеские пары красных гусей и белых лебедей. Живет во дворце могучий змей, лучший среди нагов, по имени Паравата. Это ему после битвы богов и асуров достался несравненный меч, называющийся Вайдурьяканти. Человек, который завладеет мечом, станет повелителем сиддхов, и никто не сможет его победить. Добыть же этот меч, говорят, может только герой“. Когда дух сказал мне это, отпустил я мальчишку. В жажде раздобыть этот меч, отворотившись от всего прочего, стал я скитаться по земле. Нигде не нашел я помощников и, утратив надежду, пришел сюда, чтобы умереть“.

Выслушал Мриганкадату все, о чем поведал подвижник, и сказал ему: „Я и мои друзья поможем тебе“. Обрадовался подвижник такому обещанию и, натерев ноги себе, Мриганкадате и его спутникам волшебной мазью, благодаря которой они могли летать в поднебесье, отправился вместе с ними к жилищу нага. Отыскав приметку, по которой можно было узнать вход в подземелье, он, обратившись к каждой из десяти стран света, произнес заклинания, чтобы ниоткуда им не было помех, и оставил там до ночи Мриганкадату с его спутниками, наказав, что и как делать.

Бросив заговоренные горчичные зерна, заставил подвижник рассеяться густой туман над водой и начал совершать под деревом шиншапа жертвоприношение, сопровождая его мантрами, укрощающими змей, и одолел силой заклинаний злые стихии —

и землетрясение, и грозовые тучи, и всякие иные. Но тут вышла из дерева шиншапа божественной красоты дева, и позванивание ее браслетов и других драгоценных украшений было подобно произнесению мантры, очаровывающей мир. Приблизилась она к подвижнику и тотчас же кокетливым взором пронзила его сердце, и утратил он стойкость. Тут она, полногрудая, прильнула к нему, и он, зачарованный, позабыл все мантры и выронил из рук чашу, с помощью которой совершал жертвенное возлияние. В то же мгновение явился из своего жилища наг Паравата, мрачный и грозный, яростно сверкающий очами и издающий грозный рев, как туча, окутавшая небосвод в день конца света. При виде его упал подвижник мертвым. Тогда Паравата обратил гнев на Мриганкадатту и его друзей, помогавших подвижнику, и проклял их: „Вы, безо всякой причины связавшиеся с ним, будете разлучены на время!“

С этими словами исчез наг, и тотчас же Мриганкадатта и его друзья утратили способность слышать, а на их глаза опустилась тьма. Разбредлись они все кто куда, и хотя и искали друг друга, и звали, а оказались разлучены. Когда же миновало наваждение ночи, после долгих блужданий то в одну сторону, то в другую обнаружил Мриганкадатта, что занесло его в какой-то лес. Прошло то ли два, то ли три месяца, и он все еще скитался по этому лесу, как вдруг однажды очутился перед Мриганкадаттой брахман Шрутадхи. Пал к ногам царевича Шрутадхи, и глаза его были полны слез. И молвил он царевичу, ласково утешавшему его и расспрашивавшему о судьбе друзей: „Не видел я их, повелитель, но куда же им еще идти, как не в город Удджайини? Ведь и тебе следует его достичь“. И, побуждаемый такими речами Шрутадхи, устремился царевич вместе с ним к славному городу Удджайини.

Уже несколько дней шли они вдвоем по лесу, как вдруг перед Мриганкадаттой предстал Вималабуддхи, неизвестно откуда явившийся, и склонился перед царевичем. Радость встречи вызвала слезы на глазах у Вималабуддхи, а Мриганкадатта обнял его, усадил подле себя и спросил, не знает ли он чего-нибудь о других пропавших. Отвечал ему, любимому всеми слугами, Вималабуддхи: „Неведомо мне, божественный, кто из них и куда девался, но ты их всех обретишь. А как это мне стало известно, я тебе расскажу. Слушай же!

О чуде жизни или о круге земного бытия, сансаре

Проклятие нага обрекло меня скитаться неведомо где. Вот и блуждал я в восточной части этих злых дебрей до той поры, пока не привел меня, изнемогшего, какой-то добрый человек в обитель великого мудреца Брахмадандина. Угостил меня мудрый плодами, дал воды, и исчезла моя усталость. Пошел тут я прогуляться и, когда удалился от обители, заметил большую пещеру. Из любо-

пытства устремился я в нее и увидел дворец, сложенный из драгоценных камней.

Стал заглядывать я в решетчатые его окна, и взор мой упал на женщину, вращающую колесо, обвитое роем пчел. Пчелы же устремлялись к стоявшим здесь быку и ослу, и пили одни изрыгаемую быком молочную пену, а другие — кровавую пену, извергаемую ослом, и от этого первые становились белыми, а вторые — черными и превращались в пауков. Те же плели паутину, и раз были они двух родов, то одни оплетали ею благоуханные цветы добра, а другие — ядовитые цветы зла. А пока пауки бегали по своей паутине, явился двуглавый змей, и одна голова его была белая, а другая — черная, и стал он беспощадно жалить пауков.

Собрала женщина мертвых пауков и побросала их в разные сосуды, и пауки ожили и снова начали ткать паутину, как прежде. Те из них, которые ткали ее на ядовитых цветах, начали рыдать от мучений, причиняемых ядом, а вслед за ними застонали и те, которые были на других цветах. Стоны тех и других нарушили размышления сидевшего там подвижника, и он, сострадательный, изверг изо рта огонь и спалил их сети. Когда сети сгорели, пауки скрылись в полom стволе бамбука, а на вершине его возникло сияние.

И тогда куда-то исчезли и женщина с колесом, и бык, и осел, а я, охваченный великим изумлением от виденного, продолжал бродить, пока не пришел наконец к радующему взгляд озерцу, заросшему лотосами, над которыми гудели пчелы. Оно словно звало: „Подойди сюда и полюбуйся!“ Подошел я к берегу и вдруг увидел под водой густой лес, а в нем — охотника с десятилапым львенком, которого он поймал. Вырастил тот охотник львенка, а затем в гневе на его непокорность выгнал из леса. Услышал юный лев призывное рычание львицы, доносившееся из другого леса, и устремился к ней. Но вдруг налетел вихрь, оторвал льву все десять лап и разметал их по сторонам. Появился тут некий муж с отвислым брюхом и вернул ему все десять лап. Снова лев начал искать львицу, и немало бед пришлось ему претерпеть. Но когда добыл он львицу — а она в прежнем рождении была его женой, — вернулся с нею в свой лес.

Охотник же, видя, что юный лев вернулся с подругой, оставил ему лес, называвшийся Каримардана, что означает Погибель Слонов, а сам исчез. Все это я видел, а придя в ашрам, поведал мудрому Брахмадандину об обоих чудесных явлениях. Тот же, знающий путь трех времен — минувшего, нынешнего и грядущего, — ласково объяснил мне: „Счастливец ты — все показал тебе довольный тобой Ишвара. Та женщина, которую ты видел, зовется Майей, иллюзией, а колесо, которое она вращала, — колесо земного бытия, сансары. Пчелы же — живые существа, бык и осел — праведность и неправедность, молочная пена, изрыгавшаяся быком, — дела добрые, кровавая пена, извергавшаяся ослом, — дела злые. Белые пчелы садились на быка, а черные — на осла, и об-

ращались те и другие в пауков двух видов и начинали ткать паутину соответственно двух свойств. А паутина эта — сыновья и все прочие житейские привязанности, а цветы благоуханные и цветы ядоносные — это счастье и горе. И пока лепились пауки к своим паутинам, сразила их смерть в облике двуглавого змея, и пасть белой головы у него для добрых, а пасть черной головы — для злых. Майя в образе женщины бросила их в разные утробы, которые показались тебе сосудами.

Снова те существа выбрались наружу и снова стали делиться на белых и черных и принялись ткать паутину мирских тягот, обрекавших их на счастье и горе. Наконец, черные пауки, запутавшиеся в своих же тенетах и отравленные ядом горестей, стали зывать к Парамешваре. Слыша это, и белые пауки, опутанные своими же тенетами и жаждущие избавиться от них, тоже взмолились верховному богу. Пробудился он и, приняв облик подвижника, истребил опутавшие тех и других тенета огнем знания. Проникнув благодаря этому в посох Парамешвары из кораллового дерева, увенчанный диском солнца, достигли они высшей обители. Были этим погублены и Майя, вращавшая колесо сансары, и сопутствовавшие ей бык, воплощавший праведность, и осел, воплощавший неправедность.

Вот так существа с доброй или дурной кармой, влекомые колесом сансары, достигают, почитая Верховного бога, спасения. Все это великий Ишвара показал тебе, желая избавить от наваждения, с помощью которого Майя помрачает людские умы.

А что значит виденное тобой в озере — слушай. В том, что Верховный бог явился тебе в воде, отразилась судьба Мриганкадатты. Ведь десятилапый львенок, отпрыск истребителя зверей, — это сам царевич, взращенный в окружении десяти министров, подобных его рукам. Был он изгнан разгневанным отцом из родной страны так же, как и львенок из леса изгнан охотником. Призывное рычание львицы, донесшееся до слуха юного льва, подобно разнесшейся из страны Авантийской славе о красоте Шашанкавати. Как вихрь оторвал львенку все его десять лап, так и проклятие нага лишило царевича министров. Затем с помощью Винайки, мужа с обвислым брюхом, обрел львенок все свои лапы — как будто к Мриганкадатте вернулись его министры. Как юный лев, пройдя через многие трудности, обрел львицу из другого леса и возвратился в свой, так и Мриганкадатта, добыв Шашанкавати, вернется на родину. И когда увидит сопровождаемого супругой Мриганкадатту, истинного льва, сразившего врагов, как молния — слона, его отец, отдаст он сыну свое царство, как охотник отдал лес, а сам удалится в леса и отречется от мира. Показал тебе могущественный будущее твоего повелителя как бы свершившимся — и тебя, и министров, и супругу встретит царевич и царство получит“.

Так мне объяснил лучший из мудрецов все виденное, и я, исполнившись уверенности, отправился из обители в дорогу и,

мало-помалу одолев ее, встретился сегодня с тобою. Достигнешь ты желанного, встретишь министров своих во главе с Прачандапакти, ибо, прежде чем уйти из города, почтил ты жертвоприношением Ганешу, устранителя препятствий“.

Мриганкадатта, выслушав историю о чудесных видениях своего министра, был очень доволен и, посоветовавшись с Вималабуддхи, устремился к городу Аванти в надежде на встречу с другими своими министрами и на то, что достанется ему Шашанкавати.

ВОЛНА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

На пути к Уджайини Мриганкадатта, отправившийся туда ради Шашанкавати, сопровождаемый Шрутадхи и Вималабуддхи, достиг реки Нармады, которая словно в радости оттого, что встретился он с двумя своими министрами, кружилась в пляске водоворотов, всплескивая гибкими руками волн, и смеялась белым смехом пены. И когда царевич спустился к реке, чтобы искупаться, в то же время подошел к ней, желая совершить омовение, предводитель шабаров по имени Маябату. Но лишь окунулся он в воду, набросились на него три водяных чудища, а сопровождавшие его в страхе разбежались. Схватил Мриганкадатта меч и, кинувшись на чудищ, сразил их и спас тем вождя бхилов. Избавившийся от угрозы гибели, вышел он из воды и, пав в ноги Мриганкадатте, спросил: „Скажи мне, кто ты, приведенный сюда творцом ради моего спасения? Род какого счастливого отца украшаешь ты? И в какую страну, населенную добродетелями, ты направляешься?“

Поведал ему Шрутадхи подробно всю историю, и тогда с превеликим почтением склонился Маябату перед Мриганкадаттой и заговорил снова: „Стану я тебе помощником в достижении желаемого, а вместе со мной будет мой друг Дургапашача, повелитель матангов. А сейчас окажи милость, сообрази посетить дворец твоего раба!“ Такими и подобными речами уговорил он Мриганкадату, привел его в свою палли и старался услужить как только мог, и все жители ее почитали царевича как могли. И пришел туда повелитель матангов, поклонился спасителю жизни друга и положил голову свою на землю в знак того, что стал Мриганкадатте рабом. После этого по просьбе Маябату, повелителя бхилов, провел Мриганкадатта сколько-то дней в его палли.

Пока он там жил, случилось, что вождь шабаров стал играть в кости со своим пратихарой Чандакету, и как раз в это самое время загрохотало в небе среди туч, предвещая дождь, и ручной павлин заплясал, и Маябату встал, чтобы полюбоваться его танцем. Тогда и говорит ему пратихара, страстно любивший играть в кости: „Что смотришь, владыка, на шумные прыжки этой неученой птицы? Вот у меня дома есть павлин, так равного нигде на земле не сыщешь. Завтра на заре я тебе его покажу, если инте-

решно павлиньи пляски посмотреть“. Выслушав его, сказал вождь бхилов: „Обязательно покажи мне твоего павлина“ — и после этого совершил, что положено на этот день, а Мриганкадатта, все слышавший, поднялся вместе со своими спутниками, совершил омовение, поел и занялся прочими делами.

Когда же ночь приблизилась и все было уже окутано мраком, царевич, натерши тело камфарой, в одежде темно-синего цвета, по своей воле, в поисках геройского дела, оставив спутников спящими, вышел из отведенных им покоев один-одинешенек с мечом в руке. И когда двигался Мриганкадатта, то какой-то человек, шедший по дороге, не заметив царевича во мраке, больно ударил его плечом, а царевич разгневался и вызвал того сразиться, но ночной путник, с которым царевич столкнулся, вполне разумно ему возразил: „Что это ты так нерассудителен? Если бы ты подумал, то понял бы, наверное, что осудить нужно повелителя ночи за то, что не рассеял он ночную тьму, или же творца, не воспользовавшегося полностью своей властью — не наделил он человека способностью видеть во мраке. Из-за того и возникают беспричинные ссоры“. И тогда, довольный ответом горожанина, Мриганкадатта проговорил: „Истинно, истинно!“ А потом спросил его: „Ты кто?“ И когда тот ответил: „Вор я!“, взял царевич его за руку и сказал ему неправду: „И я тоже!“ Затем напросился он ему в друзья и, желая узнать, куда и зачем вор идет, последовал за ним.

Пошли они к старому колодцу, заросшему травой, забрались в него и по подземному ходу проникли в антахпур дворца царя Маябату. При свете светильника узнал царевич того человека — был им пратихара Чандакету, а вовсе не вор. Пратихара же, бывший тайным любовником жены царя бхилов, царевича не узнал, потому что был тот одет в другое платье и стоял в темном углу. Царская жена по имени Манджумати, страстно влюбленная в пратихару, обняла его за шею и, увлекши на ложе, спросила: „Скажи, почитаемый, кто тот муж, которого ты сегодня привел с собой?“ — „Друг он мой верный, — отвечал ей пратихара. — Будь спокойна!“ — „Да как же быть мне спокойной, — возразила она, — если вызволил Мриганкадатта повелителя из самой пасти смерти?“ А он ей на это: „Да не тревожься, милая, скоро я убью и его и Мриганкадату“.

И тогда она возьми да и ответь ему: „Что хвастаешься? Когда сегодня в водах Нармады напали на царя чудовища и Мриганкадатта кинулся на помощь, ты не то что погубить его не решился, а, напротив, перепугался и убежал. Так уж лучше помолчи, а не то услышит кто-нибудь твои речи и будет тебе худо от героя Мриганкадаты“. Выговорила она это, и не стерпел ее любовник: „Подлая! Быстро же ты влюбилась в Мриганкадату. Немедля вкусишь ты плоды оскорбления!“ Выхватил он кинжал и бросился на нее. Но тут вбежала ее верная служанка и схватила рукой лезвие, желая остановить злодея, а Манджумати успела скрыться в других покоях. Злодей же, вырвав кинжал из руки служанки и

порезав ей пальцы, бросил его и в смятении скрылся тем путем, что и пришел, а вместе с ним и изумленный Мриганкадатта.

„Дошли мы, почтенный, до дома, и пойду я теперь к себе“, — сказал пратихаре Мриганкадатта, оставшийся из-за темноты неузнанным. Пратихара же предложил ему: „Оставайся здесь, у меня, ведь ты очень устал“. Согласился царевич и сказал: „Пусть так и будет“. Уж очень ему хотелось разузнать все о делах пратихары. А тот, позвав слугу, наказал ему: „Помести этого гостя туда, где павлин живет, да дай ему на чем поспать и отдохнуть“. — „Как повелишь!“ — ответил слуга, отвел Мриганкадату в дом, устроил ему ложе и дал светильник, и, после того как ушел слуга и закрыл снаружи дверь на цепь, заметил Мриганкадатта павлина в клетке: „Это, видно, и есть тот павлин, о котором говорил пратихара“. И, подумав так, из любопытства взял он и открыл клетку. Вышла птица из клетки, поглядела пристально на царевича и вдруг пала ему в ноги и стала кататься по полу. Тут заметил Мриганкадатта, что шея павлина перевязана веревочкой, и развязал ее. И только упала с шеи павлина веревочка, как предстал перед царевичем его министр Бхимапаракрама.

В великом изумлении и радости обнял Мриганкадатта склонившегося перед ним верного министра и спросил: „Поведай мне, друг, что все это значит?“ И тогда вот что рассказал обрадованный Бхимапаракрама: „Выслушай, божественный, поведаю я тебе обо всем, что со мной случилось, с самого начала. Когда унесло меня от повелителя силой проклятия нага, дошел я, скитаясь по лесу, до дерева шалмали и увидел на нем изображение Ганеши. Поклонился я Слоноголовому и сел под тем деревом отдохнуть. Горестными были мои мысли: „Будь прокляты эти мучения! И зачем это я рассказал повелителю о ночной встрече с ветадой! Так расстанусь же я немедля со своей грешной душой!“ И, придя к такому решению, отказался я от пищи.

Миновало несколько дней. Но вот как-то проходил мимо этого дерева дряхлый путник. Расположился он отдохнуть в его тени. Заметив меня, тот святой человек спросил с интересом: „Что делаешь ты здесь, сынок, в этом безлюдье и почему так осунулось твое лицо?“ И когда поведал я ему обо всем, что со мной произошло, странник ласково и ободряюще укорил меня: „Зачем ты, герой, предаешься терзаниям, словно малодушная женщина? Но ведь и женщины не теряют стойкости в несчастье!

О Хансавали и Камалакаре

Камалакара был сыном раджи Вималахари, правившего в Кошале, и однажды прочел ему странствующий поэт Маноратхасиддхи такой стих:

Разве могут насытиться лебеди,
Если им не добаться до лотосов
На пруду, над которым носятся

Тучи птиц, непрестанно горланиющих?
Разве страсть утолит Хансавали,
Коль не сможет она повстречаться
С Камалакарой возлюбленным,
Воспеваемым нежными девами?

А кроме этого стиха поэт Маноратхасиддхи рассказал Камалакаре о самой Хансавали, как с его помощью она узнала о царевиче и затосковала от любви. Выслушал царевич поэта и сам востосковал по Хансавали так, что места найти себе не мог, пока не послал его Вималахари воевать с царем ангов, и Камалакара захватил того живым и отправил пленником в Кошалу, а сам стал воевать других царей, пока не подошел к стенам Видиши, где правил отец Хансавали Мегхамалин. Посватался тогда Камалакара к Хансавали, а ее отец этому возрадовался, так как было ему во время болезни благовестие от Вишну, что Хансавали обретет дар исцеления и что мужем ей будет Камалакара, хотя и придется претерпеть некоторые страдания.

Трудно было верить Хансавали в такое счастье, и решила она послать свою самую близкую подругу Канакамаманджари убедиться, действительно ли это Камалакара. Та, нарядившись подвижницей, поспешила к царевичу в лагерь и не только во всем убедилась, но еще и сама влюбилась в царевича. Поэтому, вернувшись, таким уродом изобразила она его перед Хансавали, что решила та лучше умереть, чем замуж за него пойти. А Канакамаманджари подсказала, что, мол, пусть во время обряда кто-нибудь из служанок нарядится в свадебные одежды и подменит ее, а простодушная Хансавали радостно согласилась и попросила ее сделать это самой.

Злодейка же сговорилась со своей приятельницей Ашокакари и, когда настал день свадьбы, нарядилась в одежды невесты, а Хансавали велела надеть платье Ашокакари, выйти из города да ждать ее у дерева шалмали в одном кроше от города. Свершился обряд, и поехал Камалакара с мнимой Хансавали к себе на родину, и под предлогом, что было ей дурное знамение во сне, подговорила она Камалакару сжечь это дерево, надеясь, что сгорит с ним и настоящая Хансавали.

Но та, скрывавшаяся в ветвях, все слышала и поняла, как жестоко она обманута, и пришла в отчаяние, но, когда спустилась на землю, вспомнила благовестие Мегхамалину, предвещавшее ей горести и страдания до того, как станет ей мужем Камалакара.

Тем временем в Кошале Камалакара заболел лихорадкой, и вспомнил он, что Хансавали могла одним лишь прикосновением руки излечить от болезни. Помнила об этом и Канакамаманджари — ей необходимо стало избавиться от знавшей истину Ашокакари и излечить мужа от лихорадки. Решила она тогда умиловить трехногого и трехглавого демона лихорадки, принесла ему в жертву Ашокакари. Да по воле судьбы случилось так, что меч злодейки только задел плечо Ашокакари и та сумела спастись, а стражники схватили гвапущую за ней разъяренную Канакамаманджари. Когда притащили их обеих к радже, все понял Камалакара, и Канакамаманджари от страха испустила дух, а Ашокакари поведала о том, как была обманута Хансавали.

Тогда Камалакара вместе с поэтом Маноратхасиддхи тайно отправился в путь, и проходил он в поисках своей нареченной поля, леса и ашрамы, и со временем дошли оба друга до леса, в котором скиталась Хансавали. Вот там-то и встретились наконец после долгих страданий Камалакара и Хансавали, и обрели друг друга, и сыграли настоящую свадьбу, и счастливо жил Камалакара с той, терпение которой было вознаграждено, и справедливо правил царством. Так те, кто и в несчастье не теряют самообладания, всего достигают“.

Закончив рассказ, который он поведал в ту ночь в доме Чандакету, снова обратился Бхимапаракрама к Мриганкадатте: „Так вот, после того как получил столь полезное наставление, ушел я

из той глуши, и, зная, что Удджайини самая желанная для тебя цель, в надежде встретиться с тобой отправился и я туда. Но, не найдя тебя в городе и чувствуя усталость, остановился я в доме какой-то женщины, дав ей денег, чтобы купила она еды, а сам, в изнеможении упав на указанную ею постель, тотчас же заснул. Когда же проснулся я, то увидел, из любопытства, затаившись, как эта женщина, взяв пригоршню ячменя, высеяла его прямо в доме по всем углам. А при этом шептала она заклинания и губы ее дрожали. Тотчас же поднялись колосья ячменя и налились зерном, и вызрело оно, и она его сжала, отвеяла, высушила и истолкла в крупу, а потом ссыпала ту крупу в медный горшок, привела дом в порядок, как прежде было, и пошла совершить омовение.

Догадался я, что это ведьма. Быстро встал я, пересыпал заговоренную крупу из медного горшка в простой, а из того долю крупы в медный горшок, остерегаясь смешивать обе порции, а после этого снова улегся. Тут вошла женщина, разбудила меня и угостила кашей из медной посуды, а сама, не зная о том, что я сделал, взяла из простого горшка наговоренной и, съев ее, обратилась в козу. И тогда взял я да и в отместку продал ее мяснику.

Прибежала ко мне мясничиха: „Обманул ты мою подругу, так уж тебе за это будет!“ Услышав от нее такую угрозу, ушел я тайно из города и, когда устал в дороге, прилег у корней дерева нягродха. А пока я спал, отыскала меня мясничиха, злая колдунья, и повязала мне на шею ладанку. Когда же она скрылась, проснулся я и обнаружил, что обращен в павлина, хотя и сохранил человеческую память. Сколько-то дней провел я, удрученный таким состоянием, бродя туда и сюда, пока однажды не попался в сеть птицелова, а тот отдал меня Чандакету, главному пратихаре царя бхиллов, подарившему павлина своей жене. Она же меня для забавы поместила в эти покои. А сегодня сама судьба привела тебя сюда, и ты снял с шеи моей ладанку. Благодаря этому, божественный, снова обрел я человеческий облик. Но давай сейчас же убежим отсюда — убивает пратихара всякого участника своих ночных походов из опасения, как бы его не выдали, а ты был сегодня свидетелем его темных дел. Повяжи, повелитель, эту ладанку себе на шею и, обратившись в павлина, выйдешь отсюда через слуховое окошко, а потом я просуну руку и сниму ее с твоей шеи, повяжу себе и тотчас же выберусь отсюда, и ты тогда снимешь ее с моей шеи, и оба мы примем присущий нам облик. А через дверь нам не выйти — заперта она снаружи“. И как сказал мудрый Бхи-мапаракрама, так они и сделали, и выбрались оба, и Мриганкадхата вернулся в покои, где жил со своими двумя друзьями. Там они рассказали о том друг другу, что с ними случилось, и весело провели ночь.

Когда же наступило утро, пришел к Мриганкадхате предводитель бхиллов Маябату, страны той повелитель, и спросил царевича, хорошо ли он провел ночь, а затем предложил ему: „Давай сыграем в кости!“ Но, видя, что бхил пришел вместе с пратихарой,

спросил у него Шрутадхи, друг Мриганкадатты: „При чем тут кости? Или ты забыл? Сегодня нам надо посмотреть, как пляшет павлин пратихары,— ведь это нам обещано“. Услышал это повелитель бхилов, вспомнил и из любопытства послал пратихару привести павлина.

„Как это забыл я прикончить вора, свидетеля моих ночных пождений, запертого в комнате с павлином? Так поспешу же сделать оба дела!“ — так сетуя на свою забывчивость, торопился пратихара к себе домой, а когда пришел туда, то не увидел в той комнате ни вора, ни павлина. До смерти перепугавшись, прибежал он к своему повелителю и говорит: „Повелитель, какой-то вор похитил ночью моего павлина“. Улыбнулся при этих словах Шрутадхи и говорит: „Видно, искусен вор-то, укравший павлина“. Видя, что Мриганкадатта и его друзья пересмеиваются да друг с другом переглядываются, захотелось Маябату, предводителю бхилов, узнать о причине, и спросил он: „Что это значит?“ Тогда Мриганкадатта рассказал ему, как ночью столкнулся с пратихарой, как пробрался тот в покои жены повелителя бхилов, как в ссоре с ней выхватил он кинжал, как добрались они потом до дома пратихары, как царевич нашел там обращенного в павлина Бхимапаракраму, как вернул ему человеческий облик и как, избавившись от опасности, пришли они сюда. Узнав о служанке в антахпуре, пораненной кинжалом, и увидав ее, а затем воочию убедившись, как ладанка, надетая на шею Бхимапаракрамы, обращала его в павлина, казнил Маябату своего пратихару как нарушителя чистоты антахпура. Жену же повелителя бхилов Мриганкадатта оберег от его гнева, и тот, избегая соприкосновения с ней, услав ее подальше от дворца.

Провел еще несколько дней у бхилов Мриганкадатта, наслаждаясь гостеприимством Маябату, хотя в жажде встречи с Шашапкавати и со своими другими друзьями был готов немедленно отправиться в путь.

ВОЛНА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

А пока Мриганкадатта с Вималабуддхи и другими министрами жил у повелителя бхилов Маябату, явился к тому его военачальник. Был он весьма возбужден и так сказал владыке: „По твоему велению, господин, искали мы человека, которого можно было бы принести в жертву Благостной, и поймали такого. Он уложил пятьсот наших лучших бойцов, но и сам много ран получил и двигаться не может — доставил я его сюда“.

Промолвил на это Маябату, обращаясь к полководцу: „Приведи его ко мне — хочу на него посмотреть!“ Велел полководец притащить того человека, и все увидели его, покрытого пылью битвы, истекающего кровью от многочисленных ран, нанесенных различным оружием, ворочающегося в цепях и узах, словно обезумевший от страсти слон, запутавшийся в стеблях лотосов, по

вискам которого текут потоки грязи, смешанной с пылью шафрана. Тотчас же Мриганкадатта узнал в нем еще одного своего министра — Гунакару, подбежал к нему и, рыдая, обнял. Узнав от друзей царевича, кто был этот человек, повелитель бхиллов подошел к Гунакаре, лежавшему в ногах у своего повелителя, утешил его, велел отнести в свои покои, обмыть и перевязать ему раны и потчевал едой и питьем, дозволенными лекарями.

Затем, когда Гунакаре стало лучше, обратился к нему Мриганкадатта с просьбой: „Поведай мне, друг, что с тобой было!“ И все приготовились слушать, а Гунакара начал: „Соблаговоли выслушать, божественный, поведаю я тебе обо всем, что со мной случилось.

Когда из-за проклятия нага оказался я разлученным с вами, ничего я не соображал и в помрачении блуждал в той глуши. Но вот вернулся ко мне рассудок, и, удрученный случившимся, подумал я: „Что это за забавы дурно воспитанной судьбы! Как будет существовать в этом лесу Мриганкадатта, которому трудно оставаться одному даже на дворцовой террасе? И как будут жить его друзья?“ Пока предавался я подобным размышлениям и сетованиям, посчастливилось мне набрести на храм богини, живущей в Виндхийских лесах. Вступил я в этот храм — в нем день и ночь приносили в жертву ей различных живых существ, и был он подобен дворцу самого Смертного Часа, — поклонился великой богине и увидел тело человека, принесшего самого себя в жертву, перерезав себе мечом горло. При виде его решил и я, в горести от разлуки с тобой, принести себя в жертву богине и тем самым порадовать ее. Но когда кинулся я за спасительным мечом, то остановила меня некая сострадательная подвижница, издали наблюдавшая за мной и неодобрительно покачавшая головой. Подошла она ко мне и, не дав умереть, спросила о том, что со мной случилось, а потом сказала: „Не поступай так! Бывает, и покойники встречаются, а что уж говорить о живых? Вот послушай, я тебе расскажу историю.

О том, как Винитамати победил в споре царевну Удаятати и взял ее в жены

Славился по всей земле город, называющийся Ахиччхатра, и правил там в давние времена Удаятунга, слон среди раджей. Был пратихарой у него благородный Камаламати, а у того был несравненных достоинств сын по имени Винитамати. А достоинства эти были таковы, что ни лотосу с ним не сравниться — пуст его стебель внутри, сплетенный из волокон, ни луку — крив лук! Однажды поднялся Винитамати на крышу дворца, выбеленного известью, и увидел, как засверкала на челе ночи прохладнолучистая луна, подобная блистающей, сделанной из бутона пожелай-

дерева сереге бога любви на восточной стороне неба, и, наблюдая, как поток ее лучей заливают светом мир, в душевном умилении подумал: „О, как выбелила луна все дороги и как хорошо они видны! Почему бы не пойти мне по какой-нибудь из них?“

И, подумав так, взял лук и двинулся в путь. Когда же прошел он всего один крош, донесся до его слуха плач. Пошел он в ту сторону, откуда доносились рыдания, и увидел девушку, сидящую у дерева и заливающуюся слезами. Спросил он ее: „Кто ты, красавица, и зачем испятнала слезами подобное луне лицо твое — уж не хочешь ли ты сравниться с нею и пятнами?“ Она же ему проговорила в ответ: „Дочь я повелителя нагов Гандхамалина, а имя мое, о великий духом, Виджаявати. Однажды бежал отец с поля битвы и был проклят самим Васуки: „Потерпишь ты, грешник, поражение и будешь врагом своим обращен в рабство!“ Вот из-за этого проклятия потерпел мой отец поражение от якши Каладжихвы, его врага, и был обращен в раба, который должен носить за господином корзину с цветами. Ради отца умилила я подвижничеством Гаури, и она явилась предо мной и, благостная, так сказала: „Слушай, милая, растет на озере Манаса хрустальный лотос с тысячью лепестков, и когда касаются лотоса лучи солнца, то он сам испускает драгоценные лучи, переплетающиеся между собой так, словно распустился капюшон на голове божественного змея Шеши, на каждой из тысячи голов которого сверкают самоцветы.

Однажды Вайшравана, купаясь в том озере, увидел этот лотос и страстно захотел добыть его. Стал он молить о том Хару, а тем временем сопровождавшие Вайшравану якши, приняв вид обычных гусей и других живущих на воле существ, плескались и веселились в озере. И случилось по желанию судьбы так, что старший брат врага твоего отца, якша Видьюдджихва, призывно маня к себе ударами крыльев подругу, ударил крылом по жертвенной чаше, которую его господин держал пред собою, и она упала. Разгневался повелитель богатств и проклятием своим обрек Видьюдджихву с супругой жить на этом озере в облике гусей. Зная, что это проклятие разлучает его старшего брата на ночь с женой, Каладжихва что ни ночь принимает облик его возлюбленной и ласкается пострадавшего от разлуки, а днем Каладжихва принимает свой собственный облик, и твой отец Гандхамалин служит ему как раб. Поэтому, доченька, попроси сына пратихары из Ахичхатры, мужественного и предприимчивого Винитамати, отправиться туда — с этим конем и мечом победит он якшу и освободит твоего отца. Тот муж, у которого в руках сокровище среди мечей, всех врагов одолеет и станет править землей“.

С такими словами дала мне богиня коня и меч, а сама исчезла. Вот и пришла я для того, чтобы побудить тебя отправиться на этот подвиг. Сумела я ночью громким плачем, достигшим твоих ушей, привлечь тебя, озаренного милостью богини, сюда. Так исполни, достойный, мое желание!“ Умоляла она его, и Винитамати согласился и молвил: „Пусть оно исполнится!“

Затем девушка из племени нагов ушла, но вскоре вернулась, ведя за собой молодого белого коня, подобного сгустившемуся молочному свету лучей месяца, устремившемуся к самому краю земли, чтобы истребить ненавистную тьму, и держа тот меч, истинное сокровище среди мечей, подобный взгляду богини счастья, ищущей героя, и небу, сверкающему звездами. Отдала она и коня и меч Винитамати.

Схватил юноша меч, и вскочил на коня, и отправился с Виджаявати в путь. И таков был конь, что тотчас же достигли они озера Манаса, которое словно бы из сострадания к Каладжихве пыталось раскачивающимися от ветра ладонями лотосов и тревожными криками чакравак умолить героя: „Не вступай сюда! Не надо, не надо!“ Увидел Винитамати, что сторожат Гандхамалина несколько якшей и, чтобы освободить его, ринулся на презренных и немало ран панес им своим мечом. Тогда Каладжихва сбросил облик гуся и с ревом поднялся из озера во всем своем грозном виде, словно грозовая туча, готовая излиться ливнем. В начавшейся битве взвился якша в небо, но догнал его на своем коне Винитамати, схватил за волосы и уже готов был отсечь злодею голову, как тот взмолился о пощаде и попросил у него прощения. Отдал Каладжихва Винитамати волшебное кольцо, отвращающее ливень, засуху, саранчу, крыс, попугаев и вражеское вторжение, и с великим почтением освободил пага Гандхамалина, а тот на радостях отдал Винитамати в жены свою дочь Виджаявати и вернулся домой.

Как только наступило следующее утро, отправился герой с чудесным мечом, волшебным кольцом, могучим конем и обретенной невестой к себе домой. Поклонился он отцу и в ответ на расспросы порадовал его рассказом о случившемся, и тогда сам раджа совершил свадебный обряд сына пратихары с девушкой из племени нагов.

Вот однажды говорит Винитамати, обладателю четырех сокровищ, всеми добродетелями украшенному, его отец Камаламати с глазу на глаз: „Есть у царя Удаятунги дочь Удаявати, сынок, всем наукам обученная, и он объявил, что отдаст ее в жены тому — брахману ли, кшатрию ли, все равно, — кто одолеет ее в ученом споре *. Одного за другим побеждала она своим искусством в спорах, а красотой своей, весь свет повергая в изумление, превзошла она бессмертных дев. Что же ты за герой, если не отстоишь честь свою кшатрийскую, не одолеешь ее в споре да не возьмешь в жены?“ Возразил отцу на это Винитамати: „Да достойно ли, батюшка, такому воину, как я, сражаться со слабыми женщинами? Но раз велишь мне, сделаю, как ты хочешь“. А когда он, гордый, выразил согласие, пошел его отец к царю и сказал: „Утром придет сюда Винитамати спорить с царевной“. И, получив от царя согласие, Камаламати вернулся домой и сообщил о том сыну.

Когда же наступило следующее утро, в царский совет, на который собрались мудрецы, украшенный присутствием самого

царя, подобно тому как красный гусь украшает собой озеро, заросшее лотосами, пришел вызвавшийся на спор с царевной Винитамати. Как только, сверкающий, вступил он в зал совета, полетели к нему со всех сторон стремительные пчелы взглядов. И в тот же миг величаво вступила в зал и царевна Удаятунга, украшенная многими достоинствами и совершенствами, подобная оттянутой их силой тетиве лука бога любви. Сладостное позвякивание ее драгоценных украшений словно уведомляло заранее о том, что же будет ее первым доводом в споре. Подобно блеснувшей среди чистого неба юной луне, украсила она собой изумрудный трон, а затем произнесла, словно сплетя венок искусно выточенных из драгоценностей цветов, свою первую посылку, нанизав в блеске зубов изящные и точные слова. Но доказал Винитамати слабость ее доводов и в ходе спора по каждому пункту опроверг ее и заставил прекрасноликую умолкнуть. Все собравшиеся мудрецы восхвалили его, по она сама, хотя и потерпела поражение, считала себя победительницей, так как обретала супруга, а царь Удаятунга, обрадованный, отдал ее, добытую Винитамати победой в ученом споре, ему в жены и осыпал жениха драгоценностями. С тех пор стал Винитамати жить с дочерью нага и с дочерью царя.

Однажды, когда играл он с кем-то в кости и был опечален проигрышем, пришел к нему некий брахман и стал просить еды. Тогда, разозленный его настойчивостью, Винитамати сказал на ухо слуге: „Возьми-ка и заверни чашу с песком в тряпку да дай ему!“ Взял брахман то, что было дано, да и подумал, поскольку милостыня-то была тяжела весом, что там золото. А подумав так, обрадовался и, уединившись, развернул тряпку и увидел, что там чаша с песком. Со словами „Обманут я!“ бросил он ее на землю и, убитый горем, пошел домой. А Винитамати об этом и думать забыл и, когда кончил играть в кости, отправился в свои покои и развлекался там с женами, как ему хотелось.

Шло время, и радже Удаятунге от дряхлости стало не в состоянии заниматься делами мира и войны и прочими, составляющими дела государственные, и тогда помазал он на царство своего зятя Винитамати, поскольку сына у него не было, а сам пошел к Гапге, чтобы там расстаться со своим телом. Немного протекло времени с той поры, как досталось Винитамати царство, а он благодаря силе своего меча и стремительности коня покорил все десять стран света *, и благодаря волшебному кольцу, отвращающему несчастья, не было в его царстве ни болезни, ни голода — прямо как в царстве Рамы.

Однажды пришел к царю из другой страны бхикшу по имени Ратначандра, а славился он потому, что для всех искусных спорщиков был тем же, чем лев для слонов. Когда царь оказал бхикшу гостеприимство — ведь он любил умных людей, — тот предложил ему сразиться в споре на такую ставку: „Если ты, царь, будешь побежден, то должен принять веру Сугаты, если же ты меня одолеешь, сброшу я одежду буддийского монаха и стану повиновать-

ся брахманам“. Согласился царь, и начался у Винитамати с бхикшу спор, и длился он семь дней, а на восьмой победил буддийский монах царя, хоть и одолел тот в свое время Удаявати, прозванную Сокрушительницей Бритых *. И тогда царь воспринял веру, о которой говорил монах и высшей добродетелью которой является помощь всему сущему, и стал строить вихары, ступы и жилища для бхикшу, брахманов, приверженцев Джины и всяких других вер.

Достигнув душевного мира благодаря таким делам, спросил он однажды у Ратначандры, с помощью каких добродетельных свершений можно стать бодхисаттвой. Ответил на это бхикшу: „Только те достигают великого сана бодхисаттвы, кто избавился от грехов, не иные. В твоих же поступках нынче нет никаких зримых прегрешений, которые могли бы быть заметны людям, подобным мне. Но надо убедиться, не совершил ли ты какого-нибудь греха, хотя бы и ничтожного, который требовал бы искупления. А для этого надо сделать вот что“. И с такими словами бхикшу сообщил ему о средстве, вызывающем сны. Увидел царь с помощью этого средства сон и поутру рассказал о нем бхикшу: „Приснилось мне, учитель, будто попал я в другой мир и, мучимый голодом, просил о пище, а люди, вооруженные палками, отвечали: „Ешь, царь, сколько хочешь того раскаленного песка, который ты дал когда-то голодному брахману, обратившемуся к тебе за подаванием. Освободись ты от этого греха, если раздашь десять кроров золотых в милостыню“. И тогда проснулся я и увидел, что ночь уже миновала“.

Так рассказав все это бхикшу, царь по его совету раздал в милостыню богатство в десять миллионов золотых и снова воспользовался средством, вызывающим сны.

И на этот раз привиделся ему вещий сон, и, проснувшись, еле забрезжила заря, рассказал он наставнику: „Хоть и раздал я милостыню, но и сегодня опять увидел себя в другом мире, и опять был голоден и молил о пище, и опять вооруженные палками люди дали мне песка, а когда спросил я их, почему же, раздав такую милостыню, все равно должен есть песок, они объяснили мне: „Бесплодна вся милостыня — среди тех миллионов золотых монет была одна, принадлежавшая брахману“. Выслушав эти слова, проснулся я“. Поведав о своем сне, царь опять раздал десять кроров золотых всем нуждающимся.

И снова, приняв средство, вызывающее сны, увидел он сон и, пробудившись на заре, поведал о нем: „Увы, и на этот раз люди, вооруженные палками, дали мне вместо еды чашу, полную песка, а когда спросил я их о причине, сказали: „По-прежнему бесплодна милостыня твоя, царь, потому что в лесу в пределах твоей страны разбойники ограбили брахмана и убили его, а ты его не защитил. Раз ты не защищаешь людей, бесплодна твоя милостыня, и потому искупить ее можно, если раздашь в два раза больше“. При таких словах я проснулся“.

Сообщил царь наставнику о том, что приви-

делось ему во сне на сей раз, и раздал в два раза большую милостыню.

Спросил после этого царь: „Скажи, наставник, как людям, подобным мне, следовать закону, в котором так много нарушений?“ И ответил ему бхикшу: „Мудрый, чей ум устремлен на защиту и поддержание веры, не должен, царь, позволять, чтобы его отвлекали на такие дела. Стойких и решительных, не пренебрегающих своей верой охраняют боги и помогают осуществляться их желаниям.

Не приходилось ли тебе, царь, слышать джатаку о том, как благословенный Бодхисаттва был вепрем? Если не слышал, то послушай.

История о мудром и добродетельном вепре и его друге обезьяне

Давным-давно в пещере в горах Виндхья жил мудрый вебрь, воплотивший в себе частицу Будды, вместе со своим другом из обезьяньего племени. Так жил он, гостеприимный и благожелательный ко всему сущему, и проводил время в приличествующих ему делах. И случилась там однажды непогода, и длилась она целых пять дней, и была такая жестокая, что не прекращавшийся все пять суток ливень остановил движение всех живых существ. На пятые сутки ночью к пещере, где спали вебрь и обезьяна, пришел лев с львицей и львенком. Обратился лев к львице и сказал так: „В эту злую непогоду все мы умрем, давно уже никакого зверя не попадалось нам, и голод нас мучит“. Молвила ему львица: „Мы, конечно, не сможем все выжить, а потому съешь меня, и да будет вам обоим благостна жизнь. Ведь ты мне повелитель, а в сыне нашем — все, что дорого нам обоим. Ты же найдешь себе другую львицу. Да будет вам обоим благо!“

Пока так переговаривались муж с женой, по воле судьбы проснулся великодушный вебрь и подумал, обрадованный: „Что мне ночь, что непогода, когда пришли такие гости! О, заслужу я сегодня награду! Да не помешает мне ничто — почему бы не отдать в жертву гостям это недолговечное тело?“ С такими мыслями поднялся он, и вышел ко льву, и ласково молвил ему: „Не кручинься, любезный! Пусть я послужу пищей и тебе, и львице твоей, и львенку. Съешь меня!“ И когда договорил это вебрь, лев обрадовался и сказал львице: „Пусть сначала поест львенок, потом я, а затем уже и ты“. И она согласилась на это, и львенок стал насыщаться, а за ним и сам лев принялся за мясо вебря, и, пока он ел, тот, добродетельный, сказал: „Поспешి выпить кровь мою, пока не ушла она в землю, насыться плотью моей, а остальное пусть съест твоя милая“. Пока же он говорил так, лев продолжал рвать его мясо и добрался уже до костей, но жизнь не покидала вебря, словно бы желая увидеть, насколько хватит его терпения. Тем

временем измученная голодом львица издохла, а лев со львенком куда-то ушли, и вот уже кончилась ночь.

Проснулась обезьяна, вышла, увидела друга своего в таком жалком состоянии и в смятении спросила: „Скажи мне, кто с тобой это сделал, дорогой мой, если можешь!“ А тот, терпеливый, рассказал, как все случилось. Тогда пал ему в ноги друг и в рыданиях проговорил: „Видно, хранишь ты в себе частицу божества, почему и смог избавить душу свою от звериного облика. Если есть у тебя какое-нибудь желание, скажи мне — я его выполню“. И тогда ответил вепрь обезьяне: „То желание, которое есть у меня, столь трудно, что и сама судьба его не выполнит. Мучительно видеть мне эту несчастную львицу, издохшую от голода, и потому хотелось бы мне, друг, чтобы, как прежде, обрел я тело и смог бы, вернув ее к жизни, накормить своей плотью. Вот чего я хочу!“ И в то время, когда кончил вепрь говорить, явился перед ним бог Дхарма, коснулся его рукою, и дал ему тело повелителя сиддхов, и молвил: „Это я принял облик льва и львицы со львенком, желая испытать твердость твою в служении благу других существ. Но ты, непреклонный в решимости служить благу других, хотя бы и ценой своей жизни, победил меня, Дхарму, и обрел божественный сан“.

Слыша эти слова и поняв, что стоит перед ним сам великий Дхарма, промолвил мудрый: „Не возрадуюсь я, повелитель, пока и друг мой не избавится от звериного облика и не обретет сапа главы мудрецов“. А тот в ответ на это и обезьяну обратил в мудреца, а потом исчез. Исчезла и мертвая львица. Быстро приносит плоды встреча великого с великими.

Так, государь, сами боги способствуют достижению успеха теми, кто и достигнув добродетели не забывает о дхарме, — нет для них ничего недостижимого“. Выслушав бхикшу, снова воспользовался, когда спустилась ночь, Винитамати, царь, щедрый на даяния, средством, вызывающим сны, а когда настало утро и он проснулся, вот что рассказал наставнику: „Когда охватил меня сон, увидел я божественного мудреца, обратившегося ко мне с такими словами: „Освободился ты от грехов, сынок, ступай теперь по стезе бодхисаттвы“. И только услышал я его слова, как тотчас же проснулся успокоенный“. Сообщив все это своему наставнику бхикшу, в благоприятный день возложил он на себя с его позволения этот великий обет и стал непрестанно осыпать дарами всех просящих, и богатства его не истощались, ибо корень богатства — в добродетели.

Вот пришел однажды к нему проситель-брахман и говорит: „Я, божественный, брахман, а живу в городе Паталипутра. Служил я в храме Агни, да брахмаракшас отнял у меня этот храм и сына моего забрал, и никакими средствами не могу я изгнать злодея. Потому пришел я к тебе, о истинное пожелайдереву, исполняющее желания всех просящих, попросить тебя, чтобы ты дал мне на благо свое кольцо, уничтожающее всякие беды“. Когда же

кончил брахман свою просьбу, не колеблясь отдал царь свое кольцо, добытое у якши Каладжихвы, и ушел брахман с кольцом, а слава царя, выполняющего великий обет бодхисаттвы, разнеслась по всем странам до самых краев земли.

Другой раз пришел к царю из Уттарапатхи, северной страны, царевич по имени Индукалаша. Оказал ему почести мужественный царь в соответствии со славным родом царевича и спросил, что за просьба у него. Сказал ему царевич: „Славишься ты по всей земле как истинное сокровище для просящих и, если кто-нибудь попросит у тебя саму жизнь, не отвернешься от него. Напал на меня брат мой Канакакалаша и изгнал из царства, доставшегося мне от отца. Дай, герой, твой меч и твоего коня, и благодаря их силе верну я себе царство“. Выслушав царевича, отдал ему Винитамати и меч и коня, хотя они нужны были для защиты его собственного царства, и несколько не колебался, твердый духом, хотя все мипистры стояли, понутив головы и затаив от ужаса дыхание. А царевич, получив меч да коня, отправился восвояси и с их помощью отвоевал у брата царство.

Теперь уже его брат, изгнанный из царства, пожаловал в столицу царя Винитамати и от горя спешил взойти на костер и сгореть, и когда царь узнал об этом, то созвал министров и сказал: „По моей вине добрый человек пришел в такое состояние — освобожусь я от долга перед ним, только лишь отдав собственное царство. Что за радость мне в нем, если не могу я послужить благу другого? Раз нет у меня детей, то пусть станет он мне сыном и унаследует царство“. И, молвив так, призвал он Канакакалашу и отдал ему царство, хотя министры и не желали этого.

Сам же он, отдав царство и несколько не сокрушаясь сердцем из-за такой утраты, вместе с обеими женами в тот же час выпел из города. „О, горе! Увы нам! Взопла бы луна, льющая лучами своими амриту, да закрыла ее вдруг налетевшая туча! Был у нас государь, готовый всякое желание исполнить, да увела куда-то от нас судьба наше пожелайдеревцо!“ — с такими и прочими причитаниями и с рыданиями, орошая слезами землю, в горести понуря головы, шли за Винитамати горожане. Кое-как удалось ему отговорить их от этого и упросить вернуться, а сам он, бестрепетный, пешком отправился в пустыню. Со временем добрался он до нее, раскаленной солнцем и полной песка и высохших, безжизненных кустов и деревьев, словно бы нарочно созданной судьбой, чтобы испытать его стойкость. Там, истомленный жаждой, изнемогший от долгого и трудного пути, остановился он в каком-то месте передохнуть вместе с женами. Внезапно охватил его сон, а когда проснулся Винитамати, то увидел возникший словно в награду за его могучую добродетель дивный сад с зеленой травой, украшенный прудами, полными прохладной и чистой воды и покрытыми лотосами, со множеством деревьев, склонившихся под тяжестью зрелых плодов, и в тенистых местах были там плоские и широкие камни, на которых можно сидеть, а весь сад походил на спустив-

шийся с небес благодаря беспредельной щедрости Винитамати чудесный сад Нандана.

„Что это? Уж не сон ли? Уж не обман ли это? Или, может, явили мне боги свою милость?“ — не переставал удивляться царь и вдруг услышал голоса двух сиддхов, летевших в поднебесье в облике пары гусей: „Что ты, царь, так дивишься величию своей добродетели? Живи в этом саду, вечно украшенном плодами и цветами, как тебе захочется“. И по их слову остался там Винитамати с обеими супругами и стал предаваться разным благочестивым подвигам.

Однажды, отдыхая на плоском и прохладном камне, заметил Винитамати человека, готовящегося покончить с собой, повесившись на дереве. Поспешил к нему царь, и ласковыми словами остановил его, и спросил, по какой причине тот хочет расстаться с жизнью. Ответил ему на это человек: „Слушай, поведаю я тебе обо всем с самого начала. Я — продавец сомы, и зовут меня Сомашура, а имя моего отца — Нагашура. Когда родился я, предрекли звездочеты, что назначено мне заниматься воровством. Испугался этого отец и усердно обучал меня законам, но и законы выучив стал заниматься я воровством и сошелся с дурной компанией — разве может кто-нибудь изменить то, что предназначено ему кармой? Однажды поймали меня городские стражники прямо во время кражи и потащили на место казни, чтобы посадить на кол. И как раз в этот миг, разорвав путы, примчался туда взбесившийся слон из царского слоновника, истребляя по дороге все живое. В испуге разбежались палачи кто куда, про меня позабыв, а я в этой суматохе взял да и убежал.

Услышал я от людей, как при известии, что ведут меня на казнь, расстался мой отец с жизнью, а за ним и мать. Охватило меня горе, и в жажде покинуть бренное тело стал я повсюду блуждать, пока не привела меня судьба в этот обширный лес. Только вступил я в него, как явилась откуда-то некая божественная женщина и, утешая, промолвила:

„Здесь, сынок, обитель царственного мудреца Винитамати, и раз ты достиг этого места, то избавлен от грехов, а он сам даст тебе наставление“. С такими словами исчезла она, но я, сколько ни скитался, не смог найти того царственного мудреца, чистого сердцем, и уже готов был расстаться с душой, как ты меня увидел“. И когда Сомашура обо всем поведал, отвел его Винитамати в свою хижину и, приняв как гостя, назвал себя. Угостив его, царственный мудрец рассказал для отвращения от невежества много разных историй о вере, и среди них такую: „Невежество, сынок, нужно изгонять, в обоих мирах оно пагубно для тех, чей ум неустойчив, ибо ведет к греху. Послушай-ка!

О брахмане, его жене, стиральщике, осле и о нелепом приговоре

Жил некогда в стране панчалов брахман Девабхути, и у него, искусственного в ведах, была добродетельная жена по имени Бхогавати. Однажды направился он совершать омовение, а она — на огород, и только пришла туда, как увидела, что осел стиральщика пожирает овощи. Схватила она палку и кинулась на него, а осел, спасаясь от нее, побежал и, упав в яму, вывихнул ногу. Услыхав об этом, разозлился его хозяин и так отколотил брахманку и палками и ногами, что у той — а она была на сносях — случился выкидыш. Стиральщик же, забрав осла, отправился домой.

Совершив омовение, возвращается домой брахман и, узнав обо всем, что случилось, и видя жену в таком состоянии, спешит, удрученный, к начальнику городской стражи и жалуется ему. А тот велел призвать немедленно стиральщика, имя которому было Баласура, и так рассудил, глупец, его спор с брахманом: „Раз у осла вывихнута нога, пусть брахман таскает стиральщику ту ношу, которую таскал осел, пока у того не поправится нога. Раз из-за стиральщика погиб у жены брахмана первенец, пусть он же и сделает ее снова беременной“. И когда таким образом назначил начальник городской стражи каждому из них наказание, от нестерпимого оскорбления брахман и его жена отравились и умерли. Узнав об этом, казнил царь начальника городской стражи, столь нелепо рассудившего дело и тем самым надолго обреченного рождаться из звериного чрева. Так вот окутанные мраком невежества блуждают по тропам своих грехов, не освещенным светочем мудрости шастр, и непременно падают“.

И, закончив такими словами эту историю, Винитамати, желая вывести Сомашуру из тьмы невежества, поведал ему, жаждавшему наставлений, следующую историю: „Расскажу я тебе о том, что есть совершенство, а ты внимательно слушай.

О царевиче, обращенном в пожелайдереву

Жил некогда в Курукшетре раджа Малаяпрабха. Однажды случилось так, что наступил голод, и хотел он раздать свое богатство людям, но министры из жадности не дали ему поступить подобным образом. Тогда сказал ему сын Индупрабха: „Зачем пренебрегаешь ты народом, батюшка, слушаясь дурных советчиков? Ты для народа — пожелайдереву, он для тебя — камадхену, коровы, питающие тебя“. Но был царь во власти министров и в раздражении сказал сыну: „Разве неистощимо, сын, мое богатство? Разве без него буду я для подданных пожелайдеревом? Почему бы тебе самому не попробовать стать без денег таким пожелайдеревом?“

Услышав от отца эти слова, поклялся царевич: „Либо умру я, либо с помощью подвигов веры стану пожелайдеревом!“

Решив так, удалился он, высокодобродетельный, в лес на подвижничество и только вступил в него, как голод в стране прекратился. Обрадованный жестокими подвигами царевича, сам великий Индра предложил ему избрать себе награду и по просьбе Инду-прабхи сделал его в том же городе пожелайдеревом, простиравшим ветви во все стороны света, как бы зазывая тех, кто далеко жил, и приглашая их к себе щебетом обитавших на нем птиц. И что ни день, выполнял он желания нуждающихся, в том числе и такие, что казались неисполнимыми, и избавившимся от забот людям мнилось, будто живут они в раю.

Прошло какое-то время, и явился к нему сам великий Индра и сказал, желая разжечь в нем жадность: „Достиг ты совершенства в помощи другим, и следует тебе теперь отправиться на небо“. Ответил ему царевич, обращенный в пожелайдерев: „Там, где другие деревья бескорыстно и постоянно служат всем живым существам плодами, цветами и семенами, как же я, будучи пожелайдеревом, ради своего счастья уйду на небо, обманув людские надежды?“ Возразил на эту достойную речь Шакра: „Что же, пусть и весь твой народ идет на небо“. Но и на это не согласился царевич: „Если доволен ты мной, то возьми народ на небо, а я буду продолжать великий подвиг, единственная цель которого — помощь другим“. И тогда царь богов, восхвалив за эти слова царевича, в котором воплотилась частица Будды, и молвив: „Так тому и быть!“, взял с собой весь народ и ушел на третье небо, а царевич, освободившись от облика дерева, вернул себе собственный облик, остался в лесу и благодаря своим подвигам удостоился сана бодхисаттвы. Так преуспевают те, кто обрел совершенство в щедрости, о котором поведал я тебе в этой истории.

Теперь же послушай о совершенстве в целомудрии. Расскажу я тебе о попугае Чарумати.

О попугае Чарумати, страстно любившем свою супругу

Некогда жил в горах Виндхья царь попугаев, в котором воплотилась частица Будды, совершенство в целомудрии, — таким стал он благодаря своим деяниям в прежних рождениях, а имя его было Хемапрабха. Помнил он о случившемся с ним в прошлых рождениях и потому был наставником в делах веры. Служил у него пратихарой попугай Чарумати, глупый и преданный страстям, у которого птицелов силком жену и убил ее. Потому и горевал Чарумати и, тоскуя от разлуки с ней, пришел в жалкое состояние. Желая каким-нибудь способом отвлечь его от горя, мудрый царь попугаев Хемапрабха сказал ему неправду: „Да не умерла твоя жена. Сумела она спастись из силка охотника. Вот только

что видел я ее живой. Летим, покажу я тебе ее“. И с этими словами Хемапрабха полетел вместе с Чарумати к озеру и там, показав на его же отражение, сказал ему: „Вот жена твоя, здесь она и живет!“

Посмотрел при этих словах в воду несильный умом Чарумати, обрадовался и кинулся обнять да поцеловать ее. Но не ответила она ему на объятия, и, ничего не услышав от нее в ответ, подумал он: „Что же любимая не обнимает меня и не говорит мне ласковых слов?“ И, подумав, что, верно, она на него гневается, слетал он и принес плод амалаки, чтобы умиловить ее, и бросил его в свое же собственное отражение. Плод, сначала потонувший, всплыл, и подумал неразумный, что супруга отвергла его приношение. Полетел он к царю Хемапрабхе и в горе сказал ему: „Не обнимает меня супруга, божественный, ни слова не произносит и даже амалаку, мной принесенную, не взяла — почему это?“ И тогда в ответ ему молвил как бы через силу царь: „Хоть и не следовало бы говорить это, но все же от любви к тебе скажу я. Нынче влюблена она в другого — как может она ответить на твою любовь? Пойдем, покажу я воочию, что любит она другого“.

И с такими словами снова полетел царь с пратихарой на то же озеро и показал ему в воде на свое и на его отражения, словно бы обнявшиеся. Решил глупый, что это его жена с другим обнимается, отвернулся и, полный отвращения, сказал царю: „Не слушал я, божественный, твоих советов, и вот что получилось. Посоветуй, что же теперь делать?“

И тогда раджа Хемапрабха, выслушав его, решил, что наступил удобный момент для поучения, и сказал пратихаре: „Лучше проглотить страшнейший яд халахала, лучше повязать на шею ядовитую змею, чем верить женщинам — не спасет от них ни амулет, ни заклятие, порочат они тех, кто идет путем добродетели, и губят их, ибо изменчивы, как ветер. Поэтому-то разумным и стойким не следует к ним прилепляться, а надлежит упражняться в целомудрии, чтобы избавиться от желаний“. Получив такое наставление от раджи, сделался Чарумати целомудренным, и забыл о женщинах, и со временем стал равным самому Будде.

Так что, видишь, те, кто тверд в целомудрии, спасают от несчастий других. Рассказал я тебе о совершенстве в целомудрии, а теперь послушай о совершенстве в терпеливости.

О мудреце, избавившем разбойников от казни

Жил когда-то на горе Кедара великий мудрец по имени Шубхана, постоянно омывавшийся в струях реки Мандакини, терпеливый, от непрестанных подвигов во имя веры исхудавший до костей. Пришли туда однажды, чтобы выкопать зарытое ими прежде золото, разбойники, но почему-то ничего не смогли найти. Никто

там не жил, кроме этого мудреца, и поэтому решили они, что именно он похитил золото. Вошли разбойники к нему в хижину и накинулись на него: „Ну ты, лицемерный мудрец, отдавай нам золото, которое выкопал из земли! Да ты вор из воров по сравнению с нами!“ Когда эти грешники так оговорили мудрого старца, возразил тот им: „Ничего я не брал и ничего не видел!“ И хотя избивали они наилучшего и правдивейшего из мудрецов дубинками, он все твердил то же самое. Тогда решили разбойники: „Ну и упрям же он!“ — а затем отрубили ему одну за другой руки и одну за другой ноги и вырвали оба глаза. Но и при этом твердил он все то же и стоял на своем, и тогда они подумали, что действительно кто-то иной забрал их золото, и ушли, как пришли.

А на заре пожаловал туда раджа Шехараджьоти, ученик мудреца Шубханаи, чтобы посоветоваться с ним. Увидел он наставника в таком горестном состоянии. Удрученный жалостной участью учителя, расспросил его раджа и узнал обо всем и повелел тотчас же найти разбойников и привести к нему. Чувствуя, что раджа готов казнить злодеев, стал убеждать его мудрец: „Если ты, государь, их убьешь, то я себя убью. Если мечом свершено все то, что ты видишь, то разве кто-нибудь из них виноват? И если они пустили его в ход, то повинен их гнев. А в гневе их повинна утрата золота. А в этом виноваты мои дурные дела в прежних рождениях, а в них — мое невежество, и поэтому вина за все случившееся — на мне. И если по вине судить, божественный, так меня и надо убить. Зачем же их убивать? Напротив, их защитить и поблагодарить надо. Ведь если бы не совершили они такого злодеяния, разве смог бы проявить я терпеливость, приносящую в виде своего плода мокшу, конечное избавление? Так что тем, что они свершили, оказали они мне благодеяние!“ Этими и подобными словами мудрец, для которого ничего не было выше прощения, убеждал царя — и избавил разбойников от казни. Когда же благодаря своему великодушию он добился этого, тотчас тело его стало, как и прежде, невредимым и достиг он наивысшего избавления. Так терпеливые преодолевают море бытия.

Рассказал я о совершенстве в терпеливости, а теперь послушай о совершенстве в настойчивости. Поведаю тебе об упорном Маладхаре.

Об упорном Маладхаре

Давным-давно жил брахманский сын по имени Маладхара, и случилось однажды ему увидеть, как летел в поднебесье юный сиддха. Желая быть равным ему, привязал он себе к бокам крылья, сделанные из листьев, и стал подпрыгивать, пытаясь научиться летать в поднебесье. Изо дня в день безуспешно старался он, и увидел это тот юноша-сиддха, пролетая случайно над ним. И подумал сиддха: „Так он настойчиво стремится достичь этой труднодостижимой цели, что заслуживает моего сочувствия и помо-

щи“ — и своей силой волшебной взял его с собой и сделал одним из своих слуг. Так помогают боги тем, кто радуется их настойчивости.

Сказано о совершенстве в настойчивости, а теперь слушай о совершенстве в размышлении.

О наваждении любви

Жил когда-то в стране карнатов богатый купец по имени Виджаямалин, и был у него сын Малаямалин. Случилось однажды, что пошел отец с ним во дворец и юноша там увидел дочь царя Индукесарина, имя которой было Индуяшас. И была она прекрасна, словно лиана бога любви; только лишь взглянул на нее купеческий сын, и вошла она в его сердце.

Вернулся он после этого домой и ночью не спит, и днем никуда не выходит, словно принял обет подражать цветку кумуды, закрывающемуся с восходом солнца. И днем и ночью помышляя о ней, перестал он и пить и есть и от всего прочего отвернулся, а когда родные его спрашивали, что случилось, молчал и ничего не отвечал, словно немой. Однажды, застав его, одолеваемого разлукой, в таком горестном виде, сказал ему с глазу на глаз его приятель, царский художник Мантхарака: „Друг, что стоишь ты, прильнув к стене, словно нарисованный? Одни очертания от тебя остались, лишены жизни,— ничего ты не слышишь и не видишь!“

Тогда настойчиво спрашивавшему другу поведал Малаямалин о своем чувстве. „Не годится тебе, купеческому сыну, мечтать о царевне,— возразил в ответ Мантхарака.— Пусть лебедь мечтает о лотосах, украшающих собой обычные озера, но зачем ему помышлять о счастье наслаждения лотосом, украшенным Лакшми и растущим из пруда, плещущегося в углублении пупка самого Хари?“ Но не смог художник уговорить друга оставить напрасные помыслы, и, чтобы помочь Малаямалину утолить тоску и сделать для него бремя времени более легким, изобразил он на полотне царевну и подарил тому эту картину. И почудилось тогда купеческому сыну: „Вот воистину настоящая Индуяшас!“ — и стал Малаямалин на нее смотреть, ласкать и украшать и со временем так поддавался этому обману, что и впрямь решил, что перед ним живая царевна и что она отвечает ему, и целует, и чего только еще не делает, хотя была всего лишь нарисованной.

Так и жил он счастливый, считая, что обладает возлюбленной, и весь мир для него слился в ее изображении. Однажды, когда поднялась луна, взял он картину и направился в сад погулять с любимой. Поставил он там картину у корней какого-то дерева, а сам отошел, чтобы нарвать для милой цветов. Как раз в этот миг увидел его с небесной тверди мудрец Винаяджюти, светоч смирения, проникся жалостью к нему и, желая избавить юношу от за-

блуждений, спустился на землю. Благодаря волшебной силе изобразил он в углу картины черную кобру, и получилась она у него как живая, а сам, незамеченный, стал в стороне. Тем временем, нарвав цветов, вернулся Малаямалин, увидел на картине змею, подумал: „Откуда взялась здесь змея? Чего судьба не сделает! Видно, для того, чтобы защитить красавицу эту, средоточие всего великолепия красоты!“ И с такими мыслями украсил он возлюбленную на полотне цветами, и, обнимая ее, спросил об этом, и тут увидел, будто падает она замертво, укушенная черной змеей, хотя было то лишь наваждение, вызванное волей мудреца. Совершенно забыв, что перед ним только изображение на полотне, восклицает он: „О, горе! Увы мне!“ — и сам падает на землю без памяти, словно видьядхара, лишившийся знаний.

Придя через некоторое время в себя, залился Малаямалин слезами и, исполнившись жажды умереть, залез на высокое дерево и кинулся с его вершины вниз. Когда же падал он, то наивысший из мудрецов сумел поймать его руками, открылся ему и, утешая, сказал: „Глупый, разве не ведаешь ты, что царевна твоя сидит спокойно в своем дворце, а эта-то, на полотне, всего лишь бездушная картинка? Кого же ты обнимаешь? И кого укусила черная змея? И кто же она, порожденная обманом чувств, придуманных тобою, без памяти влюбленным? Почему не хочешь ты познать истину с помощью глубокого размышления, чтобы не стать снова жертвой таких несчастий?“ Когда мудрец сказал все это, кончилась мрачная ночь ослепления, очнулся купеческий сын и, придя в себя, произнес: „Твоей милостью, благостный, избавился я от наваждения. Так просвети же меня, чтобы смог я преодолеть море бытия!“

Когда Малаямалин попросил так бодхисаттву, бывшего в облике мудреца, передал Винаяджьоти ему свое знание, а сам исчез. Тогда Малаямалин поселился в лесу и силой своего подвижничества понял истину и того, что должно быть принято, и того, что должно быть отвергнуто, и достиг тем сана архата. Лишь после этого, исполненный сострадания, вернулся он в город, и благодаря его поучениям и сам раджа Индукесарин, и все его подданные смогли достичь избавления. Вот так даже неистинное может послужить истинному с помощью тех, кто обладает совершенством в размышлении.

А теперь слушай о совершенстве в мудрости.

О разбойнике Синхавикраме, сумевшем провести самого бога смерти

В давние времена жил на Львином острове разбойник, который с юных лет поддерживал свое существование тем, что до нитки грабил других, и звали его, храброго, как лев, Синхавикрама, а когда состарился он, оставил свое ремесло и подумал: „Кто помо-

жет мне на том свете? У кого найду я защиту? Если пойду просить покровительства у Шивы или Вишну, чтоб я для них, окруженных мудрецами и прочими слугами? Послужу-ка тому, кто записывает и дурные и добрые дела всех живых существ,— только Читрагупта защитит меня своею властью. Ведь каястха-писарь ведет все дела и у Брахмы, и у Рудры. В одно мгновение он вписывает или стирает все в мире, находящемся в его власти“.

Решив это, стал он поклоняться Читрагупте и, чтобы угодить ему, постоянно ублажал брахманов. Так он делал, и вот однажды Читрагупта в облике гостя пришел к нему домой посмотреть, истинно ли душа его полна такого усердия. Почтил разбойник гостя, накормил, и еще милостыню дал, и молвил: „Следует говорить: „Да будет благосклонен к тебе Читрагупта!“ Тогда тот, прикинувшийся брахманом, спросил: „Скажи мне, что тебе в Читрагупте, когда есть такие боги, как Хари, Хара и другие?“ Ответил ему на это вор Синхавикрама: „Тебе-то что за дело? Ни к чему мне другие боги!“ Но сказал Читрагупта, укрывшийся под обликом брахмана: „Коли отдашь мне свою жену, скажу так, как ты хочешь, восхваляю Читрагупту“.

Тогда довольный Синхавикрама произнес: „Ради того, чтобы порадовать моего любимого бога, отдам я тебе ее“. И предстал перед ним Читрагупта в своем настоящем виде и изрек: „Вот он я, Читрагупта, и доволен я тобой. Проси чего хочешь, и исполню“. Обрадовался Синхавикрама и попросил у него такой милости: „Сделай, благостный, чтобы не было мне смерти“. Ответил ему Читрагупта: „Хотя и невозможно избавить от смерти, но все же придумаю я способ, как тебе помочь. Слушай-ка! С самого начала времен Шива сжигает смерть, разгневавшись на нее из-за мудреца Шветы, но пришлось ему возродить ее снова. Но там, где живет Швета, не может бог смерти убивать никакое существо — так повелел Шива. Сейчас мудрый Швета живет на другом берегу Восточного океана, в лесу подвижников за рекой Тарангини. Вот туда, куда бог смерти не может попасть, помещу я тебя, но с тем, чтобы ты никогда не переправлялся через Тарангини. Если случится тебе по небрежности переправиться на этот берег, и бог смерти убьет тебя, и попадешь на тот свет, тогда попробую я найти другой способ вызволить тебя из беды“. Так пообещал Синхавикраме довольный Читрагупта. Взял он Синхавикраму в обитель Шветы, оставил там, а сам незаметно исчез.

Прошло сколько-то времени, и пришел бог смерти на этот берег Тарангини, чтобы заманить вора к себе. Но никакими способами нельзя было завлечь Синхавикраму, и вот тогда создал бог смерти силой волшебства женщину божественной красоты и послал ее к Синхавикраме. Приблизилась она к разбойнику и ласками, и всеми прелестями своими зачаровала его и подчинила себе.

Минуло сколько-то дней, и она под тем предлогом, что захотелось ей повидать родных, вошла в бурные волны Тарангини, чтобы

переправиться через нее, а Синхавикрама за ней и шагу не сделал и остался на берегу. Добралась она до середины реки и притворилась, будто поскользнулась и уносит ее поток. Испустила она раздирающий душу вопль: „Что ж смотришь ты, благородный? Почему не спасаешь? Напрасно зовешься ты Синхавикрама — не лев ты, а подлый шакал!“ Услыхав это, кинулся в реку Синхавикрама, а красавица, притворясь, будто уносит ее течением, привела его, последовавшего за нею, чтобы ее спасти, на тот берег Тарангини, на который никак нельзя было ему ступить. И только выбрался он из воды и вступил на землю, как тотчас же бог смерти накинул ему на шею свою петлю-удавку, произнеся при этом: „Тому, кто погряз в страстях, не миновать гибели!“

Привел его, неосторожного, бог смерти в свой дворец, а там увидел его тот самый Читрагупта, которого Синхавикрама когда-то ублажал, и шепнул: „Если спросят тебя, куда хочешь сначала — в ад или рай, то скажи, что в рай. А пока будешь в раю жить, то подвергай себя тяжким испытаниям, чтобы вечной была твоя жизнь в нем, и предавайся самым жестоким подвигам, чтобы все стерлись твои грехи!“ И Синхавикрама, стоявший повеся голову, — было ему и стыдно и страшно, — согласился с ним.

Как раз в то мгновение спросил Дхармараджа у Читрагупты: „А что, есть у этого разбойника какие-нибудь добрые дела?“ И ответил Читрагупта: „Есть. Гостеприимен он, готов ради своего любимого бога даже жену отдать просящему, и поэтому причитается ему, о повелитель, провести в раю целую кальпу“. Посмотрел Дхармараджа при этих словах на Синхавикраму: „Эй, ты! Изволь сказать, чего ты сначала хочешь — доброго или недоброго?“ Тогда вор попросил сначала доброго. По велению Дхармараджи прилетела воздушная колесница, взошел на нее Синхавикрама и отправился в рай, помня о сказанном Читрагуптой.

Истово соблюдал он все обряды, молился и совершал омовения в небесной реке, не предавался никаким развлечениям и так заслужил еще одну кальпу райской жизни, а потом силой своего сурового подвижничества умилиствовал Шанкару, обрел высшее знание, истребил грехи, и поэтому гонцы, посылавшиеся за ним из ада, не могли даже издали увидеть его лица.

Читрагупта же тем временем выскреб из своей берестяной книги все его грехи, а Яма промолчал. Таким образом, благодаря истинной мудрости достиг вор Синхавикрама успеха и полного избавления. Вот и поведал я тебе о совершенстве в мудрости.

Вот так, сынок, разумные переплывают море бытия с помощью шести указанных Буддой совершенств*, словно на ладьях“.

И пока царь Винитамати, достигший сана бодхисаттвы, поучал в лесу Сомашуру, солнце, наслушавшись умиротворяющих наставлений в вере, оделось в темно-шафрановые одежды и скрылось в пещере горы Заката. Выполнив, как положено, все то, что надлежит совершать вечером, провели ночь царь Винитамати и Сомашура, а на другой день шаг за шагом царь посвятил Сомашуру

во все тайны учения Будды. После этого, устроив меж корней дерева жилье, остался Сомашура в том лесу, предаваясь у ног учителя размышлениям. Со временем оба — и учитель и ученик — овладели великими тайнами йоги и достигли наивысшего просветления.

А тем временем, пока царь Винитамати наставлял Сомашуру, завистливый Индукалаша изгнал с помощью чудесного меча и волшебного коня своего брата Канакакалашу из царства Ахиччхатры, подаренного тому Винитамати. Когда же Канакакалаша оказался изгнанным из своего царства, отправился он, сопровождаемый двумя или тремя министрами, скитаться по свету.

Судьба привела их в лес, приютивший Винитамати, и хотели они в нем утолить жажду, голод и усталость, как вдруг Индра с помощью волшебства обратил лес в песчаную пустыню, словно желая испытать Винитамати, сумеет ли он теперь принять этих гостей и сможет ли оказать им достойное гостеприимство в согласии с обычаем.

Винитамати, увидев и лес, и обитель свою обращенными в пустыню, встревожился и некоторое время метался то туда, то сюда, как вдруг заметил идущих к нему Канакакалашу со спутниками, изголодавшимися так, что, казалось, жизнь уже покидает их. Подошел он к ним, расспросил, что случилось, и, желая быть гостеприимным, посоветовал: „Обратился мой лес в пустыню, и не могу я вас здесь принять, как подобает принимать гостей, но скажу я, где вы сможете найти, чем утолить голод. Всего на расстоянии половины коса отсюда лежит в яме мертвый олень, мясом которого вы поддержите свою жизнь“.

Согласился на это измученный гость и устремился со своими спутниками туда, куда было сказано, но еще прежде них достиг того места бодхисаттвы Винитамати и, добравшись до ямы, силой волшебства обратился в оленя и бросился в нее, принеся себя в жертву просящему.

Дотащились до той ямы Канакакалаша и его спутники и нашли в ней мертвого оленя. Вытащили они его, разожгли костер из сухой травы и колючек и, изжарив, съели мясо, ничего не оставив, кроме костей и рогов.

Пока это происходило, обе супруги бодхисаттвы горевали при виде разрушенной обители, и, нигде не обнаружив своего мужа, пошли — и дочь нага, и дочь царя — к Сомашуре, и, нарушив его размышления, рассказали обо всем. А он силой своей мысли узнал о том, что совершил наставник, и, хотя это была весьма горестная весть, сообщил о случившемся обеим женам. Вместе с ними поспешил он к той яме, где его наставник выполнил долг гостеприимства, отдав гостям самого себя, и разрыдались дочь нага и дочь царя, видя, что от их супруга, обратившегося в оленя, остались лишь кости да рога. Собрали они и кости и рога, принесли из обители поленя, устроили погребальный костер и, верные своему супругу, взойшли на него, и за ними последовали и Канакакалаша,

и его спутники, узнавшие о том, что произошло, и безмерно удрученные горем.

Когда же случилось все это, Сомашура, не в состоянии перенести горе, улегся на ложе из травы дарбхи, вознамерясь расстаться с жизнью. Но тут явился ему Индра и молвил: „Не делай этого. Все было устроено мною, чтобы испытать твоего наставника; как только пролью я на останки костей и пепел амриту, так встанет как ни в чем не бывало наставник твой с супругами и гостями“. Услышав слова Индры и поклонившись ему, вскочил радостный Сомашура, и поспешил к месту, где был костер, и увидел, как поднялись живыми бодхисаттва Винитамати с супругами своими, с Канакакалашей и прочими, и склонил голову перед наставником и его супругами, вернувшимися из иного мира, и совершил им жертвоприношение и словами и цветами, и не мог наглядеться на них. Пока Канакакалаша и прочие выражали предапность Винитамати, пришли туда все боги во главе с Брахмой и Вишну и, восхищенные его добродетелью, оставив дары за его бескорыстие, исчезли, а сам Винитамати в сопровождении всех других, с Сомашурой и прочими, поведавшими о том, что с ними было, удалился в другую превосходную лесную обитель продолжать свои подвиги. Так что и люди, которым довелось обратиться в пепел, встречаются вновь. Что уж говорить о людях живых и способных идти туда, куда они хотят. И не думай, сынок, расставаться со своим телом, а отправляйся, герой, в путь, и непременно ты встретишься с Мриганкадаттой“.

Выслушав все рассказанное старухой-подвижницей, поклонился я ей и, взяв меч в руку, с надеждой в душе пошел путем-дорогой. Со временем добрался я до этого леса, и здесь по воле судьбы изловили меня шабары, чтобы принести в жертву богине Чандике. Был я в схватке с ними ранен, одолели они меня, связали и привели к своему царю Маябату. Увидев же здесь тебя, мой повелитель, и твоих трех отыскавшихся министров и ощутив твою ко мне милость, чувствую я себя как дома“.

Очень был обрадован Мриганкадатта, живший во дворце повелителя шабаров, всем тем, что услышал он о приключениях своего друга Гунакары, и, преследив за тем, чтобы были приложены к ранам на его теле соответствующие снадобья, вместе с другими друзьями приступил он к тому, что назначено на день, ибо день уже начался. Он провел еще несколько дней в гостях у Маябату, чтобы подождать, пока окрепнет Гунакара, хотя и не терпелось царевичу отправиться в Удджайини, чтобы найти остальных друзей и встретиться с Шашанкавати.

ВОЛНА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Когда исцелились раны Гунакары и он выздоровел, в благоприятный день Мриганкадатта, простившись с повелителем шабаров, покинул его дом и устремился к Удджайини, чтобы встре-

таться с Пашанкавати, а Маябату со своей свитой и предводителем пишачей Матангой довольно далеко сопровождал его, чтобы в нужное мгновение прийти на помощь. Шел Мриганкадатта вместе с Шрутадхи, Вималабуддхи, Гунакарой и Бхимапаракрамой через Виндхийский лес, разыскивая остальных друзей, разбросанных по свету проклятием нага Параваты.

Однажды, остановившись на ночлег, уснул он вместе со своими советниками у корней какого-то дерева, но отчего-то вдруг посреди ночи проснулся Мриганкадатта. Осмотрелся он и заметил, что тут же еще кто-то спит, кого не было прежде среди его спутников. Заглянул Мриганкадатта в лицо спящему и обрадовался — обнаружил он, что нашелся еще один из его министров, Вичитракатха.

Проснулся и тот и, увидав перед собой Мриганкадату, своего повелителя, радостный, кинулся ему в ноги. А царевич, обняв его, смотрел другу в лицо широко раскрытыми глазами, полными восторга от неожиданной встречи. Тем временем проснулись и другие министры, и все они обрадовались Вичитракатхе, приветствовали его и расспрашивали, что с ним было, и каждый рассказал ему о своих приключениях. Тогда и Вичитракатха поведал Мриганкадатте и всем друзьям о том, что с ним произошло.

„Когда проклятие Параваты разбросало нас всех кого куда, долго скитался я в помрачении, один-одиношенек во тьме. Лишь на другой день, еще не придя в себя, усталый, дошел я до какого-то прекрасного и обширного города, раскинувшегося на краю леса. А там встретился мне некий божественного вида муж, которого сопровождали две женщины небесной красоты. Увидел он меня, обласкал, дал омыться прохладной водой и, введя во дворец, поднес божественной еды и сам с двумя красавицами вкусил от нее. Когда же завершилась трапеза, спросил я, отдохнувший, у него: „Кто ты, господин, и зачем спас меня, желавшего умереть? Нет со мной теперь моего повелителя, и непременно расстанусь я со своим телом“. После таких слов рассказал я ему, что со всеми нами случилось, и, когда закончил, он, исполненный великодушия и благожелательности, стал меня уговаривать: „Я — якша, а эти две красавицы — мои жены, а ты — судьбою посланный гость, а принять гостя как можно почетнее — святой долг каждого хозяина дома. И я постарался принять тебя, как положено по обычаю. По какой же причине хочешь ты расстаться с жизнью? Разлука ваша не продлится вечно — непременно все вы соединитесь, когда истощится срок проклятия нага. Да разве, милый, рождается кто-либо в этом мире свободным от горестей и бед? Вот я хоть и якша, а послушай, какое горе пришлось мне пережить.

О нищем брахмане Павитрадхаре и его жене якшини Саудамини

Есть город Тригарта, подобный венцу, сплетенному из добродетелей благородных людей и украшающему чело Земли. В том городе жил юный брахман Павитрадхара. Денег у него было немного, зато был он родовит, да и родни у него было достаточно. Жил он среди людей богатых и однажды задумался: „Незаметен я, нищий, среди богатей, точно слово, лишенное смысла, среди слов, сплетенных в прекрасную поэму. Благодарен я и не могу поэтому ни служить, ни принимать подаяния. Разыщу-ка я где-нибудь в безлюдном лесу якшини — есть у меня для этого заклинание, сообщенное наставником“. Так рассудив, отправился он в лес и начал, зная нужные правила, искать якшини, а когда нашел, уговорил ее стать его женой. Уподобившись дереву, претерпевающему суровые зимы ради радужных весен, начал брахман жить с нею, звавшейся Саудамини. Заметив как-то раз, что Павитрадхара удручен тем, что нет у него сына, утешила его супруга: „Не грусти, благородный! Родится у нас сын. Вот послушай-ка, расскажу я тебе одну историю“.

И она приступила к пространному и увлекательному рассказу о том, как были прокляты Налакубарой, сыном бога богатств Куберы, якши Аттахаса и Дипташикха, посмеявшие во время игры вообразить себя Куберой и его сыном. Обрек их за это Налакубара на полную превратностей земную жизнь.

Родился Аттахаса на земле в облике Павитрадхары, а брат Аттахасы Дипташикха, оказалось, обрел своими родителями Павитрадхару и Саудамини. Когда у них явился на свет сын, то спало с него и с его супруги проклятие, и должны были они возвращаться в царство якшей. Но до этого решили они устроить судьбу сына и, подложив в корзину горшок золотых монет и надев на младенца драгоценное ожерелье, подкинули его в дом Девадаршаны, нищего брахмана, а тот, подумав, что сбился давний посул Шивы, безмерно обрадовался и нарек ребенка Шридаршаной.

Не успел мальчик вырасти, как Девадаршана умер и жена его последовала тем же извечным путем, и увлекся Шридаршана игрой в кости и все наследство проиграл, так что даже и выйти из игорного дома ему было не в чем. Утешал злополучного его приятель Мукхарак и убеждал, что нет ничего такого, чего бы не мог достичь настойчивый человек, пока он жив. В доказательство этого рассказал Мукхарак о царе Бхунандане, который в мечтах о счастье с красавицей из рода дайтьев претерпел немало испытаний и видел немало чудес и наконец испытал радость встречи с возлюбленной. Не смог он, однако, преодолеть отвращения к мирской нечистоте и отверг предложенное ею питье из вина и крови. Оказался он выброшен из царства дайтьев и горевал и досадовал на себя, покуда не наставил его случайный прохожий, что не прекратятся страдания до той поры, пока обладает он телом, и посоветовал предаться подвижничеству. Послушавшись совета Бхунандана, и так умилившись он Шиву, что отвергнувшая его красавица из дайтьев сама прибежала к нему, и он жил долго и счастливо, пока не достиг конечного избавления.

Пошли Шридаршана и Мукхарак в поисках счастья в чужие края, и по пути так случилось, что чуть было не угодили они в лапы разбойников, да повстречали девушку, которая их спасла и оказалась к тому же сестрой Мукхарак. Хитроумно избавясь от разбойников, попали затем путники в лес, наводящий ужас, и если бы не помогли им якши, то непре-

менно погибли бы и Шридаршана, и Мукхарака, и Падмиштха, его сестра.

Пришли они оттуда в страну Малаву, где правил царь Шрисена, и Шридаршана исцелил его от тяжкого недуга и избавил от черного колдуна, собиравшегося его погубить. В благодарность царь усыновил Шридаршану и объявил его своим наследником. И тогда достойный Шридаршана взял в жены Падмиштху, и жил с ними Мукхарака, помогавший ему в управлении царством.

А потом случилось, что подарил купец Упендрашакти Шридаршане изображение Ганеши, сделанное из драгоценных камней и найденное на берегу океана, а Шридаршана возвел Ганеше богатый храм и назначил навечно тысячу деревень для его поддержания. Довольный этим, повелел Ганеша своим помощникам устроить свадьбу Шридаршаны с Анангаманджари, и это было выполнено, хотя жила она на отдаленном острове Хансавипе.

Наступило время, когда умерли обе жены Шридаршаны, и он в горе, поделив землю между двумя сыновьями, ушел в лес совершать подвиги, ибо решил отречься от мира. Во время блужданий встретились ему две божественной красоты девы, рассказавшие вот что:

„Жил некогда в Пратиштхане брахман по имени Камалагарбха, и было у него две жены — одну звали Патхья, а другую — Абала. Со временем состарились и муж и жены, и, достигнув преклонного возраста, решили все вместе, любящие друг друга, вступить на погребальный костер и, уже стоя перед ним, воззвали к небу с мольбой: „Да будем мы все трое неразлучны в грядущих рождениях, господи!“ Тогда благодаря жестокому подвижничеству вновь родился Камалагарбха в роду якшей, и стал он сыном якши Прадиптакши, и нарекли его Дипташикхой, и был он младшим братом Аттахасы, а обе жены, Патхья и Абала, родились дочерьми повелителя якшей Дхумакету, и одной из них было дано имя Джьотирлекха, а другой — Дхумалекха. Со временем достигли сестры поры юности и в жажде обрести мужа отправились в лес и там суровыми подвигами возрадовали Хару. Явился перед ними довольный бог и повелел: „Раз вы вместе вступили на погребальный костер в прошлом рождении, то и во всех будущих рождениях быть вам супругами Дипташикхи, младшего брата якши Аттахасы, — из-за проклятия, обрушенного на него его повелителями, родился он среди смертных, и потому вам обоим следует отправиться на землю и быть ему супругами до той поры, пока не истощит проклятие силу, а тогда вы все снова станете якшами“. Так велел супруг Гаури обоим юным якшини, и поэтому родились они на земле в образе Падмиштхи и Анангаманджари, стали женами Шридаршаны и долго и счастливо с ним жили. Но однажды, приняв облик брахмана, пришел к ним Аттахаса и в речи, имевшей скрытый смысл, напомнил о воле бога и произнес имена, носительницы которых покинули человеческие тела и обратились снова в якшини. Знай, что они — это мы, а ты, достойный, и есть якша Дипташикха“. И когда кончили они говорить, вспомнил Шридаршана прежнее рождение и тотчас же осознал, что истинно он и есть якша Дипташикха, и снова обрел обеих своих жен — Патхью и Абалу.

Узнай же, Вичитракатха, что я и есть тот самый якша, а это

две мои любимые жены — Джьотирлекха и Дхумалекха. Так что и существам божественного происхождения приходится изведать и счастье и горе — что уж тут говорить о людях! Скоро вы, сынок, все встретитесь, и потому не тревожься о своем господине Мриганкадатте. А я пока поживу здесь и буду принимать тебя как гостя, потому что тут — мой земной дом. Сам я прослежу, чтобы исполнилось твое желание, а потом уж вернусь к себе на Кайласу“.

Поведав свою историю, какое-то время якша мне служил, а узнав этой ночью, что вы сюда пришли, он, благожелательный, принес меня, спящего, к вам и положил среди вас, спящих же, и уж тогда вы меня увидали, а я вас. Вот и все, божественный, что было со мной с того мгновения, как оказались мы разлучены“.

Так в ту ночь выслушал Мриганкадатта занимательнейшую историю от Вичитракатхи и убедился, что не зря носит его министр имя, означающее, что мастер он рассказывать увлекательные истории. А вместе с Мриганкадаттой и все министры насладились рассказом Вичитракатхи.

Встретив утро на опушке леса, царевич, сопровождаемый уже найденными друзьями и надеющийся разыскать остальных, потерянных из-за проклятия нага, снова устремился к Удджайини, где мечтал обрести Шашанкавати — этому были отданы все его помыслы.

ВОЛНА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Шел Мриганкадатта с четырьмя нашедшимися министрами — а пятым был присоединившийся к ним Шрутадхи — по Виндхийским дебрям, и со временем дошли они до рощи, где росли отягощенные плодами и дающие густую тень деревья, окружавшие озеро, полное вкусной и прохладной воды. Искупался царевич со всеми своими министрами и отведал разных плодов, как вдруг почудилось ему, что доносится из-за лиан разговор. Подошел он, заглянул за густую завесу лиан и увидел там громадного слона, прислуживавшего уставшему в дороге слепцу — поливал он того из хобота водой, подносил ему плоды и оведал непрестанно движущимися ушами, и притом, подобно доброму человеку, спрашивал человеческим голосом: „Хорошо ли тебе, почтенный? Не нужно ли чего-нибудь, почтенный?“

Видя это, удивленно молвил царевич спутникам: „Смотрите-ка, слон, тварь лесная, а ведет себя, как человек! По какой же причине и для чего оказался он здесь? А человек очень напоминает моего друга Прачандашакти. Но почему он слеп? Посмотрим!“ И, так сказав, остался Мриганкадатта стоять незамеченным и слушал, а слон в это время спросил слепого, пришедшего в себя: „Кто ты и каким образом попал сюда и как случилось, что ты ослеп?“

И тогда слепец ответил лучшему из слонов: „Живет на этой земле царь Амарадатта, правящий в городе Айодхья, а у него есть сын по имени Мриганкадатта, наделенный совершеннейшими до-

бродетелями, а я — слуга Мриганкадатты, а называли меня, счастливого своим рождением, Прачандашакти. По какой-то причине изгнал Амарадатта царевича и вместе с ним нас, десятерых его друзей. Когда отправились мы в Удджайини за суженой Мриганкадатты, красавицей Шашанкавати, из-за проклятия нага оказались все разлучены. Вот я из-за этого проклятия и ослеп, и стал скитаться, и не мог ни сорвать плод, ни вырыть корень, ни найти воды, и стала самой желанной для меня смерть от падения в пропасть или еще от чего-нибудь. Но не дал мне творец избавиться от мучений, а дал прийти сегодня сюда, где по твоей милости и голод я утолил, и облегчил свое горе, и надеюсь я, что так же исчезнет и моя слепота — ведь ты, должно быть, божество!”

Когда договорил слепец, Мриганкадатта, преисполненный и горя и радости, уверился в своей догадке и прошептал министрам: „Это и в самом деле Прачандашакти, пришедший в такое печальное состояние. Но не следует нам спешить встретиться с ним. Наверное, этот слон избавит его от слепоты, но если заметит он нас, то сразу исчезнет“. И продолжал царевич со своими спутниками стоять там же, где и был, и слушал, а Прачандашакти между тем обратился к слону: „Расскажи мне теперь о себе, великодушный, — поведай, кто ты? И как это случилось, что, будучи слоном, ты наделен человеческой речью, но лишен присущего слонам безумия?“

Вздохнул, услышав его вопрос, царственный слон и сказал: „Слушай, поведаю я тебе, что случилось со мной, с самого начала.

О распре царевича Бхимабхаты и царевича Самарабхаты

Правил в городе Экалавыя царь Шрутадхара, и было у него два сына от двух жен. Когда царь вознесся на небо, младший брат, Сатьядхара, сверг с престола и изгнал из царства старшего брата, Шиладхара. Исполненный гнева, ушел Шиладхара и стал поклоняться Шанкаре и, обрадовав его подвигами, попросил такую награду: „Обрати меня, повелитель, в гандхарву, свободно движущегося в небесах, чтобы смог я погубить за нестерпимое поношение родича моего Сатьядхару!“ Услышал мольбу его Шамбху и так изрек: „Пожалую я тебе этот дар, но зачем он тебе — ведь сегодня сам умер недруг твой. Родится он теперь в городе Радхе любимым сыном царя Уграбхаты, и назовут его Самарабхатой, а ты будешь сыном того же царя, только от другой жены, и имя твое будет Бхимабхата. Убьешь ты Самарабхату и станешь править страной. Но раз ты подвиги во славу мою совершал, охваченный гневом, то за это проклянет тебя мудрец, и лишишься ты теперешнего облика, и станешь диким слоном, но будешь помнить о прежних рождениях и сохранишь способность человеческой речи. Когда же ты утетишь гостя, попавшего в беду, и поведаешь ему, что

с тобой случилось, тогда избавишься от слоновьего обличья и станешь гандхарвой, и твоему гостю от этого будет великое благо“. Договорив, исчез Шива, а Шиладхара, видя, что тело его истощено подвижничеством, бросился в Гангу.

А в это время к царю Уграбхате, о котором уже упоминалось, счастливо жившему в городе Радхе с супругой, которую звали Манорама, вполне достойной его, пришел из другой страны актер Ласака. Показал он царю представление о том, как Вишну, прикинувшись женщиной, похитил у дайтьев амриту. Во время представления заметил царь дочь Ласаки, имя которой было Ласьявати, исполнявшую роль Амритики, и, когда увидели царские очи ее красоту, подобную самой амрите, погубившей данавов, одолела Уграбхату страсть. Когда окончилось представление, царь щедро наградил деньгами актера, а его дочь поместил к себе в антахпур и устроил свадьбу, и взгляды его были прикованы к лицу Ласьявати.

Однажды обратился он к пурохите, имя которого было Яджухсвамин, великому совершителю жертвоприношений, с такими словами: „Нет у меня сына. Соверши такую жертву, чтобы родился от меня сын!“ И тогда пурохита молвил в ответ: „Так тому и быть!“ — и вместе с брахманами, знающими правила совершения жертв, устроил жертвоприношение ради выполнения царского желания. Разделив рис, освященный чтением мантр, на две части, первую отдал он, ранее ею облагодетельствованный, старшей из цариц, Манораме, а оставшуюся отдал Ласьявати. После этого зачали обе царицы тех самых Шиладхару и Сатьядхару, о которых я уже говорил.

Наступило положенное время, и родила царица Манорама сына, наделенного добрыми приметами, и как раз в тот миг явственно прозвучал голос с небес: „Прославится этот младенец под именем царя Бхимабхаты“. А на другой день родила сына Ласьявати, и царь нарек его Самарабхатой. Были совершены над младенцами все должные обряды, и стали они расти. Старший из них, Бхимабхата, превзошел добродетелями младшего, и вместе с соперничеством росла их взаимная вражда.

Однажды, когда упражнялись они в рукопашной борьбе, с ненавистью ударил Самарабхата брата рукой по горлу, а Бхимабхата, пришедший в ярость, схватил его обеими руками, поднял и швырнул на землю. И тогда слуги Самарабхаты подняли своего господина, израненного и истекающего кровью, и отнесли к матери. А та, видя сына в таком состоянии и узнав, что случилось, охваченная любовью и состраданием, прижалась своим лицом к его лицу и горько зарыдала. В ту пору вошел в ее покой раджа и, встревожившись, спросил: „Что это?“ — и Ласьявати воскликнула сквозь рыдания: „Вот что сделал Бхимабхата с моим сыном! Всегда так случается, но я, государь, ничего не говорила. Не знаю, может ли быть благо, царь, при таком сыне, как Бхимабхата, но тебе самому об этом судить!“ И когда услышал Уграбхата такие

слова от любимой жены, пришел он в гнев, отдалил от себя старшего сына, и назначил в охрану Самарабхате сто раджпуттов, и отдал ему, младшему, полностью свою казну, а Бхимабхату и вовсе обездолил.

Тогда призвала Бхимабхату к себе его мать Манорама и сказала так: „Отверг тебя царь, потому что охвачен страстью к пласунье. Поэтому отправляйся-ка ты в Паталипутру к своему деду и моему отцу — у него нет сыновей, и отдаст он тебе свое царство, не то убьет тебя здесь Самарабхата, твой могущественный враг“. Выслушав то, что она ему сказала, Бхимабхата ответил: „Я, матушка, кшатрий, и не подобает мне, подобно трусливому внуку, бежать из своей страны. Успокойся, какой подлец посмеет меня убить?“ Возразила она ему: „Пусть так, но вот тебе деньги мои, и найми себе в охрану людей верных“.

„Не годится мне, матушка, так поступать. Подумают тогда, что я и воистину против отца зло умышляю. А твое благословение окружает меня счастьем“. И, утешив такими словами мать, Бхимабхата удалился.

Дошло это до горожан, и стали все они думать так: „Недостойно поступил царь с Бхимабхатой, и не годится, чтобы его законное царство похитил Самарабхата. Вот и пришло для нас время отблагодарить Бхимабхату за прежние услуги“. Так решив, тайком собрали горожане столько денег, что безбедно жил Бхимабхата со своими слугами. Младший же брат все время был занят черными думами, как бы убить Бхимабхату, считая, что ради этого и дал ему отец такую большую свиту.

Однажды пришел к Самарабхате брахман Шанкхадатта, молодой и богатый, обоим царевичам друг, и сказал ему: „Не годится враждовать с братом, не в этом дхарма твоя. Если убьешь его, падет на тебя великий позор“. Но тот накинулся на него с ругательствами и бранью — разве добрым советом умеришь гнев глупца? И, возмущенный его оскорблениями, Шанкхадатта сделал своим единственным другом Бхимабхату, надеясь отплатить Самарабхате, как только представится случай.

В ту пору прибыл туда из другой страны богатый купец по имени Манидатта и привел с собой коня, истинную драгоценность среди коней. Был тот конь бел, как луна, а звонкое ржание его напоминало чистый звук раковин или боевых труб, и казалось, будто вынесло его волнами из глубин молочного океана. Курчавилась грива его, и был он украшен богатым чепраком и прочим конским убором, и на голове у него сверкал драгоценный волшебный камень — и все это происходило оттого, что родился он в роду гандхарвов. Когда рассказал Шанкхадатта об этом дивном коне Бхимабхате, поспешил тот и купил лучшего из коней у лучшего из купцов. Тогда же узнал об этом и Самарабхата, и явился на торг, и попытался перекупить коня, предложив за него вдвое больше, но купец не согласился, так как был уже продан конь другому, и попробовал тогда завистливый Самарабхата силой увести коня.

Из-за этого началась между царевичами схватка, и сбежались отовсюду их слуги с мечами, и Самарабхата бросил коня и со всей своей челядью, испытавшей ярость руки Бхимабхаты, в страхе пустился наутек. Догнал его Шанкхадатта, переполненный гневом, схватил за волосы и уже готов был убить, но догнал их Бхимабхата и предотвратил убийство: „Пусть живет пока — не то батюшке будет печаль!“ Отпустил Шанкхадатта Самарабхату, и тот, покрытый ранами и весь в крови, прибежал к отцу.

Не успел еще Бхимабхата отвести своего коня домой, как приблизился к нему какой-то брахман, увлек в уединенное место и стал говорить: „Вот что сообщают тебе матушка твоя Манорама, пурохита Аджухсвамин и Сумати, отцовский министр: „Знаешь ты, сыночек, как отец против тебя настроен и даже считает врагом. Поэтому, если бережешь ты себя, дхарму и славу, если думаешь о будущем, если считаешь, что мы тебе добра желаем, то, лишь только зайдет солнце, постарайся выбраться из города незамеченным, а как выберешься отсюда, то немедленно ступай в дом отца твоей матери“. Так они велели тебе передать, и еще прими из моей руки посланную ими сумку, наполненную драгоценными камнями и золотыми монетами“. И тогда Бхимабхата согласился, и сказал: „Так тому и быть!“, и принял из рук брахмана сумку, полную драгоценных камней и золотых монет, и передал матери и друзьям подобающее послание. Отпустив брахмана, Бхимабхата с мечом в руке вскочил на коня, и на другого коня вскочил Шанкхадатта, и отправились они вдвоем в путь.

Долго скакали в ночной тьме царевич и его друг и наконец добрались до густых зарослей тростника. Стали они пробираться через него. Но шорохом и хрустом стеблей тростника под копытами коней были разбужены лев и львица со львятами, и набросились они на коней, и распороли когтями своими их брюха, и убили. Немедля царевич со своим другом мечами изрубили львов в куски, а когда посмотрели на коней, то увидели, что все кончено, ибо кишки их вывалились на землю. Загоревал при виде этого Бхимабхата и обратился к Шанкхадатте: „С великими усилиями, друг мой, спаслись мы от злобного родича, но скажи, ценой каких усилий сможем мы спастись от судьбы, настигшей нас здесь и не пощадившей коней?! Тот самый конь, из-за которого пришлось мне покинуть родину, погиб. Как же мы, пешие, переберемся ночью через заросли?“

Возразил ему Шанкхадатта: „Что ж нового в том, что злая судьба одолевает мужество? Победить ее можно только стойкостью — ничего не сумеет она сделать стойкому, так же как и ветер — горé! Так оседлаем же коней стойкости — и в путь!“ И отправился Бхимабхата с Шанкхадаттой снова в дорогу, и, пока они, круша ногами тростник, мало-помалу продвигались сквозь него, ночь истощилась, и рассвело, и взошел светильник мира, разогнавший тьму, и пчелы загудели над лотосами, и сквозь сладостное гудение пчел словно слышались голоса цветов, которые, будто

открыв солнцу лица, смотрели друг на друга и шептали: „Какое счастье, что кончились эти ужасные дебри, полные львов и других хищных зверей!“

Долго ли, коротко ли, а вышли они на песчаный берег Ганги, дочери Джахну, усеянный хижинами отшельников, и Бхимабхата омылся в ее прохладных и сладостных водах, словно напоенных амритой лучей полумесяца, с которым соприкоснулась она, ниспадая на голову Шивы, и напился, и отдохнул, а затем подкрепился мясом газели, которое принес Шанкхадатта, купивший его у какого-то встреченного на дороге охотника. Видя, что полноводна Ганга, и невозможно через нее переправиться, и вскидывает она непрестанно волны-руки, словно предостерегая его, стал он бродить по берегу и заметил в безлюдном месте юного брахмана, сидевшего в хижине и погружившегося в молитвы. Приблизился к нему Бхимабхата и спросил: „Кто ты и что делаешь в безлюдье?“ А тот на это ответил ему: „Я — сын дваждырожденного, имя мое Нилакантха, и родом я из Варанаси. Мой отец, а имя его было Шрикантха, совершил надо мной все полагающиеся обряды и отправил к наставнику учиться, а когда кончилось учение, вернулся я домой, и оказалось тут, что все мои родные уже умерли. Остался я и нищ и гол, и некому было обо мне заботиться, и оказалось, что мне невозможно стать в доме хозяином. В отчаянии пришел я сюда и стал предаваться подвигам веры, и тогда явилась мне во сне божественная Ганга, дала плоды и молвила: „Съешь это и оставайся здесь, пока не достигнешь желаемого“. Проснулся я при ее словах и, когда ночь была уже на исходе, пошел и омылся, и волны Ганги вынесли к ногам моим плоды. Отнес я их к себе в хижину и съел, и вкус их был подобен амрите. Вот с той поры живу я здесь, и каждый день приносят мне волны такие же плоды“.

После того как юный брахман закончил свой рассказ, Бхимабхата сказал Шанкхадатте: „Дам я этому добродетельному денег, чтобы мог он стать домохозяином“. Тот одобрил достойную речь, и царевич отдал юному брахману сумку с деньгами, полученную от матери. И правда, что за смысл в величии тех, кто богат и доблестью и сокровищами, если, слыша о беде другого, не истратят они ни доблести, ни богатства, чтобы помочь ему?!

Оказав таким образом юному брахману помощь, стал Бхимабхата искать способ переправиться на другой берег, а ничего не найдя, связал меч и украшения свои, положил их на голову и вошел вместе с Шанкхадаттой в Гангу, чтобы переплыть ее. На середине реки удар волны отбросил его от друга, но кое-как вынесло Бхимабхату на берег. Выйдя на сушу, не нашел он там Шанкхадатту и стал бегать по берегу, разыскивая того, пока не зашло солнце. В отчаянии, убитый горем, он рыдал, восклицая: „О друг мой!“, и, когда спустилась ночь, решил утопиться в Ганге: „Похитила ты, божественная, друга, саму мою жизнь! Возьми ты теперь мое пустое тело!“

И при этих словах хотел он уже броситься в воды Ганги, как вдруг явилась перед ним она сама и, обрадованная его решимостью, произнесла: „Не торопись, сын мой, жив твой друг, и пройдет немного времени, как ты с ним встретишься, а сейчас запомни волшебное заклинание, которое называется „пратиломанулома“. Человек, который прочтет анулому, будет незрим для других, а тот, кто произнесет пратилому, может принимать по желанию любой облик. Такой силой обладает это заклинание, состоящее лишь из семи слогов, что благодаря ему будешь править всей землей“. Сообщила она Бхимабхате заклинание и исчезла. А он, избавленный от смерти и словно заново родившийся, обрадовался и тому, что сможет найти Шанкхадатту, и всему прочему и, жаждущий встретиться с другом, в нетерпении ждал, подобно цветку лотоса, когда же минует ночь, и, как только рассвело, снова отправился на поиски.

Один-одинешенек, скитаясь повсюду в поисках Шанкхадатты, дошел он однажды до страны Латы, где хоть касты и не смешивались, а народ жил интересно и весело. Была та страна приютом искусств, не ведала она даже и самого слова „грех“. Ходил он по ее столице, дивился на жилища горожан и на храмы, пока не дошел до одного игорного дома. Вступил Бхимабхата под его своды и увидел множество играющих в кости — у многих из них лишь стыд был прикрыт обрывками тряпок, но тела были нежны и округлы и не свидетельствовали об отказе от наслаждений, и это указывало, что все они высокого происхождения, так как обратились к искусству игры в кости ради достижения богатства. Потолковав с ними, начал и Бхимабхата играть, и хоть они и замыслили: „Вот мы сейчас его со всеми украшениями и слопаем!“, но обыграл он их и забрал все, что они у других выиграли. Собрались было обыгранные игроки разойтись по домам, но остановил их Бхимабхата, загородив рукой двери, и обратился к ним: „Куда вы уходите? Возьмите все это богатство — зачем мне оно? Следует раздать его друзьям, но разве вы не друзья мне? Откуда взять мне таких дорогих друзей, как вы?“ Но хоть и уговаривал он их, из стыда не брали они у него выигранного.

И сказал тогда один игрок, по имени Акшакшапанак: „Выиграно — унесено! Вот что значат сами слова „игра в кости“. Но если по своей воле он, будучи нашим другом, раздает выигранное, так почему бы нам не взять?“ На это другие игроки ответили: „Если вечно он с нами будет дружить, то почему бы не принять от него деньги?“ И Бхимабхата согласился, ибо увидел, что это достойные мужи, и решил он вести с ними дружбу. Раздал он деньги и по их просьбе пошел с игроками и их близкими в сад, и там угощались они принесенными с собой яствами и винами и всячески веселились. Спросили у него Акшакшапанак и прочие о его роде, имени и обо всем, что с ним приключилось, и он ответил на расспросы, а потом и сам о том же их стал расспрашивать. Тогда-то поведал Акшакшапанак о своей судьбе.

„Жил в городе Хастинапуре богатый брахман Шивадатта, а у него был сын Васудатта — это я. В детстве научился я владеть оружием, изучил веды, а затем отец устроил мою свадьбу с девушкой из достойной и равной нам семьи. А мать моя была злая, несговорчивая и жестокая, и из-за этого измученный ею отец, дождавшись моей женитьбы, однажды тайком покинул дом. Перепугался я, узнав об этом, и послал свою жену узнать, каково у матушки на сердце, а жена моя хоть и не хотела идти, но все-таки пошла. А матушка, всегда готовая к ссорам, ей не обрадовалась и истолковала ее молчание как презрение, жалобные всхлипывания — как притворство, желание обьясниться — как желание прекословить. Разве может кто-нибудь заставить огонь перестать жечь?! Брань и побои свекрови так огорчили мою жену, что ушла она из дому, а куда — не знаю.

Хотел было и я дом покинуть, да родичи-злодеи заставили другой раз жениться. Но и новую жену так донимала моя матушка, что та, несчастная, с горя взяла да повесилась. После всего этого, полный отчаяния, собрался я уйти на чужбину, а когда родичи начали меня отговаривать, описал я им злодеяния своей матери. Не убедил их и рассказ мой о бегстве отца и первой жены, и рассказ о смерти второй. Тогда сделал я вид, будто женился снова: велел сделать большую деревянную куклу, принес ее в дом и, поместив в одном из покоев, запер под замок, а другую куклу, словно ее служанку, приставил к ней сторожихой. И сказал я матери тогда: „И ты и я пока в своих покоях останемся. Тебе не следует к ней ходить, и ей к тебе тоже. Она у меня еще робкая и не знает, как тебе услужить“. Согласилась моя матушка на это.

Сколько-то дней прошло, и матушка моя, которой никак не удавалось добраться до мнимой невестки, сидевшей по-прежнему взаперти, взяла однажды камень и, ударив себя по голове, упала во дворе, обливаясь кровью и рыдая. Услышав стоны, прибежал я туда со всеми родичами и когда, увидев ее в таком состоянии, спросил: „Что случилось, скажи мне?“, она, полная злобы, закричала: „Невестка подлая выскочила да безо всякой вины меня избила. Теперь остается только умереть!“ При таких словах матушки разъярились родичи и повели ее вместе со мной туда, где, как они думали, жила моя жена. Но когда, сломав заперы, распахнули дверь и заглянули в комнату, то ничего там не увидели, кроме деревянной куклы. Тогда осмелили они мою мать, саму себя обманувшую и опозорившую, и, поняв, что правду я говорил, разошлись, а я покинул родную страну, и после долгих скитаний попал сюда, и по воле судьбы зашел однажды в игорный дом, где увидел вот этих молодцов, игравших в „пять костей“. Ныне все они — мои товарищи. Вот это — Чандабхуджанга, а того имя — Пансупата, этого — Шмашанаветала, четвертого — Калаваратака, пятого — Шарипрастара, и все они — герои, равные друг другу по мужеству. Стал я играть с ними в кости, и условились мы, что проигравший становится рабом выигравшего. Обыграл я их, и

стали они моими рабами, но, добродетелями их покоренный, я и сам обратился в их раба — стал с ними жить, и забылось мое горе, и по нынешнему состоянию имя мое Акшакшапанака, то есть Метатель Костей. Таким-то образом с тех пор живу с этими высокородными и добродетельными, но скрывающими свое происхождение, а сегодня ты нам повстречался. Благодаря добродетелям твоим ты теперь наш повелитель, и только поэтому приняли мы от тебя деньги“.

И после того как Акшакшапанака закончил свой рассказ, каждый из них рассказал Бхимабхате о себе, и увидел он, что все это были мужи, скрывавшие свое происхождение, ибо добывали деньги необычными способами, и достойны они его дружбы. Весь день прошел у новых друзей в занимательной беседе, а когда заметили они, что лик Востока уже украсился сверкающим тилаком прохладно-лучистого месяца, покинули сад царевич Бхимабхата, Акшакшапанака и прочие пятеро и разошлись по домам.

Вот и живет Бхимабхата в этом городе, и тут наступило время дождей, словно приветствовавшее обретение им друзей ливнями, тучами и громами, и тогда несущая свои воды к океану река Ви-паша повернула, гонимая океанским приливом, вспять и, переполнившись, вышла из берегов. Но успокоился океан, и снова она вернулась в свои берега. А на сушу тем временем вынесло большой волной громадную рыбищу, и из-за тяжести да неповоротливости своей никак не могла она уйти. Увидев это, со всех сторон набегали люди, как только не вооруженные, вспороли рыбе брюхо, и вышел оттуда как ни в чем не бывало юный брахман. И при виде этого зашумел народ. Услышав о чуде, пришел туда и Бхимабхата с друзьями и увидел, что выбравшийся из рыбьего чрева юноша — не кто иной, как его друг Шанкхадатта. Подбежал к нему царевич, и обнял его, и оросил потоками слез, словно смывая с него зловоние от долгого пребывания в рыбьем чреве. А Шанкхадатта, избавившийся от такого несчастья да встретивший потерянного было друга, переходил от радости к радости, и когда Бхимабхата из любопытства стал его расспрашивать, то рассказал в немногих словах обо всем с ним случившемся: „Когда ударом волны Ганги унесло тебя и ты исчез из виду, проглотила меня громадная рыбища. Попал я в просторный дворец ее брюха и жил там, а когда хотел есть, то отрезал ножом куски ее мяса и наедался. А сегодня по воле судьбы заплывла рыба сюда, и, когда люди вспороли ей брюхо, вышел я на свет и увидел тебя, солнце и все, что видно вокруг. Вот и все, друг, что со мной случилось, а больше я ничего не знаю“.

Выслушали Бхимабхата и все другие рассказ Шанкхадатты и с удивлением говорили друг другу: „Проглотила рыба его в Ганге, а как же она сюда попала? Ведь сколько надо было проплыть ей и каким путем, чтобы попасть в Випашу! И ведь ее убили, а он вышел из ее чрева живой и невредимый! Неведомы пути судьбы, дивны ее дела!“ Затем Бхимабхата вместе с Акшакшапанакой и

другими отвел Шанкхадатту к себе домой и, дав ему омыться, одеться и привести себя в порядок, устроил праздник — ведь тело Шанкхадатты словно заново обрело свою душу после того, как выбрался он из рыбьего чрева.

Стал Бхимабхата жить вместе с Шанкхадаттой в этой стране. А тут наступило время большого праздника джатры в честь царя змей Васуки, и царевич пошел с друзьями посмотреть на праздник. Вместе с толпой вступили они в храм, посвященный царю змей, и поклонились его изображению, украшенному длинными цветочными гирляндами, подобными извивающимся телам служителей Васуки, и потому выглядевшего средоточием змеиного царства. Оттуда пошли они на юг и увидели широкое озеро, царю змей посвященное, усеянное множеством красных лотосов, подобных сверкающим лалам на змеиных головах, и синих лотосов, похожих на космы ядовитого дыма, вырывающегося из Паталы, и покрытое осыпавшимися от ветра цветами росших по берегам деревьев, словно приносящих свои дары царю змей. При виде этого озера подумал Бхимабхата: „Ничтожно малым кажется мне по сравнению с этим бесподобным озером океан, у которого Кришна похитил богиню красоты, а ведь красота этого озера никем не похищена“. А пока он так думал, пришла туда совершить омовение дочь Чандрадитьи, повелителя Латы, родившаяся от царицы Кувалайвали, а имя царевне дали Хансавали, и если бы только не моргала она, бросая кокетливые взгляды, то по всему можно было бы подумать, что она божественного происхождения. И была она подобна тетиве-лиане лука Манматхи и столь тонка в талии, что, как и упругий лук, можно охватить ее ладонью, а ее нежное, как лепестки цветов, тело сияло десятками миллионов совершенств. Бросив искоса кокетливый взгляд на Бхимабхату, она словно пронзила его сердце стрелами очей и очаровала царевича. Но и он тоже, похититель красавицы, равной которой мир не знал, проник через глаза девушки в сокровищницу ее сердца и похитил оттуда ее стойкость.

И тогда она, тайком подослав к его друзьям пронирливую служанку, выведала и имя его, и откуда он, и все прочее, а затем после омовения увели слуги Хансавали в ее дворец, и, пока вели, непрестанно оборачивалась она и ловила его своим взглядом. Ушел со своими друзьями к себе во дворец и Бхимабхата, но плелся он, спотыкаясь и нехотя, словно любимая опутала ему ноги. Вернувшись во дворец, красавица немедленно отправила к нему вестницу с посланием, ему приятным и желанным. Пришла вестница и вот что передала с глазу на глаз Бхимабхате: „Божественный, царевна Хансавали отдается под твое покровительство. Видя, как уносит ее бурный поток страсти, поспеши спасти отдавшуюся тебе душу. Не годится стоять на берегу!“ Выслушав ласкающие слух своей сладостью слова возлюбленной, обрадованный тем, что вернулась к нему жизнь, отвечал Бхимабхата так: „Разве не видит любимая, что не на берегу я, а в том же потоке? Но, обретя те-

перь надежду, сделаю я то, о чем просит она. Приду этой ночью в ее покои, и никто не увидит меня, ибо буду я скрыт от взоров благодаря волшебному заклинанию“.

Обрадовалась посланная и, вернувшись к повелительнице, рассказала ей о встрече с царевичем, а та с нетерпением стала ждать свидания с возлюбленным. Он же, когда все покрылось мраком, надел свои лучшие украшения, и, прочитав пожалованное Гангой заклинание анулома, стал невидим, и вышел из дворца, и проник в ее блистательный антахпур, из которого она уже выпроводила слуг. В этих покоях, само убранство которых призывало к любви, воздух был напоен благоуханием сандала, а стены были украшены цветами пяти разных видов. Увидел Бхимабхата в них, как в цветущем саду Камы, возлюбленную, благоухающую небесными ароматами, словно побег лианы волшебного знания, пожалованного ему Гангой. Прочел счастливец волшебное заклинание пратилому и тотчас же стал виден царевне, и она так радостно затрепетала, что вмиг поднялись волоски на ее коже, и мелодичным звоном откликнулись украшения, словно она затанцевала. И тогда потупила красавица от любовного смущения очи, будто заглядывая в свое сердце и вопрошая его, что же делать. А Бхимабхата молвил ей:

„Почему ты стыдишься, глупышка, уже раскрыв свою душу? Как можно скрывать то, что скрыть невозможно? Разве не выдают тебя трепет сердца и бурные вздохи?“ Такими и подобными словами и ласками заставил он прекрасную забыть стыд и сделал ее женой по обычаю гандхарвов. Провел он с ней ту ночь, резвясь около ее лица, словно пчела около лотоса, а когда блеснула заря, с трудом оторвался от любимой и со словами: „Я приду следующей ночью“ — прочел заклинание, снова стал незрим и удалился к себе.

Когда наутро пришли постельничьи в антахпур к Хансавали, то заметили у царевны приметы любовных объятий: косы у нее растрепались, на теле следы зубов и ногтей и была она возбуждена так, словно сам Кама посетил ее и нанес ей своими стрелами все эти раны. Поспешили они к царю и доложили, а он назначил соглядатаев, чтобы те ночью незаметно все высмотрели. Бхимабхата же весело провел с друзьями день, а когда стемнело, он тем же образом явился к любимой в антахпур. Проник он туда невидимым, а как внутри оказался, снова стал зримым, и соглядатаи, приметив это волшебство, бросились к царю и обо всем рассказали. Он им повелел так поступить: „Кто незримым проникает в хорошо охраняемые покои, тот, видно, не человек. Приведите-ка его сюда, посмотрим, что он такое. И спросите его от моего имени, да не грубо: „Почему открыто не попросил ты у меня в жены мою дочь? Зачем тебе, добродетельному, нужно таиться?“ Поспешили они после этих слов к покоям Хансавали и, став в дверях, передали Бхимабхате то, что царь велел сказать. „Вот и обнаружен я!“ — подумал царевич, но не испугался и крикнул им: „Немед-

ленно передайте царю то, что я скажу: „Утром я сам приду в зал совета и обо всем расскажу, а сейчас — ночь темная!“

Выслушал соглядатаев царь и промолчал. А поутру вернулся Бхимабхата от красавицы, надел самый богатый наряд и со всеми семьей приятелями отправился к царю Чандрадитье. Вступили они в зал совета, и, видя по блеску, доблести и красоте царевича, что он весьма высокого рода, принял его царь благосклонно и усадил на трон, равный своему. Тогда Шанкхадатта, друг Бхимабхаты, обратился к Чандрадитье с такой речью: „Вот, царь, это сын Уграбхаты, повелителя страны Радхи! Неодолима его доблесть, ибо обладает немислимо могучим закланием, а зовут его Бхимабхата, и пришел он сюда ради твоей дочери“.

И тогда царь вспомнил про то, что случилось ночью, и, решив: „Воистину я счастливее!“, посчитал Бхимабхату достойным своей дочери, устроил богатую и пышную свадьбу. Отдал он в жены Бхимабхате Хансавали, дав за ней песметное приданое и еще много слонов, коней и деревень. И стал царевич жить там с Хансавали, а Лакшми, богиня счастья, была ему второй женой. Когда же промчались многие дни, состарился Чандрадитья и, поскольку не было у него сына, отдал Бхимабхате царство Лата, а сам удалился в лес. Досталось царевичу царство, и благополучно правил он им, а семь героев — Шанкхадатта и другие — помогали ему в делах власти.

Сколько-то времени прошло, и однажды услышал царь от соглядатаев о том, что, отправившись на поклонение в Праягу, отец его Уграбхата умер, а перед тем как умереть, помазал на царство младшего сына, Самарабхату, рожденного танцовщицей. Оплакав отца и совершив все приличествующие случаю церемонии, послал царь к Самарабхате, его права поправшему, гонца с посланием: „Как смеешь ты, глупец и сын плясуньи, посягать на отцовский трон? Хоть и царствую я над страной Лата, но трон, тобой занятый, принадлежит мне, и потому не следует тебе всходить на него“. Поспешил гонец и, войдя во дворец Самарабхаты и явившись в зал совета, где тот находился, объявил себя и вручил письмо. Самарабхата же, когда прочитали ему по его приказу такое важное послание, запечатанное печатью Бхимабхаты, пришел в гнев и изрек: „Тьфу! Какова самонадеянность этого невежды, изгнанного моим отцом из страны! Шакал и тот изображает льва, пока сидит в своей пещере, но при виде льва понимает, что он всего лишь шакал“. А прорывав это, велел сочинить послание и отправил с ним своего гонца к Бхимабхате.

Помчался гонец к царю страны Латы и вручил, объявив о своем звании, это послание Бхимабхате, а тот велел прочесть его вслух и, прослушав, расхохотался грозно и сказал гонцу: „Ступай, посланец сына плясуньи, передай ему то, что я скажу: „Когда пытался ты похитить коня, спас я тебя от удара Шанкхадатты, думая, что ты еще мальчик и что ты дорог отцу, но не должно снова и снова прощать коварство. Непременно отправлю тебя к нежно

любящему отцу! Приготовься, через несколько дней ты со мной встретишься!“ И с этими словами отпустил Бхимабхата гонца, которому предстоял долгий путь.

Когда Бхимабхата сел на своего гороподобного слона, подобно океану пришли в движение его войска, и как при восходе блистательного месяца вздымает бурные и шумные волны океан, так до самых краев земли поднялись бесчисленными волнами вассальные цари и князья с их дружинами, и от топота множества слонов и коней задрожала земля, словно испугавшись, как бы не расколоться ей на части. Вот приближается Бхимабхата к стране Радхе, и пыль, поднятая его войском, застилает небо и затмевает сияние солнца. Как узнал об этом Самарабхата, не в силах был стерпеть такое и, надев доспехи, вышел со своим войском навстречу Бхимабхате. И вот уже сшиблись два войска, словно столкнулись Западный и Восточный океаны, и началась жестокая битва героев, подобная всепожирающему пожару последнего дня мира. Огонь, высекаемый скрещивающимися мечами, и лязг их, подобный скрежету оскаленных клыков бога смерти, достигали неба, и мчались железные стрелы и дротики, высматривая себе богатырей, словно искрометные взгляды небесных дев, брошенные из-под ресниц. И обратилось поле битвы в сцену, где занавесом была пыль, музыкой — шум битвы, а танцорами — обезглавленные тела, и бешеный поток крови, и головы, и все живое, словно наступила мрачная ночь конца света.

Вооруженный луком Бхимабхата вместе с Шанкхадаттой, Акшакшапанаккой, Чандабхуджангой и другими могучими героями, подобными яростным слонам, искусственным в искусстве войны, истреблял вражеское войско, и, когда было оно уже обращено в бегство, Самарабхата кинулся на колеснице, обуянный яростью, в самую середину океана битвы и начал взбаламучивать его, как гора Мандара. Тогда верхом на слоне налетел на него Бхимабхата и, сломав лук его, ловко сразил стрелами всех четырех коней, впряженных в колесницу недруга. Оказался Самарабхата без колесницы, но бесстрашно кинулся он на слона Бхимабхаты и тяжелым боевым молотом поразил того прямо в лоб. Пришлось и Бхимабхате спешиться — пал его верный слон. И оба яростных царя, пешие, сошлись в единоборстве, вооруженные каждый лишь мечом и щитом. И хотя в этом поединке мог бы Бхимабхата воспользоваться силой заклинания Ганги и, став невидимым для противника, сразить его, но, блюдя справедливость, не пожелал он так поступить и только лишь в честном бою, превзойдя воинским искусством соперника, отсек мечом голову сыну плясуньи. И когда сразил он Самарабхату и все солдаты того были убиты, с небес раздались восторженные возгласы сиддхов и чаранов, а после битвы под восхваления странствующих певцов и сказителей вступил Бхимабхата со своими друзьями в Радхапури, столицу царства Радхи.

Вернувшийся после долгих скитаний и одолевший злого врага,

обрадовал он свою мать, страстно желавшую его видеть, как Кау-салья — Раму. Восторженно приветствовали Бхимабхату горожане, когда воссел он на отцовский трон, рады были и отцовские министры, любившие его за добрые качества; он же возблагодарил весь народ и устроил большой праздник. В благоприятный день отдал он Шанкхадатте царство Лата и, отправив его туда, назначил в сопровождение войско, состоявшее из уроженцев Латы, а Акшакшапананаке и другим игрокам дал в награду множество деревень и сокровищ. Стал он вместе с друзьями и с дочерью царя Латы управлять отцовским царством. Со временем покорил Бхимабхата все страны на земле и увел с собой множество царских дочерей. И тогда отдался он любовным забавам с ними и веселился в антахпуре, препоручив бремя государственных дел министрам, и уже никогда не покидал его пределов, предаваясь пьянству и прочему распутству.

Вот однажды, словно в напоминание о когда-то предсказанном Шарвой проклятию, пришел к дверям Бхимабхаты, чтобы повидать его, мудрец Уттанка, и доложили об этом царю, но он, опьяненный прелестью обитательниц антахпура и ослепленный гордыней власти, не слушал привратников. Разгневался Уттанка и изрек: „Упоенный страстью, пренебрегший царством, станешь ты диким лесным слоном!“ Услышав такие слова, забыл царь о красавицах, выскочил из покоев и, пав к ногам мудреца, смиренно умолял простить его за неразумие. Смягчился великий мудрец и молвил: „Будешь ты, царь, слоном до той поры, пока не встретишь Прачандашакти, министра царя Мриганкадатты, разлученного со своим повелителем проклятием нага и утратившего по той же причине зрение. Когда примешь его как гостя и поведаешь ему свою историю, тогда достигнешь избавления от моего проклятия и, как было предречено тебе Шивой, станешь гандхарвой, а твой гость вновь обретет зрение“.

При этих словах Уттанка ушел, как и пришел, а Бхимабхата потерял царство и стал слоном. Узнай же, друг, что я и есть тот самый Бхимабхата, обращенный в слона, а ты — тот самый Прачандашакти, благодаря которому наступит конец довлеющему над мной проклятию“. Произнеся это, избавился Бхимабхата от облика слона и тотчас стал гандхарвой, наделенным божественным могуществом. Тут же настал миг торжества и для Прачандашакти — глаза его вновь обрели способность все видеть, и узрел он перед собой гандхарву. И слышавший из-за лиан разговор Бхимабхаты и Прачандашакти Мриганкадатта, знающий, что и когда надлежит делать, непреклонный в решениях, вместе со всеми друзьями бросился к Прачандашакти и обнял своего министра, а тот при виде повелителя — а видеть его для Прачандашакти было то же, что омыться в потоке живительной амриты, — пал к его ногам. И пока они, истомившиеся от долгой разлуки и горестей, обнимались, утешал гандхарва Бхимабхата рыдающих, а Мриганкадатта, склонившись перед ним, промолвил: „Слава тебе, благо-

даря которому встретили мы друга и благодаря великодушию которого он прозрел!“ Ответил на это царевичу Бхимабхата: „Скоро встретишь ты остальных своих министров, возьмешь в жены Шашанкавати и достигнешь власти над всеми царствами на земле. Не теряй же мужества, и буду я тебе помогать и всегда являться, как только ты обо мне вспомнишь“. Так молвил он, избавившись от проклятия, и, довольный доставшимся ему благостным саном и одарив царевича дружбой, взвился в небо во главе других гандхарвов, наполнив все вокруг мелодичным звоном красивых ожерелий и браслетов.

Мриганкадатта же, обретя вновь своего министра Прачандашакти и полный поэтому бодрости, провел вместе со всеми министрами этот день в лесу.

Когда прошла ночь и зарделось небо, Мриганкадатта вышел в сопровождении Прачандашакти и других министров из леса и направился в Удджайини за Шашанкавати и остальными министрами. И где-то по пути увидел он, как некий отвратительного облика муж мчит в поднебесье его министра Викрамакесари. И пока он в смятении показывал на это другим министрам, Викрамакесари спустился на землю, слез с плеч того мужа и с глазами, полными слез, пал к ногам Мриганкадатты. Обрадованный, царевич обнял его, и по очереди обняли и все министры, а после этого Викрамакесари со словами: „Приходи ко мне, когда я о тебе вспомню!“ — отпустил своего спутника. Тогда Мриганкадатта, одолеваемый любопытством, спросил Викрамакесарина, что же с ним случилось, и тот сел и тут же в лесу рассказал обо всем, что было.

„Когда проклятие нага разлучило меня, повелитель, со всеми вами, много дней скитался я, жаждая встречи, и однажды подумал: „Отправляюсь-ка я в Удджайини! Ведь они должны в скором времени прийти туда“. Так решив, устремился я к этому городу. По дороге туда дошел я до деревни, называвшейся Брахмастхала, и присел отдохнуть на берегу под деревом. Тогда обратился ко мне укушенный змеей старый брахман с такими словами: „Встань и уйди отсюда, сынок, не то постигнет тебя моя участь. Живет здесь громадный змей, и укусил он меня, и так терзает боль мое тело, что готов я броситься в этот пруд“. Стало мне жалко сказавшего это брахмана, отговорил я его от самоубийства и с помощью знания своего избавил страдальца от действия яда. Тогда брахман почтительно и подробно расспросил меня, и, когда ему все стало известно, исполненный благодарности, сказал он: „Ты спас мне жизнь. Так прими же, доблестный герой, от меня мантру, дающую власть над веталами, а мантра эта досталась мне от отца. Владеть ею надлежит добродетельным, обладающим, подобно тебе, волшебными силами. Не таким же беспомощным, как я, владеть им. Что мне с веталой делать?“

Возразил я на это брахману: „А мне что же делать с веталами,

когда я разлучен с Мриганкадаттой? “ Улыбнулся брахман, услышав мои слова, и снова мне говорит: „Да разве не знаешь ты, что с помощью ветап можно добыть все, что пожелаешь? И неужели неизвестно тебе, что по милости ветап царь Тривикрамасена в давние времена стал повелителем видьядхаров? Раз так, то расскажу я тебе, как это случилось, а ты слушай“.

И тогда поведал он министру Мриганкадаты преудивительную историю о царе Тривикрамасене, коварном подвижнике и ветапе. По воле судьбы сумел Тривикрамасена преодолеть козни подвижника, и ветапа вознаградил царя, предсказав, что он станет верховным повелителем видьядхаров, а кроме того, пообещал выполнить любую его просьбу. Царь же ему сказал: „Если ты мною доволен, разве не исполнилось мое желание? Но все-таки, чтобы не пропали даром твои слова, вот о чем прошу я: пусть начиная с этого дня все твои двадцать четыре прахелики, столь разнообразны и интересные повествования, завершаемые загадками, вместе с заключающей их двадцать пятой историей будут прославлены и почитаемы по всей земле“.

Мовил в ответ ветапа: „Пусть так и будет! По всей земле прославится это собрание двадцати четырех историй и еще одной, их завершающей, именуемое „Двадцать пять рассказов ветап“, и будет приносить благо. И всякий, кто с почтением прочтет хотя бы две строки из них, и всякий, кто их прослушает, навсегда избавится от грехов. Всюду, где будет славиться это сочинение, не будут иметь власти ни якши, ни ветапы, ни кушманды, ни дакини, ни ракшасы и никто из им подобных“.

„Так вот, божественный, рассказал мне тот старый брахман в деревне „Веталапанчавиншатику“ и еще сказал мне: „Видишь, сынок, чего только не достиг смелый царь Тривикрамасена по милости ветап? Так что и ты прими от меня завет, которое избавит тебя от тревог. А благодаря предводителю ветап ты непременно встретишься с Мриганкадаттой. Нет ничего, чего не могли бы достичь терпеливые, но чего достигнет утративший терпение? Из любви к тебе сказал я все это, и ты, друг, избавивший меня, укушенного змеей, от смерти, сделай, как я велю!“ С такими словами передал мне брахман завет и объяснил, как им пользоваться, а после этого распрощался я с ним и отправился, божественный, в Удджайини, куда и пришел. Там, на кладбище, темной ночью нашел я подходящий труп, омыл его, и, сделав все, что было нужно, с помощью заветия вызвал ветапу, и заставил войти в этого мертвеца, и почтил его как полагается. Дал я ему поесть человеческого мяса, которое он сразу же сожрал. „Голоден я, принеси еще“, — сказал он, жадный до человечины. Не простил бы он мне промедления, так я тогда от своего тела куски стал отрезать и давать, что ему понравилось, и сказал повелитель йогов: „Обрадовал ты меня своей стойкостью, и доволен я тобой. Так пусть будет тело твоё целым, как и прежде. Проси у меня, чего хочешь!“

И тогда я его попросил: „Неси меня, божественный, туда, где находится господин мой Мриганкадатта. Вот чего я хочу!“ И владыка ветап сказал: „Садись мне на плечи, чтобы мог я тебя тотчас же домчать до твоего господина“. Ответил я ему на это:

„Пусть так и будет!“ Сразу же забрался я к нему на плечи, и помчал меня вселившийся в мертвеца небесной дорогой, и донес досюда, и, увидев внизу тебя, спустился на землю, и благодаря этому лучшему из ветап смог я коснуться твоих стоп, божественный. Встретился я сегодня с моим повелителем, а ветап, выполнив мою просьбу, улетел своей дорогой. Таков, о даритель жизни, подробный рассказ о случившемся со мной во время разлуки со всеми вами из-за проклятия нага“.

Так Мриганкадатта, направлявшийся в Удджайини, к возлюбленной, выслушал по дороге рассказ своего министра Викрамакесарина о том, что случилось с ним за время их разлуки. Радовался царевич, ибо, как и было ему предсказано, преуспевал он в делах и встретил уже нескольких своих министров, потерянных из-за проклятия Параваты.

ВОЛНА СОТАЯ

Слава Преодолевшему препятствия, у колен которого мчатся вереницы звезд, словно сорвавшиеся с его головы во время ночных плясок!

Когда закончился рассказ, Мриганкадатта, обрадованный встречей с Викрамакесарином, отдохнувший на середине пути, снова двинулся к Удджайини, чтобы соединиться с Шашанкавати и в надежде встретиться с остальными друзьями, пока еще не найденными. И сопровождали его и Гунакара, и Вималабуддхи, и Вичитракатха, и Бхимапаракрама, и Прачандашакти, и брахман Шрутадхи, а всего их было восемь. Шли они, шли и достигли страшной пустыни, в которой от жары высохла вся вода и не было видно ни единого деревца, занесенной песком, раскаленным яростным солнцем.

И, вступив в ее пределы, молвил царевич министрам: „Взгляните, сколь ужасна, и труднопроходима, и протяженна эта пустыня! Нет здесь ни троп, ни дорог — людьми она заброшена, нет никакого укрытия или убежища, и полна она клубящихся над песками mirage, подобных всполохам пламени горестей, и шелестят, словно развевающиеся космы, высохшие стебли травы, и оскалилась она колючками, точно в страхе перед львами, тиграми и другими хищными зверями, и как будто томительно гудит она жалобными стонами — то истомленные солнечным зноем газели плачут, не находя воды. Поспешим пересечь эту страшную пустыню!“

Сказал он так, и все министры с ним, измученные голодом и жаждой, быстро пересекли ее и увидели перед собой обширное озеро, наполненное чистой и прохладной водой, словно амритой, изливаемой луной, которую растопило жаром солнца. Простиравшаяся до самого горизонта озеро казалось драгоценным зеркалом, созданным ни кем иным, как Судьбой всех трех миров, чтобы лю-

боваться своим отражением. И потому, что плавало на нем множество гусей дхартараштра с черным клювом и черными лапами и росли по его берегам красивые деревья арджуна, казалось оно, полное сладостной влаги, сказанием о бхаратах. А от синегорлых соек, пивших его воду, подобно Синегорлому, пившему яд, походило оно на океан, взбаламученный Вишну в поисках Шри. Холодная же глубина его, в которую никогда не проникали лучи солнца, скрытая под бесконечным множеством лотосов, напоминала Паталу, поднимающуюся на земную поверхность.

На западном берегу озера увидели царевич и его министры огромное и чудесное дерево. Его колеблемые ветром, раскинувшиеся во все стороны ветви вздрагивали при каждом ударе грома, точно руки Шивы, когда танцует он под рокот мриданга, украшенный лентой небесной реки, обвившей его голову. Вершина дерева касалась небес, словно желало оно полюбоваться красотой сада Индры, а ветви были отягощены божественно вкусными плодами, точно пожелайдереву, на которое повешены богами чаши с амритой. Листья же его и побеги беспрестанно двигались, подобно пальцам, и вместе с криком птиц будто предупреждали: „Ни о чем меня не спрашивайте!“

Пока Мриганкадатта пристально рассматривал дерево, министры царевича, измученные голодом и жаждой, подбежали к дереву и забрались на него, чтобы отведать плодов. Но только прикоснулись они к ним, как все шестеро потеряли человеческий облик и сами обратились в такие же плоды. Встревожился Мриганкадатта, не видя друзей, и стал звать каждого по имени, но никто на его зов не откликнулся и нигде никого он не высмотрел. Пораженный отчаянием, Мриганкадатта со стоном: „О, горе мне!“ — без памяти рухнул на землю. Оставался около него лишь брахман Шрутадхи, который не полез на дерево. Привел Шрутадхи царевича в чувство и спросил: „Почему, божественный, наделенный такой мудростью, пришел ты в отчаяние? Только тот достигнет счастья, кто не растеряется в беде. Разве не нашел ты этих министров, после того как проклятие нага разлучило их с тобой? Точно так же встретишь снова и этих друзей, и те, которые еще не напшлись, найдутся, а немного времени пройдет, соединишься ты и с Шашанкавати“.

Возразил другу царевич: „Нет, все это творцом задумано, иначе не повстречался бы нам ночью веталя. И разве случилось бы с Бхимапаракрамой все, что произошло? И разве узнал бы я из того разговора о Шашанкавати? И разве отправились бы мы из Айодхьи, чтобы соединиться с ней? И разве потеряли бы друг друга в Виндхийских дебрях из-за проклятия нага? И разве не по его воле встретились с некоторыми из друзей? И вот теперь новая разлука, и опять я должен отказаться от желаемого. Сожрал их, видно, демон, в этом дереве обитающий. Что мне без них Шашанкавати? Что жизнь сама? Зачем себя обманывать?“ И хотя Шрутадхи пытался его отговорить, уже готового расстаться с жизнью,

но не внял Мриганкадатта брахману и решил утопиться в озере.

Но в это мгновение раздалась с небес речь, неведомо от кого исходящая: „Не спеши, сынок, все хорошо кончится! В этом дереве обитает сам бог Ганеша, а твои министры по невежеству своему оскорбили его. Ведь они, голодные, полезли на дерево, служащее ему жилищем, нечистыми, ни рук не обмыв, ни рта не сполоснув. Как только прикоснулись они к плодам, так тут же и проклял их Ганеша: „Чего возжелали, тем да станут!“ И тотчас они сами обратились в плоды. А другие четверо твоих министров еще раньше этой же дорогой пришли к дереву, и полезли на него за плодами, и тоже обратились в плоды. Поэтому следует тебе умолить Предводителя ганов великим подвижничеством, и по его милости будет тебе во всем сопутствовать успех“.

Омыла царевича небесная речь, подобно потоку живительной амриты, и он словно заново родился — не стал топить, а совершил омовение в озере, сел, почтив жившего в дереве воздержанием от пищи, сложил молитвенно руки и вознес хвалу Повелителю ганов:

Слава тебе, слоноликий!
Вся земля пред тобою склоняется
И под пляской твоей стремительной
Вся трепещет, с горами и долами.

Слава, о чаше подобных!
В ней таятся успехи и радости,
Пред тобой ради них склоняются
И боги, и люди, и асуры.

Слава тебе, светозарный!
Ты сверкаешь сиянием яростным
Всех двенадцати солнц пралаи,
Знаменующей мира кончину.

Слава дайтев смирителью!
Ведь ни Шива, ни Вишну, ни Индра
Совладать не смогли с ними, мощные,
Ты ж попрал их, о лотосоногий.

Слава тебе, охрапавший
Всех, кто предан тебе, от несчастий,
Длань над ними свою простерший
С топором, озаряющим радостью.

Я к тебе прибегаю, о славный,
Пред которым Парвати даже
Непрестанно возносит молитвы,
Ниспосланья прося победы
Дорогому ее супругу
Над трехглавой твердыней дайтев!
Я к твоей прибегаю защите,
Умоляю тебя о спасенье.

Так Мриганкадатта, восхваляя Устранителя препятствий, провел ночь, сидя под деревом на острой и жесткой, как стрелы, траве куша и не принимая никакой еды. А затем провел он здесь,

занятый только поклонением Ганеше, еще одиннадцать дней и ночей. И был при нем один лишь Шрутадхи. А в ночь двенадцатых суток явился ему во сне Повелитель ганов и изрек: „Обрадовал ты меня, сынок, и обретешь вновь освобожденных мной от проклятия твоих министров и, продолжив с ними странствие, со временем обретешь Шашанкавати, вернешься в свой город и будешь править всей землей“. Когда кончил говорить Устранитель препятствий, проснулся Мриганкадатта, и ночь была уже на исходе. Рассказал он Шрутадхи об увиденном сне, и обрадовался брахман рассказанному. А затем, когда уже настало утро, совершил царевич омовение и, поклонившись Винаяке, стал обходить дерево, жилище бога, и, пока он делал это, правая его рука была все время обращена к дереву. Тут один за другим начали сходить с дерева министры, избавившиеся от облика плодов, и были здесь кроме шести пришедших с царевичем, еще и Вьягхрасена, и Стхулабаху, и Мегхабала, и Дридхамушти. И тогда, видя их всех сразу, взглядом выражая охватившую его радость, царевич, достигший цели, обнимал их, ставших ему дорожке прежнего, одного за другим и затем взволнованным голосом начал беседовать с ними. А они, видя своего повелителя исхудавшим от подвижничества до того, что был он похож на серп народившегося месяца, и узнав от Шрутадхи, что и как, возрадовались тому, какой у них великий повелитель. Затем совершил Мриганкадатта вместе с ними омовение и все прочие обряды и устроил трапезу после поста. И тогда, счастливый и радостный, вновь обрел уверенность в достижении успеха.

ВОЛНА СТО ПЕРВАЯ

Вот уселся Мриганкадатта, окончивший пост и оправившийся от него, вместе со всеми министрами на берегу озера и стал спрашивать с любопытством у тех четырех, которых встретил в этот день, о том, что было с ними за время разлуки. Первым взялся рассказывать Вьягхрасена: „Поведаю я тебе, божественный, обо всем, что с нами четверьма случилось, а ты соблаговоли выслушать. Когда проклятием нага Параваты оказался я далеко унесен от тебя и друзей и потерял рассудок, то долго блуждал по лесу, а к ночи пришел в себя, но, окруженный со всех сторон тьмой, не мог ни найти страны света, ни увидеть дорогу. В муках провел я эту ночь, удлиненную горем, пока не взошло божественное солнце, осветившее постепенно все края. И подумал я тогда: „Вот ведь горе! Куда исчез повелитель мой? Как придется ему в одиночестве, разлученному с нами? И как же мне найти его? Куда идти и какой дорогой? Видно, чтобы встретиться с ним, следует пойти в Удджайини — ведь там живет Шашанкавати, за которой он собирался отправиться“. С такой надеждой двинулся я потихоньку в Удджайини.

Пробираясь я сквозь пустыню, подобную истинному несчастью,

палпмый солнечными лучами, осыпавшими путников огненной пылью, и кое-как дотащился до озера, будто глядевшего на меня глазами — синими лотосами и говорившего со мной сладостными кликами гусей и прочих птиц, его обитателей, устремлявшего ко мне призывно руки-волны, и было оно прозрачно и великодушно, как добродетельный человек,— вид его облегчал всякое горе. Омывшись в нем, пожевал я лotosовых стеблей и напился воды, и тут перед моими очами оказались Дридахмушти, и Стхулабаху, и Мегхабала. Сошлись мы и стали друг друга расспрашивать и, ничего не зная о тебе, повелитель, и опасаясь худого, повергнутые в горе разлукой с тобой, задумали расстаться с жизнью.

А пока мы собирались это сделать, явились туда некий юноша, сын мудреца, и подвижник по имени Махатапас, сын Диргхатапаса. Озаренный ореолом уложенных жгутами рыжих волос, был он словно Агни, вознамерившийся спалить лес Кхандава и воплотившийся для этого в брахманском теле, излучавшем сияние. Одетый в шкуру черной козы, держал он в левой руке чашу для воды, а в правой — четки, сделанные из зерен растения акша. Вместе с ним пришли еще несколько подобных ему сыновей мудрецов, прибежали и газели с присохшей к рогам душистой землей, которой умащал себя Махатапас.

Заметив, что готовы мы кинуться в озеро и утопиться, и преисполнясь, подобно всем бескорыстно добродетельным, сострадания, подошел он к нам и стал увещевать: „Не следует вам совершать такой тяжкий грех, он — удел лишь недостойных трусов, ибо трусливые люди, попав в беду, теряют рассудок и падают в пропасть несчастий, тогда как мужественные подкрепляют увиденное усиленным рассуждением и логикой и избирают истинный путь, а пропастей, напротив, избегают и достигают желаемого. По облику вашему вижу, что вскоре обретете счастье. Так скажите мне, что за горе вас терзает, ибо оно палит и мою душу“.

Тогда, вняв его словам, поведал я с самого начала о том, что с нами случилось, и после этого и он сам, и все, кто с ним вместе пришел, предвидящие будущее, утешали нас многими сочувственными словами и отговорили от самоубийства. Затем, окончив омовение, отвел нас сын мудреца в находящуюся неподалеку обитель своего отца и принял по всем правилам, как гостей полагается принимать. Даже деревья в той обители совершали подвиги веры — стояли, вытянувшись на пригорках, подобных алтарям, воздев к небу руки-ветви и словно упиваясь солнечными лучами. Усадив нас в уединенном месте и угостив лесным медом и водой, взял сын мудреца чашу и стал обходить одно за другим все деревья, росшие в обители, обращаясь к ним за подаянием, и каждое из них стряхивало плоды, и вскоре чаша была наполнена, и он, подойдя к нам, раздал эти плоды, наделенные божественным вкусом. Отведав их, мы почувствовали себя так, словно, выпив амриты, заново родились.

Ушел день, и солнце скатилось в океан, и тогда, точно брызги

от его лучей, по небу рассыпались звезды, а луна, укутанная в молочно-белые ткани своего сияния, словно желая отринуть мир и заняться подвижничеством из-за того, что не стало солнца, удалилась в обитель на горе Востока. Отправились мы в ашрам поглядеть на мудрецов, а они, завершив дневные дела, собрались все вместе, и, когда пришли мы и поклонились им, усадили нас, и приняли как гостей, и стали ласково расспрашивать, кто мы да откуда. Обо всех наших скитаниях и злоключениях до прихода в обитель поведал им юный брахман, и обратился тогда к нам мудрый старец по имени Канва: „Как же это вы, мужественные воины, так позорно трусили? Ведь долг доблестного — быть в беде нестигаемо твердым, в успехе — скромным, при любых испытаниях — не унижить звания добродетельного человека! Великие-то и становятся такими благодаря тому, что решительно одолевают великие трудности,— вот каков смысл слова „великий“! Да разве не слыхали вы историю Сундарасены? О том, какие мучения пришлось ему претерпеть ради Мандаравати?“ Как только вымолвил он это, все присутствовавшие там мудрецы и мы приготовились слушать.

Тогда начал он рассказывать историю о Сундарасене, сыне царя Махасены, повелителя пишадов. Как-то проезжал царевич вместе с друзьями, да не обратил внимания на восхвалявшую его подвижницу, а она его за это укорила да предсказала, что когда возьмет он в жены Мандаравати, дочь повелителя Хансадвишы, так и вовсе перестанет слушать не только людей, но и богов. Попросил он у нее прощения и полюбопытствовал, кто такая эта Мандаравати. Подвижница показала ему нарисованный ею портрет красавицы, и Сундарасена словно окаменел от охватившего его любовного восторга, и, казалось, это уже и не живой царевич, а лишь изображение его на полотне. Попросили тогда его спутники подвижницу и его нарисовать, и она выполнила их просьбу.

Стала известна Махасене страсть его сына, и попрекнул он его за молчание, а потом направил на Хансадвишу к царю Мандарадеве посла высватать Мандаравати за Сундарасену. Тот согласился и определил с помощью звездочетов день, благоприятный для свадьбы. Но царевна, полюболившая Сундарасену по его портрету, не могла ждать так долго и впала в печально-горестное состояние. Не в силах были родители перенести ее страданий и решили — будь что будет! — отправить ее на корабле в столицу Махасены.

Уже много дней плыла Мандаравати, как набежала, словно разбойник, свирепая буря и разбила корабль в щепы, и все, кто на нем был, потонули, кроме царевны, которую океан вынес на волне, будто на заботливой руке, и опустил ее в прибрежном лесу. В отчаянии залилась она слезами, и тут нашел ее мудрый Матанга, гулявший со своей дочерью Ямуной, обо всем выспросил и уверил, что вскоре обретет она желанного мужа.

Но и Сундарасена томился смертельной тоской, и его отец также решил отправить сына за океан к невесте. Налетел посреди безбрежного простора яростный ветер, и что ни делали мореходы, ничто не помогало, и бешенство волн, казалось, уже погубило корабль, и кипучий в море, веряя жизнь свою судьбе, Сундарасена, его министры и сопровождавший их царь Махендрадитя. Вынесло царевича с одним из его министров на пустынный берег, и впал он в отчаяние. Повстречались тут ему два подвижника и стали ласково увещевать, говоря: „Стойкий человек, желающий уничтожить беду, должен вершить добрые дела, а не предаваться сетованиям и истязаниям тела. Если тело здорово, то какая цель не может быть достигнута? Непременно ждет тебя счастье“.

Тем временем уцелевшие министры вернулись в свою столицу и принесли туда горестную весть. И родители Сундарасены стали заниматься подвижничеством, но все еще падали они на то, что жив их сын. Решил и отец Мандаравати расстаться с жизнью, да отговорили его министры, и он с супругой присоединился к Махасене и его благоверной, и стали они вместе смирять чувства, воздерживаться от еды, спать на ложе из жестких и острых стеблей дарбхи.

А потом случилось так, что сама судьба устроила встречу Сундарасены и Мандаравати, и сам Матапта соединил их узами брака. Но не остановилась на этом судьба, а привела влюбленных на корабль молодого купца. Тот же, впусив на борт красавицу, оттолкнул корабль от берега, сызнова погрузив Сундарасену в пучину горя, и до того она была страшна, что чуть не лишился он рассудка. А пока скитался царевич по дебрям, судьба, словно желая увидеть, как истощится его стойкость, напустила на него кроме пяти огней — скитания на чужбине, мук разлуки, унижения от недостойных, голода, усталости от странствий — еще шестой — нападение пулиндов, лесных жителей. Хотя доблестно встретили Сундарасена и его министр Дриддхабуддхи свирепых воинов, но одолели те их, взяли в плен и бросили в темницу, где нашел царевич еще двух своих министров. Угрожало тут всем пленникам принесение в жертву кровоалчущей Амбике, но, когда повели их в ее храм, взмолился царевич богине:

О Амбика, от страха избавляешь ты
тебе душою преданных!
Ты дай-тев спесь презубцем,
сочащимся их кровью, укрощаешь!
Молю, приди на помощь мне,
тебе душою верному,
Во прах испепеленному
огнем нещадным горестей!
Защитой осени меня,
о амриту дарящая!
Восслався, о великая!
Победа тебе, Амбика!

И тогда пришел владыка пулиндов Виндхьякету, и узнал в Сундарасене сына своего покровителя, и впал в горе, и освободил царевича с друзьями, и взял с собой, и дал целебного питья. Поведал ему Сундарасена о всех злоключениях своих и о подлом обмане купца. И тут как раз подошел к ним начальник войска пулиндов и собищ, что изловлен воинами некий купец и с ним небывалой красоты женщина. Повелел Виндхьякету привести этих пленников, и узнал Сундарасена свою возлюбленную, кинулся к ней и страстно обнял, и оба они залились слезами, смывающими горечь разлуки, и долго рыдали, словно омывая друг друга.

На следующий день решил Сундарасена возвратиться в свой город, где отец его Махасена с супругой уже готов был взойти на костер и взойшел бы, когда б не предупредил его посланный царем пулиндов гонец: „Милостива судьба к тебе, царь! Сын твой вместе с Мандаравати и моим повелителем пожалует сюда!“ Всем стали ведомы чудесные события, и царь избавился от скорби и вернулся во дворец, и к нему присоединился отец Мандаравати. И настало после этого время встреч, полных радости, и именно в тот день, который уже давно был назначен звездочетами, состоялась свадьба Сундарасены и Мандаравати, и был великий праздник, и все узилища были раскрыты, и щедро рассыпал Махасена золото повсюду, но не истощилось от этого его богатство. А затем, по прошествии некоторого времени, возвел он Сундарасену на престол, и тот стал править государством и счастливо жил с Мандаравати.

Так закончил рассказывать Мриганкадате его министр Вьяграсена историю о Сундарасене, когда они сидели на берегу озера.

А затем он молвил: „Вот эту самую повесть и поведал нам мудрый Канва в своей обители, а когда завершил ее, то, сострадательный, так нам сказал: „Да, сынки, только твердые сердцем преодолевают даже самые неодолимые и гибельные препятствия и достигают желаемого, а не слабые душой и нерешительные. Поэтому оставьте уныние и отправляйтесь в путь. Ваш повелитель Мриганкадатта тоже встретится снова со всеми своими министрами и, соединясь с Шашанкавати, будет долго и счастливо править всей землей“. После слов мудрого Канвы обрели мы опять мужество и, проведя ночь в обители, покинули ее, а потом, изнуренные тщетным блужданием, попали в лес и наконец вышли к озеру. Измученные жаждой и голодом, полезли мы за плодами на дерево Повелителя ганов и сами обратились в плоды, и только ты, божественный, своим подвижничеством принес нам спасение. Вот что с нами с четырьмя случилось, после того как были мы разлучены с тобой проклятием нага. А теперь, когда избавлены мы от проклятия, вместе с нами устремись к своей цели“.

Выслушал Мриганкадатта своего министра Вьягхрасену и снова утвердился в надежде на встречу с Шашанкавати, и провел с этой надеждой ночь.

ВОЛНА СТО ВТОРАЯ

Затем рано утром, вместе со всеми обретенными им министрами, в сопровождении Шрутадхи, снова отправился Мриганкадатта, жаждущий обрести Шашанкавати, в путь к Удджайини. А перед тем как покинуть берег лучшего из озер, вознес он хвалу волшебному дереву Сокрушителя препятствий.

Пришлось проходить им через леса, изобиловавшие множеством озер, темные от зарослей деревьев тамала, словно беспросветные ночи времени дождей, и через рощи, бамбук в которых был искрошен свирепыми и безумными слонами и где из-за светлой коры деревьев арджуна чудилось им, будто блуждали они среди бесчисленных городов царя Вираты, и через горные долины, чистые и светлые, заросшие цветами, где находили убежище не только святые подвижники, но и кровожадные хищники. А пройдя все это, наконец добрались мужественный царевич и его друзья до окрестностей города Удджайини. Дошел Мриганкадатта до реки Гандхавати и, омывшись в ее водах, избавился от усталости, переправился вместе со спутниками через ту реку и попал на кладбище, посвященное Махакале. Там увидел он среди множества костей и черепов возвышавшегося над ними великого Бхайраву, любезного веселящимся ведьмам, окруженного сонмами духов, почерневшего от дыма погребальных костров, держащего в руках человеческие скелеты, перед которыми склонялись при поминальных жертвах сыновья. Когда же прошли Мриганкадатта и его спутники через обиталище Бхайравы, предстал перед царе-

вичем вечный город Уджайини, тщательно охраняемый царем Кармасеной.

Улицы Уджайини были полны неспих охрану воинов, вооруженных разным оружием, и каждого из них окружало множество высокородных раджпутов, и вокруг города высились неприступные укрепления, подобные вершинам гор, а сам он был заполнен слонами, конями и колесницами. И никто чужой не мог попасть в него. Убедившись, что со всех сторон город неприступен, сказал удрученный Мриганкадатта своим советникам: „Увы мне, несчастному! Претерпел я сотни мучений, а войти в город не могу! Как же добыть возлюбленную?“ Возразили ему министры: „Что это? Неужели ты, божественный, думал, что нам, немногочисленным, по силам взять столь мощно укрепленный великий город? Следует нам подумать, как быть,— непременно что-нибудь да придумаем. Неужто забыл ты, что уже много раз приходили нам на помощь боги?“ Выслушал их Мриганкадатта и стал бродить около города. Прошло несколько дней, и вспомнил тут министр Викрамакесарин, что когда-то заполучил он в услужение ветау, и, желая использовать его, чтобы вызволить возлюбленную царевича из ее покоев, произнес заклятие. Тотчас же явился ветау, высоченный, черный-пречерный, с верблюжьей шеей, со слоновьей мордой, с совиными глазами, с бычьими копытами и ослиными ушами. Но не смог он проникнуть в город, так как по воле Шивы не могли туда входить подобные существа,— и тотчас же исчез ветау.

И тогда обратился к окруженному министрами Мриганкадатте, удрученному и жаждущему всем сердцем попасть в город, брахман Шрутадхи, искушенный в политике: „Как же, божественный, ты, знающий суть политики, подобно невежественному, повергаешь себя в смятение? Как это можно не видеть разницы между своим положением и положением противника? У каждого из четырех ворот днем и ночью для защиты города, неодолимой твердыни героев, стоят по две тысячи слонов, да по двадцать пять тысяч всадников, да по десять тысяч колесниц, да по сто тысяч пеших воинов в полном снаряжении, так что для нас, столь немногочисленных, попытка проникнуть туда была бы бесплодной и не повела бы к успеху. Малой силой не сокрушить мощную твердыню, как пешему воину не одолеть слона, а нужна здесь сила превосходящая. Почему бы тебе не соединиться с войсками повелителя земель, населенных пулиндами, Маябату, твоего друга, которого ты спас от водяных чудовищ, и с войсками Дургапишачи, могучего вождя матангов, друга Маябату, готового последовать за тобой из преданности тому, и с войсками царя киратов Шактиракшиты, доблестного и несокрушимого, еще в детстве принявшего обет целомудрия? Тогда, объединив все могучие войска, заполнив все страны мира своими воинами и опираясь на помощь союзных государей и вождей, добейся задуманного тобой. Разве забыл ты, что вождь киратов ждет лишь прибытия твоего вест-

ника? Маябату, как ты с ним и условился, уже стоит наготове во владениях царя матангов. Так отправимся же немедленно в крепость грозного Дургапишачи, стоящую на южном склоне гор Виндхья и названную Карабхагровкой. Туда призовем мы и царя киратов Шактиракшиту, а затем, объединившись с ними, вместе начнем наше дело, и да сопутствуют нам успех и благо!“

Выслушав исполненные мудрости слова Шрутадхи, направленные на достижение цели, Мриганкадатта и все его министры согласились с ним и молвили: „Так тому и быть!“ На следующий день, поклонившись только что взшедшему другу добродетельных, распростершему над миром свои лучи, постоянно странствующему по небу солнцу, отправился царевич в путь к твердыне повелителя матангов Дургапишачи на южный склон Виндхйских гор, и сопровождали его министры Вягхрасена и Бхимапаракрама, Гунакара и Мегхабала вместе с Вималабуддхи, Вичитракатхой, Стхулабаху, Викрамакесарином, Прачандашакти, Шрутадхи и Дридхамушти. Вместе с ними, не находя лучшего убежища по ночам, чем корни дерева, растущего на берегу пруда, преодолевал он пустыни, необъятные, как его деяния, леса, глубокие, как его замыслы, и наконец взшел на горы Виндхья, столь же возвышенные, как и его душа. Когда же спустился он с их вершин на южный склон и взглянул окрест, то увидел вдалеке селение бхиллов, полное слоновых бивней и газельих шкур, и подумал: „Где же тут дом повелителя матангов? Как мы узнаем это?“ И тогда, увидев сына какого-то мудреца и приветствовав его, спросил у него Мриганкадатта вместе с министрами: „Не знаешь ли, почтенный, где здесь дом повелителя матангов Дургапишачи? Надобно нам его повидать“.

Ответил им на это добродетельный сын подвижника: „Всего лишь в одном косе отсюда есть место, которое называется Панчавати. А неподалеку от него была обитель мудреца Агастья, который за нанесенное ему высокомерным царем Нахушей оскорбление низверг того с небес. В той обители по велению отца жил, долго ожидая этого мудреца, Рама с братом Лакшманой и супругой Ситой. Там ракшас Кабандха попытался напасть на Раму и Лакшману, словно асура Раху на солнце и месяц, и навлек тем гибель на всех ракшасов. Именно там, после того как Рама обрубил ему руки длиной в целую йоджану, рухнул он на землю, уподобившись телом змею Нахуше, приползшему умиловать Агастью: даже и теперь, когда наступает время дождей и гремит гром, вспоминают ракшасы о громе палицы Рамы. Там дряхлая газель, некогда возвращенная Ситой, с глазами, полными слез, видя, что все пусто кругом, не прикасается к траве; там словно для того, чтобы избавить уцелевших газелей от истребления, увел золотой олень потомка Рагху в дебри, вызвав тем его разлуку с Вайдехи; там множество озер, оставленных разлившейся Кавери, кажутся каплями воды, появившимися после того, как Агастья изрыгнул выпитый им океан. И вот как раз неподалеку от Панчавати, на

плоской вершине Виндхья, стоит хитроумно устроенная и неодолимая крепость, названная Карабхагрива. В ней и обитает неукротимо доблестный Дургапишача, могучий и непобедимый повелитель матангов, повелевающий ста тысячами лучников, за каждым из которых следует по двести пятьдесят воинов. С их помощью грабит он караваны, подавляет врагов, правит в этой великой пустыне и не считается ни с какими царями“.

Дослушав сына мудреца и поблагодарив его, поспешил Мриганкадатта со своими спутниками по указанной дороге и через некоторое время достиг крепости повелителя матангов, окруженной деревнями бхилов,— куда ни бросишь взгляд, везде видны беспредельные множества шабаров, украшенных павлиньими перьями и слоновыми зубами, одетых в тигровые шкуры и питающихся мясом газелей.

„Смотрите-ка, живут они, как звери в лесах, но занято: Дургапишачу называют царем. Видно, нет такого народа, чтобы у него не было царя. Наверное, боги создали это слово, чтобы люди жили, не пожирая, как делают рыбы, сильный слабого“,— сказал Мриганкадатта друзьям, и, пока пытался разузнать, как пройти к крепости Карабхагрива, разведчики Маябату, узнав Мриганкадату, прежде виденного ими, поспешили к своему повелителю и доложили о приходе царевича. Вышел Маябату ему навстречу со своим войском. При виде Мриганкадаты спрыгнул владыка пулиндов с коня, побежал и пал в ноги царевичу. А затем, обняв его, осведомился Маябату о здоровье, усадил Мриганкадату и его министров на коней, привел в свой стан и послал своего пратихару уведомить повелителя матангов о прибытии царевича. И тогда пожаловал к ним сам царь матангов Дургапишача, Демон Твердыни. И имя это соответствовало его облику— было у Дургапишачи мощное тело, словно высеченное из твердого камня, темное, точно листья тамалы. Окруженный склонившимися к его ногам пулиндами, был он подобен самим горам Виндхья. Лик его, с гневно изогнутыми бровями, наводил ужас, три морщины на лбу были словно знаком покровительства самой богини, живущей в Виндхийских лесах. Был Дургапишача юн, но видел падение от его стрел многих птиц, был черен, как Кришна, но некрасив. Ни перед кем он не склонялся, хотя и обитал у подножия царственных гор. Украшенный перьями из павлиньего хвоста, был он подобен павлину, завидевшему облака, предвещающие наступление времени дождей*. В руках он держал мощный лук, подобный радуге. Тело его, как и у Хираньякши, было покрыто шрамами от клыков свирепого вепря. Был Дургапишача мощен, как Гхатоткача, и столь же высокомерен и ужасен. Словно в век Кали, позволял он своему народу предаваться безверию и своеволию. Пришедшее с ним войско наводнило собой всю землю, словно поток Нармады, освобожденной из объятий Арджуны, и при виде полчищ чандалов, закрывших тучей все стороны света, ужаснулся Мриганкадатта: „Уж не лавина ли это, рушащаяся с горы Анд-

жаны, не прежде времени ли надвигающиеся грозовые тучи последнего дня творения?”

Приближаясь, еще издали поклонился Дургапишача, склонив голову до земли, Мриганкадатте: „Видно, довольна нынче мною богиня, живущая в Виндхийских лесах, коли пожаловал ко мне господин из высочайшего рода. Потому счастлив я и благодарен!“ И с этими словами поднес он Мриганкадатте в дар жемчуга, камфару и всякое прочее. Как должно, учтиво поблагодарил его за все Мриганкадатта.

Затем расположились они там лагерем. И стал тот обширный лес полон слонами, привязанными к деревьям, конями у коновязей, воинами в шатрах, и был лес так всем этим взволнован, что, казалось ему, обратился он в город, чего с ним никогда прежде не бывало. Тогда, после того как Мриганкадатта совершил ради успеха задуманного омовение, а затем разделил вместе со своими министрами трапезу в присутствии Маябату, спросил царевича Дургапишача почтительно и с любовью: „Вот, повелитель, раджа Маябату давно уже здесь стоит, а с ним и я, в ожидании твоих повелений. Скажи, царевич, где ты так долго отсутствовал, и что сделано, и что надлежит сделать?“ На эту речь повелителя матангов ответил Мриганкадатта: „Когда я отправился из дому Маябату в путь вместе с Вималабуддхи, Гунакарой и Шрутадхи и встреченным мною Бхимапаракрамой, то нашел Прачандашакти и Вичитракатху, а пойдя еще дальше, встретил и Викрамакесарина. Затем дошли мы до озера, на берегу которого растет дерево Сокрушителя препятствий, и все министры, желая вкусить плодов, взобрались на него и сами обратились силой проклятия Ганеши в плоды. Кое-как умилившись Ганешу, смог я вызволить их из беды, а вместе с этими и остальных, обращенных в плоды до того, как я с ними встретился,— Дридхамушти, Вьягхрасену, да Мегхабалу, да еще Стхулабаху. Когда же мы все собрались, направился я в Удджайини, но проникнуть в него не смог, так как все ворота города под надежной охраной. Уж где там думать о похищении Шашанкавати! Войска у меня не было, и поэтому не следовало направлять посла. Потом, посоветовавшись, пошли мы к вам, и теперь, друзья, вы — залог нашего успеха“.

И когда кончил Мриганкадатта рассказывать, что с ним было, сказали Дургапишача и Маябату: „Мужайся! Это дело для нас нетрудное. Жизни наши с самого рождения предназначены для того, чтобы тебе помочь. Приведем мы сюда царя Кармасену связанным и сумеем привести сюда и дочь его Шашанкавати“. И когда обещали они это, с великим уважением и любовью отвечал им Мриганкадатта: „Как не сбыться тому, о чем вы говорите! Истинно исполнены вы решимости свершить дело, обещанное другу. Когда создавал вас творец, то твердость он дал вам от гор Виндхийских, смелость — от тигров, привязанность к друзьям — от лесных лотосов. Так подумайте и сделайте то, что можно!“ А пока Мриганкадатта говорил это, дневное светило склонилось

на покой к вершине горы Заката, и все они тоже ушли спать в шатры, сооруженные, как полагалось, для них мастеровыми.

Наступило утро, и царевич послал Гунакару к другу своему Шактиракшите, властителю киратов, чтобы позвать и его. Поспешил туда министр и рассказал тому обо всем, что случилось. А через несколько дней пришел вместе с ним повелитель киратов во главе могучего войска. Десять раз по сто тысяч, да тьма слонов, на каждом из которых сидели великие герои, да восемьдесят восемь тысяч боевых колесниц следовали за Шактиракшитой, затмившим небо своим зонтом и знаменами. Вышел навстречу ему радостный Мриганкадатта со своими друзьями и министрами, почтил царя приветствием и провел его в лагерь. Тем временем и другие друзья и сородичи царя матангов и Маябату собрались туда, узнав вести от послов, и все ширился лагерь, словно океан, от сотен армий, вливающихся в него, точно реки, и рос гул над лагерем, будто рев океанских волн, и все это радовало душу Мриганкадатты. Почтил Дургапишача собравшихся в лагере подношениями жемчуга, мускуса, одежды, сочного мяса, хмельного питья, и Маябату велел устроить для гостей отменные омовения, умащения благовониями, еду, питье и ложа, и Мриганкадатта принял участие в трапезе со всеми царями, каждый из которых сидел на положенном ему по чину месте, и даже царь матангов сидел неподалеку от царевича, ибо деяния, место и время определяют достоинство человека, а не он сам по себе.

На следующий день, когда вновь прибывшие кираты и прочие отдохнули, Мриганкадатта, сидя в собрании царей на троне из слоновых бивней, после того как был воздан ему почет и все лишения были забыты, сказал повелителю матангов и другим своим друзьям: „Что же мы теперь теряем время? Почему бы не поспешить со всеми силами к Удджайини?“ И возразил ему тогда брахман Шрутадхи: „Надо послушать, божественный, что думают об этом знатоки политики. Желая одержать победу прежде всего должен рассудить, что исполнимо, а что — нет. От замысла, для выполнения которого нет средств, следует отказаться. Средство, которое обеспечивает выполнение дела, может быть четырех видов: замирение, подношение, раздор в стане недруга и использование силы. Первый из них наилучший, а все прочие — каждый хуже предыдущего. Посему, божественный, прежде всего следует попытаться использовать примирение. Поскольку царь Кармасена не алчен, дары успеху не послужат. И сеять раздоры также не годится, ибо нет у него людей озлобленных, алчных или обиженных. Что до применения силы, так этот царь живет в труднодоступной стране, и есть у него могучая армия, благодаря которой никто из царей его не одолевал, и потому применение силы может не принести удачи. В бою даже очень могущественные не должны всецело полагаться на Деву победы, да и не годится сватающемуся учинять расправу над родичами желанной девушки. Так что следует отправить к Кармасене посла с предложением

примирения, а уж если посольство не будет иметь успеха, тогда и будем мы вынуждены прибегнуть к силе“.

И все согласились с тем, что сказал Шрутадхи, и стали хвалить да восславлять его осведомленность в ведении государственных дел. Затем, посоветовавшись со всеми, назначил Мриганкадатта посла к царю Кармасене лучшего из брахманов в свите царя киратов, наделенного необходимыми для этого качествами Сувиграху и вручил ему свое послание. Отправился посол в Удджайини и, когда имя его было провозглашено пратихарой, вошел в блистательный дворец, подходы к которому были заполнены прекрасными конями и слонами, и увидел самого Кармасену, восседающего на троне, осведомился, здоров ли он, и приветствовал его, и после этого вручил царю послание.

И тогда, взяв его, министр Кармасены, звавшийся Праджнякоша, поспешил сломать печать и громко прочел: „Да будет благо! Достойный Мриганкадатта, украшение круга земного, сын повелителя Айодхьи, верховного владыки над великими царями, Амарадатты, стоящий вместе со всеми подвластными ему царями в лесу у подножия крепости Карабхагривы, свидетельствует почтение великому правителю Удджайини царю Кармасене, истинному месяцу Молочного океана своего древнего рода, и сообщает: есть у тебя дочь на выданье, и ты ее никому в жены не давай, а отдай мне, ибо самими богами ей предназначено быть моей, и будет благодаря этому между нами дружба, и погибнет прежняя неприязнь, а если нет, то обращаюсь я к силе моих рук, чтобы добыли они мне желанное“.

Дочитал Праджнякоша послание, и сказал тогда разгневанный Кармасена своим министрам: „Всегда они были к нам враждебны. И посмотрите, как этот недостойный, не знающий своего места, обращается — себя он, невежда, поставил первым, а нас на второе место, а в конце еще бахвалится, помутившись умом от заносчивости. Не приличествует нам посылать ответ на подобное послание. Что уж говорить о сватовстве! Ступай, посол, и пусть твой господин как знает, так и поступает“.

Выслушал посол брахман Сувиграха слова Кармасены и, полный достоинства, ответил высокомерно: „Глупец, хвастаешься ты, не видя царевича, но явится он сюда, и узнаешь ты тогда разницу между собой и им!“ Зашумело царское собрание при таких словах, и царь, разъяренный, крикнул: „Прочь отсюда! Ты неприкосновенен, и ничего мы не можем сделать с тобой!“ И одни в злобе скрежетали зубами, прикусывали губы, размахивали руками и восклицали: „Почему не убьем мы его теперь же?“ А другие, владевшие собой, возражали: „Что злиться впустую на болтовню этого молодца? Пусть уходит! Будет видно, что нам делать!“ Третьи же, с лицами, искаженными гневом, стояли молча, хмуры брови, словно намекая на натянутые луки.

Покинул это разъяренное собрание посол Сувиграха, и отправился в лагерь к Мриганкадате, и рассказал ему и его друзьям

все, что было произнесено Кармасеной, и тогда царевич приказал войску выступить в поход. И словно порывом ветра вздыбленный океан, по велению вождя пришел в волнение океан войска, в котором пешие воины, кони и слоны двигались, подобно морским чудовищам. И в то время как все это вызвало удовлетворение в душах царей, в сердцах людей возникло смятение, порождающее ужас. Так Мриганкадатта, оросив землю пеной, падающей с взмысленных коней, и слоновым потом и оглушая весь мир громом боевых барабанов, двинулся к Удджайини за победой.

ВОЛНА СТО ТРЕТЬЯ

Затем во главе войска Мриганкадатта вместе с друзьями преодолел горы Виндхийские и подошел к пределам Удджайини. Узнав об этом, царь Кармасена приготовился, доблестный, к битве и вышел из города ему навстречу. Когда сблизились они так, что различали уже друг друга, завязалась между их полчищами битва, радующая героев. Уподобилось поле сражения жилищу Хираньякашипу, полному трусливых асуров, трепещущих от рева человекольва, и покрылось небо тучами стремительных стрел, без устали истребляющих воинов, как саранча траву. От ударов мечей сыпались со слоновых налобий жемчуга, словно с разорванного от волнения ожерелья Девы победы, и поле битвы походило на пасть бога смерти, острые клыки которого в облике копий вонзались в людей, коней и слонов. Взлетали к небу головы воинов, словно для того, чтобы поцеловать небесных дев, а тела этих героев продолжали танцевать на каждом шагу, будто в восторге от битвы, озаренной присутствием их повелителя. Так пять дней и ночей среди рек крови и гор из отсеченных голов кипела битва, погубительница героев.

А на пятый день, когда смерклось, пришел тайком к Мриганкадатте, сидевшему вместе с министрами, брахман Шрутадхи и рассказал: „Пока вы здесь сражаетесь, я под видом монаха проник в Удджайини через ворота, оставленные почти без стражи, и слушаю, божественный, поведаю я тебе, что мне, сделавшемуся благодаря моему знанию невидимым, удалось разузнать. Только отправился раджа Кармасена на битву, как с позволения матери Шашанкавати вышла из дома и направилась в храм Гаури, дабы молить богиню о даровании победы ее отцу, и, пока была там, вот что поведала по секрету одной верной подруге: „Ради меня, подружка, принял отец это сражение, и если одолеют его, то отдаст он меня в жены царевичу. Ведь ради интересов государства не считаются цари с любовью к детям. А я не знаю, достоин ли меня царевич, и не ведаю, безобразен он или красив. По мне же лучше умереть, чем любить урод. Пусть муж даже бедняк, только был бы он хорош собой, а коли урод, так пусть хоть всей землей повелевает, а не пойду я за него! Так ступай, подруженька, к его

войску, посмотри, каков он есть, и возвращайся! Благодаря сметливости твоей, милая, и имя тебе дано такое — Чатурика“. Как только Шашанкавати сказала это, пошла сметливая Чатурика, и ловко пробралась в наш лагерь, и, увидав тебя, могущественный, вернулась, и рассказала царевне: „Что уж говорить, подруга милая, даже у великого змея Васуки не хватило бы языка, чтобы описать красоту царевича. Но скажу тебе, что как нет на земле равной тебе по красоте, так и ему нет равного. Да что это я говорю! Что там на земле! Во всех трех мирах нет ни сиддха, ни гандхарвы, ни бога, равного ему!“

После того, что рассказала ей подруга, оказалось сердце Шашанкавати приковано к тебе любовью, словно стрелами бога любви. С этого мгновения желает она успеха и тебе, и своему отцу, а от разлуки с тобой и от своего подвижничества стала час от часу таять. Ступай тайком ночью в храм Гаури, где никого в это время не бывает, и незаметно унеси оттуда Шашанкавати, и помести ее во дворце Маябату. А за тобой и все цари, охраняя тыл от ярости врагов, уйдут со мною вместе. И пусть эта война, истребительница воинства, будет кончена так, чтобы и ты, и твой тесть были целы и невредимы. Считают мудрые, что среди всяких средств политики война — самое пагубное, за которое расплачиваются жизнями, и к нему прибегать нужно только в крайности“.

Как Шрутадхи посоветовал, так Мриганкадатта и сделал — вскочили он и его министры на коней, и тайно под покровом ночи отправились в Удджайини, и проникли в город, в котором остались только спящие женщины, дети да лишь немногие стражники, дремавшие у ворот. По указанным Шрутадхи приметам нашел царевич святилище Гаури, стоявшее в просторном саду, называвшемся Пушпакаранда, и озаренное лучами месяца, только что украсившего собой лик Востока. А там в это время среди спящих подруг, утомленных службой, сидела Шашанкавати, к которой сон не шел, и раздумывала: „Вот ради меня цари, и царские дети, и многие герои с обеих сторон день за днем друг друга убивают. А ведь царевич, из-за меня затеявший эту войну, некогда был назван моим мужем самой Амбикой, явившейся мне во сне. И бог любви, непрерывным потоком не знающих промаха стрел рассекающий мое сердце, отдал его царевичу. Почему же батюшка меня, несчастную, не отдаст Мриганкадатте? Из-за прежней вражды, из-за гордости или, как я сегодня слышала, из-за неудачного послания? Если судьба отвернулась от меня, то что толку в предсказании богини, услышанном во сне?! Вижу я, что никак не достичь мне возлюбленного. Ах, почему не покончить с собой, пока не пришла с поля битвы недобрая весть о нем или о батюшке!“

И тогда встала она и подошла, горемычная, к дереву ашока, росшему у изваяния Гаури, и сделала из одежды петлю — как раз в это время Мриганкадатта с друзьями въехал в сад. Привязали они коней к деревьям и подошли к обители Гаури. И тогда, заметив близости царевну, Вималабуддхи прошептал Мриганкадат-

те: „Взгляни, божественный, здесь какая-то красивая девушка удувиться хочет. Кто бы это мог быть?“ Посмотрел на нее царевич и воскликнул: „Ох, уж не Рати ли это? Или это само счастье в облике красавицы? Или сама Канти, супруга Чандры, воплощенное и исполненное прелести лунное сияние? Или само веление Камы, гуляющее по земле? Или дева небесная? Но вряд ли — зачем небесной деве вешаться? Постоим пока здесь, может, как-нибудь узнаем, кто она такая?“

Пока же стоял он с друзьями, не замеченный ею, взмолилась горестная Шашанкавати богине: „Если из-за грехов, совершенных мной в прежних рождениях, не суждено, чтобы стал Мриганкадатта моим супругом в нынешнем, то, благостная Гаури, облегчающая страдания несчастных, пусть по милости твоей станет он им в будущем!“ Произнесши такое моление, склонилась царевна перед Гаури и, заливаясь слезами, стала надевать петлю на шею. Но как раз в это время пробудились ее подруги и, не видя ее, встревожились, а наконец увидев, кинулись к ней и, восклицая: „Ох! Ах! Да что это ты затеяла? Фу! Не стыдно ли тебе быть столь опрометчивой?“, сняли с ее шеи петлю. Стоит Шашанкавати, в горе поверженная и пристыженная, как вдруг раздается божественный голос из святилища Гаури: „Не кручинься, доченька Шашанкавати! Не ложно слово мое, счастливица, слышанное тобою во сне. Вот пред тобой здесь супруг твой в прежнем рождении — Мриганкадатта. Ступай с ним, и будешь ты вместе с мужем наслаждаться всем миром!“

Услыхала Шашанкавати эту неожиданную речь и стала смущенно осматриваться вокруг. Подошел тут к ней министр Мриганкадатты Викрамакесарин и, показав рукой на царевича, молвил: „Правду Бхавани сказала, божественная! Вот царевич, супруг твой, стоит перед тобой, приведенный к тебе любовью“. И когда дошло это до ее ушей, боязливо и кокетливо взглянула она на блистательного возлюбленного, стоявшего среди спутников, словно месяц в окружении созвездий, сошедший с неба светоч красоты, проливающий нектар на глаза смотрящих на него. И тогда она, на теле которой поднялись от восторга волосы, так что казалось, будто торчат это оперенные концы стрел Камы, осыпавших ее, стала недвижимой, словно колонна. Приблизился к ней Мриганкадатта и, чтобы помочь ей избавиться от стыда, произнес голосом, напоенным медом любви, такие приличествующие слова: „Заставила ты меня покинуть свою страну, царство и родных — издали, прекрасная, пришел я к тебе, как раб, опутанный цепями твоих добродетелей, а нынче достался мне такой плод моих скитаний в лесу, сна на земле, питания лесными кореньями, нестерпимых ожогов от солнечных лучей и прочих мучений и тягот подвижничества, что очи мои заливают сладость, исходящая от твоей красоты. И если ты любишь меня, газелеокая, то доставь такую же радость глазам жителей нашего города. Пусть кончится война! Да будет благо воителям обеих сторон! Да будет мое

рождение служить благодатной цели и да будет на мне отцово благословение!“

Лишь только молвил так Мриганкадатта, как тихо проговорила в ответ Шашанкавати, опустив очи долу: „Куплена я ценой твоих добродетелей и теперь твоя служанка, и потому, благородный, поступай, как сочтешь нужным“. Орошенный сладостно освежающей амритой этих слов возлюбленной, Мриганкадатта вознес хвалу богине Гаури и поклонился ей, а затем посадил царевну на коня за собой, а его десять друзей сделали то же самое с ее десятью подругами, и с мечом в руке отправился царевич под покровом ночи обратно вместе с десятью своими друзьями, у каждого из которых был наготове меч. Хотя и заметили их городские стражники, но остановить не посмели, ибо были подобны они разгневанному рудрам. Покинув пределы Удджайини, устремились всадники ко двору Маябату, где, как советовал Шрутадхи, следовало поместить Шашанкавати.

Пока перепуганные стражники гадали, кто это да куда мчитсЯ, постепенно разнеслась по Удджайини весть, что царевна похищена. Поспешила великая царица послать смотрителя города уведомить о случившемся царя Кармасену. А тем временем в лагерь к Кармасене явился ночью начальник соглядатаев и доложил: „Тайно покинув свое войско, Мриганкадатта с министрами верхом на конях отправились в Удджайини, чтобы похитить Шашанкавати, которая молится в храме Гаури. Точно я все разузнал, а государю лучше меня ведомо, что дальше делать“. Выслушав его, позвал Кармасена военачальника и, сообщив по секрету эту весть, повелел: „Тотчас же ступай в Удджайини, взяв с собой пятьсот лучших воинов на конях, и убей Мриганкадату или захвати этого грешника в плен, и знай, что я вскоре прибуду сам, оставя здесь войско“. И как повелел царь, так и сделал военачальник и, сказав: „Так тому и быть!“, поспешил в ночной тьме к Удджайини, сопровождаемый пятьюстами воинов. По дороге встретил он смотрителя города и узнал от него, что похищена царевна какими-то смельчаками и увезена неизвестно куда. Вместе с ним вернулся военачальник и доложил Кармасене о случившемся. Задумался царь и, посчитав это невозможным, спокойно провел ночь, не предпринимая нападения, а Мриганкадатта со всем своим войском и царями во главе с Маябату провел по совету Шрутадхи эту ночь в готовности отразить нападение.

А поутру, выяснив, что и как случилось, мудрый Кармасена отправил к царям в лагерь Мриганкадаты посла, велел ему сказать так: „Обманом похитил Мриганкадатта мою дочь. Пусть так и будет — кто иной, кроме него, достоин быть мужем моей дочери? Но должен он вместе с вами прибыть в мой дом, чтобы мог я, как положено, устроить свадьбу дочери“. Так повелел Кармасена послу своему передать такое свое пожелание, и, когда цари вместе с Шрутадхи это выслушали, согласились они и сказали: „Пусть твой повелитель возвращается в свою крепость, а мы до-

ставим туда царевича". Вернувшись, все точно пересказал Кармасене посол, и царь вместе с войском вернулся в Удджайини, и, убедившись в этом, цари во главе с Маябату и вместе с Шрутадхи отправились к Мриганкадатте.

Тем временем царевич вместе с Шашанкавати и своими друзьями достиг дворца Маябату, стоявшего в городе Канчанануре, и там встретили их жены Маябату, как дорогих гостей, и Мриганкадату, достигший цели, отдохнул вместе с возлюбленной и друзьями. На другой день прибыл туда Шрутадхи с царями — доблестным предводителем киратов Шактиракшитой и его войском, могучим вождем шабаров царем Маябату, повелителем полчища матангов героем Дургапишачей, и, когда они увидели Мриганкадату и Шашанкавати, неразлучных, как ночь с белым лотосом, возрадовались и устроили праздник и, воздав ему должное, сообщили о послании Кармасены и о том, что вернулся он к себе во дворец.

Устроив свой лагерь, подобный движущемуся городу, сел Мриганкадатта со всеми и стал советоваться. „Следует ли мне идти на свадьбу в Удджайини или нет?“ — спросил он царей и министров, и они ответили ему: „Злопамятен Кармасена, и с чего бы быть добру от посещения его дворца? Да и нет в этом никакой нужды — ведь его дочь у нас!“ И когда так единодушно они порешили, спросил царевич брахмана Шрутадхи: „Почему молчишь ты, брахман, словно опечален чем-то? Скажи нам, согласен ты с этим или нет?“ И ответил ему Шрутадхи: „Если будешь ты слушать, то вот что я скажу — нужно отправиться тебе в палаты Кармасены. Нет в его послании злого умысла — иначе почему бы он, могучий, у которого похищена дочь, покинул поле битвы и ушел восвояси? Что сделает он тебе, если ты со всем войском своим к нему пожалуешь? Только подружиться с тобой он может и будет твоим союзником. Не хочет он, чтобы свадьба твоя с его дочерью не по закону была устроена. Так что сказал он правду, и следует тебе пойти к нему“.

И когда Шрутадхи кончил свою речь, все одобрили его мудрые слова и говорили: „Верно! Верно!“ Молвил тогда царевич: „Что ж, пусть так! Но не пристало мне устраивать свадьбу без моих отца и матери. Пусть кто-нибудь отсюда отправится позвать их, и когда узнаю я об их согласии, тогда сделаю все, что следует сделать“. Сказав это, подумал он и направил послом к родителям своего министра, доблестного Бхимапаракраму.

Пока все это происходило, узнал в Айодхье его царственный отец Амарадатта от людей, что то дело, из-за которого изгнал он Мриганкадату из страны, было клеветническим наветом Винитамати. В гневе казнил он злокозненного министра со всей его родней и, сильно загоревав оттого, что несправедливо изгнал сына, оставил столицу, уединился вместе с женами в святилище Хари, называемом Нандиграма, и стал совершать великие подвиги веры. Уже долго он там находился, когда донесли ему соглядатаи, что

в Айодхью примчался верхом Бхимапаракрама. Увидел герой Айодхью повергнутой в горе изгнанием царевича, словно снова переживала она потрясение, случившееся в ту пору, когда был изгнан Рама. Расспрашивали горожане Бхимапаракраму о том, что случилось с царевичем, а он услышал из уст их о том, что происходило в городе. И тогда отправился министр в Нандиграму. Увидел он там царя, тело которого истощено было непрерывными подвигами, и его цариц — всех истосковавших по вестям о сыне. Подошел к нему Бхимапаракрама и пал в ноги, и когда царь поднял его и обнял и стал расспрашивать, заливаясь слезами, то сообщил ему министр: „Добыл сын твой Мриганкадатта благодаря своей доблести, о божественный, дочь царя Кармасены Шашанкавати. Но, преданный родителям, считает он недостойным праздновать свадьбу без тебя и твоей божественной супруги. Потому послал он меня сюда, и вот я здесь перед тобой. Склонив голову к земле, велел передать твой сын, что ожидает он вас, а сам находится в Канчанапуре, во дворце повелителя шабаров Маябату. Послушай теперь о том, что с ним было“. И затем поведал Бхимапаракрама обо всем случившемся с его повелителем, начиная с жизни в лесу и горести разлуки и кончая битвой с царем Кармасеной, закончившейся примирением.

Услышав, что все с сыном благополучно, и преисполнившись решимости поскорее с ним встретиться, пожелал Амарадатта немедленно отправиться в путь. Сел он с царицей на слона и с царями, ему подвластными, и с министрами, и с войском из слонов и всадников выступил из Айодхьи. Немного прошло дней, и ничто ему в пути не препятствовало — вскоре достиг Амарадатта лагеря сына в стране правителя шабаров. Узнав об этом, поспешил ему навстречу заждавшийся Мриганкадатта со всеми царями и друзьями. Только завидя отца, соскочил он с коня и припал к стопам родителей, сошедших со слона. И вот уже обнял его отец: тело наполнило руки, любовь — сердце, слезы — глаза. Обняла его и мать, долго тосковавшая в разлуке с ним и теперь снова и снова вглядывавшаяся в лицо сына, — никак не могла она отпустить его от себя, словно страхась новой разлуки.

Склонились перед Амарадаттой и царицей цари и друзья Мриганкадаты, имена которых он назвал отцу, и все царские жены с любовью приветствовали друзей своего единственного сына, не оставивших его в беде. Когда же вступил Амарадатта в столицу царя Маябату, увидел он и невестку свою, склонившуюся к его стопам. Приняв дары, царь с женой и невесткой вернулся к себе в лагерь, и там совершил трапезу вместе с сыном и со всеми царями, и счастливо провел тот день, наслаждаясь пением и танцами, — считал он, что достиг цели жизни благодаря тому, что сын его Мриганкадатта обрел такую славу.

В это время мудрый царь Кармасена посоветовался со своим министром и отправил к Мриганкадате посла, поручив передать царевичу вот что: „Раз, почтенный, не прибудешь ты в Удджайи-

ни, то посылаю я к тебе сына моего Сушену — он, как положено, отдаст тебе в жены свою сестру Шашанкавати, так что будет свадьба совершена без нарушения обычая, о безупречный, если считаешь ты нашу дружбу“. Так было написано в послании, и так было велено послу передать царевичу на словах. И когда Мриганкадатта в отцовском шатре выслушал послание, его отец сам дал ответ послу: „Кто еще, кроме царя Кармасены, может произнести такие прекрасные слова? Любит он нас и уважает и потому пусть присылает своего сына Сушену, а мы все сделаем, чтобы свадьба свершилась как положено“. С таким ответом Амарадатта отправил посла Кармасены, должным образом почтив его, а сам обратился к сыну и Шрутадхи, а также и ко всем царям: „Отправитесь вы теперь в Айодхью — там достойнее будет отпраздновать свадьбу и принять Сушену! Царь Маябату дождется здесь Сушену, а когда тот придет, пусть поспешает с ним в Айодхью! Мы же направимся туда пораньше, потому что нужно как следует подготовиться к свадьбе“. И все согласились с тем, что сказал царь.

На другой день все, добившиеся успеха, — великий царь Амарадатта вместе с царицей, Мриганкадаттой, Шашанкавати, царями, министрами и воинством, — оставив Маябату дожидаться Сушену, отправились в путь. И движение войска было подобно движению могучего и грозного океана, где волнами вздымались бесчисленные ряды скакавших всадников, а несметные полчища пеших воинов двигались бесконечными шеренгами, заполняя все страны света, и из-за гула идущего войска неслышными были какие-либо иные звуки. Тучи пыли поднимало войско, и земля спутала день с ночью, а из-за того, что покрыта она была подобными грозным тучам яростно ревущими слонами, стала сама похожей на небо. Так продвигаясь путем-дорогой, отец с сыном достигли дворца повелителя киратов Шактиракшиты. Остановились они там на один день отдохнуть, а Шактиракшита и отца, и сына, и их министров, и слуг одарил богатыми дарами — драгоценными камнями, золотом и одеждой — и всех угостил. А затем снова двинулись они в путь и со временем достигли города Айодхьи. Вступили они в него, словно в озеро, по которому точно от ветра ходили волны от развевающихся знамен и над которым летали красные гуси. Дворцы же, крыши которых были усеяны непередаваемой красоты горожанками, казалось, покачивались, будто расцветшие на этом озере лотосы, и опушенные ресницами глаза красавиц, жаждущих узреть царевича, возвращавшегося после долгого отсутствия, да еще с невестой, трепетали, будто белые лилии под порывами ветра. Приветствовали вернувшихся горожане, благословляли юную чету брахманы, воздавали им хвалу поэты, и пели славу странствующие певцы.

„Если б видели Океан и Химават дочь Кармасены, то перестал бы Океан гордиться своей дочерью Лакшми, а Химават — своей Гаури!“ — так восклицали люди, потрясенные безупречной

красотой Шашанкавати. И тогда рокошующие звуки благовестных карнаев огласили все страны света, словно оповещая о начале праздника, и город, охваченный восторгом, казалось, пустился в пляс, окутанный облаками шафрана, как бы выражая этим цветом силу своего чувства.

На другой день после того, как звездочеты определили благоприятный для свадьбы час, царь Амарадатта приготовил все нужное для нее и наполнил город всяческими драгоценностями, добытыми из разных стран, и стала Айодхья подобна Алаке, столице бога богатств Куберы. А вскоре радостно возвестил страж, стоявший у входа, о прибытии гонца от Маябату, и гонец тот сообщил Амарадатте: „Божественный, царевич Сушена и царь Маябату уже достигли пределов Айодхьи“. Услышав такую весть, тотчас же послал Амарадатта своего полководца с войском навстречу Сушене, а вместе с ним поехал и царевич Мриганкадатта, полный искренне дружеских чувств. Еще издали заметив друг друга, Сушена и Мриганкадатта спешили, бросились навстречу, и крепко обнялись, и осведомились о здоровье, и из любви друг к другу встали на одну колесницу, и въехали в город, доставляя великий праздник очам горожанок.

Повидался Сушена с царем и был им весьма почтен, а потом пошел в покои к Шашанкавати, а она кинулась к нему и вся в слезах обняла брата, а потом они сели, и Сушена сказал сестре, мучимой стыдом: „Передаст тебе батюшка — ничего, мол, недостойного, ты, доченька, не сделала. Стало мне теперь ведомо, что был царевич Мриганкадатта предречен тебе самой Амбикой в мужья, а высший долг для жен — во всем следовать мужу“. И когда он сказал это, задумалась она, а потом молвила, потупясь, своему брату: „Вот и исполнилось предназначенное!“ — и отбросила стыд. Тогда Сушена отвел сестру к царю и в его присутствии передал Шашанкавати ее личные богатства — две тысячи нош золота да пять верблюдов, тяжело груженных драгоценными камнями и украшениями да золотой утварью, и сказал: „Это то, что твое, а уж то, что батюшкой послано, в подходящее время возложу я на свадебный алтарь“. И затем совершили они трапезу вместе с царем, и Мриганкадатта и прочие радостно провели тот день.

А наавтра как раз наступил день, предсказанный звездочетами. И когда занялся тот день, взволнованный Мриганкадатта совершил омовение и все, что полагалось. Женщины же нарядили Шашанкавати только потому, что таков обычай, хотя сама красота служила ей достаточным украшением. Затем вышли жених и невеста из покоев, где их убирали и наряжали, и, предводительствуемые Сушеной, вступили на алтарь, где уже горел огонь для жертвы. Взял царевич руку царевны, украшенную лотосом, который она держала, как Ачьюта некогда взял руку Лакшми, и, когда обходили жених и невеста огонь, то ли от зноя, то ли от дыма, хотя и не было никаких причин для огорчения, увлажнилось лицо Шашанкавати слезами. Были брошены в огонь с пожеланием

счастья пригоршни обжаренных зерен, и были опи подобны улыбкам бога любви, радующегося успеху своих усилий. Как только была брошена в огонь первая пригоршня, Сушена отдал пять тысяч коней и сто слонов, двести нош золота и девяносто слоних, несущих на себе вьюки с украшениями, жемчугами, драгоценными камнями и нарядными одеждами. Со всякой следующей пригоршней брат невесты давал больше этого богатств, добытых завоеванием земли.

Когда же умолкли трубы радостного празднества, Мриганкадатта, счастливый тем, что свершилась свадьба, вошел с Шашанкавати в свой дворец, а его отец наградил, как полагалось по чину, слонами, конями, драгоценностями, украшениями, едой и питьем всех — от царей, поселян и горожан вплоть до попугаев и скворцов, живших во дворце. И до того простерлась его щедрость, что даже деревья, на ветви которых были привязаны одежды и повешены украшения, стали походять на пожелайдереву, по ошибке выросшее на земле.

После этого раджа Амарадатта с Мриганкадаттой и Шашанкавати, с царевичем Сушеной и с другими царями вернулись во дворец и провели остаток дня, развлекаясь питьем и беседой, и, после того как все, насладившись представлениями, состоявшими из танцев и музыки, отменно напившиеся и наевшиеся, разошлись по своим домам, Солнце, завершившее дневной путь и вкусившее соков земли, удалилось в пещеру горы Заката, и Слава дня, заметив, что Солнце куда-то исчезло с Сандхьей, девой сумерек, словно воспылав новой страстью, поспешила вслед за ним, распаленная ревностью, в колышущемся опояске из птиц. А затем, видя все это, явилась игривая Ночь в развевающемся наряде из тьмы, и лицо ее было полно любви, а мерцающие очи подобны звездам. Склон же горы Восхода посветлел, словно припорошенный свежим шафраном, и месяц, родной брат уголка глаза разгневанной красавицы, обратил свой серп в анк, занесенный над слоновьей головой, и тот, подобный юному побегу лианы страсти, рассеял тьму и заставил лицо Востока улыбнуться.

Совершив вечерние обряды, вошел почью Мриганкадатта с обвенчанной Шашанкавати в опочивальню, украшенную драгоценным ложем, и сияние луноподобного лица его возлюбленной рассеяло ночной мрак и озарило расписанные картинами стены — и непужным стало сияние драгоценных светильников. Опустился он с ней на ложе, и обнял возлюбленную, и, заключив в объятия, поцелуями и покусыванием ее нижней губки постепенно усыпил ее стыдливость. И только успела она прошептать: „Не надо, не надо!“, как уже был снят драгоценный пояс с ее бедер. И царевич вкусил давно ожидавшееся им блаженство, истинный восторг юной страсти, и наслаждался луноподобным лицом возлюбленной с полузакрытыми очами и разметающимися локонами, а под конец тело ее, утомленное ласками, расслабилось, и на нем почти не осталось следов умащений. И той любовной игрой словно была

истреблепа ночь, а страсть их возросла, умноженная желанием, порожденным блистательным праздником любви...

Проснись, о юноша! Ведь миновала ночь,
И дуновение утреннего ветра колышет
Возлюбленной твоей разметанные кудри.
Проснись, проснись и отряхни истому страсти!
Взгляни, сверкают дивным блеском
Рожденные росой жемчуга,
Просыпанные нынче Ночью,
Когда она за Месяцем спешила
И впопыхах рванула ожерелье.
Взгляни! Иссиня-черная пчела,
Упившись белых лотосов медвяным соком,
Пока под лаской лунного сиянья
Открыты были, теперь их покидает —
Они уже закрылись, и их померкла красота!
Так черная душа, ограбив дом,
Спешит к другому поживиться.
Открой же очи — сам бог любви,
Заметив, что Светоч дня свой палец положил
На губы Ночи, торопится с ее чела
Сорвать серп Месяца... И тьма
Растаяла бесследно...

Такими сладостными песнями, распеваемыми придворным певцом на заре, пробужденный, Мриганкадатта отпустил из объятий своих Шашанкавати и, стряхнув сон, которому он предался усталый после всех любовных наслаждений, покинул ложе. Поднялся он и выполнил дневные дела, для которых отец его уже сделал все приготовления.

Так провел царевич много дней в радостных празднествах со своей возлюбленной. Затем царь Амарадатта, его родитель, повязал царевичу Сушене почетный тюрбан, и помазал его на царство в подаренном ему и достойном его уделе, и, одарив слонами, конями, ношами золота и одеждами, дал ему еще вдобавок сто прекрасных женщин. Оказал он честь и правителю шабаров Маябату, царю киратов Шактиракшите, их родичам и женам, повелителю полчищ матангов Дургапишаче, министрам Мриганкадаты, а также брахману Шрутадхи и наделил их уделами, коровами, конями, золотом и одеждами. А потом отпустил он всех царей во главе с владыкой киратов и Сушену в их страны и, довольный геройством сына, счастливо правил царством. Мриганкадатта же, одолев недругов и обретя долгожданную Шашанкавати, в радости жил вместе со своими министрами — Бхимапаракрамой и прочими.

Шло время, и однажды, подкравшись, припала к уху царя Амарадатты его Старость, словно обратившись во плоть, и прошептала: „Наслаждался ты счастьем, преклонны года твои, настал срок уйти от дел“. Тогда отвратил он дух свой от наслаждений и молвил министрам: „Соблаговолите выслушать то, что сообщу вам и что должно быть выполнено, ибо лежит это у меня на сердце. Подходит век мой к концу, и седина, вестник его, уже прокралась в мои волосы. Когда старость приходит и притупляется вкус к радо-

стям жизни, людям, мне подобным, недостойно предаваться наслаждениям. Если с преклонными годами увеличивается жадность, то присутствует подобное чувство лишь у низких людей. И не должны добродетельные им подражать. Есть у меня сын, прославившийся по всей земле победой над царем Аванти и союзными ему царями, исполненный добродетелей Мриганкадатта, любимый народом и наделенный добрыми друзьями. Ему передам я царство, а сам уйду в святые места и стану подвижником. Жить соответственно возрасту всегда достойно — даже враги не осудят за это“.

Такую хорошо обдуманную речь повелителя земли внимательно слушали рассудительные министры, и со временем все, начиная от царицы и кончая горожанами, с ним согласились. Тогда царь вместе с мудрейшими из брахманов в благоприятный день, определенный звездочетами, совершил церемонию помазания на царство сына своего Мриганкадатты. И был в этот день царский дворец полон людей, снующих туда и сюда по повелению устроителя церемоний, и были все чины во дворце заняты хлопотами, и сам дворец гудел, словно в радости, от плясок лучших танцовщиц и песнопений странствующих поэтов. Когда пролилась на головы Мриганкадатты и его жены вода из священных рек, излились на них потоки радости из очей отца и матери, а когда вступил он, мощью подобный льву, на львиный трон, все недруги его, казалось, начали пресмыкаться перед ним, опасаясь возбудить его гнев.

Семь дней продолжался великий праздник, во время которого был нарядно украшен царский путь, а повелители людей, собравшиеся в Айодхье, были вознаграждены в соответствии с достоинством каждого. На восьмой день вместе с супругой покинул Амарадатта свою столицу и, заставив повернуть обратно обливающихся слезами Мриганкадатту и горожан, провожавших его, сопровождаемый преданным министром, отправился в священный город Варанаси. Там он, омываясь в водах Ганги, вместе с супругой совершал трижды в день приношение Погубителю Трипуры, питался плодами и кореньями и совершал тяжкие подвиги веры.

Мриганкадатта же взошел на трон, как блистательное солнце восходит на бескрайнее и чистое небо, и, подобно тому как лучами своими оно охватывает все горы, он, обложив всех царей данью, стал сверкать нарастающей мощью. Вместе с Маябату и другими союзными с ним царями, и с царем Кармасеной, и со своими министрами, и с брахманом Шрутадхи, пройдя по земле из края в край, собрал он под один зонт все четыре страны света и правил ими. И при нем только в сказаниях о прежних, давно прошедших годах существовали такие беды, как опасение вторжения, нападение разбойников или нищета, — наслаждалась земля счастьем и радовалась, словно вновь наступили благодатные времена справедливого правления добродетельного Рамы. Долго верховный повелитель Мриганкадатта, утвердившийся со своими министрами в Айодхье, куда со всех сторон стекались цари, жаждущие почтить прикосно-

вением лотосы его стоп, наслаждался вместе со своей женой счастьем, не омраченным врагами».

Такую повесть поведал мудрый Пишангаджата в лесу на горах Малая царевичу Нараваханадатте, тоскующему в разлуке, и молвил: «Подобно тому как Мриганкадатта, претерпев множество злоключений, обрел Шашанкавати, так и ты, сынок, добудешь Маданаманчуку». Когда выслушал Нараваханадатта эту сладостную речь из уст величайшего из мудрецов, в сердце его вселилась уверенность, что обретет он Маданаманчуку. Всеми помыслами сосредоточившись на ней, попрощался царевич с Пишангаджатой и стал бродить по горам Малая в надежде найти приведшую его в эти края и потерянную Лалиталочану.

КНИГА О МАДИРАВАТИ

ВОЛНА СТО ЧЕТВЕРТАЯ

И да пошлет вам благо Сокрушитель препятствий, вместе с которым в сумерках между югами пританцовывает, то вздымаясь, то опускаясь, вселенная! Да будет ниспослано вам счастье благосклонным взором третьего ока Шивы, который измазан лаком прикоснувшейся к нему ступни Гаури!

Мы поклоняемся Сарасвати, воплощению речи, доставляющей радость ценителю, этой пчеле, устроившей свое жилище в лотосе духа величайшего поэта.

Истомленный разлукой, все еще не нашедший Маданаманчуку, сын царя ватсов Нараваханадатта скитался у подножий гор Малая и в раскинувшихся по их склонам лесам, прекрасным весной, но нигде не мог он найти свою Рати. И мнилось ему, что нежный побег манго, усеянный пчелами, — это тетива лука Камы, и чув-

ствовал он, будто стрелы, спущенные с той тетивы, пронзают его сердце. И невыносимо было уху царевича слышать сладостный призыв кояла, похожий на укоры бога любви. И даже прохладный, желтоватый от цветочной пыльцы ветерок с вершин гор Малая, когда прикасался к его телу, казалось, обращался в пламя страсти. И покинул в конце концов истомленный разлукой Нараваханадатта кущи, наполненные оглушающим гулом пчелиных роев.

Шел он и шел, охраняемый богами, устремляясь к Ганге, и, выйдя на опушку леса, оказался у озера, на берегу которого сидели под деревом два красивых юных брахмана, погруженных в беседу, а те, заметя его, похожего на Мадану, поклонились и так ему сказали: «Слава тебе, владыка! Скажи, о цветолукий бог, как случилось, что бродишь ты здесь, лишенный своего лука, сделанного из цветов? И где же твоя спутница Рати?» А им на это ответил сын повелителя ватсов: «Нет, не Кама я, а просто человек! Но истинно пропала моя Рати!» И он им рассказал все, что с ним случилось, и, в свою очередь, спросил их: «А кто вы и о чем ведете здесь беседу?» Тогда один из них смиренно ответил: «Как можем мы, достойный, перед подобным тебе раскрыть нашу недостойную тайну? Но все же расскажу я о ней, ничего не тая, из уважения к твоей просьбе, а ты соблаговоли выслушать».

И первый из них поведал о том, чей он сын, как учился и как из-за жестокой засухи пришлось его семье переселиться в другой город. Случилось так, что очень подружился он с одним из соучеников своих, увидел его сестру Мадиравати, да и влюбился в нее. Стала у них разгораться любовь, и от взаимных посещений их страсть с каждым днем разгоралась все сильней и сильней. Да посватался к ней сын знатного кшатрия из Удджайини, и вот и день для свадьбы определен, и уже дружки и родня жениха под звуки труб и рогов вступили в дом невесты, и решил тогда брахман повеситься — лучше умереть, чем жить в разлуке. Пошел он к храму Семи Матерей, сделал петлю, прыгнул и потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел, что лежит на руках у незнакомца. Укорил его брахман за нежеланное спасение, а тот, его отругав, сообщил, что с ним самим случилось.

А было с ним так, что во время большого праздника довелось ему увидеть девушку, краше которой быть не может, и глаза их встретились, и Кама сразил их обоих. Спас он ее от бешеного слона, да тут же в суматохе и потерял. Впал он из-за этого в полное отчаяние, да кто-то из соучеников стал его бранить и бросил ему: «„Предприимчивый и энергичный человек благодаря добрым делам в прошлых рождениях, обладающий умом и рассудительностью, достигает и богатства и любви, не то что трус вроде тебя!“ После этого на следующий же день отправился я ее искать и добрался до этого города, а тут и пришлось вызволить тебя из петли».

Пока они так беседовали, пришла к этому храму Мадиравати в сопровождении родни, чтобы принести жертву Каме, а когда все ее оставили, решила покончить с собой и стала готовить петлю. Вот тогда пришеллец не только помог удержать ее от этого шага, но и, одев ее свадебные наряды, дал брахману возможность обрести его возлюбленную и бежать в город Ачалапуру. Счастливо он там жил, но не давала ему покоя мысль, что же случилось с его спасителем. Пошел брахман совершать омовение и неожиданно встретил своего друга.

Поблагодарив первого брахмана за его рассказ, Нараваханадатта по-

просил второго поведать, как ему удалось выпутаться из столь нелегкого положения. И тот рассказал, что, пока он сидел в свадебных одеждах Мадиравати, вошла одна из ее подруг, и на челе ее лежала печаль. Выпроводив всех, подседа она к мнимой невесте и молвила: «Нет горя большего, чем твое, Мадиравати,— любишь одного, а отец отдает тебя другому! Но ты все о нем знаешь, и, может, вы встретитесь». Тут она поведала Мадиравати о том, как ее спасли от слона и как исчез ее спаситель, и прошептала: «Наступает мой смертный час — вот почему хочу я полюбоваться тобой!» И при этом, взглянув на мнимую подругу, вдруг узнала в ней своего спасителя, и решились они тотчас же бежать и долго пробирались сквозь глухой лес, да, на их счастье, встретили вождя шабаров, приютившего их, а потом помогшего влюбленным выбраться из леса. После долгих странствий пришли они наконец на берег священной реки, собрались совершить омовение, да тут все и встретились.

Так завершил рассказ второй брахман. И пока сын повелителя ватсов всячески восхвалял его, достигшего желанной цели благодаря своей незапятнанной добродетели, министры царевича во главе с Гомукхой после долгих поисков наконец увидели Нараваханадатту, а он их, склонивших к его стопам лица, омытые слезами радости, учтиво и с почтением приветствовал. После этой встречи царевич со всеми министрами, и Лалиталочаной, и еще с двумя брахманами, знающими пути к достижению доброй цели, вернулся в свой город.

КНИГА О ПЯТИ КРАСАВИЦАХ

ВОЛНА СТО ПЯТАЯ

Да одарит вас желанным Исполнитель желаний, супруг Парвати, от полноты блаженства отдавший ей половину своего тела!

Да охранит вас устремляющийся ввысь, покрытый шафраном, обращающийся в коралловую ручку для зонтика из лунного диска, хобот Устранителя препятствий, несущегося в бешеном танце во мраке ночи!

Нараваханадатта, сын властителя ватсов, обретший в жены красавиц, покоряющих все три мира, и главную среди них Маданаманчуку, стал жить вместе с Гомукхой и прочими министрами в Каушамби, и все его желания исполнялись благодаря неистощимым богатствам его отца. Так проходили его дни, полные счастья общения с желанной супругой, в наслаждении танцами, песнями, рассказами и беседами.

Однажды случилось так, что не нашел он Маданаманчуки в женских покоях, и никто из слуг не знал, где она. Не видя любимой, побледнел царевич, как бледнеет на заре Месяц, убитый разлукой с Ночью. И душа его в жажде узнать, что случилось, обуреваемая была сомнениями: «Уж не спряталась ли куда-нибудь милая, чтобы подвергнуть испытанию мои чувства к ней? Уж не прогневалась ли она из-за какого-нибудь моего ничтожного прегрешения? Уж не похитил ли ее кто-нибудь, окутав майей?» И раздирало душу ему множество подобных тревог. Тщетно разыскивал он ее и почему-то нигде не мог найти, и беспощадно палил его полыхающий, как лесной пожар, огонь разлуки. Пришел его отец, повелитель ватсов, узнав, что случилось, и мать царевича, и его министры, и слуги — все встревоженные. Ни жемчуг, ни сандаловые умещения, ни лунные лучи, ни нежные лепестки и волоконца лотоса не только не могли смягчить непрестанно возрастающую боль, а, напротив, еще больше усиливали его терзания от разлуки с любимой. Калингасена же, внезапно потерявшая дочь, уподобилась видьядхари, утратившей волшебное знание. И тогда рассказала Нараваханадатте — и все присутствовавшие слышали это — одна старая прислужница из антахпура:

«Еще будучи девушкой, Маданаманчука как-то гуляла по крыше дворца, и заметил ее некий юный видьядхара и, тотчас же спустившись с небес, и приблизясь к Калингасене, и назвав свое имя — а звали его Манасавега, — попросил: „Соблаговоли отдать мне в жены твою дочь“. Но она ему отказала, и он ушел, как и пришел. А не он ли теперь, тайком явившись, обманом похитил Маданаманчуку? И хотя божественные существа не покушаются на похищение жены другого, но кто в ослеплении страсти различает правую дорогу от неправой?» При таких ее словах сердце Нараваханадатты вскипело от возмущения, неожиданности и боли разлуки и затрепетало, словно лотос на волнах.

И промолвил тогда Руманват: «Со всех сторон охраняется этот город — ни войти, ни выйти из него нельзя, разве что по воздуху. По милости Шивы ничего нежелательного не может случиться с нею. Наверное, где-нибудь здесь спряталась она из-за любовной обиды. Соблаговолите послушать вот какую историю: „Жил в давние времена мудрец Ангирас, который попросил себе в жены Савитри, дочь Аштавакры, но, хотя и обладал он многими достоинствами, не отдал отец ее ему в жены, потому что раньше была она обещана другому. Тогда Ангирас взял себе в жены дочь своего брата, имя которой было Ашрута, и счастливо жил с ней, но та знала, что прежде желанна была ему Савитри.

Однажды долго молился мудрый Ангирас, произнося про себя молитвы, и тогда приблизилась к нему Ашрута и почтительно спросила: „О ком ты, благородный, так долго думаешь, скажи мне!“ И ответил он на это Ашруте: „Размышляю я, милая, о савитри“. Та же, решив, что по-прежнему думает он о Савитри, до чери мудреца, очень разгневалась. „Вот злосчастный!“ — поду-

мала она и, решив покончить с собой, поспешила в лес. А там, помолвившись о счастье для мужа, набросила себе на шею петлю, но тут раздался предостерегающий голос: „Не торопись, дочь моя, не о женщине твой супруг думал, а обо мне, о савитри!“ И явилась перед ней сама Гаятри с четками из орехов и с чашей для подаяния, и, сострадательная к преданным, сняла с ее шеи петлю, успокоила и исчезла. Потом разыскал Ангирас жену и привел из леса домой. Нестерпимо для земных женщин нарушение их привязанности! Так что и Маданаманчука, разгневанная из-за какого-то незначительного твоего проступка, где-нибудь спряталась здесь, оберегаемая самим Шамбху. Следует нам поискать супругу царевича!»

Закончил рассказ Руманват, и молвил тогда повелитель ватсов: «Так и есть — ведь ничто дурное не должно с ней случиться. Не может же быть ложным благовестие с небес: „Вот назначенная богом в жены Нараваханадатте, воплощению Камы, Маданаманчука, сошедшая на землю Рати. Уготовано ему править видьядхарами целую божественную кальпу, и она будет вместе с ним“. Следует хорошенько поискать ее». И когда сам царь так сказал, Нараваханадатта, хоть и был сильно расстроен, отправился на поиски, но, где бы ни высматривал он ее, нигде не мог найти и, куда бы ни шел, был словно в беспамятстве. Приближался он к ее полям, но двери их были закрыты — словно от горя при виде его отчаяния сомкнули они веки. А лесные деревья в рощах, когда он их спрашивал, размахивали ветвями-руками: «Нет, не видели мы ее, твою возлюбленную!» И лебеди в садах, когда вступал он туда в поисках своих, как бы говорили ему, взлетая в небо: «Нет, не была она здесь!» И искали вместе с царевичем Маданаманчуку его министры: Марубхути, Харишикха, Гомукха и Васантака.

А тем временем девушка из видьядхаров по имени Вегавати, видевшая прелестную Маданаманчуку, приняла ее облик и притаилась на опушке леса под деревом ашоки. Блуждая по лесу в поисках Маданаманчуки, заметил ее Марубхути, и тотчас сам вид красавицы извлек копьё тревоги, пронзившее его сердце. Поспешил он, радостный, к Нараваханадатте и крикнул ему: «Успокойся! Нашел я твою любимую в лесу!» И бросился туда обрадованный Нараваханадатта вместе с ним, и, измученный разлукой, увидел Маданаманчуку, и кинулся к ней, как истомленный жаждой путник бросается к потоку воды. Вот хочет он, истосковавшийся, обнять ее, а она, плутовка, жаждущая сделать его своим мужем, и говорит: «Ты меня не трогай, а слушай, что я тебе скажу. Ради того, чтобы тебя добыть, посулила я якшам, что во время свадьбы своею рукой принесу им жертву, но, повелитель жизни моей, забыла тогда сделать это. Разгневались якши и похитили меня, а теперь принесли сюда и отпустили, наказав при этом: „Ступай, снова устрой свадьбу и принеси нам жертву, и только так — не иначе! — обретишь ты себе супруга, и да будет тебе благо“. Так поспеши же снова совершить свадебный обряд со

мною, и тогда я сотворю жертву, желанную якшам, а после этого утолишь ты свое желание».

Выслушав это, Нараваханадатта немедленно позвал пурохиту Шантисому, и тотчас же были сделаны все необходимые приготовления, и был царевич, обманутый разлукой с возлюбленной, соединен с мнимой Маданаманчукой — видьядхари Вегавати. И повелитель ватсов вместе с царицей возрадовался торжеству, и Калингасена радовалась празднику, звеневшему голосами разных музыкальных инструментов. И эта видьядхари, прикинувшаяся Маданаманчукой, своими руками принесла жертву якшам вином, мясом и прочим.

Нараваханадатта же, находясь вместе с нею в покоях, торжествующий, отведал хмельного питья, хоть охмелел он еще до того от ее голоса, и после изведали они счастье живых существ, когда удалился он с нею, изменившей облик, как повелитель дня с тенью. И тут говорит она ему: «Пока сплю я, любимый, не открывай моего лица и не смотри на меня». А он подумал: «Почему бы это?» — и из любопытства на следующий день, взглянув ей в лицо, пока она спала, обнаружил, что это не Маданаманчука, а какая-то другая женщина, принявшая ее облик, но во сне утратившая способность удерживать его.

И вот сидел он подле нее, бодрствующий, и она проснулась, и он спросил ее: «Кто ты? Скажи правду!» Она же, мудрая, очнувшись от сна и увидав, что царевич сидит около нее, поняла, что раскрыт ее секрет, и заговорила: «Слушай же, скажу я тебе всю правду, любимый.

Есть в царстве видьядхаров гора, называемая Ашадхапура. Живет там царь видьядхаров по имени Манасавега, гордящийся силой своих рук, сын царя Вегаваты, а я — младшая сестра Манасавеги, и имя мое — Вегавати. Но так ненавидит меня брат, что не захотел он дать мне своих волшебных знаний. Тогда я с большим трудом получила эти знания от отца моего, удалившегося в лес, населенный подвижниками, и стала много сильнее, чем кто-либо из видьядхаров. Видела я несчастную Маданаманчуку, окруженную стражниками, в саду у моего брата на горе Ашадхе. Была она обманом похищена им, как Раваной — несчастная Джанаки, супруга благородного Рамы. Она, добродетельная, отвергла его посягательства, а ему нельзя было взять ее силой, потому что лежит на нем проклятие — если возьмет женщину силой, то умрет. Тогда, чтоб ее вразумить, мой брат-злодей решил воспользоваться моей помощью. Пошла я к ней и стала ее уговаривать, но ничего она не слушала, а только рыдала по тебе. В беседе с ней прозвучало твое имя, словно веление бога любви, и с той поры ни о ком я, кроме тебя, не помышляла. И припомнилось, что однажды Деви сказала, явившись мне во сне: „Тот станет мужем твоим, от одного звука имени которого тебя охватит любовь!“ Вспомнив об этом, приняла я облик Маданаманчуки и пришла сюда. С помощью такой уловки стала я твоей супругой. Так ступай же теперь туда,

где находится Маданаманчука, а я тебя, повелитель дыхания моего, охваченная состраданием к ней, отведу. Она тебе любезна, но и я ведь теперь твоя, и стали мы с ней соперницами. Совсем забыла я о себе, но что же делать, когда любовь обратила меня в твою рабу и служанку соперницы?»

И, вымолвив это, силой волшебства взвилась она в ночное небо, взяв с собой Нараваханадатту. А пока летели они в поднебесье, наступило утро, и слуги, не видя ни мужа, ни жены, переполошились, и, узнав об их исчезновении, повелитель ватсов, Васавадатта, Падмавати и прочие были поражены, словно ударом грома. Встревожились Яугандхараяна, и все министры, и их сыновья во главе с Марубхути, и горожане, и тогда, словно новое солнце, спустился с неба на землю окруженный сиянием мудрый Нарада: «Увела его видьядхари в свою страну, но скоро вернется твой сын, а я послан держащим трезубец богом, чтобы тебя подбодрить».

После же того, как мудрец закончил свою речь, принес повелитель ватсов Нараде жертву почтения, а мудрец поведал во всех подробностях о жизни Вегавати. И так успокоив всех, он исчез. Тем временем Вегавати доставила Нараваханадатту на гору Ашадхапуру. Проведав об этом, в жажде уничтожить обоих ринулся на них Манасавега, и тогда началась битва волшебных знаний между братом и сестрой, ибо для всех женщин не родственники, а супруг дороже жизни.

И силой волшебства своего приняла Вегавати облик свирепого Бхайравы и, лишив Манасавега памяти, бросила его на огнедышащую гору, а затем, поручив Нараваханадатту вначале одному из волшебных знаний, затем отвела его в Гандхарвапур, и поместила для безопасности в высохший колодец, и при этом сказала: «Побудь пока здесь, благородный, и да будет тебе благо! И пусть не будет тревоги в твоей душе, сосуд счастья, ибо предуготовано тебе быть верховным повелителем всех видьядхаров. А сейчас должно мне исцелить мои знания, пострадавшие во время подлого нападения старшего брата, но скоро я вернусь к тебе». Промолвив так, куда-то улетела Вегавати.

ВОЛНА СТО ШЕСТАЯ

Пока Нараваханадатта сидел в этом колодце, увидел его некий гандхарва, по имени Винадатта. Если б не было на свете великодушных, цель жизни которых — заботиться о благе другого, подобных придорожным деревьям, избавляющим путников от палящего зноя, был бы мир подобен иссохшему лесу! Этот добряк спросил у Нараваханадатты о роде и племени и, протянув руку, вытащил его из колодца, а затем спросил: «Ведь ты человек, а не бог, — скажи, как же сумел ты попасть в город гандхарвов, недоступный для людей?» Ответил ему Нараваханадатта: «Силой волшебства принесла меня сюда видьядхари и оставила в этом колодце».

И тогда добродетельный Винадатта, видя, что царевич обладает приметами истинного верховного повелителя, привел его к себе домой и угождал всем, чем был богат.

На следующий день заметил царевич, что все жители города носят с собой вины, и спросил у Винадатты: «Почему здесь у каждого, даже у малых детей, в руках вина?» А тот ему ответил: «Живет здесь царь гандхарвов Сагарадатта, а у него есть дочь, имя которой Гандхарвадатта, обрекающая своей красотой небесных дев на унижения. Тело ее — воплощение мастерства творца в создании совершенства красоты, словно сочетавшего в ее плоти амриту, свет луны, сандал и тому подобные прекрасные вещества. Она всегда поет, подыгрывая себе на вине, песню, пожалованную ей самим Вишну, и благодаря этому стала весьма искусной в музыке. И решила она: „Тот, искусный в музыке, кто с равным искусством сможет спеть хвалебную песню Вишну в трех октавах, подыгрывая себе на вине, тот и будет моим мужем“. Потому-то здесь все учатся играть на вине, но пока еще никто не стал таким искусным». С радостью услышал это царевич от Винадатты и сказал ему: «Все девы искусств сами избрали меня в мужа, и ведома мне любая музыка в трех мирах».

Когда Нараваханадатта молвил это, подружившийся с ним Винадатта отвел его к царю Сагарадатте и сказал: «Вот Нараваханадатта, сын повелителя ватсов, заброшенный в твой город рукой видьядхари. Он — великий знаток музыки и знает хвалебную песню Вишну, которую так любит Гандхарвадатта». Ответил царь: «Истинно, я и сам об этом слышал от гандхарвов, и сегодня почет для нас принять его. Видно, есть в нем частица божества, иначе как бы попал он в страну нашу, доступную только богам! Будь он человеком, как бы мог он с помощью видьядхари попасть сюда? Пусть позовут сюда Ганхарвадатту, и будем мы свидетелями чудесного». Только выговорил он это, как поспешили придворные за Гандхарвадаттой.

Пришла она, прекрасная, сверкающая украшениями, сделанными из цветов, полная юного задора, словно ветром приводящая в движение лиану желаний, и села подле отца, и по ее слову тотчас же слуги рассказали, что случилось, и она запела, подыгрывая себе на вине, и, когда, подобно супруге Брахмы, сплетала звуки в созвучия, поражен был Нараваханадатта и пением ее, и ее красотой. Но сказал он: «Кажется мне, царевна, что не очень хорошо звучит твоя вина. Видно, волосок попал под струну». После таких слов царевича бросились смотреть вину и действительно нашли волосок.

Тут уж все гандхарвы пришли в крайнее изумление. И тогда царь взял из рук дочери вину и передал ее царевичу с просьбой: «Возьми вину, царевич, и пролей нам в уши поток амриты!» Запел Нараваханадатта хвалебную песнь Вишну, да так, что все гандхарвы замерли от удивления и стали как нарисованные, а Гандхарвадатта бросила на него исполненный нежности взгляд,

подобный венку из широко раскрывшихся синих лотосов, избирая царевича себе в мужья. Заметил это царь и вспомнил, что случившееся соответствует его обещанию, и отдал Гандхарвадатту царевичу в жены, и была под гром небесных барабанов сыграна их свадьба. Сравнить же это неподобное торжество ни с чем нельзя, раз уж стало оно мерилом для всех прочих торжеств. Стал затем жить Нараваханадатта, наслаждаясь с Гандхарвадаттой божественными радостями.

Однажды пошел он полюбоваться городом, и посмотрел разные места, и наконец вошел в сад за его стенами, и там увидел спускающуюся с небес божественную женщину с дочерью, подобной сверкнувшей среди безоблачного неба молнии, сопровождаемой дождем, а эта женщина, увидев его и узнав благодаря своему знанию, кто он, промолвила, обратившись к дочери: «Вот, милая, сын повелителя ватсов, твой будущий муж!» Когда же приблизилась она, спросил царевич эту божественную женщину: «Кто ты и зачем сюда пришла?»

И та божественная женщина, думая о своей цели, молвила ему: «Я — супруга видьядхарского царя Девасинхи, а зовут меня Дханавати, а это — дочь моя, сестра благородного царевича Чандасинхи, и имя ей — Аджинавати, и небесным благовестием предсказано, что ты станешь ее мужем. Узнав благодаря своим знаниям, что принесла сюда Вегавати будущего верховного повелителя видьядхаров, пришла я, чтобы самой сообщить благородному о своем желании. Не следует тебе оставаться в месте, легкодостижимом для видьядхаров, — ведь они из ненависти могут убить тебя, пока еще не достиг ты предначинанного поста, — и гулять одному. Поэтому идем с нами, доставим мы тебя туда, куда нет им доступа. Разве не откладывает появления своего на небе Месяц, когда затмевается Солнце? Когда же наступит подходящий день, то возьмишь ты в жены мою дочь!» И с этими словами забрала она его и свою дочь, и взвилась в небо, и примчала царевича в город Шравасты, и оставила там в роще, а сама вместе с Аджинавати исчезла.

Там и увидел Нараваханадатту, наделенного добрыми приметами и благородной внешностью, царь Прасенаджит, возвращавшийся издалека после охоты. Приблизясь к нему, с любопытством спросил он его об имени и роде, и когда услышал ответ, то обрадовался и с почтением привел гостя к себе во дворец, полный слонов, привязанных к столбам, и коней у коновязей, подобный покою отдохновения Шри, богини царского счастья, утомленной от странствий. Где бы ни находился человек, которому предначинано наслаждаться удачей, всюду богатства и радости бегут за ним, словно женщины за возлюбленным, — потому-то и отдал царь, взалкавший совершенства, Нараваханадатте в жены дочь свою Бхагиратхяшу. Стал царевич жить в блеске и величии с нею, словно с самой Лакшми во плоти и крови, сотворенной творцом ради своего удовольствия.

Однажды вечером, когда на челе Девы Востока засиял Месяц, возлюбленный Ночи, льющий свет радости в людские глаза, — или это прелестное, как амрита, лицо Бхагиратхаяши отразилось в зеркале безоблачного ясного неба? — сидел царевич с нею на залитой лунным светом плоской крыше дворца и по ее желанию пил вино, и становилось оно еще слаще оттого, что отражалось в нем радующее взгляд прелестнейшее лицо, словно услаждая и вкус и очи царевича. И ничтожной представилась ему красота луны по сравнению с красотой возлюбленной — разве знает луна игру полных страсти карих глаз и жгуче-черных бровей? Насладившись вином, удалились они в покой, и царевич разделил ложе с Бхагиратхашей.

Заснула его возлюбленная, а к Нараваханадатте сон не шел, и он, предавшись воспоминаниям, вдруг проговорил: «Как же это любовь к Бхагиратхаше заставила меня позабыть о других моих супругах? Видно, судьба всему госпожа! И министры мои далеко от меня. Из них для Марубхути самое главное — дела доблести, а для Харишикхи нет ничего важнее, чем политика, но вот о ком я очень тоскую, так это о хитроумном Гомукхе, верном помощнике моем во всех делах». И вдруг размышления его были прерваны — донесся до него звук сладостного, прогоняющего сон женского голоса: «О горе!» Стал он, держа в руке яркий светильник, искать ту женщину повсюду, как вдруг заметил в окне женское лицо — было оно столь прекрасно, что, казалось, виденная им сегодня на небе покрытая пятнами луна была подменена творцом из озорства другой луной, лишенной пятен, здесь, на земле. Не видя тела этой прелестницы, но желая увидеть его, ибо был Нараваханадатта очарован совершенной прелестью ее лица, подумал он тотчас же: «Когда дайтъя Атапи пытался в давние времена препятствовать творению мира Брахманом, тот послал его в сад Нандана со словами: „Пойди туда, посмотри чудо!“ Пошел туда дайтъя, но увидел только женскую ногу совершенной красоты, и тогда страстно захотелось ему увидеть все тело той красавицы, но не дано ему было удовлетворить свое желание, и он умер. Видно, и мне на погибель творец сотворил это лицо».

А пока он так раздумывал, поманила его пальчиками, нежными, как побеги, божественная красавица, подав ему знак: «Иди сюда!» Тогда, тихо выйдя из покоев, где спала супруга, приблизился он, исполненный любопытства, к той божественной женщине, а она в это время воскликнула: «Ах, погибла ты, Маданаманчука, супруг твой, говорят, к другой привязался!» И, услышав это, вспомнил Нараваханадатта о возлюбленной, и опалил его огонь разлуки, и спросил он красавицу: «Кто ты и где видела мою милую Маданаманчуку и скажи, почтенная, зачем ты ко мне пришла?» А она, смелая, отвела его подальше во тьму и заговорила: «Слушай же, все я тебе расскажу! Живет в городе Пушкаравати повелитель видьядхаров Пингалагандхара, пожелтевший от постоянного поклонения Агни, и есть у него дочь, которую зовут Праб-

хавати,— знай, что это я, а родилась я у него в награду за постоянное поклонение богу огня. Отправилась я на Ашадхапуру повидать мою подругу Вегавати, но не нашла, так как улетела она совершать подвиги во имя веры, однако узнала я от ее матери Притхвидеви, что гостит у них Маданаманчука. Решила я посмотреть на нее. Увидала я Маданаманчуку, исхудавшую от поста, смертельно бледную, в знак разлуки с тобой заплетшую одну лишь косу, горько рыдавшую и восхваляющую сквозь рыдания твои достоинства, окруженную множеством видьядхарских царевен, заливающих слезами, горяющих при виде ее и восторгающихся, слыша о тебе. Повела она мне о том, каков ты, и я, охваченная состраданием к ней и очарованная твоими достоинствами, утешила ее, пообещав разыскать тебя и привести обратно. Силой волшебных знаний моих узнала я, что ты здесь, поспешила к тебе ради нее и ради себя. Но, увидав сегодня, что забыл ты о своей возлюбленной и воркуешь с другой, воскликнула я, преисполнившись сострадания к твоей супруге: „О, горе!“»

Замолчала она, и опечалившийся царевич попросил ее: «Делай что хочешь, но отведи меня к ней». Подняла его видьядхари Прабхавати, взвилась в небо и полетела в сиянии лунной ночи. Вот летит она и, заметив где-то пылающий огонь, взяла руку Нараваханадатты и облетела тот огонь слева направо, тем самым ухитрившись совершить свадебный обряд,— ведь все действия божественных имеют какую-нибудь цель — и полетела дальше, показывая любимому землю, казавшуюся всего лишь алтарем, реки, извивавшиеся подобно змеям, горы, казавшиеся всего лишь муравейниками, и прочие привлекательные виды, то и дело открывавшиеся перед ними. Так со временем проделали они немалый путь.

Утомился Нараваханадатта от полета в поднебесье, измучила его жажда, и попросил он воды. Спустилась тогда видьядхари из поднебесья на земную твердь, к озеру на лесной опушке, серебрявшемуся под лунным светом, словно вместо воды было наполнено оно серебром. Напился он и утолил жажду, но разгорелась тогда в нем жажда наслаждения объятиями небесной красавицы, однако, когда стал он настойчиво помогаться этого, Прабхавати, исполненная сострадания к Маданаманчуке, думая о той, которую пыталась утешить, уклонилась от его ласк — ведь благородные, заботящиеся о благе другого, не заботятся о своем! — и сказала ему: «Не сердись, благородный, но цель у меня здесь совсем иная, а какая — вот послушай-ка!

О мальчике, не дождавшемся пирожка

Жила когда-то в Паталипутре женщина, у которой умер муж. Была она молода и красива, но бедна. И был у нее единственный сынок. По ночам уходила она из дома, и бродила там и сям, и для

своего удовольствия сходилась с разными мужчинами, а утром, возвращаясь домой, припосила мальчику сладкий пирожок. Вечером перед уходом каждый раз утешала она мальчика: „Принесу я тебе утром вкусенького“. И мальчик спокойно оставался дома в надежде на пирожок. Случилось однажды, что забыла она об обещанном и ничего не принесла, а когда стал он у нее просить пирожок, сказала: „Не знаю я, сынок, никакого пирожка слаще моего возлюбленного“. И, услышав это, он подумал: „Не принесла она мне пирожка, другого она любит!“ И от отчаяния разорвалось сердце у мальчика.

Если бы я, любимый, завладела теперь тобой, который уже прежде был мне дорог, да об этом узнала бы Маданаманчука, которую я утешала, внушая надежду на великий праздник соединения с тобой, то она обезумела бы и пришла в отчаяние, и разорвалось бы ее сердце, нежное, как цветок. Из сострадания к ней, прежде чем не утешу ее, не домогаюсь я тебя, милый мой, хоть и дорог ты мне больше, чем сама жизнь».

И когда сказала это Прабхавати, с радостью и удивлением подумал Нараваханадатта: «Видно, правится судьбе создавать новые и новые чудеса, раз создала она Прабхавати, немыслимо благородную в своих поступках». Подумав так, с любовью похвалил ее царевич и молвил: «Веди же меня туда, где находится Маданаманчука!» Подхватила Прабхавати Нараваханадатту, и мигом домчала до Ашадхапуры, и привела его, словно дождь к иссохшей реке, к исхудавшей Маданаманчуке.

Увидал царевич супругу свою, измученную разлукой, бледную, подобно луне в день новолуния, и встреча их радовала мир, как соединение ночи и луны. Обнялись супруги, опаленные огнем разлуки, и ручьем струился с них пот, и потому казалось, что они сплывились воедино. И тогда ночью вкусили они вволю разных яств, созданных Прабхавати силой волшебных знаний. Но благодаря Прабхавати никто, кроме Маданаманчуки, не мог видеть Нараваханадатту.

Настало утро, и начал было царевич расплетать косу любимой, но остановила его Маданаманчука, преисполненная гнева на своего врага: «Пусть благородный распустит мне косу тогда, когда будет сражен Манасавета, а если раньше умру я, то пусть распустят мне ее птицы или спалит огонь — такой обет я дала. Но ты распустил ее, пока жив еще недруг, и это омрачает мне душу. Ведь хоть и бросила его Вегавати на огнедышащую гору, но не умер он. Ты благодаря силе волшебных знаний Прабхавати стал незрим — иначе разве стерпели бы твое присутствие здесь приспешники врага, постоянно рыщущие вокруг?» На такие слова своей верной супруги, понимая, что время еще не пришло, успокаивая ее, молвил Нараваханадатта: «Исполнится твое желание — вскоре уничтожу я врага, но подожди немножко, милая, пока овладею я знаниями». И, так утешая Маданаманчуку, оставался Нараваханадатта в том видьядхарском городе.

Прахавати с помощью волшебных знаний каким-то непостижимым образом передала ему свою внешность, а сама исчезла, и царевич стал счастливо жить в ее облике, никем не распознаваемый, и наслаждаться всем, что доставляли знания видьядхари. «Это подруга Вегавати прислуживает Маданаманчуке из любви к ней и по воле своей подруги» — так доносили Манасаवेга, принимаемая Нараваханадатту, скрытого под обликом Прахавати, за ее самую.

Вот однажды в беседе поведала Маданаманчука Нараваханадатте о том, что же с ней случилось: «Когда Манасавега принес меня сюда и стал сначала очаровывать своим волшебством, а потом угрожал прибегнуть к жестокости, явился сюда сам Шива в образе Бхайравы с воздетым к небу мечом, с кроваво-красным языком и громовым голосом изрек: „Как смеешь ты при мне унижать супругу того, кому назначено стать верховным повелителем видьядхаров?“ И когда сказал это великий бог, рухнул на землю грешный Манасавега, и изо рта у него хлынула кровь. Исчез после этого Шива, а Манасавега тотчас же пришел в себя, вернулся в свой дворец и снова начал мучить меня. Вот что поведали, утешая меня, перепуганную, измученную тоской, готовую расстаться с жизнью, прислужницы в антахпуре: „Давно уже случилось это. Увидав где-то красивую дочь отшельника, попытался Манасавега силой увести девушку с собой, но ее родичи прокляли его: „Коль совершишь ты грех, попытаешься овладеть чужой женой против ее воли, разлетится твоя голова на сто частей“. Поэтому никогда не посмеет он насильно овладеть тобой, и ты его не бойся, а по воле бога непременно встретишься с супругом“. Вскоре после того, как рассказали мне все это прислужницы, пришла Вегавати, сестра Манасавеги, уговаривать меня, но, проникнувшись жалостью ко мне, утешила, пообещав тебя привести. А как она это сделала, то тебе ведомо.

Затем пришла в ослепительно белых одеждах, непорочно чистая, словно лунный свет, нежным взором словно проливающая на меня амриту Притхвидеви, достойная матушка недостойного Манасавеги, и ласково спросила: „Зачем ты, которой предназначено славное будущее, перестала есть и не заботишься о себе? И не терзай свою душу вопросом: „Как же приму я пищу из рук врага?“ Моей дочери Вегавати отцом была назначена доля в этом царстве, и твоему супругу она тоже жена, так что ее богатство принадлежит ему и, следовательно, тебе тоже. Так пользуйся им — истину говорю я тебе, открытую благодаря моему волшебному знанию“. Сказала она это и, поклявшись в истинности своих слов, расположенная ко мне из-за связывающих меня с ее дочерью уз, покормила едой, подобающей состоянию моего духа. После того прилетела с тобой Вегавати, одолела своего брата и уберегла тебя, а про остальное я не знаю.

Помню я победу Вегавати и звук божественной речи, и с собой я не покончила только в надежде на встречу с тобой. Затем

с помощью благородной Прабхавати хоть и среди врагов, но снова обрела я тебя. Но тревожно мне — что, если погибнет Прабхавати и оттого утратишь ты ее облик? Что с нами тогда будет?»

Так сетовала Маданаманчука, томимая мыслями о будущем, а мужественный Нараваханадатта старался ее подбодрить. Однажды улетела Прабхавати во дворец к своему отцу, и раз она удалась, то с наступлением утра утратил Нараваханадатта ее облик. Служители же, увидав царевича в его действительном виде, перетревожились и от страха, с криком: «Проник сюда прелюбодей!» — оттолкнув перепуганную и пытавшуюся их остановить Маданаманчуку, помчались к царю и обо всем тому доложили.

Тогда окружил антахпур своей дружиной Манасавега и сам кинулся на Нараваханадатту, но тут прибежала Притхвидеви, мать Манасавеги, и сказала царю: «Ни тебе, ни мне не следует его убивать! Ведь он — сын повелителя ватсов Нараваханадатта, пришедший к собственной жене. Знаю я это благодаря своему волшебному знанию, а как же ты, ослепленный гневом, ничего не видишь? И он мой зять, и должно его почитать, и принадлежит он к Лунному роду». И хоть и говорила ему так Притхвидеви, но он, охваченный злобой, твердил: «Все равно он враг мне!» Из любви к зятю возразила Манасавеге его мать: «Не должно, сын, совершать беззаконие в мире видьядхаров. Ведь есть же суд видьядхаров для защиты закона — там, перед главным судьей, возложи вину на голову врага! Как вас рассудят, так и будет справедливо, но не иначе — ведь ни видьядхары, ни боги не потерпят твоего самоуправства».

Признал царь убедительными слова своей матери и, желая отвести Нараваханадатту в суд, велел его связать, а тот, не желая быть связанным, вырвал столб, подпиравший вход, и уложил немало слуг Манасавеги, и, вырвав у одного из них меч, тотчас же сразил многих других. Тогда сам Манасавега силой волшебства связал царевича и вместе с его женой привел в суд. Туда под громкий бой барабанов отовсюду собирались видьядхары, как боги в Суд Высшего Закона. Пришел туда и сел на трон, изукрашенный драгоценными камнями, главный в суде, царь Ваюпатха, окруженный видьядхарами, и его оведали опахала, как бы отгонявшие беззаконие.

Стал перед ним злодей Манасавега и сказал: «Хоть и смертный, но проник вот этот враг мой ко мне в антахпур и обесчестил сестру мою, и потому должно нам сегодня же убить его, жаждущего стать господином напим». Выслушав его, главный в суде дал слово и другой стороне. Тогда Нараваханадатта смело заявил: «Там суд, где есть главный в суде, и тот главный в суде, кто говорит справедливое слово, и то слово справедливо, в котором нет ничего, кроме правды, и то есть правда, в чем нет обмана. Стою я здесь, на этой земле суда, но связан волшебством, а недруг мой сидит на троне и свободен. Разве может решаться при этом дело по справедливости?» Выслушал его Ваюпатха и ради справедли-

вости посадил Манасавегу на землю, а Нараваханадатту освободил от пут.

И тогда все приготовились слушать, и Нараваханадатта перед Ваюпатхой изложил свое возражение на обвинения Манасавеги: «Похитил он мою жену Маданаманчуку и принес ее сюда, а я обрел свою жену снова — так чем же нарушил я чистоту его антапура? Приняв ее прекрасный облик, приблизилась ко мне сестра врага и, обманом совершив свадебный обряд, сделала меня своим мужем — так в чем моя вина? А что касается моего стремления к господству над видьядхарами, то кто и где не желает, чтобы желания его осуществились?»

Дослушав его и поразмыслив, вынес Ваюпатха решение: «Справедливо сказал этот благородный, и предстоит ему великое будущее. А ты, любезный Манасавега, не совершай по отношению к нему несправедливого!» Когда же огласил Ваюпатха приговор, Манасавега, ослепленный гневом, отверг его и не захотел сойти с неправого пути. Рассердился Ваюпатха, и началась тогда потасовка у Манасавеги и его вооруженных воинов с тем, отстаивающим справедливость, и его воинами. Для решительных людей, заботящихся только о справедливости, восседающих на троне закона, чужой — всегда свой, а слабый — всегда могучий. И тогда, взглянув на небесных дев, с любопытством следивших за схваткой, Нараваханадатта крикнул Манасавеге: «Брось свое волшебство и сразись со мною один на один в открытую! Увидишь, как я сражу тебя!»

Так ссорились они между собою, как вдруг в стоявшей посреди зала высокой колонне раздался ужасный грохот — раскололась она, и вышел из нее бог в ужасающем облике Бхайравы. Жгуче-черный, затмивший солнце, мечущий огни яростных взоров, подобные лианам молний, блещущий рядами белых зубов, подобных стае белоснежных лебедей, грозный, словно грохочущая громами туча, возвещающая конец света, заполнил он весь небосвод и произнес: «Негодный, да не будет никакого поношения грядущему верховному повелителю видьядхаров!» И с этими словами изгнал он Манасавегу, понутившего голову, а Ваюпатха возрадовался. Взяв на руки Нараваханадатту, отнес его великий бог, чтобы избавить от опасности, на лучшую из гор — Рипьямуку, оставил там, а сам исчез.

И затихла распря между видьядхарами в зале суда, и разошлись, как и собрались, Ваюпатха с правыми и неправыми. Манасавега же, удрученный случившимся, улетел к себе на гору Ашадхапуру, отправив вперед Маданаманчуку, душа которой была полна и радости и горя.

Уж таков, наверное, закон судьбы, чтобы человек не всегда жил счастливо,—каждый миг посылает она ему горести и радости и подвергает его стойкость жестоким испытаниям! Вот и устраивала она так, что, куда бы ни попадал, в какой бы стране ни оказывался Нараваханадатта, всюду она соединяла его с супругами или разлучала с ними. И теперь, когда оказался он на горе Ришьямуке, встретила его любимая им Прабхавати и сказала: «Потому, милый, так случилось, что потащил тебя в суд Манасавега, желая причинить зло, что не было меня тогда с тобой. Узнав обо всем, примчалась я в столицу видьядхаров и, приняв облик бога, перенесла тебя сюда. Нет силы у видьядхаров при всей их мощи добраться до этой горы, потому что здесь страна сиддхов. Да и мое волшебство здесь не действует, и горестно мне думать, что будешь ты питаться лесными кореньями».

Нараваханадатта проводил время с говорившей так Прабхавати, а сам вспоминал томящуюся в плену, ожидающую вызволения Маданаманчуку. Купался он в озере Пампа, что находилось около той горы, питался божественно вкусными плодами и кореньями, закусывая ими мясо газелей, и пил воду этого озера, душистую и вкусную от плодов, падавших в нее с деревьев, росших на берегах, а жил то между корнями деревьев, то в глубоких пещерах, подражая Раме, когда тому пришлось жить в этом самом лесу.

Прабхавати, зная все места, где бывал Рама, для развлечения поведала царевичу его историю: «В этом лесу жил Рама, и были с ним Лакшмана и Сита, и жил он вместе с подвижниками, устроив себе хижину у подножия дерева, а Сита, заставившая благоухать весь лес благодаря душистому притиранию, подаренному ей отшельницей Анасуйей, одетая в лубяные одежды, находилась здесь же среди жен мудрецов. А в этой пещере Балин убил дайтью Дундубхи, из-за чего и началась распря между Балином и Сугривой, так как Сугрива, подумав, что дайтья убил Балина, завалил горными скалами пещеру, а сам в страхе сбежал. Но Балин пробыл сквозь завал и изгнал Сугриву, решив: „Жаждет Сугрива захватить власть, потому и завалил меня“. Сугрива же, повелитель обезьян, утвердился вместе с другими, среди которых главным был Хануман, на этой вершине Ришьямуке. Потом явился сюда Равана и, обманув Раму призраком золотой газели, похитил дочь Джанаки, а после этого потомок Рагху, жаждавший узнать, что с нею, заключил союз с Сугривой, стремившимся погубить Балина, а для того чтобы показать свою силу, расщепил единственной стрелой семь пальм, а могучий Балин с большим трудом сумел расщепить только одну. Отсюда отправился Рама в Кишкинду и, выпустив всего одну стрелу, играючи сразил Балина и отдал его царство Сугриве. Вот помчались уже на все четыре стороны подданные Сугривы во главе с Хануманом, дабы разузнать

что-нибудь о Сите, а Рама оставался здесь в ту пору, когда ревели тучи времени дождей, изливавшие, словно разделяя его горе, потоки воды, истинные реки слез. Когда же Хануман по слову мудрого коршуна Сампати переправился через океан и разузнал, где скрывают Ситу, отправился герой с обезьяньим войском, перебросил мост через океан и, сразив повелителя Ланки, пролетел, возвратив царицу Джанаки, в своей воздушной колеснице над этим местом.

И ты, благородный, обретешь счастье — сам приходит успех к людям, стойким в несчастьях!» Так рассказывала ему эту и всякие другие истории Прабхавати, а Нараваханадатта развлекался с нею то здесь, то там.

Однажды, когда был он на озере Пампа, приблизились к нему, сойдя с небес, две видьядхари — Дханавати и Аджиनावати, которые прежде перенесли его из Гандхарвапура в Шравасту, где взял он в жены Бхагиратхьяшу. Пока Прабхавати обнималась со своей подругой Аджиनावати, Дханавати сказала Нараваханадатте так: «Вот Аджиनावати, обещанная мною тебе прежде. Возьми ее теперь в жены. Наступает время твоего торжества!» И Нараваханадатта согласился на это предложение Дханавати. Согласилась и Прабхавати из любви к подруге. Тогда отдала Дханавати дочь свою в жены сыну повелителя ватсов, устроив, как положено, свадьбу, и была та счастливая свадьба украшена всякими божественно великолепными церемониями, созданными с помощью ее волшебных знаний.

Наступил следующий день, и сказала Дханавати царевичу: «Не следует тебе, сынок, долго оставаться на одном месте, ибо видьядхары коварны, а у тебя здесь вовсе нет никакого дела. Отправляйся теперь с женой в родной тебе Каушамби. Прилечу и я туда вместе с сыном моим Чандасинхой и верными мне повелителями видьядхаров, чтобы помочь твоему возвышению». С этими словами Дханавати взвилась в небо и озарила его, хоть стоял ясный день, словно молнией, своими белоснежными одеждами, а Прабхавати и Аджиनावати перенесли Нараваханадатту небесной дорогой в Каушамби.

Когда опустился Нараваханадатта с небес в сад, увидели его слуги, и поднялся со всех сторон шум и крики: «Царевич вернулся, царевич! Счастливы мы его видеть!» Узнав о том, возрадовался тогда повелитель ватсов, словно орошенный неожиданным потоком оживляющей амриты. Возрадовались и Васавадатта с Падмавати, и жены царевича — Ратнапрабха и прочие, и министры Удаяны — Яугандхараяна и прочие, и Калингасена, и министры самого царевича — Гомукха и прочие. Все они устремились к нему, как знойным летом истомленные дорогой путники бросаются к озеру, и увидели его, предуготованного от рождения к великой участи, сидящим между двух жен, подобно Кришне между Рукмини и Сатьябхамой, и очи их затуманились слезами, словно от страха, что выскочат они от радости из орбит. Долго обнимали повелитель

ватсов и обе его царицы сына и никак не могли оторваться от него, словно волосы на коже, поднявшиеся от восторга, спили тела их воедино.

Громко ударили барабаны, возвестив начало праздника, и в то же время с небесных гор сошла на землю супруга Нараваханадатты, дочь Вегаваты и сестра Манасавеги — Вегавати, узнавшая о случившемся благодаря силе своего вновь обретенного знания, и, пав в ноги свекру, свекровям и супругу, сказала Нараваханадатте: «Истощенные в битве за тебя мои волшебные знания пополнила я в обители отшельников, и теперь снова я с тобой, о счастливый!» Кончила она говорить, и супруг, и все прочие приветствовали ее, а она присоединилась к подругам своим, Прабхавати и Аджинавати, и обнялась с ними. Когда же села она между ними, прилетела Дханавати, матушка Аджинавати, и с ней множество видьядхарских царей со своими войнами, покрывшими, словно тучи, все небо, и сын ее могучерукий Чандасинха, и родич ее Амитагати, сопровождаемый доблестным войском, и мощный Пингалагандхара, отец Прабхавати, и Ваюпатха, бывший главным в суде, и герой Хемапрабха, отец Ратнапрабхи, вместе с сыном Ваджрапрабхой и своим войском, и царь гандхарвов Сагарадатта с дочерью Гандхарвадаттой и сыном Читрангадой. И все они были с почетом встречены повелителем ватсов и его сыном и рассажены по местам.

Вот царь Пингалагандхара обратился к зятю своему Нараваханадатте, находившемуся в зале совета: «Тебе предназначено стать верховным повелителем над всеми нами, и мы из великой любви к тебе собрались здесь. Вот теща твоя, царица Дханавати, твердая в обетах, наделенная божественным знанием, с четками в руках, одетая в шкуру черной антилопы, словно сама Дурга, готовая защищать тебя, или Савитри, достигшая мудрости сиддхов, почитаемая лучшими из видьядхаров. Что еще нужно ради дарования тебе успеха?! Но слушай, что я скажу!

Здесь, на Гималаях, разделен мир видьядхаров на две половины, северную и южную, и каждая из них простирается на множество вершин. По ту сторону Кайласы лежит Северное царство, по эту сторону — Южное. Амитагати немалые подвиги совершил во имя веры, чтобы умиловить Шанкару и добиться власти над Северным царством, и, когда тот сказал ему: „Даст тебе желанное Нараваханадатта, твой верховный повелитель“, Амитагати поспешил сюда. Над Северным царством властвует сейчас злобный царь Мандарадева, могучий и неукротимый, но ты одолеешь и его, нужно лишь тебе обрести волшебные знания. А имя того, под властью которого находится Южное царство, — Гауримунда, исполненный злых умыслов, и трудно одолеть его, ибо обладает он могущественными волшебными знаниями. К тому же он крепко дружит с твоим врагом Манасавегой, и, пока не справишься с Гауримундой, не преуспеешь ты в своем деле. Потому самое важное теперь для тебя — как можно скорее обрести мощь великих зна-

ний». Когда же замолчал Пингалагандхара, сказала Дханавати: «Все, сынок, так и есть, как говорил раджа. Ступай отсюда в страну сиддхов и умоли Шиву, чтобы пожаловал он тебе совершенные знания, ибо разве может быть достигнут успех без его соизволения? А все эти цари собрались, чтобы защищать тебя». Читрангада же подтвердил: «Именно так, а я пойду впереди всех, и да одержим мы победу!»

И, согласившись с тем, что ему советовали, устроив обряд, обеспечивающий благое начало, поклонившись в ноги родителям, заливавшимся слезами, и наставникам, и осыпавшись со всех сторон благословениями, взойдя Нараваханадатта со своими супругами и с министрами на чудесный паланкин, сооруженный мудростью Амилагати, и отправился в путь, затмив небо дружинами, подобными водам океанским, вздыбленным ураганом, предвещающим конец света, и шум войска разносился по всем странам, отзвываясь эхом, словно бы возглашавшим всем движущимся в поднебесном пространстве о приходе верховного повелителя. Быстро привели Нараваханадатту повелитель гандхарвов, вожди видьядхаров и Дханавати на гору Сиддхакшетру, где царствуют сиддхи, и стал он там исполнять разные обеты, наложенные на него сиддхами, — совершал рано утром омовение, питался лесными плодами, спал на земле — и тем радовал Шанкару. Днем и ночью охраняли его неустанно видьядхарские цари, а видьядхарские царевны, любясь им, погруженным в подвижничество, полюбили его всей душой, и одни из них бросали на него жгучие взгляды, словно одевавшие царевича в шкуру черной антилопы, другие, страшась за него, закатывали глаза, а третьи складывали руки на груди, как бы заключая Нараваханадатту в свое сердце.

Пять же видьядхарских красавиц при виде его возгорелись огнем любви и дали такой зарок: «Вот мы, пятеро подруг, избираем его своим мужем, и свадьба должна быть одна для всех. А если какая-нибудь из нас устроит с ним свадьбу отдельно, то остальные должны вступить на погребальный костер, объявив ее предательницей и своим врагом». Так поразили этих божественных красавиц величественный облик Нараваханадатты!

Между тем в лесной обители неожиданно явились зловещие знамения. Завыл свирепо яростный ветер, вырывая с корнем могучие деревья, словно предвещая, что так же будут падать сраженные в битве герои, и точно в страхе — «Что-то здесь будет?» — содрогнулась земля, и раскололись горы, будто давая укрытие тем, кто перепуган, и гром гремел среди безоблачного неба, казалось, говоря: «Берегите, видьядхары, старательно берегите вашего повелителя!» Но при всеобщем смятении Нараваханадатта, оставаясь невозмутимым, продолжал размышлять о трехглазом боге, и стояли вокруг царевича, охраняя его, полные решимости и предчувствующие что-то недоброе цари гандхарвов и вожди видьядхаров, и издавали они боевые кличи, подобные львиному рыку, и вздыбился целый лес из лиан потрясываемых ими мечей, и, словно отпу-

гивая педругов, обрушивали они брань на знамения, предвещавшие приход беды.

Наступил новый день, и в поднебесье показалась несметная сила видьядхаров, мрачно пепроглядная, словно туча, возвещающая конец мира, извергающая ужасный рев. Тогда, применив свои знания, сообщила всем Дханавати: «Это пришел Гауримунда с Манасавегой». И пока вожди видьядхаров и цари гандхарвов готовились к битве, налетели Гауримунда с Манасавегой, крича: «Что этот человечиска и что мы? Усмирим гордыню вапу, перекипувшиеся к нему!»

И когда они произнесли это, набросились на них в гневe Читрангада и с ним раджа Сагарадатта, повелитель гандхарвов, Чандасимха, Амитагати и царь Ваюпатха, а уж что говорить о Пингалагадхаре и всех прочих предводителях видьядхаров! Ринулись великие воины, рычащие, словно львы, на злодея Манасавегу, а за ними хлынули их дружины, и начался страшный день битвы, пасмурный от пыли, поднятой воинами, сквозь которую сверкали молнии от ударов мечей, и лил дождь из крови, а не из воды. Читрангада и все прочие словно устроили великое жертвоприношение демонам, щедро проливая вместо вина кровь и рассыпая, точно бутоны цветов, вражеские головы, — и потекли реки крови, смешанной с мозгами, подобными клочьям застывшей морской пены, полные трупов, плывущих, как крокодилы, и извивающихся, подобно змеям, луков и копий.

Было истреблено войско Гауримунды, да и сам он уже погибал, но тут вспомнил о волшебном знании, пожалованном ему Гаури после долгого и трудного служения ей. И тогда явилось оно в облике трехглазой богини, держащей в руках трезубец, и зачаровало воинов, сражавшихся на стороне Нараваханадатты.

А Гауримунда вновь обрел силу, издал боевой клич и ринулся на Нараваханадатту, желая схватиться с ним врукопашную, но в схватке был побит. Снова вспомнил этот колдун о волшебном знании своем, и, применив его, схватил Нараваханадатту, и унес в небо. Но не смог Гауримунда убить пленника — мешала ему мощь знаний Дханавати, оберегавших царевича. Тогда швырнул злодей Нараваханадатту на огнедышащую гору. Манасавега же тем временем захватил друзей царевича — Гомукху и других — и, взлетев в небо, расшвырял в разные стороны. Однако и здесь знания Дханавати оберегли их и, приняв телесную форму, опустили в разных местах на землю и исчезли со словами: «Скоро обретете вы вновь повелителя, счастливого и достигшего успеха».

Решив, что расправились они со всеми, Манасавега и Гауримунда ушли по домам так же, как и пришли. Но сказала Дханавати: «Встретится еще с вами Нараваханадатта, когда достигнет своей цели, — ничего не случится с ним нежеланного!» И тогда, избавившись от наваждения, цари гандхарвов и повелители видьядхаров — Читрангада и другие — вернулись к своим шатрам, и

Дханавати, забрав Аджинавати и ее подруг, отправилась домой. А Манасавега поспешил к Маданаманчуке и сказал ей: «Убит твой супруг, бери меня в мужья!» Она же ему в лицо па это со смехом бросила: «Он тебя убьет, а ему не быть убитым — так назначено богом!»

А Нараваханадатту, когда враг бросил его на огнедышащую гору, подхватил какой-то божественный муж и, избавив тем от гибели, отнес тотчас же на прохладный берег Мандакини. Спросил его царевич: «Кто ты?» И тот, успокоив его, сказал: «Мое имя, благородный, — Амритапрабха. Я царь видьядхаров, и послал меня Шива, чтобы тебя оберечь от опасности. Вот перед тобой высятся Кайласа, жилище его. Поклоняясь здесь ему, обрадуешь ты бога и обретешь ненарушимое блаженство. Ступай за мной — отведу я тебя туда».

И тотчас же отвел его лучший из видьядхаров на Кайласу, а сам удалился.

Нараваханадатта же, оказавшись на святой горе, умилился прежде всего подвижничеством представшего перед ним Винаяку, и с разрешения того вступил, истощенный обетами, в обитель супруга дочери гор, и, увидев у входа Нандина, обошел его слева направо, и тот ему ласково сказал: «Достиг ты успеха почти во всех делах, и ныне препятствия, чинимые тебе, устранены. Оставайся здесь и порадуйся подвижничеством бога, ибо успех зависит от чистоты подвижничества, истребляющего грехи!» Так наставлял его Нандин, и остался там Нараваханадатта, размышляя о Шиве и Парвати, совершая подвиги веры и питаясь одним воздухом.

Обрадованный усердием царевича, явился ему Шива вместе с Парвати и так сказал: «Станешь ты теперь повелителем видьядхаров, и да будут служить тебе высочайшие знания, и одержишь ты моей силой победу над врагами, и всех их сразишь, будучи сам неуязвим для меча и незрим для врагов, а когда явишься пред их очами, не будут их знания иметь над тобой силы. Так ступай — даже знания Гаури будут тебе подвластны!» Такую награду Нараваханадатте дали Шива и Гаури и еще пожаловали ему самим Брахмой построенный великий воздушный корабль «Падма», предназначенный для верховного повелителя. И тогда явились к нему все знания, обретшие человеческий облик, и в жажде исполнить любое его повеление молвили: «Что прикажешь, все сделаем!»

Итак, Нараваханадатта, получивший множество наград, поклонился высшему богу, с его позволения взосел на воздушный корабль «Падма» и сначала отправился в город Вакрапуру, где царствовал Амитагати, и знания показали ему дорогу, а сиддхи и чараны пели ему славу. Издалека еще заметив приближающийся воздушный корабль, Амитагати вышел навстречу царевичу, и пригласил его к себе во дворец, и принял с почетом. Поведал ему Нараваханадатта, где достиг он своих знаний, и обрадованный Амита-

гати выдал дочь свою Сулочану за царевича. И тогда верховный повелитель видьядхаров провел с ней, словно с новой богиней счастья видьядхарского царства, полный радости день.

ВОЛНА СТО ВОСЬМАЯ

Наступил следующий день, и к новому верховному повелителю видьядхаров, Нараваханадатте, находившемуся в приемном зале дворца в Вакрапуре, с небес спустился некий муж, державший в руках жезл, приблизился и, поклонившись, изрек: «Узнай, божественный, что я наследственный пратихара верховного повелителя, и имя мое — Пауруручидева, и пришел я к тебе нести службу». При этих словах взглянул Нараваханадатта в лицо Амитагати, и тот подтвердил: «Истинно молвил он, о божественный!» А верховный повелитель был рад увидеть Пауруручидеву своим пратихарой.

Благодаря силе волшебных знаний Дханавати узнала обо всем, что произошло, и отправилась к Нараваханадатте с Вегавати и другими его женами, с сыном своим Чандасинхой, а также с Пингалагандхарой и царем Ваюпатхой, с Сагарадаттой и Читрангадой, Хемапрабхой и прочими, затмевавшими своим воинством само солнце, словно предупреждая, что не потерпят они вражеского сияния. Когда же прибыли они, то пали к стопам верховного повелителя, а он приветствовал их, как кого положено, и сам склонился в почтении к стопам Дханавати, а та, радуясь зятю, осыпала его благословениями. Рассказал тут Нараваханадатта о том, как достались ему совершеннейшие знания, а Чандасинха и все прочие весьма были этому рады.

Видя, что супруги теперь с ним, спросил Нараваханадатта у Дханавати: «А где же министры мои?» А она ему ответила: «Хоть и разметал их Манасавега по разным местам, но я их оберегла с помощью моих волшебных знаний». Повелел он тогда знанию в облике красавицы привести их и, когда они явились и, склонившись к его ногам, осведомились о его здоровье, спросил их: «Где, как и по какой причине провели вы столько дней? Пусть каждый из вас расскажет — мне это интересно».

Первым начал рассказывать свою историю Гомукха: «Низвергнутый врагом, летел я, пока какая-то богиня не подхватила меня на руки, успокоила и, оставив в глухом лесу, исчезла. Убитый горем, я решил покинуть свое тело, бросившись со скалы, но остановил меня какой-то подвижник: „Не поступай так, Гомукха! Снова увидишь ты повелителя, достигнешь своей цели!“ Спросил я его тогда: „Кто ты и откуда тебе это ведомо?“ — „Идем ко мне в ашрам, и там расскажу об этом!“ — ответил тот. Отправился я с этим человеком — ведь доказал он мощь своего знания тем, что узнал, не спрашивая, мое имя, — в его обитель, называвшуюся Шивакшетра. Принял он меня там как гостя и вот какую историю

о себе рассказал: „Имя мое — Нагасвами́н, брахман я из города Кундина. Когда умер мой отец, отправился я в город Паталипутру и стал учиться у наставника Джаядатты. Но как ни учился я, а по глупости даже азбуки не одолел, и из-за моего невежества смеялись надо мной все другие ученики. Удрученный таким пренебрежением, отправился я поклониться богине, живущей в Виндхийских горах, а на полпути попался мне город Вакролака. Вошел я в него, чтобы попросить милостыню, и одна хозяйка вместе с милостыней дала мне красный лотос. Взял я подаяние и пошел в другой дом, а там хозяйка, увидев меня, воскликнула: «О, вот беда-то! Околдовала тебя, почтенный, йогини! Смотри-ка, под видом лотоса сунула она тебе человеческую руку!»

Услыхав такое, посмотрел я — и правда, лежит у меня в чаше для подаяния не лотос, а человеческая рука. Выбросил я ее, а сам упал к ногам хозяйки и взмолился: „Матушка, найди способ мне остаться в живых!“ И тогда ответила она: „Пройди отсюда три йоджаны и найди там в деревне Карабхаке брахмана Деваракшиту. Есть у него рыжая корова, воплощенная Сурабхи, сошедшая на землю, — у нее найдешь ты прибежище на эту ночь“. Не успела она договорить, как, перепуганный, бросился я бежать, и на исходе дня добрался до деревни Карабхаки, и нашел дом того брахмана.

Вошел я к нему на двор, и поклонился рыжей корове, и воззвал к ней: „Божественная, в страхе ищущий у тебя убежища и защиты!“ И как раз в это время — а уже наступила ночь — прилетела вместе со своими приятельницами та самая йогини и, жаждущая выпить мою кровь и сожрать плоть, попыталась схватить меня. И тогда рыжая корова укрыла меня между копытами и, защищая, сражалась с колдуньями всю ночь. Когда же с наступлением рассвета исчезли они, сказала мне рыжая корова ясным голосом: „Не смогу я тебя защитить, сынок, в следующую ночь. Поэтому ступай отсюда — пройдя пять йоджан, найдешь в лесу храм Шивы, в котором живет лучший из подвижников-пашупатов, а имя его Бхутишива. Он, мудрый, охранит тебя“. Выслушал я это, поклонился ей и отправился в путь. Быстро добрался я до Бхутишивы и обрел у него прибежище и защиту, а ночью снова примчались йогини и начали меня домогаться. Завел меня Бхутишива в храм, а сам с трезубцем в руке стал у дверей, отгоняя колдуний. Одолел их Бхутишива, а когда настало утро, накормил меня и молвил: „Не смогу я больше тебя защищать, брахман. Живет в селении Сандхьяваса в десяти йоджанах отсюда брахман Васумати. Ступай сейчас к нему. Коли проведешь у него третью ночь, так и во все избавишься от опасности!“ И когда замолчал он, поклонился я ему в ноги и отправился дальше.

Но пока одолевал я этот долгий путь, солнце зашло, и наступила ночь. Настигли меня йогини, и, подкравшись сзади, схватили, и в восторге унесли в поднебесье. Да встретились им там другие йогини, еще более могущественные, и вспыхнула между ними же-

стокая потасовка — тут-то и выпустили они меня из рук, и упал я в каком-то пустынном краю. Заметил я там большой храм, раскрытые двери которого как бы говорили: „Входи!“ И когда, охваченный страхом, я вбежал туда, то увидел окруженную сотней прислужниц женщину необычайной красоты, спасительный цветок, словно из сочувствия ко мне сотворенный творцом, сиянием своим рассеявшую кромешную тьму. Тотчас же овладел я собой, и, когда спросил ее, кто она, красавица ответила мне: „Я — якшини, и зовут меня Сумитра. Проклятием обречена я жить здесь. Но предсказано, что кончится оно, когда сойдуся я с человеком. Не бойся, обними меня, нежданно пришедший, и насладись мной!“ Молвила она это и тотчас же велела служанкам устроить мне, обрадованному, омовение, умастить притираниями и облачить в наилучшие одежды, а затем напоить и накормить. Только-только избавился я от ужаса перед колдуньями, как обрушилось на меня счастье! Воистину немисливо знать, когда судьба повергнет человека в горе, когда — в радость!

После этого счастливо провел я с якшини много дней, но однажды она по своей воле сказала мне: „Истошилось, брахман, проклятие, тяготевшее падо мной, и сегодня я отсюда ухожу. По моей милости достанется тебе божественное знание, и, хоть ты и подвижник, все наслаждения станут тебе доступны, и не будешь ты знать страха. Оставайся здесь, но не заходи в средний покой моего дворца“. С этими словами она исчезла, а я из любопытства пошел в средний покой и нашел там коня, а когда приблизился к нему, то ударил меня конь копытами, и тотчас же увидел я себя в храме Шивы.

С тех пор живу я здесь. Со временем стал я сиддхом и хоть смертный человек, но обладаю знанием прошлого, настоящего и будущего. Так что достижение цели во всех делах связано с трудностями. Оставайся здесь, и наделит тебя Шамбху желанным успехом“. И когда мудрый так посоветовал мне, провел я с ним много дней, мечтая о прикосновении к твоим стопам. А нынче явился мне во сне сам Шарва и поведал о твоём успехе, а какая-то божественная женщина подхватила меня и принесла сюда. Вот и весь мой рассказ».

Молвил так Гомукха, а потом стал рассказывать Марубхути: «После того как зашвырнул меня в небо Манасавега, некая богиня подхватила меня на руки и отнесла в глухой лес, а сама исчезла. Скитался я там, убитый горем и помышляющий о каком-нибудь способе обрести смерть, и нашел ашрам, расположенный по обоим берегам реки. Вошел я туда и увидел сидящего на камне подвижника. Поклонившись, приблизился я к нему.

„Кто ты и как попал в эту страну, недосыгаемую для людей?“ — спросил он. Рассказал я, что случилось, а он, узнав мою историю, молвил: „Не убивай себя! Узнаешь ты все о господине своим и тогда сделаешь, что возможно“. По его совету и остался я там, жаждущий вестей о тебе. Вот пришли однажды туда на

реку купаться небесные девы. И посоветовал мне подвижник: „Иди-ка, унеси быстро одежды одной из них и получишь вести о своем повелителе!“ Как он сказал, так я и сделал. И та дева, у которой я унес одежду, одетая только во влагу, сложенными крест-накрест руками прикрывая груди, побежала за мной. Сказал ей подвижник: „Расскажи нам, где и что делает сейчас Нараваханадатта, и забирай свою одежду“. Тогда и сообщила она: „Находится Нараваханадатта на горе Кайласе и поклоняется Шиве, а через несколько дней станет верховным повелителем видьядхаров“. Произнесла она это, и, ответив таким образом на его вопрос, обреченная проклятием, тяготевшим над ней, стала она, поскольку с ним познакомилась, женой этого подвижника. Начал он с этой видьядхари жить, а я, благодаря ее словам обретший надежду на встречу с тобой, терпеливо ждал.

Через некоторое время та божественная красавица понесла под сердцем и родила дитя. Сказала она тогда подвижнику: „Благодаря близости с тобой истощилось тяготевшее надо мной проклятие — ухожу я. Но если захочешь ты увидеть меня, свари этого младенца с рисом и съешь его — тогда снова меня обретешь“. Когда она, промолвив все это, улетела, взял он и сварил ее младенца с рисом, съел и улетел вслед за ней на небо.

Не хотел я даже и пробовать такое кушанье, но, видя, что благодаря ему достигается такая сверхъестественная сила, достал из котла два зернышка риса да и съел. А получилось от этого вот что: где я плюну, там и золото. Избавившись от нищеты, стал я бродить повсюду и наконец дошел до какого-то города. Поселился я у одной гетеры и благодаря тому золоту жил богато, но сводня, жаждавшая выведать тайну моего богатства, обманом напоила меня рвотным. Вырвало меня от того средства, и выскочили при этом изо рта два зернышка, сверкавшие как рубины. И только они выскочили, как сводня схватила их и проглотила. Так и утратил я способность плевать золотом! Похитила ее сводня.

Вот ведь сейчас у Шивы на лбу полумесяц, а у Вишну на груди волшебный камень каустубха, да я-то знаю, что с этими богами было бы, попади они в лапы к сводне. Уж таков мир — полон он и чудес, полон и мошенничества, и кто и когда мог бы отделить одно от другого или измерить океан? В таких думах, убитый горем, забрел я в храм Чандики и стал радовать ее подвигами веры ради встречи с тобой. Трое суток постился я, и явилась мне во сне богиня и велела: „Достиг твой повелитель желанного, ступай и посмотри на него!“ Проснулся я при этих словах, а на заре снова подхватила меня какая-то богиня и принесла к твоим стопам, и вот, божественный, мой рассказ». Вслась посмеялись Нараваханадатта и все, кто был с ним, над тем, как сводня надула Марубхути.

А после этого начал рассказывать Харишикха: «Когда швырнул меня наземь враг, спасло меня, государь, какое-то божество и

опустило в городе Удджайини. Убитый горем, решил я покончить с собой, и, когда опустилась ночь, пошел на кладбище, и сложил из поленьев погребальный костер. Разжег я его и стал поклоняться огню, как вдруг приблизился ко мне предводитель духов по имени Таладжангха и произнес: „Ради чего хочешь ты взойти на костер? Ведь жив твой повелитель, и когда достигнет он желанного, то встретишься с ним“. Так он, жестокий по натуре, возлюбив меня, уберег от смерти. Случается, что и камни тают, если судьба обратит к тебе свое лицо. Ушел я с кладбища и стал совершать подвиги, чтобы умиловить Шиву, а сегодня какое-то божество принесло меня к тебе, повелитель».

Так закончил рассказ Харишикха, а за ним и все другие по очереди рассказали, что было с ними. Затем Нараваханадатта по совету царя Амитагати попросил достойную Дханавати, высоко почитаемую видьядхарами, пожаловать и его министрам могущественные волшебные знания, и она это сделала. Когда же в этот благодатный день все они стали таким образом видьядхарами, повелевающими знаниями, сказала Дханавати Нараваханадатте: «Теперь одолей врагов!»

Приказал верховный повелитель войскам выступить в поход на Говиндакуту, столицу Гауримунды. И двинулось в поднебесье несметное видьядхарское воинство, затмившее солнце, словно не ко времени явившийся Раху решил остудить своего недруга, и ледящая кровь враждебных царей. Сам же Нараваханадатта взошел на среднюю часть своего воздушного корабля «Падма», разместив жен в его тычинках, а министров и друзей — в лепестках, и помчался по небу, устремляясь к победе. На полдороге остановились все во дворце у Дханавати, называвшемся Матангапура, — был Нараваханадатта ею почтен и провел там целый день. Оттуда послал он к повелителям видьядхаров Гауримунде и Манасавега посла с вызовом на бой, а на другой день, оставив жен в Матангапуре, двинулся вместе с союзными ему царями на Говиндакуту.

А там уже вышли сразиться с ним Гауримунда и Манасавега, и схватились с ними Чандасинха и другие. И началась битва, в которой войны падали, словно деревья, обреченные на вырубку, и побежали с горы Говиндакуты реки крови. Самграмакала, бог сражений, алчущий все новых и новых жизней богатырских, разверз пасть, в которой мечи, липкие от крови, метались, подобно извивающимся лианам, и была сама яростная схватка праздником, доставлявшим радость демонам, во время которого трупы плясали в такт хлопкам ладоней ветап, обожравшихся мертвечиной и упившихся кровью.

Но вот вступил в бой сам Нараваханадатта, исполненный гнева, и, встретив лицом к лицу Манасавега, ринулся на него и, схватив за волосы, немедленно отсек злодею мечом голову, а когда бросился к нему разъяренный гибелью своего союзника Гауримунда, то схватил Нараваханадатта его, утратившего при виде верховного

повелителя видьядхаров знания, за волосы, швырнул наземь, а потом, взяв за ноги, раскрутил над головой да взметнул в небо, и разбился тот о скалу. Так уничтожил царевич Гауримунду и Манасавегу, а их войско в страхе разбежалось. И тогда пал на Нараваханадатту дождь цветов, и все боги на небесах воскликнули: «Славно! Славно!»

Вступил Нараваханадатта со всеми другими государями в столицу Гауримунды, и склонились перед ним повелители видьядхаров, подчинявшиеся Гауримунде и прочим, и покорились его власти. В разгар ликования по случаю достижения Нараваханадаттой верховной власти и уничтожения его врагов приблизилась к нему Дханавати и произнесла: «Божественный, есть дочь у Гауримунды — Атманика, красавица такая, какой во всех трех мирах не сыщешь. Возьми ее в жены!» И он по ее совету тотчас же послал за той и, взяв девушку в жены, счастливо провел с ней ночь.

Когда же наступило утро, велел он Вегавати и Прабхавати привести из города Манасавеги Маданаманчуку, и те привели ее. Увлажнилось лицо ее слезами радости, когда увидела она супруга, озаренного сиянием славы, истребившего тьму врагов, — кончилась ночь разлуки, и лицо Маданаманчуки просветлело и раскрылось от счастья, словно лотос со слезинками утренней росы. А он, обрадованный, отдал ей все волшебные знания и, истосковавшийся, предался радости вместе с ней, достигшей положения видьядхари. Проводил он дни со своими супругами в саду города Гауримунды, наслаждаясь вином и вкушая прочие удовольствия. Потом послал он Прабхавати за Бхагиратхаяшей, и когда ее привели, то и ей передал свои волшебные знания.

Но однажды приблизились к находившемуся в городе Гауримунды верховному повелителю двое видьядхаров и почтительно доложили: «По повелению Дханавати ходили мы, государь, в Северное царство разузнать, что делает Мандарадева. Там, в его стане, мы, переодетшиеся, видели этого царя и слышали, как он против тебя говорил: „Стало мне ведомо, что Нараваханадатта, сразивший Гауримунду и всех, кто с ним был, достиг ныне верховной власти над видьядхарами. Не следует пренебрегать им, а должно нам уничтожить врага, набирающего силу“. Услыхав такое, пришли мы сюда, чтобы все сообщить тебе».

От этих слов соглядатаев содрогнулись охваченные гневом все бывшие здесь приближенные Нараваханадатты, словно лотосы под резким порывом ветра. Руки Читрангады взметнулись вверх и вперед, и забренчали браслеты на них, словно подавая сигнал к битве. Ожерелье на груди Амитагати, бурно задышавшегося от ярости, вздымалось, как бы говоря: «Вставай, доблестный, вставай!» Пингалагандхара громко скреб рукой землю, точно провозглашая начало сокрушения врагов. Брови на лице Ваюпатхи искривились, и, казалось, сам гнев натянул лук на погибель недругам. Возмущенный Чандасинха сжимал одной рукой другую,

словно восклицая: «Так сокрушу я врагов!» Звук ударов кулака Сагарадатты, когда бил он себя в грудь, заполнял все небо и будто вызывал врага на битву. Нараваханадатта же, хотя и разгневался, оставался невозмутимым, а невозмутимость — признак величия достойных.

Тогда решил он, добыв все драгоценности, долженствующие украсить тело верховного повелителя видьядхаров, обитателей поднебесья, идти в поход, чтобы сокрушить врага. Со всеми супругами, в сопровождении министров взосел он на воздушный корабль и вылетел из Говиндакуты, и последовали за ним цари гандхарвов и предводители видьядхаров со своими дружинами — окружили они Нараваханадатту, как планеты Месяц, увлекаемые его движением. Вслед за Дханавати, летевшей впереди, долетел он до Хималая и достиг обширного озера. И то озеро словно приглашало его приблизиться раскачивающимися зонтами — белыми лотосами и опахалами — белыми лебедями, распростершими крылья свои над водой, и, высоко всплескивая волнами-руками, призывало его омыться ради упрочения власти и оказывало тем самым торжественный прием, достойный верховного повелителя видьядхаров.

Промолвил тут Ваюпатха: «Надлежит государю совершить омовение в этом озере». Спустился к озеру Нараваханадатта, чтобы совершить омовение, и тогда прозвучало в поднебесье: «Никто, кроме верховного повелителя, не может омыться в этом озере, и потому ныне власть твоя упрочена». Услыхав такие слова, вступил Нараваханадатта в воды озера и забавлялся там со своими женами, как Варуна в океане, и любовался ими — намокшие одежды их красиво облегали тела, прически распускались, а от смытых притираний краснели глаза. С криками взлетали с озера вереницы птиц, словно мелодично позванивали пояса дев озера, спешивших навстречу Нараваханадатте, а лотосы скрывались в волнах словно от стыда за то, что превзошли их красотой своих лиц жены повелителя.

Совершив омовение, провел Нараваханадатта тот день со свитой, женами и министрами на берегу озера, и на следующее утро спова отправился на воздушном корабле, сопровождаемый всем своим воинством. Привела его дорога в столицу Ваюпатхи, и по просьбе этого царя остановился он там на целый день. Случайно заметил он девушку, сестру Ваюпатхи, имя которой было Ваювегаяша, развлекавшуюся в саду, и возжелал ее. И она, гулявшая в саду на берегу реки Хемабалуки, бегущей по золотому песку, луноликая, милая своим нежным щебетанием, полнобедрая, звонко смеющаяся, отмеченная знаками добрых планет, заметила его, но, хоть и привязалось ее сердце к нему, она исчезла.

Огорчился он, не зная истинной причины ее исчезновения, и, подумав, что отвернулась она от него, ушел в свои покои. Тогда его жены, узнав не от Гомукхи, уж слишком проницательного, а от простодушного Марубхути, что случилось с Нараваханадаттой,

стали смеяться да подшучивать над своим повелителем. А Гомукха в то время был здесь и устыдился за перазумность Марубхути. Видя, что царь полон смущения, Гомукха утешил его и отправился в город узнать, что же на сердце у Ваювегаяши. А там Ваюпатха, увидев Гомукху, будто бы пришедшего посмотреть столицу, принял его, как дорогого гостя, и, отведя в сторону, сообщил: «Есть у меня сестра, девушка по имени Ваювегаяша, и когда-то мудрецы предрекли ей быть супругой верховного повелителя видьядхаров. Потому и хочу я подарить ее Нараваханадатте, а ты бы помог мне осуществить желаемое. Ради этого я сам собирался посетить тебя». Отвечал ему Гомукха: «Хотя и находится государь наш в походе, желая одолеть врага, но ты скажи ему сам, а я тебе в этом помогу!» И так уговорившись, оставил его Гомукха, а сам отправился к Нараваханадатте и сказал тому, что дело улажено без упрашиваний. А на следующий день пришел к царю сам Ваюпатха, и, когда попросил оказать ему такую честь, мудрый Гомукха вставил свое слово: «Не следует, божественный, отвергать просьбу. Предан он тебе, и то, о чем просит, необходимо выполнить».

Согласился Нараваханадатта, и отдал Ваюпатха ему в жены свою сестру, хотя та и не хотела этого. Когда же начался свадебный обряд, она, не желающая замужества, взмолилась: «Силой отдает меня брат, против воли моей, и потому, о хранители мира, нет в этом греха моего!» Но при ее словах все женщины из дома Ваюпатхи подняли такой шум, что никого и ничего нельзя было услышать,— и посторонним не могло быть слышно сказанное Ваювегаяшей. А Гомукха услышал и принялся ходить взад и вперед, пытаюсь найти способ, чтобы умерить стыд, в который был ввергнут царь словами этой девушки, и, расхаживая так, увидел в безлюдном месте четырех девушек-видьядхари, готовящихся взойти одновременно на костер. Спросил он у них о причине этого, и ответили ему стройные, что Ваювегаяша нарушила условие и потому они должны умереть.

Поспешил тогда Гомукха к Нараваханадатте и при всех сказал ему, в чем дело.

Выслушал его Нараваханадатта и изумился, а Ваювегаяша воскликнула: «Скорей идемте — должны мы тех дев спасти! Потом скажу я тебе, благородный, в чем причина». И царь, и все, кто были там, поспешили за нею и увидели тех девушек перед пылающим костром. Она же, оттянув их от огня, стала называть их повелителю: «Вот эта — Калика, дочь владыки Калакуты, вторая — Видьютпунджа, дочь царя Видьютпунджи, имя третьей — Матангани, и она дочь царя Мандары, а четвертая, повелитель, Падмапрабха, дочь царя Махаданштры. А я — пятая, и мы все впятером, увидав тебя во время твоего подвижничества на Сиддхакштре, были сражены любовью к тебе и дали такой обет: „Все вместе — и никто отдельно — избираем мы этого милого мужем. Если же кто-нибудь из нас без других возьмет его в мужья

и будет устроена свадьба, то остальные, объявив такую предательницей, взойдут на костер“. Раз объявлено было такое условие, то и не желала я отдельной свадьбы, да и теперь не стану тебе женой, государь! Ты, благородный, и хранители мира — свидетели того, нарушено ли это условие по моей вине! Так возьми же их всех себе в жены, божественный, а вы, подружки, ни на что иное не соглашайтесь!»

И когда она сказала все это, девушки, избавившиеся от смерти, обрадовались и стали обниматься. Обрадовался и царь. Узнав о случившемся, прибыли туда тотчас же их отцы и отдали Нараваханадатте в жены своих дочерей, да и власть его над собой признали эти вожди видьядхаров во главе с повелителем Калакуты. Так за один раз взял Нараваханадатта в жены пятерых дочерей видьядхаров, и еще ярче засверкало его величие.

Провел он с ними там сколько-то дней, а потом военачальник Харишикха обратился к нему с такими словами: «Искушен ты, государь, в шастрах, но почему же нарушаешь законы политики? Что означает увлеченность любовными забавами, когда наступило время битвы? Где же твоя готовность к походу, чтобы нанести поражение Мандарадеве, и где те дни, что улетели в наслаждениях с обитательницами антахпура?» Возразил на это Харишикхе государь: «Верно сказано, но разве ради наслаждений заключаю я новые брачные союзы? Ведь обретение жен помогает получить союзников, а сейчас для поражения противника это самое важное — потому и избрал я такой путь. А теперь пусть идут вперед, на победу над врагом, мои войска!»

И тогда заговорил тесть верховного повелителя Мандара: «Трудно будет нам добиться победы, божественный, если не заполучишь ты все драгоценности, которыми должно быть украшено твое тело. Живет Мандарадева в краях далеких и неприступных, и пройти в его сторону можно лишь через пещеру Триширшу, охраняемую могучим героем Девамаей, да и под силу это только верховному повелителю видьядхаров, овладевшему необходимыми драгоценностями. Одно же из сокровищ, положенных государю, — сандаловое дерево — находится в этой стране. Овладей им ради желанного успеха — никто, кроме божественного, не может подойти к нему».

Выслушав Мандару, провел Нараваханадатта ночь в посте и пошел к тому сандаловому дереву. Хотя на пути его были ужасающие препятствия, не дрогнул он и дошел до подножия великого дерева. Увидел он это сокровище, окруженное высоким алтарем, поднялся по ступеням и поклонился. «Верховный повелитель, покори ты меня и, если в нужде вспомнишь обо мне, тотчас же явлюсь перед тобой, а сейчас ступай на Говиндакуту — обретешь другие сокровища и легко одолеешь Мандарадеву», — раздалось в ночном мраке бестелесное слово. Поклонился одержавший победу чудесному дереву, и, произнеся: «Да будет так!», улетел, радуясь, государь видьядхаров небесной дорогой в свой стан.

Проведя там ночь, поутру в зале собраний всем поведал Нараваханадатта о том, как досталось ему сандаловое дерево. И обрадовались его жены, сверстники-министры и верные видьядхары — Ваюпатха и прочие — со своими дружинами, гандхарвы во главе с Читрангадой этой замечательной победе и восхвалили доблесть Нараваханадатты, сопряженную с величием, мощью, стойкостью, энергией и смелостью. Посоветовавшись с ними, взшел царь на небесный корабль и отправился к горе Говиндакуте, чтобы добыть остальные сокровища, как велело ему сандаловое дерево, и сокрушить гордыню Мандарадевы.

КНИГА О ВЕЛИКОМ ПОМАЗАНИИ

ВОЛНА СТО ДЕВЯТАЯ

Да избавит вас от тьмы Сокрушитель препятствий, рассеивающий по небосводу яркие звезды из воздетого ввысь хобота во время яростно победительной пляски по ночам!

И пока Нараваханадатта пребывал в своем стане на горе Говиндакуте, примчался к нему небесной дорогой видьядхара по имени Амритапрабха, спасший повелителя, когда был тот брошен врагом на огненную гору. Приблизился видьядхара, назвал себя и склонился в поклоне, а когда царь явил ему расположение и гостеприимство, молвил: «Стоит далеко на юге высокая гора, и называется она Малая, и живет там в ашраме, расположенном на ее склоне, великий мудрец Вамадева. Хочет он, о божественный, по какой-то причине, чтобы ты пожаловал к нему — ради этого послал он меня сегодня к тебе. Ты — господин мне благодаря

прежним моим заслугам, а я пришел по велению того мудреца. Так давай ради достижения тобой успеха поспешим к Вамадеве».

И как только договорил это видьядхара, Нараваханадатта, оставив на горе, с их согласия, жен и войска свои, вознеся в поднебесье и, быстро достигнув горы Малая, предстал перед мудрым Вамадевой. Увидел он высокого, убеленного сединами старца. Волосы того, ниспадавшие волнистыми прядями, были подобны лианам, а глаза, сверкавшие из глубоких глазниц, — драгоценным камням. Был он словно хранилище драгоценностей верховного повелителя видьядхаров, увенчанный снегами хребет Гималайский, явившийся ради помощи в достижении успеха. Почтительно склонился к его стопам Нараваханадатта, а мудрый, оказав царю гостеприимство, молвил: «Ты — Кама, прежде сожженный Шивой, а ныне возрожденный им, обрадованным подвижничеством Рати, и поставленный верховным повелителем над всеми царями видьядхаров. Здесь, в моем ашраме, в глубокой пещере, хранятся драгоценности, и я все покажу тебе. Взяв их, одолеешь ты Мандарадеву. Ради этого по велению Шамбху призвал я тебя».

Затем мудрец, а вместе с ним, указавшим средство для достижения цели, и радостный Нараваханадатта проникли в пещеру. Преодолев в ней разные препятствия, увидел герой царственного слона, в бешеной ярости мчащегося на него с грозным ревом. И тогда ударом кулака в лоб остановил Нараваханадатта слона и, встав ногами на его бивни, с легкостью вскочил на голову этого безумца, и тотчас же из недр пещеры раздался голос: „Садху! Отменно! Досталось тебе, повелитель, истинное сокровище среди слонов!“

Затем увидел Нараваханадатта меч повелителя земли, подобный царственному змею, и бросился к нему. Схватил он тот меч и тем самым словно схватил за косы саму богиню счастья верховного властителя над всеми царями видьядхарскими. И снова загремело под сводами пещеры: «Садху! Добро! Достался тебе меч, сокрушающий врагов и приносящий победу, истинный алмаз среди мечей!» А после этого обрел Нараваханадатта еще лунный камень, сокровище среди жен Камини и сокровище знаний — камень, разрушающий действие чар. И вместе с первыми двумя — озером и сандаловым деревом — обрел он все семь сокровищ повелителя видьядхаров, бесценные при необходимости и порождающие величие. Вышел Нараваханадатта с ними из пещеры и поведал мудрому Вамадеве обо всем добытом.

Тогда ласково молвил старец верховному повелителю видьядхаров: „Достались тебе, сынок, сокровища, дарующие успех, а теперь в путь — одолей Мандарадеву, господствующего над всем, что находится к северу от Кайласы, и насладись счастьем правления обоими царствами!“ После таких слов мудреца склонился перед ним в поклоне достигший успеха Нараваханадатта и умчался вместе с Амритапрабхой небесной дорогой. Мгновенно достиг он своего лагеря, раскинувшегося на горе Говиндакуте, обе-

регаемого могучей силой его тещи Дханавати, и все, устремлявшие взоры в небо в ожидании повелителя, — цари видьядхаров, его жены и министры — обрадовались, узрев его, и восторженно приветствовали. Когда же спустился к ним Нараваханадатта, стали все расспрашивать его о встрече с мудрецом Вамадевой, а он поведал им и о том, как проник в пещеру, и о том, как обрел сокровища. И было по этому случаю великое торжество, и гремели радостно небесные барабаны, и плясали все видьядхары, а люди были крепко навеселе.

На другой день, когда неблагоприятная планета вступила в созвездие его врага, а планета, покровительствующая повелителю видьядхаров и сулящая ему успех, затмила вражеское созвездие, поднялся Нараваханадатта, свершив все церемонии для обретения счастья, на пожалованную Шивой колесницу, созданную самим Брахмой, и отправился небесным путем в сопровождении всего войска и обитательниц антахпура на бой с Мандарадевой, и шли с ним, окружая его, преданные повелителю бесстрашные герои, цари видьядхаров и предводители гандхарвов, послушно выполнявшие приказы военачальника Харипикхи. И были там Чандасинха со своей многомудрой матерью Дханавати, и мужественный Пингалагандхара, и могучий Ваюпатха, и Видьютпунджа, и Амилагати, и властитель Калакуты, и Мандара, и Махаданштра, и друг его Амритапрабха, и герой Читрангада с Сагарадаттой, и эти, и другие, и еще те, которые были подданными Гауримунды, — и все они со своими дружинами двинулись за повелителем, устремившимся к победе. И заполнило войско Нараваханадатты все небо, и солнце куда-то скрылось, словно потонуло в море стыда, усомнившись при виде сияния государя в собственном блеске.

Вот, миновав озеро Манаса, на берегах которого множество божественных мудрецов выполняли святые обеты, и обойдя стороной Гандапайлу, сад забав для небесных дев, достиг верховный повелитель подножия царственной Кайласы, сверкающей, подобно собственному его величию, словно горный хрусталь, и, когда приблизился он к берегу Мандакини, обратился к нему многоумный вождь видьядхаров Мандара с дружеским советом: „Остановись, божественный, на берегу небесной реки! Не следует переправляться через нее и устремляться на Кайласу — у тех, кто нарушает покой обиталища Шивы, погибают все волшебные знания, — а следует тебе идти на север и там пройти через пещеру Трипиршу. Охраняется она царем по имени Девамая, весьма заносчивым, и не сможем мы двигаться дальше, если не одолеем его». А Дханавати подтвердила сказанное им. И тогда Нараваханадатта провел в том месте день, а к Девамае отправил вестника с дружественным посланием, но тот не принял его повелений.

Когда же забрезжил новый день, Нараваханадатта со всеми снарядившимися к битве царями пошел на Девамаю, а Девамая, лишь только узнал об этом, вместе с войском своим и в сопровождении царей Варахи, Ваджрамушти и многих иных выступил,

чтобы сразиться с верховным повелителем видьядхаров. И началась между двумя могучими армиями битва при Кайласе, и небо померкло от колесниц богов, собравшихся посмотреть на сражение. Ужасна была эта грозовая туча войны, разражавшаяся громами боевых кличей воинов, проливавшаяся ужасным дождем из отсеченных голов и разрубленных тел.

Ничего не было удивительного в том, что Чандасинха сразил бившегося впереди всех Вараху, предводителя полчищ Девамай, но удивительно было то, что сам Нараваханадатта, не используя никаких волшебных сил, пленил Девамаю, упавшего в беспомощности от жестоких ран, нанесенных ему в бою. А как попал он в плен, то все войско его с великими богатырями Ваджрамушти, Махабаху, Тикшнаданштрой и другими обратилось в бегство. И все боги, стоя на своих колесницах, возгласили: „Садху! Отлично! Славно!“ — и восславили победоносного верховного повелителя. Когда же привели к Нараваханадатте связанного Девамаю, он милостиво принял его и освободил, а тот, покоренный дланью Нараваханадатты, с Ваджрамушти и прочими стал под высокое покровительство верховного повелителя. Так завершилось сражение, и вместе с ним истощился свет дня.

На следующий день, когда Девамая пришел в шатер государя и там остался, Нараваханадатта, жаждущий пройти сквозь пещеру Триширшу, спросил у него о ней, и вот какую подлинную историю поведал Девамая.

О подлинной истории пещеры Триширши

„В давние времена, божественный, была Кайласа разделена на два царства: южное — Дакшина и северное — Уттара, предназначенные для лучших среди видьядхаров. Своим подвижничеством заслужил один из них, по имени Ришабха, соизволения Шивы на то, что назначается он верховным повелителем обоих царств. Но когда Ришабха полетел над Кайласой на северную ее половину, то пришел в гнев великий бог из-за того, что посмел тот оказаться выше его, и лишил видьядхару всех волшебных знаний, и рухнул Ришабха с небес. Жестокими подвигами снова умиловил он Шиву, и снова блистательный бог объявил Ришабху государем обоих царств. Тогда спросил его видьядхара: „Как могу я, божественный, быть верховным повелителем этих царств, если нельзя мне пролететь над Кайласой? Как попасть мне в царство Уттара?“

Услышав такой вопрос, бог, держащий в руке трезубец, пробыл в теле Кайласы, чтобы помочь Ришабхе проникнуть в царство Уттара, огромный проход. И пронзенная Кайласа, содрогнувшаяся от жестокой раны, удрученная, взмолилась Шиве: „Никогда, повелитель, не была доступна людям моя северная сторона, но теперь, через этот проход, пройдут сюда и они. Прошу тебя,

сделай так, чтобы никто не смел нарушить этот предел“. И тогда могущественный бог, упрощенный Кайласой, назначил, чтобы проход охраняли слоны, сторожащие страны мира, змеиные цари со смертельным для людей взглядом, гухьяки, таящиеся во мраке; у южного входа поставил он владыку видьядхаров Махамаю, а на севере — Каларатри, мрачную ночь конца мира, вместе с несокрушимой Чандикой. И, назначив, таким образом, стражу у этой пещеры, сотворил он великие сокровища и так решил, благостный:

„Да будет этот проход доступен с двух сторон лишь для того, кто завоюет эти сокровища, — для верховного повелителя видьядхаров, движущегося в поднебесье со своими супругами и министрами, и для тех, кто будет им назначен управлять северным царством! Пусть будет доступен он только лишь для тех, кого назвал я, и ни для кого иного!“ Так по слову Трехглазого был назначен Рishaбха верховным повелителем обоих царств, но когда, обуреваемый гордыней, стал воевать с богами, то был сражен Индрой, держателем ваджры.

Такова, божественный, подлинная история этой пещеры, называемой Триширша, недоступной никому, кроме подобных тебе. Со временем в роду Махамаи, назначенного охранять южный вход в Триширшу, родился Девамаи — это я, о государь. При моем рождении, повелитель, прозвучало с небес: „Вот родился среди видьядхаров герой, которого не победит никто из врагов, — только тот одолеет его, кому предназначено быть верховным повелителем видьядхаров, и лишь он будет его господином, и станет одним из близких к нему это дитя“. Победен я тобой, обретшим волшебные сокровища, могущественным, верховным повелителем обеих сторон Кайласы, и ты нам теперь господин. Так пройди же по Триширше и одолей оставшихся врагов“.

Умолк Девамаи, и верховный повелитель изрек: „Сегодня мы отправляемся к входу в Триширшу и станем там лагерем, а завтра утром, совершив необходимые приготовления, проникнем в пещеру“. Решив так, отправился он со всеми союзными царями к пещере. Остановившись перед ее входом, увидел он непроглядно-мрачную глубину, подобную той, в которой рождался лишенный солнца и света день конца мира. На завтра же, совершив жертвоприношение, на колеснице проник он в пещеру, и были с ним семь священных сокровищ, явившихся, как только он о них подумал, и сопутствовали ему вся свита и все войско. Рассеял он тьму лунным камнем, отвратил убийственные взоры змеев сандаловым деревом, с помощью волшебного слона усмирил слонов, охраняющих страны света, и разогнал гухьяков волшебным мечом, а прочие препятствия разрушил разными волшебными камнями, прошел вместе с войском через Триширшу и вышел через северный ее вход. И тут же увидел он северный склон Кайласы, подобный другому миру, достигнутому без нового рождения, и услышал с небес голос: „Слава тебе, верховный повелитель! Пройшел

ты через Триширшу благодаря величию, достигнутому с помощью волшебных сокровищ!“

Тогда обратились к повелителю Дханавати и Девама: „Здесь всегда, божественный, у этого входа витает Каларатри, сотворенная в ту пору, когда добывалась амрита из океана, самим Вишну, чтобы разорвать на части повелителей данавов, жаждавших похитить напиток бессмертия. Вот ее-то Шива и назначил охранять этот вход в пещеру, так чтобы никто иной не мог выйти из нее, кроме тех, кто тебе подобен. Ты, верховный повелитель, овладевший волшебными сокровищами, вышел из пещеры, и нужно ради успеха почтить ее, достойную поклонения“. Этими словами Дханавати и Девамаи закончился тот день для Нараваханадатты.

Когда же зарозовели под лучами вечерней зари вершины Кайласы, словно предвещая потоки крови в грядущей битве, опустилась на войско Нараваханадатты обретшая силу непроглядная тьма — казалось, вспомнила она, что, пройдя через пещеру, ее обитель, нанесло ей воинство повелителя видьядхаров оскорбление, и преисполнилась вновь вражды, — и точно побеги гнева Каларатри, разъяренной тем, что не было оказано ей почтения, закружились в вихре бхуты, ветапы, дакини, ганы и прочие силы тьмы. Тотчас же все войско лишилось чувств, будто впад в сон, и лишь один Нараваханадатта остался не подвержен помрачению. Понял он: разъярена Каларатри тем, что не оказано ей почтение. И принес верховный повелитель жертву ей цветами красноречия.

Не была обрадована Каларатри таким молением, и тогда, чтобы умиловить ее, решил Нараваханадатта принести в жертву богине свою голову, но только схватился за меч, как раздался ее голос: „Не спеши, сынок, не спеши! Добился ты успеха, герой, и да будет войско твое цело и невредимо, и да одержишь ты победу!“ И тотчас же войско очнулось, словно ото сна, и очнулись жены Нараваханадатты, и его друзья, и все видьядхары, и восславили они могущество верховного повелителя. И тогда герой отведal и еды и питья, и совершил все необходимые дела, и провел эту ночь из трех страж в таком томительном ожидании, словно было в ней сто страж.

Наступило утро, и, совершив жертвоприношение Каларатри, устремился Нараваханадатта навстречу Дхумашикке, преградившему со своим войском из видьядхаров ему путь. Началась тогда у Нараваханадатты с этим царем, главным из стана Мандарадевы, такая жестокая битва, что небо казалось состоявшим из одних мечей, земля — из голов героев, а речь — из одних свирепых боевых кличей: „Рази! Рази!“ Был Дхумашикха схвачен в бою и приведен к верховному повелителю. Нараваханадатта же, сломив его сопротивление, оказал ему почет и заставил признать свою власть. И в этот день ввел повелитель войско в город поверженного врага, и было оно словно дым от костра, на котором сгорела слава Дхумашикхи.

А на другой день узнал государь от соглядатаев, что Мандара-

дева, проведавший о его победах, вышел ему навстречу. Решил тогда Нараваханадатта вместе со всеми предводителями видьядхаров напасть на своего недруга и одолеть. Пройдя немного, увидел он войско Мандарадевы, окруженного сонмом царей, стоявшее в порядке, удобном для битвы, и, построив свое войско, Нараваханадатта, сопровождаемый союзными ему вождами, начал бой. Столкнулись в яростной схватке оба войска, и каждое из них было подобно океану, неотвратно заливающему все сущее в день конца мира, и славные герои на колесницах, возглавляемые Чандасинхой, бились с богатырями во главе с царем Канчанаданштрой. И содрогались все три мира, и колыхались горы, и словно от беспощадно палящего ветра конца времен разгоралось сражение, и Кайласа с одной стороны стала красной от пролитой крови витязей, а с другой — пепельно-серой, уподобившись самому супругу Гаури! И стала та битва, в которой мириады отражений солнца сверкали в лезвиях мечей, истинным концом света для героев, и вызвала она такое изумление у Нарады и других небожителей, пришедших посмотреть на нее, что перехватило у них дыхание, хотя и доводилось им видеть страшные битвы между богами и асурами.

В этой свирепой схватке кинулся на Чандасинху Канчанаданштра и свалил его жестоким ударом палицы. Видя сына своего павшим, прокляла Дханавати с помощью волшебства оба войска и повергла всех в сон — лишь верховный повелитель Нараваханадатта и Мандарадева остались бодрствовать. Боги же, увидев Дханавати разъяренной и зная, что способна она в гневе сокрушить мир, разбежались во все стороны. Заметив, что остался Нараваханадатта один, накинулся на него алчущий боя Мандарадева, а тот сошел с колесницы и, выхватив волшебный меч, немедленно отразил нападение. Тогда решил Мандарадева одолеть соперника волшебством и с помощью знаний своих принял облик обезумевшего от ярости слона, но Нараваханадатта с помощью своего превосходства в знаниях обратился в громадного льва. Тогда освободился Мандарадева от облика слона, а Нараваханадатта — от облика льва, и стали они сражаться в своем естественном облике и, сверкая искусством в разнообразных приемах и выпадах, действовали словно актеры, разыгрывающие представление на сцене.

Вот ловким выпадом выбил Нараваханадатта из рук Мандарадевы меч и тем отнял у него надежду на победу, а когда тот, лишенный меча, схватился за кинжал, то и его точно так же выбил из рук Мандарадевы верховный повелитель. Кинулся обезоруженный враг на Нараваханадатту, надеясь побороть его, но тот, поймав Мандарадеву за лодыжки, свалил его на землю, поставил ногу на грудь и уже схватил за волосы, готовый отсечь мечом голову, как подбежала к нему Мандарадеви, сестра поверженного, и, желая уберечь брата, заговорила: „Еще когда я увидела тебя в обители отшельника, то решила, что станешь ты мне супругом. Так не убивай же, божественный, шурина своего, моего брата!“

И когда прекрасная молвила это, отпустил великий и отважный Нараваханадатта пристыженного поражением Мандарадеву и сказал: „Отпускаю тебя, царь видьядхаров, и не стыдись — равно изменчивы для героев в бою и победа и поражение!“

На это ответил государю Мандарадева: «Что мне теперь жизнь, спасенному в битве женщиной? Пойду теперь к отцу, живущему в обители лесной, и предамся подвигам во имя веры. Ведь тебе предназначено быть верховным повелителем обоих царств. Давно уже отец предсказывал это!“ И с такими словами отправился гордый воин в обитель к своему отцу. „Слава тебе, верховный повелитель, покоривший всех врагов,— достиг ты полноты власти!“ — говорили взиравшие с небес боги.

Когда же Мандарадева удалился, Дханавати волшебной силой пробудила и своего сына, и враждующие войска. Восстав ото сна и узнав, что Нараваханадатта одолел всех врагов, министры и прочие вознесли хвалу победоносному, а цари Канчанаданштра, Ашокакари, Рактакша, Каладжихва и другие, бывшие на стороне Мандарадевы, приняли власть Нараваханадатты. Увидев Канчанаданштру, вспомнил Чандасинха об ударе, нанесенном ему в бою палицей, и пришел в ярость — крепко сжав рукоятку меча, замахнулся он на врага, но Дханавати охладила пыл сына словами: „Хватит, сынок, буйства! Кто тебя в бою одолеет? Чтобы избавить оба войска от истребления, на мгновение повергла я их в сон“. И тем обрадовала она верховного повелителя и все войско его. Нараваханадатта же испытал величайшее наслаждение, завоевав власть над Северным царством, в котором теперь уже не было места войне, поскольку врагов своих он либо гнул, либо подчинил, либо обратил в бегство, в то время как все друзья и союзники его остались невредимыми.

И тогда оглушительно загрохотали барабаны, возвещая торжество победы, и довольный Нараваханадатта, окруженный возлюбленными, министрами и множеством могущественных государей, провел тот день, украшенный великолепными песнями и плясками небесных дев, наслаждаясь им, словно упиваясь медом сломленного мужества врагов.

ВОЛНА СТО ДЕСЯТАЯ

Наступил новый день, и верховный повелитель Нараваханадатта со всем воинством ушел с плоской вершины Кайласы и по совету Канчанаданштры, шедшего, указывая путь, впереди, направился в столицу Мандарадевы город Вималу. Дошел он до Вималы, прекрасные стены и башни которой сверкали золотом, будто сама гора Меру явилась поклониться горе Кайласе, и вступил в тот чудесный город, находящийся под покровительством великих Вишну и Шри и переполненный неистощимым богатством, точно собрание несметных сокровищ, подобный океану, только что лишенному воды.

Когда воссел Нараваханадатта в зале совета, окруженный царями и небожителями, приблизилась к могущественному повелителю старуха из царского антахпура и молвила: „Побежденный тобой, удалился Мандарадева в лес, а его царицы, узнай, о божественный, услышав об этом, исполнены жажды взойти на погребальный костер“. Но не дал им покончить с собой Нараваханадатта, а наделил, словно сестер, и дворцами, и всякими другими дарами, и тогда все видьядхарские цари посчитали себя обязанными верховному повелителю за проявленное сострадание. А исполненный благоволения Нараваханадатта отдал царство, брошенное Мандарадевой, царю Амитагати, как это и было предназначено, и, так как Амитагати был верен и предан Нараваханадатте, отдал под его державу царей Канчанаданштру и других, следовавших за Мандарадевой. Провел верховный повелитель в богатых садах Вималы семь дней, словно предаваясь наслаждениям в объятиях новой супруги своей, богини — покровительницы царства северного склона Кайласы.

Обретя власть над видьядхарскими царями обеих сторон Кайласы, этого великого алтаря, возжелал Нараваханадатта большего, и хотя отговаривали его министры, но выступил он в поход, чтобы завоевать саму страну Меру, неприступное обиталище богов. Блистательно преуспевающие, даже когда они обретают чрезмерные богатства, не останавливаются в жажде достичь чего-то особенного, точно неукротимый лесной пожар. Тогда явился перед ним мудрый Нарада и произнес такие слова: „Хоть и сведущ ты в политике, но что означает, государь, стремление твое к недостижимому? Тот, кто из гордыни затевает подобное, навлекает на себя позор — подобен он Раване, вознамерившемуся вырвать из земли Кайласу. Ни солнце, ни луна не могут пройти над страной Меру — и ты не сможешь. Ведь Шива повелел тебе властвовать над видьядхарами, а не над богами. Завоевал ты Хималай, страну видьядхаров, так что тебе за дело до Меру, страны богов? Откажись от этой невыполнимой затеи! Коли желаешь себе блага, повидайся лучше с живущим в лесу Акампаной, отцом Мандарадевы“. И когда мудрый Нарада закончил говорить и дал таким образом совет верховному повелителю, а затем услышал от него слова согласия, то удалился так же, как и появился.

Верховный повелитель, получивший предостережение от Нарады и понимающий порядок дел, вспомнил, что рассказывал ему Девамаея о гибели Ришабхи, и, поразмыслив, отказался от похода на страну богов. Вместо этого отправился он в ашрам повидаться с царственным мудрецом Акампаной. Вступил он в него, напоминающий мир Брахмы, полный святых отшельников, искусных в йоге и сидящих в позе лотоса, и, увидев престарелого Акампану, облаченного в лубяную одежду и украшенного косой, подобного раскидистому дереву, окруженного множеством великих мудрецов, приблизился к нему и поклонился, а царственный старец, оказав ему гостеприимство, молвил: „Хорошо поступил

ты, государь, что пришел в нашу обитель,— если б миновал ее, прокляли бы тебя отшельники“.

А пока Акампана говорил это верховному повелителю, живший в той пустыни Мандарадева, который принял обет подвижничества, пришел к отцу в сопровождении своей сестры, царевны Мандарадеви. Увидел его Нараваханадатта и обнял — ведь у доблестных естественна и уместна любовь к побежденным и смирившимся врагам. Видя, что вместе с братом пришла Мандарадеви, обратился царственный мудрец к Нараваханадатте: „Вот, государь, дочь моя, и имя ее — Мандарадеви. Предречено ей божественным соизволением быть женой верховного повелителя видьядхаров. Так прими ее, божественный, мною тебе отданную!“ Промолвил это святой отшельник, и сказала тогда его дочь: „Есть у меня четыре подруги: одна из них — Канакавати, дочь Канчанаданштры, другая — дочь Каладжихвы, по имени Калавати, третья — дочь Диргхаданштры, по имени Шрути, и четвертая — дочь Патрараджи, и зовут ее Амбарапрабха. Давно как-то впятером гуляли мы и увидели в обители этого благородного, и так он нам понравился, что решили мы: будет он мужем всем пятерым, а если кто-нибудь из нас сделает его своим мужем отдельно, то другие покончат с собой, а та будет в этом виновна. Так что не годится устраивать для меня свадьбу без подружек. Разве можно людям, подобным мне, нарушать условленное?“ Только сказала все это верная слову дева, как отец ее Акампана позвал четырех вождей видьядхаров, отцов названных ею подруг, и поведал им о том, что случилось. И каждый из них решил, что достиг цели жизни, и привел дочь свою. И тогда Нараваханадатта женился по очереди на каждой из дев, начиная с Мандарадеви, и провел с ними много дней, трижды в день поклоняясь мудрецам, а вся его свита предавалась торжеству.

„Теперь, государь, ступай на гору Ришабху — там должно совершить обряд великого помазания!“ — велел ему Акампана, а Девамаи подтвердил: „Да, божественный, именно так и надлежит поступить, ведь и прежде бывшие верховными повелителями видьядхаров Ришабха и другие приняли помазание на той самой горе“. Слыша это, стал Харишикха восхвалять находящуюся неподалеку гору Мандару, как удобную для совершения помазания, но вдруг с небес раздалось: „Все, прежде достигавшие сана верховного повелителя, о царь, принимали великое помазание на горе Ришабхе, и потому теперь же ступай на это достойное место!“

Выслушав повеление с небес и поклонившись Акампане и другим мудрецам, в благословенный день отправился в путь Нараваханадатта и вместе со всеми царями видьядхаров, возглавляемыми Амилагати, дошел до северного входа в пещеру Триширшу, и принеся жертву Каларатри, вступил в ту пещеру, и вышел из нее на юге. Когда вышел он оттуда со всеми своими войсками, то по просьбе Девамаи провел целый день в его дворце. А вспомнив о том, что рядом, на Кайласе, находится сам Шива, тотчас же

вместе с Гомукхой поспешил он туда, чтобы ему поклониться. Достигнув обители Шивы и поклонясь Сурабхи, священной корове, и быку Нандину, охраняющему вход в святилище, обратился Нараваханадатта к нему с мольбой допустить его пред очи бога, и Нандин, довольный тем, что обошел повелитель видьядхаров его слева направо, впустил его. Войдя же, увидел Нараваханадатта восседавшего рядом с Парвати бога, несущего на знамени быка и далеко рассеивающего наслаждение снопами лучей месяца у него на челе, мечущимися в разные стороны, словно желая спастись бегством от всепобеждающего сияния лика блистательной Гаури. И развлекались бог и его супруга игрой в кости, которые, словно глаза, как хотели, так и поворачивались, выполняя каждая назначенное ей дело — оставалась свободной, игривой и непостоянной, но подчинялась его воле. И когда Нараваханадатта узрел Подателя желаний, пал он в ноги ему и дочери Повелителя гор и дважды прополз вокруг них слева направо.

„Достоин поступил ты, что пришел сюда, не то совершил бы ошибку. Отныне же да будут все твои знания несокрушимы! Теперь, сынок, ступай на гору Ришабху и без промедления, в назначенное время, прими великое помазание!“ — рек ему Шива, и верховный повелитель видьядхаров, услышав это, молвил: „Так тому и быть!“ — и, поклонившись богу и его супруге, вернулся во дворец Девамаи. Когда же вступил он туда, шутливо спросила его Маданаманчука: „Куда ходил ты, благородный, что такая радость сверкает на твоём лице? Уж не обрел ли ты, подобно тому как это случилось здесь, еще пятерых невест?“ А он в ответ поведал ей, что с ним было на самом деле, и обрадовал ее, и были они счастливы.

На другой день, словно даруя небу своим сиянием второе солнце, взошел на лучшую из колесниц Нараваханадатта вместе с женами и министрами и, сопровождаемый воинством гандхарвов и видьядхаров, отправился на гору Ришабху. Доехал он до этой божественной горы, а пока ехал к ней, придорожные деревья, ветви, листья и лианы, их опутывающие, развевались на ветру, словно пряди волос подвижников, и приносили ему в жертву цветы, подобно тому как подвижники приносят жертву, совершая подвиги веры.

Там, на той горе, собрались цари видьядхаров, завершившие все приготовления, приличествующие великому помазанию их верховного повелителя, и собрались они со всех сторон, держа в руках подобающие дары, и одни из них были преданы ему, другие — испуганы, третьи — покорны, а четвертые — почтительны. Спросили у Нараваханадатты видьядхары: „Которая из цариц, божественный, займет рядом с тобой место на троне при совершении великого помазания?“ И когда сказал он: „Со мной на троне при совершении великого помазания будет царица Маданаманчука!“, то всех охватило сомнение, ибо была она рождена смертной женщиной. Но тут зазвучало в поднебесье божественное слово: „Внем-

лите, видьядхары! Маданаманчука не смертная женщина, а сама Рати, снизошедшая на землю, чтобы стать супругой вашего властелина, в котором воплощен Кама. Не была рождена она Калингасеной от Маданавеги, а боги подменили ею, не из чрева рожденной, младенца, действительно рожденного, который был убран от матери, — творец отдал его Маданавеге, при котором ребенок, получивший имя Итьяка, и вырос. Так что по праву и достоинству займет место на том троне рядом с мужем Маданаманчука, и это давно было ей обещано самим Харой, довольным ее подвижничеством“. На этом закончилась небесная речь, и все видьядхары возрадовались и восславили божественную Маданаманчуку.

В день, отмеченный благостными приметами, начал пурохита Шантисома обряд, и зазвучали благовестные трубы, и раздались благозвучные песни небесных дев, и голоса брахманов, читавших веды, заполнили все десять стран света, и тогда великие мудрецы пролили на Нараваханадатту и Маданаманчуку, сидевшую на троне слева от него, воду, принесенную в золотых сосудах с разных мест святых купаний, и — вот что чудно! — стоило лишь каплям влаги, освященной чтением мантр, коснуться головы повелителя, как из душ его врагов ушла былая вражда. Сама Лакшми, рожденная из океана, присутствовала в этой воде во время великого обряда, чтобы на виду у всех заключить государя в свои объятия, а сброшенные небесными девами бесконечные гирлянды цветов падали на него, словно струи Ганги, нисходящей с небес, обнимали его тело, умащенное шафраном, точно доблестью. А сам повелитель был подобен солнцу, восходящему в блеске зари после омовения в океанских водах, и, сверкающий богатыми одеждами и украшенный венком из цветов мандары, похитил, когда возложили на него корону, славу Индры. И во все время великого обряда стояла рядом с ним Маданаманчука, блиставшая божественными украшениями, как сама Шачи. И хоть стало темно в тот день, оттого что, подобно ливню и грому из грозовой тучи, падал с неба дождь небесных цветов и гремели небесные литавры, но был он светел — ведь озарялся он, словно вспышками молний, сиянием красоты небесных дев. А затем в городе Повелителя гор поплыли в танце не только лучшие из видьядхары, но и лианы, колеблемые дуновением ветра. Голоса же сказителей, подыгрывавших себе на тамбуринах, умножались, бессчетно отзываясь эхом в пещерах горы, и, переполненная видьядхарами, охмелевшими от божественного питья и ходившими уже неверной походкой, сама гора как бы шаталась от хмеля. Глядя на этот праздник, великий Индра, стоявший на своей колеснице, почувствовал, что торжество по поводу помазания Нараваханадатты затмило его собственное.

Когда же свершилось давно желанное помазание верховного повелителя, вспомнил Нараваханадатта о своем отце и захотел увидеть его. Посоветовавшись с Гомукхой и другими министрами, позвал он царя Ваюпатху и повел ему: „Ступай и привези сюда

моего отца, сказав: „Нараваханадатта тоскует по тебе“ — и поведав обо всем, что тут было. Вместе же с ним привези и супруг его, сказав и им, что я по ним тоскую, а также привези всех его министров“. И молвил Ваюпатха на это: „Так тому и быть!“ Умчавшись в поднебесье, тотчас же достиг он Каушамби, и жители этого города со страхом и удивлением увидели, как опускается он, окруженный семьюдесятью миллионами видьядхаров.

Увидел тут Ваюпатха Удаяну, владыку ватсов, с его министрами и женами, а тот оказал посланцу должный почет и посадил возле себя. Царь же видьядхаров, на которого все смотрели с удивлением, осведомившись о здоровье Удаяны, повел такую речь: „Твой сын Нараваханадатта, умилиستив Шиву и удостоившись лицезреть его, вознагражден был милостью бога, сделавшего все волшебные знания Нараваханадатты несокрушимыми для врагов. Сразив Манасавегу и Гауримунду в Южном царстве и одолев Мандарадеву, правившего Северным царством, и тем объединив оба царства, обрел он великий сан верховного повелителя всех видьядхарских царей, и подчинились они его власти. Теперь состоялось на горе Ришабхе великое помазание, и сын твой, о государь, тебя помнит и жаждет видеть вместе с супругами, и министрами, и прочей свитой, а я послан верховным повелителем, чтобы помочь тебе скорее отправиться в путь,— блаженны те, кто видит, как их потомство возвышает честь рода“.

Узнав благую весть от Ваюпатхи, повелитель ватсов исполнился столь горячего стремления увидеть сына, что уподобился павлину, начинающему приплясывать, только заслышав громахание грозовой тучи, и согласился на приглашение. Сел он в паланкин, который был у Ваюпатхи, и тотчас же благодаря могуществу знаний видьядхары вместе с Васавадаттой и прочими своими женами и всеми министрами оказался на великой горе, имя которой Ришабха. Там увидел он сына, сидящего на божественном львином троне в окружении множества жен и царей видьядхарских, подобного месяцу в окружении сонма планет и множества звезд, украсившему чело горы Востока. При виде сияния славы, окружавшего сына, испытал Удаяна такую полноту счастья, будто его оросило животворной амритой, и уподобился он океану, вздымающемуся при восходе луны.

Нараваханадатта же, который давно не видел отца, взволнованный, пошел навстречу ему со своей свитой, и обнял его отец и прижал к груди, и верховный повелитель, орошенный радостными отцовскими слезами, словно вновь прошел великое помазание. Долго обнимала государя царица Васавадатта, и при виде сына грудь ее стала источать молоко, и он вспомнил детство, а Падмавати, Яугандхараяна и все министры его отца, и Гопалака, брат его матери, не могли насытить взоры красотой его амритоподобного тела, словно чакоры, упивающиеся сиянием луны. Каждого из них повелитель привлекал как подобало. Калингасена же при виде зятя и дочери почувствовала радость, для которой оказались тес-

ны все три мира,— что уж говорить о собственном ее теле! Яугандхараяна и другие министры при взгляде на лица Марубхути и прочих их сыновей, которым благодаря милости верховного повелителя видьядхаров досталась божественная благодать, возрадовались этому.

Убранная дивными украшениями царица Маданаманчука вместе с Ратнапрабхой, Аланкаравати, Лалиталочаной, Карпурикой, Шактияшей, Бхагиратхаяшей, и с божественной красоты сестрой Ручирадевы, с Вегавати и Аджинавати, а также с Гандхарвадаттой, Прабхавати, и еще с Атманикой и Ваювегайшей с ее четырьмя подружками во главе с Каликой, и с Сулочаной, и с еще пятью небесными красавицами, среди которых старшей была Мандарадеви,— все супруги Нараваханадатты, верховного повелителя видьядхаров, склонились к стопам своего свекра, державного повелителя ватсов, Васавадатты и Падмавати. А те от радости обрушили на них бремя благословений. Когда же повелитель ватсов и его супруги заняли подобающие им места, взошел сам Нараваханадатта на доставшийся ему величественный трон. Царица Васавадатта радовалась, глядя на новых невесток своих, и у каждой из них спрашивала, как имя ее и из какого она рода, а властитель ватсов и другие, видя божественное величие Нараваханадатты, утвердились в мысли, что не напрасно было их рождение и цель его достигнута.

Так началось великое торжество встречи родных, и, когда уже все были охвачены радостью, вошел пратихара, доблестный Ручирадева, и возгласил: „Да пожалуют высокочтимые в трапезную!“ Услышав это, вступили все в нарядную трапезную, где приготовлены были кубки, усыпанные разными драгоценными камнями, подобные раскрывшимся лотосам,— так что сама трапезная словно обратилась в пруд, заросший лотосами. И было в той трапезной столько стройных жен, держащих кувшины, полные хмельного, что казалось, будто странствовала по ней вырванная из рук похитителя сама амрита. Отведали гости вина, разрушающего речь осмысленную и лишающего женщин стыдливости, распалюющего страсть, составляющую суть жизни Смарты и учителя наслаждений Мадху, и у них, отведавших вина мадху, лица покраснелись, словно расцвели пурпурные лотосы на озере под лучами солнца на заре. А кубки цвета розового лотоса, словно испугавшись, что порозовели они от прикосновения превзошедших их цветом розовых губ цариц, скрыли свой цвет вином. Когда же у красавиц от хмеля, словно при надвигавшемся гневном, стали краснеть глаза и гневом ломаться брови, расселись гости в трапезной по чину, кому где положено, и было там множество всяческих по-разному приготовленных яств, порожденных богатством воображения и мастерством изготовления. А столы в той трапезной были устланы превосходными скатертями и уставлены драгоценнейшими чашами, и увешана она была занавесями и тканями, и было там много всякого, устроенного на разные вкусы, словно в

театре богини счастья. Пока услаждали себя гости приготовленными яствами, солнце склонилось в сумерках к горе Заката, и разошлись все по покоям на отдых. Нараваханадатта же с помощью волшебного знания сотворил себе множество одинаковых обличей так, что одновременно находился с каждой из цариц в ее покое, но сам наслаждался объятиями исполненной страсти главной супруги своей — Маданаманчуки, лицо которой было подобно луне, а очи сверкали, как звезды, а сама она была прекрасна, как ночь. Повелитель ватсов вместе со своими спутниками провел ночь, предаваясь божественным наслаждениям, словно достиг нового рождения, оставаясь в старом теле. Когда же наступило утро, стали все они предаваться новым удовольствиям, как и раньше, в садах и дворцах, порожденных волшебным знанием.

Так много дней провел исполненный любви к сыну владыка ватсов, но однажды пришел он, желая вернуться в свою столицу, к верховному повелителю тех, кто движется в поднебесье, и сказал: „Какой разумный не возрадуется, сынок, этим божественным наслаждениям? Но неистребимо влечет людей любовь к жилищу на родной земле, так что отправимся мы теперь в свою столицу, а ты наслаждайся властью над видьядхарским царством, потому что вполне подобает это твоей природе — наполовину человеческой, наполовину божественной. Но тебе снова следует призвать меня, когда представится случай, ибо плод моего рождения в том, чтобы видеть твой луноподобный лик, исполненный амриты прелести, радующей глаза, и радоваться твоему божественному счастью!“

Выслушав искреннюю речь отца своего, повелителя ватсов, божественный Нараваханадатта призвал царя видьядхаров Девамаю и голосом, вздрагивающим от рвущихся из сердца слез, вымолвил: „Отправляется батюшка мой с матушками, министрами и прочими, кто с ним пришел, в свою столицу, так что отправь вперед караван из тысячи слуг видьядхарских и распорядись, чтобы каждый из них был нагружен ношей золота и драгоценностей“. Девамая же, получив от господина такое повеление, склонился перед ним и ответил: „Сам я, благодетель, буду сопровождать его со всей свитой до самого Каушамби, чтобы обеспечить успех и благополучие!“

Одарил верховный повелитель видьядхаров отца своего одеж- дами и украшениями, назначил ему и его свите в попутчики Ваюпатху и Девамаю, и тогда снова взошел владыка ватсов со всеми спутниками на божественную колесницу и отправился в свою столицу. Когда же он велел сыну, долго провожавшему отца, возвратиться, то при расставании у царицы Васавадатты тоска, которую почувствовала она при прощании на горе Ришабхе, усилилась во сто крат — сквозь слезы смотрела мать на склонившегося перед ней сына. С трудом заставила она себя продолжать путь. Нараваханадатта же, сопровождаемый министрами, проводив родителей, с лицом, залитым слезами, вернулся на гору Ришабху

и стал вместе с Гомукхой и другими министрами, с которыми рос с детства, и со множеством царей видьядхарских вершить дела, достойные верховного повелителя видьядхаров. И никогда не испытывал он пресыщения, предаваясь небесному блаженству с Маданаманчукой и другими жительницами своего антахпура.

Волны сто одиннадцатая — сто тринадцатая составляют «Книгу о Суратаманджари», в которой рассказывается о кончине деда Нараваханадатты царя Чандамахасены и о том, что сам Удайна и Васавадатта решили уйти в леса, ибо время Удайны и его близких пришло. Взошел Удайна с супругами и министрами на вершину горы Каланджары и бросился со скалы, но тут подхватила их всех сверкающая колесница и вознесла на небеса. Горько оплакивал отца и мать Нараваханадатта. Он совершил в честь родителей возлияние воды и провел некоторое время в гостях у Гопалаки, брата его матери, в его лесной обители.

Пришлось Нараваханадатте разбираться в похищении его шурином видьядхарой Итьякой красавицы Суратаманджари, жены царевича Авантивардханы. Долго и обстоятельно рассматривал он все свидетельства и наконец приговорил Итьяку к казни, но отшельники во главе с божественным мудрецом Кашьяпой попросили Нараваханадатту отменить свой приговор, ибо это было единственным прегрешением Итьяки, и верховный повелитель видьядхаров согласился удовлетворить их просьбу.

Однажды обратился к Нараваханадатте Кашьяпа с такими словами: «Не было и не будет, божественный, верховного повелителя видьядхаров, подобного тебе, истинно любящему правду, чтобы его разум оказался неподвластен любви, родству и прочим чувствам. Немало властителей было в прошлом, но они, запутавшись в разных грехах, погибли, лишившись почестей. Таких, как Ришабха, Сарвадамана и Бандхудживака, наказал сам Шакра за их непомерную гордыню. Джимутавахана утратил великий сан из-за похвалы своими благодеяниями. Вишвантара обезумел от тоски по своему сыну, убитому царем Чеди за прелюбодеяние с его женой, и лишился мужества. Лишь один Таравалока, хотя и был человеком, смог, достигнув великого сана верховного повелителя видьядхаров, долго наслаждаться благами власти, не допуская греха, а когда стал испытывать отвращение ко всему мирскому, отрекся от царства и удалился в лес. Не шло видьядхарам впрок достигнутое ими высокое положение, вступали они, ослепленные страстью или другим чувством, на несправедливый путь и лишались того, что имели. Поэтому, божественный, ты всегда должен быть осмотрительным, чтобы не оступиться на стезе добродетели и удерживаться от нарушения дхармы».

И спросил Кашьяпу Нараваханадатта о том, как же Таравалока, смертный человек, обрел некогда власть над видьядхарами, и тогда Кашьяпа поведал ему историю этого добродетельного царевича, постигшего все науки и смысл всех слов, но не ведавшего, что означает слово «нет», и безмерной способностью отдавать все, что бы ни попросили, заслужившего благоволение самого Индры.

Прилежно внимал Нараваханадатта словам богомудрого Кашьяпы, и обещал строго следовать его советам, и повелел: «Да будет ведомо видьядхарам, что всякий, кто преступит дхарму, Высший Закон Справедливости, будет предан смерти!»

И слава о нем разнеслась по всем мирам.

КНИГА О ПАДМАВАТИ

ВОЛНА СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Слава Шиве, принимающему бесчисленное множество обликов, совершеннейшему аскету, хоть и сделавшему возлюбленную половиной своего тела, лишенному каких-либо качеств, достойному объекту почитания всего мира!

Восславим Ганешу, рассеивающего хлопаньем ушей тучи пчел, вырывающихся из его хобота, словно бы разгоняя сонмы препятствий!

Итак, Нараваханадатта, достигший высочайшего сана верховного властителя над всеми царями видьядхаров, пребывал на Калакуте, Черной горе, и пережидал время дождей, коротал часы в обители мудрого Капьяпы и в обществе своего дяди Гопалаки, брата его матери, обратившегося к жизни подвижника. Он постоянно был в окружении своих двадцати пяти жен, его сопровождала

ли министры, и сыновья разных видьядхарских царей ему служили, и он развлекал себя тем, что рассказывал разные истории. Однажды мудрецы и их жены обратились к нему: «Скажи, яви милость, кто и как развлекал тебя, истомившегося от разлуки, когда благодаря своей волшебной силе Манасавета похитил Маданамачуку?»

Когда услышал Нараваханадатта вопрос мудрецов и их жен, то промолвил: «Как поведать вам, сколь велика была печаль, испытанная мной, когда этот злобный враг похитил мою супругу? Не было ни дворца, ни покоя, ни сада, куда бы не заглядывал я в сопровождении своих министров. Наконец сел я, вне себя от горя, под деревом, и Гомукха, воспользовавшись этим, заговорил, желая утешить меня: „Не отчаивайся, повелитель, скоро ты вернешь свою супругу — ведь боги предрекли, что ты будешь править видьядхарами вместе с нею. Все должно случиться так, как предсказали боги, ибо их обещания всегда сбываются, а решительные люди, выстояв в разлуке, обретают воссоединение с теми, кого они любят. Разве, претерпев разлуку, не соединились со своими возлюбленными и сам Рамабхадра, и царь Нала, и твой собственный дед? И разве повелитель видьядхаров Муктапхалакету не воссоединился с Падмавати, хотя и был разлучен с нею? Слушай же, повелитель, я поведаю тебе, что случилось с Муктапхалакету и Падмавати“. И, сказав так, вот что поведал мне Гомукха.

Еще одна история о царе Брахмадатте и золотых лебедях

„Есть в этой стране город, прославившийся повсюду под именем Варанаси, который, подобно телу Шивы, украшен Гангой и дарует освобождение. Флагами, развевающимися на храмах, то взлетающими от ветра вверх, то ниспадающими, когда он ослабнет, город словно взывал к людям: „Придите ко мне и обретите спасение!“ Усеянный башнями белых дворцов, он выглядел словно вершина Кайласы, обители бога, чье чело украшено полумесяцем, полная сонмов служителей Шивы.

Жил в этом городе с давних времен царь, звавшийся Брахмадатта, беспредельно преданный Шиве, покровитель брахманов, доблестный, благородный и сострадательный. Его повеления исполнялись по всей земле и не застревали в горных проходах, не тонули в морях, и не было материка, коего бы они не достигали. И была у царя супруга Сомпрабха, столь милая и сладостная, как лунный свет для чакоры, и его взор всегда упивался ее видом. Был у него также и министр, звавшийся Шивабхути, равный по разуму самому Брихаспати, наставнику богов, проникший в сокровенные глубины смысла всех шастр.

Однажды ночью тот царь, возлежа на крыше дворца, открытой потоку лунных лучей, увидел пролетающую в вышине пару

лебедей, тела которых были подобны сверкающему золоту, и выглядели они словно два золотых лотоса, раскрывшихся в водах небесной Ганги, и сопровождала их вереница благородных гусей. Когда эти изумительной красоты лебеди скрылись из виду, долго огорчался царь, и душа его была полна сожаления, что более не мог он наслаждаться их лицезрением. Всю ночь он не спал, а когда наступило утро, то рассказал министру своему Шивабхути о том, что видел, и сокрушенно промолвил: „Что ж, коли не могу я усладить свой взор красотой этих лебедей, что за радость мне от царства и даже от самой жизни?“

Выслушал царя верный его министр Шивабхути и возразил ему: „Не тревожся, есть средство исполнить твое желание, и я скажу тебе, в чем оно состоит. Различные следствия деяний в прежних рождениях, и потому столь не похожи бесчисленные множества живых существ, созданных творцом в этом многообразном мире. Мир же наполнен страданиями, но, заблуждаясь, живые существа питают иллюзию, будто они могут обрести в нем счастье и ищут себе удовольствия и в доме, и в пище, и в питье. И повелел творец, чтобы различные живые существа получали различные виды пищи, питья и жилищ в зависимости от сословия, к которому каждый из них принадлежит. Вели, государь, выкопать большое озеро, которое могло бы стать жилищем для этих лебедей, и пусть будет оно покрыто лотосами, и пусть охраняет озеро стража, чтобы не грозило лебедам истребление. Вели рассыпать на берегах озера пищу, которую любят пернатые, с тем чтобы всякие водяные птицы спешили бы сюда со всех сторон. Непременно среди них будут и те золотые лебеди, и ты сможешь постоянно их видеть. Не отчаивайся!“

Когда министр сказал все это царю Брахмадатте, тот повелел устроить, согласно его словам, озеро, и оно было незамедлительно выкопано. Стали прилетать на озеро лебеди, журавли и утки, а через некоторое время опустилась на него и та пара лебедей и села среди лотосов. Тогда стражники, назначенные охранять озеро, пришли к царю и сообщили об этом, и на радостях поспешил туда Брахмадатта в надежде, что его желание исполнилось. И увидел он тех золотых лебедей, и приветствовал их издали, и рассыпал для их удовольствия зерна риса, вымоченные в молоке. И так были они интересны царю, что все время стал проводить он на берегу, любуясь этими лебедями, их телами из чистого золота, их глазами жемчужными, их клювами и лапами цвета коралла, их крыльями цвета изумруда, а лебеди относились к нему с доверием.

Случилось в какой-то день так, что царь, прогуливаясь по берегу озера, увидел в одном месте приношение из неувядающих цветов и спросил у стражников: „Кто совершил эту жертву?“ И тогда стражники ответили: „Каждый день, на заре, в полдень и во время заката, эти лебеди купаются в озере, приносят жертву и стоят, погрузившись в размышление. Не знаем мы, государь, что

бы значило это великое чудо“. Когда выслушал Брахмадатта стражей, то подумал про себя: „Никогда не было видано, чтобы лебеди так поступали. Вероятно, скрыта здесь какая-то тайна. Буду совершать я подвиги веры, чтобы понять, кто же эти лебеди“. И тогда царь, и супруга его, и его министр отказались от пищи, и стали заниматься подвижничеством, и погрузились в размышления о Шиве. Через двенадцать дней после начала поста явились царю во сне оба божественных лебедя и сказали внятно: „Пробудись, государь, завтра расскажем мы тебе, твоей супруге и министру, когда прекратите вы свой пост, по секрету всю правду“. И после того лебеди исчезли, а на следующее утро, когда царь, его супруга и министр проснулись, они завершили свое подвижничество и поели, и, когда они сидели в беседке около озера, к ним пришли оба лебедя, и царь принял их с почтением и попросил: „Расскажите мне, кто вы?“ И тогда они рассказали свою историю.

Как Парвати обрела пятерых своих слуг быть рожденными на земле

„Есть среди гор земных истинный царь и повелитель, прославленный под именем Мандара, в чьих рощах из сверкающих драгоценностей прогуливаются боги, на чьих склонах, орошенных амритой, выплеснутой из Молочного океана, произрастают цветы, плоды и коренья, избавляющие от старости и смерти. Высочайшие вершины Мандары, состоящие из различных драгоценных камней,— обычное место развлечений Шивы, и он любит этого великана среди гор больше, чем Кайласу, свое жилище. Там однажды оставил он Парвати, с трудом оторвавшись от нее, и исчез, так как нужно ему было выполнить ради богов некое дело. Богиня же, огорченная его отсутствием, бродила по разным местам, где он любил развлекаться, а другие боги пытались ее утешить.

И в какой-то день богиня, взволнованная приходом Весны, сидела под деревом в окружении ганов, думая о своем возлюбленном. Случилось тогда, что гана Манипушпешвара взглянул нежно на девушку, которую звали Чандралекха, дочь Джаи, овевавшую богиню опухолью. Он был достоин ее и по красоте, и по возрасту, и девушка ответила ему взглядом, исполненным любви. Два других ганы, которых звали Пингешвара и Гухешвара, заметили это и переглянулись, и улыбка скользнула по их лицам. И заметила ее богиня, и с сердцем, исполненным гнева, стала она бросать взгляды то в одну сторону, то в другую, высматривая, чему улыбаются ее слуги таким недостойным образом, и увидела, что Чандралекха и Манипушпешвара влюбленно глядят друг на друга.

Тут Парвати, вне себя от горести разлуки, пришла в ярость и прокляла их всех: „Эти двое юных прелестно сыграли, глядя друг на друга влюбленно, пока нет великого бога, а эти двое негод-

ных хорошо сделали, что улыбнулись, заметив, как те переглядывались. Вот и пусть теперь любезник и его красотка, ослепленные страстью, претерпят рождение в человеческой утробе и затем станут мужем и женой. А эти не ко времени зубы скалившие сначала будут нищими брахманами, потом — брахмаракшасами, потом — пишачами, потом — собаками с обрубленными хвостами, потом же — птицами разных видов. Ведь их-то умы не были омрачены, когда повели они себя столь непочтительно!”

После того как богиня произнесла такое повеление, гана Дхурджата подал свой голос: „Несправедливы, великая, твои слова. Эти превосходные ганы никак не заслуживают столь жестокого наказания за столь ничтожный проступок“. Но, ослепленная гневом, богиня и его наказала: „И ты тоже, умник, не знающий своего места, родись из смертной утробы“.

И тут, после этих ужасных проклятий, служанка Джая, мать Чандралекхи, пала к ногам Парвати, охватила их и взмолилась: „Укроти гнев, богиня, назначь предел твоего проклятия моей дочери и другим слугам, согрешившим лишь по неведению“. Упросила Джая богиню, и та сказала: „Когда все они, достигнув прозрения, с прошествием некоторого времени встретятся и вместе посетят Шиву там, где Брахма и другие боги свершали подвиги веры, то смогут они тогда вернуться к нашему двору, избавленные от проклятия. Чандралекха же со своим возлюбленным, да и Дхурджата будут счастливы в жизни среди смертных, но те двое претерпят жизнь, полную страданий“.

Как раз на этих словах богиня остановилась, ибо, прослышав об отсутствии Шивы, явился туда асура Андхака. Самонадеянный Андхака замыслил соблазнить богиню, но помешали ему ее приближенные, осыпавшие асуру насмешками и бранью, и он убрался, но все равно был сражен Шивой, узнавшим, для чего Андхака являлся. Когда Шива, свершив этот подвиг, вернулся домой и Парвати на радостях встречи рассказала, что к ней пытался проникнуть Андхака, то Махешвара сказал: „Сегодня сразил я рожденного некогда усилием моей мысли Андхаку, и он теперь будет здесь Бхрингином, так как ничего, кроме кожи и костей, не осталось от него“. И, сказав это, Шива остался там, развлекаясь с богиней, а пятеро проклятых ею слуг — Манипушпешвара и другие — отправились на землю.

Теперь же, государь, соизволь выслушать длинную и любопытную историю о Пингешваре и Гухешваре.

Превращения Пингешвары и Гухешвары

„Есть на земле деревня Яджнястхала, пожалованная царем брахманам, в которой жил богатый и добродетельный брахман Яджнясома. Когда достиг он зрелых лет, родились у него два сына: старшего звали Харисома, а младшего — Девасома. Со вре-

менем кончилось их детство, и они прошли обряд посвящения, и украсил их джанев, и тогда случилось так, что отец их утратил богатство, а затем умер, и умерла его жена, их мать.

Эти двое несчастных, потерявшие отца и оставшиеся без пропитания, к тому же лишились из-за происков алчных родичей своей земли, и вот сказали они друг другу: „Обречены мы теперь на то, чтобы жить подаяннем, но кто подаст нам здесь милостыню? Отправимся же к нашему деду, родителю нашей матери, хотя и далеко он отсюда живет. Рожденным в этом мире, кто нам порадует, если мы явимся к нему? И все же идем. Что еще можем мы делать, лишённые всего на свете?“ И, решив так, двинулись они в путь, побираясь по дороге, и мало-помалу подошли к той аграхаре, где стоял дом их деда. Там, расспрашивая людей, узнали бедняги, что дед их Сомадева умер и его жена скончалась вслед за ним.

Тогда, серые от пыли, отчаявшиеся, пошли они к своим дядьям, братьям матери Яджнядеве и Кратудеве. По-доброму приняли их достойные брахманы и дали им и одежду, и пропитание, и предалися юноши наукам. С течением времени, однако, сократилось богатство Яджнядевы и Кратудевы, и не могли они больше содержать слуг, и тогда пришли дядья к своим племянникам и сказали им ласково: „Дорогие дети, мы больше не можем нанимать человека, чтобы присматривать за скотом, так как мы сильно обеднели,— присмотрите уж вы за ним“. Когда же говорили это дядья, то голоса их прерывались от слез, и юноши согласились и каждый день гоняли скот в лес, пасли его там, а по вечерам, усталые, гнали домой.

Так и пасли братья скот, пока не случилось однажды, что уснули они от усталости, а часть стада была украдена, а часть — задрана тиграми. Очень огорчились их дядья от этого. А потом пропали корова и коза, предназначенные дядьями для жертвоприношения. Перепуганные юноши пригнали домой скот раньше времени, а сами отправились в лес разыскивать пропавшую корову и козу и увидели там козу, наполовину сожранную тиграми, и пришли в отчаяние и, заплакав вдоволь, решили: „Держали эту козу наши дядья для жертвоприношения, и теперь, когда она задрана, будет их гнев ужасен. Давай зажарим оставшееся мясо на огне и поедим, чтобы унять голод, отдохнем, а потом отправимся куда-нибудь и будем жить тем, что подадут“.

Стали братья тогда жарить козу, и, пока занимались этим, настигли их Яджнядева и Кратудева, следившие за ними, и увидели, что они делают. Заметив, что дядья приближаются, юноши перепугались и, охваченные ужасом, бежали, а те им вслед послали проклятье: „Вы, в жажде мяса свершившие дело, достойное ракшасов, станете теперь кровожадными мясopoжирающими брахмаракшасами“. И тотчас же юноши превратились в брахмаракшасов, и рты у них обратились в пасти, из которых торчали кривые клыки, волосы стали рыжими, как огонь, и их охватил неуголи-

мый голод, и стали бродить они по лесу, хватая животных и пожирая их.

Случился такой день, когда попался им на пути подвижник, наделенный могущественной волшебной силой, и когда захотели они и его сожрать, то, защищаясь от них, наложил он на них проклятие, и стали они пишачами. Оказавшись такими, попытались они угнать корову, принадлежавшую некоему брахману, чтобы прирезать ее, но обессилили их его мантры, а его проклятие обратило их в чандалов.

Однажды, когда скитались они, терзаемые голодом, с луком в руках, то дошли в поисках пищи до деревни, населенной разбойниками. Караульные приняли их за воров, схватили, связали, отколотили, отсекали уши и носы и в таком-то виде отвели к своим предводителям. Стали те расспрашивать братьев, и несчастные, корчась от страха, голода и боли, поведали о том, что с ними было. Тогда предводители разбойников из жалости освободили чандалов и сказали: „Оставайтесь здесь и поешьте, не бойтесь! Вы пришли сюда в восьмой день месяца, когда мы поклоняемся Картикее, так будьте нашими гостями и порадуйтесь вместе с нами“. И, сказав это, разбойники совершили поклонение Дурге и позволили обоим чандалам есть в их присутствии, и поскольку они предводителям понравились, то были оставлены в этой деревне и стали жить, как и все разбойники, грабежом и в конце концов благодаря своей смелости и дерзости сами сделались главарями шайки.

Однажды ночью отправились чандалы во главе всей шайки грабить большой город, покровительствуемый Шивой, который давно уже присмотрели их лазутчики. Хотя и видели они недобрые приметы, но возвращаться не стали, а пришли в этот город и принялись грабить не только его, но даже и храм, посвященный Великому Богу. Тогда горожане взмолились Шиве о защите, и тот в ярости околдовал разбойников, и стали они слепыми, а горожане заметили это и, решив, что непременно случилось так по милости Шивы, собрались с духом и побили разбойников палками и камнями, а ганы, летавшие незримо, помогали им, то ли stalkивая разбойников в ямы, то ли разрывая злодеев в клочки прямо на земле. Когда же настигли горожане двух предводителей и собрались с их прикончить, то вдруг оба обратились в бесхвостых собак, и только это произошло, вспомнили они о своих прежних рождениях и, заплывав на радостях, кинулись к Шиве за защитой. Увидев все это, горожане, брахманы, купцы и прочие со смехом разошлись по домам, обрадованные тем, что избавились от разбойников.

Тогда рассеялся довлевший над этими двумя существами дух заблуждения, и они поняли, что случилось, и ради того, чтобы положить конец тяготевшему над ними проклятию, стали совершать перед Шивой подвиги веры. Когда на следующее утро горожане устроили богатый праздник по случаю избавления от раз-

бойников и пришли поклониться Шиве, то увидели, что сидят перед его изваянием два пса, погруженных в глубокое размышление, и, хотя предлагали им всякую вкусную пищу, ни тот, ни другой не притронулись к ней.

В таком состоянии оба пса оставались на глазах у людей много дней, пока не взмолились ганы, упрасывая Великого Бога смилостивиться над Пингешварой и Гухешварой, уже давно страдающими от проклятия, обрушенного на них богиней. И когда Шива услышал их моления, то повелел: „Пусть оба грешника будут избавлены от облика псов и обратятся в ворон!“ И они обратились в ворон, и утолили свой голод рисом, принесенным для жертвы, и начали жить счастливо, вспоминая свои прежние рождения и безгранично почитая Шиву. Прошло некоторое время, и Шива был доволен их преданностью, и по его повелению они стали сначала стервятниками, а потом павлинами, и прошел еще какой-то срок, и они обратились в лебедей, и, с еще большим усердием поклоняясь Шиве, так наконец они удовлетворили его омовениями в священных водах, неуклонным выполнением обетов, глубокими размышлениями и непрерывным почитанием, что получили тела из золота и драгоценных камней и обрели необычайную силу прозрения.

Узнай, что мы и есть те двое, Пингешвара и Гухешвара, перенесшие из-за проклятия Парвати вереницу бедствий и обратившиеся в конце концов в лебедей, а гана Манипушпешвара, влюбленный в дочь Джаи и проклятый Парвати, стал на земле царем, которого зовут Брахмадатта, и это и есть ты, Брахмадатта, а дочь Джаи родилась на земле в облике твоей супруги Сомапракхи, гана Дхурджата стал твоим министром Шивабхути, и именно поэтому мы, обретя силу прозрения и вспомнив, какой конец был назначен проклятию самой богиней, явились тебе сегодня ночью. Вот благодаря чему все мы встретились здесь в эту ночь и теперь наделили тебя совершенством прозрения.

Идем вместе с нами на тиртху, посвященную Шиве, на горе Тридаше, получившей имя Сиддхешвара, где боги совершали подвиги веры ради сокрушения асуры Видьюддхаджи и сумели сразить в бою надменного асуру с помощью Муктапхалакету, царя над всеми видьадхарскими царями, а тот, пройдя из-за силы проклятия через состояние человека, воссоединился благодаря милости Шивы с Падмавати. Идем на это святое место, о котором рассказывается так много легенд, и помолимся Шиве, а потом разойдемся кому куда надо, ибо кончится уже проклятие, наложенное на нас богиней“. И когда два божественных лебедя рассказали все это царю Брахмадатте, ему сразу же захотелось услышать историю о Муктапхалакету.

И спросил тогда царь Брахмадатта у божественных лебедей: „Как же Муктапхалакету сразил того Видьюддхваджу? И как прошел он через земную жизнь, на которую был обречен проклятием, и как сумел обрести Падмавати? Поведайте сначала мне об этом, а уж затем свершите то, что собрались свершить“. Выслушали лебеди его слова и стали рассказывать, что случилось с Муктапхалакету.

Как асуры нанесли поражение богам

Жил некогда повелитель дайтьев Видьютпрабха, которого не могли одолеть боги. Он очень хотел, чтобы родился у него сын, и отправился на берег Ганги и вместе с женой сто лет совершал подвиги веры, чтобы умиловить Брахму, и тот, обрадованный его преданностью, пожаловал Видьютпрабхе сына, которого звали Видьюддхваджа, неуязвимо для богов. Еще в детстве сын царя дайтьев обладал великим мужеством. Однажды, заметив, что их город со всех сторон охраняется войском, спросил он у одного из своих приближенных: „Скажи, мне, чего это мы боимся, окружая город так плотно воинами?“ И тот отвечал ему: „Индра, царь богов,— наш заклятый враг, и именно от него следует надежно охранять город. Десять тысяч слонов, четырнадцать тысяч колесниц, тридцать тысяч всадников, сто миллионов пеших воинов оберегают его поочередно, меняясь в каждую стражу ночи, и очередь каждому отряду выступать в дозор приходит один раз в семь лет“.

Услышав это, молвил Видьюддхваджа: „Что ж это за трон, что это за держава, кои защищаются оружием других, а не мощью правителя! Нужно, видно, мне совершить такое жестокое подвижничество, которое сделает меня способным одолеть врага с помощью собственных рук и положить конец его наглости“. И с этими словами он, отстранив друга, пытавшегося удержать его, и не сказав ничего отцу с матерью, отправился в лес творить подвиги веры.

Но родители его, узнав про это и из любви к своему чаду, поспешили за ним и стали уговаривать: „Не спеши, сыночек! Жесткие подвиги умиловления божества — плохое занятие для такого ребенка, как ты. Торжествует наша держава над врагами — разве есть в мире кто-нибудь более сильный? Неужели хочешь ты, чтобы зачали мы от отчаяния и горести? Зачем огорчаешь ты нас?“ Но возразил он на исполненные любви родительские слова: „Силой подвижничества, хоть еще и мальчик, обрету я могучее небесное оружие. А что до того, будто нет у нашей державы врагов, то к чему бы тогда окружать этот город войсками, готовыми немедля вступить в битву?“

И когда асура Видьюддхваджа, твердый в своем решении, высказал все это отцу с матерью, отправил он их домой, а сам стал

совершать великие подвиги во славу Брахмы. Целых триста лет жил он, питаясь лишь плодами, еще триста лет только воду пил, еще триста лет ничего не вкушал, кроме воздуха, а последние триста лет и вовсе без ничего обходился. Тогда Брахма, видя, что такие ужасные подвиги могут нарушить весь миропорядок, явился ему и по его просьбе пожаловал свое великое оружие Брахмастра, сказав: „Никаким иным оружием нельзя отразить его, кроме непостижимого для меня оружия Пашупаты, которым владеет Рудра. Но не должен ты употреблять это оружие безрассудно и не ко времени“. И с такими словами он исчез, а дайтъя отправился к себе домой.

И повел тогда Видьюддхваджа со своим отцом все их силы, собравшиеся на великий праздник битвы, воевать врагов, а царь богов Индра прослышал об этом и был настороже, а когда Видьюддхваджа приблизился, он, алчущий сражения, в сопровождении своих друзей Чандракету, повелителя видьядхаров, и Падмашекхары, верховного владыки гандхарвов, вышел навстречу. Асура явился, затмив все небо тьмой бесчисленных полчищ, и Рудра со всеми прочими стали наблюдать за разразившейся битвой, в которой схлестнулись враждебные друг другу силы, и шла она в крошечной мгле, ибо тучи копий, стрел, дротиков и прочего летучего оружия затмили солнце, и океан войны, взметаемый буйным ветром гнева, высоко вздымал свои кровавые волны, и впадали в него, словно реки, потоки из сотен колесниц, и метались по нему, словно страшные морские чудовища, стремительные кони и грузные слоны.

Начались тогда поединки между богами и асурами, и Видьютпрабха, отец Видьюддхваджи, кинулся, гневный, на Индру, а тот, шаг за шагом отступая и чувствуя, что грозит ему поражение, метнул в дайтъя свою ваджру, и замертво рухнул сраженный ею могучий боец. И так это разъярило Видьюддхваджу, что ринулся он на Индру и, хоть его собственной жизни ничего не угрожало, стал метать в него Брахмастру, а другие асуры стремились поразить Индру обычным оружием. Тогда Индра вспомнил о Пашупате, оружии, которому покровительствует сам Шива, и оно немедленно предстало перед ним, и он ему поклонился и метнул в стан врагов. А Пашупата по природе своей было всеразрушающим и всепожирающим огнем и истребило сонмы асуров, и один только Видьюддхваджа, поскольку был еще мальчиком, от прикосновения Пашупаты хоть и лишился чувств, но остался жив, ибо это оружие не поражает детей, стариков и тех, кто бежит с поля боя или сдается в плен. Все боги, ликуя от достигнутой ими победы, вернулись в свой стан.

А что до Видьюддхваджи, то через некоторое время он пришел в себя и, расплакавшись, убежал и сказал уцелевшим воинам, собравшимся вокруг него: „Хоть и обрел я Брахмастру, но не смогли мы одержать победу, хоть и была она почти в наших руках,— сами мы оказались разбиты. Пойду и нападду на Индру,

и пусть я погибну в бою. Погиб мой отец, и не смею я вернуться в родной город". Кончил он говорить, и тогда старый министр его отца посоветовал: „Не ко времени пущенная в дело Брахмастра слишком медлительна и слаба в сравнении с другим божественным оружием, и сегодня одолела ее Пашупата, не терпящая присутствия иного оружия. Не должен ты не ко времени бросать вызов одержавшему победу над тобой, ибо так ты усилишь его и ослабишь себя. Спокойный и решительный человек в должное время восстанавливает свою силу, мстит врагу, сберегает собственную жизнь и достигает такой славы, которую уважает весь мир". И когда министр кончил говорить, велел ему Видьюддхваджа: „Ступай и береги мое царство, а я должен умилостивить Шиву, верховного бога".

Так порешив, отпустил он всех, кто за ним шел, хотя очень им этого не хотелось, и отправился с пятью дайтьями, своими сверстниками, совершать подвиги веры на берегу Ганги у подножия горы Кайласы. В летний зной стоял он среди пяти огней, а в зимнюю стужу — в ледяной воде, погруженный в мысли о Шиве, и тысячу лет питался он одними плодами, и еще тысячу — кореньями, а третью тысячу — одной водой, четвертую же — лишь воздухом, а пятую — вовсе ничего не ел.

Вновь предстал перед асурой сам Брахма, но не выказал ему Видьюддхваджа никакого уважения и, пуще того, отмахнулся от него: „Уйди! Испытал я уже благодать твоей награды!" И продолжал он свои подвиги еще столько же времени, пока туча дыма не показалась из его головы, и тогда явился к нему Шива и спросил: „Какой ты хочешь награды?" Дайтъя спросил его: „Смогу ли я, Великий Бог, благодаря твоей милости сразить Индру в почестном бою?" Ответил ему тот: „Встань! Нет различия между убитым и побежденным. Ты одолеешь Индру и будешь жить в его небесах". И, промолвив это, Шива исчез, а Видьюддхваджа, уверившись, что сокровенное желание его души исполнится, окончил свой пост и вернулся в родной город, где его радостно встретили жители, а особенно возрадовался старый отцовский министр, немало трудностей претерпевший за время его отсутствия. Созвал Видьюддхваджа полчища асуров, сделал все необходимые приготовления к битве и отправил к Индре посла уведомить того, чтобы и он приготовился. Выступило войско асуров в поход, закрыв своими знаменами все небо, раскалывавшееся от их громового рева, как бы выполняя желание небесных жителей. Индра же, зная, что недруг его идет, вооруженный оказанной Верховным Богом милостью, встревожился, но, посоветовавшись с Брихаспати, наставником богов, собрал свои силы.

Когда же прибыл Видьюддхваджа, то разгорелась меж тем и другим войском ожесточенная схватка, в которой трудно было разобраться, где враг, а где свой. Дайтъя, предводительствуемые Субахой, бились с марутами, Пингакша со своей дружиной — с васудевами, Махамая со своими воинами разил богов огня, Алях-

кая со своими громил богов солнца, Акампана и его богатыри схватились с видьядхарами, а прочие сражали гандхарвов и других союзников Индры. Двадцать дней и ночей шла жестокая схватка, пока на двадцать первый день асуры не стали одерживать верх и обратили в бегство врагов.

Потерпевшие поражение, бежали на небеса боги, и тогда, воссев на Айравату, сам Индра выехал на бой, и силы богов, воспрянув духом, собрались вокруг него и снова пошли вперед вместе с видьядхарами, предводительствуемые Чандракету. Снова вспыхнула жаркая схватка, и немало асуров и богов уже сложило головы, когда Видьюддхаджа ринулся на Индру, стремясь отомстить за смерть своего отца. Снова и снова приходилось царю богов уклоняться от стрел, непрерывно летевших с лука вождя асуров, отражавшего каждый его удар. Наконец Видьюддхаджа, воодушевленный милостью Шивы, схватил дубину и, подпрыгнув, стал обеими ногами на бивни Айраваты, взобрался на его лоб и убил корнака, а затем замахнулся дубиной на царя богов, и тот немедленно ответил на удар таким же оружием, но когда Видьюддхаджа второй раз нанес свой удар, то Индра бесчувственным свалился в колесницу бога ветра, и тот помчал его с поля сражения с быстротой мысли, а Видьюддхаджа, кинувшийся следом, окаялся на земле.

В это мгновение раздался в поднебесье голос: „Это злой день — увозите Индру из битвы!“ — и тогда бог ветра с неимоверной скоростью умчал Индру на своей колеснице, а Видьюддхаджа погнался за ним на своей, в то время как Айравата, яростный и неуправляемый, лишенный корнака, неся следом, топча и рассеивая попадавших ему на пути воинов, и воинство богов бежало, а их наставник Брихаспати укрыл перепуганную Шачи, жену Индры, на небе Брахмы. Одержавший победу Видьюддхаджа обнаружил, что столица Индры Амаравати пуста, и вступил в нее со всеми своими воинами, издававшими крики торжества и победы.

Тут пришел в себя Индра и, видя, какое недоброе время наступило, отправился вместе со всеми богами на небо Брахмы, и тот утешил царя богов словами: „Не горюй! Сегодня одолела милость Шивы, но ты скоро вернешь свое положение“. Он предоставил Индре свой дворец, оснащенный всякими удобствами, называвшийся Самадхистхала и находившийся в пределах его владений. Стал жить в нем царь богов вместе со своей супругой Шачи и слоном Айраватой, а цари видьядхаров по велению Брахмы поселились на небе бога ветра, повелители гандхарвов укрылись в невозмутимом мире луны, а прочие, насильственно оторванные от родных домов, разместились на других небесах. Видьюддхаджа же, провозгласивший под громовые удары литавр, что он вступил во владение страной богов, самодержавно правил ею, и его власть ничем не была ограничена.

Подумал как-то раз повелитель видьядхаров Чандракету, долгое время находившийся в царстве бога ветра: „Сколько же мне

еще оставаться здесь низложенным? Ведь до сих пор не утратило своей силы подвижничество Видьюддхваджи. Дошло до меня, что мой друг, царь гандхарвов Падмашекхара, ушел из мира луны во дворец Шивы совершать подвиги веры. Не знаю, пожаловал ли уже ему Шива награду или нет, а как узнаю, тогда решу, что мне делать". Пока он так раздумывал, сам Падмашекхара, его друг, царь гандхарвов, явился к нему, обрета желанную награду. Крепко обнялись они, и когда Чандракету стал расспрашивать, то рассказал ему друг: „Пошел я во дворец Шивы и начал совершать подвиги веры, пока наконец он не сказал мне: „Ступай! Родится у тебя доблестный сын, и ты снова обретешь свое царство, и будет у тебя дочь небывалой красоты, и муж ее и будет тем, который убьет Видьюддхваджу". После этого поспешил я сюда, чтобы сообщить обо всем тебе". И когда Чандракету выслушал такое известие, он молвил: „Что же, должен я пойти к Шиве и, чтобы положить конец моему несчастью, умиловить его — без этого никто не может добиться исполнения желаний". Так он порешил и тотчас же отправился вместе со своей женой Муктавали в небесные пределы, подвластные Шиве, совершать подвиги веры. Поведая Падмашекхара историю о своей награде и самому Индре и, сделав так в надежде на то, что будет его враг сокрушен, ушел в мир луны. Царь же богов, пребывавший в Самадхистхале, у которого из-за вести, сообщенной ему Падмашекхарой, возродилась надежда на гибель его врага, подумал о наставнике небожителей, и тот немедля предстал перед ним, и Индра склонился в приветие, и выразил ему почтение, и попросил совета: „Шива, довольный подвижничеством Падмашекхары, обещал тому, что появится у него зять, который убьет Видьюддхваджу. Мы увидим, как будет покончено со злодеяниями нашего недруга, но пока этого не случилось, я живу здесь в унижении, утратив свой по достоинству высокий пост. Придумай же, почтенный, какое-нибудь средство, чтобы все ускорить".— „И верно, злодействами своими почти истощил наш недруг награду, которую заслужил подвижничеством, и потому мы сможем теперь что-нибудь против него предпринять. Пойдем и расскажем обо всем Брахме, и пусть он посоветует нам, что делать".

Когда кончил мудрец свою речь, то пошел Индра вместе с ним к Брахме и, поклонившись ему, сообщил, что запало ему в душу, а Брахма ответил на это: „Разве не жажду я того же? Но ведь только Шива может устранить беду, которую сам создал, да его еще упрашивать понадобится, пойдем лучше к Вишну, который думает так же, как и Шива,— он найдет нам какое-нибудь средство".

Так посовещались Брахма, Индра и Брихаспати, взошли на колесницу, запряженную лебедями, и отправились на Шветадвипу, все обитатели которой носили с собой раковину, боевой диск, лотос и палицу и имели каждый по четыре руки, чтобы быть всем похожими на Вишну, которому они были преданы всей душой.

Прибыв туда, увидели Брахма и его спутники во дворце, выстроенном из лучезарных драгоценных камней, Вишну, покоившегося на могучем змее Шеше, и Лакшми ласкала божественные стопы супруга. Склонились они перед ним, а он их по достоинству и ласково принял, и были они почтены небесными мудрецами, и сели на подобающие им места. Спросил их блаженнейший, благополучно ли они поживают, и они почтительно сказали ему: „О каком благополучии нам говорить, пока жив недруг наш Видьюддхаджа? Ведь тебе известно обо всем, что он сотворил с нами, и из-за него мы пришли к тебе, и только ты можешь решить, что дальше делать“.

Ответил Вишну на слова богов: „Да разве не знаю я, что установления мои нарушены этим асурой? Но что свершил Великий Бог, сокрушивший три града асуров, только он и может исправить, а у меня на это силы нет. Я же скажу вам, что надо делать, а вы выслушайте и выполняйте незамедлительно. Есть такая небесная обитель Шивы, которую называют Сиддхшвара, и он всегда там присутствует. Давным-давно этот самый бог явился мне и Праджапати в облике пламенной линги и сообщил тайну низложения проклятого дайтьи. Пойдем же все вместе туда и умолим его подвигами веры, и он положит конец несчастью трех миров“.

Изрек Вишну свое суждение, и отправились боги в Сиддхшвару, и Вишну летел на Гаруде, а Брахма и Индра — на колеснице, запряженной лебедями. В том месте неведомы несчастья дряхлости, смерти и болезни, и именно там обитает ничем не омраченное счастье, и все деревья, птицы и звери из чистого золота. Поклонились боги линге Шивы, явившейся им последовательно во всех ее формах и в виде различных драгоценных камней, и тогда эти четверо — Вишну, Брахма, Индра и Брихаспати — с душами, преисполненными преданности Шиве, стали совершать жестокие подвиги веры, чтобы умоливать его.

А тем временем Шива, довольный трудными подвигами, совершенными в его славу повелителем видьядхаров Чандракету, пожаловал и ему награду: „Поднимись, царь, и слушай — родится у тебя сын, и будет он великим героем и сразит в битве твоего врага Видьюддхаджу. Из-за проклятия придется ему родиться среди людей и послужить богам, а благодаря подвижничеству дочери царя гандхарвов Падмавати вернет он себе высокое положение и вместе с ней, своей супругой, станет верховным повелителем видьядхаров на целых десять калп“.

После этого исчез Великий Бог, а Чандракету с царицей вернулся в мир бога ветра. Обрадовало Шиву и жестокое подвижничество Вишну и его спутников, и он явился им в линге Сиддхшвары и успокоил такими словами: „Встаньте и не сокрушайтесь более! Очень порадовал меня своими суровыми подвигами ваш сторонник Чандракету, правитель видьядхаров. У него от моей частицы родится доблестный сын, который вскоре сразит в битве дайтью Видьюддхва-

джу. Но для того чтобы он еще мог послужить богам, силой проклятия будет низвергнут герой в земной мир, и лишь подвижничество Падмавати избавит его от человеческого состояния. Станет он править над видьядхарами вместе с ней, рожденной от частицы Гаури, и наконец присоединится к числу моих слуг. Потерпите еще немного и считайте свое желание уже выполненным". После этих слов Шива исчез, а Вишну, Брахма, Индра и Брихаспати, очень обрадованные, вернулись каждый к себе.

Вскоре Муктавали, супруга царя видьядхаров Чандракету, понесла под сердцем и в положенное время родила сына, озарившего все страны света нестерпимым сиянием, словно бы юное солнце явилось, чтобы избавить стонущих подвижников от угроз асуров. И как только родился он, прогремело в небесном просторе благовестие: „Твой сын, о Чандракету, сразит асуру Видьюддхваджу, и знай, что под именем Муктапхалакету станет он смертельным ужасом для своих врагов“.

Умолк голос, предрекший великое счастье обрадованному Чандракету, и пал на землю дождь из цветов, и явились туда, услышав, что случилось, Падмашекхара и Индра, а также все прочие боги, таившиеся до этого по закоулкам. Поведав друг другу о щедрой награде, пожалованной им Вишну, и обрадовавшись ей, разошлись они каждый к себе, и Муктапхалакету прошел через все священные церемонии, предписанные ему, и по мере того как он мужал и рос, росла и радость богов.

А через некоторое время у повелителя гандхарвов Падмашекхары родилась дочь, и в тот момент, когда явилась она на свет, зазвучал в поднебесье голос: „Твоя дочь Падмавати, о повелитель гандхарвов, станет женой того властителя видьядхаров, который будет смертельным врагом Видьюддхваджи“. Стала Падмавати день ото дня расти и расцветать, украшенная бурно плещущим потоком красоты, словно бы волнами амриты, доставшейся ей потому, что родилась она в мире луны.

Муктапхалакету был столь возвышен в мыслях и столь предан Шиве, хоть и был еще ребенком, что совершал разные подвиги веры — принимал трудные обеты, постился и подвергал себя всяким испытаниям. Однажды, когда он не принимал пищи уже двенадцать дней и был погружен в глубокие размышления, обожаемый им Шива предстал перед ним и изрек: „Счастлив я твоей преданностью, и по моей особой милости все оружия, науки и совершенства сами явятся к тебе, а ты прими от меня меч, имя которому Непобедимый, и благодаря ему ты утвердишь свою власть и никакие враги тебя не одолеют“. И, молвив это, Шива вручил ему меч, а сам исчез, и царевич мгновенно обрел могущественное оружие и небывалую силу и доблесть.

Случилось примерно в это время так, что великий асура Видьюддхваджа, утвердивший свою власть на небе Индры, развлекаясь в потоке небесной Ганги, заметил, что вода ее побурела от цветочной пылицы, стала пахнуть слоновьим потом и взволновалась.

Тогда, обуянный гордыней, порожденной силой его рук, велел он своим слугам: „Ступайте и посмотрите, кто это дерзнул развлекаться в воде выше меня по течению“.

Выслушали асуры слова повелителя, пошли вверх по течению и увидели быка Шивы, играющего в воде со слоном Индры. Вернувшись, сказали они властителю дайтьев: „Божественный, выше по течению бык Шивы играет в потоке Ганги со слоном Индры, и от цветочных гирлянд, украшающих Нанди, покрылась вода пылью, и из-за Айраваты пахнет она слоновьим потом“. От такой вести пришел асура в ярость, пытаясь в своей заносчивости превзойти в бурном гневe самого Рудру, и, обезумевший до крайности из-за злых дел, совершенных им, приказал слугам: „Ступайте и приведите сюда в оковах и быка и слона!“ И они бросились выполнять его повеление, но бык Шивы и слон Индры, рассерженные, кинулись на асуров и убили немало из них, а спасшиеся поспешили к Видьюддхадже и поведали обо всем, а тот еще пуще разъярился и послал против непокорных зверей целое войско асуров. И это войско истребили бык и слон, и причиной его гибели было то, что созрел плод злых дел, и затем бык вернулся к Шиве, а слон — к Индре.

Когда Индра услышал, что случилось с дайтьями, от воинов, посланных им для охраны Айраваты, он решил, что пришло наконец время сокрушения его врага, ибо тот непочтительно отнесся даже к обожаемому Шиве. Сообщил Индра об этом Брахме, и возглавил объединившееся воинство богов, видьядхаров и всех прочих союзников, и сел на главного слона богов, своего любимого Айравату, и отправился в поход, чтобы сокрушить злобного дайтью, а Шачи совершила для него обычную в таких случаях церемонию, предвещающую счастье.

Подступил Индра к небесам и окружил их со всех сторон могучими силами, благодаря милости Шивы проникшимися уверенностью в победе, и обрел выгодную позицию и необходимую мощь. Увидел его Видьюддхаджа и вышел с войском, готовым к битве, навстречу Индре, но пока он снаряжался, были замечены дурные приметы: молния ударила по его стягам, стервятники кружили над ним, сломался царский зонт и жалостно завyli шакалы. Прервав недобрые знамения, бросилось вперед войско асуров, и вот закипела жестокая битва между богами и асурами.

ВОЛНА СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ

Спросил тут Индра повелителя видьядхаров Чандракету: „Почему еще не присоединился к нам Муктапхалакету?“, и тот почтительно ответил: „Я так спешил, снаряжаясь в поход, что забыл сказать ему, но он, конечно, прослышал о битве и скоро присоединится ко мне“. Услышав такой ответ, немедленно послал царь богов колесничего, служителя бога ветра, за благородным Муктапха-

лакету, а его отец Чандракету отправил вместе с посланцем Индры своего пратихару с войском и колесницей, чтобы призвать сына.

Но и сам Муктапхалакету, узнав, что отец отправился на битву с дайтьями, готов был последовать за ним со всеми своими воинами, чтобы принять участие в сражении. Сел он на слона Джаю, чье имя означало „победа“, и мать царевича совершила для него церемонию, предвещающую удачу, и отправился он, вооружившись мечом, подаренным Шивой, за пределы царства бога ветра, и только он выступил в поход, как просыпался на него с небес дождь цветов, боги ударили в барабаны и литавры, задули благоприятные ветры, и тогда толпы богов, бежавшие от Видьюдхваджи и повсюду скрывавшиеся в страхе перед асурой, собрались вокруг Муктапхалакету. Двигаясь с громадным своим войском, увидел царевич на пути большой храм Парвати, имя которому было Мегхавана, и столь велика была его преданность богине, что не мог он не поклониться ей и потому спустился со слона и взял в руки небесные цветы, чтобы совершить жертву.

История любви царевича Муктапхалакету и царевны Падмавати

Случилось так, что в это же самое время Падмавати, успевшая достичь цвета девичества, оставила свою мать, занятую трудными подвигами веры, чтобы мужу ее, ушедшему на поле битвы, сопутствовала удача, и примчалась на колеснице вместе со всеми подругами прямо из мира Индры к этому храму, посвященному Гаури, намереваясь совершать подвиги веры ради ниспослания успеха на поле битвы ее отцу, а также и жениху, которому отдала сердце.

Спросила ее еще по дороге к храму одна из подруг: „А ведь ты пока не избрала себе возлюбленного, который мог уйти воевать. Матушка твоя совершает подвиги веры ради дарования успеха ее мужу, отцу твоему, ушедшему на поле битвы, но ради кого ты, подружка, собираешься вершить свой подвиг?“ И отвечала Падмавати на вопрос подруги: „Милая, отец для девушки — божество, орошающее ее счастьем, да ведь и жених мне назначен несравненных достоинств и добродетелей, сам Муктапхалакету, сын повелителя видьядхаров, предреченный победителем Видьюдхваджи, должен по велению Шивы стать мне супругом. Эту весть слышала я из уст отца, когда спросила его матушка о моем замужестве. Нареченный мой либо уже вступил в битву, либо сейчас устремляется на нее — вот почему собираюсь я с помощью подвигов веры умолить Гаури пожаловать успех в бою и моему будущему супругу, и моему отцу“. Сказала ей на это подруга: „Да исполнится твое желание! Истинны и уместны твои старания, хотя и направлены они еще лишь к будущей цели — ведь свадьба

твоя пока не состоялась!“ Тем временем колесница Падмавати достигла большого и красивого озера поблизости от храма Гаури, сплошь заросшего раскрывшимися золотыми лотосами, на которые словно бы легло сияние красоты, излучаемое лицом Падмавати. Спустилась Падмавати к озеру и стала срывать золотые лотосы, чтобы принести их в жертву грозной Амбике, и собралась было искупаться, как прилетели сюда две ракшасы, устремлявшиеся в жажде человечесей плоти, подобно всем прочим ракшасы, к полю, где кипела яростная схватка между богами и асурами. У этих двух, порожденных мраком, дыбом стояли на головах волосы, цветом сходные с пламенем, извергавшимся из их пастей, полных торчащих в разные стороны клыков, а тело было черно, словно дым, и груди и животы у них обвисли, и только заметили они царевну из рода гандхарвов, как ринулись на нее с высоты, схватили и унесли с собой в поднебесье.

Однако божество, оберегавшее колесницу Падмавати, задержало их полет, а вся свита ее взывала о помощи, и как раз в это время закончилось жертвоприношение, совершавшееся Муктапхалакету в храме грозной богини, и он, выйдя из него, поспешил туда, откуда слышался плач. Когда же заметил великий герой Падмавати, бившуюся в тисках двух ракшасы, словно молнию, извивающуюся среди туч, он бросился на помощь красавице и освободил ее, и от мощного удара его кулака рухнули без сознания на земную твердь обе злодейки. И тогда всмотрелся царевич в этот неукротимый поток живительной красоты, имя которому Падмавати. Царевна, украшенная тремя складками-волнами, казалось, была создана творцом, дабы выразить суть всякой красоты, когда обрел он наивысшее мастерство, сотворив бесподобных небесных дев. С того самого мгновения, как Муктапхалакету взглянул на нее, чувства покинули его, несмотря на всю силу воли, и он застыл, словно бы и не живой, а нарисованный на картинке.

Падмавати, страх которой перед ракшасы уже исчез, пришла в себя и взглянула на царевича, облик которого был истинным торжеством радости для очей всего мира, поскольку лишь он один способен был угодить обезумевшим от восторга женщинам и казался сотворенным из смеси тела луны и тела самого бога любви. Затем она стыдливо опустила очи долу и молвила подруге: „Да будет он счастлив, а я должна покинуть общество этого чужестранца“.

Она еще не кончила говорить, а Муктапхалакету стал допытываться у ее подруги, что она шепчет, и та отвечала: „Красавица призывает на тебя, спасшего ей жизнь, благословение богов и сказала мне, что нам следует покинуть общество чужестранца“, а юноша с горячностью стал расспрашивать дальше: „Кто она? Чья дочь? Какому человеку, украшенному заслугами в прошлых рождениях, она будет отдана в жены?“ И та ответила ему: „Доблестный повелитель, это моя подруга, а зовут ее Падмавати, и она — дочь могучего повелителя гандхарвов Падмашекхары, и

Шива повелел, чтобы супругом ее стал Муктапхалакету, сын Чандракету, любимый всем миром, союзник Индры, нареченный погубитель Видьюдхваджи. Она желает победы своему будущему супругу и ее собственному отцу в грядущем сражении и потому пришла в этот храм, чтобы совершить перед могучей богиней подвиги веры и умолить ее ниспослать желанное“.

При таких словах все спутники сына Чандракету вскричали: „Вот перед тобой нареченный тебе супруг!“ — и тем доставили царевне истинную радость, и тогда и ее сердце, и сердце ее возлюбленного переполнились восторгом, и он и она подумали: „Как хорошо, что мы здесь встретились!“ — и стали бросать друг на друга долгие и исполненные нежности кокетливые взгляды, а пока они этим занимались, раздался гром барабанов и явилось войско, а с ним колесница, на которой стояли бог ветра и пратихара Чандракету.

Сопли они оба с колесницы и почтительно обратились к Муктапхалакету: „Царь богов, а также и твой отец, ведущие битву, желают видеть тебя в ней, и потому поспеши!“ И хотя сын повелителя видьядхаров был скован любовью Падмавати, он поднялся вместе с ними на колесницу, готовый услужить старшим, и стал надевать божественные латы, посланные самим Индрой, часто оборачиваясь при этом к Падмавати. Она же не переставая смотрела на него, пока не скрылся из виду герой, сразивший одним ударом двух злобных ракшасы, а затем, сосредоточив все свои думы на нем, совершила омовение, поклонилась Шиве и Парвати и ради того, чтобы сопутствовала царевичу победа, продолжала творить подвиги веры.

Тем временем Муктапхалакету, весь в помыслах о ее прекрасном и благовестном облике, предвещавшем победу, достиг поля, на котором кипела жестокая битва между богами и их недругами. Когда заметили дайты, что прибыл к богам отлично вооруженный герой, сопровождаемый войском, кинулись на него все великие асуры, но богатырь вихрем из стрел раздробил их головы и принес злодеев в жертву локапалам, хранителям стран света, начав этим битву. Тогда сам Видьюдхваджа, видя, как бесславно гибнет его войско, кинулся на него, разъяренный, но отбросил его Муктапхалакету, и тут напали на героя со всех сторон новые полчища асуров. Узрев это, вступил в битву с асурами сам Индра, предводительствующий воинством сиддхов, гандхарвов, видьядхаров и богов.

Разгорелось жестокое сражение, гремящее ударами стрел и копий, протазанов и палиц, дубин и топоров и стоившее жизни бесчисленным воинам, и потекли реки крови, в которых вместо крокодилов плавали туши слонов и коней, вместо песка — жемчуг, осыпавшийся со слоновьих налобий, а вместо камней — головы героев.

Торжество битвы доставляло великую радость алчущим плоти духам, которые, захмелев от крови, плясали в обнимку с еще не

рухнувшими наземь трупами. Богиня Победы склонялась то на сторону богов, то на сторону асуров, словно океан, колышимый приливами и отливами. Двадцать четыре дня уже шло сражение, и неотрывно следили за его ходом Шива, Вишну и Брахма. Когда же наступил вечер двадцать пятого дня, начались поединки главных воителей обеих армий, и самым важным из них был бой между Муктапхалакету, сражавшимся на колеснице, и Видьюддхваджей, восседавшим на боевом слоне. Оружием солнца отразил царевич оружие тьмы, оружием жара — оружие холода, оружие из черного камня — оружием молнии, оружие-змею — оружием-гарудой и, наконец, одной стрелой сразил вражеского корнака, а другой — слона его. Тогда встал Видьюддхваджа на колесницу, но царевич сразил колесничего и коней. Пришлось асуре прибегнуть к волшебству, и взвился он со своим войском в поднебесье и стал оттуда со всех сторон метать оружие и камни в войско богов, а когда Муктапхалакету набросил на недругов непроницаемую сеть, сотканную из стрел, могущественный дайтъя уничтожил ее с помощью огненного дождя. Тогда, произнеся надлежащее заклятие, напустил Муктапхалакету на врага и его войско страшнейшее в трех мирах оружие Брахмастру, способное сокрушить всю вселенную, и оно сразило и самого великого асуру Видьюддхваджу, и всех его воинов, и, мертвые, попадали они с небес, а уцелевшие сын Видьюддхваджи со своей дружиной и Ваджрадамштра со своими богатырями бежали, спасаясь, в самую нижнюю часть Расаталы, одного из подземных миров.

„Слава! Слава!“ — в восторге вскричали боги и осыпали Муктапхалакету цветами, а Индра, вернувший себе власть, ибо недруг его был сражен, вступил в свой стольный град Амаравати, и было великое торжество по этой причине во всех трех мирах, и явился туда к Индре Праджапати, приведший Шачи, и привязал сверкающий алмаз к диадеме Муктапхалакету, и бог богов Индра снял со своей шеи ожерелье и надел его на шею победоносному царевичу, вернувшему ему державу, и усадил на трон, во всем равный своему, и боги, исполненные радости, осыпали царевича благословениями и благодарностями. Послал Индра пратихару в столицу асуры Видьюддхваджи и присоединил ее к своей державе, с тем чтобы при удобном случае подарить владения асуры царевичу Муктапхалакету.

Затем гандхарва Падмашекхара, жаждущий выдать Падмавати за царевича, многозначительно взглянул на Вершителя судеб, а тот, зная, что было у него на сердце, сказал ему: „Еще нужно кое-что сделать, а ты подожди“. И начался тогда богатый праздник Индры, и пели великие гандхарвы Хаха и Хуху, и плясала сама Рамбха с другими апсарами, дружно им подпевавшими. Когда же Вершитель судеб наслаждался праздником, собрался он уходить, но до этого еще наградил стражей стран света и позволил им вернуться к делам, вознаградил царя гандхарвов Падмашекхару и разрешил ему уйти и, оказав величайшее уважение, отпу-

стил благородного Муктапхалакету и Чандракету в стольный город царства видьядхаров. И царевич, истребивший угрозу миру, вернулся к себе во дворец в сопровождении отца и многих видьядхарских царей, а столица, словно обрадовавшись победоносному его возвращению, украсилась наидрагоценнейшими камнями и многоцветными гирляндами флагов. Отец его щедро одарил всех родичей и слуг и устроил в городе богатый праздник по случаю победы сына, рассыпая богатства, словно туча — дождь. Ничто, однако, не радовало Муктапхалакету, прославленного победой над Видьюддхваджей, поскольку не было с ним Падмавати; но благодаря тому, что его друг Самгхатака напомнил ему о велении Шивы, он, хотя и не без труда, сумел скоротать эти дни.

ВОЛНА СТО СЕМНАДЦАТАЯ

Тем временем царь гандхарвов Падмашекхара с большим торжеством и великой радостью возвратился в свой город, и, узнав от жены, что Падмавати совершала подвиги веры перед изваянием богини Гаури, дабы та ниспослала ему победу, велел позвать дочь, и, когда она, вся исхудавшая от подвижничества и разлуки с возлюбленным, пала к ногам отца, благословил ее, и молвил: „Раз ты, милая моя дочь, перенесла столь тяжкие испытания ради меня, то да вознаградит тебя свадьба с благородным Муктапхалакету, сыном повелителя видьядхаров, сокрушителем Видьюддхваджи, победоносным защитником мира, — предназначен он тебе в супруги самим Шивой“.

Услышав сказанное отцом, потупила очи Падмавати, а ее матушка Кувалаявали задала царю вопрос: „Скажи, супруг мой, как же смог царевич сразить в битве этого ужасного асуру, наполнявшего ужасом все три мира?“, а Падмашекхара поведал ей и о доблести Муктапхалакету, и о битве между богами и асурами. Тогда Манохарика, подружка Падмавати, рассказала, как легко он справился с двумя ракшаси. Таким образом, царь и царица узнали, что дочь их уже видела царевича и что оба они полюбили друг друга, обрадовались и сказали: „Да что могли несчастливые эти ракшаси сделать с тем, кто одолел все полчища асуров единым духом, точно так же как Агастья выпил океан?“ Еще пуще разгорелось пламя любви в душе Падмавати, словно бы раздутое, как ветром, описанием непревзойденной доблести ее суженого.

Оставила царевна родителей и тотчас же пошла на крышу женского покоя, украшенную столбами из драгоценных камней, с укрепленными на колоннах ажурными решетками, усыпанными жемчугами, и велела поставить на пол, украшенный затейливой мозаикой, роскошные лежа и удобные стулья, и сама терраса была еще более уютной оттого, что стоило только подумать о чем-либо, как это тотчас же являлось, но и там не было царевне спасения от мучительного огня разлуки. Взор ее с крыши дворца упал на

божественно прекрасный сад, засаженный деревьями и лианами — и те и другие из золота, — и полный множества прудов, украшенных драгоценными камнями, и тогда она сказала сама себе: „Что за диво! Наш прекрасный город еще красивее, чем царство луны, где я родилась, а я все еще не знаю его, истинное украшение Гималаев, да и не видела прежде этого сада, превосходящего прелестью Нандану, сад Индры. Пойду-ка я туда, может быть, тенистые деревья хоть немножко умерят палящие мучения разлуки“. Поразмыслив таким образом, девушка ловко ухитрилась сойти с крыши одна и собралась было отправиться туда, да ноги у нее не шли, и тогда с помощью своего волшебства она создала птиц, которые отнесли ее в этот сад, где она села в беседке, образованной сросшимися платанами, на ковер из цветов, и божественное пение и музыка улаживали ее слух, но и там не обрела она облегчения, и страсть ее не утихла, а полыхающий огонь страсти даже усилился — ведь она все еще была в разлуке с любимым.

С тоски захотелось ей увидеть возлюбленного хотя бы на портрете, и, силой волшебства раздобыв столик для рисования и цветные мелки, молвила она про себя: „Ах, уж если сам творец не может создать еще одно такое совершенство, как мой возлюбленный, то разве смею я, имея лишь калам в руке, помыслить, что смогу передать даже малое сходство с ним? И все же постараюсь нарисовать его в меру своих сил хотя бы в утешение себе“. С такими мыслями стала она рисовать на дощечке, и, пока занималась этим делом, ее подруга Манохарика, встревоженная отсутствием царевны, побежала на розыски и наткнулась на нее в этом саду, держащую перед собой дощечку для рисования. „О, — сказала Манохарика про себя, — я должна посмотреть, что это царевна делает здесь в одиночестве“, — и спряталась.

А Падмавати, глаза которой источали слезы, заговорила со своим нарисованным возлюбленным: „Как это так, что ты, сразивший свирепых асуров и избавивший Индру от несчастий, не смог избавить от беды меня, хотя бы поговорив со мной? Для тех, чьи заслуги в прошлых рождениях мизерны, даже пожелаю дерево не щедро, даже Будда не сострадателен, даже золото оказывается простым камнем. Не знаешь ты горького недуга любви и не можешь понять моих страданий — что может сделать бедный лучник Кама с тем, кто оказался непобедим даже для дайтев? Да что я говорю? Воистину судьба враждебна мне — она наполнила очи мои слезами, и из-за этого не могу я тебя больше видеть даже на картинке“. И, вымолвив это, царевна зарыдала, и слезы ее были такими, что, казалось, крупные жемчужины сыпались из порванного ею ожерелья.

В это мгновение Манохарика вышла из укрытия, а царевна спрятала дощечку для рисования и спросила ее: „Я так долго не видела тебя — куда это ты ходила?“ Рассмеялась Манохарика в ответ и промолвила: „Я все ходила и искала тебя, подружка.

А зачем ты спрятала дощечку для рисования? Мгновение тому назад я видела на ней замечательный рисунок“.

Когда Манохарика сказала это, Падмавати, опустившая от стыда лицо, проговорила сквозь слезы: „Тебе все уже давно, подружка, известно — с чего бы стала я скрывать. Так уж случилось, что хотя царевич Муктапхалакету спас меня от пламени гнева свирепых ракшасы около храма Гаури, но вверг он меня в огонь любви, усилив его нестерпимым огнем разлуки. Теперь уж не знаю куда идти, кому жаловаться, с кем говорить, к какому средству прибегнуть, раз сердце мое привязано к тому, кого так трудно достичь“.

Возразила ей Манохарика: „Милая, привязанность твоей души вполне понятна и уместна; конечно же, твоя любовь воистину будет наградой за красоту избранника, так же как полумесяц украшает собой волосы Шивы, уложенные венцом. И не отчаивайся — по правде говоря, не сможет он без тебя жить. Разве ты не заметила, что любовь и его тяжко поразила? Ведь при виде твоей красоты даже женщины жаждут стать мужчинами — и воистину, кто из мужчин не захотел бы твоей руки? Тем более он, равный тебе красотой! Уж не думаешь ли ты, что Шива, определивший вам быть мужем и женой, солгал? Но даже если пострадавший от любви безропотно несет свое бремя и не прилагает никаких усилий, чтобы достичь желаемого, то все равно будет цель достигнута. Приободрись, скоро станет он твоим супругом. Нетрудно тебе взять в супруги любого мужчину, но все мужчины знают, что ты трудно достающаяся награда“.

Когда подруга высказала это, царевна ответила: „Все я знаю, подружка, но что же мне делать? Мое сердце не может вынести даже мига разлуки с властителем моей жизни, полностью ему посвященной, да и Кама не потерпит, чтобы его дальше обманывали. Стоит мне подумать о любимом, как душа моя возрождается, но все тело мое пылает, и само дыхание, кажется, готово покинуть его из-за нестерпимого жара“. И только успела Падмавати говорить эти слова, как упала без памяти на руки своей подруги, а та, разразившись слезами, сумела мало-помалу привести царевну в чувство, обрызгивая ее водой, и овеяв банановыми листьями, и применяя еще такие средства, как ожерелье и браслеты из стеблей лотоса, пропитанных сандаловым маслом, но только касались они ее тела, как начинали вянуть и корчиться, подобно ей самой, словно испытывали такие же муки.

И прошептала тогда Падмавати подруге: „К чему все эти напрасные старания? Не умерить им мои мучения. Вот если б ты могла предпринять один лишь шаг, способный облегчить мои страдания, было б то великое счастье“. И подруга спросила у истрадавшейся Падмавати: „Чего не сделаю я ради тебя? Но скажи мне, что бы это было такое?“

С трудом и смущением вымолвила царевна: „Подружка дорогая, ступай и приведи сюда моего возлюбленного как можно ско-

рее. Нет иного средства умерить мои мучения, да и батюшка не рассердится и даже поспешит отдать меня ему“. Решительно сказала ей на это подруга: „Коли так, то приди в себя. Немедля отправляюсь я в Чандрапуру, блистательную и славную столицу повелителя видьядхаров Чандракету, с тем чтобы привести сюда любимого тобой его сына. Успокойся же! Что за толк в пустых терзаниях?!“ И в ответ на утешения Манохарики промолвила царица: „Что же, отправляйся, подружка, и да будет твое странствие счастливым! И со всей почтительностью скажи храброму моему возлюбленному, избавившему от беды три мира: „Так любезно избавил ты меня в храме Гаури от ракшасы, но почему же ты не спасешь меня теперь, сраженную Камой, этим погубителем женщин? Скажи мне, повелитель, неужели такова твоя добродетель, позволяющая избавить от гибели вселенную, но оставить в беде ту, которую ты же некогда спас, преданную тебе всей душой“. Вот что ты должна передать ему, счастливица, или что-нибудь в этом роде, как уж подскажет тебе твой ум“. С такими словами отправила Падмавати свою подругу выполнять порученное.

А после этого, немного прибодрившись, забрала она дощечку для рисования и направилась в покои отца, а оттуда прошла в окружении служанок в свою опочивальню и, совершив омовение, помолилась с истовой преданностью Шиве и обратила к нему такую речь: „Без тебя, всемогущий, без твоего милостивого соизволения ни одно желание, великое или малое, не исполняется в трех мирах. Если не отдашь ты мне в мужья благородного сына верховного повелителя видьядхаров, которому навеки отдано мое сердце, расстанусь я с жизнью здесь, перед твоим изваянием“.

Но стоило только Падмавати произнести это моление, как всех ее слуг и служанок охватили печаль, горе и удивление, и они сказали ей так: „Зачем ведешь ты такие речи, царица, пренебрегая своим телом? Разве есть что-либо в трех мирах, чего бы ты не могла достичь? Даже Будда забыл бы о самоотвержении, если бы ты его полюбила. Ведь тот, по кому ты так страдаешь, должен быть человеком высочайших достоинств“. Она же, исполненная восторга от добродетелей возлюбленного, возразила им: „Какая же радость мне от того, что полюбила я его, единственное прибежище Индры и всех прочих богов, в одиночку сразившего полчища асуров, так же как Солнце сражает Тьму, и спасшего мою жизнь?!“ И царица по-прежнему продолжала тосковать, и единственным предметом, о котором она беседовала со своими близкими подругами, был ее возлюбленный и его совершенство.

Тем временем ее подруга Манохарика спешила в Чандрапуру и наконец достигла столицы властителя над видьядхарами, города, который Вишвакарман сделал совершенным и невообразимо великолепным, словно был он неудовлетворен своим искусством при строительстве города богов. Стала она разыскивать Муктапхалакету, но никак не могла найти его и вот прилетела на своей птице в сад Чандрапуры. Истинное наслаждение испытала она,

вступив в этот сад, волшебное совершенство которого было не-
достижимо уму: деревья в нем состояли из сверкающих драгоценных
камней, и каждое из них цвело множеством непохожих друг на
друга цветов, и щебет птиц среди них сливался со звуком божест-
венных песен, и среди деревьев было много камней, приспособ-
ленных для сидения.

Небесные садовники в облике птиц заметили Манохарику и
приблизились к ней, и с величайшим почтением и чарующе-гар-
моничными голосами попросили присесть на скамью из изумруда,
стоявшую под пожелайдеревом, и, когда она села, доставили ей
несказанное наслаждение различными угощениями. С благодар-
ностью принимала она их заботы, думая при этом: „Как чудесно
волшебное могущество видьядхаров, обладающих таким дивным
садом, где радости и наслаждения являются сами, когда даже и
не думаешь о них, где слугами являются птицы, а небесные девы
улаживают слух неисчезающим беспрестанным пением!“ Так ска-
зав самой себе, стала она расспрашивать пернатых слуг о Мук-
тапхалакету, пока наконец не увидела его под сенью деревьев
парижгата и других деревьев подобного рода. Казалось, он тяжело
страдал, возлежа на ложе из цветочных лепестков, увлажненных
сандаловым маслом, и она сразу его узнала, поскольку видела
еще у храма Гаури, и подумала: „Посмотрю-ка я, чем это он бо-
лен, коли скрылся в эти заросли!“

Тем временем Муктапхалакету обратился к своему другу
Самгхатаке, который старался привести его в чувство, обклады-
вая льдом, умащая сандалом и овеивая пальмовыми листьями, с та-
кими словами: „Нет, друг мой, напрасны твои усилия, ибо навер-
няка бог любви подменил куски льда пылающими углями, в сан-
дал спрятал пламя горящей соломы, а в дуновение от пальмовых
листьев подмешал дыхание огня лесного пожара, с тем чтобы спа-
лить каждую частицу моего тела, и без того сжигаемого разлукой.
В этом саду, превосходящем своей прелестью Нандану, даже мело-
дичное пение небесных дев, их пляски и игры причиняют мне
нестерпимую боль. Ничто не утишит лихорадку, вызванную стре-
лами бога любви, кроме лотосоликой Падмавати. Но даже самому
себе не смею я в этом признаться и ни в чем не нахожу спасе-
ния, и воистину лишь один путь известен мне, чтобы обрести ее.
Должен я пойти в храм Гаури, тот самый, где впервые лицезрел
я мою любимую и где она стрелами своих кокетливых взглядов
вырвала мое сердце и похитила его. Если удастся мне подвижни-
чеством умиловить Шиву, неразрывно слитого с дочерью по-
велителя гор, то научит он меня, как достичь соединения с воз-
любленной“.

Кончил он произносить эти слова и собрался было подняться
с ложа, как тотчас объявилась перед ним радостная Манохарика,
и Самгхатака обратился к другу: „Посмотри-ка, царевич, какая
тебе удача выпала. Исполнилось твое желание. Вот идет к тебе
служанка твоей возлюбленной — помню я, что стояла она около

царевны в том святилище Амбики“. И тогда при виде подруги своей возлюбленной странное чувство овладело царевичем — и были в этом чувстве и бурная радость, жаждущая излиться, и удивление, и острая боль тоски, а когда Манохарика, истинный ливень животворной амриты для его очей, приблизилась к нему, он усадил ее рядом с собой и спросил, здорова ли его возлюбленная.

Она же так отвечала ему: „Непременно поправится моя подруга, когда ты станешь ее супругом, но пока что она тяжело страдает. С тех пор как увидела тебя царевна Падмавати и ты унес ее сердце с собой, пришла она в отчаяние и ничего не видит и не слышит, сорвала с себя ожерелья и носит вместо них сплетенные волокна лотоса, покинула ложе и терзается на подстилке из листьев лотоса. Могуущественнейший из могущественных, клянусь тебе, что самое ее тело, умащенное сандаловым маслом, испарившимся от внутреннего жара и обратившимся в серый пепел, словно смеясь белым смехом, кажется, говорит: „Та самая красавица, которая прежде была столь стыдлива, что не могла даже и слышать упоминания о любовнике, в сколь жалкое состояние пришла теперь из-за разлуки с возлюбленным!“ Вот ее послание к тебе“. И затем Манохарика прочла еще две шлоки, которые передала ей Падмавати.

Стоило Муктапхалакету выслушать все это, как избавился он от боли, и с радостью приветствовал Манохарику, и сказал ей: „Твои слова поистине оказались для моей души животворной амритой, и я пришел в себя, обрел бодрость духа и избавился от вялости. Мои добрые дела в прежних рождениях наконец принесли сегодня достойный плод в облике вести о том, что дочь повелителя гандхарвов столь благосклонна ко мне. Но если я еще мог кое-как снести муки любви, то как могла это вытерпеть она, чье тело нежно, как цветок шириши? Теперь отправлюсь я в храм Гаури, а ты приведи туда мою возлюбленную, чтобы поскорее мы смогли там встретиться. Поспеш, благовестная, успокоить свою подругу и дай ей вот этот драгоценный камень, останавливающий поток печали, который был дан мне Самосушим, когда я его обрадовал своими подвигами, а вот это ожерелье, подаренное мне самим Индрой, пусть будет моим даром тебе“. И молвив так, передал он ей драгоценность, украшавшую его чело, для Падмавати и, сняв с себя ожерелье, надел на шею верной подруги. Обрадованная Манохарика низко поклонилась ему, села на свою птицу и полетела к Падмавати, а Муктапхалакету, с которого доставленная весть вмиг сняла всю истому и вялость, поспешил вместе с Самгхатакой вернуться в свой дворец.

Манохарика же, отыскав Падмавати, рассказала ей о любовных мучениях ее возлюбленного, которым она сама была свидетельницей, и повторила ей, как он велел передать, все слова его, полные любви и сладостной нежности, и поведала об условленной встрече в храме Гаури, назначенной им, и отдала подруге волшебного драгоценного камня, избавляющего от печалей, и показала

ожерелье, полученное в подарок ею самой. Крепко обняла ее Падмавати, и поблагодарила за то, что она так успешно выполнила порученное, и забыла о всех мучениях, испытанных до получения такой благой вести, и прикрепила, словно свою радость, драгоценный камень, утоляющий печаль, к диадеме, и собралась идти в храм Гаури.

А в то время случилось так, что пришел в этот же храм подвижник Таподхана вместе со своим учеником, твердым в обетах, звавшимся Дридхавратой, и сказал ему: „Я должен на некоторый срок уединиться для размышлений в этом божественном саду, а ты останься у входа и никого сюда не пускай, пока я не кончу размышлений и не совершу жертву Парвати“. С таким наказом оставил подвижник своего ученика у входа в сад храма, а сам сел под пожелайдеревом и погрузился в сосредоточенные размышления. Потом, кончив размышлять, он пошел в храм, чтобы поклониться Амбике, но не уведомил об этом ученика, по-прежнему сидевшего у входа в сад.

А тут и примчался туда на небесном верблюде подобающе наряженный Муктапхалакету, сопровождаемый своим другом Самгхатакой, и уже готов был въехать в сад, как ученик Таподханы остановил его: „Не входи туда! Мой наставник занят там размышлениями“. Царевич же, жаждавший встречи с возлюбленной, подумал про себя: „Просторен этот сад, и может быть, что она уже пришла и бродит где-нибудь, а подвижник сидит себе в каком-нибудь уголке“ — и перенесся вместе с другом по воздуху прямо в сад.

Пока же он высматривал там свою возлюбленную, ученик подвижника вошел в сад, чтобы узнать, кончил ли его наставник свои размышления или нет, но вместо него увидел Муктапхалакету с другом, проникших в сад недозволенным образом. В гневе проклял Дридхаврата и царевича и Самгхатаку такими словами: „Раз вы нарушили размышления моего наставника и выгнали его, то за такое непочтение будете жить отныне среди смертных“, а сам кинулся разыскивать своего учителя. Было это суровое проклятие подобно удару молнии, обрушившемуся на Муктапхалакету как раз в тот момент, когда должно было исполниться его заветное желание, и погрузился он в глубокое отчаяние. Тем временем Падмавати, жаждущая увидеть возлюбленного, прилетела туда на птице вместе с Манохариной и другими служанками, и когда царевич узрел ее, пришедшую по своей воле к нему, то, лишенный проклятием возможности обнять ее, испытал он горестное смятение, в котором сплелись воедино и печаль и радость. Почувствовала тут Падмавати, как задергалась у нее правая бровь, предвещающая недоброе, и сердце ее вздрогнуло при виде глубокого отчаяния, охватившего возлюбленного, и устремилась она к нему. Но царевич остановил ее словами: „О любимая, наше желание уже могло бы исполниться, когда бы не случилось на его пути нового препятствия, подброшенного судьбой“.

И он рассказал, какое проклятие пало на него.

Тогда оба они, подавленные отчаянием, направились к подвижнику, который был учителем наложившего проклятие и находился сейчас в храме, с тем чтобы упросить его пресечь это проклятие. Великий подвижник, обладавший даром прозрения, увидел их, с почтением и скромно приближавшихся к нему, и благосклонно обратился к Муктапхалакету: „Проклял тебя этот глупец, действием опередивший должное размышление! Но мне ты никакого вреда не причинил, ибо я еще до того удалился в храм. Знай, что это проклятие только лишь средство, а не истинная причина твоего превращения, ибо должен ты сослужить на земле великую службу богам. По воле судьбы ты придешь, чтобы увидеть Падмавати, и, изнемогающий от любви, расстанешься со своим смертным телом и, избавившись от тяготеющего над тобой проклятия, обретишь свою возлюбленную в том самом облике, в котором она сейчас. Раз ты стал освободителем вселенной, то не должен ты долго находиться под бременем проклятия. Причина же его в том, что легкая тень несправедности пала на тебя тогда, когда, пустив в ход Брахмастру, погубил ты ею стариков и детей“.

Выслушав все это, Падмавати, заливаясь слезами, взмолилась: „Святомудрый, пусть же и я разделю судьбу моего нареченного! Не смогу я прожить и мгновения без него!“, а он возразил ей: „Этого не может быть, ибо тебе следует остаться здесь и совершать подвиги веры ради скорейшего избавления твоего любимого от проклятия и ради того, чтобы скорее мог он сделать тебя своей женой. После этого как супруга Муктапхалакету будешь ты вместе с ним править над видьядхарами и асурами сорок три миллиарда двести миллионов лет. А пока ты будешь совершать подвиги веры, будет тебя охранять этот лучший из драгоценных камней, подаренный возлюбленным,— велика его сила, ибо рожден он из кувшина самого Вершителя судеб“.

Когда подвижник, наделенный силой божественного прозрения, молвил это в ответ на слова Падмавати, Муктапхалакету, низко склонившись перед ним, взмолился: „О святомудрый, пусть никогда не поколеблется моя преданность богу Шиве, пока я буду пребывать среди смертных, и пусть никогда душа моя не склонится к какой-либо иной женщине, кроме Падмавати!“ И ответил подвижник: „Пусть так и будет!“

Глубоко опечаленная, прокляла Падмавати ученика, из-за ошибки которого такие горести обрушились на нее и ее возлюбленного: „Раз ты по своей глупости проклял предназначенного мне судьбой супруга, да будешь ты ему в его земной жизни вьючным животным и в его воле будет изменять твое обличье!“ От такого тяжкого проклятия пришел в отчаяние Дридхаврата, а затем исчез он, а вместе с ним и его наставник Таподхана. И тогда Муктапхалакету сказал Падмавати: „Должен я теперь пойти в свой город и посмотреть, что случится там со мною“. Услышав эти слова и придя в ужас при мысли о разлуке, она в украшениях и

нарядной одежде пала на землю, словно лиана, сорванная ураганом вместе со всеми своими цветами. Как только мог успокаивал Муктапхалакету свою бившуюся в рыданиях возлюбленную, а затем вместе с другом отправился в путь, часто оборачиваясь, с тем чтобы еще и еще раз взглянуть на нее. Падмавати, в отчаянии от разлуки и рыдая, говорила сквозь слезы Манохарике, старавшейся утешить ее: „Уверена я, что этой ночью привиделась мне сама Парвати и уже она была готова накинуть мне на шею гирлянду из цветов, как остановилась и промолвила: „Не тревожься! Я непременно отдам ее тебе в будущем“. Я думаю, что она хотела дать мне понять, что мой союз с возлюбленным должен пройти испытание какой-то помехой“. Так печалилась она о случившемся, и Манохарика подтвердила: „Конечно, как ты и думаешь, сон этот был послан тебе богиней в утешение. И ведь подвижник сказал то же самое, да и боги определили именно так. Поэтому приободрись и верь, что скоро соединишься ты со своим милым“.

Такими и другими словами подруги, волшебным действием лучшего из драгоценных камней была Падмавати приведена в чувство, и осталась она жить в храме Гаури, предаваясь подвигам веры, совершая трижды в день поклонение перед Шивой и Парвати, а также перед изображением своего возлюбленного, приняв ее родного города. Когда весть о случившемся достигла ушей ее родителей, все в слезах поспешили они к ней и попытались удержать ее от подвижничества: „Не терзай себя понапрасну во имя желания, которое так или иначе осуществится“. Но она отвергла их доводы: „Как смею я жить в неге и холе, когда супругу, нареченному мне богом, предстоит из-за проклятия тяжкие испытания? Ведь для женщин из благородных семей супруг все равно что бог. Нет у меня сомнений, что благодаря моему подвижничеству будет положен конец этому несчастью и милостью Шивы соединюсь я с возлюбленным, ибо нет ничего, чего не могло бы принести подвижничество“.

И когда Падмавати так решительно возразила родителям, ее матушка Кувалайавати обратилась к своему супругу со словами: „Пусть продолжает она, государь, совершать это жестокое подвижничество! Зачем тревожить ее бесплодными доводами? Так уж ей предназначено судьбой, и этому есть причина. Вот послушай. Однажды Девапрабха, дочь повелителя сиддхов, совершала в храме Шивы очень суровое подвижничество ради обретения желанного супруга. Пошла туда вместе со мной Падмавати и жестоко посмеялась над ней: „Как не стыдно тебе совершать подвижничество ради замужества?“ И тогда Девапрабха разгневалась и прокляла ее: „Глупая, смешна ты своим умом младенческим! Пусть же и тебе придется совершать тяжелое подвижничество ради обретения супруга!“ Вот поэтому-то она и должна неизбежно претерпеть страдания — кто может отменить проклятие дочери повелителя сиддхов? Пусть уж она делает то, что делает“. После этих

слов супруги повелитель гандхарвов решил, хотя и не без сомнений, вернуться к себе, и дочь его низко поклонилась ему, и он отправился в свою столицу. Падмавати же осталась в храме Гаури и продолжала возносить молитвы и совершать подвиги веры, и каждый день она летала поклониться Сиддхипшваре, почитаемой самим Брахмой и другими богами, о чем Шива повелел ей во сне.

ВОЛНА СТО ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пока Падмавати была занята совершением подвигов веры в надежде, что это поможет ей соединиться с Муктапхалакету, сам сын повелителя видьядхаров в предчувствии схождения своего в мир смертных, которое неизбежно следует за проклятием брахмана, в страхе бросился к Шиве, чтобы освободил он его от этого. Взмолился царевич могучему богу, и раздался из святого святого храма небесный голос: „Не опасайся ничего, ибо не придется тебе переносить страданий ни в материнской утробе, ни в твоей жизни среди смертных, ибо родишься ты могущественным и доблестным князем, обретишь благодаря подвижничеству Таподханы власть над всеми видами оружия, а мой гана, которого зовут Кинкара, будет твоим младшим братом. С его помощью одолеешь ты своих врагов и исполнишь службу, которую ожидают от тебя боги, а затем воссоединишься с Падмавати и будешь владеть над видьядхарами!“ Выслушал эту речь царевич, и зародилась в душе его надежда, и стал он ожидать, когда созреет плод обрушенного на него проклятия.

В этом месте моего повествования уместно рассказать о городе, расположенном на востоке и называвшемся Девасабха, то есть Собрание богов, превзошедшем великолепием это собрание. В нем обитал повелитель мира чакравартин Мерудхваджа, союзник Индры во время войны между богами и асурами. Этот великодушный царь жаждал славы, а не богатств других людей, был у него беспощаден меч, но не были такими его наказания, он страшился греха, но не страшился врагов, изредка искривлялись от гнева его брови, но никогда не кривил он душой, рука его была жестка от ударов тетивы, но не было жестокости в его словах, был он скуп на пощаду даже к беспомощным врагам в битве, но никогда не проявлял ни малейшей скупости, раздавая награды, испытывал истинную радость и наслаждение от добродетельных дел, но не от женщин. Но две тревоги постоянно жили в его душе, и одной из них было то, что не имел он ни одного сына, а другой — то, что дайтьи, спасшиеся от истребления во время великой битвы между богами и асурами и изгнанные в Паталу, продолжали угрожать издали и коварно разрушали святыне места, храмы и ашрамы и потом снова возвращались в Паталу, и царь не мог взять их в плен, ибо они могли передвигаться как в поднебесье, над землей, так и в Патале, подземном царстве.

Случилось однажды так, что, удрученный такими тревогами, отправился он в день полнолуния в месяц чайтра на колеснице, посланной за ним самим Индрой, для того чтобы принять участие в собрании богов — Индра всегда собирал богов на совет в утреннюю часть этого дня, и царь Мерудхваджа всегда отправлялся туда в присланной Индрой колеснице. Хотя и на этот раз Индра его почтил и наслаждался Мерудхваджа песнями и плясками небесных дев, но не переставал он вздыхать.

Заметил это предводитель богов и, зная, что томило душу друга, сказал Мерудхвадже: „Знаю я, царь, в чем твоя печаль. Брось сокрушаться. Родится у тебя сын, и будет он назван Муктапхаладхваджа, и будет в нем частица Шивы, и еще один сын родится у тебя, по имени Малаядхваджа, в котором воплотится гана, один из слуг Шивы. Муктапхаладхваджа и его младший брат получат от святомудрого Таподханы все знания, все виды оружия и ездовое животное, способное принимать любой облик. Этот непобедимый воин снова овладеет великим оружием Пашупатой и завоеует земной и подземный миры. Прими от меня двух слонов, способных передвигаться по воздуху, Канчанагири и Канчанашекхару, а еще могучее оружие“. Когда Индра сказал это Мерудхвадже, он передал ему и оружие и слонов и отпустил его, и тот, радостный, вернулся в свой город на землю. Однако асуры, которые благодаря своему коварству смогли подорвать уверенность богов в силах этого царя, сумели снова спастись от него, хотя он и выехал против них на летучем слоне, ибо и на сей раз нашли они убежище в Патале.

Тогда царь, жаждавший сына, отправился на том же летучем слоне в обитель подвижника Таподханы, о котором рассказал ему Индра, приблизился к нему и, сообщив о повелении Индры, промолвил: „Почтенный, скажи мне, каким путем могу я достичь своей цели“. И подвижник посоветовал царю и его супруге принять ради этого обет служения Шиве. Принял на себя такой обет Мерудхваджа и стал поклоняться Шиве, и этот великий бог смилостивился, и явился царю во сне, и повелел ему: „Встань, государь! Вскоре обретишь ты одного за другим двух непобедимых сыновей, которые сокрушат асуров“. Когда царь услышал это, то, проснувшись, тотчас же сообщил он об этом подвижнику и затем вместе с царицей вернулся в свою столицу, а через несколько дней его супруга понесла под сердцем, и каким-то таинственным способом Муктапхалакету, обреченный проклятием на то, чтобы покинуть тело видьядхары, был зачат в ней, хотя тело его продолжало оставаться в Чандрапуре под охраной родичей, с помощью магии предохраненное от разложения.

Так супруга царя Мерудхваджи в городе Девасабха забеременела и обрадовала этим своего супруга, и чем больше становилось ее бремя, тем больше росла радость царя, а когда наступило положенное время, родила она сына, подобного солнцу, и он, хотя еще и ребенок, обладал уже могучей силой, как рожденный Пар-

вати Сканда. И не только на всей земле начался великий праздник, но и на небесах, и даже сами боги ударили в барабаны. Подвижник Таподхана, обладающий божественным прозрением, пришел поздравить Мерудхваджу, и по его совету царь нарек сына Муктапхаладхваджей, как было сказано и Индрой, и после этого подвижник удалился.

Миновал год, и у царицы родился еще один сын, и царь с помощью Таподханы, явившегося во дворец ради такой радости, нарек сына Малаядхваджа, а после этого родился сын у царского министра, и это был, как и следовало по проклятию, Самгхатака, и отец дал ему имя Махабуддхи. Стали два царевича расти, словно львята, вместе с сыном министра, и чем больше они росли, тем мощней становилась их сила, а когда прошло восемь лет, явился подвижник Таподхана и, совершив над ними церемонию посвящения, надел на них священный шнур, а в следующие восемь лет наставлял он их в разных науках и искусствах и во владении разным оружием. Царь Мерудхваджа, узрев, что сыновья его стали юношами, способными владеть всеми видами оружия, убедился, что жил он не напрасно.

Тогда решил подвижник вернуться в свою обитель, но царь остановил его: „Почтенный, какой дар ты пожелаешь, тот и возьми!“, а святомудрый ему ответил: „Один-единственный дар приму я от тебя, государь, и этот дар — твоя и твоих сыновей победа над асурами, мешающими моим жертвоприношениям“. Отвечал ему на это царь: „Прими, святомудрый, такой дар. Смело начиная жертвоприношение, и когда асуры нагрянут, чтобы помешать ему, то немедленно поспешу я со своими сыновьями тебе на помощь. Прежде дайти, нарушавшие твои святыне обряды, скрывались, взвиваясь в поднебесье, ныряя в море, укрываясь в недрах Паталы, но теперь есть у меня два летучих слона, так что я и мои сыновья сумеем настичь их, даже если они полетят в поднебесье“.

Обрадовался подвижник и ответил: „Начни, государь, все надлежащие приготовления для моего жертвоприношения, с тем чтобы я мог начать это занимающее много времени святое дело, которое прославится даже в самых отдаленных краях земли. Я же пришлю к тебе моего ученика Дридахаврату, обретшего облик безгранично могучей птицы, способной лететь куда хочет, — на ней будет восседать Муктапхаладхваджа“. С этими словами Таподхана вернулся в свою обитель, а царь послал ему все, что необходимо для жертвоприношения. Подвижник начал готовиться к совершению жертвы, посмотреть на которую собрались боги и мудрецы, а данавы, живущие в Патале, когда весть об этом достигла их, пришли в возбуждение.

Именно тогда, узнав об этом, послал Таподхана своего ученика Дридахаврату, обреченного проклятием жить в облике птицы, в город Девасабха, а Мерудхваджа, увидев ее, спустившуюся в его столицу, вспомнил, о чем говорил ему подвижник, и снарядил двух своих летучих слонов. Сам он взмошел на сильнейшего из них,

Канчанагири, а другого, Канчанашекхару, отдал младшему из сыновей. Муктапхаладхваджа, взяв с собой разнообразное божественное оружие, воссел на птицу Дридхаврату, и сказители восславили его возвышающими душу песнями. Затем три героя послали свои дружины вперед и последовали за ними на своих летучих ваханах, унося с собой благословения святомудрых брахманов, а когда достигли они обители Таподханы, то пожаловал он им столь могущественный дар, что стали они неуязвимы для любого оружия.

А тем временем полчища асуров выступили в поход, чтобы помешать совершению жертвы, и воины Мерудхwadжи бросились на них, возглашая боевые кличи. Разгорелась битва между дайтьями и людьми, но дайтьи, летая по воздуху, одерживали верх над ними, прикованными к земле. И тут ринулся на них Муктапхаладхваджа на своем летучем коне, и ударил по ним, и осыпал их ливнем из стрел, и тогда дайтьи, уклонившиеся от его карающей десницы, видя, что сражается он верхом на могучей птице, бежали, вообразив, что обрушился на них сам Нараяна, и, спасаясь, укрылись в Патале и поведали о том, что случилось Трайлокьямалину, царствовавшему в то время над всеми темными силами.

Повелитель асуров, услышав такую весть, разведал через своих соглядатаев, в чем дело, и, узнав, что Муктапхаладхваджа — всего лишь смертный, не смог стерпеть позора поражения. Собрал Трайлокьямалин всех данавов в Патале и, не обращая внимания на дурные приметы, направился в сторону обители Таподханы, для того чтобы отомстить за унижение. Но Муктапхаладхваджа и его дружина были настороже, и как только заметили они повелителя данавов с его полчищами, бросились на них, и началась тогда вторая великая битва между асурами и людьми, а боги во главе с Рудрой и Индрой поспешили на своих колесницах посмотреть на нее.

И тогда неожиданно Муктапхаладхваджа увидел представшую перед ним Пашупату, великое оружие несокрушимой мощи, громадное и извергающее потоки пламени, с тремя глазами и четырьмя ликами, на одной ноге и с восемью руками, подобное тому всепожирающему огню, которое истребляет мир в конце каждой кальпы. И молвила Пашупата: „Знай, что пришла я по велению Шивы, дабы сделать верной твою победу“. И, выслушав ее слова, царевич почтил могущественное оружие и взял его. Тем временем асуры, летавшие в воздухе, осыпали стрелами изнемогавшую дружину Мерудхwadжи, прикованную к земле, и Муктапхаладхваджа, способный сражаться разным оружием, бросился ей на выручку и, сражаясь с асурами, возвел между ними и своими воинами подлинную стену из стрел.

Повелитель асуров Трайлокьямалин, заметив, что Муктапхаладхваджа, его отец и брат ведут бой на летучих ваханах, направил против них змеиное оружие, выпустившее множество зловых и ядовитых змей, но и с ними справился Маладхваджа с

помощью множества гаруд, вылетевших из могущественной птицы, на которой он летал, и таким же образом с необычайной легкостью отражал царевич всякое оружие, которое применяли царь дайтьев и его сын. Разъярившись, напустили Трайлокьямалин, беспощадный враг богов, и его сын, и прочие данавы на Малаядхваджу огневое оружие, но и оно при виде пылающей перед царевичем Пашупаты пришло в ужас и бежало.

Тогда попытались спастись перепуганные дайтьи, но герой Муктапхаладхваджа понял их намерение и немедленно воздвиг над ними стены и потолок из летучих стрел, непроницаемые, словно алмазный свод, и пока данавы метались там, словно птицы в силке, Муктапхаладхваджа, его отец и младший брат метали в них острые стрелы, и на землю дождем сыпались отсеченные руки, ноги, головы и обезглавленные тела, и лились потоки крови. И вскричали боги: „Садху! Садху! Славно!“ — и наградили победоносных героев дождем из цветов. Затем же применил Муктапхаладхваджу против недругов одурманивающее оружие, и, когда все они без чувств попадали на землю, перевязал он их веревками с помощью оружия Варуны.

И молвил тут царю Мерудхвадже подвижник Таподхана: „Ни в коем случае не должен ты убивать асуров, спасшихся от истребления, но следует привлечь их к себе, дабы вместе с ними подчинить и Расаталу. А что до повелителя дайтьев, его сына и его министров, то их вместе с великими асурами, злыми нагами и главными ракшасами надо заключить в пещеру Шветапили в твоём городе“. И обратился Мерудхваджа к воинам из дайтьев: „Не тревожьтесь, мы не убьём вас, но отныне будете вы под властью Муктапхаладхваджи и его брата“. И те, услышав такое предложение, с радостью согласились. Затем царь препроводил Трайлокьямалина, владыку над дайтьями, его сына и прочих в Шветапили, и заключил в ней, и поручил их охрану своему главному министру, дав ему под начало дружину из многих доблестных воинов.

Так окончилась битва, и боги разъехались в своих колесницах, осыпав цветами мандары победителей, и торжество затопило весь мир, и победоносный царь Мерудхваджа повелел своим сыновьям: „Я должен остаться здесь, чтобы оградить жертвоприношение от каких-либо помех, а вы ступайте в Паталу со всеми нашими воинами, захватившими множество колесниц дайтьев, и с теми воинами из асуров, которые сумели спастись, и следует вам замирились с жителями Паталы и привести их под нашу державу и назначить повсеместно управителей, а когда вы со всем этим покончите, возвращайтесь сюда“.

Выслушали повеление отца Муктапхаладхваджа, восседавший на своей волшебной вахане, изменявшей по желанию облик, и Малаядхваджа, и вступили вслед за покорившейся им частью воинства данавов, отправленной ими вперед, в пределы Расаталы, и сразили сопротивлявшихся в разных местах стражей, и провоз-

гласили под барабанный бой помилование всем прочим, и народ поверил им и покорился, и таким образом подчинили они себе все семь подземных миров, сверкавших чудесными дворцами, выстроенными из самоцветных камней, и испытали в них разные наслаждения, какие только можно было получить в прекрасных садах, исполнявших любые желания и украшенных прудами, полными дивного вина, ступенчатые сходы к которым были выложены драгоценностями, и увидели они там красавиц данавов и их дочерей, и все эти жены и девы могли с помощью волшебства скрываться внутри деревьев.

Сваямпрабха же, супруга Трайлокьямалина, начала подвижничество ради благополучия своего мужа, брошенного в узилище, а вместе с ней приняли обет и две их дочери — Трайлокьяпрабха и Трибхуванапрабха, опечаленные судьбой отца.

А царевичи осыпали всяческими милостями всех жителей Паталы, испытавших счастье оттого, что обрели наконец покой, а также назначили Самграмасинху и других верных людей управителями в разных уделах Паталы, а после этого вернулись к отцу, охранявшему обитель Таподханы. Пока же были они заняты подобными делами, жертвоприношение подвижника обрело успешное завершение и собрались боги с мудрецами возвращаться в свои дворцы и обители.

Обратился тогда Мерудхваджа к Индре, весьма довольному случившимся, с такими словами: „Если доволен ты мной, царь небес, то окажи мне милость и пожалуй в мой город“. И для того чтобы доставить ему радость, царь небес Индра отправился вместе с ним и его сыновьями к нему в стольный город Девасабху, а там Мерудхваджа, установивший власть над земным и подземным мирами, доставил Индре такие необычайные радости и наслаждения, что тот даже и думать позабыл о небесном блаженстве. И в благодарность за это Индра взял с собой Мерудхваджу и обоих его сыновей к себе в колесницу, и вознеся с ними в свой небесный дворец, и там после богатого представления, в котором участвовали Нарада, Рамбха и другие, заставил позабыть тяжкие труды, выпавшие им на долю, и подарил гирлянды из цветов париджаты и короны божественной красоты, и, так щедро почтив их, отпустил домой.

После этого, вернувшись на землю, постоянно странствовали царь и его сыновья между нею и Паталой, и, хотя были лишь земными царями, утвердили они свою власть в двух мирах. Однажды Мерудхваджа обратился к старшему сыну: „Одолели мы всех наших врагов, и в этой державе много теперь покорных моей воле царевен, и я послал за некоторыми из них — наступило время, чтобы ты избрал себе супругу“. Возразил ему Муктапхаладхваджа: „Не намерен я, батюшка, сейчас жениться — должен я совершить многие подвиги во славу Шивы. Пусть женится мой младший брат“. Ответил на это Малаядхваджа: „Мой благородный брат, разве достойно мне жениться раньше тебя или править

державой, оставив тебя без власти? Я пойду только вслед тебе“. После таких слов младшего сына царь Мерудхваджа сказал Муктапхаладхвадже: „Справедливы произнесенные здесь слова твоего младшего брата, и нет в твоих словах справедливости. Не время тебе в цветущей юности заниматься подвижничеством, а время наслаждаться радостями жизни. Откажись, сын мой, от этого недостойного намерения“. Но, несмотря на все уговоры отца, решительно отказался царевич выбирать себе жену, и царь умолк, решив подождать более благоприятного случая.

А время шло, и в Патале две дочери Трайлокьямалина, совершавшие вместе со своей матерью тяжкие подвиги ради благополучия отца, спросили ее: „Как же это так, матушка? Когда было нам всего лишь восемь и семь лет, то из-за наших малых заслуг оказался батюшка брошен в тюрьму и мы утратили царское достоинство, но с тех пор уже целых восемь лет совершаем мы тяжкие подвиги веры, а Шива все еще недоволен, и по-прежнему томится в узилище повелитель асуров. Уж лучше нам дать огню пожрать свои тела, чем оказаться быть тоже брошенными в тюрьму или испытать какое-нибудь иное оскорбление от рук врага“.

Ответила Сваямпрабха дочерям на это: „Потерпите, доченьки, вернем мы себе былую славу. Пока совершала я подвиги веры, явился мне во сне Шива и сказал: „Мужайся, дитя мое! Скоро твой супруг вернет свое царство, а царевичи Муктапхаладхваджа и Малаядхваджа станут мужьями твоих дочерей. Но не думай, что эти герои из смертных. Один из них — благородный видьядхара, а другой — мой служитель, гана“. Такое мне было откровение от Шивы, и я проснулась на исходе ночи и, поддерживаемая надеждой на исполнение сказанного, готова теперь переносить тяжкие страдания. Должна я сообщить об этом вашему батюшке и с его согласия постараюсь устроить ваши свадьбы“.

Утешив такими словами своих дочерей, царица Сваямпрабха сказала старой женщине, служившей на женской половине дворца, Индумати: „Ступай к моему супругу в пещеру Шветашилу, пади к его стопам и вот что передай ему от меня: „Супруг мой, создал меня творец из такого странного дерева, что оно, несмотря на все усиливающееся пламя разлуки, еще не сгорело, и я еще жива. Но это лишь потому, что я не утратила надежду увидеть тебя“. Когда ты передашь это, скажи ему об откровении, которое было мне от Шивы, и спроси, что думает властитель данавов о замужестве наших дочерей, и скорей возвращайся и сообщи мне, что он скажет, и как скажет, так я и сделаю“.

И вот отправила она Индумати, и та покинула Паталу и достигла хорошо охраняемого входа в эту горную пещеру. Подкупив охрану, смогла она проникнуть в тюрьму, и, увидав Трайлокьямалина в цепях, пала ему в ноги, и залилась слезами, и, когда он спросил ее, как она себя чувствует, мало-помалу сообщила ему Индумати все, что его супруга передавала. И тогда Трай-

локьямалин сказал: „По поводу того, что Шива говорит о моем возвращении на царство, пусть будет так, как он возгласил, но по поводу того, чтобы выдать моих дочерей замуж за сыновей Мерудхваджи, так это преждевременно и неуместно. Скорее погибну я, чем отдам моих дочерей в награду врагу, бросившему меня в тюрьму!“

И с этими словами отправил он Индумати обратно, и это послание служанка доставила в точности его жене, и когда дочери владыки дайтьев, Трайлокьяпрабха и Трибхуванапрабха, услышали, что в нем говорилось, то сказали они своей матери Сваямпрабхе: „Боязнь за нашу девичью чистоту делает огонь единственно безопасным местом, так что вступим мы в него на четырнадцатый день месяца, и день этот уже близок“. И тогда их мать и вся их свита решили умереть вместе с ними, и, когда наступил четырнадцатый день, все они почтили Хатакешвару и соорудили костры на уносящем грехи месте святых омовений, называемом Папарипу.

Случилось так, что в тот самый день царь Мерудхваджа с сыновьями и супругой пришел туда же, дабы поклониться Хатакешваре, и когда он собрался вместе со своей свитой омыться в священных водах, то увидел дым, поднимающийся из роши на берегу, и спросил: „Почему это оттуда идет дым?“ Управители, назначенные в Паталу, Самграмасимха и другие ответили ему: „Великий владыка, супруга Трайлокьямалина Сваямпрабха со своими дочерьми совершает суровые подвиги. Нет сомнения в том, что они или творят какой-нибудь обряд в честь бога Агни, или, может быть, истомленные чрезмерно тяжким подвижничеством, собираются умереть, взойдя на костер“.

Услышав такие слова, царь с сыновьями, женой и управителями разных уделов Пталы, велел всей прочей свите оставаться на месте, пошел посмотреть, что же там происходит, и, оставаясь незамеченным, увидел тех царевен из дайтьев с их матерью, поклоняющихся жарко пылавшему огню жертвенных костров. Чудилось, что от сияния их невообразимой красоты сотни лун способны были возникнуть в подземном мире. Они словно возводили на престол бога любви Каму, орошая его как царя сиянием колыхающихся жемчужных ожерелий, словно изливавшимися из золотых чаш их груди. Их широкие бедра, на которых лежали дорогие опояски, походили на лоб слона любви, украшенный налобником, сотканным из созвездий, а копны густых волнистых волос были словно клубками змей, созданных творцом, чтобы оберечь сокровище их красоты. И тогда царь молвил про себя: „Воистину творец всего сущего вечно являет нам все новые и новые чудеса, и воистину ни Рамбха, ни Урваши, ни Тилоттама не сравнятся красотой с этими двумя дочерьми повелителя асуров“.

Покуда царь предавался подобным размышлениям, Трайлокьяпрабха, старшая из них, поклонившись огню, обратилась к нему с мольбой: „Коли с той поры, как матушка поведала мне об откры-

вании Шивы, полученном ею во сне, прикована моя душа к царевичу Муктапхаладхвадже, истинному сокровищу добродетелей, как нареченному мне супругу, то и молю я святой огонь, чтобы был он мне мужем в следующем рождении, так как хотя матушка и желала выдать меня за него, но гордый мой отец, заточенный в тюрьме, не дал на это согласия". И Трибхуванпрабха вслед за старшей вознесла подобную молитву Агни, чтобы Малаядхваджа стал ей супругом в будущей жизни.

Обрадовались царь Мерудхваджа и царица всему услышанному и сказали друг другу, что если, мол, их сыновья смогут получить в жены дочерей асуров, то пожнут плод завоевания ими двух миров, так что следует поспешить к обеим девушкам и их матери, намеревающимся, как видно, кинуться в огонь, и отговорить их от этого. И тогда царь подошел к ним и так обратился: „Не поступайте опрометчиво, ибо я пришел, чтобы положить конец вашей печали". И для женщин из рода асуров царские слова были подобны потоку амриты, пролитой в их уши, и они узрели государя и склонились перед ним.

А Сваямпрабха ответила ему: „Прежде мы были незримы благодаря волшебству и ты не мог видеть нас, а теперь, повелитель двух миров, ты нас увидел. И раз так, то наша печаль скоро найдет конец, тем более что своими устами пожаловал ты нам такую награду, о которой мы и помышлять не смели. Поэтому присядь, прими угощение, достойное гостя, и воду для ног, ибо ты заслуживаешь почтения во всех трех мирах и здесь, в нашей обители". Но с улыбкой возразил ей царь: „Лучше поднеси угощение и омой ноги вот этим твоим зятьям". Ответила Сваямпрабха: „Им угощение устроит Шива, а ты прими сейчас". И Мерудхваджа согласился: „Я уже его принял, но вы, красавицы, должны немедленно отказаться от намерения предать себя огню. Живите себе спокойно в любом из городов вашей страны, где каждое желание ваше будет удовлетворяться, а я позабочусь, чтобы не было потревожено ваше благополучие".

„Как ты повелел, государь,— заговорила Сваямпрабха,— мы уже отказались от намерения предать себя огню, но как же мы можем жить во дворце, когда их отец и мой повелитель томится в узилище? Так что останемся мы здесь, царь, пока не выполнишь ты своего обещания и не освободишь нашего владыку с его челядью и министрами, а он станет поддерживать твою державу, как старательный слуга, и, коли пожелаешь, отдаст тебе все свое царство, и непременно будет строго выполнять условленное, а залогом тому можем быть мы и все жители Паталы — возьми сокровища из всех уделов Паталы и сделай их своими".

Царь Мерудхваджа тогда сказал ей: „Должен я подумать об этом, но и ты должна помнить обещанное" — и совершил омовение и поклонился Хатакешваре. А царевны из дайтьев, увидав его сыновей своими глазами, и вовсе в них влюбились. Пали жители Паталы в ноги Мерудхвадже и стали молить об освобожд-

дении Трайлокьямалина, и царь с женой, сыновьями и слугами покинул мир асуров и вернулся в свою столицу, озаряя все страны света непорочно белыми, как и его слава, зонтами. Сын же его Малаядхваджа провел ночь в мечтах о младшей дочери повелителя данавов, и терзала его лихорадка любви, и хоть и закрывал он глаза, но спать не мог. Но зато Муктапхаладхваджа, этот океан выдержки, хоть и думал о старшей дочери властителя асуров, страстно влюбленной в него, и был он в расцвете юности, а она — столь прекрасна, что могла пробудить страсть в душах святых отшельников, но ради той награды от Таподханы, которой он столь горячо желал, не позволял царевич даже мимолетному волнению тревожить себя. Мерудхваджа, видя, что старший сын не хочет жениться, а младший этого страстно желает, и зная, что великий асура не хочет отдавать своих дочерей за его сынов, отчаянно напрягал ум в попытках осуществить желаемое.

Наблюдая, как терзает Малаядхваджу лихорадка любви, его отец сказал царице: „Что за прибыль мне, если дочери Трайлокьямалина, которых видел я в Патале, не станут женами моих сыновей? Ведь Малаядхваджу, из-за того что нельзя ему жениться на младшей, пожирает бешеный жар страсти, хотя из стыдливости и пытается он скрыть свою муку. Вот по этой-то причине и не могу я выполнить обещания, данного супруге Трайлокьямалина, ибо если освободить его, то он, будучи гордым, подобно всякому асуре, не выдаст своих дочерей за таких смертных, как мои сыновья. Следует предложить ему это как бы в знак примирения“.

И обсудив все с женой, велел он своему пратихаре: „Ступай в пещеру Шветашилу и передай от моего имени и в добрых словах повелителю дайтьев Трайлокьямалину, содержащемуся в ней, такое послание: „Волей судьбы, повелитель дайтьев, давно уже томишься ты здесь. Поступи так, как я посоветую, и ты принесешь конец своим страданиям. Отдай моим сыновьям в жены двух твоих дочерей, влюбившихся в них с первого взгляда, и тем самым обрешь ты свободу и, если поклянешься мне в верности, вновь станешь править своим царством“. Отправился пратихара с таким посланием и доставил его повелителю дайтьев, но тот сказал: „Я ни за что не выдам своих дочерей за смертных!“ С тем и вернулся пратихара.

Тогда Мерудхваджа стал раздумывать, нельзя ли найти какие-либо иные средства для достижения желаемого, и когда так прошло уже много дней и Сваямпрабха узнала, как он их провел, опять послала она из Паталы к его двору свою вестницу Индумати. Когда же Индумати прибыла, то велела стражнице уведомить об этом государыню и, войдя к ней, почтительно поклонилась и передала то, что велено было передать:

„Божественная царица Сваямпрабха хотела бы знать, не забыли ли вы о своем обещании? В страшный день конца света и океаны иссохнут и горы рухнут, но слово людей, подоб-

ных вам, даже тогда останется нерушимым. Мой супруг не согласился выдать наших дочерей замуж за ваших сынов — как может он, находясь в узилище, отдать их врагу, словно трофей? Отпустите его под каким-нибудь уместным предлогом, и в благодарность он непременно согласится на эту свадьбу, не то Сваямпрабха вместе с дочерьми распрощается с жизнью, и тогда не достанутся они вашим сыновьям и ваше слово будет не словом правды, а словом лжи. Так постарайся, божественная, чтобы был найден повод для освобождения твоим супругом нашего повелителя ради благополучного исхода всех дел“. Вот прими, государыня, в дар от Сваямпрабхи прекрасное украшение, выложенное драгоценными камнями, доставляющее способность летать в поднебесье“.

Отклонила царица подарок, протянутый ей Индумати, и молвила: „Как могу я принять такой дар от тех, кто находится в беде?“ Но Индумати настаивала: „Если не возьмешь, то причинишь нам большое несчастье, а если примешь, умерится наше горе“. Поддалась царица усердным уговорам Индумати и, чтобы утешить ее, приняла украшение и проговорила: „Останься здесь и подожди, пока придет божественный“. Вскоре пожаловал туда царь, и Индумати встала и поклонилась ему, а государыня ее представила, и он ласково ее приветствовал, и тогда она передала ему посланную Сваямпрабхой великую драгоценность, которая была талисманом против яда, ракшасов, старости и болезней.

И тогда государь сказал: „Я могу принять этот дар, лишь когда выполню обещанное“. Но гордая Индумати возразила ему: „Обещанное государем все равно что исполненное, но если ты, царь, примешь этот дар, то нам будет много легче“. И Мерудхваджа согласился принять его и сказал: „Хорошо!“, а царица укрепила эту драгоценность на царской короне. Повторила Индумати слово в слово послание, переданное ею от Сваямпрабхи его супруге, и, услышав от нее самой, что все точно передано, сказал царь вестнице: „Побудь здесь до утра, а утром я сообщу тебе свое решение“.

Ночь миновала, и блеснула заря, и созвал государь министров и, пригласив Индумати, молвил: „Благородная, ступай с моими министрами и передай все, что тебе велено, Трайлокьямалину, а затем приведи из Паталы его жену и дочерей и главных из жителей Паталы, а также принеси воду для божьего суда, взятую из источника Хатакешвары, и чтобы была эта вода в запечатанном сосуде. И пусть Сваямпрабха и прочие, коснувшись стоп властителя асуров, поклянутся в том, что будет он несокрушимо мне верен и что наги не будут вредить урожаю. И пусть все вожди из Паталы также поклянутся в верности, и пусть все они, включая их царя, отдадут мне в качестве заложников своих детей. И пусть все они, включая их царя, скрепят это в надлежащих грамотах своей подписью и выпьют воды, которой омыто изображение Ха-

такешвары,— тогда освобожу я Трайлокьямалина из тюрьмы“. И с тем царь отпустил Индумати, которую сопровождали его министры, и она сообщила Трайлокьямалину обо всем, что было сделано, и, когда он одобрил то, что она совершила, отправилась Индумати в Паталу и привела Сваямпрабху и всех, кого надо было, а также принесла с собой воду для испытания и заставила их принести присягу в присутствии министров Мерудхваджи и выполнить то, что он потребовал. Когда же Трайлокьямалин дал таким образом заверения в своей верности, Мерудхваджа освободил повелителя асуров со всей его свитой, велел вместе с семейством устроить у себя во дворце и был с ним любезен и, получив все сокровища асуров, отпустил Трайлокьямалина в его страну. Вернулся тот в родную Расаталу и, вновь завладев своим царством, возрадовался этому со всеми своими слугами и родней, а Мерудхваджа рассыпал повсюду по земле неисчислимые сокровища Паталы подобно тому, как дождевая туча проливает воду.

После этого посоветовался Трайлокьямалин с царицей о том, как бы отдать им своих дочерей в жены сыновьям Мерудхваджи, и решили они пригласить его к себе во дворец и самим выйти ему навстречу, помня о благодеяниях, им оказанных. Прибыл тогда Трайлокьямалин к Мерудхвадже и сказал ему: „Прежде величие вашей радости не дало вам полюбоваться как следует Расаталой, а теперь соблаговолите пожаловать и посмотреть, и мы будем делать все, что вам потребуется. Соблаговолите принять для ваших сыновей в жены двух дочерей наших“.

Тогда Мерудхваджа позвал свою супругу и обоих сыновей и передал им все, что объявил повелитель асуров, в том числе и о его согласии отдать своих дочерей в жены Муктапхаладхвадже и Малаядхвадже. И старший из них ответил: „Ведь я уже давно сказал, что, пока не умолю Шиву, жениться не стану, и ты должен простить мне это. Когда же я уйду на подвижничество во славу Шивы, то пусть женится Малаядхваджа — ведь никогда он не будет счастлив без этой девы из подземного царства“. Возразил на это младший старшему: „Достойный мой брат, пока ты жив, никогда не совершу я подобного недостойного и несправедливого дела“. Настойчиво уговаривал отец Малаядхваджу жениться, но тот не соглашался, и поэтому пришлось Трайлокьямалину уехать от Мерудхваджи, предавшегося отчаянию, ни с чем.

Когда же он вернулся домой и поведал обо всем, что было, то сказал жене и сыну: „Вот смотрите, сколь усердно старается Судьба унизить нас как можно больше. Те самые люди, которым я отказывался прежде отдать своих дочерей, когда они этого просили, теперь отказывают мне, когда я на их просьбу согласился“. Возразили ему жена и сын: „Кто может знать, что на уме у Судьбы? Но ведь не должно же быть ложным обещание Шивы?“

Пока они говорили это, Трайлокьяпрабха и Трибхуванапрабха прослышали про все, что случилось, и дали такой зарок: „Не будем мы ничего есть целых двенадцать дней, и если за это время бог не явит нам благоволение и не сделает так, что состоятся наши свадьбы, то взойдем мы вместе на костер, дабы не оставались наши тела на поношение и даже просто не влачили бы дальше существование“. Произнеся такой обет, стали они голодать перед изваянием бога, погрузившись в размышления и бормоча молитвы, а их мать и отец, властитель дайтьев, узнав обо всем этом и горячо любя своих дочерей, тоже стали голодать таким же образом. Их матушка Сваямпрабха снова послала Индумати к супруге Мерудхваджи, чтобы сообщить ей, как обернулись дела, и Индумати поспешила и рассказала той, что происходит в доме ее повелителя, и, желая услышать все это, пришел сам Мерудхваджа, и тогда и эта супружеская чета из уважения к Трайлокьямалину и его жене тоже стала голодать, а из почтения к родителям стали голодать и их сыновья.

Так две царские семьи в двух мирах оказались в беде. На седьмой день поста, который Муктапхаладхваджа проводил в размышлениях о Шиве как единственном его прибежище, сказал он своему другу Махабуддхи, бывшему в прежнем рождении Самгхатакой:

„Я вспомнил, друг, сон, виденный мной минувшей ночью, будто вскочил я на подаренную мне подвижником Таподханой вахану, способную изменять облик по своему желанию и мчатся туда, куда душа повелит, и она обратилась в воздушную колесницу, и я, полный отчаяния, отправился в храм Шивы, стоящий далеко отсюда на склонах Меру. Там я увидел некую небесную деву, истощенную подвигами веры, и некоего мужа с волосами, заплетенными в косы, уложенные пирамидой, который, указывая мне на эту деву, сказал: „Смотри-ка, спасаясь от одной красавицы, ты кинулся сюда, а здесь тебя ждет другая“. Услышав его слова, так и остался я стоять, прикованный к месту, жадно любуюсь ее красотой, но не мог насытить свой взор и вдруг проснулся.

Должен я теперь отправиться за этой небесной девой, и если не добуду ее, то сожгу себя. Чего хотела от меня Судьба, заставив привязаться душой к прелестнице, виденной мной во сне, после того как я так грубо отверг руку девушки из рода дайтьев, недавно мне предложенную? Но как бы то ни было, верю я, что если отправлюсь туда, то непременно выпадет мне удача“. И, сказав так, он вызвал мыслью своей вахану, которая была подарена ему подвижником и была способна доставить его в любое место, какое только могло прийти на ум, и она явилась и на этот раз обернулась летучей колесницей, и Муктапхаладхваджа сел в нее и отправился в тот храм Шивы, и когда достиг его, то увидел, что все было так, как приснилось ему, и он обрадовался. Тогда совершил он омовение в святой воде пруда Сиддходаки и

все сопутствующие обряды, и никто, кроме его друга, при этом не присутствовал.

А его отец царь Мерудхваджа со своей супругой, другим сыном и всеми придворными, исхудавшие от голода, когда узнали, что Муктапхаладхваджа куда-то тайно уехал, очень опечалились, и все это, как только случилось, стало известно и в Патале. Отправился тогда продолжавший голодать Трайлокьямалин с женой и обеими дочерьми к царю Мерудхвадже, и все они решили так: „Сегодня пошел четырнадцатый день, как царевич куда-то уехал поклоняться Шиве, и пока мы подождем его здесь, а если не вернется, то завтра мы отправимся искать его и будь что будет“.

В это же время Падмавати, находившаяся в Мегхаване, храме Шивы, сказала своим служанкам: „Помнится мне, подруги, что приснилось мне прошлой ночью, будто отправилась я в Сиддхешвару и некий муж, голова которого была увенчана уложенными в гирлянду косами, вышел из храма Гаури и обратился ко мне со словами: „Скоро кончится твоя печаль, дочь моя, и соединишься ты со своим супругом“. Только успел он это молвить, как и ночь и сон покинули меня. Так поспешим же туда“. И она пошла в храм Гаури, стоящий на склоне горы Меру, и увидела неподалеку Муктапхаладхваджу, совершавшего омовение в пруду Сиддходаке, и обратилась к подругам: „Этот человек очень напоминает моего возлюбленного. Посмотрите, как он похож. Вот чудо! Может быть, это и есть благородный Муктапхалакету? Нет, никогда, ведь он же смертный!“ Но подруги ее стали спорить с ней: „Посмотри, царевна, не только сам этот муж похож на твоего возлюбленного, но и его товарищ очень напоминает Самгхатаку, друга царевича. Ведь ты рассказывала нам про сон, виденный тобой прошлой ночью, во время которого Шива своей волей привел их обоих сюда, обращенных проклятием в смертных. Иначе как бы могли они оказаться в пределах, доступных лишь богам?“ После их слов Падмавати поклонилась Шиве и спряталась неподалеку от его лингама, желая выяснить, кто же этот незнакомец.

А Муктапхаладхваджа, закончив омовение, направился в храм, чтобы поклониться Шиве, и, осмотревшись, обратился к Махабуддхи: „Удивительно, но это тот самый храм, который я видел во сне, выстроенный из драгоценных камней, со стоящим перед ним лингамом, в котором воплощен Шива. Да и вся эта местность знакома мне по сну — здесь в изобилии растут деревья, сверкающие драгоценными камнями и кажущиеся живыми из-за множества небесных птиц. Но только не вижу я небесной девы, встреченной мною во сне, и если не найду я ее здесь, то тут же расстанусь со своим телом“.

После таких слов его наперебой зашептали Падмавати ее подруги: „Послушай, конечно же, это он пришел сюда, потому что видел тебя во сне, и если тебя не найдет, то покончит с со-

бой. Останемся пока в укрытии и посмотрим, что он сейчас будет делать". Пока они стояли спрятавшись, Муктапхаладхаджа вошел в храм, и поклонился Шиве, и вышел наружу, и трижды обошел храм так, чтобы правая рука все время была обращена к нему, а потом он и Махабуддхи вспомнили свое прежнее рождение, и пока они рассказывали друг другу события их жизни в облике видьядхаров, встретились их взгляды с взглядом Падмавати. Увидев ее, переполнился радостью Муктапхаладхаджа и обратился к другу со словами: „О, взгляни, вот царевна Падмавати, та самая дева, которую я встретил в моем сновидении. Великое счастье, что она пришла сюда,— я должен пойти и говорить с ней“.

Тотчас же он со слезами кинулся к девушке и стал умолять: „О царевна, не уходи больше никуда, верь, я — твой возлюбленный Муктапхалакегу. Из-за проклятия Дридхавраты оказался я смертным, а теперь я вспомнил прежнее мое рождение". И, сказав так, попытался он ее обнять. Она же, однако, все еще не могла в это поверить и стала невидимой, но не ушла и стояла там с глазами, полными слез, а царевич, потеряв ее из виду, упал без памяти на землю. С печалью произнес его друг прямо в воздух такие слова: „Как же это, царевна, пришел твой возлюбленный, ради которого ты вынесла столь тяжкое подвижничество, и отказываешься ты говорить с ним? Ведь я — Самгхатака, друг твоего возлюбленного. Почему же ты не найдешь добрых слов и для меня, также из-за тебя обреченного проклятием на жизнь смертного?" Затем он привел царевича в чувство и проговорил: „Вот тебе и наказание за то, что ты отверг царевну из рода дайтьев, готовую отдать тебе свою руку из любви“.

И когда спрятавшаяся Падмавати услышала все это, она шепнула подругам: „Смотрите-ка, он не испытывал никакой склонности к девушке из рода асуров!", а они ей ответили: „Вот видишь, как все сходится. Разве ты не помнишь, что он уже после того, как на него пало это страшное проклятие, молил святомудрого Таподхану о том, чтобы, пока он будет находиться среди смертных, никакая из женщин не могла вселиться в его сердце, отданное Падмавати? Поэтому-то он до сих пор и не испытывал любви к другим женщинам". Все услышанное озадачило царевну, а Муктапхаладхаджа, бывший не в состоянии увидеть ее с тех пор, как исчезла она из виду, рыдал: „О возлюбленная моя Падмавати! Разве не видишь ты, что я тот самый видьядхара, который из-за тебя был проклят в Мегхаване? Будь уверена, что я здесь умру!"

Наслушавшись его стонов и рыданий, сказала она прислуживавшим ей девам: „Как будто бы все и сходится, да ведь они могли прослышать об этом из чьих-нибудь уст, так что я не уверена, действительно ли все так и есть. Но не могу я дольше слышать эти жалостные рыдания. Пойду-ка я в храм Гаури, тем более что настало время, когда я должна помолиться богине". И вме-

сте со всеми прислуживавшими ей вступила она в обитель Амбики и вознесла такую молитву: „Если воистину муж, виденный мной в Сиддхипшваре, мой возлюбленный, то устрой, могущественная, так, чтобы я как можно скорее соединилась с ним“.

Пока Падмавати находилась там, моля о ее возлюбленном, Муктапхаладхаджа, оставшийся в Сиддхипшваре, говорил другу своему Махабуддхи, бывшему таковым и в прежней его жизни: „Убежден я, Махабуддхи, что пошла она в этот храм Гаури ради цели, ведомой только ей. Пойдем-ка и мы туда“. И он призвал усилием мысли свою летучую колесницу, которая могла нестись, куда только душа пожелает, и полетели они в обитель Амбики. Когда заметили девы, прислуживавшие Падмавати, колесницу, мчавшуюся в поднебесье, вскричали они: „Вот чудо, царевна! Взгляни-ка, он мчится сюда на летучей колеснице. Как это может обычный смертный обладать такой силой?“ И ответила им царевна: „Разве вы, подружки, не помните, каким проклятием покарала я Дридахврату, отнявшего у меня любимого? Я обрекла его на то, чтобы он всюду был ваханой для Муктапхалакету, и приобретал бы любой облик, и двигался бы, подчиняясь лишь его воле. Нет сомнения, что это и есть ученик подвижника, обернувшийся на этот раз летучей колесницей, и с ее помощью мчится мой возлюбленный, куда только пожелает“.

„Если тебе все известно, царевна, то почему же ты не поговоришь с ним? Чего ты ждешь?“ — спросили они у нее, а она отвечала: „Может быть, это и так, но я еще не совсем уверена. Но если даже поверить в то, что здесь мой возлюбленный, как смею я приблизиться к нему, пока он не в своем, а в чужом облике? Подождем еще, посмотрим, что он будет делать“. И она осталась стоять в укрытии, окруженная прислуживавшими ей девами.

Муктапхаладхаджа, достигнув обители Гаури, сошел с колесницы и, жаждущий встретиться с возлюбленной, напомнил другу: „Вот здесь увидел я впервые мою любимую, напуганную злобными ракшаси. Снова я вижу милую в саду, где она избрала меня своим возлюбленным. Именно здесь обрушилось на меня проклятие, и она готова была умереть ради того, чтобы последовать за мной, и с немалым трудом удалось подвижнику ее удержать. А теперь? Теперь она избегает моего взора, все прячется и прячется от меня“.

Когда дошли такие горькие слова до слуха Падмавати, сказала она подругам: „И вправду, дорогие, это мой возлюбленный, но как мне приблизиться к нему, пока он не обрел прежнего тела? Вся моя надежда на Повелителя успеха Сиддхипшвару. Он ниспослал мне то сновидение, и он поможет мне найти выход из сложного положения“. И она поспешила вернуться к Сиддхипшваре, поклонилась ему и вознесла такую молитву богу, явившему себя в этой линге: „Соедини меня с любимым в его прежнем облике или пошли мне смерть — нет больше никакого выхода для меня“ —

и, сказав так, осталась во дворе храма. В то самое время Муктапхаладхаджа тщетно высматривал ее внутри храма и, не найдя, пришел в отчаяние: „Нет ее здесь. Вернемся, друг, к храму Шивы — если и там не найду я возлюбленной, то сожгу себя на костре“. Но возразил ему на это Махабуддхи: „Будешь ты счастлив — ведь ни слово подвижника, ни обещание Шивы, данное тебе во сне, не могут быть ложны“. И так пытался он успокоить царевича, и тогда Муктапхаладхаджа взмолился на колесницу и полетел в Сиддхивару.

Когда Падмавати увидела, что он спускается с небес, она по-прежнему осталась незримой и сказала подругам: „Смотрите-ка, и он сюда прилетел!“

Вошел царевич в храм и увидел перед изваянием бога следы недавнего жертвоприношения, и заговорил он со своим другом: „Взгляни, здесь кто-то совсем недавно приносил жертву. Непременно моя любимая где-то рядом, и это, должно быть, она совершала жертвоприношение“. И он стал еще усерднее разыскивать ее, но никак не мог найти и в порыве неизбыточной тоски простонал: „О любимая!“

И тогда начал Муктапхаладхаджа метаться то туда, то сюда, принимая жалобный крик кукушки за сладостный голос возлюбленной, хвост павлина — за ее волосы, лотос — за ее лицо, и, изнемогающий от лихорадки любви, не мог царевич найти покоя, и с большим трудом друг смог успокоить его, говоря такие утешительные слова:

„Что случилось с тобой, столь ослабевшим от долгого поста? Откуда такая сила? Почему ты, покоривший и земной и подземный мир, пренебрегаешь своим благом? Твой отец Мерудхаджа, и повелитель данавов Трайлокьямалин, и его дочь Трайлокьяпрабха, которая хочет выйти за тебя, и твоя мать Винайвати, и твой младший брат Малаядхаджа, если ты не вернешься к ним, подумают, что случилась с тобой какая-то беда, и, продолжая пост, дойдут до того, что расстанутся с жизнью. Пойдем и спасем их — ведь день уже подходит к концу“.

Ответил на это Муктапхаладхаджа своему другу: „Возьми мою летучую колесницу, поспеши и успокой их“. Возразил ему Махабуддхи: „Как же будет подчиняться мне ученик подвижника, когда проклятие обрекло его подчиняться только тебе?“ И Муктапхаладхаджа сказал: „Подожди тогда немного, и посмотрим, что здесь случится“.

Когда же Падмавати услышала их разговор, она молвила своим подругам: „Знаю я, что это мой прежний возлюбленный, — все говорит об этом, но он унижен проклятием, обрекшим его на жизнь в теле смертного. Проклятие довлеет и надо мной, из-за того что посмеялась я над девушкой из рода сиддхов“. И пока она произносила эти слова, поднялась огненно-красная луна, словно лесной пожар, пожирающий сонмы разлученных возлюбленных, и постепенно ее сияние наполнило от края и до края весь мир и

все, что видно вокруг, и пламя любовного огня опалило сердце Муктапхаладхваджи.

Начал царевич стонать, словно чакравака при наступлении ночи, и тут Падмавати, вступившая в последнюю степень отчаяния, обратилась наконец к нему: „Хотя ты, царевич, и вправду мой прежний возлюбленный, но, пока присущ тебе облик смертного, ты для меня — чужой человек, а я для тебя — все равно что жена другого. Бесплезны поэтому твои стенания! Должно найти какой-нибудь способ, который помог бы нам соединиться, если только слова подвижника истинны“.

Услыхал Муктапхаладхваджа такие ее слова, но все еще не мог видеть ее и испытал печальное состояние, когда душа его нестерпимо страдала от бесконечного сдерживания чувств радости и отчаяния, и вскричал, обращаясь к ней: „Я вспомнил, царевна, мое прежнее рождение, и узнал тебя сразу, как только увидел, — ведь ты сохранила прежний облик. Меня же ты видела в облике видьядхары и, конечно, не смогла узнать в этом проклятом обличье смертного? Должен я избавиться от него“. И он умолк, а она осталась, как была, незримой.

И вот когда ночь была уже почти на исходе и друг царевича Махабуддхи, прежде называвшийся Самгхатакой, уснул от изнеможения, Муктапхаладхваджа, решив, что никогда не соединится он с Падмавати, если останется в облике смертного, собрал поленьев и хвороста, разжег костер, поклонился Шиве, воплощенному в лингаме, и взмолился к нему: „О святомудрый, пожалуй мне милость возвращения в мой прежний облик, дабы мог я вновь обрести возлюбленную“. И с этими словами отдался он во власть пылающего огня. Проснулся Махабуддхи и стал разыскивать царевича, но никак не мог найти его, а при виде разгоревшегося костра понял, что случилось, и с горя от потери друга и сам кинулся в огонь.

Узрев все происшедшее, испытала Падмавати несказанную печаль и прошептала подругам: „Горе мне и стыд! Женское сердце оказалось тверже, чем палица Индры, иначе при виде всего того ужаса жизнь покинула бы меня. Доколе влачить мне эту презренную и постыльную жизнь? Вот и сейчас, несмотря на все мои проступки, нет ей конца. Слова подвижника оказались лживы — лучше мне умереть. Но не следует кидаться в этот же костер, смешиваясь с прахом чужого человека. Лучше всего для меня будет повеситься“. И, проговорив это, стала она делать петлю-удавку из лианы, свисавшей с дерева ашоки, росшего перед изображением Шивы.

Пока подруги пытались удержать ее от такого безрассудного поступка и говорили ей всякие ободряющие слова, явился туда подвижник Таподхана и обратился к ней: „Не поступай опрометчиво, дочь моя! Слово мое истинно! Бодрись и ты скоро увидишь своего нареченного. Благодаря твоим подвигам веры истощилось проклятие, довлевшее над ним, — как можешь ты не доверять мне

плоды собственного твоего подвижничества? И почему ты в таком отчаянии, когда уже близка свадьба твоя? Потому и пришел я сюда, что узнал обо всем этом благодаря могуществу моих размышлений“.

Когда увидела Падмавати приближавшегося подвижника, произносившего эти слова, склонилась она перед ним, словно охваченная нерешительностью и смятением, и вслед за подвижником появился ее возлюбленный Муктапхалакету, сжегший свое смертное тело и вернувшийся в присущий ему блистательный облик видьядхары. И тогда Падмавати, заметив, как сын повелителя видьядхаров мчится в поднебесье, испытала неописуемую радость в душе, словно чатака при виде дождевой тучи или кумудвати, узревшая восходящую полную луну. Обрадовался и Муктапхалакету и упивался ее видом так, как странник, утомленный длительным скитанием в пустыне, приходит в восторг, достигнув реки.

Оба они, и возлюбленный и возлюбленная, словно пара чакравак, встретившаяся после долгой ночи разлуки, пали, освободившись от проклятия, к стопам подвижника, сверкающего великими знаниями, а он, святомудрый, обратил к ним благостные слова: „Сердце довольно мое, что вы наконец соединились, и счастлив я, что пришел конец довлевшему над вами проклятию“.

Когда же миновала ночь, прибыли туда на слоне Айравате, посланном Индрой, разыскивая их, царь Мерудхваджа с женой и младшим сыном и на воздушной колеснице повелитель дайтьев Трайлокьямалин со своей дочерью Трайлокьяпрабхой в сопровождении всей свиты и гарема.

Указал подвижник обоим властителям на Муктапхалакету и рассказал обо всем, что случилось с царевичем,— как из-за проклятия оказался он в мире людей ради того, чтобы послужить богам, и как избавился он от судьбы смертного. И когда это выслушали они, совсем недавно готовые предать себя огню, то омылись в пруду Сиддходаке, и поклонились по совету подвижника Шиве, и тотчас же были избавлены от томивших их печалей, и тогда вдруг Трайлокьяпрабха вспомнила о своем прежнем рождении и подумала: „Ведь я же и есть та самая Девапрабха, дочь повелителя сиддхов, которая была осмеяна Падмавати, когда совершала подвижничество, желая, чтобы был ей дарован в мужа верховный повелитель видьядхаров, и взошла на костер ради исполнения своего желания. Теперь была рождена я в роду дайтьев, и передо мной тот самый царевич, в которого я влюблена, вернувшийся ныне тело видьядхары, но не годится, чтобы, сменив свое тело, связал он себя с моим прежним. Поэтому, чтобы обрести новое тело, должна я истребить огнем асурское“.

Так решив про себя и рассказав о своих намерениях родителям, взошла она на тот же костер, пламя которого пожрало Муктапхаладхваджу. И тогда явился сам Агни, бог огня, вместе с

нею, получившей от него прежнее тело, и обратился к царевичу: „Вот, божественный, дочь повелителя сиддхов Девапрабха, ради тебя избавившаяся от своего тела,— возьми ее в жены“. Исчез после этого Агни, но явились теперь Брахма с Индрой и прочими богами и повелитель гандхарвов Падмашекхара с верховным властителем над видьядхарами Чандракету, и блистательный повелитель гандхарвов отдал свою дочь Падмавати в жены Муктапхалакету, как положено по обычаю и закону, со всеми непременными обрядами и при всеобщем восторге его спутников, а царевич склонился перед ним, и все его поздравляли, и он наконец обрел возлюбленную, которую так давно и страстно желал. Теперь же он подумал, что наконец обрел плод древа своего рождения, женившись на девушке из рода сиддхов. Царевич же Малаядхваджа соединился с царевной из рода дайтев, милой ему Трибхуванапрабхой, отданной в жены ее отцом со всеми приличествующими обрядами.

Так Мерудхваджа благодаря своему сыну Малаядхвадже достиг полного успеха и помазал его как единственного правителя царства, охватывающего землю со всеми ее материками, а сам с супругой удалился в лес заниматься подвижничеством. Властитель дайтев Трайлокьямалин со своей супругой вернулся в подземное царство, а Индра пожаловал Муктапхалакету прекрасное и процветающее царство Видьюдхваджи, и возвестил тут голос, донесшийся с небес: „Да насладится Муктапхалакету верховной властью над видьядхарами и асурами, и пусть боги вернуться в свои обители!“

Когда услышали такое провозвестие Брахма и Индра и прочие боги, ушли они, обрадованные, домой, вернулся к себе в обитель святомудрый Таподхана с учеником, избавившимся от проклятия, а Чандракету вместе со своим сыном Муктапхалакету, очастливленным двумя женами, возвратился во дворец видьядхарский и долго наслаждался властью верховного повелителя над обитающими в поднебесье.

В конце концов передал он сыну бремя власти и, разочаровавшийся в мире и мирских радостях, ушел с царицей в отшельническую обитель. Муктапхалакету же, обретя по повелению Индры господство над асурами, а от отца — верховную власть над видьядхарами, наслаждался вместе со своей супругой Падмавати, истинным воплощением богини счастья, целых десять калп всеми радостями, которые могло доставить ему владычество над такими двумя великими державами, и достиг тем самым высочайшего успеха. Однако и он увидел, что страсти в конечном счете лишены смысла, и присоединился к сонму могучих подвижников, и благодаря самоотверженности и превосходству своего подвижничества обрел наивысшую славу, и стал спутником самого могучего из богов — Шивы“.

Вот такую удивительную историю услышали царь Брахмадattaa, его супруга и его министр от пары гусей, и обогатились муд-

ростью от их поучений, и обрели способность, подобно богам, двигаться в воздухе, а после этого, сопровождаемые двумя мудрыми птицами, отправились к Сиддхешваре и сожгли свои тела, на жизнь в которых их обрекло проклятие, и вернулись снова в число спутников Шивы.

Вот эту историю выслушал я в отсутствие Маданаманчуки из уст Гомукхи, о святомудрые, и хоть на мгновение, но озарилась моя душа надеждой».

И когда с такими словами верховный властитель видьядхаров Нараваханадатта закончил свое повествование, то все подвижники в обители Кашьяпы, возглавляемые Гопалакой, были безмерно рады.

КНИГА О ВИШАМАШИЛЕ

ВОЛНА СТО ДВАДЦАТАЯ

Да восславится бог, половину тела которого, натертого пеплом, сверкающим серебром, как лучи луны, составляет луноликая Парвати, очи которого пылают огнем, как солнце и луна, который носит на своем челе вместо диадемы серп юного месяца!

Да защитит вас слоноликий бог своим хоботом, слегка изогнутым в конце, игриво рассыпающий успех!

И, продолжая свой рассказ, поведал Нараваханадатта подвижникам, собравшимся в обители Кашьяпы на Черной горе: «Но, более того, когда во время моей разлуки с супругой увлеченная мною Вегавати поместила меня под охрану Девы Знания, ничего не желал я больше, чем расстаться с жизнью, разлученный с любимой и заброшенный на чужбину, и, пока блуждал в таком состоянии духа по лесным дебрям, встретил великого святомудро-

го подвижника Канву. А он, видя, как я склонился к его стопам, и поняв благодаря божественному прозрению, в каком жалком состоянии я находился, провел в свою обитель и обратился с такими словами: „Чем огорчен ты, герой, рожденный в Лунной династии? Непременно исполнится веление бога — что ж так отчаиваешься ты из-за разлуки с супругой? Ведь в мире случаются и вовсе невероятные встречи — чтобы убедить тебя в этом, поведаю тебе историю Викрамадитьи. Слушай же!

Сказание о царе Викрамадитье

„Стоит в Аванти прославленный город Удджайини, обиталище Шивы, выстроенное Вишвакарманом в начале юги, город, который, подобно добродетельной женщине, не покоряется чужакам, подобно цветку лотоса, он — жилище богини счастья, подобно сердцу добродетельного, богат добродетелями и, подобно земле, являет множество увлекательных картин. Жил в нем и правил, словно Индра в Амаравати, царь Махендрадитья, покоривший весь мир, истребитель вражеских полчищ. Не было оружия, которым бы он не владел, а что касается красоты, то был он и истинным воплощением цветолукого бога, и всегда была открыта его рука для щедрых дааний, но твердо сжималась она, когда охватывала рукоять меча. Имел он жену Саумьядаршану, которая была для него все равно что Шачи для Индры, Гаури для Шивы и Шри для Вишну, и служили ему многоопытный и многомудрый министр Сумати и наследственный пратихара Ваджраяудха — вместе с ними управлял царь своей державой, поклонялся Шиве и принимал разные обеты ради того, чтобы обрести сына.

В то время Шива и Парвати пребывали на могучей горе Кайласе, священные склоны которой посещают сонмы богов, прекрасной от милой улыбки, которой сверкает Север, и торжествующей оттого, что превзошла она всех остальных. И вот настал день, когда все боги во главе с Индрой, уязвленные притеснениями млеччхов, пришли к могущественнейшему Шиве, склонились перед ним и стали возносить ему хвалу. Он спросил у них, что же заставило их прийти к нему, и тогда они взмолились: „О могучий, те самые асуры, которые были истреблены тобою и Вишну, снова родились на земле в образе млеччхов. Они убивают брахманов, мешают совершать жертвоприношения и обряды, похищают дочерей подвижников, и каких еще только преступлений не совершают эти злодеи! Тебе ведомо, господи, что мир богов всегда питается за счет мира земного — ведь жертвенное возлияние в огонь на алтаре, совершаемое брахманами, питает небожителей, а с тех пор как рассеялись по земле млеччхи, нигде уже не творятся жертвоприношения, сопровождаемые благодарственными словами, мир богов захудал оттого, что ничего не достается

ни от жертв, ни от других благ. Дай же нам какое-нибудь средство, чтобы избавиться от млеччхов, — да родится на земле герой, способный сокрушить этих варваров!“

Когда боги окончили свое моление, то сказал им Шива: „Ступайте и не тревожьтесь более, и будет просьба ваша исполнена. Вскоре дам я такое средство — нет в том сомнения!“ — и с этими словами отпустил их, и они возвратились в свои обители. Когда же все боги разошлись, Шива призвал из своей свиты гану Мальявана и в присутствии Парвати повелел ему: „Родись, достойный, в облике смертного в славном городе Удджайини мужественным сыном могучего царя Махендрадитья! Он — частица меня самого, а супруга его — частица Амбики. Родись в его семье и послужи службу богам, истреби без остатка млеччхов, попирающих тройственную веру*, и по моей милости станешь ты повелителем над всеми семью материками, и под твоей властью будут и ракшасы, и якши, и ветапы, и когда вкусишь ты всех человеческих радостей, то вернешься к нам“. Молвил это Сокрушитель Трипуры, и тогда возразил ему гана: „Не могу я нарушить твое и богини повеление, но о каких человеческих радостях ты говоришь? О непереносимых раздорах между родными и друзьями да ссорах со слугами? О тех горестях, которые причиняют разорение, старость и болезни?“

Но на его слова ответил Увенчанный пирамидой из кос: „Ступай, и не коснется тебя, безупречный, ни одно из этих несчастий. По моей воле будешь ты счастливым во все время земного бытия“. И только вымолвил Шива эти слова, как немедленно исчез из виду Мальяван, отправился в Удджайини, и, когда наступило соответствующее время, был лучший из ганов зачат в утробе супруги царя Махендрадитья, и тогда же явился царю во сне бог, увенчанный не утрачивающим сияния серпом полумесяца, этой красую Ночи, и возвестил ему: „Доволен я тобою, государь, и родится у тебя сын, и своим мужеством покорит он все семь материков, и подчинит себе якшей, ракшасов, ветап и тех, кто движется в поднебесье, и тех, кто обитает в подземных мирах, и истребит сонмы млеччхов, и будет имя ему Викрамадитья, Скалой Мужества, и станут еще называть его Вишамашилой, Скалой Несокрушимости, ибо будет он несокрушим для врагов“. И с этими словами он исчез, и ночь кончилась, а поутру радостный Махендрадитья рассказал министрам о сне, и они, в свою очередь, сообщили ему о виденных снах, в которых Шива каждому из них предрекал рождение сына, и царь обрадовался этому так же, как и министры обрадовались вести о том, что родится у него наследник, а пока они радовались, пришла служанка из антахпура и, показав диковинный плод, сказала: „Вот что Шива пожаловал государыне во время сна“.

И тогда и Махендрадитья, и его министры еще пуще возрадовались, и царь не переставая повторял: „Воистину Шива пожаловал мне сына!“, а министры его поздравляли.

Понесла царица под сердцем и засверкала так, что сиянием своим превзошла Деву Востока, когда на заре, в сиянии тысячи лучей, восходит солнце, и потемнели у нее сосцы груди, словно печати, сохраняющие молоко для верховного повелителя, возрастающего в ее утробе, и снилось ей, что пересекла она семь океанов, и склонились перед нею якши, ветапы и ракшасы. Когда же настал срок, то родила она славного сына, озарившего ее покой сиянием так же, как солнце озаряет небо, и в момент его рождения возрадовались небеса и от радости просыпали дождь из цветов и огласились громом небесных барабанов, а сам славный город разразился таким небывало радостным торжеством, словно одолел его демон хмельного веселья или завертело его бурным вихрем. Государь же так щедро сыпал повсюду золотом, что одни лишь последователи Будды остались без чеканных изображений государя, и по велению Шивы нарек Махендрадитя сына Викрамадитией. По прошествии немногих дней после этого у его министра Сумати родился сын, нареченный Махамати, у полководца Ваджраудхи — сын Бхадраудха, у жреца Махидхары — сын Шридхара, и рос царевич вместе с сыновьями министров, и росли его мужество, доблесть и мощь, и в какие бы науки ни посвящали его учителя, все их усваивал он без усилий, и по этой-то причине люди, искушенные в них, признавали его ни с чем не сравнимый талант. Видя, сколь искусно владеет царевич разным божественным оружием, стали они даже забывать предания о Раме и прочих замечательных стрелках из лука. Отец же подарил ему множество красавиц, отданных покоренными и вассальными государями.

Когда же увидел Махендрадитя, что сын его достиг юности, беспредельно мужествен и любим народом, то помазал он царевича по всем правилам и обычаям наследником, а затем, поскольку был уже стар, вместе с супругой и министрами отправился в святой Варанаси на поклонение Шиве. А царь Викрамадитя, получив в наследство царство, завещанное отцом, стал все ярче и ярче сверкать, словно солнце, вступившее на небо. Даже самые заносчивые властители, только увидев, что он собирается согнуть тетивой свой могучий лук, спешили взять у этого оружия урок и повсюду сгибали перед ним свои головы. Божественно величественный, он подчинил своей державе даже ветап, ракшасов и других, обратил на путь добродетели тех, кто брел, не зная никакого пути. Сонмы воинов Викрамадитии, этого солнца мужества, распространялись по земле, словно лучи солнца, заливая каждую страну света сиянием порядка, и хотя был он могучеблагостным героем на земле, но устрашал другой мир, был мужественным в бою, но не мстительным, и хоть редко виделся со своими женами, они его полюбили всем сердцем, и был он отцом для лишенных отцов, и родным для потерявших родных, и покровителем для не имеющих покровителя, и кем он только не был еще для своих подданных! Конечно же, это его непорочно белая слава

дала Творцу тот материал, из которого смог он сложить Белый остров, Молочный океан, гору Кайласу и увенчанный снегами Хималай.

Приключения Анангадевы

Однажды, когда Викрамадитья сидел в зале совета, его пратихара Бхадраудха вошел и доложил ему: „Вестник Анангадева, которого ты посылаи к Викрамашакти, отправленному тобой покорять страны Юга, только что вернулся и стоит у двери с кем-то еще и, видно, с хорошей вестью, о повелитель!“ — „Пусть войдет!“ — промолвил Викрамадитья, и тогда пратихара с должным почетом ввел посланца и его спутника в зал совета, и тот вошел и поклонился и, прокричав: „Победа!“, сел перед государем, а государь стал его расспрашивать: „Благополучен ли царь Викрамашакти? Благополучен ли Вьягхрабала и другие цари? Благополучны ли прочие князья и вожди в его войске? И все ли хорошо со слонами, конями, колесницами и воинами?“

И, так спрошенный государем, Анангадева отвечал ему: „Все хорошо в войске Викрамашакти, а тобою, божественный, покорены страны Юга и Апаранта, Мадхьядеша с Саураштрой, Ванга и Анга и другие страны Востока, Кашмир и страны Севера сделаны данниками, захвачены крепости и острова, истреблены тьмы млеччхов, а прочие взяты в плен, многие цари по своей воле явились в стан Викрамашакти, и он сам вскоре прибудет сюда со всеми ними, а сейчас он отсюда лишь в двух или трех переходах“. Довольный сообщенным, вдосталь одарил Викрамадитья посланца одеждами, украшениями и деревнями, а потом спросил лучшего из вестников: „Скажи, Анангадева, какие края и страны ты прошел и что видел там чудесного? Поведай нам об этом, любезный!“ И тогда стал Анангадева рассказывать:

„Когда, божественный, по твоему повелению я отправился отсюда, то через некоторое время настиг твое войско под командой Викрамашакти, движущееся словно безбрежный океан в момент прилива, к которому присоединилось множество повелителей наголов с их пышностью и множеством коней и союзные государи, а когда я увидел наконец самого Викрамашакти, то был я, как посланный его повелителем, с большим почетом принят, и, пока я слушал о том, как он одерживал победы, прибыл туда посол от властителя Симхалы, и вот что он сообщил Викрамашакти: „Наслышан я от послов, которых мне случалось направлять к тебе, что Анангадева, истинное сердце твоего властителя, находится у тебя в лагере. Так пошли его как можно скорее ко мне, и поведаю я ему некое важное дело, которое послужит во благо твоему владыке!“ Вот как в моем присутствии изложил слово своего государя посол, прибывший из далекой Симхалы. И тогда Викрамашакти обратился ко мне: „Отправляйся немедленно и послушай, что его повелитель тебе скажет“.

И вот отправился на корабле я вместе с этим посланцем через океан в далекую Симхалу и увидел столицу ее, словно выстроенную из золота, с дворцами, изукрашенными драгоценными камнями разного цвета, подобную городу богов. Там встретился я с государем Симхалы Вирасеной, окруженным советниками, словно Индра богами. Когда приблизился я к нему, то он с большим почетом меня принял и осведомился, благополучен ли мой государь, и отвел для меня покой, чтобы мог я отдохнуть, а на другой день, прибыв в зал совета, этот властитель призвал меня и сказал, выказывая преданность к тебе: „Есть у меня, о сокровище среди министров, дочь, девушка небывалой в мире смертных красоты, а зовут ее Маданалекха, и я отдаю ее вашему государю, ибо будет она достойной супругой, а он — достойным супругом, и ради этого я призвал тебя, чтобы совершить приятное твоему господину. Ты же отправляйся с моим посланцем к повелителю Викрамадитье и передай сказанное, а вместе с тобой я отправлю дочь“. При этих словах царь велел пригласить свою дочь, и когда она пришла в подобающих нарядах, украшенная красой, прелестью и юностью, то посадил он ее к себе на колени и сказал мне: „Прими дочь мою ради твоего государя!“ Увидав царевну и изумившись ее красоте, я ответил ему: „Принимаю ее ради моего государя!“ — и еще подумал при этом: „Сколь неистощимы чудеса творения — хоть и была некогда сотворена Тилоттама, совершенство красоты, но это создание превзошло ее!“

А затем правитель Симхалы щедро меня наградил и отпустил вместе со своим посланцем Дхаваласеной, и мы, взойдя на корабль, отправились в путь. Среди океана увидели мы обширную песчаную отмель, а на ней двух необыкновенной красоты девушек, и тело одной из них было темно-смуглым, подобно плоду приянгу, а у другой — снежно-белым, подобно сиянию луны, и были они еще краше оттого, что одеты были в платья и украшения, подобающие цвету их кожи. Их браслеты мелодично позванивали, точно малые цимбалы, в то время как перед красавицами плясал, словно живой, маленький игрушечный олень, пятнистый, испещренный будто жемчужными пятнами. Такое зрелище заставило нас обоих улыбнуться и сказать друг другу: „Что это за чудо? Волшебство? Бред? Обман? Откуда это вдруг посреди океана песчаная отмель? Откуда взялись эти красавицы? И откуда у них этот златопестрый игрушечный олень, танцующий словно живой?“

И пока мы с ним задавали друг другу, божественный, такие вопросы, вдруг заревел буйный ветер и океан вздыбился грозными волнами и, взметнув наше судно на громадном валу, разбил его, и все, кто был на нем, стали тонуть, а морские чудища пожирали их. Но тут подлетели к нам обоим эти две девы, подхватили под руки и перенесли на песчаную отмель, избавив от морских чудищ, а когда и отмель стали захлестывать волны и мы испугались,

красавицы успокоили нас и провели в какую-то пещеру, войдя в которую увидали мы лес из чудесных деревьев, растущих, верно, только на небе, и исчез океан, и исчезли, словно их и не было, обе девушки со своим игрушечным оленем. И снова мы дивились и спрашивали друг друга: „Да что же это было? Не наваждение ли?“ Поблуждав некоторое время, подошли мы к обширному озеру с чистой и прозрачной водой, подобному душе добродетельного человека, словно материальное воплощение нирваны, успокаивающей пламя любых желаний. На его берегу увидели мы пришедшую туда совершить омовение некую прекрасную женщину, окруженную свитой, подобно божеству, покровительствующему этому лесу. И, выйдя из паланкина, набрала она снежно-белых лотосов, и совершила омовение, и стала поклоняться Сокрушителю Трипуры, и тогда мы с удивлением увидели, как вблизи нее поднялся из озера Шива в облике лингама, сложенного из сверкающих драгоценных камней, и приблизился к ней, и тогда, совершив перед ним жертву подобающими величию этого бога различными наслаждениями, красавица взяла вину и искусно заиграла на ней и запела так, как принято на юге и в мелодии, и в ритме, и в словах, и, зачарованные ее пением, собрались туда сиддхи и прочие обитающие в поднебесье существа, и от восхищения застыли, сдерживая дыхание от восторга, и казались нарисованными. Когда же она кончила пение, то отпустила бога, и он немедленно скрылся под водами озера, и тогда она поднялась, и села в свой паланкин, и в окружении своей свиты покинула, газелекая, это место.

Последовали мы за ней, но сколько ни спрашивали у окружающих ее: „Кто она?“, никто нам не отвечал. И тогда, решив показать послу правителя Симхалы твою, государь, мощь, я громко произнес: „О прекрасная, заклинаю тебя касанием стоп моего повелителя, божественного Викрамадити, не уходи, не открыв, кто ты“. И, услышав эти слова, она остановила всех сопровождавших ей и, сойдя с паланкина, подошла ко мне и заговорила сладостно и звучно: „Благополучен ли и счастлив царь Викрамадитя? Но зачем спрашиваю я об этом, Анангадева? Мне и без того все о нем ведомо, да и тебя я привела сюда, выказав силу моего волшебства, ради твоего повелителя, который спас меня от великой опасности. Вступи в мой дом, и там я все тебе расскажу — и кто я, и почему я почитаю государя, и что следует сделать ради него“.

И с этими словами, не садясь более из вежливости в паланкин, пошла она по дороге вместе со мной и привела меня к себе во дворец, прекрасный, словно на небесах, и был он выстроен из сверкающих различными цветами драгоценных камней, заделанных в золото, и у всех ворот охраняли его доблестные воины в боевых одеждах и снаряженные всевозможным оружием, и был он полон прекрасных дев небывалой красоты, и все они казались магическими заклинаниями, с помощью их ниспосылались на зем-

лю небесные наслаждения, а затем устроила эта красавица нам обоим омовение и умащения, одарила одеждами и украшениями и на некоторое время оставила нас отдохнуть“.

ВОЛНА СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда изложил все это Анангадева царю Викрамадитье в зале совета, продолжил он свою речь так: „После того как отведал я пищи, обратилась ко мне красавица, окруженная своими слугами: „Слушай же, Анангадева, сейчас я расскажу тебе все. Я — жена Манибхадры, брата подателя богатств Куберы, и дочь повелителя якшей Дундубхи, и зовут меня Маданаманджари. Люблю я вместе со своим супругом странствовать по берегам рек, по красивым горам и лесам. Был такой день, когда я пошла с моим возлюбленным в Удджайини поразвлечься в саду Макаранде, и случилось так, что на заре заметил меня, только очнувшись от сна, вызванного долгой прогулкой, подлый и мерзкий из капаликов, и этот негодяй, восплавав ко мне низменной страстью, заторопился на кладбище, чтобы с помощью заклинаний и мантр и жертвой огню обратить меня в свою жену. Но благодаря силе моей проницательности сразу поняла я, что он собирается делать, и сказала моему мужу, а муж сообщил об этом Повелителю богатств, а Повелитель богатств пожаловался рожденному из лотоса Брахме, а Брахма после размышления промолвил: „Истинно, что капалика собирается похитить жену твоего брата — есть у его заклинаний такая сила над якшами, но как почувствует она, что начали действовать на нее его чары, следует ей немедленно призвать на помощь царя Викрамадитью, и он спасет ее от капалики“. Передал Податель богатств слово Брахмы моему супругу, а тот, встревоженный этими гнусными заклинаниями, сообщил его мне.

В то же время этот негодяй капалика приступил на кладбище к жертвенному возлиянию и начал произносить, стоя внутри магического круга, должным образом заклинания, с тем чтобы затянуть меня к себе. Я же, испытывая на себе могучее воздействие его заклятий, охваченная все нарастающим ужасом, устремилась против своей воли на ужасное кладбище, заваленное горами черепов и костей, и там я увидела злодея капалику, совершавшего жертвоприношение над трупом, лежавшим рядом с ним внутри магического круга, и, когда он заметил, что я пришла, его охватила гордыня, и он кинулся к реке, протекавшей неподалеку, чтобы ополоснуть рот. В это мгновение вспомнила я слова Брахмы и подумала: „Почему бы не воззвать мне о помощи к царю Викрамадитье, который бродит где-то здесь во тьме ночи?!“, а затем громко вскричала: „Спаси меня, богоравный царь Викрамадитья! О защита мира, смотри, в твоей державе подлый капалика намерен силой овладеть честной женщиной, родившей-

ся в благородной семье, дочерью предводителя якшей Дундубхи и супругой Манибхадры, младшего брата Куберы! Не успела я еще окончить свой горестный плач, как узрела царя Викрамадитью, направлявшегося ко мне с мечом в руке, и весь он сверкал блеском доблести и сказал: „Не страшись, любезная, успокойся! Я избавлю тебя от капалики! Разве смеет кто в моем царстве преступать дхарму!“, а вымолвив это, призвал он ветагу Агнишикху, и тот немедленно явился, высокий, с глазами, пылающими огнем, с торчащими дыбом волосами, и спросил у царя: „Повели, что я должен сделать!“ И приказал ему царь: „Убей и сожри этого нечестивого капалику, дерзнувшего покуситься на жену другого!“ Тотчас же вселился Агнишикха в мертвое тело, лежавшее внутри магического круга, и оно подскочило и побежало, вытянув вперед руки и широко разинув пасть, а когда капалика, вернувшийся после омовения рта, попытался спастись бегством, ветага схватил его за ноги, взвился с ним в небо и, раскрутив, со страшной силой грохнул оземь, истребив разом и его тело, и его надежды.

И тогда все духи, обитавшие на кладбище, алчущие плоти, кинулись к его останкам, и в жажде завладеть ими явился туда яростный ветага Ямашикха, и когда схватил он их, то остановил его Агнишикха и сказал: „Послушай-ка, я убил злодея капалику по повелению царя Викрамадитьи, но что тебе за дело до этого?“ Спросил тогда, выслушав его, Ямашикха: „Скажи мне, что за сила у этого царя“. — „Коли не знаешь ты, какова его власть, слушай — я тебе расскажу.

Повесть об игроке Дакинее, перехитрившем ветагу Агнишикху

Жил некогда в этом самом городе хитроумный Дакинея, игрок в кости. Однажды другие игроки с помощью обманных приемов выиграли все, что у него было, и, желая лишить его и тех денег, которые он занял, чтобы продолжать игру, схватили его, так что лишился Дакинея и их, и раз уж ничем от него нельзя было поживиться, отколотили они его палками и всем, что под руку попало, покуда не стал он недвижимым, словно камень, и не показался им мертвым. Взяли тогда его эти грешники и, опасаясь, что если он останется в живых, то непременно им отомстит, бросили в глубокий и темный колодец. Дакинея же, очутившись на дне колодца, увидел перед собой двух мужей громадного роста и свирепого обличья и испугался. А они, сами перепуганные его падением, почтительно к нему обратились: „Соблаговоли сказать нам, кто ты и как упал в этот колодец?“ Успокоился игрок и поведал все, что с ним случилось, да и сам спросил: „Рассказали бы вы мне, кто вы оба и как здесь оказались?“

„А мы, любезный, брахмаракшасы, живущие на кладбище это-

го города, и зачаровали мы однажды двух девиц, одна из которых была дочерью главного министра, а другая — достойнейшего и богатейшего купца, и никакой волшебник во всем мире, как бы ни были сильны его мантры, не мог вызволить их из-под нашей власти. Узнав об этом, царь Викрамадитья, благосклонный к их отцам, пришел туда, где находились девушки под присмотром друга их отцов. Как только увидели мы царя, отпустили девушек и попытались убежать, да не смогли, и все стороны света представлялись нам охваченными пылением мужества Викрамадитьи, и связал он нас своей мощью. Увидев же нас, несчастных, обмерших от предчувствия неминуемой смерти, повелел могущественнейший из государей: „Живите вы, грешники, целый год в темном колодце, а когда освободитесь, не смейте более и помышлять о подобных преступлениях, а если дерзнете, то уж тогда я вас непременно уничтожу! И, сказав так, распорядился Вишамашила бросить нас в колодец. Вот уже всего восемь дней осталось нам сидеть здесь до окончания срока. Так что, приятель, если согласишься ты в течение этих дней кормить нас, то поднимем мы тебя и выкинем из колодца, но если же, дав согласие и выбравшись наверх, ты этого не сделаешь, то мы, когда выйдем из колодца, сами тебя сожрем“.

Согласился Дакинея на предложенное брахмаракшасами, и они его подняли, и он наконец выбрался из колодца и осмотрелся, раздумывая, как бы добыть обещанное, да и пошел ночью на кладбище. В то время случилось мне там быть, и увидел я его, выкрикивающего: „А ну, кто купит отменного мясца? А вот человечины продам!“ Остановил я продавца: „Да я возьму! А за что продаешь?“, а он мне в ответ: „А за твое обличье и за силу твою волшебную!“ — „Что же ты с ними будешь делать?“ — спросил я игрока, а он поведал мне всю свою историю и добавил еще: „А теперь, завладев обличьем твоим да силой, скормлю я брахмаракшасам моих недругов из игорного дома и его содержателя в придачу“.

Выслушав его, подивился я решимости этого игрока и условился с ним, что передаю ему свое обличье и силу сроком на семь дней. Он же, обретя и то и другое, за семь дней скормил брахмаракшасам всех игроков, побросав их в колодец. Когда же кончился срок и вернул мне Дакинея и обличье и силу, то, охваченный страхом, сказал: „Беда мне! Идет восьмой день, и если не найду я, чем их кормить, то, выйдя из колодца, сожрут брахмаракшасы меня самого. Что же делать? Помогите, коли вы мне друзья!“ А я, довольный им, так ответил: „Если только в этом твоя беда, то так же, как они сожрали игроков, так и я их обоих проглочу. Покажи мне, где они“. Тотчас же отвел меня Дакинея к колодцу и, когда я, согласившийся помочь ему и ничего не подозревающий, заглянул туда, он, нанеся мне по шее удар „полумесяц“, сбросил меня вниз. Брахмаракшасы, решив, что упала к ним очередная порция пищи, попытались меня схватить, и долго мы там бились.

Но не сумели они меня одолеть и, бросив бороться, спросили: „Да ты кто?“ И тогда я рассказал про Дакинею и про все, что у меня с ним было, и, после того как я кончил, помирились они со мной и сказали: „Ох, что уж этот злодей сделал и с тобой, и с нами, и с игроками! Нет, нельзя с теми, кому неведомы ни дружба, ни сострадание, ни благодарность, иметь дело. Да и кто доверится игрокам, искушенным в разных мошеннических проделках?! Присущи им отчаянность и пренебрежение всеми человеческими отношениями. Да вот послушай-ка историю об игроке Тхинтхакарале.

**Рассказ о смелом игроке Тхинтхакарале,
обманувшем самого Индру
и восторжествовавшем над его волей**

В этом самом городе жил некогда отчаянный игрок, которого звали Тхинтхакарала, что означало Кошмар Игрного Дома, и было такое имя дано по справедливости. Он постоянно проигрывал, а те, кто одерживал в игре победу, давали ему каждый день по сто каури. На них покупал он на рынке муку, и замешивал на воде тесто в горшке, и в конце дня шел на кладбище, и там готовил себе на углях погребального костра лепешки, и поедал их перед изваянием Махакалы, смазывая жиром, капавшим со светильника, поставленного рядом с фигурой божества. Спал он прямо на земле во дворе храма Повелителя времени, подложив под голову вместо подушки руку.

Однажды ночью в храме Махакалы при виде изваяний всех семи матерей, якшей и других божественных существ, трепетавших в сумрачном свете словно бы в ожидании заклинаний, родилась у него мысль: „Почему бы не испросить мне у них способа разбогатеть? Преуспею — прекрасно, а если нет, так разве я что-нибудь потеряю?“ И, подумав так, крикнул он богам: „Давайте сыграем в кости! В игре я буду метать банк, а вы коли проиграете, то сразу же платите“. С этими словами он, посчитав их молчание за согласие, поставил испещренную пятнами каури и метнул кости. Ведь общепринято, что если ставка сделана, а партнер не протестует, то игра должна состояться. Выиграв много золота, обратился Тхинтхакарала к божествам: „Раз выиграно, давайте мне деньги, как условились“. Но хоть много раз повторял он это, молчали боги и ничего ему не отвечали. Охватила его тогда злость: „Если будете так молчать, сделаю я с вами то, что делают с проигравшим и не платящим проигрыша игроком, молчащим словно камень, — его распиливают пилой, острой, как зубы Ямы. Вот что я сделаю с вами — кто вы мне?“ И, произнеся такую угрозу, взял он пилу и подбежал к ним, и немедленно все божества отдали выигранное им. Он же это днем спустил в игорном доме, а ночью снова пришел к божествам и в упорной игре снова выиграл.

Так поступал он каждый день, пока однажды не сказала богиня Чамунда другим матерям, уже павшим духом: „Если, когда приглашают играть, отвечать: „Теперь я не играю!“, то игра не состоится — так повсюду условлено, матери, между игроками. Поэтому, как начнет он снова приглашать вас в игру, следует дать такой ответ и тем самым лишить его надежды на выигрыш“. Запомнили все богини сказанное Чамундой, и когда наступила ночь и снова он предложил метнуть кости, то все они, одна за другой, сказали: „Теперь я не играю!“ — и отказались таким образом от игры. Тогда решил Тхинтхакарала пригласить на игру самого Махакалу, Повелителя времени, но и тот, посчитав, что этот упрямый игрок воспользуется случаем, чтобы и его обыграть, тоже сказал: „Теперь я не играю!“ Выходит, и боги не способны сопротивляться злодею, оскверненному бременем грехов.

Тогда, поняв, что благодаря знанию действий игроков разоблачена небожителями его затея, расстроился Тхинтхакарала и подумал: „Вот ведь выучили боги правила игры, и я теперь в проигрыше. Единственно, что я могу теперь сделать, — это прибегнуть к защите самого Повелителя богов, великого Махакалы“. И, замыслив это, припал он к стопам Махакалы, восхвалил его и сотворил такое моление:

О властитель времен Махакала!
Проиграл ты, великий, супруге
Полумесяц, и шкуру слоновью,
И быка могучего Нанди,
И теперь сидишь обнаженный,
И лицо свое спрятал в коленях.
Весь недостаток твой небогатый —
Лишь коса, да пепел, да череп!
Вот и я, как ты, проигрался,
И одет я теперь только пеплом
И из черепа ем вместо плоски.
Ты, извечно лишенный желаний,
Все желанья богов выполняешь —
Почему ж ты не хочешь, жестокий,
Просьбы малой моей исполнить?
Видно, райское древо желаний
Позабыло совсем о бедных —
Так и ты, о вечный, не хочешь
Оказать мне в беде поддержку.
Если я согрешил ненароком,
То прости меня, троекий!
Тяжко мне, признаюсь, от пороков,
Камнем сердце мое придавивших.
Говорить я привык с богами,
А теперь с игроками ничтожными
Как смогу говорить? О господь,
Окажи мне великую милость!

Вот такими и прочими молениями ублажал Бхайраву игрок, пока тот не смиловился и, представ ему воочию, изрек: „Доволен я тобой, Тхинтхакарала, и потому не отчаивайся. Доставлю я тебе наслаждения, а ты оставайся здесь“. И по велению бога

остался игрок там и по его милости вкушал всяческие наслаждения.

Однажды вечером пришли на тиртху у храма Махакалы небесные девы, и бог, увидев их, велел игроку: „Когда все эти апсары будут купаться, ты быстро собери все их одежды, оставленные на берегу, и унеси и не отдавай им, пока не отдадут они тебе самую юную из них — Калавати“. Как повелел Бхайрава, так Тхинтхакарала и сделал — украл все одежды газелеоких. Стали они тогда кричать: „Отдай, отдай наши одежды! Нельзя нам оставаться нагими!“ А игрок им в ответ: „Отдайте мне Калавати, тогда я верну ваши одежды, не иначе“.

Услышав его требование, и поняв, что он упрям, и вспомнив, что Индра некогда проклял Калавати, предрекши ей такую судьбину, они согласились на это, отдали ему Калавати, дочь Аламбуши, как следовало по закону, и таким образом сумели вернуть свои одежды. Ушли апсары, а Калавати осталась с Тхинтхакаралой в доме, построенном по желанию Бхайравы. Днем она ходила прислуживать царю богов Индре, а ночью всегда возвращалась к мужу. Однажды рассказала эта божественная дева Тхинтхакарале, спросившему ее о причине проклятия.

„Воистину проклятие Индры послужило причиной, по которой ты, милый, достался мне в мужья. Как-то раз, видя богов, веселящихся в садах, восхвалила я наслаждения смертных и посмеялась над удовольствиями богов, которые состоят лишь в том, чтобы доставлять усладу взору. Узнав об этом, проклял меня царь богов: „Ступай, станешь ты женой смертного и отведаешь тех человеческих наслаждений, которые так расхваливаешь“. Вот почему так случилось, что возник наш союз, и мне и тебе приятный. Завтра же после долгого отсутствия должна я вернуться на небо, но ты не расстраивайся. Рамбха будет танцевать перед Вишну новую прайогу, и должна я буду, милый, оставаться там, пока она не кончится“. Тогда Тхинтхакарала, избалованный любовью, сказал ей: „Отведи меня туда тайком, хочу я посмотреть этот танец“. Калавати возразила ему: „Да как же я смогу? Ведь царь богов разгневается“. Но хоть и повторила она это несколько раз, но он был упрям и настаивал на своем. В конце концов из любви к нему Калавати согласилась, и утром силой волшебства спрятала супруга в цветок лотоса, и принесла с собой во дворец Индры. Увидев прекрасный сад Нандана, у ворот которого стояли божественные слоны, Тхинтхакарала возрадовался и почувствовал себя равным богам, а затем увидел он во дворце Врага Вритры, в котором присутствовали все тридцать богов, чудесный танец Рамбхи, сопровождавшийся пением небесных дев, и услышал небывалую музыку, исполнявшуюся на разных музыкальных инструментах Нарадой и другими, и радовался — чего не достигнет тот, к кому благосклонен верховный бог, сам Шива?!

В конце представления выскочил скоморох в личине божественного козла и начал выплясывать, забавно подпрыгивая и строя

уморительные ужимки. А Тхинтхакарала, как только тот выскочил, сразу узнал его: „Эге, так я же видел эту скотину в Удджайини! А она, оказывается, тут, при дворе царя богов, скоморошничает! Какой-то непостижимый божественный обман присутствует здесь!“ Пока игрок предавался размышлениям, как это да что, кончился шутовской танец, и Индра вернулся в свой дворец, а обрадованная Калавати унесла скрытого в лотосе на ее серые Тхинтхакаралу в их земной дом.

Пошел на другой день Тхинтхакарала погулять по Удджайини, увидал козла и, подумав, что перед ним тот самый скоморох, заносчиво приказал ему: „Ну-ка, спляши передо мной тот танец, что ты перед Индрой отплясывал! Иначе не будет тебе пощады! Давай, шут, показывай, как ты пляшешь!“ Когда козел услышал такие слова, он удивился, но промолчал и подумал про себя: „Откуда этот человек может знать обо мне?“ Не раз и не два повторял игрок свой приказ, но тот не плясал, и тогда Тхинтхакарала отлупил его палкой по башке. Побежал тогда козел с головой окровавленной к самому Индре и рассказал про случившееся. Индра же благодаря силе своего прозрения сразу сообразил, в чем тут дело,— и как Калавати сумела провести Тхинтхакаралу на небо, чтобы посмотреть он на танец Рамбхи, и как он, грешник, увидал еще и пляску козла. Тогда призвал царь богов Калавати и проклял ее: „Раз ты посмела из любви провести сюда тайно человека, который посмел так избить моего козла, желая заставить его плясать, то ступай-ка теперь в храм, что выстроен царем Нарасимхой в городе Нагпуре, и стань там на колонне салабханджикой“. Кинулась ему в ноги Аламбуша, мать Калавати, и стала молить, чтобы назначил он своему проклятию срок, и с большим трудом уговорила его, и он молвил: „Когда, многие годы строившийся, этот храм разрушится и сровняется с землей, тогда и будет моему слову конец“.

Пришла Калавати вся в слезах к Тхинтхакарале, рассказала о проклятии Индры и о том, как назначил он конец проклятию, и укорила супруга, а затем отдала ему свои украшения, и исчезла, и оказалась каменным изваянием в храме города Нагпура. Тхинтхакарала же, убитый ядом разлуки, ничего не видел и не слышал. Долго катался он по земле в беспмятстве, а когда очнулся и сообразил, что он сделал, стал себя бранить: „И как это я, глупец, узнав тайну, раскрыл ее?! Да и откуда у таких распущенных, вроде меня, появится сдержанность?! Вот и досталась мне в наказание горькая разлука!“ Но вдруг остановился он и подумал: „Не время сейчас предаваться горестному унынию, а нужно обрести твердость и поискать, нельзя ли это проклятие пресечь“. Решив так, хитрец пораскинул умом да и отправился под видом подвижника, накинув шкуру антилопы на плечи, в руку взяв четки, а волосы уложив в косу, в город Нагпур. Добравшись туда, закопал он в лесу, за городской стеной, в четырех местах, соответствующих четырем странам света, четыре кувшина, в которые

спрятал украшения Калавати, а пятый, в котором были украшения из золота, бриллиантов, сапфиров, рубинов и жемчугов, этих великих пяти драгоценностей, закопал в самом городе на рынке прямо перед храмом. Сделав все это, выстроил Тхинтхакарала на берегу реки себе шалашик и стал изображать, будто он подвижник: сидел, перебирая четки, погруженный в размышления, да бормотал молитвы, совершал трижды в день омовение, ел только то, что в милостыню подавали, обмывая пищу на камне, и обрел он таким образом славу великого святого.

Со временем достигла его слава царских ушей, но сколько царь ни посылал ему приглашений, он не приходил. И наконец пришел сам царь к Тхинтхакарале, и долго у него оставался, и целый вечер говорил с ним, пока не донесся издалика вой шакалихи. Услышав это, ухмыльнулся мнимый подвижник, и спросил царь: „Что там?“ — „Да ничего“, — отвечал Тхинтхакарала, но царь настойчиво расспрашивал, и тогда обманщик сказал: „В лесу, к востоку от города, закопан под ратановым деревом кувшин, наполненный драгоценными украшениями, — возьми его!“ — вот о чем, государь, поведала мне шакалиха. Умею я понимать звериные крики“. И тогда отвел он царя, снедаемого любопытством, на то место, раскопал землю и отдал ему кувшин. Заполучив украшения, царь уверовал в истинность слов Тхинтхакаралы, и счел его подлинным и безупречным подвижником, и проводил в хижину, и несколько раз сам омыл ему ноги, а потом отправился вместе с министрами к себе во дворец, восхваляя мнимые добродетели этого искуснейшего из лицемеров.

И вслед за тем перешли к царю один за другим и прочие три кувшина с драгоценностями, закопанные соответственно по странам света, а плут каждый раз притворялся, будто о них поведали ему лесные звери, и тогда царь, и горожане, и министры, и все царские жены с их служанками уверовали в него и стали безмерно ему преданны.

Однажды повел его царь посмотреть храм, и там лжеподвижник, услышав карканье вороны, доносившееся со стороны рынка, сказал царю: „Слышал ты сейчас вороний крик? Она сказала: „На базаре перед храмом лежит зарытый в земле кувшин, полный драгоценностей. Почему бы тебе не взять и его?“ Что ж, иди и возьми его!“ И с такими словами отвел он Нарасимху на то место и отдал царю и этот кувшин. И тогда от великой радости царь, сам держа Тхинтхакаралу за руку, ввел его внутрь храма, и тогда подвижник постучал по колонне с салабханджикой, в которую воплотилась Калавати, и она хоть и окаменела в этом облике, но при виде мужа расплакалась.

Узрел раджа вместе со всей своей свитой это неожиданное горе, и огорчился, и удивился, и стал выспрашивать мнимого мудреца, что, мол, такое означает, а этот проныра, словно бы огорченный и смущенный, сказал: „Ступай, государь, к себе во дворец, там я все тебе объясню“, — и когда вернулись они во

дворец, то стал вот что ему говорить: „В дурном месте и в недобрый час построил ты этот храм, и на третий день после сегодняшнего постигнет тебя великая беда, и потому, увидав тебя, и расплакалась каменная статуя. Если желаешь ты себе блага, государь, то сегодня же, без промедления, сровняй этот храм с землей, и на добром месте и в добрый час построй новый храм, и пусть не будет никаких дурных примет, а лишь благо и тебе, государь, и твоей державе“. Перепугался Нарасимха от таких слов и со страху повелел всем своим подданным сровнять храм с землей, и сделали они это за один только день, и тогда повелел царь строить храм на другом месте. Так-то вот хитрецы, войдя в доверие, обманывают государей!

Сделав свое дело, сбросил Тхинтхакарала обличье подвижника и направился в Уджайини, а Калавати, избавившаяся от проклятия и радостная, встретила с ним на дороге и в тот же день явилась к Индре. Очень был удивлен царь богов, но, когда рассказала она ему об обмане, к которому прибег ее муж, рассмеялся и, видно, был доволен всем происшедшим.

Как игрок Куттиникапата обманул бога смерти Яму

Обратился к Индре стоявший рядом Брихаспати: „Всегда искусны в обманах игроки. Вот, к примеру, жил в каком-то городе в прошлую кальпу игрок, великий мастер игры в кости, которого звали Куттиникапата, что означало Перехитривший Сводню. Когда он помер и предстал перед Дхармараджей, тот ему назначил: „За свои прегрешения ты, игрок, целую кальпу проведешь в аду, но случилось тебе однажды подать золотой человеку, познавшему Брахму, и за такую щедрость станешь ты на один день самим Индрой. Так скажи, чего ты хочешь сначала — пробыть в аду или стать Индрой?“ Выслушал Яму игрок и сказал: „Сначала стать Индрой“. И тогда послал его бог смерти на небо, и боги, сместив на один день Индру, помазали вместо него Куттиникапату. А он, получив в свои руки такую власть над богами, тотчас же собрал к себе игроков и шлюх и повелел богам: „Немедля отнесите нас на все места святых купаний, какие только есть на земле, на небе и на семи материках, и сегодня же вселитесь во всех царей, чтобы поднесли они нам щедрые дары“. Получив это повеление, боги сделали так, как он велел, и были смыты с него все грехи, и остался он Индрой навечно, и были истреблены грехи и у его приятелей-игроков, и у шлюх, которых он взял на небо, а потому и они по его милости достигли бессмертия.

На другой день Читрагупта, прознав, что игрок навечно утвердился на небе в качестве Индры, доложил об этом Дхармарадже, и тот, узнав, как достиг Куттиникапата добродетельной жизни, только подивился и промолвил: „Ну и надул же нас этот плут!“ Уж таковы игроки, Метатель ваджры!

И когда такими словами закончил наставник богов Брихаспати свой рассказ, Индра послал Калавати, чтобы она привела на небо Тхинтхакаралу, и, довольный его умом и стойкостью, царь богов преподнес ему дорогие подарки, отдал Калавати и оставил при себе. С тех пор находчивый игрок благодаря милости Шивы счастливо зажил вместе с Калавати на небе, словно бог.

Вот так игроки пользуются и энергией своей и к обману прибегают. Что же тут странного, Агнишикха, что Дакинея обманом сбросил тебя в колодец? Выбирайся-ка ты отсюда, а вслед за тобой и мы, твои друзья, из этой ямы выберемся“. И когда сказали мне так оба брахмаракшаса, выбрался я из колодца и поплелся, измученный голодом, к городу. И тут увидел я на дороге странника-брахмана и с мыслью: „Вот я сейчас схвачу его!“ — погнался за ним, чтобы сожрать, но с рыданиями воззвал он к царю Викрамадитье. Услыхав этот плач, появился передо мной царь, подобный огненному зареву, и с криком: „Не смей, грешник, убивать брахмана!“ — воспрепятствовал мне совершить черное злодейство и, начертав на земле человека, отрубил ему мечом голову, и хотя на мою шею никакой удар не пал, рекой хлынула кровь из нее в том же месте. И тогда, отпустив брахмана, принял я к его коленям, и он сохранил мне жизнь.

Такова мощь богоравного царя Викрамадитьи. Это по его велению убил я злодея капалику, так что отдай мне его труп, Ямашикха, ибо это моя добыча“. Но, несмотря на все сказанное Агнишикхой, заносчивый Ямашикха продолжал тащить труп к себе. И тогда явился туда Викрамадитья и, начертав на земле человека, отсек ему мечом руку, и тотчас же упала у Ямашикхи та самая рука, которой тянул он мертвеца, и он в страхе убежал, а Агнишикха немедленно сожрал труп капалики. Я же видела все это, находясь под защитой могущественного царя“. В таких словах описывала супруга якши Маданаманджари твое, государь, могущество, а потом сказала мне: „Заговорил со мной, Анангадева, царь Викрамадитья и посоветовал: „Освобождена ты теперь, жена якши, от заклинаний капалики, так что ступай домой к мужу“. Тогда я, поклонившись ему, поспешила к мужу, думая при этом, чем же отблагодарить государя за его помощь. Вот так твой повелитель, о Анангадева, вернул мне жизнь, честь и мужа. Ты передай ему все, что я тебе рассказала, и он это подтвердит.

Стало мне сегодня ведомо, что послана к твоему государю царем Симхалы его дочь-красавица, покоряющая все три мира, избравшая Викрамадитью себе в мужья, но что многие переполненные завистью государи возжелали ее похитить, убив Викрамашакти и всех вассальных государей,— поспеши к Викрамашакти и передай ему это известие, чтобы был он наготове отразить их нападение. Я же предприму усилия, чтобы одолел Викрамадитья своих врагов и одержал победу. Вот ради этого-то и залучила я благодаря моей волшебной силе тебя, чтобы мог ты сам все передать и самому повелителю, и подвластным ему государям. Я же

пошлю ему подарок, который лишь в малой степени оплатит за то благо, которое он мне сделал“.

Пока она все это говорила, пришли туда две красавицы, которых мы видели в океане забавлявшимися с игрушечным оленем, и одна из них телом была словно молочно-белый лунный свет, а другая темнокожая, будто плод приянгу, и походили они на Гангу и Ямуну *, возвратившихся после поклонения Отцу рек. И когда они сели, то, божественный, я спросил: „Почтенная, кто эти девушки и что это за золотистый олень?“ Ответила якшини: „Если интересно тебе, Анангадева, то слушай, а я тебе расскажу.

Об асурах Гханте и Нигханте и двух небесных красавицах

Давным-давно, когда Праджапати собрался творить живых существ, пришли, чтобы помешать ему, два ужасных асуры — Гханта и Нигханта, неодолимые для богов. Желая погубить их, и создал творец двух этих дев, своей красотой и прелестью способных свести с ума всю вселенную.

Могучие асуры при виде этих двух красавиц возжелали их, и начали драться из-за них, и нашли свою гибель. А потом Брахма подарил их Кубере, подателю богатств, наказав: „Отдай их какому-нибудь достойному в жены“, а тот передал их моему мужу с той же самой целью, и я подумала, что единственным для них является лишь раджа Викрамадитья, в котором воплотилось божество. Вот и все, что касается девушек, а теперь слушай, что расскажу я тебе о золотом олененке.

О золотом олененке

Есть у Индры супруга Шачи и любимый сын Джаянта, и как-то раз, когда был он еще малышом, летали с ним небесные девы, и он увидал, как внизу, на земле, царские дети играли с оленятами. Очень захотелось ему такую забаву, и когда вернулся Джаянта к отцу, то так расплакался, что огласил ревом все три мира, и тогда повелел Индра Вишвакарману сделать из золота и драгоценных камней желанную игрушку, а потом ее полили амритой, и она ожила. Стал Джаянта играть с ней и был очень доволен, и бегал золотой олененок повсюду на небе. Однажды сын Раваны Индраджит, по справедливости прозванный Одолевшим Индру, похитил драгоценную игрушку и притащил ее в Ланку. Когда же по прошествии долгого времени Рама и Лакшмана сразили Равану и Индраджита, а на царство в Ланке помазали Вибхишану, то этот чудесный олененок из золота и драгоценных камней остался во дворце повелителя ракшасов. Однажды, когда родственники мужа позвали меня на праздник во дворце Вибхишаны, то чтобы

почтить меня, подарил мне государь Ланки эту игрушку. С тех пор олененок находится в моем доме, и хочу я теперь подарить его твоему повелителю". А пока якшини рассказывала все эти истории, Солнце, возлюбленный белой лилии, ушло на покой, а за ним, совершив все, что ввечеру делать надлежит, мы, я и посол Симхалы, улеглись спать.

Только мы на заре проснулись, как увидели войско Викрамашакти, твоего, государь, вассала, и подумали, что это новое проявление волшебной силы якшини, и с удивлением поспешили навстречу Викрамашакти, а он принял нас с почетом и спросил, благополучны ли мы, и только хотел спросить нас о том, что говорится в послании повелителя Симхалы, как пришли туда две божественные девы, о которых рассказала нам якшини, и с ними был золотой олененок и свита из множества якшей. При их виде, опасаясь какого-либо обмана со стороны злых духов, Викрамашакти спросил меня: „Что это такое?" И тогда я поведал ему обо всем — начиная с поручения царя Симхалы и кончая историей о двух девушках и золотом олененке, и еще я поведал ему то, что сообщила мне якшини о заговоре враждебных царей. Тогда Викрамашакти наградил нас, обоих послов, и почтил двух небесных дев, и, радостный, изготовил свое войско к битве, и так же сделал все вассальные цари и князья.

Вдруг раздался бой барабанов, и тотчас же показалось могучее войско враждебных государей и объединившихся с ними млеччхов, и оба войска от вида друг друга пришли в ярость и бросились друг на друга, и закипела жестокая схватка, и якши, посланные якшини, присоединились к нашим воинам из дружбы к нам. Разразился грозный день битвы, полный боевых криков воинов, лязга мечей, покрытый пылью, вздыбленной бойцами, конями, слонами и колесницами, и срубленные головы наших недругов то взлетали вверх, то падали вниз, словно богиня нашей победы играла в мяч, и уцелевшие от истребления цари и раненые воины пришли в стан твоего вассала просить пощады.

Ты, государь, завоевал все страны света, покорил все материки, сокрушил млеччхов и стал таким образом повелителем всего мира. И вот пришла со своим супругом сама якшини и сказала мне, стоявшему вместе с Викрамашакти: „Все, что мною сделано, сделано ради твоего повелителя, господин, и ты ему это передай, а также проси его взять в жены этих небесных дев, сотворенных Праджапати, и пусть любитесь он золотым олененком, а вот еще один подарок от меня". И с этими словами, поднеся в дар целую грудку драгоценных камней, исчезла вместе со своим супругом и всей свитой.

А на следующий день со всей пышностью и богатством и в сопровождении свиты явилась Маданалекха, дочь повелителя Симхалы, и Викрамашакти пошел ей навстречу, поклонился и, радостный, провел в свой лагерь. Когда же наступил новый день, Викрамашакти, преуспевший в делах, взял ее, двух божественных дев

и золотого олененка, истинное диво для всех глаз в трех мирах, и в жажде узреть твои стопы, повелитель, двинулся сюда со всеми союзными и вассальными государями, и он уже близко, а нас, божественный, послал, чтобы заранее тебя о своем прибытии уведомить. Посему, дабы оказать уважение властителю Симхалы и якшини, соблаговоли, повелитель, выйти навстречу царям, сопровождающим девушек и золотого олененка“.

Когда кончил Анангадева рассказывать все это, припомнил царь Викрамадитья, как довелось ему зацеловать якшини, но не счел он такую помощь стоящей хотя бы травинки — ведь великодушные люди, даже если делают многое, считают содеянное ничтожным, и наградил Анангадеву и посла царя Симхалы словами, лошадьми, деревнями и драгоценными камнями.

Закончился этот день, и государь выступил из Удджайини навстречу дочери царя Симхалы и двум небесным девам, и когда он собирался в путь, то в самом городе и около него раздавались крики распорядителей похода, назначавших царям порядок движения: „Пусть Джаявардхана возьмет доброго слона Анджанасинга, а Ранабхатта — буйного слона Каламегху, богатырь Синхапаракрама — Санграмасиддхи, Викраманидхи — Рипуракшасу, Джаякету — Паванаджаву, Баху и Субаху — двух коней Шаравеги и Гарудавеги, Киртиварман — черную кобылу конканских кровей Кувалаямалу, Самарасинха — белую кобылу Гангалахари чистой синдхской породы и других“. Когда же этот государь, верховный повелитель всех земель и материков, выступил в поход, все страны света переполнились криками воинов, а небо закрылось пылью от движущейся армии, словно тучами в последний день мира, и все люди восхищались этим необыкновенным проявлением его величия.

ВОЛНА СТО ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Встретил Викрамадитья свою победоносную армию под предводительством его полководца и вассала Викрамашакти, выпедшего к нему с поклоном, и стал вместе с ним во главе войска. Стали по очереди пратихара возглашать в шатре Викрамадитьи имена царей: „Вот повелитель Гауды, могущественный Шактикумара! Вот властитель Карнаты, истинный стяг победы Джаядхаджа! Вот правитель Латы Виджаяварман! Вот владыка Кашмира Сунадана! Вот Гопала, царь Синда! Вот вождь бхиллов Виндхьябала! Вот царь персов Нирмука! Все они склоняются, государь, перед тобой!“ И Викрамадитья награждал и царей, и вассалов, и воинов, и достойным образом выразил он почтение дочери царя Симхалы, двум небесным девам, золотому олененку и Викрамашакти, а на другой день со всеми ними выступил Викрамадитья в путь и вскоре прибыл в свою столицу Удджайини.

Затем, когда почтенные им цари и вассалы удалились в свои страны и пришло время радующего мир праздника весны, когда

лианы начали украшать себя цветами, словно гирляндами драгоценных украшений, и загудели пчелы, точно затянув бесконечную песню, и лесные деревья как будто заплясали в обнимку с ветром, а кукушки затянули свои причитания, подобные благовестным молитвам, в день, отмеченный благими приметами, взял Викрамадитья в жены дочь царя Симхалы и двух божественных дев, и при этом Синхаварман, старший брат дочери правителя Симхалы, высыпал на алтарь целую гору драгоценных камней. Прибыла и якшини Маданаманджари, и подарила небесным девам бесчисленно много жемчуга и других драгоценностей, и сказала при этом: „Смогла я прийти, безмерная твоя должница, государь, но чем отплату я за содеянное тобой благо? Разве только преданностью своею? Чем еще? Да будешь ты милостив к этим двум девушкам и золотому олененку!“ И с этими словами она, радостно встреченная царем, исчезла.

И тогда победоносный государь, обретя этих трех дев в супруги и землю со всеми семью материками, стал править державой, не имевшей врагов, и счастливо проводил свои дни в садах. В жаркое время пребывал он на верандах с фонтанами и бассейнами, когда же приходило время дождей, то удалялся во внутренние покои, где нежно рокотал мриданг, наступало прохладное время осени, и он коротал его на террасах дворцов в радостях дружеских пиршеств, а зимой не выходил из внутренних покоев, благоухавших калагуру, и всегда окружали его жены.

О Малаyawати, царевне, ненавидевшей мужчин

Был у этого государя художник Нагарасвамин, столь искусный в своем ремесле, что превзошел самого Вишвакармана, и владел он ста деревнями. Через каждые два дня рисовал он прекрасных девушек, всякий раз стремясь изобразить новый облик красоты, и преподносил рисунок Викрамадитье. Но однажды в пылу праздника забыл художник сделать новый рисунок. Когда же наступил назначенный день и должен был он нести царю дар, вспомнил Нагарасвамин об этом и очень беспокоился: „Что же я подарю повелителю?“ И как раз в это время явился вдруг некий странник, подошел к художнику, дал ему какую-то книгу и тут же исчез. Раскрыл ее из любопытства художник, и увидел в ней картинку на полотне, изображавшую девушку безмерной красоты, и преподнес ее царю, радуясь, что хоть и не было у него никакого подарка, а все же смог он подарить повелителю такое совершенство красоты. Но государь при виде рисунка с большим удивлением промолвил: „Нет, любезный, не твоя это кисть, а кисть самого Вишвакармана. Откуда знать смертному, как изобразить подобную небывалую красоту?“ И тогда художник признался, как попала к нему картинка.

И больше ничего уже государь не делал, а только любовался этой красавицей, и однажды во сне увидел он ее, но на другом материке, и приснилось ему, что она устремилась к нему, а он — к ней, но тут же он проснулся, так как ночь уже приблизилась к концу и раздался крик ночного сторожа, возвестившего об этом. А проснувшись, почувствовал себя царь глубоко несчастным оттого, что не состоялись объятия во сне, и в гневе выгнал из города ночного сторожа. „Что это за путник? И что это за книга? Да что это за картинка с девушкой? Да и с чего я видел ее живой во сне? Нет, видно, это предначертание судьбы, и все говорит мне, что она и в самом деле живет, но не знаю, на каком материке и как ее раздобыть“. Предаваясь подобным размышлениям, ни в чем не находил он радости, и до такой степени дошла у него лихорадка любви, что встревожились все его приближенные.

Охватило беспокойство и пратихару Бхадраудху, и однажды спросил он государя о причине, и тот ему так отвечал: „Слушай, скажу я тебе, друг, все по правде. Ведомо тебе, что подарил мне художник картину с изображением одной красавицы. С тех пор думал я только о ней, и случилось однажды так, что во сне отправился я в странствие по океану, пересек его, и, высадясь на другом берегу, дошел до очень красивого города, и, вступив в него, увидел, что он полон вооруженных девушек, которые, заметив меня, подняли страшный шум и закричали: „Убить его, убить!“ Тогда явилась некая подвижница и, поспешно уведя в свой дом, вот что мне сообщила: „Поселилась здесь царевна, ненавидящая мужчин, а зовут ее Малаявати, и ведет она себя так, как ей заблагорассудится. И как случится ей увидеть мужчину, сразу посылает она девушек убить его, и привела я тебя в свой дом, чтобы спасти“. Рассказав все это, немедля облачила подвижница меня в женское платье — ведь не следовало мне убивать тех девушек. Вдруг вижу я, входит царевна и все ее девушки, и — вот диво! — она и есть та самая, что нарисована на дареной картинке. Подумал я тогда: „Ну и счастливцев же я, что ту, которую видел нарисованной, вижу теперь живою!“

И царевна, ворвавшаяся туда вместе с девушками, вскричала: „Видели мы, что сюда вошел какой-то мужчина — где он?“, а подвижница возразила ей на это: „Откуда взялся здесь мужчине? Пришла ко мне в гости дочь сестры!“ — и показывает на меня. Взглянула на меня, наряженного в женскую одежду, царевна и позабыла о своей ненависти к мужчинам, так как восторжествовал над ней бог любви, и замерла недвижно, и все волоски на ее теле вздыбились, словно вонзились в нее во множестве цветочные стрелы Камы. И тотчас же сказала она подвижнице: „Почему бы, милая, дочери твоей сестры не стать моей гостьей? Пусть пойдет она ко мне во дворец, а потом я провожу ее с почетом“. И с этими словами взяла меня за руку и увела к себе во дворец. Понял я ее намерение и согласился пойти, и согласилась отпустить меня подвижница, старая и умудренная женщина.

Вот остался я с царевной, развлекавшейся тем, что устраивала она свадьбу одной девушки с другой, и прочими подобными забавами, и я все время был с ней, и всегда очи ее были устремлены на меня, и никакое дело не было ей мило, если я в нем не участвовал. Однажды ради забавы девушки сделали царевну невестой, а меня — женихом и устроили нам свадьбу. Когда совершен был над нами обряд, ввели нас ночью в опочивальню, и тогда бесстрашно обняла меня царевна, и тотчас же я, объявив ей себя, обнял ее, а она, радуясь обретенному счастью, на мгновение потупилась от стыда. И вот в тот самый сладостный миг, когда одолела она стыдливость, этот негодник, ночной сторож, разбудил меня своим криком.

Вот и все, Бхадраудха. Теперь не жить мне без Малаявати, виденной мною и на картине и во сне!”

Когда же государь кончил рассказывать свой правдивый сон, успокоил его пратихара и вот что сказал: „Коль скоро все так хорошо помнится божественному, то не соблаговолит ли он изобразить на полотне тот город, чтобы можно было придумать какой-нибудь способ?” И тотчас же по просьбе Бхадраудхи изобразил государь на куске полотна этот лучший из городов и все, что в нем было. Взял пратихара полотно, и велел построить новый монастырь, в котором повесили на стене эту картину, и устроил так, что странствующих певцов и сказителей там оделяли пищей, обладающей шестью разными вкусами, одеждой и золотом, и распорядился, что если кто-нибудь из них объявит, будто ведом ему изображенный на ней город, то должны будут обитатели уведомить его об этом.

А тем временем на лес, истомленный жарой, в котором блуждали ветры, напоенные ароматом жасмина, в котором путники находили в тени деревьев отдохновение от зноя и расцветали ярко-пунцовые цветы лодхра, накинудся черный, как грозовая туча, ревущий раскатами грома, с бивнями, подобными гирляндам кетак, бешеный слон времени дождей, и, раздуваемый ветром с востока, еще пуще разгорелся у Викрамадитьи огонь страсти, полыхавший словно лесной пожар, а во дворце то и дело раздавались голоса жителей из его антахра: „Подай льду, Харалата!“, „Читрани, побрызгай сандалом!“, „Патралека, остуди ложе лотосовыми листьями!“, „Кандарпасена, обмахни государя банановым листом!“ И стало время мрачных туч, яростно сыпавшее молниями, мало-помалу проходить, но не проходили у царя ни пожар разлуки, ни лихорадка страсти.

Наступила тогда милая осень, с лицом расцветших лотосов, с улыбкой готовых раскрыться бутонов и словно бы повелевавшая криками гусей: „Пусть двинутся странники в путь! Пусть радостные вести о любящих дойдут до любимых и да будут счастливы их встречи!“ В ту самую пору пришел за пропитанием в монастырь, выстроенный пратихарой, из дальних краев некий сказитель, наслышавшийся об этом лучшем из храмов. Звали его

Шамбарасиддхи, и он совершил в этом монастыре трапезу, и пода-рили ему одежд, а потом увидел он на стене картину, рассмотрел на ней город, улыбнулся и спросил: „Кем же нарисован этот го-род? Ведь только я в нем побывал, и только я мог бы нарисовать его. Ручаюсь, что никто другой туда не ходил!“ Тотчас же донесли об этом Бхадраюдхе обитатели монастыря, и тот сам пришел за сказителем и провел его к государю, и когда Викрамадитья спро-сил: „Что, воистину видел ты тот город?!", то отвечал ему на это Шамбарасиддхи такими словами:

„Видел я этот великий город, название которому Малаяпурам, когда, странствуя по миру, пересек океан, разделяющий матери-ки. Правит в нем великий царь Малаясимха, и есть у него необы-валой красоты дочь, а зовут ее Малаявати. Ненавидит она муж-чин, но случилось ей однажды увидеть во сне некоего великого мужа, и как взглянула она на него, так тотчас, будто испугав-шись, сбежала из ее души ненависть к мужчинам. Пригласила она этого мужа в свои покои, и во сне же состоялась у них свадьба, а потом ввела его царевна в опочивальню, и вот уже наступило время, когда должен был начаться праздник страсти, как вдруг служанка, приставленная наблюдать часы, возгласила окончание ночи. Выгнала Малаявати, разгневавшись, эту девушку, а мужа, виденного во сне, не может забыть, и палит ее с тех пор нещадный огонь разлуки. Не зная никакого способа избавиться от него, она, сраженная страстью, то вскочит, то снова упадет на ложе, и не покидает его, и ни с кем не говорит, стала немой, словно одер-жимая злым духом, и, о чем бы ни спрашивали ее служанки, ни на что не отвечает. Узнали об этом отец с матерью и стали рас-спрашивать, что произошло, и с большим трудом дознались от ее лучшей подруги, что случилось во сне с их дочерью. Стал отец ее утешать, но она поклялась: „Если не заполучу его за шесть месяцев, то взойду на костер!“ С тех пор уже минуло пять меся-цев, и кто знает, что будет! Вот в точности все, чему я был свиде-телем“.

Когда был выслушан рассказ Шамбарасиддхи и государь обра-довался, предчувствуя возможность достичь цели, обратился к нему Бхадраюдха: „Несомненен в этом деле успех, ибо и эта стра-на, и ее правитель подлежат твоей, государь, верховной власти. Нужно отправиться туда, пока еще не кончился шестой месяц“. И, сказав так, он сообщил подробно Шамбарасиддхи обстоятель-ства болезни, терзавшей до тех пор государя, и щедро наградил его. Отдав свое сияние лучам солнца, белизну — облакам, исто-щенность — рекам, Викрамадитья, избавившись от мук неразде-ленной любви, сопровождаемый небольшой дружиной, отправился к возлюбленной, и пересек океан, и достиг того города, и увидел, что все его жители охвачены смятением. А дело было в том, что подходил уже к концу шестой месяц, и раз не обрела царевна супруга, собралась она взойти на костер — все это узнал госу-дарь, порасспросив людей, и поспешил он к тому месту, где воз-

двигли костер, и народ при виде его уступал дорогу, и когда царевна узрела его, то был он для ее очей неожиданным явлением животворной амриты. „О, вот он, повелитель жизни моей, соединенный со мной во сне, пришел ко мне и наяву!“ — воскликнула царевна и велела служанкам: „Скорей сообщите обо всем батюшке!“ Те побежали и сказали царю, а он от этого обрадовался и поспешил приветствовать избранника дочери.

И тогда Шамбарасиддхи, знающий, когда наступает его время, вскинул вверх руку и произнес такое восхваление:

Слава сразившему блеском своим
сонмы духов!
Слава спалившему, словно пожар,
полчища млеччхов!
Слава тебе, волею чьей
розданы царства!
Слава тебе, покровитель земли
в кольце океанов!
Слава тебе, мужества солнце
Викрамадитья!
Слава тебе, доблести светоч
Вишамашила!

И когда сказитель так восславил Викрамадитью, узнал верховного повелителя раджа Малаясинха, и пал ему в ноги, и ввел, гостеприимный, его вместе с дочерью, избавленной от смерти, в свой дворец, и отдал ее в жены государю, и полагал себя счастливым, обретя такого зятя. Наконец-то увидал Викрамадитья в своих объятьях Малаявати, столь же прекрасную во сне, как и на картинке, и столь же прекрасную наяву, как и во сне, и посчитал ее чудесным плодом вознаграждения, доставшимся ему от пожелайдерева благоволений Шивы.

Затем взял он свою супругу Малаявати, прекрасную, словно наслаждение, достигаемое в нирване, и переправился через океан, как через безбрежную пропасть долгой разлуки, и повсюду почтительно приветствовали его цари, державшие в руке дары, и наконец достиг своего стольного града Удджайини, а там при виде его величия, способного насытить самое ненасытное любопытство, кто только там не дивился, кто только не радовался, кто только не восторгался и кто только не торжествовал?!

ВОЛНА СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как-то раз во время бесед в антахпуре жена Викрамадитьи Калингасена, окруженная другими его женами, сказала: „Нет ничего удивительного в том, что государь сделал для Малаявати, — ведь такими деяниями славится божественный Вишамашила по всей земле. Вот хотя бы моя история — разве не прибег он к силе своего войска, когда, увидев меня изваянной в камне, тотчас же испытал на себе удары стрел Камы? Да вот какую историю по

этому поводу рассказывал мне карпатика Девасена. Слушайте, поведаю я вам эту повесть.

Я все сокрушалась, как, мол, может по закону взять меня государь в жены, а Девасена, утешая, говорил мне: „Не гневайся, божественная, воистину из-за чрезмерной страсти поспешил он жениться на тебе. Слушай, расскажу я тебе обо всем с самого начала.

О волшебной мази, помогающей летать

Служил я у повелителя в карпатиках и однажды заприметил в лесу громадного борова с мордой, украшенной грозно торчащими клыками, черного телом, словно пальма тамала, подобного темной половине месяца, пожирающей луну. Уведомил я, божественная, об этом звере государя в тех же словах, что сейчас тебе говорил, и он, возгоревшись азартом, отправился на охоту. Доехал он до леса и разил там без устали тигров и оленей, пока не увидал вдалеке того самого вепря, и как только приметил его, подумал, что, может, по какой-то причине скрывается за этим обликом некое живое существо, и вскочил он тогда на своего коня Ратнакару, сына славного Уччайшправаса, извлеченного богами и асурами из глубин Молочного океана вместе с амритой и дридами сокровищами.

Ведь посреди дня солнце всегда останавливается, и тогда его возница Аруна распрягает коней, чтобы дать им попить и поесть. Вот в это самое время Уччайшправас, выпряженный из колесницы солнца, увидал в лесу кобылу и покрыл ее, отчего и родился Ратнакара.

Так вот, вскочил повелитель на Ратнакару, быстрого как ветер коня, и помчался за вепрем, а тот увлек его далеко в глубь леса, а там и вовсе пропал из виду — оказался он стремительнее даже Уччайшправаса, быстрого как ветер. Упустил вепря государь, видит, что вся свита отстала и что я один ему сопутствую, и спрашивает меня: „Не знаешь ли ты, сколько мы всего проскакали?“, а я, божественная, ответил ему на это: „Мы, повелитель, промчались триста йоджан!“ Тогда спрашивает он меня удивленно: „А как же ты пешком столько пробежал?“, и я ответил: „Есть у меня, божественный, волшебная мазь для ног, а как досталась она мне, слушай.

Когда погибла моя супруга, пошел я в странствие по местам святых купаний и как-то вечером увидел храм при дороге, и был там сад, и, решив провести в этом саду ночь, вступил я в его пределы, и находилась там женщина, и предложила она мне свое гостеприимство. Когда же настала ночь, то эта женщина одной губой закрыла небо, другой — землю да и спросила меня: „Ты где-нибудь еще такую пасть видел?“ Я же, вытянув из ножен кинжал с рукояткой, изображающей бычьей мордой, сказал, нахмурия брови и не испытав страха: „А ты где-нибудь видела такого мужчину?“

Тогда приняла она чарующий облик, лишенный всякого уродства, и сказала: „Я — якшини, а зовут меня Чанди, и довольна я твоей стойкостью. Так скажи мне, что приятного могу я для тебя сделать?“ Отвечал я ей на это: „Коли и вправду ты мною довольна, то сделай так, чтобы мог я без тягот и быстро обойти все святые места“. И тогда дала она мне чудесную мазь для ног, и благодаря ей сумел я посетить все святые места, а сегодня и за тобою, конным, поспеть. Благодаря ей же что ни день прихожу я в эту часть леса и вкушаю плоды, а потом возвращаюсь в Удджайини и служу тебе“.

Так вот, божественная, сказал я государю и понял по его обрадованному виду, что доволен он и тем, что я ему рассказал, и тем, что я поспел за ним. И снова обратился я к нему: „Если хочешь, повелитель, принесу я тебе самых сладких плодов, и ты их поешь“. — „Не буду я их есть, — сказал царь, — потому что мне ничего не нужно, а ты бы, почтенный, сам поел. Ведь ты устал!“ Тогда взял я тыкву, и вкусил ее, и обратился в змея.

О царе бхиллов Экакикесарине и благородной обезьяне

Очень удивился, божественная, государь Вишамашила и опечалился, увидев мое превращение, и тотчас вспомнил он ветау Бхутакегу, которого некогда избавил от болезни глаз и тем самым подчинил себе. И только лишь помыслил он о нем, как оказался здесь ветага и спросил: „Почему призвал ты меня, государь? Повелевай, и я исполню!“ И тогда молвил ему раджа: „Вот, любезный, это мой верный слуга, внезапно обратившийся в змея. Верни ему его истинный облик!“ Ответил ветага: „Нет у меня, божественный, силы сделать это. Каждый делает только то, что может, а разве может вода залить сверканье молнии?“ Тогда велел ему раджа: „Пойдем-ка, друг, вон в ту деревню. Может быть, от бхиллов узнаем мы о каком-нибудь средстве для этого“. И пошел он вместе с ветагой в деревню к бхилам, а те разбойники, увидав человека в украшениях, накинудись на них и осыпали сотнями стрел, но по велению государя истребил Бхутакегу пятьсот из нападавших и сожрал, а прочие бежали, спасая свои жизни, и доложили обо всем своему предводителю. А того звали Экакикесарин, и, разъярившись, примчался он со всей силой на подмогу, да один из его слуг узнал государя по лицу, и тогда пал этот предводитель в ноги Викрамадитье и назвал себя. Государь же приветствовал его, и осведомился о его здоровье, и сказал ему: „Вот съел харпатика в лесу плод, похожий на тыкву, и обратился в змея. Не знаешь ли ты средства, с помощью которого можно спасти его? Верни ему истинный облик!“

Отвечал государю предводитель бхиллов: „Божественный, пусть твой слуга покажется моему сыну“. И пошел я с ветагой к нему,

и с помощью сильного снадобья вернул мне сын Экакикесарина человеческий облик, и вернулись мы, радостные, к государю. И когда я склонился к его стопам, сообщил он предводителю бхилов, кто я такой. Тот же по соизволению государя пригласил нас воспользоваться его гостеприимством, провел нас в свой дворец. И увидели мы его дворец, полный шабаров, стены которого были увешаны слоновьими бивнями и покрыты тигровыми шкурами и в котором женщины украшали себя хвостами павлинов, ожерельями из плодов гунджи и умащались благовониями, приготовленными из слоновьего пота и мускуса, и поднесла нам угощение сама супруга вождя бхилов, наряженная в одежды, пропитанные мускусом, и сверкающая жемчугами и иными дорогими камнями.

Совершив омовение и отведав поднесенные яства, государь заметил, что сам вождь бхилов молод, а его сыновья стары, и спросил: „Скажи мне, почтенный, как же так — ты молод, а сыновья твои уже одряхлели?“ И ответил вождь шабаров: „Любопытна эта история, божественный, и если тебе интересно, то соблаговоли выслушать.

Я — брахман Чандрасвамин и жил прежде в городе Маяпури. Однажды велел мне отец пойти в лес за дровами, а там на тропе встретил я большую обезьяну, но она на меня не напала, а, глядя печальными глазами, показала, чтобы пошел я другой дорогой. „Раз она меня не покусала, отчего бы мне не пойти по этой дороге — видно, чего-то ей от меня надо“. И с такой мыслью пошел я вслед обезьяне, а она бежала все вперед да вперед, да то и дело оборачивалась, иду ли я за ней. И уже далеко мы зашли, как вдруг забралась она на дерево джамбу, и тогда увидал я за ее спиной другую обезьяну, самку, запутавшуюся в густой сети лиан, и понял, ради чего привела она меня в это место. Влез я на дерево и, разрубив петли лиан, высвободил самку, а когда спустился, то обе обезьяны пали мне в ноги. А потом самец, оставив супругу, пошел куда-то в лес и, возвратившись, угостил меня неким плодом божественной природы. Взял я его, набрал дров, возвратился домой и съел вместе с женой этот плод, и так избавились мы от старения и болезней.

Случился после этого в нашей стране жестокий голод, и, пораженный таким несчастьем, стал народ разбегаться во все стороны, а я и жена по воле судьбы попали в деревню, в которой и сейчас живем. Тогда правил шабарами вождь Канчанаданштра, и я стал служить ему своим мечом. Во многих боях видел он, что сражался я в первых рядах, и поэтому сделал меня начальником над войском и так был доволен моей преданностью, что накануне смерти объявил меня своим наследником, поскольку у него самого сына не было. И вот с тех пор как я здесь нахожусь, минуло уже двадцать семь раз по сто лет, и старость мне неведома, а причина этому — плод, который пожаловала нам с женой благодарная обезьяна“. И, закончив рассказ о своей судьбе, вот еще что молвил он изумленному царю:

„Плод, поднесенный обезьяной, даровал мне долгую жизнь, а она принесла мне в дар другой плод — возможность лицезреть твои стопы, и потому умоляю тебя, божественный, раз ты пришел в мой дом, явить мне милость, и да приведет она к полному удовлетворению моих желаний. Есть у меня дочь, государь, рожденная от жены из рода кшатриев, и зовут ее Маданасундари, и красота она несравненной, и никто не достоин этого сокровища среди дочерей больше, чем ты, государь. Хочу я отдать ее тебе в жены, и ты возьми ее, как полагается по закону. Сам я стану твоим рабом, повелитель, а вместе со мной два раза по сто тысяч храбрых лучников“. Согласился Викрамадитья на предложенное вождем бхиллов и в день, отмеченный добрыми приметами, взял в жены его дочь, а Экакисесарин дал за ней сто верблюдов, груженных жемчугом и мускусом. Прожил государь там семь дней и отправился к себе с Маданасундари, сопровождаемый войском бхиллов.

А с тех пор как унес Викрамадитью конь Ратнакара, дружина его так и оставалась в лесу, и все были в отчаянии — скоро ли вернется к ним государь?

„Разве не обладает повелитель божественной силой? Разве может случиться с ним что-нибудь дурное? Разве не помните вы, как он, уйдя один-одинешенек, вернулся из Паталы, женившись там на Сурупе, царевне из рода нагов? Или как возвратился он из страны гандхарвов, взяв в жены Таравали, дочь тамошнего царя?“ Успокоенная такими словами пратихары, осталась дружина стоять лагерем в лесу, высматривая, какой дорогой вернется государь.

Раджа отправил Маданасундари по прямой дороге в сопровождении войска шабаров, а сам верхом на коне вместе со мной и веталой въехал в лес с той стороны, где он прежде встретился с вепрем. Снова попался ему вепрь на глаза, и сразил его повелитель пятью стрелами, и, когда зверь свалился, подбежал к нему ветала, и разорвал, и только собрался сожрать, как вдруг из кабаньего брюха, божественная, вышел некий муж благостного облика. Спросил его Викрамадитья: „Кто ты, почтенный?“, но примчался тут гороподобный дикий слон, и государь, видя, что вот-вот бросится он на нас, одной лишь стрелой с каплевидным наконечником поразил его в самое уязвимое место, и тот упал мертвым. Когда же и его брюхо разорвал ветала своими ручищами, вышел оттуда мужчина и с ним женщина, совершенная обликом.

И тогда стал отвечать на вопрос государя тот муж, что вышел из брюха вепря. „Слушай, раджа, мою историю — я тебе ее поведаю. Мы оба — сыновья богов, его зовут Бхадра, а меня — Шубха. Однажды, гуляя, увидали мы святоумрого Канву, погруженного в размышления, и стали играть, приняв обличья вепря и слона, и так перепугали великого провидца, что проклял он нас обоих: „Скитаться вам теперь в лесу в виде вепря и слона до той поры, пока не сразит вас своими стрелами царь Викрамадитья — лишь

тогда вернете вы себе истинный облик“. Вот так и оказались мы обречены на жизнь в образе вепря и слона, а сегодня ты нас от этого избавил. А что касается женщины, то она сама тебе про себя расскажет. Но прежде коснись шеи вепря и спины слона, и обратятся они для тебя в волшебный меч и волшебный щит“. И, молвив так, исчез он со своим другом, а раджа дотронулся до останков вепря и слона, и те действительно обратились в меч и щит.

Тогда спросил он у женщины про ее историю, и она начала рассказывать все по правде: „Я — жена богатого купца из Удджайини, которого зовут Дханадаттой. Однажды ночью спала я на крыше нашего дома, как примчался вот этот самый слон и, проглотив меня, унес в лес и, хотя не было в его брюхе мужчины, вышел оттуда какой-то вместе со мной“. Утешил несчастную Викрамадитья: „Крепись, я сам отведу тебя к твоему супругу, а теперь поезжай без страха вместе с моей женой“. И с этими словами отправил он ее в сопровождении ветапы к царице Маданасундари, двигавшейся по другой дороге.

Когда же ветапа вернулся, то вдруг увидали мы там же в лесу двух царевен, окруженных большой и пышной свитой, и послал меня государь за их пратихарами и спросил у них, кто, мол, эти две девушки, и вот что поведали те царедворцы:

„Есть материк, и называется он Катаха и изобилует всем, о чем только подумать можно, и правит им царь, по справедливости названный Гунасагарой, что означает Океан Добродетелей. А у него есть дочь Гунавати, родившаяся от главной царицы и своей красотой поразившая даже творца. И сиддхи предсказали ей, что будет она супругой повелителя семи материков. После такого пророчества собрал ее отец своих министров и держал с ними совет, и порешил: „Только царь Викрамадитья годится в мужья моей дочери. Вот и пошлю я ее к нему, чтобы состоялась их свадьба“.

Рассудив таким образом, снарядил раджа корабль, посадил на него свою дочь со свитой да с приданным и отправил в путь. Когда же проплывали они мимо Суварнадвипы, то проглотило морское чудение корабль с царевой и со всеми, кто на нем был. Но подхватили эту рыбину волны и, словно повинуясь велению судьбы, выбросили ее на остров, лежащий около материка. Увидав, что принес им океан, набежали туда люди, вооруженные разным оружием, и, подивившись на рыбину, рассекли ее брюхо, и выпал оттуда большой корабль с людьми на нем, и, узнав об этом, прибыл туда, исполненный изумления, правитель материка раджа Чандрашекхара, приходившийся зятем радже Гунасагаре, и расспросил обо всем людей, бывших на этом корабле, и, уяснив, что Гунавати — дочь его сестры, взял ее к себе во дворец, и устроил великий праздник. А на другой день раджа, давно уже замысливший выдать свою дочь Чандравати за Викрамадитью, отправил ее в благоприятный час на корабле вместе с Гунавати, и обе царевны

пересекли океан и двинулись дальше посуху, но когда добрались сюда, то напали на нас громадный вепрь и слон, и тогда мы, слуги царевен, стали кричать: „Эти красавицы пришли, чтобы избрать Викрамадитью себе в мужа, — защитите их, о локапалы, хранители мира!“

Когда услышали вепрь и слон эти слова, как заговорили они человеческим голосом: „Ничего не опасайтесь, и да не будет у вас страха, ибо назвали вы имя верховного повелителя. Да вы и его самого скоро увидите — придет он сюда“. И, сказав так, ушли, а были они, верно, божественными существами в образе зверей. Вот и вся наша история“, — окончили свой рассказ пратихары, а я им тогда, божественная, молвил: „А вот и государь Викрамадитья!“ — и указал на него, и они на радостях пали ему в ноги и передали царю обеих царевен, а он повелел веталя отвести их к царице Маданасундари: „Пусть они путешествуют втроем!“

Когда же веталя вернулся, то мы с ним и с государем продолжили наш путь в стороне от дороги, и, пока ехали по лесу, солнце уже зашло, и тут донеслись до нас откуда-то удары по барабану. „Откуда это барабан слышится?“ — спросил государь, а веталя ответил: „Здесь, повелитель, стоит божий храм истинно небесной красоты, а построен он был самим Вишвакарманом, а удары барабана, государь, возвещают, что начинается вечернее представление“. И когда рассказал это веталя, то все мы пошли туда, привязали коня, и вступили в храм, и увидели там лингам, возвышавшийся на подножии из камня таркшья, и еще светильники, горевшие на высоких колонках и освещавшие действо, во время которого плясали девы неземной красоты, и раздавалась музыка на четыре разных лада, и звучало божественное пение гандхарвов. И вот представление кончилось, и с удивлением увидели мы, как сначала скрылись в изваяниях, украшавших колонны, все танцовщицы, а затем также слились с нарисованными на стенах изображениями певцы и музыканты. Заметив, как поразился увиденному государь, вот что сказал веталя: „Это невероятное божественное зрелище создано самим Вишвакарманом, оно вечно и повторяется каждый день во время утренних и вечерних сумерек“. И мы вошли внутрь и стали все рассматривать, и особенно привлекла наше внимание одна женская фигура небывалой красоты, высеченная на какой-то колонне. Так был очарован государь ее прелестью и настолько был он увлечен ею, что некоторое время стоял недвижно и молча, словно сам был высечен из камня.

И вот он промолвил: „Если не увижу я живую женщину такой красоты, то зачем мне царство? Зачем мне жизнь?“ Услышав это, ответил ему веталя: „Нетрудно выполнить твоё желание, повелитель. Есть у царя Калинги дочь Калингасена — ее-то увидав, и создал эту салабханджику искусный ваятель из города Вардхаманапуры. Так что ступай, государь, в Удджайини к царю Калинге и либо выпроси у него дочь, либо силой увези“. Запали слова веталя в душу государю, и, проведя там ночь, отправились мы даль-

ше, а пока ехали, увидели под деревом ашока двух красивых мужей. Встали они и поклонились царю, а он любопытствовал: „Кто вы и что здесь, в лесу, делаете?“

Один из них заговорил. „Послушай, божественный, расскажу я тебе о своей жизни. Зовут меня Дханадатта, и я купеческий сын из города Удджайини. Однажды пошел я вместе с женой спать на террасу, что на крыше дома, а когда на заре проснулся, гляжу — нет моей жены на террасе, нет ее и в саду, нет во дворе, нет и ни в каких покоях. Знал я, что никому другому она сердце свое не отдала, так как прежде была подарена мне ею гирлянда цветов и сказала она тогда: „Пока я верна тебе, не завянет эта гирлянда“, — и посейчас была эта гирлянда свежа. Но не знал я, что же с нею случилось — то ли сама куда-то ушла, то ли дух ее какой-нибудь унес, то ли еще что! И вот одолевают меня всякие дурные мысли, и рыдаю и кричу, и палит меня огонь разлуки, и ничего я в рот не беру. Удалось родным немного успокоить меня, и начал я понемножку есть, а потом поселился в храме и стал кормить проходящих брахманов.

Пришел как-то раз туда уставший с дороги брахман и сказал: „Устал я“. И тогда я устроил ему и омовение и еду и спросил: „Откуда ты?“ А он, насытись, отвечал: „Из деревни, что недалеко от Варанаси стоит“. Сообщили ему мои слуги о горе, меня постигшем, и он вот что еще сказал: „Отчего ж печалишься ты понапрасну и ничего не делаешь? Предприимчивый человек достигнет даже недостижимого. Поднимайся, ступай искать жену, а я пойду с тобой и буду тебе помощником“.

„Да как же мы станем искать ее, когда неизвестно даже, в какую сторону идти?!“ — крикнул я в ответ, а он мне сказал от души: „Зачем ты так говоришь? Разве не знаешь, как Кесата сумел встретиться с женой своей Рупавати, хотя это и вовсе было безнадежно? Коли нет, так послушай их историю.

О Кесате и Кандарпе

Жил некогда в Паталипутре богатый брахманский сын, и был он молод, и звали его Кесата, а красотой он был равен самому Каме. Желая найти равную себе по красоте супругу, ушел он из дому, не сказавшись родителям, и стал бродить по разным странам, как будто затеял посетить все тиртхи, места святых купаний. Однажды, добравшись до берега Нармады, увидел он большую свадебную процессию, двигавшуюся по дороге. Вышел тут из ее середины какой-то почтенный старик из дваждырожденных, приблизился к нему, поздоровался и заговорил: „Хочу просить я тебя об одном деле, легком, как игра, и если согласен ты выполнить мою просьбу, то я тебе ее скажу“. Ответил ему на это Кесата: „Коли воистину дело твое под силу, то непременно помогу“.

И тогда старый брахман сказал: „Слушай же! Есть у меня

сын, и он среди уродов первейший, так же как и ты — первый среди красавцев. Торчат у него в разные стороны зубы, нос расплющенный, черный он, косоглазый, с отвислым брюхом, косолапый и кривоногий, а уши что лопухи. И хоть он весь такой, да я из любви к нему, расписав, будто он хорош собою, попросил брахмана Ратнадатту выдать за него дочь, а зовут ее Рупавати, и она заслуживает такого имени, потому что воистину прекрасна, и сегодня должна быть устроена свадьба. Вот ради этого-то мы и едем, но как подумаю я, что случится, когда Ратнадатта, будущий мне свойственник, увидит моего сыночка, то сразу понимаю, что все это впустую — ведь не отдаст он свою дочь. Шел я и раздумывал, как же быть, да вот ты, почтенный, повстречался. Так выполни свое слово, помоги мне достичь желанного. Идем с нами, обкрутим мы ту девицу — ты по красоте своей ей равен и в женихи годишься, а женившись, отдашь ее моему сыну“.

Согласился Кесата, и, переправившись на лодке через Нармаду, пошли они все вместе, и, когда Небесный странник удалился за гору Заката, добрались до какого-то города и остановились отдохнуть. Уже тьма напоздало, когда сошел Кесата к воде, чтобы ополоснуть рот, и увидел, как поднялся перед ним ужасный ракшас и закричал: „Сейчас сожру тебя, Кесата. Куда уйдешь ты от меня?“, но остановил его Кесата: „Не надо, не ешь меня сейчас. Непременно я приду к тебе, вот только должен я выполнить дело, обещанное брахману“. Заставил его ракшас поклясться в этом, и пошел Кесата к друзьям жениха.

Принес старый брахман одежды, полагающиеся жениху, обрядил Кесату, и со всеми прочими вступили они в город. Ввел брахман Кесату в покои Ратнадатты, где уже был приготовлен алтарь, а сам дом гремел от барабанов и других музыкальных инструментов. И взял Кесата в жены прекрасную Рупавати, за которой отец отдал очень большое приданое. Все женщины обрадовались, видя, что и жених и невеста равны друг другу по своей красоте, и была рада Рупавати, что так хорош он собой, а ее подруги и вовсе считали, что он родился на земле Манматхой, а Кесату одолевали и досада и восхищение.

Когда же удалились они в опочивальню и возлегли на ложе, то заметила Рупавати, что супруг ее чем-то озабочен и, отвернув от нее лицо, притворяется спящим. Глубокой ночью Кесата, решив, что Рупавати уснула, поднялся и вышел из дому, спеша исполнить обещание, данное ракшасу. Тотчас же встала Рупавати и незаметно последовала, верная, за мужем, любопытствуя, куда это он направился. Кесата же пришел к ракшасу, и тот, довольный его честностью, проревел: „Великодушен ты, о Кесата, и слову верен, и слава твоему родному городу Паталипутре и отцу твоему Десате слава! Иди же сюда, я тебя проглочу!“ Но, услышав такую речь ракшаса, стремительно кинулась к нему Рупавати и закричала: „Съешь меня! Если ты проглотишь моего мужа, что будет со мной?“ — „Будешь жить милостыней!“ — возразил рак-

шас. „Да кто же, благородный, подаст милостыню мне, женщине?“ Сказал он ей на это, что если попросит она у кого-нибудь милостыню, а тот посмеет отказать, то голова у него расколется на сто частей. Тогда она и попросила его: „Так окажи милость, дай мне в милостыню мужа!“ И тотчас же голова ракшаса разлетелась на сто частей. И вместе с Кесатой, безмерно удивленным ее добродетельностью, вернулась Рупавати в опочивальню, а тут и ночь подошла к концу.

А утром, после того как все, кто был в свадебной процессии, закончили завтрак, прибыла она во главе с женихом и невестой, а теперь уже мужем и женой, на берег Нармады. Распоряжавшийся всем старый брахман посадил Рупавати с ее прислугой в одну лодку, сам сел в другую, а Кесату посадил в третью, сняв с него все украшения и о чем-то условившись с лодочниками. Вот переправился старик с невестой и друзьями жениха на другую сторону, а лодку с Кесатой гребцы все еще держали на стремнине, и, когда стала она приближаться к грозному водопаду, бросились, подкупленные старым брахманом, гребцы в воду и выплыли на берег.

Река подхватила лодку с Кесатой, помчала ее средь бурных волн и по воле ветра вынесла в океан, где приливом выбросило беднягу на берег. Там, придя наконец в себя, подумал Кесата: „Ну и отблагодарил же меня старикашка-брахман! Но разве не глупость и беззаконие то, что оженил он сына, подменив его чужаком?“ А пока предавался он таким размышлениям, спустилась ночь, наполненная звуками плясок носившихся в поднебесье демонов, и из-за этого он не мог спать, а когда наступила четвертая стража, услышал он какой-то шорох и увидел, что спускается с неба некий муж. Перепугался Кесата, но, разглядев, что нет в его облике ничего страшного, спросил: „Кто ты, почтенный?“ И этот человек ответил ему: „Скажи мне, любезный, кто ты сам и как здесь очутился, а потом и я тебе про себя расскажу“. И тогда обо всем, что с ним случилось, поведал Кесата, а пришелец, выслушав его историю, сказал: „И я в таком же положении, как и ты. Послушай, что со мной было.

Стоит на берегу реки Вены город Ратнапура, и был мой дом в этом городе, а имя мое Кандарпа, и я брахман, а мой отец был очень богат. Однажды вечером спустился я к берегу набрать воды, да поскользнулся и упал в реку, и понесла она меня, крутя в своих стремнинах. Далеко унесло меня за ночь, и к тому времени, когда наступил день и судьба, видно, посчитала, что рано мне умирать, прибило меня к дереву, трущемуся о берег, и, уцепившись за его ветви, выбрался я из потока, и перевел дух, и увидел поблизости заброшенный храм, посвященный Великим Матерям. Вошел я в него и узрел трепещущее сияние, и избавился от страха, и поклонился Матерям, восславил их и взмолился: „Спасите меня, повелительницы, несчастного! Вот пришел я к вам сегодня и молю о защите!“

После этой молитвы я, утомленный, заснул, и так, приятель, я отдохнул, а день тем временем пришел к концу, и опустилась тогда свирепая подвижница Ночь, украшенная богатым ожерельем из звезд-костей, белая от лунного света, будто умащенная пеплом, и увенчанная ярко сверкающим черепом луны. И тут услышал я разговор йогини, целой толпой вышедших из храма Матерей. А говорили они вот о чем: „Нынче должны мы лететь в Чакрапур на шабаш, но как же быть с этим брахманом, прибегшим к нашей защите? Ведь здесь полно диких зверей. Давайте отнесем его туда, где ничто не будет ему угрожать, а потом снова принесем в наш храм“. И, порешив на этом, нарядили они меня в дорогие одежды и отвезли в дом какого-то богатого брахмана, неизвестно где находившийся, а сами полетели дальше.

Смотрю я — там все приготовлено к свадьбе, огонь на алтаре пылает, да жениха с друзьями нет, а люди увидели меня, в прекрасные свадебные одежды наряженного, и закричали: „Да вот и жених прибыл!“ Взял меня тогда находившийся среди них брахман, хозяин дома, подвел вместе с дочерью, подобающе одетой, к алтарю и отдал ее мне в жены, как по закону полагалось, а женщины друг другу говорили: „Вот счастье-то, что достался этой красавице Суманас муж, равный ей по красоте“. Когда же свадебный обряд свершился, Суманас и я, счастливый тем, что, чего бы я ни пожелал, все исполнялось, легли спать в опочивальне.

Уже ночь вступила в последнюю стражу, как йогини, возвращавшиеся с шабаша, подхватили меня и унесли в небеса, где напала на них другая стая ведьм, возжелавших отнять добычу, и началась меж ними драка, во время которой первые уронили меня, и полетел я вниз и так очутился здесь. И не знаю я, где тот город и где Суманас, с которой соединил меня свадебный обряд, а что дальше будет, и вовсе мне неизвестно. Но, видно, вереница несчастий, предназначенных мне судьбой, завершилась сегодня счастливой встречей с тобой“.

Закончившему свой рассказ Кандарпе молвил Кесата: „Не бойся, друг, не властны более над тобой ведьмы — владею я нынче такой силой, которой они противостоять не сумеют. Давай пойдем странствовать, а судьба пошлет нам удачу“. И вот так, рассказывая друг другу о своих злоключениях, провели они ночь, а наутро отправились в путь, и пересекли океан, и со временем добрались до города Бхимапуры, стоявшего на берегу реки Ратны. Приблизясь к нему, услышали они большой шум, доносившийся с реки, и устремились туда, и увидели, что от берега до берега лежала громадная рыба, занесенная приливом, и из-за своей величины застряла она на суше, а люди, вооружившись разным оружием, вырубали и вырезали куски мяса. Когда же рассекли они ей брюхо, вышла оттуда женщина, и все с удивлением на нее воззрились, а она, испуганная, выбралась на берег.

При виде этой несчастной обрадовался Кандарпа и крикнул Кесате: „Дружище, так ведь это та самая Суманас, на которой я

женился! Но как же вышло, что оказалась она в брюхе у рыбыны? Ума не приложу! Но давай помолчим, пока дело выяснится“. Согласился с ним Кесата, а тем временем люди стали расспрашивать Суманас: „Кто ты да как ты в рыбу пошла?“ Она же, собравшись с силами, поведала: „Я из города Ратнакара, дочь Джаядатты, украшения брахманов, а зовут меня Суманас. и однажды ночью выдали меня замуж за брахманского сына, равного мне по красоте, а пока я ночью спала, куда-то исчез мой супруг, и как ни искал его отец, нигде найти не мог. И тогда я, чтобы загасить паливший меня огонь разлуки, кинулась в реку, а там проглотила меня эта рыба и по воле судьбы притащила сюда“.

Только она это вымолвила, как выходит из толпы брахман Яджнясвамин, обнимает ее и говорит: „Иди, иди ко мне, доченька, ведь твоя мать — сестра моя, а сам я — Яджнясвамин, брат ее“. И, услышав его, подняла лицо Суманас, узнала своего дядю, бросилась со слезами ему в ноги и, на мгновение остановив рыдания, вскричала: „О, дай мне поленьев для костра — нет для меня, разлученной с благородным супругом, иного пути!“ Хоть и пытался он разубедить ее, но была красавица непреклонна в своем решении, и тогда встревожился Кандарпа и кинулся к ней. Только увидела его Суманас, как сразу признала и, обняв его ноги, рыдалась, а когда брат ее матери и другие люди стали спрашивать, в чем дело, отвечала: „Вот мой супруг!“, и все обрадовались, а Яджнясвамин увел ее вместе с Кандарпой, которого сопровождал Кесата, к себе домой и принял их с большим радушием, и они поведали ему и всем из его семьи о своих приключениях.

Много дней прошло, и Кесата обратился к Кандарпе с такими словами: „Соединившись с утраченной было женой, достиг ты всего, чего желал, так что отправляйся теперь к себе в Ратнапуру, а я не достиг того, к чему стремился, и рано мне возвращаться на родину, а потому пойду я, приятель, по всем местам священных купаний и где-нибудь там отрину свое тело“. Возразил ему на это Яджнясвамин: „Зачем говоришь так, движимый отчаянием? Всего достигают живущие. Вот послушай-ка историю о Кусумаюдхе — расскажу я тебе про него.“

Жил в Чандапуре брахман, которого звали Девасвамин, и родилась у него небывалой красоты дочь, и нарек он ее, лотосоую, Камалалочаной, а среди его учеников был один, которого звали Кусумаюдха, и случилось так, что дочь наставника и этот ученик полюбили друг друга. А тут и отец решил, что пора его дочери замуж, и сам выбрал для нее жениха. Тогда Камалалочана передала через свою подругу Кусумаюдхе такие слова: „Дад отец согласие отдать меня, о владыка души моей, другому, но ты, супруг мой нареченный, придумай какой-нибудь способ похитить меня“. Все приготовил он, чтобы ночью ее увести, и в условленном месте поставил слугу с мулом. Опустилась ночь, и она вышла из дому, села на мула и поехала со слугой, да только тот повез ее не к Кусумаюдхе, а в другое место, намереваясь сам на ней же-

ниться. Далеко уехал той ночью слуга с Камалалочаной, и, когда на заре подъехали они к какому-то городу, спросила добродетельная Камалалочана: „Где же твой господин и мой муж? Почему не привез ты меня к нему?“ И тогда негодник сказал ей, оказавшейся одной-одинешенькой на чужбине: „Сам я возьму тебя в жены. Что тебе в нем да и где он теперь?“ А та, умная, отвечала ему на это: „Воистину ты мне милее всех. Что же прямо свадьбу-то здесь не устроишь? Увы мне!“

Оставил он, глупец, ее в городском саду, а сам заспешил на рынок, чтобы купить все нужное для свадьбы, а Камалалочана тем временем уехала верхом на муле, да и вошла в дом одного старика, промышлявшего изготовлением цветочных гирлянд, а он принял ее как добрую гостью, и поведала она ему о том, что с ней случилось, и осталась у него. Когда же слуга-обманщик вернулся в сад и там ее не нашел, то отправился он к своему хозяину Кусумаюдхе и на его расспросы дал такой лживый ответ: „Сам ты честен и прям, а не знаешь, сколь хитроумны и изворотливы женщины. Не успел я увидеть, когда она вышла, как был схвачен неизвестными людьми и связан, и увели они и ее и мула, а мне по воле судьбы как-то удалось спастись, и вот добрался я сюда“. Выслушал эту ложь Кусумаюдха и промолчал.

Прошло время, и уговорил его отец жениться, и поехал он на свадьбу, и попал в город, где жила Камалалочана. Оставил он друзей, его сопровождавших, в городском саду, а сам пошел прогуляться, и тут-то увидала его Камалалочана и сказала о нем приютившему ее в своем доме венкоделу, а тот отправился к Кусумаюдхе и рассказал обо всем, что с его возлюбленной случилось, и привел к ней, а потом собрал то, что для свадьбы нужно, и тут же был совершен обряд, о котором так давно они мечтали. Наказал по заслугам Кусумаюдха негодного слугу, и, хотя уже женился на Камалалочане, сыграл свадьбу и с той девушкой, которая оказалась причиной его встречи с первой возлюбленной, и, радостный, вернулся с обеими женами в родной город.

Так-то вот удачливые люди встречаются неожиданно-негаданно. Посему и ты, Кесата, вскорости встретишь свою любезную“.

После того как рассказал им это Яджнясвамин, пробыви Кандарпа, Суманас и Кесата у него еще несколько дней, а потом отправились на родину. По дороге встретился им обширный лес, и там случилось так, что, испугавшись нападения диких слонов, разбежались они в разные стороны. Оказался Кесата один и, горемычный, через некоторое время добрался до славного города Капи, где повстречал друга своего Кандарпу, и пошли они вместе в родную Паталипутру, где радостно принял их отец Кесаты. И прожил Кесата некоторое время у своего родителя, рассказывая про все, что с ним произошло, начиная со свадьбы с Рупавати и кончая историей Кандарпы.

А между тем Суманас, спасавшаяся бегством от слона, углубилась в лес и брела, выбиваясь из сил, пока не зашло лучерукое

Сияние и не наступила ночь, и тогда она, зарыдав: „О супруг мой благородный! О батюшка! О матушка!“, возжелала сжечь себя в пламени лесного пожара. А пока она так терзалась, те самые ведьмы, которые прежде сжалились над Кандарпой, возвратились, одолев соперниц, в храм Матерей, и, вспоминая брахманского сына, узнали силой своего волшебства, что его жена заблудилась в лесу, и порешили: „Кандарпа — муж стойкий и решительный и непременно сам достигнет желаемого, но вот Суманас, плутавшая в лесных дебрях, может, юная, погибнуть. Следует нам отнести ее в Ратнапуру и устроить в дом отца Кандарпы — пусть живет она там с другой женой своего супруга“. Так они и сделали — полетели в тот лес, утешили Суманас, отнесли ее в город Ратнапуру и там оставили.

Прошла ночь, и Суманас, бродя по городу, вот что услышала от бегавших взад и вперед людей: „Анангавати, супруга брахмана Кандарпы, невеста куда пропавшего, жаждала, добродетельная, воссоединиться с ним, а не дождавшись, пришла в отчаяние и собирается взойти на костер, и сопровождают ее повергнутые в горе свекор и свекровь“. Услыхав такое, Суманас поспешила туда, где уже пылал костер, и, подбежав к Анангавати, остановила ее: „Не поступай опрометчиво, благородная! Ведь жив твой муж!“ И после этих слов поведала она всю историю о его злоключениях с самого начала и показала подаренный ей жемчужный перстень Кандарпы, и все возрадовались, уверившись, что правдив ее рассказ, а потом счастливый отец Кандарпы увел домой и первую жену сына, Анангавати, и свою новообетенную невестку Суманас.

Кандарпа же ушел из Паталипутры и отправился искать Суманас, а Кесате он ничего не сказал, потому как знал, что друг не захочет с ним расставаться. Но и Кесата, тосковавший по Рупавати, тоже ушел, ни слова не сказав родителям, странствовать. Добрався Кандарпа в своих скитаниях до города, где стал Кесата мужем Рупавати, и, услышав там большой шум и заметив небывалое возбуждение в народе, спросил кого-то, что, мол, случилось, и тот ответил: „Это Рупавати, истосковавшая по своему мужу Кесате, собралась умереть. Если хочешь, я расскажу тебе ее историю“.

И он поведал Кандарпе и о свадьбе Кесаты и Рупавати, и о ракшасе, замыслившем сожрать Кесату, и о том, как Рупавати его одолела. И потом еще этот человек рассказал, как старик-брахман обманул Кесату и, забрав Рупавати, увез ее к своему сыну. Никто не знал, куда исчез Кесата после свадьбы, и Рупавати, не видя его, спросила у старика: „Не вижу я супруга моего, хотя все прочие с нами“. И тогда он, показав ей на своего ублюдка, молвил: «Да вот мой сын и твой муж, посмотри!» Взглянула она, рассердилась и воскликнула: „Что? Этот урод — мой муж?! Да я лучше умру, если не получу того, с кем вчера обошла вокруг алтаря, и никто иной мне мужем не будет!“ Так объявила она, перестала есть и пить, и тогда старик-брахман, опасаясь прогневать раджу,

отвел ее обратно в дом к отцу. Рассказала она коротко, какой обман учинили с нею, а тот, погоревав, спросил: „Кто же твой муж и как его узнать, дочка?“ И сообщила ему Рупавати: „Зовут его Кесата, он — сын брахмана Десаты из Паталипутры, а слышала я об этом из уст ракшаса“. И тут же поведала она о том, что произошло между ее мужем и ракшасом. Пошел тогда ее отец туда, где все это было, увидел мертвого ракшаса с разорванной головой и восхитился взаимной преданностью и добродетелями своей дочери и ее мужа. А затем, утешив Рупавати, жаждущую вновь обрести любимого, послал людей в Паталипутру к отцу Кесаты разузнать о нем.

Отправились посланные и, вскоре вернувшись, так сказали: „Видели мы почтенного Десату, живущего в Паталипутре, и спросили его: „Где твой сын Кесата?“, а он со слезами на глазах ответил: „Откуда здесь быть сыну моему Кесате? Хоть и вернулся он домой с другом своим Кандарпой, а потом в тоске по Рупавати взял и ушел куда-то, не сказавшись мне“. Вот что мы от него узнали и тотчас же отправились сюда“.

Все выслушала Рупавати, что передали посланные, и сказала отцу: „Если не обрету я супруга, то непременно взойду на костер. Что мне делать без мужа? И как долго буду я оставаться немужней женой?“ Так она на этом настаивала, что не мог отец ее переубедить, и вот сегодня ушла из дому Рупавати, чтобы предать себя огню, а с ней еще две ее подруги, одну зовут Шрингаравати, а другую — Анурагавати, обе они видели на свадьбе Кесату, и он похитил их сердца, и обе они возмечтали быть ему женами. Вот почему нынче в городе такой шум“.

Узнав это от встретившегося ему человека, поспешил Кандарпа к костру, и еще издали помахал, чтобы прекратился шум, и, подбегав, заговорил с Рупавати, совершавшей поклонение Агни: „Остановись, благородная, не спеши! Жив Кесата, мой друг, а твой супруг, а меня зовут Кандарпа“. Вымолвив это, поспешил он рассказать обо всем, начиная с обмана старого брахмана, посадившего Кесату в другую лодку, и кончая тем, что приключилось с ним после этого, и тогда, убедившись в правдивости его слов, вернулась домой радостная Рупавати с обеими своими подружками, а ее отец попросил Кандарпу погостить у него и был с ним ласков и обходителен.

А тем временем добрался Кесата в своих странствиях до города Ратнапуры, где в доме отца Кандарпы дожидались его обе жены, и, еще с крыши заметив его, бредущего по дороге, радостно крикнула Суманас свекру и всем другим: „Вот идет Кесата, друг моего супруга. От него, наверное, узнаем мы вести о благородном Кандарпе“. Выбежали ее домочадцы навстречу Кесате, и объяснили, в чем дело, и привели в дом, и увидел он Суманас, идущую к нему, и обрадовался. Когда же отдохнул немного Кесата, стала она его расспрашивать, поведал он ей обо всем, что случилось с ним самим, начиная с того момента, как разбежались

они, перепуганные дикими слонами, и кончая тем, что с ним потом произошло. Погостил он там уже несколько дней, а тут некий человек принес от Кандарпы собственноручное письмо и сообщил: „В том самом городе, где Кесата взял в жены Рупавати, находятся сейчас она и Кандарпа“, и все, что сказал вестник, было подтверждено в письме, и Кесата со слезами на глазах поведал отцу Кандарпы историю своей женитьбы.

Возликовали все, и на следующий день отец Кандарпы послал гонца за своим сыном, а Кесату отпустил, чтобы тот смог наконец воссоединиться с возлюбленной. Кесата же отправился вместе с этим гонцом и вместе с ним пришел в дом Рупавати. Там он обрадовал возлюбленную свою избавлением от палящей разлуки, как несущая воду туча радуется чатаку, изнемогающую от жажды. Снова он встретился с Кандарпой, а потом по настоянию Рупавати взял в жены и двух ее подруг, о которых уже было сказано. Затем же, попрощавшись с Кандарпой, отправился Кесата к себе на родину, сопровождаемый Рупавати, а также Анурагавати и Шрингаравати. А Кандарпа вместе с вестником прибыл в город Ратнапуру и соединился вновь с Суманас и Анангавати и обнял родственников. И разошлись по своим родным местам Кандарпа с Суманас и Кесата с Рупавати, и жили они, вкушая наслаждения.

Вот таким-то образом разлученные враждебной судьбой влюбленные снова встречаются, если они тверды духом и преодолевают тягчайшие страдания, которые, кажется, не имеют ни времени, ни срока. Посему подымайся, друг, и в путь — непременно найдешь ты свою жену. Кому ведомы пути судьбы? Вот мою жену хоть и унесла смерть, а я вновь ее обрел“. Поведав мне эту историю, подбодрил меня мой друг и отправился вместе со мною, и, скитаясь с ним, дошел я до этих мест, встретил здесь вепря и слона и — вот чудо! — увидел, как слон изрыгнул сначала мою жену, а затем снова ее проглотил. Погнался я за этим слоном, и он то появлялся, то исчезал, а сегодня наконец благодаря моим добрым делам узрел я божественные стопы верховного повелителя“.

ВОЛНА СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

И тогда Викрамадитья, выслушав историю, которую поведал ему купеческий сын, велел привести и отдал Дханадатте его супругу, возвращенную к жизни, благодаря тому что был сражен слон, и супруги, восхищенные чудесной встречей и поведавшие друг другу о всех своих приключениях, наполнили уста непрерывными восхвалениями славного государя Викрамадитьи.

После этого спросил раджа Викрамадитья у друга купеческого сына: „Расскажи, любезный, поподробнее, как понимать сказанное тобой: „Вот хоть и унесла мою жену смерть, а я вновь ее обрел“. А тот на вопрос раджи ответил: „Коли интересно тебе это, то сообрази послушать — поведаю обо всем с самого начала.

**О том,
как Чандрасвамин вернул себе жену
после ее смерти**

Я — сын брахмана, и зовут меня Чандрасвамин, а живу я в лучшей из пожалованных брахманам деревне Брахмастхала, и есть у меня дома супруга, очень красивая женщина. Однажды, когда я по поручению отца пошел в другую деревню, заявился к нам в дом за подающим некий капалика, и увидел мою жену, и так на нее посмотрел, что заболела она лихорадкой и уже к вечеру померла. Тогда мои родичи поспешили ночью соорудить костер, и когда я возвратился, то огонь уже пылал и услышал я обо всем, что случилось, от рыдающих домочадцев. Приблизился я к костру, и тут подошел к нему этот капалика, одной рукой держа на плече подрагивающий на ходу посох, увенчанный изображением черепа, а другой — дамару, маленький барабанчик, непрерывно трещающий. И, государь, бросил он в огонь пригоршню пепла, и костер утих, и поднялась из него целой и невредимой моя жена. Повел он ее тогда, подчинившуюся его волшебной силе, за собой, а я, взяв лук и стрелы, поспешил за ними. Пришел он к пещере на берегу Ганги, положил на землю посох и радостно обратился к двум находившимся там девушкам; „Ну вот, добыл я теперь молодницу, без которой не мог сочетаться с вами, и таким образом достигну я успеха в том, в чем поклялся“. А пока он говорил все это, показывая им мою жену, я взял да и кинул его посох в реку. „А, подлый капалика! — вскричал я. — Ты хочешь похитить мою жену, так не жить тебе больше!“, а он, лишившись посоха, утратил свою волшебную силу и, не найдя его, кинулся бежать, да я, натянув лук, пустил ему вслед напоенную ядом стрелу и уложил на мете. Так-то вот неизбежно гибнут все нечестивцы, нарушающие заповеди Шивы ради удовлетворения своих греховных замыслов!

Забрал я свою жену да и тех двух девушек, и когда возвратился с ними домой, то все родные удивились. Стал я расспрашивать девушек, и вот что они мне поведали: „Мы обе из Варанаси, и одна из нас — дочь тамошнего царя, а другая — дочь богатого купца, посылающего караваны в дальние страны. Силой волшебства похитил нас капалика, а нынче благодаря твоей милости избавились мы от этого злодея и не потерпели никакой обиды“. На другой день отвел я их обеих в Варанаси и отдал родным, сообщив обо всем, что случилось, а на обратной дороге увидел этого купеческого сына, разлученного с женой, и вот вместе мы пришли сюда. В пещере капалики нашел я умащение и натерся им, и вот до сих пор кажется, хоть я и отмывался, что тело мое пахнет, будто у капалики. Вот так обрел я вновь свою жену после ее смерти“. Когда же брахман рассказал это, отпустил государь его вместе с другом, купческим сыном, а сам, взяв Гунавати, Чандравати и Маданасундари, отправился в дорогу, и, соединив-

пись со своим войском, вернулся в Удджайини, и там женился на Гунавати и Чандравати.

Но не забыл он красавицу, которая была высечена из камня на колонне в храме самим Вишвакарманом, и повелел пратихаре: „Чтобы добыть у царя Калинги его дочь, облик которой воплощен в той красавице, что высечена на колонне в храме, надлежит тебе отправить к этому царю посла“.

Следуя такому повелению, привел пратихара к государю посла, которого звали Виграха, вручил ему послание и отправил. Добрался тот до царства Калинги, явился к нему и, как было сказано, передал волю своего господина: „Божественный и великодостойный государь Викрамадитья посылает тебе, царь, такое повеление. Знай, что всякая жемчужина стремится к нам, а у тебя есть дочь, истинная жемчужина среди девушек, и ты отдай ее нам в жены, и благодаря благоволению нашему будешь наслаждаться царством, не знаящим врагов“.

Выслушав послание раджи, Калинга пришел в ярость: „Что это за Викрамадитья и почему он нам повелевает?! Да еще и дочь мою требует в качестве дани?! Вознесенный гордыней да падет в бездну!“

На такие слова правителя Калинги возразил посол: „Как смеешь ты, слуга, оскорблять государя? Неужели ты, глупец, хочешь, подобно мотыльку, сгореть в пламени его доблести?“ И с этими словами он покинул того наглеца, вернулся к верховному повелителю и доложил обо всем. И тогда воспылал Вишамашила гневом и со всей силой своей и в сопровождении ветапы Бхутакегу пошел воевать Калингу, и казалось, что шум и грохот войска, переполнившие все страны света, отзывались в ушах раджи Калинги советом: „Немедля отдай дочь!“ и наконец достиг государь пределов этого царства. Когда же увидел Викрамадитья, что царь Калинги изготавился к битве, окружил он противника со всех сторон, но подумал при этом: „Не будет мне счастья без дочери, так как же могу я убить тестя? Надобно найти какой-нибудь выход“. Подумав это, государь ночью в сопровождении ветапы Бхутакегу незаметно проник в опочивальню спавшего Калинги, и ветапа разбудил того словами: „Как же ты, воюя с Вишамашилой, спать осмеливаешься?“ — и захохотал. Вскочил перепуганный Калинга, и узнал он Викрамадитью, являвшего, стоя рядом со страховидным ветапой, пример мужества и решительности, и еле сказать смог: „Теперь я в твоей власти, государь. Вели, божественный, что я должен сделать?“ — и пал тому в ноги. Викрамадитья же ответил: „Если признаешь ты меня своим государем, то отдай мне в жены свою дочь!“ И тотчас же властитель калингов согласился, и тогда Викрамадитья вместе с ветапой поспешил вернуться в свой лагерь.

На следующий же день, божественная, твой отец с большим торжеством и по закону отдал тебя в жены великому государю Вишамашиле. Так что, царица, повелитель взял тебя в жены

из-за сильной страсти к тебе и ценой самой жизни, а не из жажды победы над врагом“.

Вот что услышала я, подруги, из уст карпатики Девасены и забыла про гнев, порожденный подозрением, что мною пренебрегли. Женился на мне государь потому, что увидел мой облик воплощенным в фигуре на колонне, а Малайвати взял он в жены потому, что лицезрел ее на картине“. Так Калингасена, любимая Викрамадитья, рассказала о могуществе супруга и тем самым доставила наслаждение своим подругам, и Викрамадитья вкушал радость хорошо устроенной державы вместе со всеми ими и с Малайвати.

В какой-то день пришел в Удджайини из южных краев царский сын Кришнашакти, претерпевший унижения от родни, и, расположившись со свитой из пятисот раджутов перед воротами дворца, принял на себя обет карпатики, возгласив: „Двенадцать лет буду я великому государю Викрамадитье верную службу служить!“, хотя и пытался сам повелитель его отговорить. Но он, решительный, настоял на своем, и вот уже миновало одиннадцать годов, и пошел двенадцатый, и послала тогда жена Кришнашакти, измученная долгой разлукой, ему письмо. Когда кончилось время его стражи и опустилась ночь, довелось государю услышать, как Кришнашакти в сиянии светильника продекламировал начертанную в этом письме строфу:

Горячие, страстные, долгие
Стоны терзают грудь
Жены, разлукой измученной,
Но жизнь, о защитник мой верный,
Меня не покинет. Всем сердцем
Тебе, о любимый, я предана.

И когда дослушал великий государь эту строфу, то вернулся к себе во дворец и подумал: „Ведь не покинет Кришнашакти, чья жена так измучилась в разлуке, службу, пока не исполнится ровно двенадцать лет его обету. Так не следует мне затягивать эту службу“ — и, поразмыслив, послал служанку за карпатикой, а сам велел приготовить шасану, жалованную грамоту, и сам ему прочел: „Ступай, любезный, на север, по дороге к Омкарапитхе, и по этой моей грамоте наслаждайся деревней Кхандаватакой, а как туда добраться, сам расспроси да разузнай“. И вручил ему государь грамоту, и тогда, ничего не сказав своим слугам, отправился карпатика ночью в путь, а пока шел, размышлял, недовольный пожалованием: „Кого одолею я с одной-то деревней?! Видно, хотел государь таким повелением унижить меня“. Миновал он Омкарапитху, и увидел вдали лес, в котором резвилось много девушек, и спросил у них: „Может, знаете вы, где стоит деревня Кхандаватака?“, а они ему на это ответили: „Не знаем мы. Ступай дальше, пройдешь десять йоджан и увидишь нашего отца. Спроси его — может, он знает, где стоит та деревня“.

После того как они ему так сказали, пошел он дальше и уви-

дал их отца, а им был ракшас ужасного облика. „Скажи мне, любезный,— обратился к нему Кришнашакти,— где такая деревня Кхандаватака?“, а ракшас, удивленный его мужеством, отвечал: „Да что тебе там нужно? Давно опустел тот город. Но уж если ты идешь туда, то слушай. Следуй этой дорогой, и как дойдешь до места, где она разделяется, то ступай налево, пока не достигнешь главных ворот, с обеих сторон которых высятся боевые башни“.

Выслушал он ракшаса, и отправился к главным воротам, и вступил в покинутый и прекрасный, восхитительный и устрашающий город, и пришел во дворец, окруженный семью высокими стенами, и поднялся на верхнюю террасу, отделанную золотом и драгоценными камнями, и увидел богато украшенный трон, и сел на него. Тотчас же предстал перед ним ракшас с жезлом в руке и проревел: „О смертный, как дерзнул ты сесть на царский трон?“, а мужественный Кришнашакти возразил: „Я здесь государь, а вы — платящие мне подати главы семей, и все это сказано в жалованной грамоте великого государя Викрамадитьи“. Выслушав такие слова, прочел ракшас грамоту и, поклонившись ему, почтительно отвечал: „Ты — раджа, а я — твой пратихара! Никто и нигде не посмеет нарушить повеление божественного Викрамадитьи!“, а затем явились по его зову министры и царская свита, и городу стало тесно от переполнившего его войска, состоявшего из пеших воинов и всадников, колесниц и слонов, и все склонились перед Кришнашакти, и обрадовался тогда он и совершил, как полагалось царю, омовение и прочие обряды. И, став царем, подумал Кришнашакти: „Каково, однако, могущество великого государя Викрамадитьи и сколь беспредельна его власть, что, даруя такое царство, он пазывает его деревней!“ Не переставая дивиться этому, начал Кришнашакти жить там и править царством, а Викрамадитья содержал его свиту в Удджайини.

Прошло сколько-то дней, и карпатика, ставший раджей, возжелал выразить свою покорность Викрамадитье и направился в Удджайини, и земля задрожала под поступью его войска. Когда же предстал он перед Викрамадитьей и склонился к его стопам, великий государь сказал: „Теперь иди и останови вздохи супруги, приславшей тебе письмо“. Удивился Кришнашакти этим словам и по воле государя вместе со всеми друзьями и слугами отправился на родину, смирил родичей, обрадовал истосковавшуюся по нему жену и, достигнув таким образом всего, чего желал, вкусил высочайшие радости власти. Вот сколь дивны деяния великого государя Викрамадитьи!

Однажды довелось ему увидеть брахмана, у которого все волосы стояли дыбом, и спросил он: „О брахман, что это с тобой?“ И вот что рассказал ему дваждырожденный.

**О Девасваминс,
у которого от страха перед женой-колдуньей
волосы стояли дыбом**

„Жил, божественный, в Паталипутраке брахман Агнисвамин, великий знаток жертвоприношений богу огня, а я его сын — Девасвамин. Женился я на девушке из дальней деревни, дочери брахмана, но оставил ее по малолетству в доме тестя. Когда же достигла моя жена нужного возраста, то сел я на коня и в сопровождении слуги поехал за ней, чтобы перевезти в дом свекра. Угостил меня тесть, и пустился я обратно вместе с женой, тоже ехавшей верхом и взявшей с собой одну служанку. На полдороге слезает моя жена с коня и под предлогом, что хочет она воды напиться, спускается к реке. Вот не возвращается она долго, и посылаю я, чтобы ее отыскать, своего слугу. Но и он долго не идет, и тогда отправляюсь я сам, оставив служанку стеречь моего скакуна. Выхожу я к реке и вижу, что моя жена с измазанным в крови лицом этого слугу уже почти до костей сожрала. В страхе кидаюсь я обратно и вижу, служанка жены дожирает несчастного конягу. Бросился я тогда бежать, и вот от того страха у меня не только волосы дыбом встали, но и внутри все перевернулось. Теперь только у тебя, государь, мое спасение“.

Успокоил Викрамадитья рассказавшего все это брахмана и извавил его от страха своим царским словом: „Тьфу! Мерзость какая! Нет веры женщинам, родительницам интриг и преступлений!“ А когда он это сказал, спросил один из царских министров: „Воистину, божественный, немало среди женщин таких злодеек. Не приходилось ли тебе слышать, что случилось с брахманом Агнишарманом?“

Злые приметы — не хорошие

Живет здесь брахман Агнишарман, сын брахмана Сомашармана, и был он для родителей дорожкой жизни, хотя по глупости ни в каких науках не преуспел. Выдали за него брахманскую дочку из Вардхаманapura, но, пока была она еще ребенком, богатый отец не отпускал ее из своего дома. А когда достигла она должного возраста, спросили Агнишармана родители: „Что же ты, сынок, не берешь теперь жену домой?“ И тогда он, это вместилище глупости, не спросив у отца и матери, отправился один-одинешенек за женой, и когда только вышел из дома, как с правой стороны прокричала капинджала, а с левой провыла шакалиха, и глупец обрадовался этому, хотя то были дурные приметы, и вскричал: „Дивно! Дивно!“, так что даже рассмеялась незримая ему богиня, посылающая приметы. Добрался он наконец до дома тестя, и в тот миг, когда хотел войти, прокричала с левой стороны капинджала и с правой провыла шакалиха, а этот болван завопил восторженно: „Благо! Благо!“, хотя никакого блага не предвещали

ему эти приметы. Подумала тогда богиня, направляющая приметы: „Вот уж истинно глупец — зло принимает за добро, и уж коли так, придется мне что-то сделать, чтобы оберечь его от дурного“. А пока она так рассуждала, вошел Агнишарман в дом тестя, и все были рады его видеть. „Что же ты один пришел?“ — спросил тесть, а он ответил: „А я никому не сказавшись ушел“.

Затем совершил он и омовение и трапезу, и как настала ночь, то вошла его жена, одетая в приличествующие наряды, к нему в покой, а он, уставший после дороги, заснул, и тогда она покинула дом и поспешила к вору, своему любовнику, которого посадили на кол, и обняла его, а вселившийся в него бхут взял да и откусил ей нос. В страхе прибежала она оттуда к все еще спавшему мужу и положила около него вытащенный из ножен кинжал, а сама заорала благим матом, разбудив родителей и прочих: „Ах! Ах! Убита я! Погублена я беспричинно! За что отрезал он мне нос?“

Заслышав такие стоны, сбежались домочадцы, увидели, что у нее отрезан нос, и стали колотить Агнишармана дубинами, палками и всем, что только под руку попадет. Утром же поведали они о случившемся государю, и тот повелел казнить его и отдал палачам со словами: „Вот мучитель невинной жены!“ Ведут палачи Агнишармана, а та богиня, покровительница примет, видевшая все, что ночью учинила злодейка жена, подумала: „Вот и получил плод, которого не ждал, ты, назвавший добром злые приметы! Должна защитить я его и спасти от смерти“. Порешив так, богиня, незримая на небесах, возгласила: „Да не казнит палач брахманского сына, за которым нет вины! Ступайте и посмотрите в зубах у посаженного на кол — там откушенный нос!“ И, сказав так, поведала она потом обо всем, что случилось ночью. А сообщили через пратихару палачи царю, что, мол, ходили они на место казни и истинно видели у вора, посаженного на кол, в зубах нос, и сам царь, в этом убедившись, избавил Агнишармана от смерти и отправил домой, а ту злодейку и ее родичей велел схватить и наказать. Уж таковы, государь, женщины!“ — закончил свое повествование министр, а царь Викрамадитья молвил: „Воистину так!“, изъявив тем самым согласие с ним.

Тогда обратился к верховному повелителю присутствовавший тут же плут Муладева: „Да неужели нет, божественный, среди женщин тех, кто добродетелен, хотя многие из них дурны! Разве нет хороших лиан среди вредоносных? Да вот соблаговоли послушать, что со мной самим приключилось.

Рассказ о том, как дочь Муладевы перехитрила своего отца

Некогда отправился я вместе с моим другом Шапином в Паталипутру, зная, что в ней немало искусных мошенников, и жаждая посмотреть на их умение. Недалеко от города увидал я озер-

цо, а около него — женщину, стирающую одежду, и спросил у нее: „Где здесь приезжие останавливаются?“ И дала она мне ответ уклончивый, полный иносказаний: „Утки гнездятся по берегам, рыбы устраиваются под водой, пчелы прячутся в лотосах, а вот где путники останавливаются, про то я не знаю“. И хотя был я удивлен таким ответом, вошел вместе с Шапином в город.

Перво-наперво увидели мы мальчишку, стоявшего в дверях перед большим пальмовым листом, на котором дымился отменный рис, и заливавшегося слезами, и проговорил тут Шапин: „Что за дуралей этот мальчишка! Столько перед ним хорошего риса — и чего он ревет понапрасну?“ А мальчишка утирает себе слезы и со смехом говорит: „Вы, дураки, ничего не понимаете — рис-то, пока я реву, стынет и вкуснее становится, а вместе с потом из меня мокрота да хвори выходят. Вот из-за чего я плачу, а вовсе не по дурусти. Сами вы, видно, деревенщины тупоумные, раз этого понять не смогли“.

Так вот обыкновенным мальчиком за недомыслие пристыженные, пошли мы, дивясь, дальше и увидели, как хорошенькая девушка, забравшись на сук дерева манго, сбивает его плоды и бросает их тем, кто внизу собрался. „Подбрось-ка нам несколько плодов!“ — попросили мы ее, а она нас спрашивает: „А вам каких — теплых или холодных?“ Удивился я, услышав такой вопрос, и, желая узнать, что за этим скрыто, ответил: „Сначала, красавица, дай нам тепленьких, а потом мы и холодненьких попробуем“, и тут кинула она прямо в пыль несколько плодов. Сдули мы с них пыль и съели, а девушка и все, кто был с нею, засмеялись, и сквозь смех проговорила она: „Кинула-то я вам, почтенные, плоды тепленькими, а вы как на них подули, так и сделали холодненькими. Теперь держите холодненькие — на них дуть не надо“. И с такими словами кинула она в подолы наших рубах еще несколько манго. Взяли мы их и пошли оттуда, еще больше раздосадованные. Сказал я тогда Шапину и другим, кто к нам пристал: „Должен я взять в жены эту плутовку и тем отплатить ей за насмешку, какой же я иначе сам мошенник?!“

И вот разыскали мои приятели дом ее отца, и на следующий день все мы, переодетые, пошли туда. Пришли, сели и стали читать веды. Подходит тут к нам Яджиясвамин, родитель той красотки, и спрашивает нас, откуда, мол, мы и что здесь делаем, а мы ему ответили, что родом мы из Маяпури, а сюда пришли, чтобы утолить жажду знания. А этот мудрейший из брахманов пригласил нас: „Так оставайтесь на четыре месяца у меня в доме — окажите мне такую милость, о пришедшие из дальних стран!“ Мы же ответили: „Уважим мы твою просьбу, почтенный, коли по истечении четырех месяцев дашь ты нам то, что мы попросим“. А он сказал: „Если будет в моих силах дать вам то, что попросите, отдам непременно“.

Так согласился он, и осталась наша компания в доме, а когда условленные четыре месяца закончились, пошли мы к нему и по-

требовали: «Давай нам теперь то, о чем прежде условились!» — «Что же это?» — спрашивает он, и тогда Шашин, указывая на меня, и говорит: «Да вот, почтенный, должен ты выдать свою дочь за нашего старшего». Призадумался брахман, связанный обещанием: «Вот как надули они меня! Но что за беда? Он — человек добродетельный». И, рассудив так, отдал брахман за меня эту прелестницу, как полагалось по закону и обычаю.

Наступила ночь, и сказал я своей жене, рассмеявшись: «Не помнишь ли ты про тепленькие и холодненькие манго?». Тотчас же она припомнила и, улыбнувшись, проговорила: «Так-то городские смеются над деревенщиной!» Рассердился я: «Что ж, порадуйся, горожаночка! Я, деревенщина, клянусь, что брошу тебя и уйду в дальние края». А она на это: «А я клянусь, что непременно сын, рожденный от тебя, тебя же ко мне и вернет». Объявили мы друг другу свои клятвы, и она, отвернувшись от меня, уснула, а я надел во время сна ей на палец свой перстень, вышел из дому и вместе с Шашином и другими приятелями, желая испытать ее хитрость, отправился в родной Удджайини.

А дочь брахмана, проснувшись утром, хоть и не нашла меня, но обнаружила у себя на пальце перстень с моим именем. «Что ж, — сказала она, — покинул он меня и выполнил свою клятву. Вот и мне пора, отбросив какие бы то ни было сетования, выполнить клятву, данную мной. На перстне вырезано имя Муладевы — значит, мой муженек и есть тот самый знаменитый мошенник. Живет он в Удджайини — так говорят добрые люди. Нужно мне попасть туда, а уж там каким-нибудь способом совершить задуманное». После таких раздумий пошла она к отцу и, притворно сокрушаясь, сказала ему: «Покинул, батюшка, меня неожиданно мой супруг. Как жить мне в разлуке с ним? Разве могу я оставаться здесь счастливой? Пойду я лучше по святым местам, умучу подвижничеством это ненавистное тело». Хотя и отговаривал он ее, но против его желания покинула она дом, забрав свои деньги и своих служанок, и, добравшись со временем до Удджайини и раздобыв одежды, подобающие богатой гетере, вступила в город красавицей, равной которой никто в мире не видывал, и, с помощью своей челяди рассудив, что и как делать, приняла на себя имя Сумангалы.

Раструбили повсюду ее слуги, что, мол, пожаловала в Удджайини знаменитая гетера Сумангала из Камарупы и ее благоволения добьется лишь тот, кто ради нее готов лишиться всего богатства. Девадатта, самая главная из городских гетер, навестила ее и предоставила ей для житья один из своих дворцов, достойный царя, а когда устроилась в нем Сумангала, то пришел туда приятель мой Шашин и через слугу передал: «Прими от меня мзду, достойную твоей великой славы!», но через того же слугу ответила она: «Лишь тот, жаждущий любви, войдет сюда, кто беспрекословно исполнит мои веления — не нужны мне ни мзда, ни скотоподобные мужики». — «Ладно!» — сказал Шашин и, только пала ночь, пришел во дворец Сумангалы.

Остановился он у первых дверей и назвал себя, и тогда стоявший в них служитель приказал ему: „Повинуйся велениям нашей госпожи! Даже если и совершил ты уже омовение, то омойся снова, иначе не будет тебе сюда входа“. И Шапин согласился и снова совершил омовение, и, пока служанки массировали его да умащали, обливали да вытирали, прошла первая стража ночи. Наконец закончилось омовение, и оказался он перед вторыми дверьми, а там уже другой служитель сказал ему: „Ты отменно вымылся, а теперь облачись в подобающие случаю наряды“. И Шапин согласился, и, пока служанки наряжали его да обряжали, миновала и вторая стража ночи.

Оказался он тогда перед третьими дверьми, и служители, бывшие при них, велели: „Насыться, прежде чем войдешь ты внутрь!“ И ответил им Шапин: „Отлично!“ И пока долго и заботливо угощали его служанки разными отменными яствами, пролетела и третья стража. Кое-как добрался он до четвертой двери, ведущей в опочивальню самой Сумангалы; служитель, там карауливший, встретил его руганью: „Убирайся вон, деревенский ты грубиян! Не навлеки на себя беду! Что за время ты выбрал для любовной встречи? Кто приходит к гетере в последнюю стражу ночи?“ И с этими словами, словно истинное воплощение Махакалы, Повелителя времени, выпроводил служитель Шапина, и тот ушел, потеряв свою тень. И таким же образом брахманская дочь, принявшая имя гетеры Сумангалы, выпроваживала всех, кто жаждал ее любви.

Прослышав про это и исполнившись любопытства, послал я к ней вестника, дождался его, принесшего ее согласие на встречу, и, принарядившись, отправился с наступлением ночи к ней и, щедро наградив каждого из служителей, стоявших у дверей, беспрепятственно дошел до двери, ведущей в ее покой. И раз я пришел в подходящее время, не задерживая допустили меня служители к госпоже. Не узнал я свою супругу в наряде гетеры, а она, сразу меня признав, поднялась для приветствия с сиденья, и пригласила сесть, и обходилась со мной как искуснейшая из гетер. Провел я с этой небывалой во всей вселенной красавицей ночь, и так привязала меня к ней страсть, что не мог я уйти из ее дома, да и ее так связало со мной чувство, что ни на шаг она от меня не отходила, пока не понесла под сердцем, о чем поведали потемпевшие соски ее груди.

Тогда эта хитрунья подает мне письмо, а оно поддельное, и говорит: „Соблаговоли прочесть, чего желает мой государь“. И, развязав его, вот что я в нем прочел: „Из достойной Камарупы достойный Мансинха, земли властитель, так повелевает Сумангале. Что ты там загостилась? Хватит всякой иноземщиной любоваться, следует тебе поскорее домой ехать“. Когда же закончил я чтение, молвила она, как бы огорченная: „Вот я и уезжаю. Не сердись на меня, ведь не в своей я воле“. И, выдумав такой повод, вернулась она к себе в Паталипутру, а мне, в нее влюбленному,

и в голову не пришло за ней последовать — ведь я считал, что она себе не хозяйка.

Спустя положенное время родила моя подруга в Паталипутре сына, и он благополучно рос и еще ребенком одолел все науки. И вот, когда ему уже было двенадцать лет, он, играя со сверстниками, стегнул как-то раз из озорства сына служанки лианой, а побитый расплакался и в сердцах крикнул: „Меня колотишь, а у самого-то отец неведомо кто. Родила тебя мать, с чужбины вернувшись“. Побежал устыженный мальчик к матери и спросил у нее: „Скажи мне, матушка, кто мой отец и где он нынче?“ Задумавшись ненадолго, ответила она: „Отца твоего зовут Муладевой, он меня оставил и ушел в Удджайини“ — и рассказала ему про все, что случилось, с самого начала. И тогда сын решил: „Приведу я его к тебе, матушка, связанным, выполню твою клятву“. И отправился он в путь, а придя в Удджайини, быстро разыскал меня, помня, как обо мне мать рассказывала. А застал он меня в игорном доме играющим в кости, и пришел туда в конце дня, и обыграл всех, кто там находился, и они на него надивиться не могли: „Такой маленький, а как здорово плутует!“, а он все, что выиграл, раздал тем, кто был в нужде.

Когда же наступила ночь, он каким-то способом вытянул изпод меня, спящего, чарпай, а самого осторожно перетащил на кучу хлопка. Утром просыпаюсь я — гляжу, а подо мной куча хлопка, чарпая и в помине нет, и понял я, что произошло, и одолели меня и стыд, и смех, и удивление. Поспешил я тогда, боже-ственный, на рынок и, толкаясь там, увидел мальчишку, продававшего мой чарпай, подошел к нему и спросил: „Почем отдаешь?“, а он мне в ответ: „Этот чарпай за деньги не продается, а получить его можешь, о алмаз среди плутов, если расскажешь что-нибудь чудесное и небывалое“.

Сказал я тогда: „Ладно, расскажу я тебе чудесное. Если признаешь ты, что история моя истинна, — дело твое, а если скажешь, что ложна, то чарпай мой. Вот таково мое условие. Слушай же! Давным-давно в государстве какого-то царя случился голод. И тогда сам царь стал вспахивать спину возлюбленной борова, оросив ее колесницами, полными шипящих змей. Вырос оттого богатый урожай, и тот государь уничтожил голод и заслужил уважение народа“. Кончил я свой рассказ, а мальчишка смеется и говорит: „Колесницы, полные змей, — тучи дождевые, возлюбленная борова — земля, а боров — сам Вишну. Ясно, что после дождей там урожай вырос — разве это удивительно?“

А потом уже маленький плут мне говорит: „Теперь я сам тебе про чудесное расскажу. Если признаешь, что все сказанное — правда, то чарпай твой, а если нет — так ты мой раб!“ И когда я сказал „Идет!“, вот что он поведал: „Да будет тебе ведомо, о повелитель плутов, что некогда здесь родился мальчик, под тяжестью шага которого задрожала земля, а когда вырос он, то шагнул в другой мир“. Ничего не поняв, возразил я ему: „Чепуха это! Та-

кого не бывает. В чем здесь правда?" И тогда он мне объяснил: „Разве Хари, родившись в образе карлика, не заставил задрожать под своими шагами землю? И разве не поставил он, выросши, стопу свою в мир небесный? Так-то вот, одолел я тебя, и ты теперь мой раб, а все, кто на рынке находятся — тому свидетели. И куда я сейчас пойду, туда и ты идти должен“. Сказав так, схватил меня мальчик за руку, и все, кто был на рынке, подтвердили его правоту, и он, сделав меня выигранным рабом *, увел к своей матери в Паталипутру.

Увидела нас его мать и произнесла такие слова: „Исполнила я, благородный, свою клятву — привел тебя ко мне рожденный от тебя сын“ — и поведала всем, что она с самого начала для этого сделала, и все родичи поздравили ее, благодаря своему разуму достигшую желаемого, и восхвалили ее сына, избавившего мать от дурной славы, и устроили большой праздник, и я, обретя счастье, поселился в Удджайини и стал жить здесь с женой и сыном.

Так что, видишь, божественный, есть среди женщин благородные и преданные мужьям, и не всюду и не везде они злокозненны“.

Выслушал из уст Муладевы эту историю верховный повелитель Викрамадитья, а вместе с ним и его министры, и был ею очень обрадован.

Вот таким образом, слушая, наблюдая и совершая чудеса, правил землей, покорив все ее материки, великий государь Викрамадитья“.

И, завершив сказание о Вишамашиле, полное встреч и разлук, обратился богомудрый Канва ко мне, разлученному с Маданаманчукой: „Вот так происходят нежданные встречи и негаданные разлуки у живых существ, и потому, государь, и ты встретишься со своей милой. Исполнишь твердости, и будешь целую кальпу вкушать вместе с супругами и министрами сладость власти всеми любимого верховного повелителя видьядхаров“. Так благодаря наставлению богомудрого Канвы обрел я твердость и смог преодолеть время разлуки и обрести жен, знания и власть над обитателями поднебесья. Все, о великие мудрецы, досталось мне милостью Шамбху, исполнителя желаний, и поведал я вам об этом с самого начала и ничего не утаивая».

Вот так говорил Нараваханадатта в обители Кашьяпы Гопалаке, брату его матери, и всем великим мудрецам. Когда же закончились тягостные дни дождей, испросил он позволение у Гопалаки и прочих богомудрых, живших в святой обители, и отбыл оттуда с женами и министрами на летучем корабле, заполнив небесное пространство своим блистательным воинством, и достиг вскоре горы Ришабхи, где было его жилище, и пребывал там среди вождей тех, кто движется в воздушном пространстве, и целую кальпу вкушал радости верховной власти вместе с божественной Маданаманчукой, Ратнапрабхой и другими женами.

Все это и есть «Великий сказ», поведенный давным-давно бо-

гом, чело которого увенчано серпом юного месяца, по просьбе дочери Повелителя ледяных вершин и прославленный по всей земле усилиями Пушпаданты и прочих родившихся из-за проклятия среди смертных под именами Катьяяны и других.

И благословил супруг дочери Хималая этот «Великий сказ» такими словами:

Все, кто читают и слушают,
И хранят сказанье великое,
Из уст моих изшедшее,
От всяких грехов очистятся,
И станут они видьядхарами,
Навечно в мой мир вступаю!

Похвала «Океану сказаний»

Жил некогда повелитель земли Самграмараджа, истинное пожелайдереву, поднявшееся из глубин океана достойного рода Са-таваханов. Он, благостный, с помощью разных мудрых людей сумел обратить Кашмирский край в подобие райского сада Нанданы на земле. У этого государя родился сын Ананта, которому было суждено стать древом исполнения желаний для его рода и верховным повелителем, сумевшим обратить подножие своего трона в пробирный камень для драгоценных камней, украшавших венцы всех земных царей. Однажды к порогу его дворца прикатилась отсеченная голова непокорного князя, словно явился к нему служить сам Раху, пришедший в восторг от того, что мощь чакры Ананты превзошла славу чакры достославного Вишну, разлучившего Раху и Кету.

Ананта, истинный месяц среди царей, взял в жены дочь правителя Тригарты прекрасную Сурьявати, которую все почитали, ибо своим явлением рассеяла она мрак, окутывавший жителей Кашмира, подобно тому как разгоняет тьму бог Сурья. Она украсила страну многочисленными монастырями, где многие сотни брахманов, собравшихся из разных стран, устраивали жертвоприношения, а перепуганные государи в венцах, украшенных драгоценными камнями, искали в этих святых обителях убежища, словно горы в океане, хранители сокровищ, а для тех, кто страдал от нужды, эти монастыри были воистину деревьями, исполняющими желания, каждодневно давая им пищу.

Сверкали белизною, словно выбеленные амритой, построенные ею по берегам Витасты храмы, устремлявшиеся вслед стремительному потоку, и, словно высочайшие пики Хималая, возносили они к небесам свои наверх, омываемые ласками вечных волн божественной Ганги. Благодаря пожертвованиям бесчисленных стад коров, гор золота и самоцветов, звериных шкур и всякой снеди могла бы благословленная царица спасти не только Землю, но и саму Вселенную.

Достойный сын ее Калаша был единственным украшением

Вселенной и не знал препятствий па земле и дурных звезд в небе, и переполняли его душу амрита дружбы к добродетельным и милость к поверженным врагам, хотя и был грозен неодолимый этот повелитель, словно земное воплощение самого Шивы. Прославился как лучший из царей и внук ее могучий Харша, родившийся, подобно великому мудрецу Агастье, в горшке и заставивший склониться перед собой наивысших правителей земли, вынужденных осушить все семь вселенских океанов.

Чтобы хоть немного развлечь царицу, постоянно утруждающую слух громким чтением священных книг и не жалеющую усердия в познании правил дарений и жертв во славу Повелителя горы, славнейший из брахманов, обладающий многими достоинствами сын доблестного Рамы, Сомадева изложил суть «Брихаткатхи», великого сказа, исполненного сладчайшей амриты затейливых повествований, истинного месяца, возбуждающего прилив в океане душ благородных людей.

Пусть же сочиненный чистодушным Сомадевой «Океан сказаний», украшенный высокими волнами, радует всех добродетельных!

ОБ «ОКЕАНЕ СКАЗАНИЙ» И ЕГО АВТОРЕ

Развитие индологических исследований за последние три-четыре десятилетия в значительной мере расширило и обогатило представления о культуре древней и средневековой Индии. Громадной важности археологические находки, весьма значительное расширение фонда памятников, энергичная деятельность индийских ученых по исследованию истории как национальных литератур на языках народов их страны, так и общеиндийских литературных общностей, подобных литературе на санскрите, приносят новые черты в, казалось бы, знакомую и раз навсегда сложившуюся картину древнеиндийской литературы, представляют нам не в пример более богатую и разностороннюю панораму ее истории.

Еще в середине прошлого века человечество почувствовало, насколько серьезен вклад народов Индии в мировую литературу. Особенно ярко вылилось это обстоятельство, когда Т. Бенфей, германский филолог, опубликовал перевод и исследование древнеиндийского сборника сказок «Панчатантра». Он проследил, как «Панчатантра» путешествовала по разным странам Востока и Запада, обретая в каждой национальной литературе все новые и новые формы, соответствовавшие местным традициям. Это было своего рода триумфальным шествием индийской книги. В настоящее время известно около двухсот переложений и переработок «Панчатантры» на восточные и западные языки. Хотя сам Т. Бенфей усматривал родину этих сказок в Греции, а Индии отводил лишь роль обработчика и передатчика, но именно с его труда берет начало так называемая «индийская теория», сторонники которой придерживались весьма односторонней точки зрения, что чуть ли не все сказочные сюжеты зародились в Индии. Долгое время дискутировались различные стороны проблемы «Панчатантры», но самым важным последствием труда Т. Бенфея оказалось вовлечение в круг научных исследований и переводческой деятельности громадной области повествовательной литературы народов Индии.

Среди ее произведений одно из важнейших мест занимает своеобразная энциклопедия сюжетов и жанров древнеиндийской литературы — «Брихаткатха» («Великий сказ») поэта Гунадхьи, жившего предположительно в III—IV вв. н. э. Оно было написано на пайшахи, языке одной из народностей, некогда населявших Кашмир. К несчастью, от оригинального текста «Брихаткатхи» уцелело едва ли несколько строк, но памятники литературы сохранили свидетельства о форме и содержании произведения, о высокой оценке поэтами и теоретиками поэзии творчества Гунадхьи. Восторгается его сочинением романист VII в. Бана, другой прозаик и теоретик литературы, Дандин, квалифицирует «Брихаткатху» как образец для подражания и сообщает, что это было прозаическое произведение. Дхананджая, автор трактата по драматургии, называет творение Гунадхьи в числе источников, из которых следует черпать сюжеты для пьес. Многие другие авторы воздают ему хвалу и сопоставляют его с Вьясой, легендарным создателем «Махабхараты», и Вальмики, творцом другой великой индийской эпопеи — «Рамаяны».

Уддьотанасури (VIII в.) в своем романе «Кувалаямала» упоминает «Брихаткатху» как кладезь всех искусств и наук, истинное зеркало поэтов, а ее автору он воздает наивысшую возможную почесть, наградив его эпи-

тетом «камаласана» («восседающий на лотосе») и уподобив Гунадхью таким образом самому Брахме. Дхапапала (X в.) осуждает за бесталапность тех, кто «черпает капли из Океана Великого сказа» и создает себе таким образом славу. Среди авторов, которые использовали в той или иной мере материал «Брихаткатхи», мы находим имепи Джинасены (VIII в.), Гунабхадры (IX в.), Пушпаданты (X в.), Харишены (X в.), Канакамары (XI в.), Хемачандры (XII в.).

Историки древнеиндийской литературы полагают, что именно в «Брихаткатхе» следует искать источник таких произведений, как пьесы Харши (VII в.) «Ратнавали», «Приядаршика» и «Наганапда», самой «Панчатантры», романа Бапы (VII в.) «Кадамбари», пьесы Бхавабхути (VIII в.) «Малати и Мадхава», Вишакхадатты (VII—VIII вв.) «Печать министра Ракшаса» и некоторых других.

Пока еще науке неизвестны реальные причины, по которым этот замечательный памятник оказался утраченным, но о его содержании можно с большей или меньшей долей вероятности судить по трем произведениям на санскрите: «Брихаткатхашлокасамграха» («Избранные шлоки из «Великого сказа») непальца Будхасвамины (IX в.), «Брихаткатхаманджари» («Извлечения из Великого сказа») кашмирца Кшмендры (IX в.) и, наконец, «Катхасаритсагара» («Океан сказаний») Сомадевы, тоже кашмирца и младшего современника Кшмендры. Будхасвамин и Кшмендра подчеркивали связь своих произведений с «Брихаткатхой» в их названиях. И Кшмендра и Сомадева открывают повествование историей о том, как была создана «Брихаткатха».

Это замечательное произведение, написанное 900 лет назад — полагают, что автор закончил работу над ним в 1081 или 1082 г., — стало известно в Европе лишь в начале XIX в. В 1824 г. выдающийся английский индолог Х. Х. Вильсон изложил его содержание и дал краткую характеристику самого произведения¹. С тех пор полтора века идет переводческая и исследовательская работа над текстом одного из величайших творений мировой литературы. В 1839 г. Г. Брокгауз начинает издание текста на санскрите, а затем увидели свет его перевод первых пяти книг памятника и пересказ остальных². В 1847 г. один из пионеров индологии в России, К. Коссович, публикует перевод на русский язык «Повести о Джимутавахане», входящей в «Океан сказаний»³. В 80-х годах появляется первый полный перевод на английский язык Ч. Тони, переизданный с пространными комментариями в середине 20-х годов XX в.⁴ Немногом раньше была предпринята оставшаяся незавершенной попытка полного перевода «Катхасаритсагара» на немецкий язык⁵. Отдельные истории из «Океана сказаний»

¹ Н. Н. Wilson. Hindu Fiction.— «The Quarterly Oriental Magazine, Review and Register». Vol. 1, 1824, с. 63—67; vol. 2, 1824, с. 101—109, 194—208; vol. 3, 1825, с. 302—314.

² Н. Brockhaus. Kathasaritsagara, Die Märchensammlung des Sri Somadeva Bhatta, aus Kaschmir. Erstes bis fünftes Buch. Sanskrit und Deutsch. L.—P., 1839; он же. Die Märchensammlung des Somadeva Bhatta aus Kaschmir. Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt. Bd 1—2. L., 1843.

³ Сказание о Видьядгаре Джимутавагане. Повесть Сомадевы Братты. Пер. с санскр. и предисл. К. Коссовича.— «Москвитянин». 1847, ч. 4, с. 17—50.

⁴ The Katha Sarit Sagara or Ocean of the Streams of Story translated from the original by C. H. Tawney. Vol. 1—2. Calcutta, 1880—1887; reprint: Delhi, 1968; The Ocean of Story being C. H. Tawney's translation of Somadeva's Katha Sarit Sagara (or Ocean of Streams of Story) now edited with Introduction, fresh explanatory notes and terminal essay by N. M. Penzer. In ten volumes. L., 1924—1928; reprint: Delhi—Patna—Varanasi, 1968.

⁵ A. Wesselski. Somadevas Kathasaritsagara oder Ozean der Märchen ströme. Vollständige deutsche Ausgabe in sechs Bänden. B., 1914—1915.

переводились на разные европейские языки, а поскольку они часто представляли собой включенные в его состав самостоятельные произведения, то и в качестве таковых.

В 1873 г. в Бенгалии появляется прозаический парафраз «Катхасаритсагары» на санскрите⁶ и примерно в то же время на бенгальском языке (полный перевод появился лишь в 1937 г.). На маратхи парафраз «Катхасаритсагары» был издан в 1890 г., а перевод — в 1911—1912 гг.⁷ На тамильском языке сочинение Сомадевы публиковалось в парафразах, сокращениях и выборках в 1905, 1912—1913, 1939—1940 гг., на телугу — в 1891, 1948 и 1951 гг., на каннада — в 1922 г. На хинди «Катхасаритсагара» выходит сначала в виде сборника избранных повестей и рассказов, подготовленного известным прозаиком В. Прабхакаром⁸, а затем — в монументальном трехтомном издании текста на санскрите, подготовленном выдающимся индийским филологом В. Ш. Агравалом, с параллельным переводом на хинди⁹. Наряду с этим перепечатываются и двухтомное и десяти томное издания перевода Ч. Тони, оригинальный текст на санскрите, появляются отдельные публикации избранных повестей и рассказов из «Катхасаритсагары». Предпринимаются также новые переводы на английский язык¹⁰.

На русском языке после К. Косовича появились лишь немногие отдельные истории из «Океана сказаний». В 1964 г. в сборнике «Повести, сказки, притчи древней Индии» были опубликованы переводы отдельных рассказов, выполненные О. Ф. Волковой и автором данного послесловия¹¹. Наконец, тремя отдельными томами в 1967, 1972 и 1976 гг. был выпущен полный, за исключением последних двух книг, перевод «Океана сказаний»¹². Настоящее издание содержит избранные повести и рассказы из «Океана сказаний», а также обе последние книги и, таким образом, завершает перевод сочинения Сомадевы на русский язык.

Что же собой представляет это произведение?

Ответ, казалось бы, не сложен и дан самим автором — сразу же после посвящений Шиве и Ганеше Сомадева сообщает, что в его сочинении будет подробно изложено самое главное в «Великом сказе». Здесь же содержится характеристика того, что можно было бы назвать «творческим методом» Сомадевы: «Все, что содержится в «Великом сказе», сохранил я в своем сочинении, и нет в нем даже малейших отступлений — только слиш-

⁶ J. Vidyasagara. Kathasaritsagara or Ocean of the Streams of Story rendered into Sanskrit Prose from the Poem of Somadeva Bhatt. Calcutta, 1883.

⁷ Somadeva. Kathasaritsagar. Tr. in prose by V. V. Bapat. Bombay, 1911—1912.

⁸ Somadev krt Katha-saritsagar. Sanksipt Hindi rupantar. Rupantarkar Gopalkrnsna Kaul. Sampadak Visnu Prabhakar. Nai Dilli, 1959.

⁹ Mahakavi Somadevabhattacha-viracit Kathasaritsagar. Khand 1—3. Anuvadak svargiy pan. Kedarnath Sharma Sarasvat. Patna, 1960—1961.

¹⁰ Stories from the Kathasaritsagara. Translated by P. V. Ramanujaswamy (p. 1). Hyderabad, 1959; (p. 2). Hyderabad, 1961.

¹¹ Повести, сказки, притчи древней Индии. Пер. с пали и санскр. М., 1964. В переводе О. Ф. Волковой: с. 137—145 — «История об Ашокадатте и Капаласпхоте»; с. 126—131 — «История о Девасмите»; с. 146—151 — «История о Киртисене»; с. 122—125 — «История о Лохаджантхе»; с. 152—161 — «История о Нишчаядатте»; с. 132—136 — «История о Шиве и Мадхаве»; в переводе И. Д. Серебрякова: с. 162—164 — «Рассказы о глухцах».

¹² Сомадева. Повесть о царе Удайне. Пять книг из «Океана сказаний». Пер. с санскр. П. А. Гринцера и И. Д. Серебрякова. Предисл. и примеч. П. А. Гринцера. М., 1967; оп же. Необычайные похождения царевича Нараваханадатты. Пер. с санскр., послесл. и примеч. И. Д. Серебрякова. М., 1972; оп же. Дальнейшие похождения царевича Нараваханадатты. Пер. с санскр. Послесл. и примеч. И. Д. Серебрякова. М., 1976 (в переводе принимали участие также С. Л. Невелева и Р. А. Тазетдинова).

ком пространные рассказы сделал короче, да к тому же и писал я на другом языке: средоточие добродетелей Гунадхья писал на пайшачи, а мое сказание — на санскрите. По мере сил следовал я правилу уместности и стремился так строить повествование, чтобы не нарушить прелести «Великого сказа».

Из сказанного Сомадевой следует, что он пунктуально, но более кратко изложил содержание «Брихаткатхи»; что его произведение написано на другом языке, т. е. что перед ним стояла и собственно переводческая задача; и, наконец, что он следовал такому художественному принципу, как «правило уместности» — *аучитья*, который, отметим, выработал его предшественник, замечательный поэт и теоретик литературы Кшмендра. Нет никаких оснований выражать недоверие Сомадее по какому-либо из этих трех пунктов, но если по двум последним свидетельством является сам «Океан сказаний», то в отношении первого исследователь лишен возможности сказать что-либо определенное.

Длительное время исследователи пытались восстановить содержание «Брихаткатхи», исходя из сопоставления всех известных нынче произведений, рассматривающихся как ее позднейшие варианты¹³. Кроме названных выше двух кашмирских и одного непальского в числе таких упоминаются «Васудевахинди» («Странствования Васудевы») на махараштри, дошедший до нашего времени в версиях Сангхадасагани (VI в.) и Дхармадасагани (VIII в.), тамильский «Перунгадаи» («Великий сказ»), само название которого породило предположение, что это и есть прямой перевод произведения Гунадхья. Однако складывается впечатление, что наиболее непосредственно с творением Гунадхья связаны кашмирские версии, демонстрирующие при всех стилистических и композиционных различиях определенное единство содержания. Непальская «Брихаткатхашлокасамграха» хотя и претендует на прямую связь с прототипом (по названию, именам главного героя и его отца), но по содержанию отличается от обеих кашмирских версий весьма существенно. Не исключено, что сходство названий объясняется не генетической связью, а связью жанровой, — вероятно, труд Гунадхья являлся родоначальником масштабных, многоплановых произведений повествовательной литературы, относящихся к жанру *брихаткатха*, формального аналога которому, как термину, мы в европейской практике не найдем, хотя и «Кентерберийские рассказы» Чосера, да и «Дон Кихот» или «Гаргантюа и Пантагрюэль» могли бы быть квалифицированы как *брихаткатха*. Канадский индолог А. К. Уордер, не мудрствуя лукаво, определяет жанр *брихаткатха* как роман, хотя у иных исследователей можно встретить и такие определения, как «собрание сказок», «сказочный эпос».

Добавим еще одно соображение. Уже давно было обращено внимание на сугубо светский характер обеих кашмирских версий; имеющиеся сведения о самой «Брихаткатхе» не дают оснований усматривать в ней какую-либо религиозную заданность, что свидетельствовало бы о принадлежности ее к жанру *дхармакатха*, к которому формально относятся сочинения Сангхадасагани и Дхармадасагани; произведения этого жанра представляют собой обширные повествования, герои которых путем сопоставления слов и действий представителей разных вер (дхарм) утверждаются в мысли о превосходстве джайнской веры и живут в соответствии с ее предписаниями.

Повествование о том, как возникла «Брихаткатха», занимает всю первую книгу «Океана сказаний» и, несмотря на вымышленный характер, сыграло определенную роль в изучении генезиса «Брихаткатхи» — упоминание гор Випдхья, где Пушпаданта, провинившийся слуга Шивы, должен

¹³ F. Lacote. Essai sur Gunadhya et la Brhatkatha suivi du Texte inédit des chapitres XXVII à XXX du Nepala-Mahatmya. P., 1908; J. S. Speyer. Studies about the Kathasaritsagara. Amsterdam, 1909.

встретиться с пищачей Канабхути, было понято как точное географическое указание на место расселения народности пищачей, а это, в свою очередь, повлекло за собой попытку поместить родной город Гунадхьи Супратитхита, или, как он назван у Кшмендры, Пратиштхана, в районе южнее гор Виндхья. Любопытно и то обстоятельство, что все персонажи, изгнанные из мира богов, в своей жизни среди людей носят имена реально живших и оставивших значительный след в культуре Индии деятелей — Пушпаданта, Вараручи, Катьяяна, Гунадхья. Напомним, что Супратика-Канабхути должен встретить Пушпаданту-Вараручи-Катьяяну и услышать от него все повествование о семи видьядхарах, а затем передать его Мальявану-Гунадхье, и только после этого с них спадет проклятие. Исторический же Пушпаданта (VIII в.) — автор джайнского сочинения «Махапурана», в котором содержится зерно эгалитарной утопии. Вараручи — грамматист, автор сочинения по грамматике пракритов, т. е. «народных языков»; ему приписываются также стихотворения, сохранившиеся в классических антологиях лирической поэзии на санскрите, сочинение по теории политики, одноактный фарс-монолог «Влюбленные» и ряд других произведений. Время его жизни определяется между II в. до н.э. и VI в. н.э. Что касается Катьяяны, то под этим именем известны два разных деятеля, один из которых грамматист, предположительно V—IV вв. до н.э., а другой — автор религиозно-правовых сочинений, живший между IV и VI вв. н.э. Было бы, однако, неверным понимать и географические названия, и имена персонажей однозначно, как точные указания на географические реалии и исторические личности, но в равной мере неправомерно и объяснять их использование лишь как чисто литературный прием.

Судьба языка пайшачи и литературы на нем нашла отражение в истории «Брихаткатхи», изложенной Сомадевой. Дело в том, что на рубеже нашей эры у народов Индии в связи с тенденцией к созданию обширных государственных образований, нередко охватывавших значительную часть страны, возникла потребность в языке, который служил бы средством их общения хотя бы на административном уровне. Таким языком стал санскрит, вступивший в противоборство с рядом местных языков, одним из которых и был пайшачи. Отсюда понятно, почему царь Сатавахана отвергает посланный ему в дар Гунадхьей «Великий сказ» — ведь это произведение было написано на «варварском» языке. И оскорбленный Гунадхья уничтожает свое творение — только часть его сохранилась благодаря осознанию своего проступка Сатавахане. С помощью учеников Гунадхьи он, как повествует Сомадева, «составил «Вступление к сказу», чтобы поведать, как он возник на языке пайшачи. И постепенно «Великий сказ», исполненный разнообразной прелести, своей увлекательностью заставляющий забывать древние предания о богах, стал известен в столице, а потом пределом его известности стали три мира, на которые делится вселенная». Вся первая книга «Океана сказаний» еще не относится к самой «Брихаткатхе», а представляет собой плод творчества средневекового кашмирского поэта Сомадевы.

Его биография остается практически неизвестной. Сегодня мы знаем, и при этом вполне определенно, что он жил в XI в. Это следует из того, что «Океан сказаний» заключается авторским посвящением царице Сурьявати, одной из замечательных государственных деятельниц средневековой Индии. Последнее обстоятельство дает в качестве вполне надежного хронологического рубежа 1081 г., когда Сурьявати, «ради развлечения которой и сочинен «Океан сказаний», покончила с собой, взойдя на погребальный костер своего мужа. Допустимо заключить, что «Катхасаритсагара» была написана до этого события. В том же заключении поэт упоминает и Калашу, сына Ананты и Сурьявати, и Харшу, их внука, причем если первому Сомадева делает сдержанный и даже несколько сомнительный комплимент, то второму возносит хвалу, уподобляя его легендарному мудрецу Агастье, выпившему океан. Указание на Харшу дает основание предположить, что именно во время правления Харши, длившегося с 1089 по 1101 г., завершилась жизнь творца «Океана сказаний». Позднейшая литература не дает ка-

ких-либо сведений, способных помочь в уточнении времени жизни Сомадэвы. Все, что мог сказать о его биографии такой выдающийся индийский ученый, как М. Кришнамачариар, сводится лишь к одной фразе: «Сомадэва, сын Рамы, был брахманом-поэтом при дворе кашмирского царя Ананты, правившего в 1029—1064 гг.»¹⁴. Знаменитый средневековый историк Калхана в своей хронике «Раджатаранги́ни» («Река царей») уделил большое внимание правлению этого царя, но, освещая по преимуществу вопросы политики и экономики, он привлекал материалы, касавшиеся развития литературы, лишь тогда, когда они служили характеристике дурного или хорошего правителя. Так, осуждая царя Шанкаравармана (конец IX — начало X в.) за его пренебрежение к ученым и поэтам, Калхана сообщал, что поэту Бхаллате приходилось зарабатывать хлеб насущный физическим трудом — работать, например, дровосеком. Но увы — о Сомадэве он решительно умалчивает, хотя вряд ли, живя всего на семьдесят-восемьдесят лет позднее, Калхана не знал столь значительного произведения, созданного придворным поэтом царицы Сурьявати, о которой сам пишет не без чувства симпатии. Да и сама форма его хроники свидетельствует об определенном воздействии поэта Сомадэвы на историка Калхану.

Стоит также обратить внимание на то, что в посвящении отразилась история всей династии Лохара, от ее основателя Самграмараджи до Харши. Среди предков Самграмараджи мы находим деятелей, носящих имена, родственные именам персонажей «Океана сказаний». Так, среди них был некто Нара, чье происхождение связано с полумифическим племенем киннаров. Он правил в Кашмире почти сорок лет. Владения его сына Нараваханы были ограничены лишь страной Дарвабхисарой, лежавшей к северу от Кашмирской долины. Внуком Нараваханы был Сатавахана, с которого и началось быстрое возвышение династии Лохара, утвердившейся на кашмирском престоле в 1003—1004 гг. и продержавшейся почти век, до 1101 г.

В упомянутом посвящении Сомадэва дал кроме Сурьявати характеристику и ее супругу, царю Ананте. Хотя монарх и получил все полагавшиеся по традиции комплименты, он — «светлый месяц среди царей», по имени Сурьявати, «словно вспышка зари, рассеяла мрак над подданными и обрела всеобщее уважение». Казалось бы, эти определения не выходят за рамки литературного этикета, но на сей раз в их образности частично передана реальная историческая ситуация. Дело в том, что царь Ананта, унаследовавший сильное централизованное государство, был всего лишь, как говорится, отчаянным рубакой, и его военные авантюры сочетались с полной беспомощностью собственно в управлении, и особенно в хозяйственных вопросах. Все это привело царство на грань катастрофы, когда, по словам Калханы, даже «корона, украшенная пятью полумесяцами, и сам царский трон оказались в закладе». Именно тогда царица Сурьявати отдала в казну собственные драгоценности и тем самым не только помогла спасти престиж царя и стабилизировать экономику, но и практически взяла в свои руки всю полноту власти. Ее помощником стал придворный Халадхара, проявивший себя опытным администратором, дипломатом, воином.

Среди всяческих бед, обрушившихся на страну во время правления Ананты, оказалась и семейная распря в царствующем доме. В 1063 г. Сурьявати убедила мужа отречься от престола в пользу их сына Калаша. Короповавшись, Калаша, однако, не проявил качеств, достойных правителя, и, убедившись в этом, родители отстранили его от действительной власти. Это послужило началом отвратительной распри, развитие которой привело в 1081 г. к самоубийству Ананты и к самосожжению Сурьявати на погребальном костре ее мужа.

¹⁴ M. Krishnamachariar. History of Classical Sanskrit Literature. Madras, 1937; reprint: Delhi — Patna — Varanasi, 1970, c. 419.

Сомадева был, конечно, очевидцем всех событий царствования Апанты и правления Сурьявати. Можно представить себе, в каких условиях создавался «Океан сказаний»! Не удивительно, что в авторской ремарке Сомадева горестно замечает: «Уж таков, наверно, закон судьбы, чтобы человек не всегда жил счастливо,—каждый миг в горестях и радостях подвигает она его стойкость жестоким испытаниям!» В большой мере эта реплика характеризует и все содержание «Океана сказаний».

* * *

Каков жанр «Океана сказаний»? Можно было бы, учитывая отдельные черты композиции и стиля, усмотреть в нем образец жанра *махавья*, «великой поэмы», главными героями которой должны быть бог, царь или наделенный добродетелями воин. Действительно, Наравакхадатта совмещает в себе эти три качества. Однако определенной последовательности описаний любви, природы, разлуки, битв, времен года, времени суток, характерной для *махавья*, здесь нет; все эти элементы в «Океане сказаний», конечно, присутствуют, но не в силу жанровой заданности, а в соответствии с требованиями сюжета, той конкретной ситуации, в которой оказывается тот или иной герой. Да и сам масштаб повествования таков, что в «Океане сказаний» мы находим многочисленные образцы самых различных жанров — от кратчайших анекдотов до весьма пространственных и сложных по своей структуре повествований эпического характера, включая такие средневековые романы, как «Сказание о Мриганкадатте» или эпопею типа «Сказания о Сурьяпрабхе». Перед нами произведение явно синтетическое, охватывающее громадное жанровое и сюжетное богатство фольклора и литературы древней Индии. У него нет специального определения ни в одном из трактатов по теории литературы, написанных в средние века, но эмпирически жанр вывился и по своему великому прототипу может быть определен как *брихаткатга*. Творение Гунадхьи нередко ставят рядом с «Махабхаратой» и «Рамаяной», называя в отличие от них «сказочным эпосом». Эпический характер повествования несомненен — вплоть до воспроизведения местами «формульности», т. е. прямого отражения техники устного эпического творчества, когда в целях и мнемонических, и собственно художественных сказитель использует стереотипные конструкции — «формулы». Однако совершенно очевидно, что качественно сочинение Сомадевы основательно отличается от обеих великих эпопей. Дело в том, что в центре произведения стоит на этот раз не событие общенародного звучания, как в «Махабхарате», а судьба личности, еще вполне феодальной, по уже индивидуальности. Подобные индивидуальности фигурируют во многих крупных повествовательных формах, характерных для второй половины I тысячелетия, в частности в произведениях джайнской художественной литературы.

Сомадева приступил к написанию «Океана сказаний», вооруженный громадным опытом искусства слова народов Индии, получившим обобщенное выражение в литературе на классическом санскрите, и особенно опытом кашмирской санскритоязычной литературы — от литературного творчества на кашмири той эпохи осталось не больше, чем на пайшачи. Вроде, может быть, в те времена — или более ранние — пайшачи и был языком народностей, населявших Кашмир? Во всяком случае, древнейший памятник истории Кашмира «Ниламатапурана» рассказывает, что пайшачи, населявшие Кашмирскую долину, вытеснили из нее народность пагов, а затем и сами были вытеснены за пределы Кашмира¹⁵. Индийская исследовательница Дурга Бхагават называет пайшачи соперником санскрита¹⁶. Во всяком случае, с VI в. н.э. на санскрите в Кашмире развилась богатая литература. Ее представители Дамодарагупта, Билхана, Бхаллата, Кше-

¹⁵ Nilamatapurana, 201—222.— Ved Kumari. The Nilamatapurana. Text with English translation. Srinagar, 1973, c. 54—58.

¹⁶ D. Bhagavat. Outline of Indian Folklore. Bombay, 1958, c. 37.

мендра, Бхамаха, Анандавардхана, Абхинавагупта и многие другие предшественники Сомадевы обогатили и литературную практику, и литературную теорию. Собственно, все важнейшие школы древнеиндийской поэтики были представлены в кашмирской санскритоязычной литературе, и многие из них, видимо, зародились в Кашмире. Добавим к этому то обстоятельство, что, будучи брахманом по рождению, Сомадева неизбежно должен был обладать знанием литературы, выросшей вокруг вед, древнейших памятников словесного искусства народов Индии.

Все грандиозное произведение Сомадевы, включая историю Гунадхьи, разделено на 18 книг неравной длины. Из них вторая, третья и четвертая заняты повестью о царе Удайе, его любви к Васавадатте и рождении их сына Нараваханадатты. Остальные пятнадцать посвящены похождениям самого царевича. Объем всего памятника — 21 388 шлоков.

Наиболее общей жанровой характеристикой этого произведения могут быть термин «обрамленная повесть». И в самом деле, после истории о возникновении «Брихаткатхи» основным содержанием обрамляющей части «Океана сказаний» является жизнь Нараваханадатты вплоть до того, как он становится верховным повелителем видьядхаров, «хранителей знания», «гениев» индийской мифологии. Внутрь этого сюжета введено много других, вполне самостоятельных, сложившихся в такие масштабные произведения, как «Сказание о Сурьяпрабхе» или «О царевиче Мриганкадатте и о его верных друзьях». Всего же в «Океане сказаний» развинуто несколько сот самостоятельных сюжетов, не считая тех, которые либо зафиксированы в метафорах и эпитетах, либо подразумеваются в репликах героев.

Все сюжеты, использованные Сомадевой, разделяются на три группы. В первую входят сюжеты, связанные с определенными литературными памятниками, начиная с произведений ведического цикла и великих эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна», во вторую — фольклорные сюжеты и в третью — сюжеты, не обнаруживаемые ни в фольклоре, ни в предшествовавших литературных памятниках и, вероятно, созданные самим Сомадевой. Но и заимствованные фольклорные и литературные сюжеты в «Океане сказаний» несут на себе явные следы авторской обработки. Это можно проследить на том, как поэт использует эпические сюжеты, в которых существенно изменены характеристики персонажей и ситуаций, материал «Нанчатантры», представленной в виде самостоятельных историй, не связанных общей рамкой, материал сюжетов из буддийской литературы, морализирующий характер которых претерпевает изменения, не в малой мере ослабляющие их собственно буддийский смысл.

Многообразны связи всего этого обилия сюжетов. В одних случаях вставные истории играют просто роль иллюстрации, раскрывающей на примере аналогичной ситуации суть того или иного явления, с которым пришлось столкнуться кому-то из героев. Они могут быть без особого ущерба заменены другими близкими по характеру историями. Далее, рассказ обрамления не просто служит вмещателем некоторого количества вставных рассказов, но разрешение конфликта каждого из них переводится при этом внутрь рассказа обрамления. В-третьих, имеются случаи, когда персонажи рассказа обрамления выступают и как участники действия одного или нескольких вставных рассказов. И, наконец, иногда Сомадева пользуется вставными рассказами для заполнения длительной временной паузы, когда персонаж не может действовать в интересах основной сюжетной линии. Но так или иначе, а все они служат, каждый в пределах, положенных жанром, в котором воплощен данный сюжет, тому наиглавнейшему сюжету, в котором раскрывается центральная идея произведения, воплощенная в образе Нараваханадатты.

Суть этой идеи — при всем ее традиционном облачении — в том, что человек может все, если бы у него цель, воля и энергия, примером чему является Нараваханадатта, человек, достигший верховной власти над видьядхарами и тем самым приобщившийся к миру богов. Поэт сулил своим читателям и слушателям, что они, ознакомившись с его произведением, «беспрепятственно обретут богатства и еще на земле по милости Бхавы достиг-

пут сана богов». Один из 1008 эпитетов Шивы, Бхава, применен здесь не случайно. Он избран поэтом прежде всего потому, что данное слово означает на санскрите «бытие, существование», символизирующее в контексте кашмирского шиваизма отождествление вселенной с самим богом.

Используя опыт всей предшествующей литературы — мы сталкиваемся в «Океане сказаний» с целой серией сюжетов, восходящих к произведениям классиков древнеиндийской литературы, — Сомадева непосредственно ориентировался на сюжет «Брихаткатхи», не дошедший до нас и запечатленный, по-видимому, частично в «Брихаткатхамаджари» и «Брихаткатхашлокасамграхе». В двух последних произведениях также присутствует фигура Нараваханадатты, но у Кшемендры он выглядит обедненным, а у Будхасвами выступает как вполне традиционный герой *махавьяи*. Можно предположить поэтому, что в «Океане сказаний» Нараваханадатта обрел новые черты — в соответствии с авторским замыслом Сомаведа.

Сын своего времени, Сомадева воплощает идею совершенного человека как существа, паделенного максимумом человеческих способностей, реализация которых зависела прежде всего от его ума, воли и энергии и — выше того — от цели его жизни, цели общественной, облеченной в форму божественного предопределения. Таким совершенным человеком мог тогда быть лишь царь. В начале повествования Шива говорит Бхавани: «Всегда счастливо живут боги, люди же всегда несчастны. Из-за трудностей людская жизнь не может быть интересной, а потому расскажу я тебе о жизни видьядхаров, в которых слилась и человеческая и разбойничья природа». Так уже в самом начале слиты воедино три мира — мир богов, мир полу-богов и мир людей; при всем различии уровней эти миры обладают единством закономерностей, и потому столь легко и непосредственно движется действие, вовлекающее царей и воров, брахманов и разбойников, ремесленников и царедворцев, богов и оборотней, подвижников и колдуний — словом, всех и всяких реальных и нереальных представителей мира человека раннего средневековья. Человек этот, однако, не беспомощный челнок, плывущий, куда несет течение, — если он борется, исполнен решимости достичь поставленной цели, мобилизует все ресурсы своего ума и тела, то одолевает все препоны, даже если на него, образно говоря, обрушивается океан.

Нараваханадатта рождается на земле как сын царя Удаяны и царицы Васавадатты. Но как это было обычно для генеалогических претензий любой династии, появление на свет царственного отпрыска связывалось так или иначе с божественной волей — хотя бы через сны, в которых Шива является супругам и возвещает, что у них родится сын, воплощение бога любви Камы, и что он по воле Шивы станет повелителем видьядхаров. Периодически поэт напоминает об этом читателю и слушателю, сообщает истории, соответственно подкрепляющие божественное провозвестие. И здесь оказывается как нельзя кстати идея кармы, присущая крупнейшим индийским религиям, основным содержанием которой является предопределение судьбы человека в данном его рождении добрыми или дурными деяниями в прошлых. Поэтому Сомадева и может обосновать мифами о Каме, отчего тому надлежало воплотиться в земном существе.

Нараваханадатта растет, как надлежит расти царевичу, в окружении сверстников — сыновей министров Удаяны. Тем временем рождается его суженая Маданаманчука, воплощение Рати, супруги Камы и богини страсти. В положенный срок устроена свадьба, и, казалось бы, безоблачное счастье открыто молодым. Но видьядхары, встревоженные вестью о том, что их повелителем станет человек, строят всевозможные козни до тех пор, пока таинственно не исчезает Маданаманчука, и Нараваханадатта пускается на ее розыски. Он странствует, попадает во всякие житейские ситуации, беседует с друзьями, сталкивается с разными людьми, выслушивает разнообразные истории от них, а иногда и сам рассказывает, вступает во все новые и новые браки — у него в конечном счете оказывается 26 жен, вклю-

чая Маданапанчуку, которую ни одна из прочих заменить не может. После сложных перипетий совершается помазание Нараваханадатты в качестве верховного повелителя видьядхаров. И здесь наконец он в результате обретенного опыта торжественно провозглашает царство справедливости, «дхармы».

Это и есть цель жизни Нараваханадатты, верховного повелителя существ, совместивших в себе человеческое и божественное начала. Дхарма, провозглашаемая Нараваханадаттой и реализуемая им в собственных действиях, во многом отличается от тех социальных регламентаций, сформулированных в дхармашастрах, правовых кодексах древних индийских законодателей. Вместо жесткой системы взаимоиолированных каст и варп перед нами в «Океане сказаний» предстаёт общество, в котором подобные деления хотя и существуют, но они эластичны и позволяют взаимопроникновение, свободное общение на всех возможных уровнях. Для некоторых персонажей Сомадевы оказывается возможным передвигаться из одной варны в другую, менять родство, вступать в брак на уровнях, недопустимых с точки зрения дхармашастр. Сами общественные грани и определяемые ими добродетели оказываются зависящими от воли человека — небесное блаженство более доступно крестьянину, чем брахману, мужество и доблесть отнюдь не исключительная привилегия кшатриев, профессиональных воинов, пудры и чандалы, не говоря уж о вайшьях, подчас наделены большими достоинствами, нечелю представители высших каст и сословий. Человек — носитель добродетели, и он же — носитель порока, он может победить силы зла и может нанести ущерб, но все это в конечном счете зависит от реальных жизненных обстоятельств, детерминируемых как-никак реальными же человеческими интересами.

Подобная реалистичность полностью соответствует заявлению Сомадевы о том, что он следовал принципу «уместности» — *аучитья*. Надо сказать, что «Океан сказаний» появился в ту пору, когда уже оформились важнейшие школы древнеиндийской поэтики, а точнее, собственно теории литературы. Они учили о том, что сутью поэзии должно быть, например, *вакроти*, ипосказание, как полагал Кунтака, или *раса*, воздействие всей совокупности художественных средств, использованных автором, на читателя, слушателя или зрителя, как утверждал Бхарата, или *дхвани*, когда впечатление от художественного произведения уподоблялось резонансу после удара колокола, о чем писал Анандавардхана, или *гуны*, высокие эстетические свойства произведения, или *аланкары*, украшения поэтической речи, и т. д. Сомадева же следовал концепции, выдвинутой Кшемендрой, согласно которой «только то, что соответствует природе какого-либо предмета, считается уместным — это и составляет смысл *аучитья*».

Иными словами, Кшемендра считал необходимым, чтобы поэт уделял основное внимание соответствию используемых им языковых и художественных средств действительной природе изображаемого предмета. Было нельзя, например, применять при описании буйвола слова и выражения, уместные при описании рыбы, а портрет крестьянина рисовать теми же средствами, что и портрет государя. Но вместе с тем, если поэт желал добиться какого-либо специфического эффекта, подобная «несовместимость» признавалась уместной — в частности, в целях сатирического осмеяния.

Концепция *аучитья* универсальна, она включает в себя весь арсенал художественных средств, выработанных многовековым опытом искусства слова у народов Индии. Этим арсеналом Сомадева воспользовался в «Океане сказаний», и мы найдем здесь практически все возможные в древнеиндийской литературе поэтические приемы, примененные в целом с таким чувством меры, что мало кто из исследователей не отметит элегантности и прозрачности языка, увлекательности и яркости повествования. Но и почти никто не упустит и возможности указать на несколько странную организацию повествования. Дело в том, что последние две книги «Океана сказаний» стоят как бы особняком. Ведь в сущности повествование о по-

хождениях Нараваханадатты в мире людей, так стройно и величественно развертывавшееся, логически завершается в XVI книге его манифестом. Дальше должно было бы идти уже иное повествование — о его деятельности в положении повелителя видьядхаров, что и было обещано еще в рассказе о возникновении «Брихаткатхи». Вместо этого мы неожиданно паталкиваемся на две книги ретроспективного характера, которые служат ответом на вопросы мудрецов к Нараваханадатте о том, как ему удавалось переносить разлуку с Маданаманчукой.

Но эти вопросы нужны только для того, чтобы ввести совершенно самостоятельные произведения — «Книгу о Падмавати» и «Книгу о Вишамашиле». Оба они присутствуют и у Кшемендры, но тот поместил их гораздо рациональнее — история Викрамадитьи (Вишамашилы) следует за «Книгой о Шашанкавати», а «Книга о Падмавати» поставлена вслед за «Книгой о Мадиравати», т. е. после тех фрагментов «Катхасаритсагары», в которых речь действительно идет о разлуке героя с его возлюбленной. Н. Пензер высказал догадку, что, возможно, Сомадева отвел этим книгам такое место лишь потому, что герои, жившие, как полагал исследователь, во времена Будды, не могли слышать историю хронологически близкого Сомадева царя Викрамадитьи. По словам английского ученого, «особенно после великолепного финала в конце XV книги (Н. Пензер считает финальным акт помазания.— И. С.) придирчивый читатель мог бы сразу заподозрить весьма значительную подмену текста». Но чем она могла быть вызвана?

Обратим внимание на одну немаловажную особенность содержания именно этих книг. Здесь Кашмир внезапно оказывается государством-васалом. «Кашмир и страны севера сделаны данниками!» — возглашает вестник Викрамадитьи, правителя царства Мальвы, столицей которого был город Удджайини. С чем же связано подобное заявление? Не с тем ли, что Сомадева, приближенный царицы Сурьявати, не мог оставаться в Кашмире после ее трагической кончины и был вынужден искать иного покровителя? Он мог пойти такого в Удджайини, давнем историческом и культурном центре, не раз фигурировавшем в том же «Океане сказаний». И не явились ли поэтому последние две книги своего рода авторской интерполяцией в уже готовое произведение, посвященное в целом его прежней покровительнице? Смысл подобного шага мог быть лишь в том, чтобы как-то отблагодарить нового мецената или хотя бы сделать своего рода жест в отношении него. Ведь Кашмир в то время не был данником правителей Удджайини. Калаша, каковы бы ни были его отношения с родителями, успешно защищал свою страну и сумел даже добиться признания ее суверенитета некоторыми другими государствами. Вероятность комплиментарной задачи двух последних книг подкрепляется еще и тем, что в обеих занимает большое место тема борьбы с млеччхами, под которыми в эту эпоху имелись в виду тюрки (вспомним, что Удджайини был расположен в районе, непосредственно подвергавшемся нападением со стороны мусульманских правителей Газны), и с асурами, которые получают в историях о Падмавати и Вишамашиле иную оценку в сравнении, например, со «Сказанием о Сурьяпрабхе». Во всяком случае, предположение о том, что Сомадева после гибели своей покровительницы пришлось искать спасения на чужбине, представляется реальным.

Вряд ли можно с уверенностью указать главные источники, из которых Сомадева черпал материал для своего произведения, идет ли речь о сюжетах или о художественных средствах. Любопытно, что на всем протяжении повествования, кроме первой книги, читатель не пайдет ни одного авторского имени, за исключением Вьясы и Вальмики, предполагаемых создателей великих индийских эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны», к тому же выступающих в «Океане сказаний» лишь в качестве персонажей. Вместе с тем и некоторые сюжеты, и ряд идей подсказывают как будто, что поэт был знаком с творчеством широкого круга авторов, среди которых были Бхаса, Калидаса, Бана, Дандин, Бхартрихари и Бхавабхути. Однако вопрос о конкретном влиянии того или иного классика на Сомадеву не только

не изучен, но и крайне сложен. Прежде всего это есть вопрос о том, насколько сочинение Гунадхьи, которое рекомендовалось рядом теоретиков как источник сюжетов, воздействовало на предшественников Сомадевы, в свою очередь заявлявшего, что он точно воспроизвел содержание «Брихаткати». Таким образом, утверждать, например, как это делается рядом специалистов, что автор «Океана сказаний» использовал сюжет комедии Бхавабхути «Малати и Мадхава», вряд ли возможно. Нельзя исключить, что Бхавабхути использовал сюжет, уже вошедший в состав «Брихаткати», или вообще воспользовался каким-то иным источником. Соответственно нет уверенности и в том, что для «Повести о царе Удайне» Сомадева воспользовался пьесами Бхасы, хронология и генезис сюжетов которых, в свою очередь, вызывают споры. В последнем случае творец «Океана сказаний» мог обратиться к устным преданиям о царе Удайне, имевшим хождение в пародии (о чем свидетельствовал Калидаса в своей поэме «Облако-вестник»), как к первоисточнику.

Обращает на себя также внимание то обстоятельство, что произведения и жанры ведической литературы почти не упоминаются вовсе, равно как и пураны, хотя гимнология представлена богато и разнообразно. Сами веды упоминаются лишь в связи с характеристикой некоторых категорий брахманов или как второстепенный элемент общего фона. Значительнее повлияли на «Океан сказаний» великие индийские эпопеи «Махабхарата» и «Рамаяна», явившиеся источником некоторых сюжетов и не раз обыгранные в метафорах и сравнениях, подчас очень сложных, опирающихся на ассоциации с героями и событиями каждой из них.

Воздействие фольклора на творчество Сомадевы очевидно, но сама проблема пока также остается маловыясненной и может решаться лишь на базе тех произведений классической литературы древней Индии, построенных, в свою очередь, на фольклоре, которые так или иначе им использованы, — это свыше ста сюжетов из буддийских джатак, «Панчатантра», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Тридцать две новеллы о монахах», многочисленные легенды о царе Викрамадитье и т. д. Правоммерно будет отметить сохранение в большинстве случаев подлинно народного духа в использованных Сомадевой фольклорных сюжетах, хотя всем этим материалом он пользуется совершенно свободно, в соответствии со своим авторским замыслом.

Как бы то ни было, все это указывает нам на другой источник Сомадевы — народное устное творчество во всем его богатстве. Нет ни одного из важнейших фольклорных жанров, который не был бы представлен в его произведении. Но не присутствовали ли уже все явно фольклорные элементы, вошедшие в «Океан сказаний», в его великом прототипе? К тому же «Брихаткатха» была написана на народном языке, а санскрит, хотя и был прекрасным средством литературного закрепления фольклорных произведений, не мог в силу своей специфики служить языком устного народного творчества. Проблема осложняется еще и тем, что очень много анекдотов, бытовых и волшебных сказок вошло в состав «обрамленных повестей» и близких к ним по структуре тематических собраний «о глупцах» или «о верных и неверных женах» и т. п. и уже в их составе оказалось включено в «Океан сказаний». Решение подобных вопросов — дело будущих исследований. Отметим также, что в этом памятнике читатель не раз встречается с такими фольклорными и литературными жанрами, о существовании которых в древнеиндийской литературе индологи ранее и не подозревали, например с «утренней песней», своего рода параллелью старопровансальской альбе.

Назовем третий — и важнейший — источник Сомадевы. Это историческая действительность Каммира и других государств Северо-Западной Индии, определявшая и саму цель повествования, и образ центрального персонажа «Океана сказаний». Жизнь ставила со всей неизбежностью такую необходимую для социального прогресса в ту эпоху задачу, как преодоление непрерывно порождаемой феодальным строем раздробленности и

создание централизованного государства. Эта задача, в свою очередь, находила стихийное выражение в народной мечте о справедливом царе, воплотившейся в одном из самых любимых образов индийского фольклора — царе Викрамадитье. По-своему решали ее классики древнеиндийской литературы, начиная с Калидасы, создавшего в своей поэме «Род Рагху», так сказать, сравнительно-историческую галерею правителей. Отразилась она и у таких авторов, как Бана, Дандин, Сомадева Сури и др.

Рассказывая историю возвышения Нараваханадатты до положения верховного повелителя видьядхаров, Сомадева показывает его на фоне других, достигших столь же высокого положения, но лишившихся трона. Еще в самом начале Сомадева упоминает, что «Брихаткатха» Гунадхьи повествует о семи видьядхарах, а Кшемендра говорит более определенно — о семи верховных повелителях видьядхаров. Из первой книги следует также, что каждому из них было посвящено по сто тысяч строф и уделена только последняя часть, посвященная Нараваханадатте. Мы, значит, вправе ожидать еще шести персонажей, и Сомадева действительно называет их всех в XVI книге, перед финалом, явно противопоставляя своему герою, как оказавшихся неспособными удержаться на уровне справедливости. Богомудрый Кашьяпа, легендарный покровитель Кашмира, один из семи ведических мудрецов, обращается к Нараваханадатте со словами, в которых выражен идеал государственного деятеля: «Не было и не будет, повелитель, верховного владыки, подобного тебе, чтобы разум его, когда он становится вершителем правосудия, не был подвластен ни любви, ни другим чувствам» — и напоминает при этом, что предшественники Нараваханадатты, «запутавшись в разных грехах, погибли, лишившись почестей». Рипабху, Сарвадаману и Бандхудживаку погубила гордыня, Джимутавахану — похвальба собственными благодеяниями, Вишвантару — тоска по согрешившему сыну, и лишь один Таравалока пользовался благодаря своей незапятнанной добродетели властью, пока со временем не «почувствовал безразличия к миру». Так Сомадева подвел итог своему повествованию и вместе с тем решил важную композиционную задачу, уложив в наикратчайшую форму все содержание «Брихаткатхи» как сказания о семи видьядхарах.

В «Океане сказаний», однако, действует еще один повелитель видьядхаров, занимающий важное место и в самом повествовании, и в системе взглядов автора. Ему посвящена почти вся восьмая книга — «Книга о Сурьяпрабхе». Ее герой Сурьяпрабха, подобно Нараваханадатте, совершает путь от человека до повелителя видьядхаров, но его возвышение происходит на фоне борьбы между девами (богами) и их сородичами-асурами. Хотя предание об этом конфликте присутствует во многих произведениях эпической и классической литературы древней Индии, ни в одном из них нет столь полного изложения причин конфликта и его самого, как это сделано в данной части «Океана сказаний». В произведениях ведического комплекса, в «Махабхарате», «Рамаяне», во многих других сочинениях содержится немало реплик по поводу злых деяний асуров, направленных, правда, против богов и против брахманов. Несомненно определенная тенденциозность в крайне скупых описаниях асуров. Любопытно, что практически все предания о торжестве богов над асурами связаны с тем, что люди в царствах асуров добродетельны, трудятся, счастливо живут и за баы в аот о жертвах, без которых боги не могут жить. В результате боги изыскивают необходимый предлог для нападения и разгрома асуров.

«Сказание о Сурьяпрабхе» отличается особым стилем, несущим на себе печать устного эпического творчества. Асуры предстают в совершенно ином свете. С помощью воинства асуров Сурьяпрабха и становится верховным повелителем видьядхаров. Все содержание «Сказания о Сурьяпрабхе», по нашему мнению, свидетельствует о существовании в древности самостоятельной эпопеи, в которой асуры, часто изображаемые не только в ряде известных источников, но и в современных исследовательских работах как силы зла, безусловно выступают как позитивное начало. Еще Г. Т. Кольбуру (1765—1834), одному из основателей английской индологии, остава-

лось неясным, с какого же времени и почему они оказались силами зла¹⁷. Современная американская исследовательница В. Д. О'Флаерти убедительно показала, что асуры таковыми не являются¹⁸.

Сурьяпрабха предстает «исторической» ипостасью Нараваханадатты, «предком» героя, его же человеческой, земной ипостасью, так сказать, «современником» выступает герой «Книги о Шаманкавати» Мриганкадатта, ищущий свою возлюбленную и утверждающийся в конце концов на престоле в Айодхье, где «при нем только в сказаниях о прежних временах существовали такие беды, как вторжение врагов, нападение разбойников или нищета,—наслаждалась земля счастьем и радовалась, словно вновь наступили благодетельные времена справедливого правления добродетельного Рамы». Так автор «Океана сказаний» слил свой утопический идеал с эпической традицией и воспоминанием о «золотом веке».

Идеальный герой Сомадевы не представляет собой, несмотря на все божественные и династические связи, монарха, противопоставленного народу. Напротив, как это справедливо заметил Н. Пензер, Нараваханадатта, подобно другим героям, «не заимствован из великих национальных эпопей, божество не есть всемогущий Шива или Вишну, и происходящее в повествовании не ограничено лишь царями, князьями и богами... Мы находим здесь героев, которые являются всего лишь мелкими князьками, толкучимися среди купцов, ремесленников, моряков, авантюристов и нищих... Главным богом выступает Кубера, бог купцов и богатства». Сомадева проводит Нараваханадатту по всем уровням современного ему общества, обогащая таким богатейшим жизненным опытом, каким не обладал ни один правитель. Нельзя не заметить, что впервые в древнеиндийской литературе здесь обращается особое внимание на ремесленников — они для Сомадевы и «опора жизни», и «опора государства». Удивительно энциклопедичен «Океан сказаний» — нет той области жизни, которая осталась бы вне внимания его автора.

Уместно в этой связи обратить внимание на название произведения Сомадевы. Вряд ли возможно выяснить, как зародилась у него сама мысль именно так озаглавить свое изложение «Брихаткатхи». Правда, и ее саму уподобляли «океану», из которого черпают «капли» сюжетов. Но представляется вполне допустимым усмотреть в названии «Катхасаритсагары» художественно опосредованное выражение основной идеи кашмирского шиваизма. При том что Кубера остается наиболее значительным действующим божеством на протяжении всего повествования, Шиве принадлежит особое место: он обладает космическими функциями, определяет миропорядок. Идея самого названия могла быть в известной мере подсказана поэту одним из его предшественников, кашмирским поэтом X в. Пушпадантой. В седьмой строфе небольшой поэмы последнего «Махимнасторы» («Восхваление величия»), посвященной Шиве, говорится: «Много есть путей — путь трех вед, санкхья, йога, вера пашупатов, вера вайшнавов. Один избирает такой путь, другой — иной, один идет прямым путем, другой — извилистым, и именно в силу множества избираемых людьми путей все они устремляются к тебе, как реки к океану»¹⁹. Таким образом, Пушпаданта рассматривает Шиву как реализацию абсолютного единства всех возможных верований и учений, какова бы ни была их суть. Последние слова строфы содержат в себе образ, который близок идее, выраженной Сомадевой в названии его произведения. Вместе с тем название это как нельзя лучше отражает наиболее характерную черту композиции памятника — как океан полнится водами впадающих в него рек, так и великое сказание о Нараваханадатте впитало в себя несметное множество преданий и легенд.

¹⁷ H. T. Colebrooke. Miscellaneous Essays; a new edition, with notes by E. B. Cowell. Vol. 1. L., 1873.

¹⁸ W. D. O'Flaherty. The Origins of Evil in Hindu Mythology. Berkeley — Los Angeles — London, 1976.

¹⁹ Sripuspadantaviracitam Mahimnastotram. Mumbayyam, 1922, c. 11.

Шиваизм в Кашмире получил особое развитие, при котором он приобрел сильно выраженные черты пантеизма. Шива, сохраняя облик антропоморфного бога, вместе с тем понимается и как космос, который есть не эманация его воли, а объективное бытие, постижение коего разумом делает человека равным богам. Страх богов перед человеком порождает силы зла. Своеобразный дуализм кашмирского шиваизма, выразившийся в «Махмнастотре», отразился и в «Океане сказаний», повлияв в известной мере на его образность и сюжеттику.

Многообразие «путей», т. е. верований и философских систем, отмеченное Пушпадаптай, нашло яркое выражение и в книге Сомадевы. Вряд ли имелось сколько-нибудь значительное направление духовной жизни народов Индии тех времен, которое не было бы отмечено в «Океане сказаний». Заметим при этом, что судить о мировоззрении самого автора следует в первую очередь исходя из последовательного осуществления им принципа *аучитья*, имевшего не только художественное, но, на наш взгляд, и мировоззренческое значение. свидетельствовавшего о рационализме автора, о его стремлении осмыслить человеческую судьбу в условиях реальной, а не иллюзорной жизни.

Такой подход влек за собой определенные следствия и в отношении к художественным средствам, в том числе и к композиции самого повествования. Назвав свое творение «Океаном», Сомадева предлагает и уместное при этом деление на *таранги*, т. е. «волны», неравной величины, а не на традиционные сарги или *канды*, т. е. главы, как это предусматривалось трактатами для произведений эпических масштабов. Океан выступает в повествовании в своем реальном физическом облике, то мирно несущим корабли, то внезапно разражающимся ураганом. Но из того же самого океана боги и асуры некогда извлекали сокровища, и воспоминания об этом время от времени, в соответствии с принципом уместности, возникают в повествовании, будучи, естественно, функционально обусловлены.

Наряду с *тарангами*, которых насчитывается 124, в «Океане сказаний» присутствует также и иное деление — на *ламбаки*, восходящее, как полагают, к делению «Брихаткати» на *ламби*; это слово, по мнению видного ученого В. С. Агравала, означало «достижение (или обретение) жены». Содержание книг «Океана сказаний» не всегда, однако, поддерживает именно такую интерпретацию; данное слово имеет также значение «дуга меридиана» и могло бы быть трактовано как термин, относящийся к кораблевождению и уже поэтому вполне уместный для «Океана сказаний».

Наряду с литературой запечатлены в «Океане сказаний» и другие искусства, в том числе театр в его разных видах — и музыкальные представления с танцами и песнями, и театр кукол, в том числе театр марионеток, — и живопись — фресковая, портретная, миниатюра, и скульптура. Стоит, в частности, обратить внимание на эпизод с театральным действием при дворе Индры, в котором участвует козел. В спорах о происхождении театра в Индии данный эпизод может быть поставлен в параллель с известным фактом зарождения греческой трагедии от священнодействия, при котором это животное приносилось в жертву. На основе характеристик, которые даны Сомадевой тем или иным видам искусства, можно с уверенностью сделать вывод, что понятие индивидуального стиля художника существовало уже тогда не только в изобразительном искусстве, но и в искусстве слова.

В «Океане сказаний» отражены практически все виды религиозных верований, характерных для Кашмира времен Сомадевы, — от шаманизма до тантристских сект, но сам поэт занимает, по крайней мере субъективно, нейтральную позицию, а иногда и позицию критическую. Она сказалась и в том, что брахманы, эти «земные боги», низведены до уровня обычных людей, выступая во многих сюжетах наравне с другими варнами, и в том, что весьма негативно представлен тантризм, и в том, что буддийские парамиты, «совершенства», проиллюстрированы таким образом, что собствен-

но буддийское либо доводится до абсурда, либо вовсе исчезает, как, например, в новелле, иллюстрирующей «совершенство мудрости», где разбойник Синхапаракрама обманывает самого бога смерти Яму с помощью его писца Читрагупты. Позиция Сомадевы сказывается и в том, что произведение можно рассматривать как объективное отражение состояния общественного сознания кашмирцев его времени.

Нельзя не упомянуть и удивительно яркую аллегорию человеческой жизни, искусно вылетенную Сомадевой в «Книгу о Шапанкавати». В ней причудливо воплощена в символах фольклорного происхождения концепция жизни, близкая к религиозно-философским взглядам, ставшим основой индуизма, в том числе его шиваитского толка. Видение Вималабуддхи не имеет прямой параллели в каком-либо из произведений индийской эпики и классической литературы, и образность этого видения настолько неожиданна, что Сомадева тут же устами мудреца Брахмадандина разъясняет значение каждого образа в отдельности и картины в целом. Многоплановость последней подчеркивается четкими, недвусмысленными оппозициями, образы намечены резкими, однозначными характеристиками. Аллегория — жанр, широко распространенный в средневековой литературе и искусстве. По содержанию и графической выразительности аллегорию Сомадевы можно было бы, например, поставить рядом с живописными аллегориями Брейгеля и Дюрера.

Другие виды духовной жизни также представлены в творении Сомадевы и характеризуются в суждениях самого автора или в репликах персонажей. Значительную роль во многих сюжетах играют сказители, художники, придворные поэты, певцы. Читатель обратит внимание на то, какое значение придается Сомадевой, например, литературе. Уже в самом посвящении, повторенном перед каждой книгой «Океана сказаний», подчеркивается жизненная важность этого сочинения, чтение которого открывает путь к богатству и обретению на земле сана богов. Более того, если в обращении к читателю «Океана сказаний» автор сулит ему и богатства, и сан богов, то в заключении к введенной целиком в его труд обрамленной повести «Двадцать пять рассказов Веталы» он говорит, во-первых, что она повсеместно прославится и будет приносить благо, во-вторых, что «всякий, кто с почтением прочтет хотя бы две строки из них, и всякий, кто их прослушает, навсегда будут избавлены от грехов», и, в-третьих, что «всюду, где будет славиться это сочинение, не будут иметь власти ни якиши, ни веташи, ни кушманды, ни дакини, ни ракшасы и никто из им подобных». Так Сомадева делает читателя своего сочинения равным богам и избавляет его от происков демонических сил.

«Океан сказаний» Сомадевы — произведение светское, художественное прежде всего, и само по себе настолько всестороннее, что заслуживает специального изучения как памятник духовной культуры Кашмира и всей Индии раннего средневековья. При этом он еще имеет и значение ценного исторического источника, хотя, разумеется, было бы ничем не оправданным пытаться найти в тех или иных ситуациях конкретные исторические события либо соотносить персонажей его повествования с реальными историческими личностями. Удайна, Нараваханадатта, Сурьяпрабха, Мриганкадатта, Муктапхалакету, Викрамадитья у Сомадевы герои не исторические, а литературные, равно как литературны и время и пространство «Океана сказаний». Тем не менее произведение Сомадевы имеет громадное значение для исследователей социальной истории, поскольку в нем нашли типическое обобщение многие общественные и экономические явления в том виде, в каком они реализовались в действительной жизни, а не как однозначная иллюстрация положений дхармашастр.

Художественное многообразие «Океана сказаний» потрясает и само по себе оказывается сложнейшей задачей для переводчиков. Воспроизвести уникальное произведение девятистолетней давности для современного читателя, с тем чтобы дать ему возможность ощутить и эпоху, и особенности страны, и индивидуальность героев, и не утратить — под давлением

сложившихся стереотипов — авторской интопации, мира автора, не укладывающегося в традиционные представления о средневековой Индии, — задача сложная и требующая особых усилий. Она тем более тяжела, что существующие на европейских языках переводы относятся к середине и концу прошлого века. С тех пор индология проделала громадный путь, обогатилась новейшими методологическими достижениями и создала во многом новый фон для понимания литературного процесса в Индии как в целом, так и у отдельных ее народов. Перевод произведения Сомадэвы на русский язык выполнен по классической публикации текста «Катхасаритсагары», подготовленной индийскими филологами А. А. Дургапрасадом и К. П. Парабом еще в 1889 г. и продолжающей оставаться лучшим изданием памятника и в настоящее время²⁰.

Задача данного издания — представить советскому читателю лучшие образцы повествовательных жанров древнеиндийской литературы, сохраненные для нас в замечательном творении Сомадэвы. Весь материал отобран таким образом, чтобы читатель смог представить себе и построение «Океана сказаний» в целом. Мы сохранили деление на книги и волны, обозначив выпущенные части краткими резюме. Было решено не включать те части, которые известны нашим читателям как самостоятельные произведения, — это материал волн 9—23, заключающих цикл историй о царе Удайе, которые частично повторяются в повествовании о Нараваханадатте; волн 60—65, содержащих сюжеты из «Панчатантры», неоднократно издававшейся на русском языке, и из «Тридцати двух новелл о монахах», также публиковавшихся ранее и целиком, и отдельными подборками; волн 75—99, представляющих также известную читателям по двум русским переводам с санскрита обрамленную повесть «Двадцать пять рассказов Веталы»; волн 111—113, содержание которых имеет незначительное отношение к истории Нараваханадатты, хотя формально именно в конце волны 113 Нараваханадатта провозглашает правление справедливости. Впервые на русском языке публикуются две последние книги «Океана сказаний».

При переводе мы стремились средствами современного русского языка, используя богатый и разносторонний опыт советской переводческой школы, передать, насколько это возможно, художественное своеобразие великого творения индийского поэта XI в. В оригинале все произведение написано эпической строфой, *шлокой*, за исключением 739 строф, в которых автор использовал различные размеры классической поэзии на санскрите. Поскольку в большинстве случаев такие размеры применены для выделения песен или особых реплик, мы иногда переводили их стихами. В целях наиболее полного раскрытия богатой образности Сомадэвы на данном этапе изучения его творчества и в соответствии со сложившейся в мировой практике традицией перевод выполнен в прозе. При подготовке настоящего издания мы учитывали пожелания коллег, высказывавшиеся как устно, так и в печати, и особенно большой практический опыт, накопленный советскими индологами во время работы над томами «Библиотеки всемирной литературы», содержащими индийский материал.

В аппарате к переводу особенное внимание обращено на тех мифологических персонажей, которые имеют важное значение для «Океана сказаний» в целом. Они выделены в специальный глоссарий, включающий также и специфические термины. Некоторые ситуации, требующие особых пояснений, проанализированы в примечаниях перед глоссарием. Основные географические реалии вынесены на две карты, помещенные на форзацах: первая из них дает общеоиндийский географический обзор, пространство, в котором действуют все герои «Океана сказаний», вторая — географический образ крайнего северо-запада Индии, как мира автора и зоны, где завершились завершающие события рассказа обрамления и где состоялся триумф Нараваханадатты.

²⁰ The Kathasaritsagara of Somadevabhattacha. Edited by Pandit Durgaprasad Kasinath Pandurang Parab. Third edition. Bombay, 1915.

Нет страны, где литература народов Индии пользовалась бы такой же любовью, как у нас. «Океан сказаний» уже знаком советскому читателю и завоевал немалую популярность. Ныне творение кашмирского поэта XI в. Сомадевы, отмечающее девятисотлстие своего существования, еще раз предстает перед советским многонациональным читателем. В волнах «Океана сказаний» он испытает и счастье встречи с новым, еще неизвестным ему, и радость обретения знакомого, общечеловеческого в специфических индийских образах и сюжетах и ощутит подлинную пародность этого чудесного дара великой страны.

И. Д. Серсбряков

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга о рождении «Великого сказа»

из сердца каждого обитателя трех миров — по представлениям древних индийцев, вселенная делится на три мира — небеса, населенные богами, землю людей и подземный мир, населенный нагами, асурами и другими существами.

ты — моя супруга в первом рождении — индуизму присуща концепция перерождений, которым подвержены все существа и даже боги. Последующее рождение вызывает смену облика и статуса в зависимости от характера и суммы деяний в прошлых рождениях.

брак по обряду гандхарвов — у древних индийцев существовало восемь форм брака: 1) пайшача — совершаемый против воли девушки, насильно; брак признавался как фактически совершившийся, и женщина обретала статус законной жены; 2) ракшаса — женщина похищалась или доставалась в качестве военной добычи; 3) гандхарва — брак по взаимному влечению; 4) асура — предусматривает уплату выкупа за невесту; 5) праджапатья — отличался предварительной фиксацией условий; 6) арша — характерен только для жреческих семей; при этой форме брака отцу невесты дарились две коровы; 7) дайва — этот вид брака предусматривал отдачу девушки жрецу в качестве дара или в качестве уплаты за жертвоприношение; 8) брахмья — невеста, богато наряженная и украшенная, с подобающим приданым выдавалась замуж за брахмана. В дальнейшем именно этот вид брака стал обычной формой для всех последователей индуизма.

умилостивить его жестокими подвигами и постом — для того чтобы снискать благоволение богов, последователи индуизма и других верований налагали на себя разнообразные обеты, в число которых входили и посты, либо длившиеся определенный срок, либо соблюдавшиеся по определенным дням. В число обетов входили пожертвования имущества, пищи, скота, денег и т. д., а также различные виды паломничества, те или иные виды самоистязаний и ритуальные самоубийства.

первая стража ночи — древние индийцы делили сутки на восемь страж (прахара) протяженностью — в зависимости от времени года и суток — от 3 до $3\frac{3}{4}$ часа; четыре стражи приходились на день и четыре — на ночь.

божеств-хранителей дома — характерной принадлежностью убранства дома индуса является либо специальная подставка, род домашнего алтаря, на которой выставляются изображения божеств, либо особый ящик, куда складываются подобные изображения, извлекаемые по мере надобности. Наряду с великими богами в качестве божеств-хранителей дома могут выступать любые младшие боги.

Я, брахман, стал теперь шудрой — т. е. претерпел тягчайшее для брахмана унижение, явившееся для него карой за нарушение брахманской дхармы, выразившееся в обращении к магии.

забывший три языка — по условиям спора Гунадхья налагает на себя обет молчания и не может говорить ни на санскрите, языке духовной элиты, ни на пракрите, общепринятом обиходном языке, ни на бхаша, своем родном языке. Но он получает возможность говорить, когда попадает к пишачам, чей язык вообще не принимался в расчет.

наградить его полумесяцем по шее — имеется в виду название приема в кулачном бою.

познать грамматику, царицу наук — статус грамматики в науке древней Индии был исключительно высок, поскольку именно она могла способствовать правильному пониманию священных книг, прежде всего вед, и таким образом открывала путь к конечному избавлению от земного бытия.

бессмысленна речь пишачей — язык пишачей, народности, принадлежавшей к древнейшим слоям населения Кашмира, явно не входил в число индоарийских языков, и Сатавахана, овладевший санскритом, языком культа и учености, высокомерно отвергает творение Гунадхьи.

Книга о четырех девушках

обладатели немигающих век — имеются в виду боги.

хотя имя его и вещало благополучие — имя Шива означает «добрый», «милостивый», «благодетельный».

Книга о Маданаманчуге

двенадцатый день светлой половины месяца ашадха — считается благоприятным для благочестивых действий; ашадх — месяц индийского лунного календаря, от середины июня до середины июля.

корзинку, полную забавных кукол — Соматрабха показывает подруге кукольный театр, точнее, театр марионеток. Это — одно из наиболее ранних описаний театра марионеток в Индии. Он обладал довольно сложным реквизитом, включавшим ряд механизмов и осветительных приспособлений.

долго блуждали некогда в этом саду обезьяны в поисках Ситы — имеется в виду та часть великой индийской эпикеи «Рамаяна», где обезьяны, союзники царевича Рамы, разыскивают его супругу Ситу, похищенную ракшасом Раваной.

Книга о Ратнапрабхе

решил сделать подношение турку — кашмирцы в конце 1 тысячелетия находились в прямом контакте с тюркскими племенами, фигурировавшими обычно под именем «турушка».

в чем суть государственной политики — здесь суммарно изложено учение о государственной политике, разрабатывавшееся в трактатах Каутильи, Сомадэвы Сури и др.

воздушный корабль с машиной — в отличие от обычных в сказках ковров-самолетов и летающих колесниц, коней, слонов, верблюдов, встречающихся и в «Океане сказаний», в истории о Сурьяпрабхе рассказывается о воздушных кораблях, движущихся с помощью механических двигателей и покрывающих большие расстояния с громадной скоростью. Они имеют круглую форму, подобны цветку лотоса, используются для разнообразных целей, в том числе, например, для переброски слонов, когда у одного из персонажей во время сражения обнаруживается недостаток этой ударной силы древнеиндийского войска.

не жену у мудреца сводим, не брахманов убиваем — намеки на хорошо известные предания об Индре; в первом случае имеется в виду история о том, как Индра, приняв облик мудреца Гаутамы и воспользовавшись его

отлучкой, обманом овладел Ахальей, женой Гаутамы, во втором случае — известный ведический сюжет об убиении Индрой данавы Вритры, который считался брахманом.

Книга о Шактияше

четыре великие (или благородные) истины — 1) жизнь исполнена страданий; 2) причиной страданий являются желания; 3) избавиться от страданий можно, лишь освободившись от желаний; 4) путь к освобождению лежит лишь на восьмичленном пути, исключающем крайности наслаждений и крайности аскетизма и самоистязаний.

Книга о Шашанкавати

кто одолеет ее в ученом споре — всякого рода ученые дискуссии по вопросам веры, философии, поэзии и т. п. нередко проводились при дворах царей. Далее Сомадева описывает в шутовском тоне саму процедуру спора, построение аргументации и его исход.

десять стран света — север, северо-восток, восток, юго-восток, юг, юго-запад, запад, северо-запад, зенит, надир.

Сокрушительница Бритых — под «бритыми» имеются в виду буддийские или джайнские монахи

с помощью шести указанных Буддой совершенств — т. е. парамит; их шесть: совершенство в щедрости, совершенство в целомудрии, совершенство в терпеливости, совершенство в настойчивости, совершенство в размышлении, совершенство в мудрости.

был он подобен павлину, заведшему облака, предвещающие наступление времени дождей — считается, что павлин, радуясь при виде дождевых туч, начинает пританцовывать.

неожиданно явились зловещие знамения — у древних индийцев, вне зависимости от их вероисповедания, была сильна вера в приметы, добрые и худые. Так, кроме тех, которые упомянуты в тексте, укажем: увидеть луну в четвертый день новолуния — значит поссориться; услышать рев слонихи при начале путешествия предвещает несчастье; падение гирлянды или цветка с изображения божества на голову предвещает успех и т. п.

Книга о Вишамашиле

походят на Гангу и Ямуну — после слияния у Праяги (совр. Аллахабад) воды обеих рек еще на долгом расстоянии продолжают сохранять свою окраску — вода Ганги прозрачна, а вода Ямуны мутная, желтая.

истреби без остатка млечиков, попирающих тройственную веру — Соммадева здесь, очевидно, имеет в виду уже мусульманские вторжения. Отсюда и слова о поправлении «тройственной веры», т. е. индуизма, в основе которого лежат три памятника, рассматриваемые как его канон, т. е. упанишад, брахмасутры и «Бхагавадгита».

Сделав меня выигранным рабом — рабовладение имело определенное распространение в Индии. Человек мог оказаться рабом, будучи захвачен в плен, по рождению, продав или проиграв себя самого.

ГЛОССАРИЙ

а б х и р ы — народность в древней Индии; в рассказе о ловкой крестьянке и глупом абхире, как и в ряде других мест «Океана сказаний», отражено падение роли абхиров в политической и культурной жизни Индии к концу I тысячелетия н. э. Ныне абхиры (ахиры), каста этнического происхождения, распространенная по всей Северной Индии и поставляющая пастухов, огородников и т. п.

Ага ст ь я — один из великих мудрецов индийской мифологии. Его отцами считаются боги Митра и Варуна. Он родился от семени, извергнутого ими при виде небесной девы Урваши и попавшего в горшок. Поэтому он носит эпитет Родившийся из горшка. Предание о том, что во время битвы между богами и асурами Агастья, стремясь помочь богам, вышел воду из океана, укрывшего в своих глубинах асуров, породило другой его эпитет — Выпивший океан.

Агн и — бог огня, один из древнейших индийских богов; олицетворяет солнце, молнию и огонь жертвенного алтаря. В качестве последнего считается посредником между людьми и богами.

а г р а х а р а — земля или деревня, группа деревень или даже целая джанапада, переданная брахману или группе брахманов в кормление, — одна из распространенных форм феодальных дарений. Брахманы во всем пользовались услугами населения и его экономическими ресурсами. Подобное дарение очищало дарителя от всех грехов.

а д — представления индийцев об аде существенно отличаются от христианских уже потому, что в главнейших индийских религиях предусматриваются перерождения, которые сами могут являться наказанием за греховную жизнь. Поскольку рождение наследника и продолжателя рода является священным долгом, то первый из семи адов индийской мифологии, Пут, специально предназначен для тех, кто не произвел потомства. Второй ад — Авичи, в нем влачатся в лишней грязи те, кто должен после заслуженных ими в прежних рождениях наказаний вновь родиться на земле, и те, кто уже прошел через них и ожидает нового рождения. Третий — Самхата, для всех совершивших сравнительно малые проступки, где грешники находятся в неимоверной тесноте. Четвертый — Тамисра, погружен в крошечный мрак и полон зловония. Пятый — Риджиша, где грешники беспорядочно мечутся, терзаемые огнем, змеями, хищными птицами, ядовитыми насекомыми, дикими зверями. Шестой — Кудмала, обитателей которого мучают всякие тяжкие недуги. Кудмала тянется вдоль реки Вайтарани, в которой вместо воды текут кровь, слезы, выделения и экскременты. Через нее должны переправляться все обреченные на пребывание в последнем, седьмом аду, который называется Какола, Талатала или Амбарипа. Погруженный в вечный мрак, он освещается лишь огненной бездной — тапаной, в которой терзаются грешники. Их мучения усугубляются тем, что каждого из них демоны-раува колют железными пиками; все их чувства обострены до крайней степени, так что малейшая боль причиняет сильнейшие страдания; жажду они могут утолить лишь питьем из Вайтарани; их жарят на раскаленной сковороде, раздирают плоть раскаленными щипцами, варят в кипящем масле. Через полный стонов и рыданий ад протекает река Шалмали, по берегам которой растут усеянные щипцами деревья, на которые, как на кол, сажают грешников. Этот ад предна-

значен для тех, кто ни в коем случае не заслуживал спасения, — для смеявшихся над богом или отрицавших его, преследовавших беспомощных, несправедливо живших, эгоистов. Никто из них не может надеяться на новое рождение, и они обречены оставаться в состоянии вечных мучений до того времени, пока не наступит пралай (см. далее) и не поглотит Брахму и все миры.

А д и т и — одна из древнейших богинь индийской мифологии, давшая жизнь богам, людям и другим живым существам.

а д и т ь и — семеро богов, сыновей Адити: Индра, Вишну, Варуна, Митра, Рудра, Пушан и Тваштар.

А л а к ш м и — богиня Неудача, старшая сестра богини счастья Лакшми; изображается в виде старухи с толстым брюхом и длинным носом, едущей верхом на осле.

А м а р а в а т и — столица Индры, город-крепость, посередине которого стоит сверкающий дворец Вайджаянта. Вокруг него расположен сад Нандана, рай индийской мифологии, где растут кальпаврикша, париджата, мандара и другие райские деревья.

а м р и т а — напиток, дарующий бессмертие. Он был утрачен во время всемирного потопа, и боги со своими сородичами-соперниками асурами решили извлечь из Молочного океана золотой сосуд с драгоценным напитком и другие священные сокровища, также утраченные во время потопа. Асуры согласились при условии справедливого раздела всего добытого. Однако, когда сокровища были извлечены, из-за дележа добытого разгорелся спор, в котором боги одержали верх.

А н а ш в а р и — букв. «неувядающая», название гирлянды, надеваемой на невесту при совершении свадебного обряда.

а н г а — древний этноним, также — название страны, примерно совпадавшей территориально с округом Бхагалпур в штате Западная Бенгалия. Столица страны ангов — Чампа.

А н д х а к а — один из асуров, сын Кашьяпы и Дити, родившийся слепым, но затем у него выросли тысяча рук и голов, две тысячи глаз и ног, и он стал хорошо видеть. Попытался похитить из сада Индры дерево париджата и был убит за это Шивой.

а н к — крюк с рукояткой, которым погоняют слона.

а н т а х п у р — женская половина дворца или дома.

А р у н д х а т и — супруга Васиштхи, одного из древних мудрецов; символ супружеской верности и постоянства.

а п с а р а — небесная дева, олицетворение тумана или облака; апсары обитают на небе Индры. Наиболее известны Урваши, Тилоттама, Рамбха.

а р х а т — букв. «достойный», джайнский святой; в буддизме — святой, избавившийся от гордыни, своекорыстия, невежества и прочих пороков и достигший нирваны.

а с у р ы — братья богов, девов, соперничавшие с ними, дети мудреца Кашьяпы и праматери Дити.

а ш а д х — месяц индийского календаря, от середины июня до середины июля.

а ш в а м е д х а — принесение в жертву коня для расширения царства, обретения потомства или искупления грехов. Совершивший сто таких жертвоприношений считался равным Индре.

а ш в а т т х а — также пиппал, священная фиговая пальма. По преданиям, боги собираются под ней на совет, под ней же родился Вишну. В этой связи около нее обычно совершаются специальные обряды, после которых она считается посвященной Вишну. Если такие обряды не совершены, то она становится обиталищем всякой нечистой силы.

а ш о к а — по поверью, это дерево расцветает, если его заденет ногой девушка, которая вскоре выйдет замуж; цветет оранжево-красными цветами. Индусские женщины пьют настоящую на его листьях воду, чтобы избавить своих детей от порчи.

а ш р а м — жилище подвижника, аскета; иногда — усадьба, поместье.

Бали — царь из рода асуров; в его стране все люди были счастливы. По этой причине боги стали опасаться, что никто не будет им верить и приносить жертвы, и решили погубить Бали. Вняв их мольбе, Вишну, зная щедрость и великодушие Бали, от которого ни один проситель не уходил неудовлетворенным, обратился в карлика-брахмана и попросил у него столько земли, сколько он сможет покрыть за три шага. Бали согласился, и тогда Вишну, обретя свой подлинный облик, перешагнул за два шага небо и землю, а на третьем шаге опустил ногу на голову Бали и низверг его в подземный мир.

Бана — асура, сын Бали. Его дочь Уша влюбилась в Анируддху, сына Прадьюмны, брата Кришны. Поскольку Бана был другом Шивы и врагом Вишну, земной ипостасью которого был Кришна, он воспротивился этой любви и в схватке одолел Анируддху. Тогда Кришна со своими братьями Прадьюмной и Баларамой кинулись на выручку Анируддхе, и во время битвы, несмотря на покровительство Шивы, все две тысячи рук Баны были отсечены Кришной.

Балини — имя одного из царей обезьян в «Рамаяне», старший брат Сугривы, убийц Рамой.

бетель — освежающее и дезинфицирующее рот средство, широко распространенное в Индии и других странах Южной и Юго-Восточной Азии. Состоит из орехов арековой пальмы, листьев особого вида кустарника и небольшого количества извести. При жевании бетеля губы и полость рта окрашиваются в кирпично-желтый или кроваво-красный цвет.

би́льва — дерево дикой яблони (и ее плод), посвященное Шиве. Никто, кроме брахманов-шиваитов, не должен использовать ее древесину на топливо. Плоды билвы употребляют при жертвоприношениях.

бимба — лесное дерево, приносящее плод красного цвета, с которым обычно сравнивается нижняя губа женщины.

бодхисаттва — в позднем буддизме божество, периодически являющееся на землю для того, чтобы вести всех людей к избавлению от страданий.

Брахма — верховное божество в индуизме; абсолютный дух, порождающий все сущее. Однако в процессе развития верований, объединяемых индуизмом, положение верховного бога-творца оказалось отдано либо Шиве у шиваитов, либо Вишну у вишнуитов. В Индии имеется всего лишь один храм, посвященный Брахме, стоящий у озера Пушкар (Раджастхан). Его эпитеты — Питамаха (Праотец), Чатуранана (Четырехликий), Камаласана (Сидящий на лотосе), Сваямбху (Самосущий).

брахманы — высшее сословие древнего и средневекового индийского общества, охватывавшее главным образом жречество и составлявшее значительную часть социальной элиты. Обязанностью брахмана было совершать ежедневные обряды, предусмотренные шастрами и сутрами, жертвоприношения, имеющие какое-либо специальное назначение; в число его функций входили также обучение ведам и толкование их. Брахманы обладали рядом исключительных привилегий — представители всех прочих сословий и каст обязаны были выказывать им уважение, приносить им различные дары, их нельзя было подвергнуть смертной казни и т. п.

В настоящее время существует более 1800 брахманских каст, возводящих свое происхождение к тому или иному роду, возглавлявшемуся кем-либо из ведических мудрецов.

брахмаракшас — т. е. брахман среди ракшасов; дух брахмана, недостойно ведшего себя за время своей жизни: уводившего чужих жен, похищавшего имущество брахманов и т. д.

Брихаспати — древний мудрец, наставник богов, воплощение мудрости и проникаемости. Иногда отождествляется с Брахмой. От его имени произведено название одной из древнейших школ индийского материализма — бархаспатья.

Бхарадваджа — один из древних мудрецов, которому приписываются многие из ведических суктов (гимнов). Его подвижничество во имя веры было столь сильно, что угрожал богам, и Индра послал апсару Гхри-

тачи, чтобы она его соблазнила. От союза Бхарадваджи и Гхритачи родился Дропа, один из главных персонажей древнеиндийской эпопеи «Махабхарата».

Б х а р а т а — сын царя Душьянты и Шакунталы, родоначальник Лунной династии.

б х и к ш у — нищенствующий буддийский монах; нищенство является символом отвержения мира. С течением времени термин «бхикшу» стал применяться также и к джайнским монахам.

б х и л ы — этноним; племена бхилов расселялись на значительной территории юго-востока Раджастанхана, Гуджарата, Мадхья Прадеша, на горах Виндхья.

Б х р и н г и н — один из служителей Шивы.

В а й д е х и — прозвище Ситы, супруги Рамы, по месту ее рождения — царству Видеха.

б х у т ы — духи людей, умерших насильственной смертью; злые духи, оборотни.

в а й ш ь я — название сословия древнего и средневекового индийского общества, в состав которого входили преимущественно ремесленные и торговые касты.

В а л ь м и к и — автор древнеиндийской эпопеи «Рамаяна».

В а м а д е в а — один из древних мудрецов, автор многих суктов в священной книге индийцев «Ригведе».

В а р у н а — один из древнейших богов индийской мифологии, бог океана.

В а р ш а — древнеиндийский ученый-грамматист, наставник Вараручи и Паини, прославившихся соответственно сочинениями по грамматике пракритов и санскрита.

В а с у к и — один из великих змеев индийской мифологии. При пахтанье океана боги и асуры использовали его как веревку для мутовки, в качестве которой послужила гора Меру.

в а т а — род фиговой пальмы, одно из священных деревьев.

в а т с а — древний этноним; народность ватсов расселялась в междуречье Джамны и Ганга. Их столица Каушамби стояла на Джамне, в районе города Косам, в 50 км к западу от Аллахабада.

в а х а н а — ездовое животное, птица или земноводное, которым пользуется то или иное божество индуизма; так, у Шивы ваханой является бык, у Вишну — коршун, у Ганеши — мышь и т. д.

В а ю — бог ветра в древнеиндийской мифологии, колесничий бога огня Агни.

в е д ы — священные книги древних индийцев. Смысл ведических текстов стал уже в глубокой древности предметом споров, усилившихся в связи с тем, что они были известны во многих редакциях: «Ригведа» — в двадцать одной, «Яджурведа» — в ста, «Самаведа» — в тысяче и «Атхарваведа» — в девяти.

в и д у ш а к а — имя персонажа; также название ампула наперсника в древнеиндийской драматургии. Иногда отождествляется, хотя без достаточных оснований, с шутом средневековой европейской драматургии.

в и д ь я — «знания, обретшие человеческий облик», шестнадцать младших божеств, сопровождающих богиню мудрости Сарасвати: Рохини, Праджняпати, Ваджрашринкхала, Кулишанкуша, Чакрешвари, Нарадатта, Кали, Махакали, Гаури, Гандхари, Сарвастрамахаджвала, Манави, Вайротья, Ачхупта, Манаси, Махаманасика.

в и д ь я д х а р ы — букв. «хранители знания», мифические антропоморфные существа, населяющие воздушное пространство. Двигаясь по земле, они, подобно другим небожителям, не оставляют следов.

в и н а — музыкальный щипковый инструмент с дополнительным резонатором в верхней части грифа.

В и р а т а — правитель страны матсьев, во дворце которого скрывались в последний год изгнания братья-пандавы, центральные герои «Махабхараты».

в и х а р а — буддийский храм или монастырь, часто устраивавшиеся в пещерах.

Вишвакарман — один из ведических богов, искусный мастер.

Вишну — одно из трех главных божеств индуизма, олицетворение солнца и света, охранитель мира; у вишнуитов обрел черты бога-творца, периодически воплощающегося на земле для защиты миропорядка от действий асуров. Число его аватар, земных воплощений, варьируется. Наиболее известны аватары в образе Курмы (черепахи), Варахи (веоря), Матсьи (рыбы), Нарасимхи (человекольва), Ваманы (карлика), справедливого царя Рамы, бога-пастуха Кришны, Будды, Калки (всепоглощающего огня, уничтожающего вселенную). Его эпитеты — Ананташаяна (Возлегающий на змее Ананте), Дхарма (Справедливость), Чатурбхуджа (Четырехрукий), Хари (Рыжеватый), Джуганнатха (Покровитель мира), Лакшминати (Супруг Лакшми), Ачюта (Нерушимый).

Вритра — предводитель асуров, враждовавший с Индрой.

Вьяди — древнеиндийский грамматист и философ, приблизительно VI в. до н. э.

Галава — сын мудреца Вишвамित्रы, одного из авторов ведических सूтов. Страдая от бедности, Вишвамित्रа был вынужден продать сына в рабство. Царевич Сатьяврата купил его и подарил Вишвамित्रе.

гана — одно из сопровождающих Ганешу младших божеств, изображается обычно в виде толстого карлика.

Ганга — олицетворение небесной реки, старшая дочь Хималая и сестра Парвати.

гандхарвы — полубоги, небесные музыканты; изображаются в виде существ с телом, верхняя часть которого человеческая, с крыльями, нижняя — лошадиная; их лица подобны птичьим. Брак по обряду гандхарвов — брак по любви, не связанный с исполнением каких-либо обрядов; вообще свободная любовная связь.

Ганеша — сын Шивы и Парвати. Изображается со слоновьей головой — по преданию, Шива разгневался на сына за то, что тот помешал ему войти в покои матери, когда она совершала омовение, и оторвал Ганеше голову. Чтобы утешить Парвати, Шиве пришлось посадить на его плечи первую же попавшуюся ему под руку голову — голову слона. Ганеша — один из самых популярных в Индии богов. Он — бог мудрости, учености, знания, ремесел и искусств, предводитель ганов, составляющих свиту Шивы. Его эпитеты — Гаджанана (Слоноликий), Ганapati (Повелитель ганов), Херамба (Обжора), Вигхнеша (Повелитель препятствий, Сокрушитель препятствий), Винайка (Предводитель).

ганы — младшие божества, составляющие свиту Шивы. В их число входят адитьи (персонифицированные двенадцать фаз солнца), вишвадевы (божества, связанные с погребальными обрядами), васу (олицетворение сил природы), садхьи (персонифицированные ведические обряды и гимны) и сорок девять рудр (грозовые божества).

Гаруда — божественный коршун, сын прародителя Кашьяпы и Винаты, дочери Дакши. Он изображается в виде гигантской птицы с человеческим лицом и с клювом вместо носа; является ваханой Вишну.

Гаутама — один из древних мудрецов, персонаж ряда преданий.

гаятри — олицетворение одного из гимнов «Ригведы», написанного в размере гаятри.

готра — брахманский род; по преданию, готры были основаны древними мудрецами, авторами ведических гимнов Агастьей, Ангирасом, Атри, Бхарадваджей, Бхригу, Готамой, Джамадагни, Канвой, Кашьяпой, Крату, Маричи, Пулахой, Пуластьей, Васиштхой и Вишвамित्रой.

гунны — Индия претерпела ряд гуннских вторжений, начиная с конца V до середины VI в. Некоторые гуннские племена осели в Индии и ассимилировались с ее населением.

гухьяки — полубоги, ночные духи, служители Куберы, бога богатства; населяют леса, пещеры, всякие темные места.

Гхатоткача — сын Бхимы, одного из сыновей Панду, и ракшасы Хи-

димбы, обладавший громадной силой. Он участвовал в битве при Курукшетре, описанной в «Махабхарате», и его смог сразить лишь великий герой Карна, да и то копьём, посланным самим Индрой.

да й т ь и — сыновья праматери Дити от мудреца Кашьяпы, одного из семи праотцев всего сущего. От 13 дочерей мудреца Дакши, которых Кашьяпа взял в жены, родились: от Адити — адитьи; от Аришты, или Муни, — гандхарвы, небесные музыканты; от Дити — асуры и дайтьи, соперники богов; от Дану — данавы; от Винаты — Гаруда, небесный коршун; от Кадру — наги, змеи; от Кхасы — якши и ракшасы, соответственно добрые и злые духи; от Кродхи — пишачи и другие чудища с острыми зубами, пожирающие мясо; от Калаки и Пуломы — соответственно калаканджи и пауломы, многочисленные свирепые и сильные существа; от Сурабхи — рудры, боги бури; от Рохини — все рогатые существа.

да ма р у — род барабана, по форме похожего на песочные часы.

Да мо да ра — эпитет Кришны, одной из 24 аватар (ипостасей) Вишну, букв. «обвязанный по поясу веревочкой». Когда Кришна был малышом, его привязывали веревкой к каменной ступе, чтобы он не уползал со двора. Соперник Сурьяпрабхи носит это имя, поскольку ему покровительствует Вишну. Сам же Сурьяпрабха пользовался покровительством Шивы.

да на в ы — сыновья праматери Дану.

Д жа ла па да — имя одного из наиболее видных руководителей натхов, религиозно-реформаторского движения конца I тысячелетия.

д жа м б у — розовая яблоня; также священное дерево, растущее на мифической горе Меру. Его плоды достигают величины слона и, созревая, падают на склоны горы. Из сока этих плодов образуется река Джамбу, воды которой дают бессмертие.

Д жа м б у д и па — название главного материка мифической географии древних индийцев, в центре которого возвышается гора Меру.

Д жа на ки — прозвище Ситы, супруги Рамы, по ее отцу, которого звали Джанака.

д жа н е в — шнур, который надевают после обряда инициации брахманы; сплетенный из трех хлопчатобумажных нитей, он носится на левом плече и пропускается под правой рукой.

д жа та ка — жанр повествовательной буддийской литературы; сюжет каждой джатаки повествует о деяниях Будды в его прежних перерождениях.

д жа т ра — праздничное шествие, обычно в честь какого-либо бога.

Д ж и на — букв. «побеждающий»; эпитет Махавиры и других великих наставников (тиртханкаров) у последователей джайнизма; иногда — эпитет Будды.

д жь о т пра са — название минерала; предположительно слюда.

ди на ра — золотая монета; по-видимому, как обозначение золотой монеты слово «динара» появилось в Индии после похода Александра Македонского.

Д у н д у б х и — имя асуры, одного из сыновей асуры Мая.

д ха р ма — совокупность религиозно-правовых установлений, определяющих образ жизни; также — справедливость.

Д ха р ма — относится к числу прародителей, но по преимуществу выступает как бог справедливости. Позднее рассматривался как одна из ипостасей Вишну.

Д ха р ма ра д жа — букв. «царь справедливости», эпитет Ямы, бога смерти.

д ха р ма ша ст ры — тексты, представляющие собой сборники религиозно-правовых установлений.

И к ш ва ку — один из предков Рамы, героя классической индийской эпопеи «Рамаяна», легендарный царь, сын прародителя Вайвасвата Ману.

И н д ра — царь богов в древнеиндийской мифологии, первоначально — бог солнца, сын прародителей Кашьяпы и Адити, или же Неба и Земли. Его оружие — ваджра, «молния», род палицы; вахана — слон Айравата или белый конь Уччайшравас. Его супруга — Шачи, или Индрани. Обычные

эпитеты — Магхаван (Щедрый), Вритрахан (Убийца Вритры), Сахасракша (Тысяческий), Шаkra (Могучий), Шатакрату (Совершивший сто жертв ашвамедха), Ваджрапани (Держащий палицу).

Индрадатта — брат Вьяди, древнеиндийского грамматиста, и сам автор грамматики, предшествовавшей грамматике Панини.

й о г а — одна из древнеиндийских философских систем.

й о г и н и — ведьма, колдунья.

й о д ж а н а — мера длины, около 15 км.

К а б а н д х а — букв. «туловище», имя ракшаса.

К а л а — букв. «время»; эпитет богов Ямы и Шивы, означающий «всесокрушающее время».

К а л и — дух зла, по имени которого названа последняя, четвертая эра индийской мифической хронологии, калиюга, характеризующаяся всеобщим упадком.

К а л и и Д в а п а р а — олицетворения двух сторон игральной кости, соответственно с одним и двумя очками, имена двух демонов-мошенников, воплотивших в себе наихудшие пороки.

К а л и д а с а — классик древнеиндийской литературы, автор эпических поэм «Потомки Рагху» и «Рождение бога войны», пьес «Узнание Шакунталы», «Маявика и Агнимитра» и «Мужество Урваши», лирических поэм «Времепа года» и «Облако-вестник».

ка л ь п а — космический период. Протяженность калп в разных памятниках определяется по-разному, от 4 320 000 000 до 432 000 000 лет.

ка л ь п а в р и к ш а — пожелайдереву, одно из пяти деревьев, растущих в саду Нандане, раю Индры. Во времена критаяуги (золотого века) оно росло на земле, и поэтому у людей не было пужды в собственности, поскольку, если им что-то было нужно, они сажались под дерево и получали желаемое. Часто смешивается с другими райскими деревьями — париджа-той и мандарой, хотя функция у них иная — сажающийся под ними избавляется от каких бы то ни было желаний и тревог и достигает божественного покоя.

К а м а — бог любви. Вооружен луком из стеблей сахарного тростника. Его супруга — Рати, олицетворение любовной страсти. Согласно легенде, Шива после трагической гибели своей первой жены, Сати, предался аскетическим подвигам. Между тем она вновь родилась в облике Парвати, дочери Хималая. Влюбившись в Шиву, она устроила свое жилище неподалеку от того места, где он совершал подвижничество, и стала поклоняться ему. В это время ракшас Тарака стал угрожать существованию всех миров, и, поскольку сразить его мог только сын Шивы, боги послали Каму, чтобы тот пробудил в нем чувство любви и таким образом отвлек его от подвижничества. Улучив момент, когда Парвати проходила мимо Шивы, Кама метнул в него стрелу. Разгневанный Шива, чтобы не нарушать подвижнического сосредоточения, усилием воли создал у себя во лбу третий глаз и изверг из него огонь, обративший Каму в пепел. Это, однако, не смогло уничтожить чувства любви, и Кама, как ее олицетворение, продолжал жизнь как Ананга (Бестелесный). Родившийся же в результате союза Шивы и Парвати Сканд, бог войны, достигнув возраста семи дней, сразил демона Тараку. Эпитеты Камы — Кандарпа (Доставляющий удовлетворение), Кусумаюдха (Цветогострый), Мада (Своевольный), Мадана (Опьяненный), Мара (Разрушитель), Манматха (Возбуждающий), Пушпадхану (Цветолукий), Панчасаяка (Пятистрельный), Смара (Напоминающий).

К а н в а — древний мудрец, которому приписывается авторство нескольких сутков «Ригведы». В его обители выросла Шакунтала.

ка п а л и к а — подвижник, принадлежащий к одной из шиваитских сект, члены которой поклонялись Шиве в его особо ужасной ипостаси Бхайравы. Капаликам предписывалось для осуществления всех желаний вкушать пищу из чаши, сделанной из человеческого черепа, умащать тело пеплом от сожженных трупов, глотать этот пепел, ходить с посохом или трезубцем, иметь при себе сосуд с вином и использовать его при поклонении богам.

капинджала — род сойки.

карма — совокупность добрых и дурных дел, совершенных в прежних рождениях, определяющая статус человека и вообще любого существа в данном рождении.

карнай — духовой инструмент с длинным коническим резонатором.

карнаты — древнее название народа каннада, населяющего нынешний штат Карнатак.

карпатика — вообще паломник; слуга, сопровождающий господина, едущего верхом.

Картিকেя — букв. «рожденный от Криттик», т. е. шести дев, персонафицируемых как созвездие Плеяд; эпитет бога войны Сканды.

«Катантра», также **«Калапака»** — название грамматического трактата, являющегося, как считают, сокращением знаменитой грамматики санскрита Панини. Автор «Катантры» жил предположительно в I в. н. э.

киняры — полубоги с конской головой, человеческой верхней половиной тела и птичьей нижней; певцы и музыканты богов, родственны гандхарвам.

кирата — древний этноним, название племени, жившего в горах и промышлявшего охотой.

койль — род индийской кукушки.

колесницы — один из четырех родов войск в древней Индии; три других — пешие воины, всадники, слоны.

кос — см. **кроша**.

Кришна — восьмая аватара Вишну, бог-пастух; обычно изображается черным, что, собственно, и означает его имя, или темно-синим. Один из наиболее популярных героев индийского фольклора.

крор — индийская единица счета, равна 10 миллионам.

кроша — мера длины, равная приблизительно 3,5 км.

кумбханды — злобные божества, изображаемые в виде толстых карликов, особенно враждебны к людям.

кумуда — род лотоса.

кумудвати — небольшой пруд, заросший лотосами.

кшатри — воинское сословие в древнеиндийском обществе.

Лакшми — богиня счастья, богатства и красоты, одно из 14 сокровищ, добытых богами и асурами при пахтании Молочного океана.

Лилавати — супруга асуры Мая, мать Сунитхи; по ее имени назван древний математический трактат.

линга (лингам) — фаллос Шивы, являющийся объектом поклонения. Выполненный из камня, глины (сырой или обожженной) или металла, линга — непременный элемент не только пиваитских храмов, но и домашнего алтаря индуистов-пиваитов.

локапалы — группа младших божеств в индуизме, джайнизме и буддизме, функция которых состоит в защите стран света от сил зла.

Лунная династия — одна из двух легендарных династий; возведение к одной или другой (Солнечной) — непременный элемент генеалогии каждого из индийских правителей. Основана Чандрой (Луной), сыном мудреца Атри. Среди своих первых представителей Лунная династия имела Пурураваса, от детей которого пошли различные династии, правившие в царствах Северо-Западной Индии.

Мадхава — эпитет Вишну или Кришны.

мадхави — лиана с крупными белыми пахучими цветами; в поэзии часто используется как образ женщины, нуждающейся в опоре.

Май — один из главенствующих асуров, сын мудреца Кашьяпы и прародительницы Дану, искусный механик, строитель трех городов — Золотого, Серебряного и Железного, плававших в поднебесье, подобно облакам. Эти три города были уничтожены Шивой, почему он и носит эпитет Трипурадаха (Спалявший три города). Тогда Май создал водоем, наполненный амритой, благодаря которой асуры могли жить. Брахма и Вишну, обратившиеся в корову и теленка, выпили из водоема всю амриту и тем самым окончательно погубили асуров.

ма н д а р а — см. кальпаврикша.

ма н т р а — заклятие, обычно состоящее из нескольких слогов; жертвенная формула.

ма р у т ы — ведические боги ветра и бури, друзья и союзники Ипдры.

Ма та н г а — один из древних мудрецов, которому приписывалось создание этической системы, основным принципом которой было: «Человек должен постоянно трудиться, ни перед кем не склоняя головы».

ма та н г и — древний этноним; употребляется Сомадеевой синонимично с терминами «шабара», «пулинда» и т. п.

Ма те р и — древние женские божества, происхождение которых восходит к матриархату. Число их различно, но чаще всего фигурируют семь: Брахмани, Махешвари, Каумари, Вайшнави, Варахи, Индрани, Чамунда — или восемь, с добавлением Нараснхи или Чандики. Все они считаются женскими ипостасями мужских божеств, но некоторые из них выступают и как ипостаси Деви, супруги Шивы. Кроме того, в их качестве могут выступать восемь аватар самой Деви — Диргханакха, Диргхаданта, Диргхатунда, Нирмансачатри, Кришпамегханибха, Диргхакеша, Ламбакарна, Ламбапайодхара.

Ма ха ка ла — букв. «великое время», ипостась Шивы в образе всепоглощающего времени. Город Удджайни, столица царства Аванти, служил храмом, посвященным этой ипостаси Шивы.

Ма хи ша — асура, известный тем, что целых сто лет вел войну с богами, одолев их и разорил небесное царство. Его не мог убить ни мужчина, ни зверь. Пал в бою с Дургой, супругой Шивы, поскольку она не мужчина и не зверь. Махнша изображается в виде буйвола либо в виде человека с буйволиной головой.

ма ша — мера веса драгоценных металлов и камней, равная приблизительно 17 тройским гранам.

Ме ру — мифическая гора, состоящая целиком из золота, центр вселенной и обиталище богов. На вершине Меру находится Сварга, рай Индры.

м ле ч ч х и — собирательный термин, под которым в древней и ранне-средневековой Индии понимали все пришлые, неиндийские племена и народности; также варвары. У Сомадеевой отражена реальная действительность тех времен, когда индийские царства на северо-западе стали подвергаться вторжениям мусульманских феодалов.

мо к ша — конечное освобождение души от перерождений; в индуизме — конечная цель человеческой жизни.

м ри да н г — род барабана в виде бочонка, на котором играют с обеих сторон.

На га р д ж у н а — знаменитый индийский философ и ученый, буддист, живший, возможно, во II в. н. э. Полагают, что он обладал обширными знаниями в астрономии, медицине и других науках. Известен еще один Нагарджуна, живший в VII—VIII вв. н. э., которому приписывают трактат о различных лекарственных средствах, приготавливаемых из металлов, особенно из ртути.

на ги — древний этноним, название народности, тотемом которой была кобра. Наги, являвшиеся первоначальниками Кашмирской долины, были вытеснены пшачами на равнинную часть Индии. Мифологически наги предстают как дети мудреца Кашьяпы, особо почитавшегося в Кашмире, и его жены Кадру; считаются в родстве с асурами и во вражде с божественным коршуном Гарудой и всей его родней. Самые значительные среди нагов. Маханаги (т. е. «великие змеи») — Васуки, Такшака, Каркотака, Падма, Махападма, Шанкхпала и Кулика.

На н да — название династии, правившей в Магадхе приблизительно с 364 по 334 г. до н. э. По преданию, основатель этой династии — незаконный сын последнего царя из династии Шайшунага от женщины из варны шудра, или куртизанки и цирюльника из этой же варны. Последний представитель данной династии был убит в 322 г. до н. э. Чандрагуптой Маурья, основавшим династию Маурья.

Н а н д и н (**Н а н д и**) — белый бык Шивы, его вахана. Изображение быка сопутствует Шиве в любой его ипостаси.

Н а р а д а — мудрец, сын прародителя Кашьяпы; ему приписываются несколько суктов из «Ригведы». Нарада часто играл роль посредника между богами и людьми, иногда провоцировал ссоры и столкновения. Считается покровителем музыки и изобретателем вьпы.

Н а р а я н а — букв. «движущийся на водах»; эпитет Брахмы, который, согласно одному из мифов, тайлся в лотосе, плававшем в мировом океане. Используется и как эпитет Вишну, покоящегося среди мирового океана на змее Шеше, а также как эпитет Кришны.

Н а р а я н и — одно из имен богини Дурги, одной из ипостасей Парвати, супруги Шивы.

Н а р м а д а — название реки; Сомадева ссылается на рассказ «Рамаяны» о столкновении между царем ракшасов Раваной и царем Арджуной, правившим в Махиспмати. Равана совершал жертвоприношение Шиве, но оно оказалось прерванным внезапным разливом Нармады. Слуги Раваны донесли ему, что какой-то богатырь развлекается с женами в водах Нармады и его тело запрудило поток. Когда разгневанный Равана напал на него, то Арджуна поднялся, «высвободившись из ее объятий», вступил в бой и панес Раване поражение.

Н а х у ш а — отец царя Яяти из рода Яду, обращенный проклятием мудреца Агасти в змея. Он избавился от проклятия только тогда, когда охваченный своими кольцами Бхисму, деда братьев-пандавов, и держал так до тех пор, пока старший из них, Юджистхира, не высвободил Бхисму из его объятий.

Н и р р и т и — первоначально один из рудр, божество, предводительствующее всеми злыми силами; позднее божество смерти и разрушения, мрака и зла, физического распада, предшествующего смерти.

н и ш а д о — этноним одной из народностей древней Индии, расселявшейся в районе гор Виндхья.

Н и ш у м б х а — имя асуры, бывшего министром в царстве своего брата Шумбхи, правившего в Патале. Они подвергали себя всяческим испытаниям, чтобы умиловить Шиву и добиться бессмертия. Чтобы нарушить подвижничество братьев, Индра послал к ним апсар Рамбху и Тилоттаму. Однако после пяти тысяч лет любовных утех Шумбха и Нишумбха возобновили свое подвижничество, и через тысячу лет Шива поделил их такой мощью, которая превзошла могущество всех богов. Братья начали войну против богов, и те возмозились к Брахме, Вишну и Шиве о спасении. Тогда Шива посоветовал им умолиить богиню Дургу о помощи. Когда Дурга явилась перед Шумбхой, он возжаждал ее. Она согласилась уступить ему при условии, что он ее одолеет в поединке. Поскольку оказанная Шивой милость давала братьям превосходство над богами, но не над богинями, Дурга сразила и Шумбху, и Нишумбху.

о м — священный слог, используемый при начале любого ритуала и открывающий любое сочинение. В нем символизируются макрокосм и микрокосм в рождении, бытии и гибели.

п а й ш а ч и — язык народности пишача, населявшей некогда долину Кашмира.

п а к ш а — половина лунного месяца.

п а л л и — селение, деревня; небольшой город.

п а н д а л — палат, устраиваемый из больших кусков ткани или циновок, предназначаемый для каких-либо торжественных собраний. Ныне пандалы воздвигаются, например, при проведении митингов, съездов, конференций.

П а н д у — отец героев «Махабхараты», пяти братьев, которых называли пандавами.

П а н и н и — знаменитый индийский ученый, живший предположительно во II—I вв. до н. э., создатель «Аштадхьяи», грамматики санскрита.

п а н ч а л ы — древний этноним; название народности, расселявшейся между реками Чамбал и Ганг, а также в междуречье Джамны и Ганга.

Парвати — букв. «горная», имя-эпитет супруги Шивы, дочери Хималая; совершенство красоты и страсти. Постоянно ссорилась и примирялась с супругом; их объятия бывали столь сильны, что при одном из них супруги обратились в единое существо, совмещающее в себе и мужское и женское начала, Ардханаришвару, считающееся ипостасью самого Шивы. В другом случае они исчезли сами, слившись в лингайони, воплощение мужского и женского начала, иногда символизируемое горящим светильником. Парвати также выступает под следующими именами-эпитетами: Амба, Амбика (Мать, Матушка), Аннапурна (Подательница пищи), Бхавани (Сущая), Девы (Богиня), Дурга (Неодолимая), Махадеви (Великая богиня), Ума (Свет), Минакши (Рыбоглазая), Гаури (Горная) и т. д. Ее ваханой является лев. В изображениях вместе с Шивой у нее две руки, в самостоятельных — четыре.

Пата́ла — последний из семи подземных миров, заселенный нагами. **пашу́паты** — одна из шиваитских сект, участники которой во времена Сомадевы пользовались скверной репутацией, поскольку их культ включал в себя обряды, связанные с оргиастическими процедурами, доведением участников обрядов до состояния транса, предусматривавшие поедание человеческой плоти, и т. п.

персы — санскр. парасика; жители северо-запада Индии постоянно находились в различных связях с персами, а земли по правому берегу Инда входили при Дарии (VI в.) в состав Персидского царства в качестве самостоятельной сатрапии.

пишача — древний этноним; название народности, некогда населявшей Кашмирскую долину. Позднее пишачи фигурируют в мифологии как злые духи, род демонов, в народных поверьях — дух убийцы.

Праджапати — термин, означающий собственно «повелитель рожденных». Праджapati часто отождествляется с Брахмой, как верховным божеством, творцом земли и неба.

прати́ога — представление; танец-пантомима, род пролога к пьесе, в котором ее герой вводится как действующее лицо.

Прад́ьота — царь Магадхи, персонаж многочисленных преданий и литературных произведений.

пала́я — день конца света, конец калпы, когда весь мир истребляется огнем и водой, на небе восходят двенадцать солнц, оно закрывается тучами, мечущими огонь, и все приходит в состояние первоначального хаоса.

прати́шакхья — жанр древнеиндийской комментаторской литературы, истолковывающей содержание той или иной редакции вед.

Прахла́да — вопреки обычному в легендах изображению его как поклонника Вишну Сомадева, похоже, выставляет его как сторонника Шивы. В свое время отец Прахлады, асура Хираньякашипу, был возмущен сыном, начавшим поклоняться Вишну, и спросил, почему он поклоняется тому, кто не всемогущ, поскольку не может сразить его, Хираньякашипу, и не вездесущ. При этих словах он ударил ногой по колонне. Тогда она раскололась, и из нее вышел Вишну в образе человекольва, Нарасимхи, и растерзал Хираньякашипу, которого не мог сразить ни человек, ни зверь.

прати́ломано́ма — название заклинания состоит из двух слов: «анулома» («естественный») и «прати́лома» («противоестественный»). Анулома также означает вид брака, в котором муж принадлежит к более высокой касте, прати́лома — тот вид брака, в котором к более высокой касте принадлежит жена.

прати́хара — привратник, страж у дверей; в некоторых государствах древней и средневековой Индии название важных придворных чинов — церемониймейстера, канцлера, главного министра и т. п.

прахели́ка — своеобразный жанр древнеиндийской повествовательной литературы, представляющей собой сюжетное повествование, развязку которого должен был давать слушатель.

Прита́ху — имя древнего царя, правившего северо-восточной частью Индии.

пулипды — древний этноним; у Сомадевы используется в том же значении, что и термины «бхилы», «шабары», «матанги» и т. п.

пурохита — букв. «поставленный впереди»; жрец, выполняющий обряды для царской семьи. Пурохиты при царе выполняли роль советников, принимали непосредственное участие в государственных делах.

пуруша — собст. «человек», статуя, истукан; название монеты.

пхальгуна — месяц индийского календаря, приблизительно с середины февраля до середины марта.

пять огней — каждый брахман обязан поддерживать пять огней: гарханатья — огонь домашнего очага; ахавания — огонь на алтаре для жертвоприношений; дакшинагни — огонь, специально разводимый с южной стороны жилища для жертвоприношений предкам и духам; сабхья — огонь, разжигаемый для общины; авасатхья — огонь святильника.

Равана — ракшас, повелитель царства Ланки, похитивший супругу Рамы Ситу.

Рагху — древний царь, основатель династии Икшваку, к которой принадлежал Рама.

раджаварта — род гранита.

раджпут — букв. «царский сын»; приближенный царя. Позднее — член воинской касты; житель Раджпутаны, этноисторического района, в основном соответствующего территории штата Раджастхан.

ракшасы — демоны, олицетворение сил зла; враждебны людям.

Раху — имя асуры, пытавшегося во время дележа четырнадцати сокровищ, добытых из Молочного океана, похитить чашу с амритой. Сурья (Солнце) и Чандра (Месяц) заметили это и указали на него Вишну. Тот, бросив свое метательное кольцо (чакру), отсек Раху голову, но поскольку он успел пригубить амриты, его голова обрела бессмертие и скитается в мировом пространстве, время от времени пытаясь в отместку проглотить Солнце или Месяц, чем и объяснялись у индусов солнечные и лунные затмения.

рохини — название дерева; под этим названием могут подразумеваться разные деревья с большой, раскидистой кроной — манго, баньян, платан и др.

Рохини — любимая жена Чандры (см. Раху), одна из дочерей прародителя Дакши. Также название одного из созвездий лунного зодиака.

рудры — группа из десяти или одиннадцати божеств, сопровождающих ведического бога бури Рудру, в позднейшей мифологии слившегося с Шивой. Их имена разнятся в различных памятниках. Рудры изображаются с 16 руками.

Рукмини — имя первой жены бога-пастуха Кришны, земное воплощение Лакшми, богини счастья.

Савитри — имя героини одного из вставных сказаний «Махабхараты». Савитри, дочь царя Ашвапати, была столь красива, что никто не дерзал взять ее в жены. Отец, отчаявшись выдать дочь замуж, отправил ее разыскивать себе жениха. Проезжая через отшельническую обитель, она встретила царевича Сатьявана, лишённого трона, и полюбила его, хотя и узнала, что он обречен на скорую смерть. Когда Сатьяван умер и душу его забрал бог смерти Яма, Савитри последовала за супругом. Потрясенный ее преданностью, Яма разрешил Сатьявану вернуться в мир живых. Савитри — идеал женской преданности и красоты.

Но савитри также и название одного из суков «Ригведы», считающегося самым священным во всей ведической литературе. Сомадева обыгрывает оба значения этого слова — супруг, отвечая на вопрос супруги, говорит, что он размышляет о сукте «Ригведы», но ревнивица воспринимает название гимна как имя женщины.

сала — род фиговой пальмы.

салабханджика — букв. «разламывающая дерево», название жанра скульптурных изображений женщин на колоннах.

санкхья — одна из классических философских систем древней Индии.

с а м а д х и — сосредоточение мысли, результатом которого должно стать полное отождествление адепта с божеством.

С а м г р а м а к а л а — бог битвы; у Сомადеви иногда появляются божества, не входящие в официальный пантеон, а выступающие по преимуществу как собственно художественные образы.

С а р а с в а т и — богиня речи; иногда она представляется в легендах как супруга Брахмы, иногда — как его дочь. Она — покровительница всякой учености вообще, а также музыки и поэзии.

С а т а в а х а н а — имя основателя династии Лохара, царя Нараваханы, правившего в царстве Дарвабхисара, лежавшем к северу от Кашмирской долины. Правление этой династии установилось в Кашмире в самом начале II тысячелетия, в 1003 г. Сатавахана также — наименование династии, правление которой началось в середине I столетия до н. э. на территории Андхры. При правлении некоторых царей из этой династии, в частности Сатаваханы Халы, местный язык, как полагают, вытеснил санскрит из употребления в качестве официального языка администрации.

С а т ь я б х а м а — имя второй жены Кришны.

С а ш и в а — небо, где главенствует Шива; рай.

с и д д х а — человек, достигший сиддхи.

с и д д х и — совокупность волшебных способностей, в том числе превращения одних вещей в другие, передвижения силой мысли в пространстве и т. п.

с и н д х и — этноним, название народа, населяющего ныне провинцию Синд в Пакистане по нижнему течению реки Инд и некоторые территории Республики Индии в штатах Гуджарат и Раджастан.

С к а н д а — бог войны, сын Шивы и Парвати; его ваханой является павлин.

С м е р т н ы й Ч а с — один из эпитетов бога смерти Ямы, которого иногда изображают с петлей-удавкой вместо руки.

с о м а — священный напиток, воспеваемый во многих гимнах «Ригведы».

с т у п а — буддийское культовое сооружение, служащее реликварием и объектом поклонения, имеет обычно пирамидальную или полусферическую форму.

С у б а н д х у — имя знаменитого романиста древней Индии, жившего не позднее VI в. н. э. В «Океане сказаний» — имя вымышленного персонажа. Сомадева иногда, видимо не без умысла, дает своим персонажам имена реально существовавших исторических личностей, в том числе поэтов, писателей и ученых.

С у г а т а — букв. «благопришедший», эпитет Будды.

С у г р и в а — царь обезьян, чье войско помогло Раме переправиться на Ланку (Цейлон) и освободить Ситу, похищенную Раваной.

С у д а р ш а н а — волшебное оружие Вишну, род метательного кольца с острым ребром и четным количеством шипов на его внешней стороне. Столкование его с Пашупатой, неотразимым оружием Шивы, грозит гибелью всему живому.

С у н д и У п а с у н д — братья, сыновья асуры Никумбхи, горячо любившие друг друга. Они обладали необычайной силой и могли по желанию принимать любой облик. Никто не мог их убить, только брат мог убить брата. Ради спасения богов божественный мастер Вишвакарман создал по воле Брахмы совершеннейшую красавицу Тилоттаму. Оба брата воспылали к ней страстью, между ними разгорелась ссора, во время которой они пустили в ход пальцы и убили друг друга.

С у р а б х и — божественная корова, исполнительница желаний.

с у т р а — изречение, поучение; также название жанра философской и научной литературы.

т а д ж и к и — у Сомадевы этот народ упомянут впервые в индийской литературе.

т а н д а в а — название космической пляски Шивы; вообще название всякого танца, выражающего ярость или гнев; имеются несколько разновид-

постей этого тапца, с каждой из которых связаны самостоятельные легенды. По одной из них, например, когда Шива исполнял ритуальную пляску по умершей своей жене Сати, капли его пота падали на землю и обращались в прораставшие зерна риса.

та р к ш ь я — селитра.

ти л а к — знак круглой или предусмотренной правилами секты формы, наносимый на лбу мелом, смешанным с красителем и сандаловым маслом.

ти р т х а — собств. «дорога, путь, переправа»; место священных купаний, паломничества.

три в а ли — три складки на животе над областью желудка, один из неперемываемых атрибутов женской красоты в классической индийской литературе.

ту р у ш ки — термин, обозначающий народности и племена тюркского происхождения.

У п а м а н ь ю — один из ведических мудрецов. Согласно легенде, однажды в детстве он попросил у матери молока. Дома молока не было, и мать смогла дать ему лишь воду, забеленную мукой. На вопрос, почему у них нет молока, она сказала, что это оттого, что в прежнем рождении он не поклонялся Шиве. Расспросив о том, как это нужно делать, Упаманью начал совершать во славу Шивы различные аскетические подвиги. Шива, обрадованный молениями Упаманью, дал ему в награду целый океан молока.

У ш а — дочь царя асуров Баны, полюбившая Анируддху вопреки воле отца. См. **Ба н а**.

х а т а ки — древний этноним; в индийской мифологии — народ, населяющий один из подземных миров, Виталу.

Х и м а л а й (Химават) — персонафикация великого горного хребта Гималаи; отец Парвати, супруги Шивы.

Х и р а н ь я к ш а — букв. «золотоглазый», один из могучих царей дайтев, потомков прародительницы Дити, непреклонный враг богов, собиравшийся завоевать небеса и занять трон Индры. Он был столь могуч, что скрыл землю в глубинах океана и готовился уже штурмовать небеса, когда боги взмолились к Вишну о спасении. Тогда Вишну принял облик вепря, нырнул в глубь океанских вод и боролся с Хираньякшей тысячу лет, пока не сразил его. После этого он, торжествуя, поднял на своих клыках землю из глубин океана.

ч а к о р а — род куропатки; по поверьям индийцев, у чакоры при виде отравленной пищи мутнеют глаза. Единственная ее пища, в которую не может быть подмешан яд, — лунные лучи, представляющие собой потоки амриты.

ч а к р а в а к а — род утки; по индийским поверьям, самцы и самки чакраваки не могут оставаться на ночь вместе, когда раскрываются синие лотосы. Обреченные на разлуку, они перед наступлением ночи издают жалобные крики.

Ч а н а к ь я — брахман, знаменитый министр царя Чандрагупты Маурья, способствовавший низвержению династии Нандов (IV в. до н. э.). Чанакье приписывается авторство замечательного древнеиндийского политико-экономического трактата «Артхашастра», а также многочисленных афористических строф.

Ч а н д и к а — букв. «яростная», ипостась Парвати, супруги Шивы. Восходит к древнейшему культу богини-матери. Поклонение ей связано с кровавыми жертвоприношениями, характерными вообще для всего культа Шивы. Об их реальности свидетельствуют не только многочисленные на юге Индии скульптурные произведения портретно-мемориального характера, так называемые «хиростоунс», воспроизводящие акт ритуального самоубийства, но и ряд современных инцидентов. Среди них — трагедия, случившаяся в 1967 г. в Джамшедпуре. В этом промышленном городе двое братьев-рабочих в надежде, что Шива избавит их от безнадежной задолженности ростовщику, решили отсечь себе головы. Младший из братьев погиб, старший выжил, но был осужден по обвинению в убийстве.

ч а р п а й — род кровати или лежанки, состоящей из рамы, укрепленной на четырех ножках и перетянутой веревками, на которые кладутся циновки или матрас.

ч а т а к а — воробей. По народному поверью, может утолять жажду только дождевыми каплями.

ч а т у р д а ш и — букв. «четырнадцатый день»; лунный месяц индийского календаря делится на две равные половины — пакши, состоящие каждая из пятнадцати дней. Пятнадцать дней, следующие за полнолунием, называются «кришнапакша», т. е. «черная половина», пятнадцать дней, предшествующие полнолуннию, называются «шуклапакша», т. е. «светлая половина». Четырнадцатый день «светлой половины» считается особо благоприятным для всяких благочестивых деяний, «черной половины» — для колдовства.

Ч и т р а г у п т а — писарь у бога смерти Ямы, он записывает добрые и дурные дела каждой души. Здесь — собирательный образ каястхи; во времена Сомадевы в Кашмире каястха — типичный представитель бюрократической прослойки, мишень сатирических нападок кашмирских поэтов. В сатирической поэме Кшемендры (XI в.) «Венок шуток» содержится пародийная генеалогия каястхи, согласно которой он некогда вел дела у асуров. После их поражения он долго занимался подвижничеством, пока злой дух Кали не пожаловал ему калам (тростниковое перо) и не отправил на землю, сказав при этом, что с помощью такого оружия он станет на земле грозой не только для всего сущего, но и для самих богов.

Ч и т р а н г а д а — имя супруги Арджуны, одного из героев «Махабхараты».

ш а б а р ы — древний этноним; у Сомадевы употребляется наравне с «бхилами», «матангами» и т. п.

Ш а к у н т а л а — дочь мудреца Вишвамитры и апсары Менаки, героиня ряда легенд и сказаний, на которые опирался Калидаса, создавая свою драму «Узнание Шакунталы».

ш а с а н а — указ, распоряжение, постановление, жалованная грамота.

ш а с т р ы — научные сочинения, особенно — священные книги.

Ш в е т а — древний мудрец.

Ш и Ё б и — вождь племени ушинара, расселявшегося близ Гандхары, а позднее переселившегося в Пенджаб: герой благочестивой легенды, встречающейся в ряде памятников древнеиндийской литературы.

Ш и в а — одно из трех главных божеств индуизма, олицетворение сил разрушения и творения. Восходит к ведийскому богу грозы. Его супруга — Парвати, дочь Хималая, его сыновья — Ганеша и Сканда. Вахана Шивы — бык Нандин. Непременные атрибуты — барабанчик, лук, трезубец, полумесяц, порождающие соответствующие эпитеты. Имена-эпитеты Шивы порождены многочисленными легендами, как, например, Синегорлый — при пахтанье океана богами и асурами, прежде чем отдать сокровища, океан изверг смертельный для всего сущего яд халахала, и Шива выпил весь этот яд, отчего его горло посинело; Враг Андхаки — см. **А н д х а к а**; Сокрушитель Трипуры — см. **М а й** и т. д. Кроме того, эпитеты могут характеризовать тот или иной аспект бога или его ипостась; таковы Шамбху (Могучий), Бхава (Сущий), Стхану (Опора). Другие эпитеты — Ишвара (Бог), Парамешвара (Верховный бог), Трипурадаха (Сокрушитель трех городов), Бхайрава (Ужасный), Хара (Схватывающий), Шарва (Сражающий стрелой), Шанкара (Податель богатств), Шулапана (Держащий трезубец), Трилочана (Трехглазый). Количество имен-эпитетов не фиксировано; в одних памятниках их 108, в других — 1008, а практически их число не ограничено; в культовой практике произнесение 108 или 1008 имен Шивы представляет собой особый жанр гимнологической поэзии.

ш р а м а п а — странствующий монах, как правило буддийский, реже — джайнский.

Ш р и — эпитет богини счастья Лакшми.

Ш у к р а — наставник асуров; персонафикация планеты Венеры.

юги — космические эпохи, на которые делится период существования вселенной между пралай, мировыми катаклизмами. Юг четыре: критаяга, равная 1728 тысячам человеческих лет, в которую люди жили праведно и справедливо, не зная зависти, вражды, ненависти, жестокости и т. п., принадлежали к брахманской варне. В следующей, трета-юге, длящейся 1296 тысяч человеческих лет, начинается упадок общества. Основной добродетелью становится знание, за всякое деяние люди ожидают награды. В продолжающейся 864 тысячи лет двапара-юге упадок достигает еще большей силы. Главной добродетелью становится жертвоприношение. Праведность крайне редка, появляются болезни, нищета, образуются многочисленные касты. Наконец упадок становится всеобщим, и наступает кали-юга, продолжающаяся 432 тысячи лет.

Ю д х и ш т х и р а — один из героев «Махабхараты», старший среди пандавов.

Я д ж н я в а л к ъ я — он считается автором юридического трактата, ему приписываются «Шатапатха-брахмана», «Брихадараньяка-упанишада» и некоторые другие сочинения. В преданиях, сложившихся вокруг его имени, он выглядит антибрахмански настроенным мыслителем.

я к ш и — дети прародителя Кашьяпы и его жены Кхасы, лешие, живущие в лесах и горах, спутники бога богатства Куберы, хранители кладов и сокровищ. Изображаются в облике карликов с вывернутыми ступнями и выпученными глазами, смотрящими в разные стороны.

Я м а — бог смерти, сын мудреца Вивасвана. Его дворец называется Каличи. Вахана Ямы — черный буйвол. Атрибуты Ямы — петля-удавка, жезл закона, трезубец; эпитеты — Дхармараджа (Царь справедливости), Дандадхара (Держащий жезл закона), Пашахаста (Тот, у которого в руке [или вместо руки] петля).

СОДЕРЖАНИЕ

Читателю — переводчик	5
КНИГА О РОЖДЕНИИ «ВЕЛИКОГО СКАЗА»	
Волна первая	6
Рассказ о гневе Парвати	7
Волна вторая	10
Почему Шива любит кладбища и черепа?	10
Рассказ Катьяяны о себе	11
История Варши и Упаварши	12
Волна третья	14
История о Патали и Путраке и о том, как возник славный го- род Паталипутра	14
О царе Брахмадатте и золотых гусях	15
О глупых сыновьях асуры Мая и об оставленном им наследстве	16
Волна четвертая	18
О любви Вараручи и Упакоши	18
О воцарении лже-Нанды и о верном министре Шакатале	21
Волна пятая	23
Об избавлении Шакаталы из заточения	24
Почему расхохоталась мертвая рыба?	24
О многоумном министре Шивавармане	26
О том, как сын лже-Нанды предал друга	27
О том, как брахман Чанакья извел лже-Нанду	28
Волна шестая	30
О том, как был рожден Гунадхья	30
Рассказ купца Мушаки о том, как он разбогател	31
О том, как брахман учился мирской хитрости	32
О царе Сатавахане	34
О том, как важно знать грамматику и сколько времени нужно, чтобы ей обучиться	35
Волна седьмая	37
О жизни Гунадхьи в лесу	38
История Пушпаданты	39
Рассказ о царе Шиби, накормившем сокола своим мясом	41
Волна восьмая	42
О том, как Гунадхья записал «Великий сказ», содержащий историю жизни и походов Нараваханадатты	43
КНИГА О ЧЕТЫРЕХ ДЕВУШКАХ	
Волна двадцать четвертая	47
О царевне Канакарекхе, не желавшей идти замуж	48

О плутах Шиве и Мадхаве, обманувших жреца	50
Об оклеветанном подвижнике Харасвамине	56
Волна двадцать пятая	57
Как брахманский сын Шактидева искал таинственный город Канакапури	57
Повесть об Ашокадатте, брахманском сыне, и о его брате Вид- жаядатте, ставшем повелителем ракшасов Капаласпхотой . . .	60
Волна двадцать шестая	69
О том, как Шактидева наконец добрался до таинственного го- рода Канакапури и о последовавших за этим его приключе- ниях и странствиях	69
Как Шактидева женился на Канакарекхе и ее сестрах	80

КНИГА О МАДАНАМАНЧУКЕ

Волна двадцать седьмая	82
Волна двадцать восьмая	84
Волна двадцать девятая	86
Об искусном и славном асуре Мае	86
Волна тридцатая	89
О том, почему отцу Нараваханадатты было дано имя Удааны .	91
Волна тридцать первая	93
Волна тридцать вторая	96
Волна тридцать третья	98
Волна тридцать четвертая	104
О распутной жене	110

КНИГА О РАТНАПРАВХЕ

Волна тридцать пятая	115
Рассказ Ратнаправхи о себе	116
О Саттвашиле, не имевшем сына, но находившем клады . . .	117
О царе Викрамагунге, решительном в добродетели	118
Волна тридцать шестая	123
Волна тридцать седьмая	124
О похождениях купеческого сына Нишчаядатты	124
Как Сомасвамиин был обращен в обезьяну	127
О двух брахманках, бывших колдуньями	129
Волна тридцать восьмая	133
Волна тридцать девятая	134
О Шрингабхудже и его девяносто девяти злых братьях . . .	134
Волна сороковая	144
Волна сорок первая	145
О том, как мудрый Нагарджуна пытался избавить людей от смерти	: : 145
Волна сорок вторая	147
Волна сорок третья	148
Об искусных плотниках Пранадхаре и Раджьядхаре	148

КНИГА О СУРЬЯПРАВХЕ

Волна сорок четвертая	153
Сказание о Сурьяпрабхе	154
Волна сорок пятая	162
О брахмане Кала, одолевшем Время	165
Волна сорок шестая	180
О щедром Намучи	189
Волна сорок седьмая	190
Волна сорок девятая	201
Волна пятидесятая	202

КНИГА ОБ АЛАНКАРАВАТИ

Волна пятьдесят первая	211
Волна пятьдесят вторая	212
Волна пятьдесят третья	213
Волна пятьдесят четвертая	213
Волна пятьдесят пятая	214
Волна пятьдесят шестая	215
О брахмане Чандрасвами, его сыне Махипале и дочери Чан- дравати	215
О купеческих сыновьях Чакре и Кхадге	221
О заносчивом мудреце, о верной жене и о скромном мяснике	222
О коварном подвижнике	224
О Нале и Дамаянти	225

КНИГА О ШАКТИЯШЕ

Волна пятьдесят седьмая	227
О купеческом сыне Ишваравармане, жадной красавице и обезь- яне, которую звали Ала	228
Волна пятьдесят восьмая	233
Волна пятьдесят девятая	234
Волна шестьдесят пятая	237
Волна шестьдесят шестая	237
О страннике и праведнике, о якше и его жене, о царе Син- хакше и о том, как странник из Кашмира одолел в споре мудре- цов из Паталипутры	237
О жене, из-за которой погибло одиннадцать мужей	241
О трусливом бедняке	242
Про плута, выдававшего себя за министра	242

КНИГА О ШАПАНКАВАТИ

Волна шестьдесят восьмая	245
О шакалихе, обращенной в слониху	246
О красавце Вамадатте и его жене, злой колдунье Шашипрабхе	247
Волна шестьдесят девятая	249
Повесть о царевиче Мриганкадатте и о его верных друзьях . .	249
Как министр Мантрагупта извел слона и тем помог царю Бхад-	

рабаху добыть красавицу Анапгалилу	251
О влюбленных, претерпевших превращение в пчел	252
О купце Дхармасене и его жене Видьютлекке, обратившихся в гусей	254
О целомудренной Лаваньяманджари, ставшей в другом рождении гетерой	256
Волна семьдесятая	257
История брахмана Шрутадхи, рассказанная им самим	259
О чуде жизни или о круге земного бытия, сансаре	261
Волна семьдесят первая	264
О Хансавали и Камалакаре	266
Волна семьдесят вторая	269
О том, как Винитамати победил в споре царевну Удаявати и взял ее в жены	270
История о мудром и добродетельном вепре и его друге обезьяне	275
О брахмане, его жене, стиральщике, осле и о нелепом приговоре	279
О царевиче, обращенном в пожелайдереву	279
О попугае Чарумати, страстно любившем свою супругу	280
О мудреце, избавившем разбойников от казни	281
Об упорном Маладхаре	282
О наваждении любви	283
О разбойнике Синхавикраме, сумевшем провести самого бога смерти	284
Волна семьдесят третья	288
О нищем брахмане Павитрадхаре и его жене якшини Саудамини	290
Волна семьдесят четвертая	292
О распре царевича Бхимабхаты и царевича Самарабхаты	293
Волна сотая	308
Волна сто первая	311
Волна сто вторая	315
Волна сто третья	322

КНИГА О МАДИРАВАТИ

Волна сто четвертая	334
-------------------------------	-----

КНИГА О ПЯТИ КРАСАВИЦАХ

Волна сто пятая	337
Волна сто шестая	341
О мальчике, не дождавшемся пирожка	345
Волна сто седьмая	350
Волна сто восьмая	356

КНИГА О ВЕЛИКОМ ПОМАЗАНИИ

Волна сто девятая	366
О подлинной истории пещеры Триширши	369
Волна сто десятая	373

КНИГА О ПАДМАВАТИ

Волна сто четырнадцатая	382
Еще одна история о царе Брахмадатте и золотых лебедях	383
Как Парвати обрела пятерых своих слуг быть рожденными на земле	385
Превращения Пингешвары и Гухешвары	386
Волна сто пятнадцатая	390
Как асуры нанесли поражение богам	390

Волна сто шестнадцатая	397
История любви царевича Муктапхалакету и царевны Падмавати	398
Волна сто семнадцатая	402
Волна сто восемнадцатая	411

КНИГА О ВИПАМАШИЛЕ

Волна сто двадцатая	432
Сказание о царе Викрамадितье	433
Приключения Анангадевы	436
Волна сто двадцать первая	439
Повесть об игроке Дакинее, перехитрившем ветаду Агнишикху	440
Рассказ о смелом игроке Тхинтхакарале, обманувшем самого	
Индру и восторжествовавшем над его волей	442
Как игрок Куттиникапата обманул бога смерти Яму	447
Об асурах Гханте и Нигханте и двух небесных красавицах	449
О золотом олененке	449
Волна сто двадцать вторая	451
О Малайавати, царевне ненавидевшей мужчип	452
Волна сто двадцать третья	456
О волшебной мази, помогающей летать	457
О царе бхилов Экакикесарине и благородной обезьяне	458
О Кесате и Кандарпе	463
Волна сто двадцать четвертая	471
О том, как Чандрасвамин вернул себе жену после ее смерти	472
О Девасвамине, у которого от страха перед женой-колдуньей	
волосы стояли дыбом	476
Злые приметы — не добрые	476
Рассказ о том, как дочь Муладевы перехитрила своего отца	477
Похвала «Океану сказаний»	483
Об «Океане сказаний» и его авторе. <i>Н. Д. Серебряков</i>	485
Примечания	503
Глоссарий	506

Сомадева

- С61** Океан сказаний. Избранные повести и рассказы. Перевод с санскр., послесловие, примечания и глоссарий И. Д. Серебрякова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 526 с.

Девятьсот лет назад кашмирский поэт Сомадева закончил работу над своим «Океаном сказаний». В этом громадном произведении объединены все важнейшие жанры древнеиндийской повествовательной литературы и фольклора.

Издание имеет целью на основе специально отобранных для него повестей и рассказов дать читателю представление об «Океане сказаний» в целом. Некоторые книги «Океана сказаний» публикуются на русском языке впервые. Вместо опущенных частей даны их краткие изложения.

Сомадева

ОКЕАН СКАЗАНИЙ

Избранные повести и рассказы

Редактор *Л. Ш. Розанский*
Младший редактор *Г. А. Бурова*
Художник *А. Т. Яковлев*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректоры *Р. Ш. Чемерис* и *П. С. Шин*

ИБ № 14294

Сдано в набор 17.06.81. Подписано к печати 23.03.82. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. п. л. 33,0. Усл. кр.-отт. 33,5. Уч.-изд. л. 38,63. Тираж 39 000 экз. Изд. № 4833. Зак. № 1334. Цена 3 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16

Смидеба. Гран, сказаний